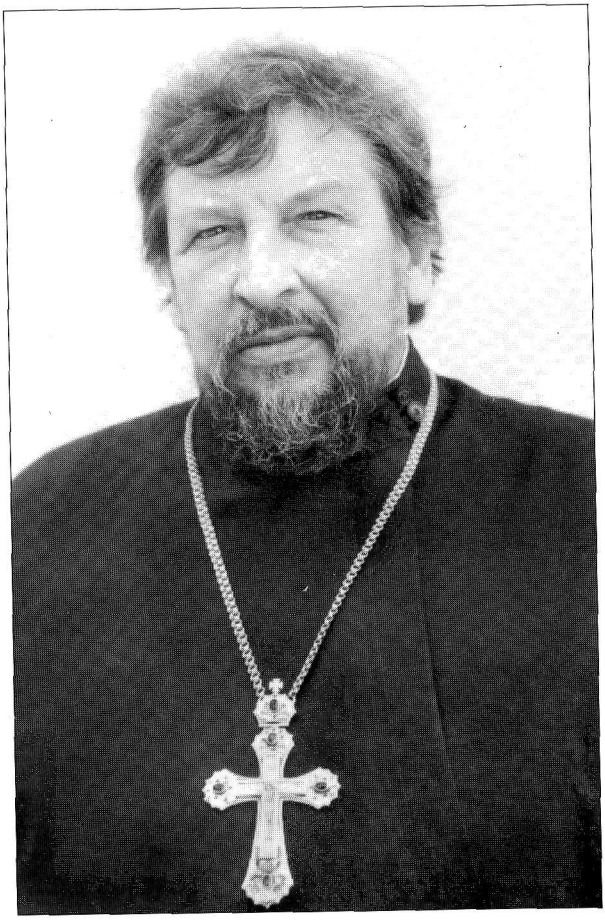
Протоиерей
Владимир Рожков

ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Издательство Крутицкого подворья
Общество любителей церковной истории
Москва
2004



Протоиерей
Владимир Рожков

ISSN 1728-0168

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 23

(серия основана в 1991 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА:

кандидат искусствоведения, доцент, протоиерей Валентин ЧАПЛИН
(Общество любителей церковной истории, Москва)

профессор Дмитрий Владимирович ПОСПЕЛОВСКИЙ
(Университет Западного Онтарио, Канада)

профессор Вильям ван дер БЕРКЕН
(Теологический факультет Утрехтского Университета, Голландия)

профессор Эрих БРИНЕР
(Институт «Вера во втором мире», Швейцария)

кандидат исторических наук Александр Юрьевич ПОЛУНОВ
(Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова)

кандидат исторических наук, диакон Илья СОЛОВЬЕВ
(Крутицкое патриаршее подворье, Москва)

Валентин Арсеньевич НИКИТИН
(Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата)

профессор Гюнтер ШУЛЬЦ
(Евангелический Богословский факультет Мюнстерского Университета, Германия)

доктор исторических наук, профессор Сергей Львович ФИРСОВ
(Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург)

кандидат богословия игумен Иннокентий (ПАВЛОВ)
(Российское Библейское общество, Москва)

кандидат исторических наук Модест Алексеевич КОЛЕРОВ

протоиерей Сергий ИЛЬИН

Наталия Александровна КРИВОШЕЕВА
(Православный Свято-Тихоновский Богословский институт)

© Киржакова (урожд. Рожкова) Ольга Владимировна — текст
© Кривошеева Наталия Александровна — приложения, указатель имен
© Общество любителей церковной истории — оригинал-макет и оформление

ISBN 5-94688-018-7

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Государственная Дума, существовавшая в царской России в 1906—1917 годах, являлась законосовещательным представительным учреждением, созданным, как известно, манифестом 17 октября 1905 года. Дума рассматривала законопроекты, которые затем обсуждались в Государственном Совете и утверждались императором.

Важное место в работе Думы уделялось рассмотрению вопросов, связанных с жизнедеятельностью Православной Российской Церкви. Кроме того, среди членов Думы были лица духовного звания, в том числе и епископы, имевшие возможность высказать свою точку зрения по тем или иным общественным и политическим вопросам государственной жизни. Вот почему рассмотрение темы «Церковь и Государственная Дума» интересно как с точки зрения общей (гражданской), так и церковной истории. Минувший XX век породил большую литературу по истории государственных учреждений Российской Империи. Не обойдена была вниманием и работа Государственной Думы. Однако, в силу известных обстоятельств, отечественная историография не может похвалиться исследованиями, освещающими эту важную для понимания исторических реалий предреволюционной России тему. Также обстоит дело с научной разработкой этого вопроса в зарубежной историографии. Единственным исключением является диссертация протоиерея Владимира Степановича Рожкова, ныне впервые издающаяся в России [1].

Владимир Рожков родился 6 января 1934 года в Москве. В 1952 году, в восемнадцатилетнем возрасте он поступил в Московскую духовную семинарию, а после ее окончания в 1956 году — в Московскую духовную академию. Последний курс он окончил в Петербурге (тогда Ленинграде) в 1960 году со степенью кандидата богословия.

После вступления Владимира в брак в 1961 году состоялась его диаконская, а в 1962 году — священническая хиротония. До 1967 года он служил на различных приходах Московской епархии, исполняя, вместе с тем, обязанности сотрудника Отдела Внешних церковных сношений и преподавателя Московских духовных школ. В 1967 году о. Владимир был переведен на служение в г. Москву и в следующем году направлен на учебу в Понтификальный Восточный институт в Риме, где обучался до 1970 года.

---

[1] В последние годы эта тема затронута в работах некоторых современных ученых. См., например, *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995; *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х —1918 гг.). М., 2002; *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700—1917. М., 2003.

Здесь, в институте, он начал работу над книгой «Церковные вопросы в Государственной Думе», которую представил для защиты в качестве диссертации в 1975 году. За это сочинение протоиерей Владимир Рожков был удостоен степени доктора канонического права, и в том же 1975 году Понтификальный Восточный институт выпустил эту работу отдельным изданием. Ныне эта книга стала библиографической редкостью.

После возвращения на Родину о. Владимир служил настоятелем на различных приходах города Москвы, продолжая преподавать в столичных духовных школах, являясь доцентом Московской духовной академии по кафедре западных исповеданий. Плодом научных трудов о. Владимира на этой кафедре явилась книга «Очерки по истории Римско-Католической Церкви», изданная в Москве в 1994 году.

Последним местом служения о. Владимира (с 1984 по 1997 г.) был московский храм святителя Николая Чудотворца в Кузнечной слободе. Это служение пришлось на годы, когда Церковь наконец стала пользоваться внешней свободой. В этих условиях протоиерей Владимир прилагал усилия для возрождения традиционной приходской благотворительности. Во время исполнения настоятельских обязанностей в Николо-Кузнецком храме о. Владимир «отвоевал» у арендаторов бывшее церковное здание, в котором предполагал организовать богадельню. Многие прихожане храма запомнили благоговейное служение о. Владимира, обладавшего проповедническим даром, хорошим голосом и музыкальным слухом. Не случайно в те годы храм славился своим замечательным хором, среди прихожан было много представителей старой московской церковной интеллигенции.

Эту «официальную биографию» о. Владимира было бы уместно дополнить теплыми словами из воспоминаний его старшего современника — известного церковного историка Анатолия Левитина.

«Личность Владимира Рожкова... — пишет А. Э. Левитин, — небыкновенно типична для нового духовенства, родившегося при советской власти и воспитанного уже в советское время. Он родился на московской окраине, в крохотной каморке, в семье кондового пролетария, московского вагоновожатого. Он четвертый, самый младший. Кроме него два брата и сестра. И все в комнате, где вряд ли бы уместился настоящий концертный рояль. (...) Когда ему было семь лет, разразилась война. Отца тут же взяли на фронт, откуда он так и не вернулся. Во время войны Володя заболевает костным туберкулезом. Приходится поместить его в детскую больницу, где он долгое время лежит в лубке, а в ноябре, во время наступления немцев на Москву, его эвакуируют за Урал. Голод, ребенок не имеет около себя ни одного близкого человека. Но здоровый «мужицкий» организм одерживает верх над болезнью. Он начинает ходить. Дело идет к выздоровлению. А через два года двенадцатилетний парнишка бежит и как снег на голову является к матери (добрался до

Москвы зайцем). Мать в ужасе. Но ужас смешан с радостью. Младший и самый любимый сын, которого она уже не думала видеть в живых. Но надо содержать всех четверых. Она работает стрелочницей и чистильщицей трамвайных путей. Встает ежедневно в 3 часа ночи, в лютый мороз отправляется чистить пути, а возвращается домой к вечеру, падая от усталости. А надо накормить, помыть, обстирать всех четверых.

Однажды сказала: «Всю жизнь я мечтала об одном: выспаться, а теперь можно спать и не хочется».

С детства у Володи появляются две особенности: тяга к церкви и мелomания (страсть к пению). Он обладает великолепным голосом и, если бы пошел в консерваторию, как ему многие советовали, верно, был бы великолепным певцом. И религиозность пламенная, глубокая, я бы сказал, не совсем русская (хотя ничего более русского, чем Владимир Степанович Рожков, нельзя себе представить). Нерусское — это порывистость, страстность. Совершая литургию, он вдруг начнет плакать навзрыд, каяться. На похоронах Митрополита Николая [Ярушевича] он был единственным человеком, который плакал.

С Митрополитом Николаем он был близок с детства. Сначала был его посошником, потом иподиаконом. Окончил с блеском Духовную семинарию. Мечтал о монашестве, но, к счастью, своей мечты не осуществил. Темперамент у него уж больно не монашеский. Когда был студентом Академии, познакомился с одной девушкой. Кажется, итальянкой или англичанкой — религиозной туристкой. Вступает с ней в переписку. Ректор Академии в ужасе. В порядке перестраховки немедленно исключает его с третьего курса Академии.

И вот Володя не у дел. Как быть? Просит у Митрополита Николая принять его в садовники, и он будет в качестве садовника жить в его доме. Ответ в стиле иерарха-дипломата: «Почему в качестве садовника? В качестве брата, в качестве друга?» Помню, как Володя меня спросил: «Как вы думаете, что это значит?» — «Это значит, что он тебя не берет в садовники». Но Митрополит все-таки его устроил в «Журнал Московской Патриархии». В качестве иподиакона он мог продолжать учебу на заочном секторе Духовной Академии.

Познакомились мы с ним в кулуарах журнала. Но знакомство было шапочное. В 1960 году привел его ко мне Вадим [Шавров], который давно был с ним знаком. И началась наша дружба. Человек с живым умом, с хорошим, добрым сердцем, он запоем читал мои статьи, распространял их.

Вскоре он женился на дочери священника и был рукоположен в диакона. Затем 1962 год. Его вызывает тогдашний Управляющий делами Патриархии архиепископ Киприан [Зернов]. Беседа более многообещающая, чем приятная.

Вскоре он рукоположен в священника. Становится настоятелем большого подмосковного храма. На меня стал дуться. Как будто поссорились. Но разве могут долго сердиться друг на друга два человека с таким характером,

как мы с о. Владимиром? Встретились, и сразу стало ясно, что друзьями мы останемся навсегда, какие бы изменения в наших жизненных путях не происходили. Он вскоре стал крупным работником Отдела Внешних сношений Патриархии. Бывает за границей. Мой же путь известен. Однако по-прежнему друзья.

В частности, это единственный человек из младших по возрасту, с которым я на «ты». То есть я со свойственной мне бесцеремонностью и всем, без исключения (кто хоть на год моложе), говорю «ты», но здесь обоюдное «ты». Уже давно, когда я был в его храме, где он совершал литургию (...) он мне сказал: «Я хочу, чтобы ты сегодня причастился вместе со мной. Пусть это будет наше братское причащение».

Он действительно относился ко мне всегда по-братски. И в тяжелые минуты всегда меня выручал: и деньгами, и моральной поддержкой, и многим другим. Могут удивиться, почему я пишу о человеке, деятельность которого никак не связана с моей, но что бы мы все стали делать без таких людей, как Владимир Рожков?

В людях из народа, в людях с добрым сердцем, с горячей, хотя пусть и порывистой религиозностью, вся наша сила и вся наша надежда» [2].

К сказанному остается добавить, что о. Владимир Рожков многие годы (начиная с 1950-х годов) вел духовный дневник, ныне хранящийся в его семье. Протоиерей Владимир Рожков скончался в Лазареву Субботу 19 апреля 1997 года, не дожив всего два дня до 35-летнего юбилея своего пастырского служения. Он погребен в Москве на Головинском кладбище.

* * *

Настоящее издание книги «Церковные вопросы в Государственной Думе» печатается по изданию 1975 года. Редакционная коллегия позволила себе исправить некоторые опечатки и привести текст в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации.

Член редакционный коллегии серии «Материалы по истории Церкви», сотрудник Свято-Тихоновского богословского института Н. А. Кривошеева дополнила авторские приложения, составила подробный именной указатель, а также расширила библиографический указатель литературы с учетом изданий, не использованных автором. Все дополнения, внесенные в текст, оговариваются особо.

Диакон Илья Соловьев

---

[2] *Левитин-Краснов А. Э.* В поисках нового града. Воспоминания. Часть 3-я. Тель-Авив, 1980. С. 187—189.

ВВЕДЕНИЕ

Положение Государственной Думы, как представительного учреждения, определялось «Основными Государственными законами», утвержденными Николаем II 23 апреля 1906 года.

Государственная Дума, согласно этим законам, избиралась на пять лет, причем император сохранял за собой право досрочного роспуска Думы и назначения новых выборов. Государственная Дума пользовалась в делах законодательства равными правами с Государственным Советом, часть которого (не более половины) составляли члены, назначаемые императором. Права эти включали в себя возможность возбуждать вопросы о пересмотре или отмене действующих законов, за исключением Основных Законов.

Для принятия законопроекта необходимо было утверждение его обеими палатами, но лишь император утверждал его окончательно, превращая в действующий закон.

Государственной Думе и Государственному Совету усваивалось право запросов по деятельности подведомственных лиц, если в этой деятельности усматривалась какая-нибудь незаконность или злоупотребления, а также рассмотрение государственной росписи расходов.

Вся полнота власти управления сохранялась в руках самодержца, оставлено было за ним исключительное право поднимать вопрос о пересмотре Основных Законов перед Государственной Думой и Государственным Советом. Таким образом, права Государственной Думы были весьма значительны, т. к. без ее одобрения не мог быть принят никакой новый закон. Однако законодательная инициатива Думы была сильно ограничена запретом даже возбуждать вопросы о пересмотре Основных Законов и правом императора на роспуск Думы.

Первые две Думы, в которых преобладали конституционные демократы и представители крестьянства, просуществовали недолго. Надежды царя на симпатии к нему широкой крестьянской массы и ее представителей в Думе не оправдались — крестьяне рассматривали Думу как место, где можно «похлопотать насчет зем-

лицы» — и требовали решения этого вопроса безотлагательно и путем принудительного отчуждения земли у помещиков.

Революционных характер первых Дум вынудил правительство пойти на изменение избирательного закона. Новый избирательный закон привел в Думу, благодаря неравномерному представительству, большое количество октябристов и заметно усилил позиции правых и националистов. В таком составе Дума оказалась более работоспособной, хотя и не в состоянии была выразить основные интересы большинства крестьянского населения. Поэтому представители левых партий и национальных меньшинств, не имея реальной возможности провести желательные для себя законопроекты, часто использовали думскую трибуну в чисто пропагандистских целях, поскольку деятельность Думы была всегда в центре внимания широкой печати.

Как и во всякой парламентской деятельности, большое значение стала приобретать в Думе закулисная политическая обработка делегатов, разного рода сделки между партиями, предварительная договоренность между инициаторами законопроектов и правительством и т. д. Надежным тормозом на пути радикальных преобразований был консервативный Государственный Совет и, наконец, сам император, без утверждения которого не был действителен ни один закон. Государственная Дума, действовавшая в промежутке между двумя революциями, стала ареной открытого столкновения между различными духовными и политическими силами России. Взаимное отношение Церкви и Думы может рассматриваться в двух аспектах: во-первых, в аспекте участия представителей духовенства во всей думской деятельности и в том влиянии, которое оказывала Церковь на решение всех вопросов через православное сознание большинства членов Думы; во-вторых, в аспекте рассмотрения Думой специально церковных вопросов, связанных с положением Церкви в государстве.

Наше исследование посвящено второму аспекту, однако во введении уместно сказать несколько слов о первом. Привлечение декретом 17 октября 1905 года к общественной политической деятельности всех слоев общества, включая духовенство, было для самой Русской Церкви несколько неожиданным событием, заставшим ее неподготовленной ни в теоретическом, ни в практическом смысле.

История Церкви давала достаточно прецедентов, оправдывающих такое участие православного духовенства в политической деятельности. Так, еще в Византии, по императорским новеллам, начиная с V века, епископы сидели в числе «лучших людей» в городских советах, имели право судебного разбирательства для тех лиц, которые желали добровольно обратиться вместо суда гражданского к суду епископскому и т. п. На Руси духовенство принимало деятельное участие в Боярской и Царской Думах, а на Земском Соборе 1616 года играло ведущую роль.

Однако после реформ Петра I Церковь была оттеснена от активного участия в государственных делах, выполняя лишь задачу религиозно-нравственного воспитания народа. Важнейшая попытка вновь привлечь Церковь к более непосредственному участию в жизни русского общества была предпринята при Александре III — частичная передача в руки Церкви дела народного образования. Попытка эта встретила, однако, сильное сопротивление со стороны многих общественных элементов, и мы увидим, как это сопротивление выразилось в Государственной Думе при обсуждении вопроса о церковных школах.

Трудность решения вопроса о возможности и характере участия духовенства в первых двух Думах усугублялась тем, что по первому избирательному закону духовенство не было представлено в Думе как особая корпорация или сословие, как оно было представлено в Государственном Совете, но немногочисленные священники, прошедшие в первые две Думы, были представителями политических партий по цензу землевладельцев. Между тем, ни в глазах избирателей, ни в глазах общества, ни в глазах самой Думы духовенство не могло рассматриваться представителем сословия землевладельцев, ибо реальное положение и роль духовенства в народной жизни были связаны, конечно, не с его землевладением, а с его пастырской деятельностью. Священники в первых двух Думах, выражавшие революционные настроения крестьянства и крестьянских партий, никак не могли считаться выразителями корпоративных настроений духовенства, и их деятельность в Думе производила среди большинства духовенства обескураживающее и раздражающее впечатление. Вопрос о возможности и допустимости участия представителей клира в политической думской деятельности становился запутанным и спорным.

Избирательный закон 3 июня 1907 года, отменивший равномерное представительство, дал возможность духовенству в известной степени выделиться на выборах в особую корпорацию. Хотя по-прежнему духовенство шло по цензу землевладельцев, однако съездом землевладельцев было предоставлено право разделяться на отдельные курии по территориальному признаку, по национальности или по другим отличительным особенностям различных категорий избирателей. Во многих случаях духовенство и добивалось такого выделения в особую курию, то позволило провести в III Думу значительное число представителей духовенства, представлявших собой более или менее сплоченную группу, по крайней мере, при обсуждении церковных вопросов.

Обсуждение вопросов, связанных с Церковью и религией, в III и IV Думах вскрыло глубокое расхождение во взглядах на положение Церкви в государстве между духовенством и прогрессивно-либеральной общественностью России. Особенно болезненным ударом против единства Церкви и общественности оказался конфликт с октябристами в III Думе.

Если с социалистами, занимавшими атеистическую позицию, и конституционными демократами, как правило, протестантствующими, почти не было возможности соглашения, то с октябристами и крестьянскими представителями духовенство пыталось найти общий язык. Неудача этих попыток вызвана, с одной стороны, внутренней консервативной позицией церковной иерархии, чрезвычайно медленно шедшей по пути церковных преобразований, и, с другой стороны, сильным преобладанием экономических интересов над духовными в буржуазной и крестьянской партиях. Возможно, противоречия могли быть преодолены или сглажены, если бы не позиция императора, пытавшегося использовать влияние Церкви для торможения социальных реформ, и в то же время не доверявшего самой Церкви, опасаясь пробуждения в ней соборного и независимого духа.

Оказавшись, таким образом, под давлением двух сил, — самодержавия и либеральной общественности, представители Церкви в Государственной Думе тяготели к правым монархическим партиям, отказавшись от участия в прогрессивных преобразованиях и в значительной степени подорвав доверие к себе в крестьянской массе, жаждавшей аграрной реформы.

Церковное сознание не могло смириться с мыслью, что эпоха симфонии кончилась, тогда как либеральная общественность стремилась к осуществлению принципа отделения Церкви от государства, хотя и при сохранении духовно-нравственного авторитета Церкви.

Период между двумя революциями ознаменован, таким образом, внутренним распадом русской государственности, причем все три члена триединой формулы: Православие, самодержавие, народность — оказались в конфликте друг с другом.

Картина рассмотрения церковных и вероисповедных вопросов в Государственной Думе позволяет увидеть один из аспектов этого распада — глубокое расхождение между Церковью и общественностью, сумевшей получить политическую поддержку большинства населения Российской империи (правые партии большой популярностью не пользовались).

За каждым серьезным конфликтом в Государственной Думе явно или неявно ощущалось присутствие самодержца, добивавшегося осуществления собственных целей, однако вопрос о взаимоотношениях императора с Церковью и, тем более, с политической общественностью не входит в наше рассмотрение.

Мы стремились максимально приблизиться к объективному описанию событий, с тем, чтобы основные точки зрения были достаточно ясно представлены.

Учитывая специфику многонациональной России, ее традиции и историю, автор считает необходимым к каждому вопросу в Государственной Думе предлагать краткую историю вопроса, без которой нельзя понять внутреннего смысла того, что происходило и обсуждалось в Думе, особенно же если учесть, что исследуемые вопросы являются ушедшей русской действительностью и что эта диссертация будет достоянием иностранных читателей.

Автор считает, что преобладание исторического материала проистекает из основного первоисточника — стенографических отчетов Государственной Думы (главным образом — выступлений депутатов).

Работа Думы достаточно освещалась прессой, темы ее работ были предметом исследований юристов, историков, социологов и канонистов, было написано достаточно много воспоминаний участников Думы, но в целом тема предлагаемой диссертации касается лишь узкого круга вопросов о вероисповедании и Церкви.

Тема, несомненно, новая, ее не разрабатывали ни в России, ни за ее пределами.

Церковные вопросы в Думе не в одинаковой мере касались ее законодательной деятельности. Например, вопросы об «имябожничестве» и об епископе Гермогене были поставлены в качестве запросов, обращенных к Думе, как к выразительнице народного сознания.

«Историческое преобладание» в диссертации может быть пособием для дальнейшей разработки каждого церковного вопроса в отдельности.

Работа Думы будет служить своеобразным прецедентом в русской церковной истории для грядущих законодательных предположений.

Автор повергает себя высокому суду профессоров Понтификального Восточного института в Риме и выражает почтительную благодарность своему руководителю — профессору отцу Иоанну Жужеку.

ГЛАВА I

Вероисповедание и национальность

Официальным символом русской государственности с 30-х годов XIX столетия была триединая формула министра Уварова: «Православие, самодержавие и народность». Первое звено этой системы — Православная Церковь — было тесно связано с остальными, духовно скрепляя их единство. В свою очередь, два последующих звена, опираясь на Православие, были призваны всячески укреплять его, ограждая от вторжения чуждых ему религиозных начал.

По «основным законам» Российской империи самодержец был «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святого благочиния». В этом смысле император в акте о престолонаследии именовался «главой Церкви». Под «народностью» понималась внутренняя политика государства, предоставлявшая преимущества свободного развития и ассимиляции других национальных начал русскому населению империи, в подавляющем своем большинстве принадлежавшему к Православию. Понятия «русский» и «православный» в административном обиходе совпадали: татарин, поляк и еврей считались лишь русскими подданными магометанского, католического и иудейского вероисповедания, по официально установленной терминологии — «инородцами» или «иноверцами».

«Наш закон, — писал в 1900 году либеральный юрист проф. М. А. Рейснер, — устанавливает своеобразное расписание всех российских подданных по отдельным вероисповеданиям. Основанием для такого расписания является отнюдь не фактическое вероисповедание лица. У нас вера и исповедание ее далеко не однозначны с принадлежностью к тому или другому церковному обществу. Действительная вера — одно, а юридическая к ней принадлежность — другое... Воля самого лица при подобной приписке имеет в общем довольно мало значения. Лицо у нас по общему правилу не приписывается само, а его приписывают к определенной вере. Его личная воля в деле перехода из состава одного рели-

гиозного общества в другое может быть осуществлена только в указанных законом редких случаях и притом очень часто только с разрешения начальства. Этим и объясняется тот, на первый взгляд, удивительный факт, что среди стомиллионного населения России нет совершенно ни вовсе неверующих, ни принадлежавших к непризнанным в стране безвредным исповеданиям... За исключением немногих «вредных» сектантов, все население страны юридически причислено к признанным исповеданиями, а как оно действительно верит, что исповедует и вообще верит ли во что-нибудь — это другой вопрос... Относительно лиц, принадлежащих к господствующей религии, формула прямо дана законом: чтобы быть причисленным к Православию, надо быть или «рожденным в православной вере» или «обратившимся к ней из других вер»... Дети родителей, отступивших от Православия в другую веру до их рождения, все же являются «рожденными в Православии» и в силу этого, во-первых, наследуют веру, которой уже не имели их родители, а, во-вторых, причисляются к этому прежнему исповеданию» [1].

Вероисповедный состав Российской империи
(в цифрах)

По данным переписи 1897 года, вероисповедный состав [2] Российской империи (помимо Финляндии) был следующим:

Вероисповедание	Количество (тыс.)	%%
Православные и единоверцы	87,124	69,4
Староверы и уклоняющиеся от Православия	2,205	1,8
Армяно-григориане	1,179	0,9
Римо-католики	11,507	9,1
Лютеране	3,573	2,8
Прочие христиане	0,198	0,2

[1] *Рейснер М. А.* Мораль, право и религия по действующему закону // Вестник права. 1900. № 8. С. 9—10.

[2] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. I—II. 1905.

Вероисповедание	Количество (тыс.)	%%
Евреи	5,216	4,2
Магометане	13,907	11,1
Буддисты и ламаиты	0,434	0,3
Остальные нехристианские исповедания	0,298	0,2
Всего:	125,610	

Население Финляндии [1] (к концу 1904 г.) распределялось по вероисповеданиям так: лютеран — 2,803 тыс., православных — 49 тыс. и небольшое число баптистов, католиков и методистов.

Оценивая эти данные, следует учесть, что статистика русского сектантства и старообрядчества была делом весьма темным, особенно по отношению к так называемым «более вредным» сектам (жидовствующие, духоборы, хлысты, скопцы, штунда, раскольники-беспоповцы и др.), которые зачастую стремились выдавать себя за православных, чтобы избежать преследований. Вследствие этого все данные по их численности следует считать сильно заниженными.

Так, в отчете обер-прокурора Св. Синода за 1894—1895 гг. число раскольников-старообрядцев оценивается в 13 миллионов [2]. Это, по-видимому, несколько завышенная цифра (в их числе, согласно отчету, около ⅔ составляли приверженцы белокриницкой иерархии). По заграничным (также, вероятно, преувеличенным) сведениям, ссылающимся на секретные правительственные отчеты, одних штундистов в 1893 году было около 2 миллионов! [3] Во времена III Думы, в 1909 г., П. В. Каменский в докладе назвал для старообрядцев число 12 миллионов [4].

---

[1] Статистический ежегодник Финляндии. Гельсингфорс, 1903—1906.

[2] Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода за 1890—1895 гг. СПб., 1891—1898.

[3] *Мелиоранский Б.* Сектантство // Энциклопедический словарь / *Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.* СПб., 1890—1907.

[4] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 2. Ч. IV. С. 1048.

Более подробные сведения у Ю. Бунина «Распределение населения по вероисповеданиям» // Русская мысль. 1903. Кн. 7, отд. 2. С. 137—157 (по данным переписки 1887 г.), а также у А. М. Золотарева «Вероисповедный состав населения России» // *Русский вестник.* 1902. Т. 279. Май. С. 96—112.

Тесная связь религии с национальностью подтверждается цифровыми данными переписи: так, подавляющее большинство русских (95,5%) принадлежали к Православию (вместе с единоверчеством), староверов среди них считалось лишь 2,6%, католиков (из белорусов — 1,8%). Среди поляков католики составляли 98,3%. Прибалтийские народы имели в своем составе: католиков 61,1% (литовцы и жмудь), лютеран — 36,7% (латыши). Молдаване и румыны были в основном (98,2%) православными; среди немцев — 84,4% лютеран и 13,5% католиков; евреи — 98,8% иудейского вероисповедания; тюрко-татары — 89,5% мусульмане и 10,1% православных (чуваши, якуты); монголы — 75,3% буддистов (остальные — православные или шаманствующие); полярные народности Сибири в большинстве были крещены в Православие (64,4%), остальные сохранили шаманство (28,6%) и буддизм (6,9%).

Состояние законодательства об вероисповеданиях

Согласно законодательству Российской империи [1], все подданные христианских инославных исповеданий (за исключением некоторых запрещенных сект), а также нехристианских иноверных исповеданий пользовались свободой вероисповедания и отправления культа (с некоторыми ограничениями, например, в отношении религиозных процессий), но без права проповеди своего вероучения.

Такое признание в принципе свободы вероисповедания было выражено в ст. 45 «Основных законов», повторяющей положение, принятое еще в 1735 году в манифесте о свободном отправлении христианских инославных богослужений:

«Свобода веры присвояется не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разны-

[1] *Суворов Н.* Курс церковного права. Т. II. Ярославль, 1890. См. также: Церковные ведомости. 1899. № 26. С. 1041—1042; Церковные ведомости. 1899. № 27. С. 1088—1089. Этот вопрос излагаем по статье-обзору М. А. Рейснера «Мораль, право и религия по действующему закону» // Вестник права. 1900. № 4—5, 8 и статье Блосфельдта Г. «Положение иноверцев и раскольников, согласно своду законов» // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 3. С. 177—204.

ми языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укрепления силы Империи».

В организацию инославных и иноверных исповеданий русским законодательством было внесено много элементов государственной церковности.

Ведение метрических записей о рождении, браке и смерти предоставлялось духовенству всех инославных церквей и иноверных религиозных обществ (кроме ламаитов, о метриках которых в уставе иностранных исповеданий не упоминалось). Для всех христиан и нехристиан, кроме раскольников (староверов) и баптистов, была обязательна религиозная форма брака, причем все брачные дела считались подсудными духовным установлениям соответствующих исповеданий.

В инославных церквах была установлена духовная цензура для книг религиозного содержания, препятствовавшая возникновению и развитию в инославных церквах новых сект.

Относительно перехода из одного вероисповедания в другое законодательством было установлено очень много ограничений. Всем вообще христианам безусловно воспрещался переход в нехристианские исповедания, православным воспрещался выход из Православной Церкви. Переход из одного инославного исповедания в другое не запрещался безусловно, но и не предоставлялся свободному усмотрению; такой переход допускался не иначе как с разрешения министра внутренних дел, по просьбам, принесенным ему без всякого участия духовенства того исповедания, в которое проситель желал перейти, — и в этом прошении министр имел право по своему усмотрению отказать.

Переход нехристиан в инославные церкви допускался, по общему правилу, только с особого разрешения самого императора, испрашиваемого через министра иностранных дел. Исключение составляли только евреи, которые могли переходить в инославные церкви с разрешения министра внутренних дел, и все нехристиане Кавказского края, получавшие такие разрешения от главного начальника гражданской части. Не исповедовать никакого вероучения в Российской империи вообще не допускалось.

Всем христианам безусловно воспрещались браки с язычниками. С евреями и магометанами разрешалось вступать в брак из

христиан только лютеранам, но при этом с соблюдением следующих условий: 1) венчание только в лютеранской церкви; 2) крещение детей в лютеранском или православном исповеданиях; 3) разрешение местной лютеранской консистории; 4) отказ жениха нехристианина от многоженства.

Все католическое духовенство получало содержание из государственной казны. Во всех протестантских исповеданиях прихожане были обязаны делать взносы на содержание пасторов. Приходы армяно-григорианской церкви должны были давать своему приходскому духовенству постоянное содержание и, кроме того, по определенной таксе — вознаграждение за требы.

Еврейские раввины получали содержание от прихода, размер которого определялся договором раввина с приходом. В магометанских шиитских и суннитских приходах содержание приходского муллы считалось по закону обязательным для прихода, причем размер содержания определялся приходским сходом.

Все управление духовными делами инославных и иноверных вероисповеданий было сосредоточено в Министерстве внутренних дел, по «департаменту духовных дел иностранных исповеданий».

Важнейшим преимуществом, предоставленным Православной Церкви, было ее исключительное право миссионерства и привлечения к себе верующих других исповеданий. Переход же из Православия не только в иноверие, но и в христианские инославные исповедания преследовался законом. Отпавшие от Православия в инославное исповедание отсылались, на основании 188 статьи «Уложения о наказаниях», к духовному начальству для увещания, вразумления и применения к ним церковных наказаний. С гражданской стороны, отпавшим воспрещалось проживать в своих имениях, населенных православными, над самим имением назначалась опека, а для ограждения их малолетних детей от «совращения» принимались меры полицейского характера.

Даже и те, кто, зная о намерении жены, детей или других лиц, за которыми им предоставлено наблюдение и попечение, отступить от православного исповедания в иное христианское, не старались отклонить их от этого и не принимали мер, чтобы этому воспрепятствовать, подвергались аресту на срок до трех месяцев. Еще строже относился закон к лицам, виновным в «совращении» православного в иное христианское исповедание, подвергая его ссыл-

ке в Сибирь или сдаче в арестантские отделения на срок до полутора лет с лишением всех особенных прав и преимуществ [1] и грозя тому, кто будет в проповеди или сочинении увлекать православных в другие христианские исповедания, суровым уголовным наказанием [2].

Строгому исправительному наказанию подвергался также виновный в совращении христианина в нехристианскую веру посредством злоупотребления властью, принуждения, обольщения или обмана, а если совращение было учинено посредством насилия или наказуемой угрозы, — то каторге или ссылке на поселение [3].

Соответственно решался вопрос о смешанных браках православных с инославными: дети, родившиеся в таком браке, безусловно считались принадлежащими к православному исповеданию. Некоторое колебание в этом вопросе существовало лишь для смешанных браков в Прибалтийских губерниях. Там в шестидесятых годах выбор христианского вероисповедания был предоставлен соглашению родителей, освобожденных в это время от дачи подписки в том, что они обязуются крестить детей только в православную веру. Но в восьмидесятых годах эта льгота была отменена и подписки восстановлены.

Запрещение духовным лицам инославных исповеданий совершать таинства, обряды и конфирмацию для православных вызвало в 1880-е и 1890-е годы большое количество уголовных дел о пасторах Прибалтийского края, причем при возбуждении преследования допущение к конфирмации детей бывших протестантов из эстов и латышей, обращенных в конце 1840-х годов десятками тысяч человек в Православие, но затем от него фактически отпавших, рассматривалось как совращение и вызывало соответствующие приговоры низших инстанций суда.

Точно так же ряд уголовных преследований против формальных православных, против так называемых «упорствующих» в вере предков вызвало внешне бюрократическое воссоединение униатов с православными в нескольких уездах Седлецкой и Люблинской губерний. Причисленные в 1876 г. помимо своего желания в

---

[1] Уложение о наказаниях. Ст. 187.

[2] Там же. Ст. 189.

[3] Уголовное уложение. Ст. 82.

Православие, бывшие униаты за отказ вступать в брак по православному обряду и за вступление в так называемые «краковские» по католическому обряду, — согласно требованию местной консистории, были обязуемы подпиской о прекращении «купножительства» супругов с отобранием у них в некоторых случаях детей, а за некрещение детей по православному обряду подвергались денежным взысканиям, постепенно нараставшая сумма которых влекла за собой продажу имущества с публичного торга и полное разорение хозяйства.

Законодательство о старообрядчестве
(краткая история)

Особо важное значение для России имела история постепенного изменения позиции государства в отношении к старообрядческому расколу, которую мы приведем в общих чертах [1], чтобы стала более ясной историческая и психологическая подоплека той борьбы за свободу вероисповедания, которая развернулась в Государственной Думе.

Собор 1666—1667 гг., осудив патриарха Никона за личное властолюбие, не осудил его нововведений и возложил на тех, кто не хотел их принять, суровое отлучение, сравнивая их с Иудой и рекомендуя светской власти подвергать их «телесному озлоблению», которое совершалось огнем, утоплением и тем, что в летописях носит название «гладкой нужи» [2]. Люди, державшиеся старых обрядов, хотевшие креститься двумя, а не тремя перстами, служить обедню на семи, а не на пяти просфорах, читать и петь сугубую, а не трегубую аллилуию и т. д., были за то не только при жизни, но и до смерти своей отлучены от Церкви. «Железо, камни и древеса да разрушатся, — провозгласили отцы Собора, — а сии да не буду разрешены». Книга Симеона Полоцкого против раскольников, рассмотренная и напечатанная с одобрения Собора,

---

[1] Этот вопрос излагаем по статье *М. Красножен* «О неправославных христианах в России. К вопросу о свободе совести и веротерпимости в России» // Русский вестник. 1904. Январь. С. 79—120 (с историческим обзором).

[2] *Пругавин А. С.* Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 3. См. также: *Абрамов Я. В.* К вопросу о веротерпимости // Отечественные записки. 1882. № 4—5.

имела характерное название «Жезл правления, утверждения, наказания, казнения».

В постановлениях Собора с 1681 по 1685 гг., принятых в форме царских указов (закон 7 апреля 1685 г.), жестокие меры против старообрядцев были выражены следующим образом: «Упорных раскольников по троекратному у пытки допросу, буде не покорятся, жечь в срубе; если же покорятся святой Церкви, отсылать в монастырь под строгий надзор, а молодых и неженатых не выпускать из монастыря до конца жизни, а женатых по окончании испытания отпускать на поруки, если же окажется, что они снова предались расколу, казнить тою же смертью; тех, кто перекрещивал других, хотя бы он и покорился Церкви, казнить после исповеди и причастия смертью без всякого милосердия; тех же, которые перекрещивались, если раскаются, бить кнутом, а если останутся упорными, казнить смертию; обличенных же в укрывательстве у себя раскольников, в доставлении им пищи, пития, одеяния, бить кнутом и батогами и ссылать в дальние города; дворы их и поместья, вотчины, лавки и заводы отписывать на Великих Государей».

Известно, какой результат имели эти жестокие меры — распространение среди раскольников ожесточения и фанатизма, массовых самосожжений, учения о скором конце света.

Суровые меры против раскольников несколько смягчаются при Петре Великом, находившем, что «с противниками Церкви надо с кротостью и разумом поступать по апостолу, а не так, как ныне — жестокими словами отчуждения». Он смотрел на раскольников не с религиозной, а со светской точки зрения, требуя прежде всего исполнения ими обязанностей по отношению к государству и желая извлечь из раскола известную материальную помощь. Петр принял указы, требующие, чтобы раскольники записывались в особые списки, платили двойной оклад, носили особую одежду с так называемыми «желтыми козырями» (воротниками), с буквами «Е.Р.О.» (еретик, раскольник, отступник), причем избегавших записываться в списки наказывали ссылкой. Вместе с тем, раскольники не допускались до общественных должностей и до свидетельских показаний на суде, старообрядческие скиты и монастыри периодически подвергались разорению.

При Екатерине II (в 1783 г.) желтый козырь, двойной оклад и само название «раскольник» были отменены, списки уничтожены

и снято запрещение занимать должности и свидетельствовать в суде.

Такое положение, превращавшее старообрядцев из гонимых и истребляемых в угнетенных государством, продолжалось и при Александре I, выразившем свой взгляд на свободу веры следующими словами:

«Приличествует ли просвещенному христианскому правительству возвращать заблудших в недра Церкви жестокими и суровыми средствами, истязаниями, ссылками и т. п.? Учение Спасителя мира, пришедшего на землю взыскать и спасти погибшего, не может быть внушаемо насилиями и казнями. Истинная вера порождается благодатию Господнею, чрез убеждения, кротостию и более всего добрыми примерами, жестокость же не убеждает никогда, но паче ожесточает».

Эти взгляды нашли выражение в указе 11 апреля 1820 года, согласно которому принадлежность к старообрядчеству перестала подлежать какому-либо преследованию по закону, ограничиваясь лишь полицейским надзором.

Однако при Николае I, в силу законодательных мер и негласных распоряжений, развился ряд полицейских преследований и стеснений: так, было предписано закрыть и уничтожить все старообрядческие молельни, открытые за десять лет до 1826 года, и новых не допускать; затем было восстановлено во всех официальных документах название «раскольник». Старообрядческие общества не признавались законными, поэтому им ничего нельзя было завещать. Снова воспрещено было избирать старообрядцев на общественные должности, записывать в иконописные цехи и в купеческие гильдии; их брак не признавался, им запрещено было принимать сирот и подкидышей; детей их было предписано крестить в православной вере; воспрещено крестить по раскольничьему обряду иноверцев.

Определенное влияние на государственную политику этого времени по отношению к расколу оказали взгляды митрополита Московского Филарета, предложившего разделить секты на вреднейшие, куда он относил беспоповцев, не молившихся за царя и отрицавших брак; вредные, куда относились остальные беспоповцы, и менее вредные, куда были включены поповцы.

Общая направленность законов, явных и секретных распоряжений и циркуляров этого времени характеризуется стремлением

рассматривать раскол как зло, терпимое в самом ограниченном размере и подлежащее в будущем, в ближайших поколениях, совершенному искоренению.

Царствование Александра II до 1874 года также не было проникнуто началом терпимости по отношению к раскольникам, имевшие место отдельные частные льготы сменялись строгими полицейскими мерами. Так, в 1858 году было разрешено принимать в учебные заведения детей раскольников наряду с православными, в январе 1856 г. было разрешено отправлять богослужения в храмах Рогожского кладбища в Москве, но в июле 1856 г., по настоянию митрополита Филарета, алтари снова были запечатаны. В 1864 г. был образован особый комитет (под председательством гр. Панина) для пересмотра постановлений о расколе в сторону их смягчения и упорядочения.

19 апреля 1874 г. был издан закон, имевший особое значение в плане веротерпимости, о метрических записях раскольничьих браков, рождений и смерти, благодаря которому раскольники получили возможность совершать законные браки, признаваемые государством со всеми последствиями, вытекающими из этого для жен и детей. Однако практически этот закон применялся редко.

Положение старообрядцев в их отношении к Церкви и государству существенно отличалось от положения других инославных христианских исповеданий [1]. Так, в изданной в 1881 г. по распоряжению обер-прокурора брошюре Н. С. «О сущности и значении раскола в России» писалось:

«Русский раскол есть болезненное порождение самой Русской Церкви. Это есть домашний, внутренний, кровный враг ее, именно из вражды к ней получивший свое бытие... Этими своими коренными свойствами раскол существенно отличается от иностранных религий, существование которых дозволено в России и к которым так несправедливо желают иные приравнять его. Оградить законом полную свободу раскола во всех его религиозно-общественных отправлениях, значило бы узаконить и оградить законом во всех ее проявлениях

---

[1] *Пругавин А. С.* Раскол и бюрократия // Вестник Европы. 1909. Кн. 10. С. 650—678; *Блосфельдт Г.* Положение иноверцев и раскольников, согласно своду законов (по поводу Высочайшего указа 12 декабря 1904 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 3. С. 177—204.

злейшую вражду против Православия, стремление к ниспровержению или, по крайней мере, за невозможностью достигнуть этого, к причинению великого зла Православной Церкви».

Такого рода противодействия против законодательного охранения свободы вероисповедания приводили ко многим колебаниям и непоследовательности в этом вопросе.

3 мая 1883 г. был издан закон, действовавший вплоть до 1904 г., главнейшие постановления которого заключались в следующем: паспорта всем раскольникам, за исключением скопцов, выдаются на общем основании; им дозволяется, на общем основании, вести торговлю и заниматься промыслом; они допускаются в иконописные цехи, с разрешения министра внутренних дел; им разрешается занимать общественные должности, но с тем, чтобы при избрании раскольника, например, старшиной, — помощник его обязательно должен быть православный; раскольникам позволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы, совершать богослужение по их обрядам как в частных домах, так и в предназначенных для этого зданиях; с разрешения губернатора им дозволяется исправлять и возобновлять часовни с тем, чтобы наружный вид их не был изменен; распечатывание молитвенных зданий допускается с разрешения Министерства внутренних дел, по сношению с обер-прокурором Св. Синода и без всякой торжественности; где раскольников много, а молитвенных домов нет, допускается обращать для общественных молитв существующие здания, с тем, чтобы им не придавался вид православных храмов и не вешались колокола; наддверные кресты и иконы ставить не возбраняется; при погребении допускается нести впереди усопшего икону и петь на кладбищах, но без облачения; уставщики, наставники и т. п. лица не признаются лицами духовными, но им не возбраняется совершать требы; они преследуются только за распространение раскола; воспрещаются раскольникам крестные ходы, публичное ношение икон, употребление вне домов, часовен и других молитвенных домов церковных облачений, монашеской одежды, пение на улицах и площадях [1].

Несколько улучшив положение раскольников, закон 3 мая, однако, далеко не разрешил вопрос о расколе. «Нельзя сказать, —

[1] Устав предупреждения и пресечения преступлений. Т. Х.Ч. 1. Ст. 50—59, 90, 96 (цитировано по статье *Г. Блосфельдта*).

писал «Вестник Европы» [1], — чтобы на место одного принципа прямо и решительно был поставлен другой, противоположный. Полная нетерпимость заменена условною, ограниченною терпимостью, пределы которой не определены, размеры до крайности эластичны. Покровительство закона дано раскольникам не как право, а как милость, о которой они должны каждый раз просить, без всякой гарантии в том, что их ходатайство будет уважено».

Старообрядчество в первые годы XX столетия

Весь период до манифеста 12 декабря 1904 г. характерен разнообразными колебаниями в отношении большей или меньшей степени фактической реализации закона 1883 г. по отношению к старообрядцам [2].

Критикуя законодательные стеснения против раскольников, проф. М. А. Рейснер [3] писал: «Воззрение на религию, как на основу народности, было причиной и особенного отношения нашего права к русскому расколу и русским раскольникам. Раскол по своей христианской и нравственной ценности стоит, конечно, не ниже римского католичества, протестантства и прочих, с точки зрения Православия, еретических религий... и однако раскол не пользуется ни их привилегиями, ни правами. И если в общем гарантированная расколу терпимость ставит его наряду с религиями грубого язычества, то в частностях раскольники поставлены даже ниже язычников... Получается тяжелая и печальная картина: два исповедания приписывают себе характер истинной национальной религии русского народа; одно — сильное государственной поддержкой и богословской правотой, другое — сильное народной косностью и темнотой, но вместе и своим исторически доказанным народным русским характером... Эта борьба идет на национальной основе, а не религиозной; борьба, являющаяся естественным результатом смешения национальности и религии, борьба, которая,

---

[1] Вестник Европы. 1883. № 7, внутр. обозр.

[2] Этот вопрос излагаем по статье *Пругавина А. С.* Раскол и бюрократия // Вестник Европы. 1909. Кн. 10. С. 650—678; кн. 11. С. 162—183.

[3] *Рейснер М. А.* Мораль, право и религия по действующему закону // Вестник права. 1900. № 4—5. С. 45—46.

на наш взгляд, окончится только тогда, когда дело религии будет отделено от интересов определенной народности и станет тем, чем оно и должно быть, т. е. делом поклонения Богу в духе и истине, хотя бы и не всегда в истине одинаково полной и совершенной».

Конец XIX и начало XX столетия характерны значительным ростом раскольнического и сектантского движения. Стремительное увеличение численности секты штундистов привело к появлению указа от 4 июня 1894 г., объявляющего эту секту «вредной» и поставившего ее под удар широких полицейских репрессий.

Значительно усилилось также старообрядчество как по численности, так и по своему общественному влиянию. Большую активность проявляло старообрядческое купечество, среди которого было немало семей с миллионными состояниями, таких как Морозовы, Рябушинские, Четвериковы, Боткины, Гучковы, Бугровы и др., имевших большие связи в промышленных и финансовых кругах.

В феврале 1900 г. известный своей враждебностью к старообрядцам дядя и свояк Николая II великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, внес в комиссию, возглавлявшуюся Победоносцевым, записку, предусматривавшую системы крутых мер для борьбы с усиливавшимся расколом: в отмену льгот, предоставленных законом 3 мая 1883 г. В записке предлагалось приравнять старообрядцев к особо вредным сектам и усилить полицейский надзор за старообрядческими общинами.

Замысел этот встретил организованный отпор со стороны старообрядцев и был парализован усилиями старообрядческих «попечителей», т. е. влиятельных в их среде богатых людей, не щадивших средств на поддержание старообрядческих молелен, скитов, кладбищ, богаделен, приютов. Одновременно они жертвовали крупные суммы на дела благотворительности и государственные нужды, занимали ответственные выборные должности в городском самоуправлении, собирали обращения и петиции от имени своих единоверцев, находя поддержку в сановных и даже великокняжеских кругах.

Через великого князя Александра Михайловича, имевшего связи с финансовыми кругами, старообрядцам удалось подать Николаю II в Ялте петицию с 49 753 подписями и предотвратить надвигавшуюся угрозу. Ободренные этим успехом, старообрядцы ста-

ли хлопотать о разрешении им съезда и встретили поддержку среди высшей государственной бюрократии. Даже министр внутренних дел Плеве, известный своей враждебностью ко всяким проявлениям общественной инициативы, хотя и неохотно, дал свое согласие на съезд [1]. Пошел на уступки и сам великий князь Сергей Александрович, принявший у себя и благосклонно выслушавший старообрядческую депутацию во главе с директором Глуховской мануфактуры Арсением Морозовым. В связи с этим известный противник старообрядчества профессор Субботин уверял Победоносцева, что великий князь уже «покровительствует сим пройдохам» [2].

Православная Церковь для борьбы с растущим сектантством и расколом стремится в это время усилить миссионерскую деятельность. Начинает издаваться (с 1895 г.) ежемесячный журнал «Миссионерское обозрение», создаются миссионерские общества, собираются всероссийские съезды и т. д. Практическое миссионерство убеждало православных пастырей в том, как вредит делу искреннего обращения слишком тесная связь Церкви с государственным полицейским аппаратом.

В «Новогодней миссионерской памятке» на 1901 г. дается совет: «Так как полицейские меры — *не меры Церкви*, то священник по миссионерскому принципу не должен бы совсем входить в непосредственное сношение с гражданской властью, решаться же на это, испытав все свои меры духовного воздействия и то *с большой осторожностью и только в крайних случаях*, каковы: а) появление в приходе кого-либо из вожаков расколо-сектантства, производящих особенный соблазн, или смуту в населении, б) нарушение церковного благочиния, в) опасение за личную безопасность и т. д.» [3] (курсив подлинника). Однако тут же, в соответствии с государственным законодательством, миссионеру предписывается обращаться в епархиальное управление с сообщением о действиях раскольников и сектантов, влекущих за собой судебное преследо-

---

[1] Старообрядец. 1906. 1. № 1.

[2] *Субботин Н. И.* Письмо к К. П. Победоносцеву, 1903 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1915. Кн. 1. С. 641—642 и 648.

[3] Миссионерское обозрение. 1901, 1. С. 16.

вание: колокольный звон, публичное пение или появление в священнической одежде и т. д., т. е. все те виды «оказательства», которые могли способствовать «совращению» православных.

Религиозные сдвиги в обществе. Выступление М. А. Стаховича

Несмотря на принятые миссионерские меры, обнаруживалась недостаточность этих усилий перед новыми духовными запросами верующих, проявлялась какая-то беспомощность, вызванная недостаточной привычкой церковных деятелей к самостоятельному мышлению в вопросах веры и к личной инициативе в деле проповеди и устроения церковной жизни.

Это отразилось, например, в оценке духовных итогов последнего года XIX столетия, в котором «Миссионерское обозрение» отмечает «какое-то болезненное возбуждение религиозно-нравственного интереса среди всех слоев нашего русского общества, какое-то напряженное усилие разобраться в вопросах веры и жизни. И если одних эти вопросы приводят к более тесному общению с единственным источником истины — Церковью Христовой, то других, недовольных современным религиозно-нравственным строем и полагающихся на свои только умственные и нравственные силы, толкают они прокладывать новые пути» [1]. Характерно, что пробуждение живого самостоятельного искреннего интереса к религии свободное, а потому не всегда безошибочное, решение вопроса о личной вере оценивается как «болезненное возбуждение».

Пробуждение гражданского самосознания и духа религиозной свободы в русском обществе приводило иногда к неожиданным для гражданских и церковных властей эксцессам.

Внимание печати и общественности долгое время привлекало «скандальное» выступление орловского губернского предводителя дворянства М. А. Стаховича на миссионерском съезде в Орле в сентябре 1901 г., имевшем в числе участников ряд академических профессоров и религиозных писателей.

---

[1] Миссионерское обозрение. 1901, 1. С. 118—119; ср.: *Кони А. Ф.* Из области религиозных исканий // Вестник Европы. 1912. Кн. 12. С. 115—139 (о положении сектантов в конце XIX в. — 1911 г.).

М. А. Стахович, близкий знакомый Л. Н. Толстого, водивший дружбу с либеральными юристами вроде Маклакова [1], неожиданно выступил почти в самом конце съезда с резким протестом против религиозных гонений и предложением, чтобы съезд поднял вопрос о веротерпимости и свободе совести, которую Стахович понимал широко: «как разрешение не только безнаказанного отпадения от Православия, но и право безнаказанного исповедания веры, т. е. совращения других». «Только тогда, — говорил Стахович, — миссионерство будет вправе говорить, что оно ведет борьбу за православную веру совсем иными средствами, чем та трубчевская деревня, о которой здесь было рассказано одним из батюшек. Вы помните? С согласия и ведома священника и начальства заперли заподозренных штундистов в церкви, принесли стол, накрыли чистой скатертью, поставили икону и стали выводить по одному. «Приложись». «Не хочу прикладываться к идолам...» «А! пороть тут же!» Послабже, которые после первого же раза возвращались в Православие. Ну, а которые — до 4-х раз выдерживали...» [2].

Ссылаясь на авторитет таких сторонников свободы совести, как С. Аксаков, А. Хомяков, И. Киреевский, Ю. Самарин, В. Соловьев, — М. Стахович говорил:

«Закон гражданский невольно, вместо охранения Церкви, только растлевает ее духовную целость. Если Церковь верует в свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она в содействии земной силы. А если нуждается, то не свидетельствуется ли сим недостаток дерзновения веры?..

Во имя Церкви надо высказать, что насилие над совестью бессовестно, что где нет свободы, там нет искренности, — нет веры правой с неправой. Церковь может сказать, что область совести и веры — ее область. Она одна в ней властна. Она может сказать Кесарю: Оставь, это не твое, это — Божие в вечности, это мое на

---

[1] *Маклаков В. А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 255 и др.

[2] Санкт-Петербургские ведомости. 29.IX.1901; Миссионерское обозрение. 1901, 2. С. 528—540. Полемизируя со Стаховичем, В. Скворцов в «Миссионерском обозрении» (1902, 1. С. 216) пишет, что трубчевская история была 20 лет назад и секли штундистов «по постановлению схода», так что в данном случае речь должна идти скорее о народных нравах, чем о вмешательстве государства. Это, однако, не лишает силы довода Стаховича относительно *принципа* веротерпимости и *законодательства* по этому вопросу.

земле! Мне, мне одной дана власть вязать и разрешать, дана без права передоверия прокурорам и судьям. Я одна могу судить живым и живительным началом любви».

Выступление Стаховича вызвало резкие протесты в печати даже со стороны тех церковных деятелей, которые считали необходимым значительное смягчение противосектантского законодательства. «Вместо старой лжи — мертвящей опеки государства, — писал в «Миссионерском обозрении» участник орловского съезда В. А. Тернавцев, — г. Стахович предлагает другую ложь: разрыв с государством, полную свободу отпадения и совращения. Что горше, кто знает?» [1]

Упоминая ссылку Стаховича на слова: «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17), Тернавцев продолжает:

«Думаем, что здесь г. Стахович говорит об иной свободе: у него «свобода Христова» ставится лишь как один из видов свободы мирской и внешней... Но Церковь разве политическое учреждение? Христианство — разве простая нравственная доктрина? Разве оно может прилаживаться к требованиям духа явно противорелигиозного? Для Церкви была гибельна своекорыстная опека государства, и это потому, что государства не ставили себе задачей социальное исполнение заветов Христовых. Рабствуя веку сему, может ли государство опекать святыню? Церковь — закваска положенная, чтобы вскисло *все*, значит, и государство.

И союз Церкви с атеистической и революционной свободой не будет ли для Церкви постыдным любодеянием? И провозглашать его от имени Церкви будет ложью. Сама Церковь этого никогда не сделает. Могут говорить люди *от имени Церкви*, но это будет обман, который сам отомстит за себя» [2].

Такое столкновение церковных взглядов в вопросе о веротерпимости, взглядов, с той и другой стороны имеющих искренних и образованных защитников, предвещало будущую остроту в обсуждении этого вопроса в Государственной Думе.

Резко отрицательно к идеям Стаховича отнеслись политически консервативные круги, оценившие выступление в плане чисто политически социальном. «Факт печально знаменательный, поныне

---

[1] Миссионерское обозрение. 1901, 2. С. 521.

[2] Там же. С. 523—524.

еще небывалый, — писали «Московские ведомости» о выступлении Стаховича, — и много небывалых бед сулят России такие факты, возможные только при уже очень далеко подвинувшейся нашей социальной деморализации» [1].

В аналогичном тоне высказались «Церковные ведомости» [2], отражавшие консервативную позицию тогдашнего Синода. Однако еще Рейснер четко выразил позицию защитников веротерпимости не только с точки зрения ценности личной свободы, но с точки зрения интересов государства и самой Церкви. «Даруя всеобщую свободу исповедания, государство... спасает себя и свой принцип от громадной опасности. Оно знает, что, смешивая религию и государственный принцип, оно тем самым осуждает себя на политические осложнения каждый раз, как возникнут религиозные споры или сомнения. Каждый еретик, отрицая истину государственной церкви, невольно будет отрицать и само государство. Где церковь и государство слиты, там невольно и неизбежно рождается мысль, что не церкви, а государство проповедует и защищает данную истину, а, следовательно, отрицая данную истину, нужно отвергнуть и то государство, которое ее проповедует... Трудно предвидеть те страшные опасности, которыми грозит государственному строю подобное положение дел. Основы государственной жизни должны стоять вне щекотливой сферы религиозных убеждений и не должны компрометировать свою устойчивость зависимостью от тех или иных верований и мнений. Государство должно стоять выше среды богословских смут и церковных раздоров. Но правовое государство свободой исповедания достигает еще другого результата, оно уничтожает необходимость официальной лжи и лицемерия и этим очищает атмосферу общественных отношений. Оно предоставляет всякой личности свободу — это величайшее условие всякого нравственного развития».

Свобода исповедания должна принести духовно-нравственную пользу и самой Церкви, т. к.: «Церковь загромождена официально причисленными к ней ее разлагающими элементами, и ничего не может с ними поделать, так как она сама не свободна. Массы

---

[1] Московские ведомости. 1901. № 348.

[2] Прибавление к Церковным ведомостям. 13.X.1901. № 41.

лиц, фактически отпавших от Церкви, живут без крещения, причастия и какой бы то ни было нравственной организации» [1].

Религиозно-философское общество

По возвращении с орловского миссионерского съезда в ноябре 1901 г., В. А. Тернавцев, совместно с группой столичного духовенства, при поддержке митрополита Антония и обер-прокурора К. П. Победоносцева, организовали в Петербурге, под председательством ректора Санкт-Петербургской духовной академии епископа Сергия (Страгородского), религиозно-философские собеседования при участии религиозных публицистов В. В. Розанова, М. О. Меньшикова, Н. М. Минского, Д. В. Философова, профессора духовной академии и университета Н. Ф. Каптерева, А. В. Карташева, В. В. Успенского, И. П. Ленарского, В. И. Ламанского, а также общественных деятелей С. М. Волконского, М. А. Новоселова, тавасттусского губернатора А. А. Папкова и др., около 30 столичных священников и ряд лиц, интересовавшихся церковно-общественными вопросами. Св. Синод имел своего представителя в лице чиновника особых поручений В. М. Скворцова (редактор «Миссионерского обозрения»).

С 1903 года кружок приступил к изданию журнала «Новый путь», в котором печатались записи бесед и зачитанные на собраниях доклады.

Программа и цель кружка были раскрыты в докладе В. А. Тернавцева на первом собрании 29 ноября 1901 года под названием «Русская Церковь перед великой задачей». Речь шла «об обращении не бюрократии, не буржуазии, не дворянства, но образованных классов вообще, а интеллигенции, как самой способной к гражданскому творчеству». Говоря о внутреннем кризисе, переживавшемся тогда страной, о «глухом разладе между Церковью и интеллигенцией», Тернавцев утверждал, что «возрождение России может совершиться только на религиозной почве» и может быть достигнуто «путем раскрытия со стороны Церкви сокровенной в

[1] *Рейснер М. А.* Мораль, право и религия по действующему русскому закону // Вестник права. 1900. № 8. С. 3—4.

ней правды о земле, учения о христианском государстве и религиозном призвании светской власти» [1].

Третьим по порядку был доклад С. М. Волконского на тему: «К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести». В докладе проводилась мысль, что стеснение религиозной свободы противоречит самому духу христианства. Не отрицая этого тезиса, участвовавшее в прениях православное духовенство доказывало, что для других исповеданий все же должны существовать ограничения в области проповеди своего вероучения. В разгаре прений епископ Сергий, отстаивая эту позицию, заявил, что Православная Церковь, «сознавая себя истинной, ни на какие компромиссы с другими вероисповеданиями не идет и пойти не может».

Попытка некоторых священников перенести ответственность за религиозные гонения исключительно на государство встретила возражения со стороны проф. Лебедева, заметившего дипломатически, что государство, оказывающее доступными ему средствами содействие Церкви в борьбе с заблуждениями темных и невежественных слоев народа, заслуживает лишь признательности со стороны Церкви. Этот аргумент вызвал протест архимандрита Андроника, предостерегавшего от «опасной мысли», что «кесарь — хранитель церковных идеалов» [2].

Манифест 26 февраля 1903 года

Вопрос о веротерпимости был отражен в первом пункте царского манифеста 26 февраля 1903 г., где подтверждалось намерение «укрепить неуклонное соблюдение заветов веротерпимости, начертанных в основных законах», согласно которым Православная Церковь является «первенствующей и господствующей», но подданным инославных и иноверных исповеданий «предоставляется свободное отправление их веры и богослужений по обрядам оной».

Несмотря на расплывчатую формулировку принципа веротерпимости, этот пункт вызвал сильное раздражение обер-прокурора Победоносцева, который в письме к П. А. Тверскому писал: «Вы хотите сведений о происхождении и значении манифеста. Едва ли

[1] Религиозно-философские собрания в Санкт-Петербурге // Новый путь. 1903. № 1.
[2] Там же. Заседание 5. 1903. № 3.

кто может дать Вам их. Этот акт является для всех властей сюрпризом, и в замысле его, равно как и в составлении, никто из них не принимал никакого участия. Что значит он и чем отзовется, можно только загадывать» [1].

Хотя К. П. Победоносцев не хотел быть вполне откровенным со своим зарубежным корреспондентом, в действительности он, по свидетельству А. Н. Куропаткина [2], не только знал, что манифест был составлен князем В. П. Мещерским, но даже упрекал Николая II, что тот поддается подобным закулисным влияниям. Победоносцев выступил с решительным протестом против оглашения манифеста в церквах. В связи с тем, что манифест вызвал протесты в высших кругах сановной бюрократии, царь оказался в затруднительном положении: об отмене манифеста речи быть не могло; вопрос о его распространении на местах было решено предоставить усмотрению соответствующей администрации.

Хотя манифест 26 февраля остался таким образом мертвой буквой, однако пункт о веротерпимости был энергично использован старообрядцами австрийского согласия, сумевшими добиться от Плеве разрешения на созыв съезда. Находя поддержку в либеральной печати и сочувствие в торгово-промышленных кругах, они в течение целого года после опубликования манифеста осуществляли непрерывный нажим по всем доступным им линиям, добиваясь предоставления расколу прав, по крайней мере, наравне с другими инославными исповеданиями.

Рогожская община добивалась снятия печатей с алтарей, дозволения старообрядческому духовенству провожать покойников в стены кладбища, посещать в больницах умирающих старообрядцев и даже права иметь собственные школы.

Проф. Субботин, пользовавшийся доверием Победоносцева, еще в апреле 1903 года имел по этому вопросу у Плеве аудиенцию, во время которой обнаружилось поразительное невежество министра внутренних дел, который был убежден, что раскол ведет начало «от Иосифа Волоцкого, восставшего против папистских

---

[1] Вестник Европы. 1907. № 12. С. 665.

[2] Красный архив. 1922. Т. 2. С. 38. Составленный Мещерским по словам министра юстиции Н. В. Муравьева, манифест был несколько переделан Плеве и, кажется, дан на просмотр С. Ю. Витте.

стремлений Никона». После разъяснений профессора «министр высказал, хотя довольно нерешительно, такую мысль: нужно-де «позаботиться об удовлетворении желаний такого множества чисто русских и верноподданных людей, как старообрядцы» [1]. В конечном счете Субботину удалось убедить Плеве в том, что не может быть и речи ни о снятии с алтарей печатей, ни об открытии старообрядческих школ.

Как уже упоминалось, в декабре того же года Субботин с тревогой писал Победоносцеву о приеме старообрядческой депутации великим князем Сергеем Александровичем, очевидно, добиваясь таким путем осуществления своих замыслов. «Страшно подумать об этом, — писал Субботин, — и я не могу удержаться, чтобы не известить об этом Ваше Высокопревосходительство. Быть может, найдете нужным и возможным употребить надлежащие меры к предотвращению беды, грозящей Церкви» [2].

Однако идея более широкой веротерпимости распространялась все более в широких кругах общественности. Такой консервативный орган, как «Новое Время», поместил «Заметку», в которой говорилось:

«Вопрос о свободе веры, в недавнем прошлом интересовавший сравнительно ограниченный круг людей, специально им озабоченных, стал вопросом программным, злободневным, выдвигаемым на каждом шагу и при всяком удобном случае. Обсуждение его в печати, постановка его в земских и думских заседаниях, суждение о нем самых разнообразных по занятиям и целям общественных групп, которые, казалось бы, в нем не заинтересованы, неминуемо кончается теоретической победой идеи о свободе веры, единогласным признанием ее необходимости...» [3].

Имевшее место 6—9 ноября 1904 г. «Частное совещание земских деятелей» включило вопрос о свободе совести и веротерпимости в свою конституционную программу.

Наконец, даже отличавшееся всегдашней полной благонамеренностью «Слово» начало цитировать упоминавшуюся выше речь Стаховича в тех местах, где говорилось о расхождении практики с

---

[1] Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1915. Кн. 1. С. 645.
[2] Там же.
[3] Новое Время. 03.XII.1904.

требованиями основных законов империи, провозглашающих веротерпимость. Речь в газете шла о тех же старообрядцах, тысячи которых вот уже 8 месяцев сражались в Маньчжурии и многие из них были убиты. «И вот перед лицом смерти, у гроба, они лишены духовного утешения своих пастырей», поскольку старообрядческое духовенство не допускают на фронт и «представители его уже 8 месяцев бездействуют в Харбине» [1].

Разумеется, активность старообрядцев также способствовала ускорению продвижения вопроса в правительственных кругах. Корреспондент «Русского листка» несколько позже даже задал коварный вопрос старообрядческому епископу Иоанну (Картушину): справедливо ли известие английских газет, будто старообрядцы купили себе свободу за деньги, на что Карпушин ответил, что хлопоты стоили многих трудов, но главной роли деньги отнюдь не играли [2].

Существенным сдвигом в вопросе веротерпимости был царский манифест 12 декабря 1904 г.

История этого указа [3] известна от лиц, принимавших непосредственное участие в его составлении, а именно со слов П. Д. Святополк-Мирского, переданных в «Воспоминаниях» Д. Н. Шапова и со слов С. Ю. Витте в его «Воспоминаниях» [4].

Князь Святополк-Мирский, занявший с конца августа 1904 г. пост министра внутренних дел после убийства Плеве, с согласия царя заготовил свой доклад с приложением проекта указа о различных вольностях, в том числе о даровании полной свободы вероисповедания старообрядцам. Доклад и проект указа были составлены Крыжановским и будущим обер-прокурором А. Д. Оболенским. Ввиду важности дела Святополк-Мирский настаивал перед царем на предварительном обсуждении в совещании ряда лиц, причем были названы О. Б. Рихтер, граф И. И. Воронцов-Дашков, Н. В. Муравьев, граф Д. М. Сольский, Э. В. Фриш и П. П. Гессе. К участию в совещании были привлечены также председатель Коми-

---

[1] Слово. 02.XII.1904.

[2] Право. 01.V.1905. .№ 17. С. 1436.

[3] *Каменев.* С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев о современном положении Православной Церкви // Вестник Европы. 1909. Кн. 2. С. 651—691.

[4] *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. II. С. 322—337.

тета Министров С. Ю. Витте, обер-прокурор К. П. Победоносцев и министр финансов В. Н. Коковцов. На первом заседании 4 декабря присутствовали великий князь Михаил Александрович, а на втором — 7 декабря, великие князья Владимир, Алексей и Сергей Александровичи.

Против основного вопроса — о привлечении выборных лиц в Государственный Совет резко выступил К. П. Победносцев, который указал, что самодержавие имеет не только политическое, но и религиозное значение и что «Государь не вправе ограничивать свою власть, возложенную на Него Божественным Промыслом». Поскольку большинство высказалось в пользу преобразований, Николай II предложил составление указа и дальнейшую разработку программы проведения в жизнь возвещенных в нем начал возложить на Комитет Министров.

Когда 11 декабря Витте явился к царю с готовым указом, то встретил у него великого князя Сергея Александровича. Николай еще раз посоветовался с ним и подписал указ, вычеркнув из него пункт о привлечении к законодательной деятельности выборных лиц. В таком виде указ был опубликован на следующий день в «Правительственном Вестнике» одновременно с одобренным несколькими днями раньше «Правительственным сообщением».

Узнав о случившемся, князь Святополк-Мирский немедленно подал в отставку.

Статья 6-я «Указа от 12 декабря 1904 г.» о веротерпимости имела следующий вид:

(Признаем необходимым): «для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания сохранять освященную Основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого прямо в законе не установленного стеснения» [1].

«Возвещенный правительством курс во внутренней политике как бы более окрылил духом расколовождей», — отмечало «Мис-

[1] Правительственный Вестник. 12 декабря 1904 г.

сионерское обозрение» в январе 1905 года. «Во время истекших святок всюду происходили многочисленные и оживленные собрания и совещания русских диссидентов и посланы разные ходатайства в Петербург. Старообрядцы избрали Москву для своего совещания, которое происходило 30 декабря на Рогожском кладбище» [1].

Старообрядческое совещание 30 декабря 1904 года

Совещание приняло докладную записку на имя председателя Комитета Министров [2]. Записка заканчивалась петицией, содержавшей следующие пожелания:

1. Замена оскорбительного наименования «раскольники» названием «старообрядцы».

2. Предоставление старообрядческим общинам прав юридической единицы, закрепление за ними недвижимости (храмов, молитвенных домов, часовен, богаделен, больниц, приютов и т. д.).

3. Право свободно отправлять богослужения, беспрепятственно открывать храмы, молитвенные дома и часовни с разрешения строительного управления губернского управления и совершать богослужения в сооруженных уже, но не открытых храмах.

4. Упорядочение метрических записей с тем, чтобы акты гражданского состояния (рождения, браки, смерти) имели для старообрядцев юридическую силу и значение, для чего ведение записей должно быть возложено на представителей старообрядческих приходов.

5. Не записанные «раскольники», т. е. числящиеся православными, но не бывшие в течение 10 лет у причастия и исповеди, должны получить право по желанию записываться в установленные старообрядческие книги.

6. Предоставление права лицам, крещенным в господствующей Церкви, но фактически к ней не принадлежащим, при вступлении в брак записывать себя, а потом и детей от этого брака в старообрядческие метрические книги.

---

[1] Миссионерское обозрение. 1905, 1. С. 117.

[2] *И. С.* Правительственные законопроекты о веротерпимости // Журнал для всех. 1905. № 3. С. 197—198 (обсуждение в Комитете Министров и тексты постановлений).

7. Разрешение старообрядческим приходам открывать школы и училища по программе земских и министерских училищ, но с преподаванием Закона Божия учителями-старообрядцами.

8. Освобождение старообрядческого духовенства от призыва в армию.

9. Предоставление старообрядцам права занимать общественные и государственные должности наряду с православными.

У старообрядцев возникло разногласие по вопросу о том, следует ли добиваться правительственного признания своей иерархии. Многие высказывались против из опасения, что их архиереи и священники попадут таким путем под контроль властей и будут так же связаны в своих действиях, как и духовные лица других церквей. «Нам нужно, — говорили защитники этой точки зрения, — обеспечить возможно более широкую свободу и права старообрядчеству вообще, и тогда иерархи наши фактически будут свободны, а будучи независимы от правительства, они не понесут никаких обязательств перед ним» [1].

Деятельность Комитета Министров по исполнению «Указа 12 декабря»

Комитет Министров в заседании 25 января 1905 г. [2] обсуждал вопрос о мерах по выполнению п. 6 царского указа от 12 декабря 1904 г. Указав на те стеснения и ограничения в правах, которые поражают лиц, отпадение которых от Православия не карается, но и не признается, Комитет Министров обратился к митрополиту Антонию (Вадковскому) с просьбой разъяснить этот вопрос с точки зрения православного учения [3].

---

[1] Миссионерское обозрение. 1905, 1. С. 119.

[2] Этот раздел излагаем в основном по статье *М. Красножен:* Новейшее законодательство по делам Православной Русской Церкви // Ученые записки Юрьевского университета. 1909. № 8. С. 1—71 (подробный обзор законодательства за 1904—1907 гг.).

[3] Журнал Комитета Министров. 25 января 1905 г. в ст. «17 апреля 1905 г. Именной Высочайший Указ...». СПб., 1905. С. 15 и далее; см. также: *И. С.* Правительственные законопроекты о веротерпимости // Журнал для всех. 1905. № 3. С. 197—198.

«Комитет с истинно-отрадным чувством, — писал «Журнал Комитета Министров», — выслушал объяснения Высокопреосвященного Антония, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. По заявлению Владыки, Церковь, всегда болезнующая об отпадающих от нее, не может в то же время желать насильственного их в ней удержания. Вера православная порождается благодатью Господней, поучением, кротостью и добрыми примерами; поэтому всякое насилие чуждо самой природе Церкви Христовой, и удерживать на лоне своем безвозвратно-заблудших детей своих против их воли и убеждения она не почитает необходимым. По правилам церковным: «Еретика-человека по первом и втором наказании отрицайся» (Тит. 3:10) и «аще же и Церковь преслушает брат твой, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф. 18:17). Ввиду сего со стороны Православной Церкви не может встретиться препятствий к отмене закона, запрещающего отпадение от Православия, если таковая отмена будет решена по соображениям государственной пользы и справедливости. В дополнение к сему митрополит С.-Петербургский и Ладожский объяснил, что применение ст. 1006 уст. уч. суд. (т. XVI, свод. зак. изд. 1892 г.), возлагающей на духовное начальство обязанность требовать от подлежащих властей производства предварительного следствия по делам о совращении из Православия или отступления от веры Христианской, всегда представлялось ему нравственно тягостным. Полагая, что такая обязанность требовать преследования в уголовном порядке преступлений и проступков против веры противоречит положенным в основу Православной Церкви началам мира и христианской любви, Высокопреосвященный Антоний ходатайствовал перед Комитетом о возбуждении вопроса об отмене или изменении означенной статьи закона» [1].

Считая необходимым изменение законодательства в духе веротерпимости, в соответствии с Указом 12 декабря 1904 г., Комитет Министров подтвердил, что эти изменения не должны поколебать установленное Основными Законами первенствующее и гос-

---

[1] Журнал Комитета Министров. 25 января 1905 г. в ст. «17 апреля 1905 г. Именной Высочайший Указ...». СПб., 1905. С. 15 и далее; см. также: *И. С.* Правительственные законопроекты о веротерпимости // Журнал для всех. 1905. № 3. С. 197—198.

подствующее положение Православной Церкви. Значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы государства Российского и Православной Церкви, отнюдь не должно быть умаляемо. Поэтому неизменно подлежит сохранению и на будущее время преимущества, главным образом придающие Православной Церкви значение господствующей: принадлежность к ней императора, свобода религиозной проповеди и привлечение последователей и получение от государства денежных средств для удовлетворения своих нужд.

«Но засим возникает первостепенной для настоящего дела важности вопрос о том, связано ли с охранением господствующего положения Церкви принудительное в ней оставление тех, которые, хотя внешним образом в ней числятся, но сердцем и совестью ей чужды? Разрешение вопроса, может ли Государство допустить отпадение в иное исповедание принадлежащих к господствующей вере лиц, — продолжает «Журнал Комитета Министров», — имеет вообще неизмеримое значение по глубине затрагиваемых им сторон духовной жизни человека; у нас же оно имеет и особливую практическую важность, так как в некоторых областях Империи существуют значительные религиозные группы, известные под именем «упорствующих» или «отпавших от Православия» [1].

Комитет Министров указал четыре наиболее значительные группы такого типа:

а) латыши, преимущественно в Лифляндской губернии, отпавшие в протестантство, числом около 30 000 человек;

б) бывшие униаты, упорствующие в католицизме, около 100 000 человек;

в) в приволжских губерниях большое количество крещенных татар, отпавших в магометанство;

г) самая большая группа — раскольники и сектанты, отпавшие от Православия, но официально числящиеся православными.

Комитет Министров, в соответствии с разъяснениями митрополита Антония, пришел к выводу, что насильственное удержание подобных лиц в Православии нецелесообразно. Эти выводы под-

[1] Журнал Комитета Министров. 25 января 1905 г. в ст. «17 апреля 1905 г. Именной Высочайший Указ...». СПб., 1905. С. 15 и далее; см. также: *И. С.* Правительственные законопроекты о веротерпимости // Журнал для всех. 1905. № 3. С. 197—198.

готовляли то провозглашение права перехода в инославные исповедания, которое вскоре имело место в царском Манифесте 17 апреля 1905 г.

В заседаниях 22 февраля и 1 марта 1905 г. [1] Комитет Министров рассматривал вопрос о выполнении п. 6 указа 12 декабря в применении к инославным и иноверным исповеданиям.

Наиболее настоятельной была необходимость отменить административные стеснения в обход закона инославного духовенства, в особенности по отношению к духовенству римско-католическому. По отношению к этому духовенству в Северо-Западном крае и губерниях Царства Польского в порядке местного управления налагались такие взыскания, как наложение денежных штрафов, лишение должности, заключение в монастыри. О многочисленности случаев таких взысканий свидетельствовал отчет бывшего виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора.

Комитет поручил министру внутренних дел принять меры к прекращению и недопущению в дальнейшем такого порядка вещей.

Комитет признал также вредной практику назначения законоучителей в католических школах из православных — униатов или лютеран, а также преподавание Закона Божия в гимназиях на русском языке.

В отмену этой практики было принято постановление, что преподавание Закона Божия должно вестись на родном языке учащихся духовными лицами соответствующего исповедания.

В положительном для католиков смысле были решены также вопросы о ремонте костелов и о прекращении обязательного закрытия монастырей в предусмотренных законом условиях.

В отношении иноверных исповеданий были приняты постановления, отменяющие стеснительные правила о постройке синагог и мечетей, о необходимости дальнейшей разработки вопроса об освобождении магометанского духовенства от воинской службы, а также об отмене именования ламаитов оскорбительным для них названием язычники.

---

[1] Сборник «17 апреля 1905 г. Именной Высочайший Указ...». СПб., 1905. С. 51 и далее; см. также: *М. Р.* Свобода совести и закон 17 апреля 1905 г. // Русское богатство. 1905. № 5. С. 135—163 (разбор положения до и после указа).

17 апреля 1905 г. вышел царский указ [1], содержавший коренные изменения в вопросе веротерпимости. Важнейшие пункты этого указа гласят:

1) Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Установить в дополнение к сим правилам, что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, в которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных.

Манифест 17 апреля 1905 года

В разъяснение царского указа вышли указ Правительствующего Сената [2] и опирающийся на указ Сената циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам [3], в которых указывалось, что Высочайшим Указом 17 апреля «сняты все существовавшие в Государстве стеснения в исповедании веры, а так как господствующей верой в России является православная, то законодатель, отменяя меры против отпадения от христианства, и приурочил к православной вере отмену карательных мер, установленных при переходе из оной», т. е. пояснялось, что это право перехода в нехристианство тем более относится к лицам неправославных христианских исповеданий.

Опубликование указа вызвало в ряде местностей империи массовое отпадение от Православия. В особенности впечатляю-

---

[1] Правительственный Вестник. IV, 1905. С. 17.

[2] Указ 2 июня 1906 г. за № 5982.

[3] Циркуляр от 25 июня 1906 г. за № 3192. Разбор указа от 17 апреля 1905 г. в статье *Н. Давыдова* «Указ о веротерпимости» // Научное слово. 1905. Кн. VI. С. 121—125.

щим было возвращение в Католичество в Западном крае около 150 000 человек за 2—3 недели после указа.

В церковных кругах указ 17 апреля вызвал противоречивое отношение. «Всего неожиданнее и прискорбнее, — писал священник И. Полянский в своей брошюре о старообрядчестве, — что некоторые православные понимают Высочайший указ в смысле унижения в нем Православной Церкви; — они говорят: всем верам даны в указе новые права, одна только Православная Церковь обойдена в нем милостями, если только не считать за милость то, что ее собственные чада отныне могут свободно и безнаказанно отпадать от нее. Насколько основательны такие речи?.. Свободная, а не принужденная вера ценна у Бога и у людей. И такою верою сильна Церковь и только имеющие такую веру настоящие ее члены. Люди же, постороннею волею обязанные числиться православными, ничего общего не имеют с истинно-православными, свободными в своей вере чадами Бога и Церкви, и поистине в экономии Церкви суть не живые, но мертвые души... С уходом этих, сердцем и совестью чуждых ей людей, Церковь ничего в действительности не потеряет, а, наоборот, много приобретет, ибо сила ее, повторяем, не в числе приписанных к ее приходам имен и фамилий, а в крепкой и искренней вере ее действительных, живых членов» [1].

Манифест 17 апреля создал благоприятные условия для достижения гражданского равноправия, которого давно добивались старообрядцы. 29 сентября 1906 г. министр внутренних дел созвал совещание, на которое были приглашены 33 представителя поповщинских и беспоповщинских согласий старообрядчества. Из протокола, приложенного к этому совещанию, явствует, что были приглашены светские лица из старообрядцев и «старообрядческие архиепископы, епископы, протоиереи, священники, диаконы», как они именуются в списке:

1) Старообрядческий архиепископ Иоанн (Картушин).
2) Старообрядческий епископ Уральский Арсений (Швецов).
3) Старообрядческий епископ Пермский Антоний.

---

[1] *Полянский И., священник.* Старообрядцы и Высочайший Указ 17 апреля 1905 г. М., 1905. С. 82, 93.

4) Старообрядческий епископ Нижегородский Иннокентий (Усов).

5) Старообрядческий священник Дмитрий Смирнов.

6) Старообрядческий диакон Алексий Богатенков.

7) Старообрядческий епископ Московский Иов.

8) Старообрядческий протоиерей Лев Чернышев.

9) Старообрядческий священник Косьма Феоктистович Кузьмин.

10) Старообрядческий диакон Кирилл Ермилович Макаров и др.

Это именование иерархических званий старообрядцев создало прецедент, на который впоследствии не раз ссылались думские ораторы. Правительственное совещание под председательством товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского выработало и передало в думскую комиссию «проект положения о старообрядцах», «согласованный с их положениями».

Временные правила о порядке устройства старообрядческих общин [1], изданные 17 октября 1906 г. на основании 87 статьи Основных Законов, предоставляли старообрядцам различных согласий и толков следующие права:

1) Старообрядцам разрешалось свободно образовывать религиозные общины, для чего учредители этих общин обязывались сообщить губернской власти:

а) наименование согласия или толка;

б) допускает ли община духовных лиц, настоятелей или наставников;

в) местности, на которые предполагается распространить деятельность общины;

г) местонахождение существующего или предполагаемого к постройке храма, молитвенного дома или соответствующего ему помещения (ст. 8).

2) Общинам предоставлялось право избирать совет духовных лиц, настоятелей, сооружать храмы, устраивать школы, благотворительные учреждения и приобретать недвижимые имущества (ст. 13 и 14).

3) Избранным общиной духовным лицам, настоятелям и наставникам предоставлялись общие права, принадлежащие духов-

[1] Церковные ведомости. 1906. № 43. С. 458—465.

ным лицам, и им вверялось ведение книг для записи рождений, браков и смертей их единоверцев. В общинах же беспоповских согласий ведение метрических книг возлагалось на избираемых общинами старост (ст. 35, 36 и 39 правил).

Законопроект 50-ти членов I Государственной Думы

Государственная Дума 1-го созыва вопрос о свободе совести обсудить не успела ввиду ее быстрого роспуска. Однако 50 членов Думы внесли на заседании 12 мая 1906 г. «основные положения» законопроекта о свободе совести, включившие в себя следующие положения:

1. Каждому гражданину Российской империи обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от вероисповедания, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры.

Примечание к п. 1. Все узаконения, ограчинивающие гражданские и политические права лиц, принадлежащих к тем или иным вероисповеданиям, отменяются.

2. Все существующие и вновь образующиеся в Российской империи вероисповедания пользуются в одинаковой мере свободой богослужения и отправления религиозных обрядов, а также проповедования и распространения своих учений, поскольку при осуществлении этой свободы не совершается деяний, предусмотренных общими уголовными законами.

3. Никто не может быть иной государственной властью принужден принадлежать к какому-либо исповеданию или исполнять обязанности, вытекающие из принадлежности к какому-нибудь вероисповедному обществу, или совершать религиозные действия или участвовать в обрядах какого-нибудь вероисповедания.

4. Никто не может отказаться в силу своих религиозных убеждений от исполнения гражданских или политических обязанностей, кроме случаев, точно в законе указываемых.

5. Всякий, достигший 17-летнего возраста, может выйти из состава вероисповедного общества, к которому он принадлежит; несовершеннолетний, не достигший сего возраста, воспитывается в том вероисповедании, в коем пожелают его воспитывать родители.

Примечание к п. 5. В случае, если родители принадлежат к разным вероисповеданиям, от их соглашения зависит выбор вероисповедания, в коем воспитываются их дети. Если такового соглашения достигнуто не будет, то дети мужского пола воспитываются в исповедании отца, а дети женского пола — матери.

6. Особый закон определяет порядок ведения актов гражданского состояния.

7. Особые узаконения определяют преподавание вероучения. Эти узаконения не должны противоречить началам свободы и равенства вероисповеданий.

Полагая, что разработка общих основных положений законопроекта о свободе совести, как предлагали 50 членов I Государственной Думы, менее удобна, чем разработка отдельных законопроектов, приуроченных каждый к соответствующей области, Министерство внутренних дел внесло в Государственную Думу 2-го созыва 11 законопроектов [1] и при этом пояснило, что все они проникнуты общей идеей свободы совести и что подвергается пересмотру все действующее законодательство с целью его согласования с принципом вероисповедной свободы.

Законопроекты Министерства внутренних дел

Так, поставленная задача обязывала Министерство, как указывалось в проекте, дать определение понятия свободы совести и требовала «выяснить, как понимается свобода совести в науке и в западных законодательствах». Это определение в проекте имело следующий вид:

«Свобода совести есть право каждого, обладающего достаточно созревшим самосознанием, лица беспрепятственно и без всякого для него правового ущерба признавать свою веру и проявлять ее во внешних обрядах своего культа совместно с другими лицами, исповедующими одно и то же религиозное учение».

Согласно министерскому проекту, в понятие свободы совести входят следующие основные элементы:

---

[1] Отношение Министерства внутренних дел к Государственной Думе от 28 февраля 1907 г. за № 1479.

1) право каждого лица заявлять свою веру и убеждать не принадлежащих к ней к принятию исповедываемого им учения, если уголовные законы не нарушаются содержанием исповедания;

2) право лиц, которые имеют одни и те же религиозные воззрения, составлять религиозные собрания для совместного отправления богослужения и образовывать религиозные союзы;

3) право каждого лица как самому беспрепятственно переходить из одного вероучения в другое, так и менять исповедание своих не достигших определенного возраста детей;

4) невмешательство государственной власти в духовные отношения частных лиц к исповедуемому ими вероучению, и отсутствие каких-либо ограничений, политических или гражданских, в зависимости исключительно от принадлежности к какому-либо исповеданию.

Таким образом, Министерство изложило свой взгляд на свободу совести вполне прямолинейно и без каких-либо оговорок, ограничивающих проведение этого принципа на практике. При этом не трудно видеть, что министерский проект, говоря о праве проповеди, безоговорочном праве перехода из одного исповедания в другое и отсутствии правоограничений, связанных с вероисповеданиями, толкует понятие свободы совести значительно шире, чем царский указ 17 апреля 1905 года.

Министерство внутренних дел направило в Думу 2-го созыва следующие законопроекты [1], связанные с осуществлением свободы совести:

1) О религиозных общинах старообрядцев и отделившихся от Православия сектантов и о правах этих лиц.

2) Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги.

3) Об инославных и иноверных религиозных обществах.

4) О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и богомолений и сооружения, устройства, возобновления и починки инославных молитвенных зданий.

5) Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям.

---

[1] Государственная Дума 2-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. Приложения. С. 603.

6) Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое.

7) О римско-католических монастырях.

8) О вызываемых провозглашением Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. свободы совести изменениях в области семейного права.

9) Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, а в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от Православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц.

10) Об издании правил относительно секты мариавитов.

11) Об узаконении браков, заключенных по обрядам инославных и иноверных исповеданий лицами, числившимися православными до издания Высочайшего Указа 17 октября 1905 г., и происшедшего от этих браков потомства.

Комиссия II Государственной Думы и ее решения

Для рассмотрения этих законопроектов, направленных на осуществление свободы совести, была образована специальная комиссия в составе 33 человек постановлением Думы от 20 марта 1907 г. [1]

В состав комиссии вошли С. Н. Булгаков, А. И. Парчевский и М. А. Стахович.

Председателем комиссии был избран Н. В. Тесленко [2].

Комиссия успела провести 13 заседаний, с 4 апреля по 25 мая, причем на 7 последних заседаниях присутствовал в качестве представителя Министерства внутренних дел директор департамента духовных дел В. В. Владимиров.

---

[1] Государственная Дума 2-го созыва. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. 1. С. 876—887.

[2] Государственная Дума 2-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. С. 111—122.

При обсуждении предмета и пределов занятий комиссии некоторыми из ее членов была высказана мысль о необходимости рассмотреть в комиссии также вопрос об отделении Церкви от государства. Однако большинство членов комиссии, не возражая в принципе против отделения Церкви от государства, признало, что этот вопрос не входит в компетенцию комиссии и обсуждение этого вопроса было бы возможным не иначе как в силу особого постановления Думы, по выяснении отношения представителей всех вероисповедных групп к действующим уставам их церквей. Большинством 23 голосов против 2 было постановлено, что «комиссия ограничивает свою задачу рассмотрением министерских законопроектов, переданных ей постановлением Думы и направленных к осуществлению свободы совести, и считает невозможным выработать в своем составе законопроект об отделении Церкви и вообще всех вероисповедных обществ от государства» [1].

Руководящим принципом для своих работ комиссия единогласно и без прений постановила принять основные положения о свободе совести, внесенные в Государственную Думу 1-го созыва партией народной свободы (конституционные демократы, к.-д.). Внесенное некоторыми членами комиссии предложение внести подобные же основные положения в виде особой декларации на обсуждение Думы было отклонено, т. к. большинство комиссии не находило к тому практической надобности, поскольку отдельные пункты этих основных положений получают развитие, хотя и не всегда последовательное, в законопроектах Министерства внутренних дел, и что общий взгляд Государственной Думы на вопрос о свободе совести может выразиться при обсуждении наиболее принципиальных законопроектов.

Для систематизирования законодательного материала, связанного с ограничениями в правах членов отдельных вероисповеданий, была избрана подкомиссия из 16 человек. В принципе комиссия, принимая во внимание религиозный характер ограничений, установленных для различных групп населения (евреев, поляков, литовцев, иезуитов), единогласно признала необходимым отменить все содержащиеся в действующем законодательстве ограни-

[1] Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 111—122. Далее по этому источнику.

чения, установленные: 1) по признаку религиозному и 2) по признаку религиозному и в то же время национальному.

Определив таким образом границы и общее направление предстоявших ей работ, комиссия перешла к обсуждению законопроекта «об инославных и иноверных религиозных обществах» и следующим образом формулировала вопросы, связанные с этим законопроектом: 1) следует ли удержать различие между исповеданиями и сектами, как это предусмотрено в законопроекте; 2) какой порядок возникновения религиозных обществ, — законодательный или административный (а если последний, то явочный или концессионный), — представляется более целесообразным; 3) какие права и преимущества должны быть присвоены названным обществам; 4) допустимы ли, и в каких пределах, административные действия власти в отношении образования и закрытия религиозных обществ.

По первому вопросу, о различии между исповеданиями и сектами, комиссия, обсудив внесенное некоторыми из ее членов предложение о полном уравнении в правах всех религиозных ассоциаций, признало такое уравнение равносильным полному отделению Церкви от государства и потому, согласно уже принятой резолюции, выходящим за пределы поручения, данного комиссии Государственной Думой.

По вопросу о порядке возникновения религиозных обществ комиссия высказалась в том смысле, что этот вопрос может решаться по обстоятельствам, в частности, законодательный порядок предпочтительнее в том случае, когда общество желает получить бóльший объем прав. В комиссии вызвало сильные возражения предположение министерского законопроекта о предоставлении административной власти права разрешать или не разрешать учреждение религиозного общества ввиду того, что подобное право администрации привело бы к умалению свободы совести и находилось бы в противоречии со ст. 1 законопроекта, признающей право граждан образовывать религиозные общества; кроме того, комиссия находила, что при установлении такого порядка устранилась бы возможность обжалования распоряжения администрации в Сенат. В результате это предположение министерского проекта было единогласно отвергнуто, несмотря на предложенную представителем Министерства В. В. Владимировым поправку, со-

гласно которой, в случае отказа в разрешении учреждения религиозного общества, Министерство приводило мотивы этого отказа, которые и могли бы составить предмет обжалования.

При обсуждении вопроса о том, какому органу власти должны подлежать дела о возникновении религиозных обществ, в тех случаях, когда вопрос не решается в законодательном порядке, мнения членов комиссии разошлись: одни считали необходимым передачу этих дел судам, как учреждениям более независимым, другие же считали административные органы более приспособленными к выполнению таких функций и при этом указывали, что и суды не всегда чужды политике. При баллотировке голоса разделились поровну (по 9 голосов), и потому окончательное его решение было отложено.

По вопросу о правах вероисповедных обществ комиссия сочла необходимым предоставить им: 1) право беспрепятственного распространения своего учения, отправления культа, совершения духовных треб и религиозных обрядов и устройства богомолений; 2) право образования религиозных общин; 3) право избрания или назначения духовных наставников и старост.

В отношении права вероисповедных обществ вести акты гражданского состояния комиссия признала это право большинством 20 голосов против 3. Введению гражданской метрикации, как предлагали некоторые члены комиссии, препятствуют, с одной стороны, неудобство возложения такой метрикации на органы местного самоуправления или на полицию и финансовая невозможность создания для этого особых учреждений; с другой стороны, отсутствие в гражданских законах норм брачного права.

В вопросе об имущественных правах вероисповедных обществ комиссия единогласно высказалась за признание прав юридического лица не только религиозных общин, как предусмотрено в министерском проекте, но и самих вероисповедных обществ в целом. В частности, комиссия сочла необходимым исключить из проекта ограничение, обусловившее приобретение общинами недвижимых имуществ на сумму свыше 5000 руб. особым Высочайшим разрешением.

Комиссия признала за религиозными обществами право строить храмы и молитвенные дома, учреждать учебные заведения и кладбища, а также устраивать религиозные процессии и призывать

молящихся колокольным звоном; наставники имеют право носить особую одежду.

На обсуждение комиссии был далее поставлен вопрос об условиях возникновения религиозных обществ. Имея в виду публично-правовой характер вероисповедных обществ, комиссия большинством голосов признала, что лица, желающие образовать то или иное религиозное общество, обязаны заявить: а) о сущности своего вероучения; б) о главных основаниях совершения треб и тех религиозных обрядов, с которыми связаны гражданские последствия; в) о порядке избрания наставников или настоятелей и г) о своем имени, фамилии и местожительстве. Требование министерского законопроекта о том, чтобы вновь образуемое религиозное общество не содержало в себе чего-либо противоречащего государственному устройству, уголовным законам или общественному порядку и нравственности, было признано комиссией излишним, т. к. соответствие закону не требует специальных указаний, а общественный порядок и нравственность слишком неопределенные понятия, чтобы на них можно было ссылаться в законе.

Комиссия по тем же мотивам высказалась за исключение из законопроекта указания на безнравственные действия и нарушение общественного спокойствия как условия закрытия религиозного общества. В соответствии с этим комиссия признала, что приостановка или прекращение деятельности религиозного общества может иметь место тогда, когда деятельность его будет связана с нарушением уголовных законов (принято единогласно), собственного устава (принято всеми при двух воздержавшихся) или, наконец, — в некотором противоречии с предыдущими решениями комиссии, — добрых нравов (11 голосов против 7).

Процедура прекращения деятельности религиозного общества мыслилась комиссией следующим образом:

«Министр внутренних дел входит в Сенат с представлением о прекращении деятельности религиозного общества. В случаях, не терпящих отлагательства, министр внутренних дел может приостановить деятельность религиозного общества, войдя одновременно без промедления в Сенат об утверждении этой меры. Если в течение шести недель после первоначального представления министр внутренних дел не сделает дополнительного представления о прекращении общества, то приостановление падает».

Выражение «деятельности» понималось при этом комиссией не как отдельные случаи нарушения, а как постоянное повторение этих нарушений, и притом не отдельными членами общества, но всем обществом в целом.

Деятельность комиссии осталась незаконченной ввиду роспуска Государственной Думы 2-го созыва.

Октябристская вероисповедная комиссия

Среди официально сложившихся политических партий «Союз 17 октября» раньше других, еще с 1906 г., специально занялся разработкой церковных, вероисповедных и общерелигиозных вопросов. В феврале 1906 года на всероссийском съезде делегатов «Союза 17 октября» была организована в Москве особая комиссия, имевшая своей целью посредством лекций, рефератов, докладов, обмена мнений на собраниях разрабатывать эти вопросы. При этом октябристы исходили из той мысли, что запросы человеческого духа не решаются ни правыми, ни левыми направлениями, но искренним убеждением, личной совестью каждого человека.

«Ведь общеизвестно, — писал по этому поводу несколько позже октябрист П. В. Каменский [1], — что все человечество без различия племени, положения, состояния искони имеет пути Богопознания, и в той или другой форме, соответственно своему духовному развитию, творит Богопоклонение. Все люди, за исключением единиц, в счет не идущих, знают запросы мысли, вечно бьющейся над конечной проблемой бытия, знают алкание и искание критериев отношения своего духовного «я» к внешнему миру и к людям, критерием морали, находящей свое последнее основание в идее Бога. Это общее свойство человеческой души исключает резкую обособленность, разделение людей на нетерпимые по отношению друг к другу лагери. Непримиримость и насилие, выражающиеся не только в грубой физической силе, но и в неуважительности количественно торжествующего большинства к неугодному мнению, тормозит разрешение религиозных вопросов, создавая практику взаимного недоверия, раздражения, лжи и лицеме-

[1] *Каменский П. В.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе 3-го созыва и отношение к ним «Союза 17 октября». М., 1909. С. 13.

рия. Вот почему вопросы из области религии должны разрешаться без предвзятости, в духе христианского смирения, любви, кротости, долготерпения и того благожелательного отношения людей друг к другу, которое разрушают партийные и всякие иные перегородки. Только при таком настроении люди могут подняться на ту моральную высоту, до которой не восходят будничные, мелкие трения людей, их недоразвитые мыслишки, цепляющиеся за обрывки их неустойчивых и непродуманных впечатлений, но с которой умственному взору человека открывается вечная христианская истина, что все люди — братья. Пусть эта истина полностью недоступна современному человеку, но ничто не мешает ей оставаться идеалом, указывающим направление грядущей деятельности человечества».

Эти настроения были положены в основу деятельности комиссии по церковным и вероисповедным делам при «Союзе 17 октября», допускавшей в свой состав не только членов союза, но и посторонних лиц, интересующихся подобными вопросами и могущих принести пользу в их обсуждении. Московская комиссия заявила, что ее целью является создание такой «внепартийной или междупартийной организации, где бы все прогрессивные элементы духовной и светской интеллигенции удобнее всего могли бы столковаться и объединиться на такой одинаково важной и столь же для всех нейтральной почве, как церковно-общественная реформа».

В Государственной Думе 2-го созыва «Союз 17 октября» представлял собой организованную политическую группу и создал при своей думской фракции особую вероисповедную комиссию [1], продолжавшую деятельность Московской комиссии 1906 г. В нее вошли члены Думы 2-го созыва И. С. Клюжев, М. А. Искрицкий, С. Д. Васецкий, И. В. Шепелев, М. Я. Капустин, А. З. Танцов, Е. Ефимов, члены Государственного Совета проф. богословия М. И. Горчаков, Ю. В. Трубников, кн. Н. С. Волконский, а также лица, не входившие в состав законодательных учреждений, но известные своей осведомленностью в церковных и религиозных вопросах: Ю. Н. Милютин (председатель Петербургской группы

[1] *Каменский П. В.* Цит. соч., с. 14 о деятельности октябристской комиссии — по этому источнику.

«Союза 17 октября»), А. А. Папков — известный знаток приходского вопроса, И. В. Никаноров — автор статей по религиозным вопросам, К. И. Ровинский (председатель комиссии), Р. В. Фрейман, В. П. Шеин, Ф. С. Отоцкий, А. И. Петичев. Как сообщает П. В. Каменский на основании имевшегося у него рукописного материала, комиссия имела ряд заседаний во время сессии II Государственной Думы с 25 апреля по 2 июня 1907 г. и имела суждение о внесенных правительством на обсуждение Думы законопроектах: об отношении государства к отдельным вероисповеданиям и о браках старообрядцев.

Как и Московская комиссия 1906 г., октябристская вероисповедная комиссия в период II Думы придерживалась принципа широкой веротерпимости и последовательно проводимой свободы совести.

Государственная Дума 3-го созыва с первых же дней своей деятельности выделила из своего состава три комиссии для предварительной разработки законопроектов, связанных с церковными и вероисповедными вопросами:

1) комиссию по делам Православной Церкви из 33 членов (председатель В. Н. Львов);

2) комиссию по вероисповедным делам из 35 членов (председателем в первую сессию состоял епископ Евлогий, а затем был избран П. В. Каменский);

3) комиссию по старообрядческим вопросам из 15 членов (председатель В. А. Караулов).

Первая комиссия имела своей задачей разработку гражданских реформ, касавшихся Православной Церкви, и разработку представленных правительством законопроектов в тех их частях, которые затрагивали права и преимущества Православной Церкви.

На вторую комиссию была возложена обязанность разрабатывать законопроекты, относящиеся к инославным и иноверным исповеданиям, третья комиссия занималась исключительно законопроектами, касавшимися старообрядцев.

Наряду с образованными тремя думскими комиссиями, в которых по закону могли принимать участие только члены Государственной Думы и представители соответствующих ведомств при парламентской фракции «Союза 17 октября», насчитывавшей в своем составе более 130 членов Думы, организовалась особая ча-

стная вероисповедная комиссия. Ее заседания, обычно один раз в неделю, происходили в помещении фракции «Союза 17 октября» в клубе общественных деятелей. По примеру Московской Церковной комиссии 1906 года эта комиссия, организованная октябристами, приглашала к участию в своих работах лиц, интересовавшихся вероисповедными вопросами, без различия их политического направления. Поскольку комиссия носила частный характер и ее заседания происходили вне Государственной Думы, то она имела право пополнять свой состав посторонними лицами, продолжая практику аналогичной комиссии при «Союзе 17 октября», действовавшей в 1907 году, во время существования II Государственной Думы.

Комиссия насчитывала 45 человек, из которых 30 были членами Думы различных политических группировок, кроме крайне правых и крайне левых. В отличие от Московской комиссии 1906 г., комиссия при «Союзе 17 октября» приглашала в свой состав также лиц нехристианского исповедания. Среди лиц, приглашенных в комиссию и не состоящих при этом членами законодательных учреждений, оказались почти все участники комиссии, существовавшей во время II Думы. Активное участие в работе комиссии принимал известный ученый, профессор и член Государственного Совета Н. С. Таганцев.

Задача октябристской вероисповедной комиссии состояла в предварительном обсуждении с участием специалистов и знатоков законопроектов и вопросов, поступавших на обсуждение думской вероисповедной комиссии. По вопросам, обсуждавшимся в частной октябристской комиссии, публиковались печатные доклады. Так, проф. Н. С. Таганцев внес проект [1] о новой редакции статей законов главы 2-й Уголовного уложения (о нарушении постановлений, ограждающих веру) в соответствии с проектом нового вероисповедного законодательства. Член комиссии Р. В. Фрейман разработал доклад по вопросу о переходе из одного исповедания в другое. Проект проф. Таганцева был затем внесен в думскую комиссию членом Государственной Думы П. В. Каменским, а доклад Фреймана — членом Думы бароном Розеном.

---

[1] *Каменский П. В.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе 3-го созыва и отношение к ним «Союза 17 октября». М., 1909. С. 16—17.

Когда в Петербург прибыли учредители отпавшей от Католичества общины мариавитов [1] — о. Ковальский и о. Прухневский с ходатайством о признании за их общиной прав отдельного вероисповедания, то они были приглашены на заседание вероисповедного совещания при «Союзе 17 октября» и при их участии был рассмотрен внесенный правительством законопроект об издании правил относительно секты мариавитов. На этом совещании выяснилось, что законопроект, внесенный в Государственную Думу 17 апреля 1907 г., подлежит существенной переработке со стороны правительства в плане удовлетворения ряда требований мариавитов, которые совещание сочло справедливыми. Затем частным образом в совещании стало известно, что департамент духовных дел также занялся этим вопросом, и что в близком будущем ожидается внесение в думскую комиссию нового дополненного и исправленного законопроекта, вполне соответствующего тем принципам, которые были высказаны при обсуждении в частной октябристской комиссии. Этот эпизод показывает, что указанная комиссия могла оказывать влияние на решения правительства также и помимо прямого обсуждения в Думе.

Старообрядческая комиссия III Государственной Думы и ее решения

Комиссия III Государственной Думы по старообрядческим вопросам была избрана постановлением Думы от 29 ноября 1907 г. [2] Против образования этой комиссии возражали правые и умеренно-правые, предлагавшие устроить в комиссии по делам Православной Церкви особый старообрядческий отдел [3]. Однако большинство Думы пошло навстречу требованиям старообрядцев создать особую комиссию. Из 15 членов комиссии по старообрядчеству только 4 принадлежали к правым группировкам (в т. ч. епи-

[1] Секта мариавитов — группа строгих католиков из западных окраин России (названа в честь особого почитания Пресвятой Девы) по политическим соображениям была поддерживаема царским правительством.

[2] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. С. 727, 773 и 799.

[3] Государственная Дума. Созыв 3-й. Сессия 1. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1908. С. 71.

скоп Евлогий и два священника), остальные были октябристы, члены к.-д. (2 чел.) и старообрядцы (5 чел.). Председателем комиссии был избран член К.-Д. В. А. Караулов.

Постановлением Думы 25 января 1908 г. в комиссию по старообрядческим вопросам были переданы [1] законопроекты Министерства внутренних дел:

1) проект правил о старообрядческих и сектантских общинах;

2) об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги;

3) о предоставлении льгот по пересылке почтовых отправлений старообрядческим и сектантским общинам, образованным и действующим на основании Именного Высочайшего Указа 17 октября 1906 г.

Важнейшим был первый законопроект за № 4793, который рассматривался в заседаниях комиссии с февраля 1908 года по март 1909 года при участии товарища министра внутренних дел сенатора Крыжановского, директора департамента общих дел Арбузова, товарища обер-прокурора Св. Синода Роговича и обер-секретаря Св. Синода Исполлатова.

Законопроект этот был направлен еще в Думу 2-го созыва, а после ее роспуска перешел в третью в неизменном виде [2].

Старообрядческая комиссия внесла в правительственный законопроект некоторые существенные дополнения [3].

Связывая свободу совести со свободой религиозной пропаганды, большинство комиссии признало, что между «оказательством», которое уже дозволено, и «проповеданием» нельзя провести точной грани. Поэтому комиссия признала возможным предоставить старообрядцам право не только исповедовать, но и свободно проповедовать свою веру как среди старообрядцев, так и среди лиц, принадлежащих к другим вероучениям или вероисповеданиям.

---

[1] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. С. 727—728.

[2] *Каменский П. В.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе 3-го созыва и отношение к ним «Союза 17 октября». М., 1909. С. 38.

[3] III Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 2. СПб., 1909. С. 64.

Во-вторых, было признано необходимым предоставить старообрядческим общинам право объединяться в съезды на основании особых правил, утверждаемых министром внутренних дел. Этим, по мнению большинства комиссии, нисколько не умалялось достоинство господствующей Православной Церкви, не имевшей соборов в качестве постоянного установления, так как съезды старообрядцев не могут отождествляться с церковными соборами. К тому же, раз на деле такие съезды собираются, то для государственной власти даже выгоднее узаконить существующее явление, чтобы обеспечить за собой возможность наблюдения и вмешательство в деятельность съездов в случае уклонения их от законного пути.

Согласно правительственному проекту, заявление об открытии старообрядческой общины подается в губернское или областное правление, которое и разрешает образование общины или отказывает в нем. С этим была связана третья поправка комиссии, считавшей, что осуществление свободы совести нельзя ставить в зависимость от доброй воли местных властей, и потому высказавшейся за открытие общин явочным порядком. В случае необходимости местная власть по формальным причинам и при явочном порядке может отказать в регистрации общины, а в отношении общины, деятельность которой представляла бы малейшую опасность, достаточным средством охранения порядка является право администрации закрыть такую общину.

Старообрядцы добивались в комиссии, чтобы общины закрывались не в административном, но только в судебном порядке, однако это требование комиссией принято не было [1].

При обсуждении вопроса о духовных лицах, настоятелях или наставниках старообрядцев, комиссия, идя навстречу желанию старообрядцев, приемлющих священство, признала возможным присвоить их духовным лицам наименование «священнослужителей по старообрядчеству» и ввести этот термин в законопроект. Возражения правых членов комиссии о том, что под священнослужителями следует разуметь только лиц, принадлежащих к законной, с точки зрения канонического права, иерархии, не были

---

[1] *Каменский П. В.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе 3-го созыва и отношение к ним «Союза 17 октября». М., 1909. С. 39.

приняты большинством комиссии, т. к. в данном законопроекте слово «священнослужитель» употребляется не обязательно в каноническом значении, — это название применяют и к инославным, и даже к иноверным духовным лицам (например, ламаитам). Во избежание же отождествления старообрядческих духовных лиц с членами иерархии Православной и других христианских церквей, к слову «священнослужитель» добавлено «по старообрядчеству».

Проект старообрядческой комиссии был передан на заключение комиссии по делам Православной Церкви, которая 9 голосами против 8 оставила за старообрядцами право проповеди, но исключило наименование духовных лиц старообрядцев «священнослужителями по старообрядчеству» [1].

Полемика в III Государственной Думе по старообрядческому вопросу

Выводы старообрядческой комиссии были доложены общему собранию Думы председателем комиссии ***В. А. Карауловым*** 12 мая 1906 г. [2] Ему возражал самарский депутат, председатель церковной комиссии ***В. Н. Львов 2-й*** (октябрист, после второй сессии перешедший в группу независимых националистов). Протест был направлен против предоставления старообрядцам права свободной проповеди («пропаганды») и употребления иерархических наименований для старообрядческих духовных лиц, а также против явочного порядка открытия общин.

Указывая, что Православная Церковь дезорганизована и внутренне ослаблена двухсотлетним административным управлением, докладчик сказал: «Приведем же сперва в благоустройство Церковь Православную, дадим ей силу и твердость, потому что, я повторяю, мы, как государственные деятели, не можем быть равнодушными к Церкви Православной, дадим ей то благоустройство, о котором она давно, голосами своих архипастырей, просит... и тог-

---

[1] Приложения к стенографическим отчетам. Сессия 2. Т. II. № 412.

[2] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1006—1010.

да поговорим — возможно дать религиозную пропаганду или нет всем вероучениям и сектам, которые желают наброситься на Православную Церковь».

Ссылаясь на примеры европейских конституционных государств: Испании и Португалии, где исключительное право религиозной пропаганды законом предоставлено Церкви Католической; Греции, Черногории и Сербии, где это право предоставлено Церкви Православной, докладчик спрашивал:

«Раз это так, то мы, которые еще недавно получили представительный образ правления, можем ли мы сказать, что мы должны непременно опередить всех и дать это право религиозной пропаганды всем?» [1]

Представитель Министерства внутренних дел ***Крыжановский*** [2] отметил, что представляемое им правительство «всегда относилось и относится с величайшим вниманием к нуждам старообрядчества и поставило удовлетворение этих нужд впереди многочисленного ряда других вопросов государственного устроения», исходя из того, что в своем громадном большинстве старообрядцы «всегда были верными сынами России». Докладчик указал также на те меры, которые принимает правительство для облегчения зарубежным старообрядцам возвращения на родину и прочное земельное устройство в избранных ими местах. В рассмотрении законопроекта правительство шло навстречу пожеланиям старообрядцев до того предела, переступить который не могло, не нарушая отношений Российского государства к Православной Церкви, предусмотренных Основными Законами.

Возражая против замены старообрядческой комиссией описательного выражения «духовные лица» в министерском законопроекте выражением «священнослужителя», Крыжановский повторил соображение В. Н. Львова о том, что это означает вторжение государства в церковно-каноническую область, причем вторжение, нарушающее установления Православной Церкви. Термин «священство» Церковь признает только за духовными лицами тех исповеданий, в которых сохранилась иерархия, преемственная по руко-

---

[1] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1010—1023.

[2] Там же. С. 1023—1029.

положению от свв. апостолов. Духовные лица старообрядцев в глазах Православной Церкви суть простые миряне.

«При таких условиях закрепление в законе за ними наименования священнослужителей, в особенности нашего государственного строя, покоящегося на тесном единении с Православной Церковью, и в которых глава государства есть, по Основным Законам Империи, хранитель догматов господствующей Церкви, равносильно было бы не чему иному, как разрешению важнейшего канонического вопроса путем государственного закона. После такого изменения закона стало бы совершенно очевидным и ясным для масс населения, что Церковь признала в старообрядчестве существование священнослужителей иерархии, а так как старообрядчество не есть особое исповедание, а исповедует себя как Православие, то в результате такого изменения закона явилось бы образование рядом двух совершенно самостоятельных иерархий, признающих себя православными, то есть, иначе говоря, уничтожение того первенствующего положения, которое дано Основными Законами Империи Православной Церкви».

Правительство в согласии со Св. Синодом не находило возможным пойти в этом вопросе на какие-либо уступки и через своего представителя ходатайствовало перед Думой о снятии этого термина из законопроекта, тем более, что никто и ничто не мешает старообрядцам в своем обиходе именовать своих духовных лиц так, как они хотят.

Второе дополнение комиссии, вызвавшее возражения В. Н. Львова и Крыжановского, заключалось в предоставлении старообрядцам свободы «проповедания» их веры. «До настоящего времени и в настоящую минуту, — говорил Крыжановский, — только одна Православная Церковь по нашим законам имеет право пропаганды и то, как вам подробно и обстоятельно изложил председатель комиссии по делам Православной Церкви, обставленное и юридическими и нравственными гарантиями со стороны государственной власти». Вопрос о предоставлении кому-либо права пропаганды должен составить предмет особого законопроекта, подлежащего особому обсуждению.

Указывая, что нигде в мире нет полной свободы религиозной пропаганды («даже в Швейцарии нельзя проповедовать иезуитам, даже в Америке проповедь мормонства воспрещена»), представи-

тель Министерства говорил о неопределенности понятия старообрядчества: от примыкающего к Православию согласия приемлющих священство до антигосударственных и антиобщественных согласий типа бегунов.

«Государство, дающее такое громадное право, как право религиозной пропаганды, государство, дающее такую колоссальную власть над людьми, должно знать твердо, ясно и отчетливо, кому оно это право дает, и какой круг понятий в этом праве будет заключаться».

Кроме того, тот факт, что старообрядцы признают себя единственно истинными, древлеправославными, привело бы в условиях свободы пропаганды к тому «совершенно невозможному» положению, при котором господствующая и первенствующая Церковь «повсеместно, каждый день» подвергалась бы сомнению не только в правильности ее учения, но даже в самом праве именоваться Церковью Православной.

«Это вторая поправка, — заключил свою речь Крыжановский, — точно так же, как и первая, ни Правительством, ни Святейшим Синодом ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах принята быть не может».

Выступивший по поручению фракции «Союз 17 октября» ***П. В. Каменский*** [1] от имени фракции одобрил изменения в законопроекте, введенные старообрядческой комиссией. При этом Каменский процитировал министерский законопроект от 28 февраля 1907 г., в котором утверждалось, что в свободу совести входит «право каждого лица заявлять свою веру и убеждать не принадлежащих к ней принять исповедываемое им вероучение, если уголовные законы не нарушаются содержанием исповедания».

Саратовский депутат граф ***А. А. Уваров*** [2] (прогрессивная группа) говорил о том, что раскол XVII в. был одним из самых трагических событий русской истории, не менее «рокового» значения, чем нашествие татар. «Анафема, которая объявила еретиками всех тех, которые по форме, по обрядам были не согласны с господствующей Церковью, анафема, которая сделала, что все эти люди оказались раскольниками, — это самое событие на многие и мно-

[1] Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1041—1049.
[2] Там же. С. 1060—1065.

гие годы замедлило развитие и укрепление Российского государства». Докладчик призвал сделать те шаги, которые необходимы для преодоления этой мучительной болезни.

Епископ Митрофан [1] подчеркнул, что предоставление свободы пропаганды для старообрядцев — это только первый пробный камень, «на котором будет потом построяться целое здание, целая система новых вероисповедных отношений, которые, быть может, и по всему вероятию, и нас приведут к тому печальному положению, какое переживает в настоящее время Франция, где над религиозным верованием открыто, а то и цинично глумятся».

Епископ обратился к здравому смыслу и религиозной искренности старообрядцев, убеждая их самих отказаться от того требования свободы пропаганды, которое они выдвинули в комиссии. Если и возможны случаи совращения православных в тех местностях, где старообрядчество имеет глубокие корни, то и сами старообрядцы терпят большой урон от рационалистических сект, в особенности штундистов. Готовы ли старообрядцы принять закон, разрешающий свободную пропаганду инославным и сектантам?

Томский крестьянин ***А. Г. Мягкий*** [2] (трудовая группа, член II Думы) сказал, что свобода совести предполагает свободу проповедания для любого вероучения. Коснувшись того факта, что представители духовенства с думской трибуны выступали против предоставления свободы проповеди старообрядцам, он заявил:

«Мне было, как православному, печально слышать эти слова. Мне кажется, что православное духовенство этим только высказывает свое полное бессилие, что оно не может и не способно бороться с тем, с чем оно призвано бороться. Православное духовенство не привыкло бороться и не привыкло жать ту жатву, которую оно призвано жать».

Член национальной группы ***И. Я. Павлович*** [3] утверждал, что свобода совести может быть присуща только лицам с достаточно созревшим самосознанием, тогда как русский крестьянин верит только сердцем и не в состоянии противостоять человеку с развитым интеллектом. «Подобная пропаганда не есть ли злоупотребле-

---

[1] Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1065—1072.
[2] Там же. С. 1072—1079.
[3] Там же. С. 1079—1086.

ние правом сильного над слабым и беззащитным?» — спрашивал докладчик.

Известный юрист ***В. А. Маклаков*** [1] (партия к.-д., член II Думы), в своей яркой речи подчеркнул, что рассматриваемый законопроект есть первый из обсуждаемых законов, который, говоря словами тронной речи императора в Думе, направлен к обновлению нравственного облика русской земли, первый закон, «который переходит к исполнению данных нам обещаний».

Маклаков отметил, что в Манифесте 17 апреля не содержалось каких-либо новых выражений или утверждений, помимо тех, которые и раньше содержались в законодательстве о вероисповеданиях, но Манифест придал этим словам новый смысл, указав из этих слов новые практические следствия. Докладчик напомнил, как миссионер Скворцов говорил, что у нас есть полная свобода веры еще в те времена, когда за отпадение от Православия карали отобранием детей или отдачей под опеку имущества.

Указ 17 апреля был, таким образом, благодаря этому новому толкованию старых слов, «и осуждением прежней политики и торжественным, с высоты Трона объявленным, обещанием новой политики. И эти слова были восприняты миллионами русских людей... были восприняты со всей страстностью повышенного религиозного чувства, были приняты как слова, которых дожидались сотни лет, ради которых терпели и страдали; и когда такие слова воспринимаются такими людьми, то их уже нельзя уничтожить ни кодификацией, ни путем их толкования в порядке Верховного Управления; придать этим словам другой смысл, сделать какой-нибудь шаг назад было бы величайшим соблазном, с которым нельзя сравнить тот соблазн, который испытывают те, которые до сих пор еще ждут полного осуществления обещаний Манифеста 17 октября. И вот, господа, чтобы не идти назад, надо договорить мысль 17 апреля до конца, нужно, чтобы в этом законе не осталось лазеек, при которых старый порядок уничтожил бы новые начала. И когда комиссия вам предложила здесь поправки, то не заблуждайтесь: это совсем не поправки, это есть предосторожность против того, чтобы слова Манифеста 17 апреля не были уничтожены и искажены произволом административных и полицейских властей».

---

[1] Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1086—1098.

По поводу вопроса о предоставлении старообрядцам свободы проповеди Маклаков сказал: «Без этой поправки ваша веротерпимость очень скоро опять превратится в то, чем она была раньше. Ведь в самом деле, разве вы сумеете провести, — спрошу я тех, кто требовал от нас юридического определения, — разве сумеете вы провести грань между исповеданием, оказательством и проповедыванием».

Докладчик вспомнил об одном судебном процессе: нищий старообрядец пришел на фабрику Калужской губ., и «когда этот нищий, пришедший за подаянием, был вызван на религиозный спор, когда под насмешки православных, которые смеялись и над его нищетой, и над его религиозным учением, — он был беспощаден, — он разгорячился и стал спорить, он был предан суду и осужден по ст. 196 за проповедь своего вероучения... Если вы будете говорить о свободе исповедания и о запрете проповедования, то великое начало веротерпимости вы отдадите на казуистическое растерзание тех, кто будет писать томы комментарий о том, где кончается исповедывание и где начинается проповедование; вы отдадите этот тонкий вопрос в руки полицейской власти и тех иногда чересчур ретивых представителей духовного ведомства, которые будут везде, во всяком доказательстве, во всяком ответе и споре иметь желание проповедовать и соблазнять».

По поводу опасности, возникающей для Православной Церкви от свободы проповеди, Маклаков сказал:

«Господа, я скажу с великой скорбью в душе, что, может быть, я сам слишком задет современной болезнью, религиозным равнодушием, чтобы претендовать здесь на ту роль, которую исполняют другие, на роль защитника Православной Церкви... С точки зрения своей, с точки зрения человека, быть может, слишком равнодушного, я скажу вам, православным людям, вере преданным: разве вы не чувствуете, что ваш враг и опасность для Церкви не старообрядец, который будет с вами спорить, даже не инославный, который вас будет слушать, что опасность для вас — это равнодушие, религиозный индифферентизм. Если вы разрешите свободу проповеди старообрядцам, если вы человеческие умы и совесть отвлечете в эти споры, если религиозный вопрос опять будет поставлен, как вопрос насущный, как вопрос живой, то никто от этого больше не выиграет, как та же Православная Церковь, ибо ваш

общий враг — религиозное равнодушие будет изгнан этим лучше, нежели вашими средствами: урядниками, протоколами и другими приемами насилия».

Возражая тем, кто утверждал, что под свободой проповеди имеется в виду полная анархия, отсутствие всяких ограничений, как например, «удивительное мнение» представителей Синода в церковной комиссии, что свобода проповеди есть свобода глумления над Церковью, Маклаков напомнил, что эта свобода проповеди остается ограниченной большим числом никем не отмененных уголовных законов, как например, статьи, карающие за богохульство и кощунство, или статья против проповеди антигосударственных учений.

По поводу именования старообрядческих духовных лиц оратор указал, что прилагательное «по старообрядчеству» снимает опасность смешения с православной иерархией и что такое именование не означает признания законом благодатности старообрядческой иерархии. Так, в законе об иностранных исповеданиях употребляются слова «священник» и «диакон» по отношению к лютеранским духовным лицам, хотя благодать за ними не признается.

Высказав также основания в пользу явочного порядка открытия общин, устраняющего произвол местных властей, оратор закончил свою речь словами: «Все поправки, которые были внесены комиссией, не новшества, не улучшения, а логический вывод из Манифеста; без наших поправок Манифест может быть изничтожен: закон может стать законом с соизволения властей, а если это так, то лучше такому закону не появляться».

Вероисповедная комиссия III Государственной Думы

В комиссию Государственной Думы 3-го созыва по вероисповедным вопросам были переданы Министерством внутренних дел следующие десять законопроектов [1]:

1) об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое;

2) об отношении государства к отдельным вероисповеданиям;

---

[1] Государственная Дума, созыв 3-й. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. СПб., 1908. С. 64.

3) о разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и богомолений и сооружения, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий;

4) об инославных и иноверных религиозных обществах;

5) об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от Православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц;

6) о римско-католических монастырях;

7) об издании правил относительно секты мариавитов;

8) об узаконении браков, заключенных по обрядам инославных и иноверных исповеданий лицами, числившимися православными до издания царского указа 17 апреля 1906 г., и происшедшего от этих браков потомства;

9) о предоставлении Московскому евангелическому лютеранскому генерал-суперинтенденту права ежегодно собирать консисториальный синод;

10) о вызываемых провозглашенной Манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейного права.

По вопросам, не затрагивавшим преимущественное положение Православной Церкви, в комиссии не возникло особых разногласий.

Исходя из признания высокого значения религии вообще, комиссия единогласно высказалась за необходимость ограждения ее от поругания и за оставление в силе уголовной наказуемости таких действий, хотя и высказалась за смягчение наказаний за преступления такого рода; при этом комиссия лишь незначительным большинством голосов приняла принцип преимущественной уголовной охраны Православия перед неправославными исповеданиями и христианских религий перед нехристианскими. Было признано необходимым, с целью ограждения духовных лиц всех вероисповеданий от издевательств и оскорблений, пересмотреть действовавшее уголовное право. Разработка этого пересмотра была поручена особой подкомиссии, избранной в составе: П. В. Каменский, Л. Н. Нисселович (секретарь), В. А. Маклаков, А. И. Парчевский и А. Н. Ткачев (председатель). Впоследствии за отказом В. А. Маклакова членом подкомиссии был избран В. А. Караулов.

Рассматривая вопрос об ограждении свободы совести от насилия, комиссия высказалась за сохранение ст. 80 Уголовного уложения и отмену ст. 82, 83, 86, 87 и 95 того же Уложения [1]. Одновременно комиссия единогласно высказалась за немедленное введение в действие ст. 507 Уголовного уложения, каравшей принуждение вообще, а следовательно, и в области веры. Однако ввиду невозможности внести ст. 507 в действие вне связи с гл. 26 Уложения, в состав которого она входила, вопрос был разрешен в том смысле, чтобы в гл. 2 Уголовного уложения («о нарушении ограждающих веру постановлений»), вслед за ст. 80 было включено правило, воспроизводящее статью 507, с добавлением слов «в делах веры». Комиссия признала также, что принадлежность к изуверным учениям, как скопчество, хлыстовство и др., должна считаться преступлением; вопрос о пересмотре постановлений о степени наказуемости этого преступления был передан в упомянутую выше подкомиссию.

Однако по основному вопросу — отношению государства к отдельным вероисповеданиям в комиссии разгорелись бурные споры.

Переданный правительством в Думу для рассмотрения этот законопроект был сопровожден «Предположениями» министра внутренних дел (за № 1474), в котором напоминалось [2], что законопроект не должен нарушать положения Православной Церкви, признанной первенствующей и господствующей в Российской империи ее Основными Законами, не подлежавшими обсуждению Государственной Думы.

Обращаясь далее к Манифесту 17 октября 1905 г. и к Основным Законам, установившим общим правилом широкую веротерпимость, «да все народы России славят Бога Всемогущего разными языки, по закону и исповеданию отцев своих», министр в своих «Предположениях» пояснял, что свобода совести не означает отделения Церкви от государства, при котором все религиозные об-

---

[1] Статьи предусматривают меру наказания за частные нарушения принципа государственного охранения преимущественного положения Православной Церкви: «соблазнения» в другие вероисповедания; оскорбление духовенства и предметов веры; нарушение порядка богослужения и т. д.

[2] Государственная Дума, созыв 3-й. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. Приложения. СПб., 1908. С. 25.

щества превращаются в частные союзы или общества, в юридическом отношении сравнимые со всеми другими светскими обществами.

По отношению ко всем религиозным обществам в Церкви, утверждалось в «Предположениях», «не должно игнорировать религиозно-нравственные начала, которыми живет народ, потому что интересы религиозные должны охраняться не только как важнейшее благо отдельных лиц, но и как один из главных устоев, на которых покоится государственная и общественная жизнь, следовательно, как ценный интерес всего «государственного единения».

А. Н. Ткачев, принадлежавший к партии «умеренно-правых», а затем «националистов», которому вероисповедная комиссия поручила рассмотрение этого законопроекта, в своем докладе комиссии 9 февраля 1908 г. полемизировал с казавшимися ему слишком либеральными «Предположениями» министра внутренних дел, соглашаясь с преимущественным положением Православной Церкви, но считая излишним вмешательство государства в дела иноверцев и инославных, в смысле охранения их от взаимных посягательств и оскорблений.

«Как отдельное лицо, так и государство, — говорил ***А. Н. Ткачев*** [1], — не могут одновременно исповедывать несколько религий, и Русское государство православное, очевидно, не может являться искренним покровителем религий католической, еврейской и т. д., а потому было бы справедливее в интересах свободы совести вовсе отказаться от всякого вмешательства со стороны государства в дела иноверцев».

А. Н. Ткачев резко выступил против требования о свободе проповеди для всех иноверцев, выраженного в «Предположениях», выразив это следующим образом: запрещение проповеди «представляется существенным уменьшением свободы совести, так как естественным стремлением всякого истинно верующего является желание сделать сопричастником своей религиозной жизни, своих упований и верований других лиц. Не следует забывать, что каждое религиозное общество имеет вполне естественную тенденцию расширения и распространения».

---

[1] Государственная Дума, созыв 3-й. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. Приложения. СПб., 1908. С. 26—28.

«Эти соображения, — возражал А. Н. Ткачев, — указывая на неизбежность нарушения религиозного мира возобновлением религиозной борьбы и смуты, говорят скорее против расширения права проповеди, опасного для общественного спокойствия. Свобода совести дана каждому с тем, чтобы он каждому предоставлял право веровать как ему угодно, не стесняя его свободы навязыванием своей веры. Каждому предоставлено право проповедовать в пределах его церкви, в здании или ограде, куда добровольно собираются одинаково верующие. Если истина не только будет казаться проповеднику, но и действительно окажется истиной, в его церковь соберутся добровольно все, ищущие истины, и она не останется под спудом; но дозволить всем иноверным выступать с публичной проповедью повсюду, вне их храмов, — это значит воскресить страшные дни ересей II и III веков христианства и междоусобные войны первых дней Реформации, значит во имя свободы совести поднять всевозможный религиозный фанатизм с уличными боями за тот или другой обряд, то или другое слово».

В то же время в своем докладе А. Н. Ткачев настаивал на необходимости смягчить наказания, налагаемые ст. 73 и след. Уголовного уложения, за богохульство и кощунство, утверждая, что инославные и иноверные, будучи искренними приверженцами своих учений, как правило, не могут не относиться с раздражением и насмешкой по отношению к другим религиозным учениям, которые они считают грубым заблуждением. Докладчик полагал, что запрет такого рода высказываний ограничивает свободу совести и что наказанию должны подлежать только действия, нарушающие нормальный ход богослужений. Представитель Министерства внутренних дел Владимиров возражал против такой постановки вопроса, настаивая, что изменение статей Уголовного уложения находится вне компетенции комиссии.

Тем не менее подкомиссия для переработки статей, как упоминалось, была создана, против чего голосовал один епископ Евлогий [1].

14 февраля член вероисповедной комиссии православный священник ***А. А. Попов*** (прогрессист) прочел на собрании думского духовенства доклад, в котором высказался в пользу предостав-

[1] Слово. 10.II.1908.

ления инославным и иноверным исповеданиям права свободной проповеди своих учений, утверждая, что орудием Православной Церкви должна быть только вера в правоту и конечное торжество исповедуемой ею истины. Епископ Евлогий возражал, доказывая, что предоставление свободы проповеди другим исповеданиям противоречит Основным Законам, по которым Православная Церковь занимает в империи господствующее положение. В особенности это относится к Западному краю, где Католическая Церковь ведет активное наступление и где после указа 17 апреля 1905 г. много народа перешло в католицизм [1].

Вскоре после этого собрания тот же вопрос обсуждался в думской вероисповедной комиссии, и епископ Евлогий настаивал на ограничении, а не на расширении права проповеди, направленной против Православия [2]. Продолжение прений состоялось 5 марта. На голосование было поставлено два предложения:

1) о свободе взаимной проповеди среди инославных и иноверных;

2) о свободе проповеди инославных и иноверных исповеданий среди православных.

Первое предложение было принято 22 голосами против 5, второе 14 против 13 [3]. В связи с этим незначительным большинством комиссии было решено высказаться за отмену ст. 77 «Устава предупреждения преступлений», запрещающей «всякое отвлечение не только от православной, но и от других терпимых вер», и 90-й статьи Уголовного уложения, каравшей публичную проповедь с целью «совращения» православных. Однако в противоречии с этим решением (большинством 15 голосов, включая председателя, против 15) 8 марта было постановлено сохранить ст. 70 «Устава предупреждения преступлений» и ст. 4 «Устава иностранных исповеданий», причем 15 членов комиссии, при 15 воздержавшихся, высказались за изложение последней статьи в смысле запрещения инославным и иноверным проповеди своих вероучений среди православных [4].

---

[1] Слово. 16.II.1908.

[2] Там же. 21.II.1908.

[3] Там же. 06.IV.1908.

[4] Государственная Дума, созыв 3-й. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. СПб., 1908. С. 65.

Комментируя эти дебаты, священник Никонович в своем дневнике записал 8 марта:

«В сегодняшнем заседании вероисповедной комиссии была исправлена ошибка предшествующего о свободе пропаганды всех вероисповеданий среди православных и инославных (6 марта). При детальном обсуждении статей... комиссия вынесла решение, противоположное предыдущему. При вотировании голос Евлогия дал перевес» [1].

17 мая Никонович зашел в вероисповедную комиссию, где шли горячие дебаты по обсуждению ст. 87 «Устава духовных дел», каравшей за «совращение с насилием». «Все иноверцы и реформисты, — сообщает Никонович, — ратовали за полную отмену этой статьи и большинством одного голоса (16 против 15) успели в этом».

Оказавшийся в меньшинстве, епископ Евлогий в конце заседания заявил, что господствующее в комиссии направление и решение в ней вопросов «не гармонируют» с его председательствованием, почему он отказывается от этой должности и в следующем заседании предложит собранию избрать на его место другое лицо. Однако в ближайшие дни была предпринята попытка изменить состав вероисповедной комиссии.

Борьба вокруг деятельности вероисповедной комиссии

27 мая на имя председателя Государственной Думы поступило заявление 32 депутатов-крестьян с предложением, ввиду несоответствующего интересам православной веры направления вероисповедной комиссии, доизбрать в состав последней еще троих, а в комиссию по делам Православной Церкви — двоих крестьян православного исповедания [2]. Такое изменение состава вероисповедной комиссии могло бы позволить епископу Евлогию быть переизбранным в председатели и получить в комиссии небольшое, но устойчивое большинство. Однако предложение о доизбрании было отвергнуто Думой.

---

[1] Полоцкие епархиальные ведомости. 15.VII.1908.

[2] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1909.

«Волнение из-за предложения правых было настолько сильно, — рассказывал корреспондент газеты конституционно-демократической партии «Русь», — что отдельные депутаты центра и оппозиции усиленно приглашали всех находившихся в кулуарах идти немедленно в зал заседаний, дабы не опоздать к баллотировке» [1].

При голосовании в вероисповедной комиссии 31 мая против кандидатуры епископа Евлогия высказалось большинство 2 голосов. Новый председатель комиссии — октябрист П. В. Каменский, почетный мировой судья, избранный от Екатеринбургского округа, по характеристике «Церковных ведомостей», принадлежал к так называемому левому центру, т. е. тяготел к кадетам, и, как отмечает Липранди, в одной из своих речей много говорил о значении Римской Церкви в истории европейской цивилизации [2].

Св. Синод пытался оказать влияние на ход рассмотрения в Думе законопроекта об отношении государства к различным вероисповеданиям [3].

13 марта в Училищном Совете состоялось собрание думских священников, где перед ними выступили официальные представители Синода Исполлатов и Яцкевич, епархиальные миссионеры — киевский Потемкин и московский Айвазов, редактор «Миссионерского обозрения» В. М. Скворцов и его помощник Гришкин. Яцкевич в своем выступлении доказывал, что министерский законопроект об отношении государства к различным вероисповеданиям и о свободе совести является нарушением основных законов империи, поскольку Манифест 17 октября 1905 г., касаясь лишь гражданских свобод, указа 17 апреля вовсе не затрагивает, и потому нет оснований гражданскую свободу распространять на церковные дела. Самый же законопроект, по словам Яцкевича, не более, как наследие I революционной Думы, и что свободы проповеди для своей веры добиваются главным образом католики и магометане.

Миссионер Айвазов также доказывал, что министерский законопроект отнимает у Православной Церкви то, что она имеет по

---

[1] Русь. 31.V.1908.

[2] Прибавление к Церковным ведомостям. VI.1908. С. 14.

[3] *Иорданский Н.* Свобода совести // Современный мир. 1909. № 6. Отд. 2. С. 128—140 (о прениях в Думе по вероисповедному вопросу и реакция общественности).

основным законам, и что поэтому вероисповедная комиссия должна отказаться его рассматривать [1].

Вероисповедная комиссия, в особенности после ухода епископа Евлогия с поста председателя, подверглась резкой критике в церковной печати.

«Неужто это в самом деле допустимо, — писал Липранди, — чтобы вопросы православной веры и Церкви решались князьями инославия и иноверия в образе польских ксендзов, лютеранских пасторов, татарских мулл и еврейских раввинов?»

«Думские комиссии, — пишет он далее, — церковная и, особенно, вероисповедная, изображая из себя какие-то Синодики, тщатся взять в свои руки не только управление, но и распоряжение внутренними делами Православной Церкви» [2].

В итоговом обзоре в конце 1-й сессии Думы «Церковные ведомости» описывали деятельность вероисповедной комиссии следующим образом:

«18 июня была отмена еще ряда статей, ограждавших православных от натиска со стороны инославия и иноверия, ересей и раскола. Отменены ст. 42 и 59 Устава о предупреждении и пресечении преступлений и 801 ст. Общего учреждения губерний. Статьи эти запрещают публичные проповеди и демонстрирование ереси и раскола и обязывают полицию преследовать лиц, совращающих православных к оставлению своей веры и переходу в другие веры. Вышеозначенные статьи вполне может заменить ст. 507 Уголовного уложения, проектируемая в такой редакции: «Виновный в том, что в делах веры посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы, или злоупотреблением родительской, опекунской или иной власти принудил кого-либо выполнить или допустить что-либо нарушающее право или обязанность принуждением, — наказывается заключением в тюрьму». При обсуждении министерского законопроекта о свободе пропаганды было сообщено определение Св. Синода. Комиссия признала желательным ограждение Православной Церкви и православного духовенства от глумлений и оскорблений, но признала нежелательность и невозможность «стеснения мысли и права критики» глумителей и

[1] Полоцкие епархиальные ведомости. V.1908. С. 15—19.
[2] Прибавление к Церковным ведомостям. VI.1908.

оскорбителей, специализировавшихся в нападках на Православную Церковь и духовенство и решила предоставить полную свободу этим нападениям. Еще одно «действо» вероисповедных «освободителей». Они отменили статьи закона, воспрещающего описывать и продавать святые иконы за долги... Какие еще искушения совести ждут еще дальше православно-русский народ? Ведь это еще только цветочки...» [1].

Миссионерский съезд в Киеве

С 28 июня по 15 октября 1908 г. был перерыв между первой и второй сессиями III Государственной Думы. В этот период состоялся IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве. По составу участников (митрополиты — Петербургский, Киевский и Московский, свыше 40 епископов, обер-прокурор Св. Синода и до 600 мирян и белого духовенства), съезд представлял собой подобие церковного собора в том виде, как он намечался Предсоборным Присутствием. Приглашенным на съезд раздавались билеты трех цветов: белые — имевшим право участвовать во всех работах съезда, синие — для привлекаемых к работе в комиссиях в качестве сведующих лиц, без права голоса на общем собрании, и красные — для гостей, которые могли присутствовать на открытых заседаниях съезда, не принимая участия в его трудах.

Отбор приглашенных был строгим, даже из профессоров Киевской духовной академии всего лишь несколько человек удостоились этой чести [2]. Попытки старообрядцев добиться хотя бы красного билета для бывшего архимандрита Михаила [Семенова], сделавшегося старообрядческим епископом, встретила категорический отказ [3]. Из представителей прессы решением Синода были допущены только корреспонденты «Колокола», «Киевлянина» и «Церковных ведомостей». В числе мирян, получивших отказ присутствовать на съезде, оказался известный специалист по «приходскому вопросу» А. А. Папков.

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. VI.1908.

[2] Церковный вестник. 1908.

[3] Церковь. 20.VII.1908. См. также: *Ларский И.* На родине. Миссионерский съезд // Современный мир. 1908. № 9. Отд. 2. С. 46—60.

В программу съезда, помимо собственно миссионерских тем, митрополитом Флавианом [Городецким] были включены вопросы об отношении к новой вероисповедной политике государства и законопроектам Министерства внутренних дел о свободе совести [1]. Одновременно с миссионерским съездом в Киеве проходил Всероссийский съезд монархистов под председательством Дубровина. Виднейший из деятелей этого съезда протоиерей Восторгов на Миссионерском съезде выступал с основными докладами по церковно-политическим вопросам.

Миссионерский съезд открылся 12 июля речами митрополита Антония [Вадковского] и обер-прокурора Извольского.

На другой день обе эти речи подверглись резкой критике на съезде монархистов, открытом речью архиепископа Волынского Антония (Храповицкого). После речи Дубровина о средостении между русскими людьми и престолом в виде конституционной бюрократии и Государственной Думы говорилось о необходимости всем истинно русским людям сплотиться и выхлопотать право представлять от себя петиции государю. Восторгов обрушился на Государственную Думу, которую, по его словам, рано или поздно постигнет участь суздальских волхвов, прорицавших, что Днепр потечет вспять, и повешенных за это князем Олегом.

Разбору речей митрополита Антония и обер-прокурора на монархическом съезде было посвящено также выступление редактора «Киевлянина» Юзефовича. «Акт 17 апреля, — говорил он, — подлежит пересмотру и видоизменению, сообразно с потребностями и состоянием современного Православия... Следовало бы обратиться к Миссионерскому съезду с просьбой ходатайствовать об этом, но на миссионеров надежды мало» [2].

Вокруг миссионерского съезда шла борьба, о которой в печать проникали глухие слухи. По свидетельству газеты к.-д. «Речь», выступление обер-прокурора с его ссылками на указ 17 апреля привело к обострению вопроса о веротерпимости среди иерархов, которые за кулисами съезда высказывались в том смысле, что указ 17 апреля был ошибкой и результатом измены гр. Витте. Буйное поведение и несдержанные высказывания Дубровина в кулуарах

[1] Русь.16.V.1908.
[2] Слово. 17.VII.1908.

съезда привели к тому, что администрация Киева попросила его покинуть город. Под впечатлением первого заседания съезд некоторое время даже не мог собраться вторично и одно заседание за другим отменялись к изумлению непосвященных в происходившую борьбу рядовых членов съезда. «О том, что за этими кулисами происходило, — писала «Речь», — можно судить по тому, что столь видный член съезда, как Санкт-Петербургский митрополит Антоний не выдержал и после крестного хода уехал из Киева» [1].

В принятых съездом тезисах Восторгова утверждалось, что указ 17 апреля «не заключает в себе принципиальных ограничений прав и преимуществ Православной Церкви и не низводит ее до уравнения с сектами, расколами и иноверием», но что в вероисповедных законопроектах Министерства внутренних дел, внесенных в Государственную Думу, в значительной степени умаляется значение Православной Церкви и в этом отношении имеется отступление от смысла указа 17 апреля (тезис I).

Далее Восторгов утверждал, что Православная Церковь и миссия «не могут ожидать от вероисповедных законов, утвержденных Государственной Думой и Государственным Советом, ни свободы, ни соблюдения интересов Церкви, ибо в составе этих учреждений могут быть равнодушные к православной вере иноверцы нехристиане». Поэтому «церковное, каноническое, принадлежавшее высшей верховной власти, законодательство не должно восходить на обсуждение Государственной Думы и Государственного Совета» (тезис VIII); для придания же ему государственного значения необходимо только утверждение верховной самодержавной власти (тезис IX). Тем же порядком должно проходить законодательство, изменяющее положение Православной Церкви, иноверия, инославия, сектантов и старообрядчества в государстве (тезис X). Поэтому необходимо, чтобы Синод возбудил ходатайство об изъятии из Государственной Думы вероисповедных законопроектов Министерства внутренних дел, пересмотра их на церковном соборе или в Синоде с последующим утверждением императора (тезис II).

Доклад предусматривал и направление, в котором должны пересматриваться вероисповедные законопроекты. Церковь отнюдь не мирится с отпадением людей, принадлежащих к ней хотя бы

[1] Речь. 17.VII.1908.

формально, и закон не должен брать их под свою защиту, ибо, санкционируя их вероотступничество, он узаконивает отпадение их потомства. Необходимо всеми законными способами ограждать людей слабых и легкомысленных от «лживых проповедников различных лжеучений, в большинстве случаев прикрывающих под знаменем веры враждебные России политические и социалистические замыслы и интриги» (тезис III). Православная миссия «должна быть направлена не только к угрожаемым, но и к правящим» (тезис V). «Быть же православным для правительства и поступать по-православному значит защищать законными мерами Православие, как истину, ограждать чад Православия от соблазна в вере, не давать торжествовать лжи, ограждая свойственными христианскому государству мерами». Восторгов подчеркнул, что защищаемые им положения в несколько иной редакции уже «признаны заслуживающими внимания» со стороны Русской монархической партии в Москве и Киевского монархического собрания [1].

С критикой докладов Восторгова, Айвазова, Скворцова и других представителей большинства выступили представители «оппозиции»: Боголюбов, Аггеев, Зыков и др. Характерно, что они протестовали против записи их речей, сделанной в протоколах [2], придавшей их выступлениям тусклый и неубедительный характер.

Приветствуя указ 17 апреля и связанные с ним законопроекты, внесенные в Государственную Думу и положившие начало отделению Церкви от государства, священник Петербургской епархии Аггеев упрекал Восторгова в том, что тот неблагоприятно отзывается об этом акте, «плачется о прежних порядках и унывает за будущее», отстаивает первенствующее и господствующее положение Церкви, основанное на полицейском вмешательстве, что «привело к религиозному одичанию» (в особенности среди петербургских рабочих), желает и «ищет, чтобы священник по-прежнему оставался жандармом» [3]. — «Жандарм — почтенное звание», — прервал Аггеева с места протоиерей Восторгов [4].

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 20.IX.1908. № 38 «О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве».

[2] Прибавление к Церковным ведомостям. 11.X.1908. № 41.

[3] Там же. 02.VIII.1908. № 31.

[4] Московский еженедельник. 1908. № 30. С. 34.

Консервативное направление полностью преобладало на съезде. «Сложилось два направления, — констатировал Восторгов, — одно чисто церковное, православное, святое; другое — мирское обновленческое. Неправду и невежество последнего нужно запечатлеть» [1].

Выступивший на съезде за свободу вероисповеданий обер-прокурор Извольский вскоре был вынужден оставить свой пост, а представители церковной оппозиции — высказывать свои взгляды уже не в церковной, а главным образом — в гражданской печати.

2-я сессия Думы открылась 15 октября 1908 г. Вероисповедная комиссия заседала под председательством П. В. Каменского, товарищем председателя был член партии к.-д. В. А. Караулов, секретарем — барон Г. Ф. Розен, проявлявший в Думе исключительно большую активность.

Решения вероисповедной комиссии

В течение 2-й сессии вероисповедная комиссия передала в общее собрание Государственной Думы два из находившихся в ее рассмотрении законопроекта. Первый — о предоставлении Московскому евангелическо-лютеранскому генерал-суперинтенденту права ежегодно собирать консисториальный Синод — был принят комиссией в редакции министерства без особой полемики и представлен общему собранию в докладе П. В. Каменского 12 марта 1909 г. [2]

Второй законопроект — об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое, был представлен общему собранию 10 апреля 1909 г. также в докладе П. В. Каменского после длительных и бурных споров в комиссии.

После неудачи консервативных церковных деятелей изменить соотношение направлений в вероисповедной комиссии путем доизбрания новых членов от крестьян и потери епископом Евлогием

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 11.X.1908.

[2] Государственная Дума 3-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 2. СПб., 1909. С. 58—60. О деятельности комиссии — по этому источнику.

поста председателя в комиссии образовалось реформистско-либеральное большинство, возглавляемое председателем П. В. Каменским, которому противостояло меньшинство, возглавляемое епископом Евлогием.

При обсуждении законопроекта большинство членов комиссии высказались за разрешение перехода из христианских исповеданий как в другие христианские, так и в нехристианские исповедания.

Доводы, высказанные в пользу такого решения, могут быть обобщены следующим образом:

1) отказ в узаконении перехода из христианства в нехристианское исповедание фактически приведет к нарушению свободы совести, провозглашенной в Манифесте 17 апреля 1905 г., т. к. человек, по убеждениям перешедшей в нехристианство, будет по закону считаться христианином и будет вынужден для совершения таинств и обрядов (брака, крещения, погребения), которые связаны с изменениями гражданского состояния, прибегать к содействию духовных лиц фактически оставленного им христианского исповедания;

2) отказ в узаконении переходов, при фактическом их допущении, непоследователен, т. к. подрывал бы уважение к закону, и нецелесообразен, т. к. исторический опыт западноевропейских христианств показал, что такое узаконение не принесло никакого ущерба и что случаи перехода в действительности крайне редки;

3) принудительная обязанность лиц, отрекшихся от христианства, юридически числиться в христианской Церкви, повлечет за собой только кощунственное отношение таких лиц к таинствам и обрядам Церкви, что с ее точки зрения является совершенно недопустимым; пребывание таких членов в Церкви будет разлагающе действовать на остальную паству, и потому желательно, чтобы они не числились в ней, а переписывались явным образом в члены принятого ими вероисповедания;

4) в частности, Православная Церковь, в силу правил Апостольских и Вселенских Соборов, не должна стремиться к тому, чтобы лица, перешедшие в нехристианство, числились ее членами; напротив, в этих правилах, как общее положение, установлено, что, кто отрекся от Христа, тот уже не член Церкви, и в церковных правилах нет ни одного такого, которое дозволяло бы не отлучать

от Церкви отрекшихся от Христа; после же отлучения священник лишается права совершать для отлученного таинства и обряды своей Церкви и во всяком случае он к этому не обязан.

Меньшинство членов комиссии продолжало, однако, отстаивать взгляд, что русское государство, будучи христианским, могло бы допускать, во имя свободы совести, молчаливый уход из христианства, не налагая за это никакой кары, но не имеет оснований узаконивать этот уход; такое узаконение подействует угнетающим образом на истинно верующих христиан, нельзя все религии признать равными, и надо отдать преимущество христианской религии, являющейся основой государства.

В комиссии был также поднят вопрос о том, не следует ли узаконить вневероисповедное состояние, т. е. предоставить лицам, объявившим себя не принадлежащими к какой-либо религии, такие же гражданские права, как и лицам, входящим в допущенный государством религиозный союз. Наиболее либеральные члены комиссии указывали, что такое узаконение прежде всего выгодно для достоинства самой Церкви и для всякого вероучения — исключение неверующих членов избавит Церковь или религиозное общество от внутреннего разложения и даст возможность направить на таких лиц меры духовно-нравственного воздействия и вразумления. Сторонники этой точки зрения полагали, что чисто гражданская регистрация неверующих не составит особых затруднений, и что такая регистрация уже существует для некоторых старообрядческих и сектантских групп. Введение гражданской метрикации устранило бы неопределенное правовое положение отлученных от Церкви и избавило бы неверующих от необходимости прибегать для целей регистрации к кощунственному участию в непризнаваемых ими обрядах и таинствах Церкви.

Однако в этом вопросе большая часть комиссии высказалась в отрицательном смысле. Доводы приводились следующие: в западноевропейских государствах вневероисповедное состояние не существует, как особый институт; оно явилось следствием признания основного принципа свободы совести и долгого применения на практике этого принципа. У нас же, при массовой темноте и невежестве, узаконение вневероисповедного состояния может поколебать убеждение в греховности всякого преступления, убеждение, имеющее громадное сдерживающее значение. Потеря этого

убеждения может надломить основы нравственности и породить противообщественную и противогосударственную идею, что человеческий произвол неограничен, что теперь все регулирующие его мотивы отменены. При этом указывалось, что узаконение вневероисповедного состояния может в России иметь некоторое значение лишь для небольшой части интеллигенции. Поэтому было признано более целесообразным, по примеру христианских западноевропейских государств, постепенно развить и укрепить основной принцип свободы совести и предоставить самой жизни выработать формы существования вневероисповедного состояния; при наличных же условиях законодательное признание такого состояния означало бы лишь формальный вывод отвлеченной логики, противоречащей логике жизни.

Противники узаконения вневероисповедного состояния утверждали также, что люди без религии вредны для Церкви и государства, что безверие и особенно воинствующий атеизм есть зло, которое государство не может ставить под защиту закона, что такое узаконение приведет к безрелигиозному воспитанию детей, тогда как такое религиозное воспитание есть одно из основных требований государства и, наконец, что при отсутствии у нас достаточно развитой практики гражданской метрикации и гражданского брака явится необходимость предварительного пересмотра не только гражданских, но и церковных законов, принятых в отдельных исповеданиях. Все эти причины делают узаконение вневероисповедного состояния преждевременным и на практике трудно осуществимым.

Обсуждение вероисповедного вопроса в III Государственной Думе

В своем окончательном варианте законопроекта вероисповедная комиссия значительно расширила предположения правительственного проекта, приняв следующие положения:

1) каждому лицу, достигшему 21 года, предоставляется право переходить во всякое вероисповедание или вероучение, принадлежность к которому не наказуема в уголовном порядке;

2) несовершеннолетним, достигшим установленного законом брачного возраста, предоставляется означенное право, но лишь с

разрешения обоих родителей или опекунов над личностью несовершеннолетнего или попечителей, либо усыновителей, а при существовании одного родителя, опекуна, попечителя или усыновителя — с разрешения одного из сих лиц;

3) дети, не достигшие 14 лет, при переходе родителей или одного из них, оставшегося в живых, в другое вероисповедание или вероучение, следуют вере родителей или родителя;

4) с переходом в установленном законом порядке в другое вероисповедание или вероучение прекращаются взаимные права и обязанности между Церковью или религиозным обществом, с одной стороны, и отпавшим от нее — с другой;

5) по соглашению с финансовой комиссией предположено также освободить от гербового сбора все заявления, прошения и другие бумаги по делам о переходе из одного вероисповедания или вероучения в другое;

6) переход из одного вероисповедания или вероучения в другое устанавливается (регистрируется) через 40 дней со дня подачи заявления переходящего в другое исповедание лица. Срок этот не применяется в случаях тяжелой болезни переходящего [1].

Осуждение вероисповедных вопросов имело исключительно большое значение в деятельности III Государственной Думы. Оно сопровождалось бурными столкновениями и привело к значительной перегруппировке партийного состава Думы. Часть октябристов (около 20 человек), недовольные решением своей фракции, ушли из «Союза 17 октября», примкнув к националистам или особой группе правых октябристов. Национальная группа (21 чел.), объединившись с фракцией умеренно-правых (76 чел.), образовала новую «русскую национальную фракцию» (к началу 3-й сессии 91 чел.), ставшую второй по численности партийной группой в Думе после октябристов, сохранивших к началу 3-й сессии в своем составе 123 чел. Фракции правых и к.-д. (приблизительно по 50 чел. каждая) в течение всей деятельности Думы сохраняли устойчивость своего состава.

Решение Думы по вопросу о переходе из одного вероисповедания в другое привело к разрушению единства октябристов и на-

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 2. СПб., 1909. С. 60.

ционалистов, составлявших до этого прочное большинство Думы, и повлекло за собой дальнейшую неустойчивость законодательной деятельности Думы.

П. В. Каменский, доклад комиссии

Обсуждение законопроекта о переходе из одного исповедания в другое началось 22 мая 1909 г. докладом председателя вероисповедной комиссии ***П. В. Каменского*** [1].

Обосновывая принцип свободы совести, докладчик совершил исторический экскурс, показывая, как первоначальная духовная свобода, свойственная раннему христианству, после превращения христианства в государственную религию стала сменяться идеей религиозной нетерпимости.

«Первые последователи Евангелия, — говорил докладчик, — держались взгляда, преподанного им апостолом Павлом: «Бог есть Дух, а где Дух Господень, там свобода»... держались того взгляда, что вера человека, его религиозное убеждение — есть его святое, неотъемлемое и неприкосновенное достояние. Первые христиане носили убеждение, что вера устояется свободной по слову Спасителя: «Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Далее докладчик говорит, что влияние этих взглядов отражалось и на языческом законодательстве, ссылаясь на законодательные памятники IV в., которые признают за каждым человеком право поклоняться тому Богу, к Которому влечет его совесть. Свобода совести в этих актах почиталась естественным правом человека.

Противопоставляя принципу христианской свободы идею религиозной нетерпимости, П. В. Каменский приводит из энциклики папы Григория XVI «Mirari vos» от 1832 г. такие непонятные для христиан слова: «Из зараженного источника индифферентизма вытекает ложный принцип или вернее безумная мысль, будто кому бы то ни было нужна свобода совести».

Принцип свободы, утверждал докладчик, совести был сформулирован Наполеоном I, который накануне своего коронования

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1740—1753.

высказал мысль, что «власть закона кончается там, где начинается неограниченная область свободы совести». Также и Петр I начинает свой знаменитый Манифест 16 апреля 1702 г. словами: «Совести человеческой приневоливать не желаем» и в другом месте говорил: «Бог дал власть царям над народами, но Христос единый имеет власть над человеческой душой». Эта позиция веротерпимости и признания достоинства человека была выражена в царских указах 26 февраля 1903 г., 12 декабря 1904 г., 17 апреля 1905 г., 17 октября 1905 г. и в постановлениях Комитета Министров.

Далее докладчик изложил правительственный законопроект и проект, принятый большинством вероисповедной комиссией. Коренное различие двух проектов содержалось в изложении основного первого пункта. В правительственной редакции этот пункт звучал так:

«Каждому достигшему совершеннолетия лицу предоставляется переходить, без испрошения на то разрешения административной власти, из одной христианской религии, или христианского вероучения в другое, а из нехристианства и язычества в христианство и во всякое другое нехристианское или языческое вероучение».

Эта правительственная редакция была подвергнута в комиссии весьма существенной переработке, и статья приобрела следующий вид:

«Каждому лицу, достигшему 21 года, предоставляется право переходить во всякое вероисповедание или вероучение, принадлежность к коему не наказуема в уголовном порядке».

Таким образом, правительство признавало полную свободу перехода из одной веры в другую лишь за лицами, не принадлежащими к христианству; что же касается христиан, то их свобода выбора нового вероучения ограничивалась только пределами христианства. Между тем, вероисповедная комиссия допускала пе-реход из одной веры в другую без всяких ограничений, уравняв перед законом все религии как христианские, так и нехристианские.

Вторым выступил председатель Совета Министров ***Столыпин*** [1], который отметил огромный интерес к вероисповедному во-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. IV. С. 1753—1763.

просу, который породил целую литературу, оживленно обсуждался в политических кругах и волновал не только лиц, связанных с вопросами веры, но и равнодушных к ней, видящих в том или ином разрешении этого вопроса знак общего направления внутренней политики.

Столыпин, сформулировав основные идеи доклада Каменского, обвинил комиссию в слишком формальном, отвлеченно теоретическом подходе к вопросу.

«Комиссия, как я понял из слов докладчика, находит, во-первых, что раз переход из христианства в нехристианство не наказуем, то неузаконение такого перехода было бы актом недостойного государства лицемерия.

Во-вторых, комиссия находит, что было бы стеснительно для свободы совести лиц, отпавших в нехристианство, исполнять некоторые христианские таинства и обряды, необходимые в нашем гражданском обиходе, например, брак, крещение, погребение.

В-третьих, по мнению комиссии, само исполнение этих таинств и обрядов было бы не чем иным, как узаконенным кощунством.

Наконец, по мнению комиссии, сама Церковь должна отлучать от себя лиц, отрекшихся от Христа…

Мне кажется, что оспаривать эти принципы невозможно — они теоретично совершенно правильны. Но, господа, прямолинейная теоретичность ведет иногда к самым неожиданным последствиям, и сама думская комиссия не довела до конца этого принципа».

Далее Столыпин доказывает теоретическую необходимость признания вневероисповедного состояния, как естественное продолжение выводов комиссии, и резко возражает против этого:

«Неужели, господа, если в других странах, более нашей индифферентных в религиозных вопросах, теория свободы совести делает уступки народному духу, народным верованиям, народным традициям, — у нас, наш народный дух должен быть принесен в жертву сухой, непонятной народу теории? Неужели, господа, для того, чтобы дать нескольким десяткам лиц, уже безнаказанно отпавшим от христианства, почитаемым Церковью заблудшими, дать им возможность открыто порвать с Церковью, неужели для этого необходимо вписать в скрижали нашего законодательства

начало, равнозначущее в глазах обывателей уравнению православных христиан с нехристианами? Неужели в нашем строго православном государстве отпадет один из главнейших признаков государства христианского? Народ наш усерден в вере и веротерпим, но веротерпимость не есть еще равнодушие».

Председатель Совета Министров закончил свою речь словами, обращенными к религиозному и национальному чувству думских делегатов:

«Вы все, господа, и верующие, и неверующие, бывали в нашей захолустной деревне, бывали в деревенской церкви. Вы видели, как истово молится наш русский народ, вы не могли не сознавать, что раздающиеся в церкви слова для этого молящегося люда — слова божественные. И народ, ищущий утешения в молитве, поймет, конечно, что за веру, за молитву каждого по своему обряду закон не карает. Но тот же народ, господа, не уразумеет закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что Православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством. Господа, наша задача не в том, чтобы приспособить Православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства. Не отягощайте же, господа, наш законопроект чуждым, непонятным народу привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в русском государстве, и что утверждать его будет Русский Царь, который для с лишком ста миллионов людей был, есть и будет Царь Православный».

Третьим докладчиком по законопроекту выступил ***епископ Евлогий*** [1].

Утверждая, что расширение ст. 1 правительственного законопроекта не имеет фактического значения для Церкви, т. к. переход из христианства в нехристианство может происходить лишь в виде редкого исключения, докладчик согласился с мнением Столыпина, что такое расширение имеет принципиальную важность для государства, т. к. «этим расширением вносится в наше законодательство идея равноправности, равноценности христианства и нехристи-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. IV. С. 1765—1777.

анства, идея, в сущности, религиозного безразличия; умаляется., оскорбляется идея христианская, которая глубоко залегла в основу нашей жизни, нашего законодательства, всецело, насквозь проникнутого этой христианской идеей».

Подчеркивая далее ненаказуемость перехода в нехристианское исповедание, епископ Евлогий соглашается с тем, что метрическая регистрация в этом случае действительно представляет «неудобство», однако столь «незначительное», что «ему нельзя противопоставлять обращенное к государству требование санкционировать или легализировать свободу перехода в нехристианские вероисповедания или даже полное отрицание всякой религии».

Далее докладчик говорит о том, что предусмотренное в проекте комиссии понижение допустимого возраста для перехода (с согласия родителей) с возраста совершеннолетия (21 год) до брачного возраста (16—18 лет) должно быть допущено только в случаях фактического вступления в брак, а также о том, что выраженное Св. Синодом пожелание установить 40-дневный срок для *фактического* перехода в другое исповедание, срок, в течение которого переходящий становится объектом пастырского увещания, в проекте комиссии превращено в 40-дневный срок *регистрации* этого перехода, тогда как сам переход может совершиться сколь угодно быстро.

Обосновывая необходимость обдуманности и неторопливости в таком важном жизненном шаге, как смена вероисповедания, епископ Евлогий излагает свой взгляд на события в Холмщине в 1905 г., когда за две-три недели в Католичество перешло около 150 000 человек.

«Знаете ли вы, господа, что все массовое обращение в Католичество нашего русского народа в Холмщине произошло в течение двух-трех недель после обнародования указа 17 апреля 1905 г. Тогда по всей Холмщине понесся боевой клич, что вот настала власть Польши, что русская власть и вообще Россия на краю своей полной гибели, что даже наш Русский Царь и царица приняли Католичество и что это Католичество принял Иоанн Кронштадтский. Это усиленно распространялось в миллионах разных листков, которыми засыпаны были наши деревни, когда католическое духовенство вместе с польскими помещиками, а также мелкой шляхтой дружно набросились на наш бедный народ, когда стали бить стек-

ла у православных, оставшихся верными, когда стали травить поля, жечь дома — и вот тогда народ под влиянием этого террора действительно бросился, охваченный паникой, в костелы. Это было что-то стихийное, это был какой-то безумный вихрь, что-то вроде нервного психоза, своего рода. А затем, когда прошел этот ураган, когда наступило успокоение, то многие в народе поняли, что они были обмануты, и не прочь были бы возвратиться опять в православную веру, но, к сожалению, было уже поздно, потому что эта новая вера связала их весьма сильной религиозной присягой, и они остались в этом плену и остались, может быть, навсегда. Где, господа, и какая тут свобода?.. В миниатюре, по отношению отдельных личностей, может повториться нечто подобное».

Епископ Евлогий предложил изменить проект комиссии следующим образом:

п. 1. дать в правительственной редакции;

п. 2. придать факультативный характер, указав, что означенное в ней право осуществляется лишь при вступлении в брак;

п. 4. совсем исключить;

п. 6. изменить в смысле пожеланий Святейшего Синода и выражение «тяжкой болезни» заменить словами «угрожающей смертью болезни, по удостоверению врача».

Заканчивая речь напоминанием о том, что цель законопроекта заключается в постепенном проведении в жизнь указа 17 апреля 1905 г., епископ Евлогий сказал:

«Нужно ли говорить, какой огромный перелом в жизни русского народа произвел этот Указ; но уже и самая необъятная важность и огромное значение для государства и общественной жизни этого Указа требуют от нас особенной осторожности по отношению к нему. Это налагает на нас ответственную задачу, чтобы начала этого Указа проводились постепенно, не ломая и не коверкая жизнь народную, чтобы они не вторгались в жизнь в виде стихийных порывов и бурных потоков. Всякие скачки, всякие забегания вперед, а тем более расширение смысла Указа 17 апреля, как это, к сожалению, допускается нашей вероисповедной комиссией в отношении этого закона, послужит не на пользу нашему народу, а к большему расстройству спокойного и тихого хода народной жизни, и без того потрясенной печальными событиями последних лет».

С горячей речью в защиту более широкого понимания принципа свободы совести выступил рязанский депутат, октябрист ***Д. А. Леонов*** [1].

«Все репрессии, формальности, стеснения, — говорил он, — которыми до последнего времени наше законодательство пыталось прикрепить человека к Православию, привели лишь к тому, что религиозное безразличие и равнодушие все более и более проникают в народные массы. Равнодушие же в делах веры хуже ненависти».

Полемизируя с епископом Евлогием и Столыпиным, ссылавшимися в оправдание своей позиции на характерные черты русского народа, Леонов заявил:

«Веротерпимость, отвращение к религиозным гонениям истари были счастливой особенностью русского человека. Еще в самом начале XVI ст., когда в Западной Европе муки и смерть за отступление от установленных Церковью религиозных догматов в глазах народных масс казалось чем-то вполне естественным, чем-то неизбежным, когда в Испании святая инквизиция лила кровь ручьем, жгла на кострах самую христианскую идею, у нас на Руси из своей уединенной обители преподобный Нил Сорский безбоязненно называл гонимых еретиков мучениками и взывал к суровому Иоанну III о милосердии к ним; поборниками Нила Сорского в деле веротерпимости были знаменитый инок Вассиан и старцы Кирилло-Белозерского монастыря. Правда, и в русской истории бывали моменты, когда вспыхивали религиозные гонения, но гонения эти всегда были делом правительственных верхов, всегда преследовали те или другие политические цели, всегда были чужды народу; народ печаловался о гонимых и сам был готов на муки и смерть, лишь бы ему не мешали идти к спасению теми путями, которые он признал за наилучшие. (Голос справа: «Крокодил плачет».) Да, то, что устанавливается настоящим законопроектом — обеспеченная законом религиозная свобода в России — это новшество, но новшество это любо нашему народу, в этом новшестве ему святая старина слышится».

По поручению фракции октябристов Леонов внес поправки в проект вероисповедной комиссии. Одна из поправок была направ-

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. IV. С. 1777—1780.

лена против попыток использования свободы изменения вероисповедания для получения каких-либо гражданских преимуществ: «Возвращение перешедшего из нехристианства в христианство в его прежнее вероучение влечет за собой все те правоограничения, которыми по закону обусловливается принадлежность к этому вероучению». Вторая поправка сводилась к замене в п. 2 проекта выражения «брачный возраст» на слова: «четырнадцатилетний возраст».

Депутат партии конституционных демократов ***В. А. Маклаков*** [1] констатировал на основании речи Столыпина, что правительство признало правильными те принципы, которые были положены в основу решений вероисповедной комиссии, но пошло путем компромисса с реальными условиями, заявляя, что практически эти принципы осуществить нельзя.

Поэтому Маклаков встал на путь рассмотрения именно практических последствий того «узаконенного лицемерия», к которому призвало правительство. Он прежде всего отметил, что, если государство вправе мириться с тем, что человек числится православным, исполняет православные обряды, не будучи православным, то оно не имеет права вынуждать к этому лицемерию Церковь. Если духовное лицо откажет человеку, потерявшему или изменившему веру, в исполнении треб, то будет прав с точки зрения церковных правил, и государство не имеет возможностей вынудить его поступить иначе.

«Либо все дело в форме, и тогда государство право... либо дело в совести, и тогда Церковь имеет право отлучить меня от всех гражданских актов, которые она заключает... И если государство не запрещает, не карает, но и не признает, то всю тяжесть этой лжи оно переносит на совесть Церкви и ее представителей».

Маклаков далее рассмотрел мысль Председателя Совета Министров о практической необходимости непоследовательности в связи с тем, что в «темных умах нашего народа», в его традициях и привычках разрешение свободного перехода получит совсем другую оценку, будет понято как факт, что отныне правительство не видит разницы между Православием, магометанством и еврейством.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1780—1786.

Докладчик показал, что практическое отступление от принципа свободы совести может внести в умы еще бóльшее смятение. Принцип свободы совести может быть принят только во имя права человеческой личности на веру и убеждения и никак не должен быть связан с той «аттестацией», которую государство выдает религии, этой личностью воспринятой.

Можно было бы понять чисто конфессиональную точку зрения, если бы государство, считая Православие единственной истиной и «неправильно полагая, что истина побуждает его к насилию», запретило бы все другие религии и насильственно держало бы всех в Православной Церкви.

«Но когда вы этот принцип оставили, когда вы позволили совершенно свободно, без разрешения, по указанию совести, переходить из Православия в Католичество и Лютеранство, то вы сошли и с точки зрения свободы совести, и с точки зрения единой истины, ибо она только в Православии, вы стали на смешанный принцип, вы допустили деление религий по их благонадежности, допустимости в государстве... Изменивши прежнему принципу ... принципу единой истины Православия и делая изъятие для некоторых религий, наделяя религии штемпелем дозволенности государственной, вы вносите смуту в умы более, чем стоя на принципе полного уважения к человеческой совести».

Епископ Митрофан [1] обвинил большинство Государственной Думы в желании «произвести надрыв в вековом союзе между Православной Церковью и русским государством», вспоминая о «памятном голосовании 15 мая» по вопросу о старообрядчестве, «когда произошел колоссальный сдвиг с исторических устоев русского государства, когда попраны были исторические права православной веры».

Член национальной группы ***И. Я. Павлович*** [2], высказав «сдержанное» отношение к законопроекту в целом, предложил понизить до 7 лет возраст, в котором дети обязаны следовать за родителями, желающими переменить религию, устанавливая, таким образом, период от 7 до 21 года, когда перемена веры вообще не допускается.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1786—1791.

[2] Там же. С. 1791—1798.

Литовский депутат, член трудовой фракции, католик ***А. А. Булат*** [1] сказал: «Помните одно, что каждый верующий считает свою веру самой истинной и самой правильной, и только при полном равноправии религий, при полном равноправии каждого исповедания вы можете видеть, которая религия приобретает себе больше сторонников. Но не только это; только тогда, когда не будет в области веры, в области религии никаких принуждений, никаких стеснений, только тогда можно ожидать, что наступит желательное для всего христианства соединение всех христианских церквей (смех справа)».

Социалист ***Т. О. Белоусов*** [2], не обсуждая законопроект по существу, подверг резкой критике вероисповедную политику правительства и Православной Церкви.

Член партии к.-д. ***Н. К. Волков 2-й*** [3] выступил с предложением о необходимости узаконить вневероисповедное состояние и отменить какое-либо различие в правах между лицами разных исповеданий.

Член той же партии, товарищ председателя вероисповедной комиссии ***В. А. Караулов*** [4] сказал:

«В последние годы правая пресса бесконечно варьирует одну и ту же мысль, и эта же мысль развивается с этой трибуны в эти же последние дни правыми ораторами Государственной Думы: если в старообрядческом законе мы подкапывались под основания Православной Церкви, то в этом законе, который проходит у нас в настоящее время, мы идем уже против самого христианства. Мы очень довольны, что вопрос поставлен так прямо и отчетливо, потому что мы выставляем этот закон и защищаем его, как основной принцип именно христианского государства. Ни монархии древнего востока, ни классический мир свободы совести не знают».

«Нам говорят, — продолжал докладчик, — что нельзя вводить свободу совести ввиду православных чувств русского народа. Этот

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1802—1808.

[2] Там же. С. 1808—1817.

[3] Там же. С. 1817—1823.

[4] Там же. С. 1882—1887.

довод, господа, приводился всегда, когда хотели удержать путы на чьей-то совести...».

Описывая свободное отправление богослужений и религиозных процессий старообрядцами и сектантами, не вызывающих никакого «возмущения» православного чувства русского народа, Караулов сказал:

«Русский народ оказался терпимее и выше тех поклепов, которые на него систематически возводились».

Докладчик выступил с критикой той интерпретации холмских событий, которую дал епископ Евлогий.

Выступивший после В. А. Караулова ***Г. А. Шечков*** [1] изложил позицию правых.

«Церковь по существу своему, — говорил он, — не от мира сего, и потому она не ищет ни славы, ни силы мирской, потому не имеет она ни средств, ни интереса в том, чтобы утверждать свое мирское положение. Она довольствуется тем положением, какое отводит ей верующий ее член, ее послушный сын. Когда государство было языческим, оно гнало Церковь, когда восторжествовало Православие, тогда и Церкви было отведено почетное место, а когда христиане, номинальные христиане, стали относиться равнодушно как к своей вере, так и к другим верам — к язычеству, тогда явилась мысль об уравнительном отношении и к христианству, и к язычеству... Я полагаю, что раз мы признаем свою христианскую веру единственно истинною и Церковь Христову единственным кораблем спасения, то уже входим в глубокое противоречие со своей веровою совестью, если мы в законах будем проводить нечто этой идее обратное».

Докладчик далее высказал мысль, что ряд законопроектов, в число которых входит рассматриваемый, представляет собой нечто связанное общей идеей, некую новую вероисповедную систему.

«Система эта действительно нова потому, что идет не только в разрез, но и в отрицание той исконной вероисповедной системы, которая всегда была, господствовала в восточной православной половине Европы. Эта система берет свое начало от времени пер-

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1887—1900.

вохристианского царя Константина и окончательно формулируется благочестивым царем Юстинианом. С той поры она действует и досюда, но теперь мы желаем ввести новую систему. Мы не хотим оставить ту, которая была свойственна всему православному миру, а хотим ввести у себя ту, которая последнее время формулирована, главным образом, во Франции во время министерства Комба».

Далее Шечков, критикуя проект вероисповедной комиссии, говорит о том, что основания для выводов комиссии были уже заложены в правительственном проекте от 20 февраля 1907 г.

Так, в проекте сказано о нежелательности безрелигиозного состояния подданного государства, о религии, как основе нравственности, т. е. говорится о религии как таковой, без проведения различия между истинной и ложными религиями. В проекте говорится о невозможности «ныне же» признать юридическую силу за отпадением во внехристианство, тем самым указывая на временность такого положения.

Критикуя выступление Столыпина, оратор говорит:

«Конечно, положение неудобное, если мы встречаем такую стену перед собой, как народное самосознание... Но мне кажется, что раз мы встречаем такое препятствие, то должны бы сказать себе, что мы заблудились, поступили не так; но нельзя настаивать на том, чтобы обойти эту преграду и стараться как-нибудь, криво, прикрыть уступкой, провести в виде какой-то контрабанды... В общем, виды Правительства здесь совершенно понятны... Тут, в сущности, хотят тайну беззакония проводить в жизнь, конечно, до поры до времени, не явно. Вот что хочется авторам и защитникам проекта».

Касаясь вопроса о свободе совести, докладчик подчеркнул затруднительное положение самих законодателей, имеющих определенные религиозные убеждения:

«Законодатели тоже имеют свою совесть и, по совести, они не могут постановлять что-нибудь такое, что противоречит их же собственному исповедному убеждению: их совесть говорит одно, а они одобряют другое, здесь уже будет очевидное нарушение велений совести».

Первый депутат высказал также убеждение, что вопросы совести не могут решаться механическим большинством голосов, как это имеет место в Государственной Думе.

Касаясь вопроса о выборе веры, докладчик сказал, что это возвращает нас к временам кн. Владимира, когда шло искание веры, с той разницей, что тогда истина была единожды обретена, как «многоценная жемчужина», и на этом остановились, «а теперь полагают, что можно постоянно вечно обретаться в религиозном колебании, постоянно искать истину и переходить от одной веры к другой, сколько угодно. Очевидно, составители этих предположений исходят из той мысли, что никакой абсолютной истины на свете нет и абсолютно истинной религии нет, а что ее можно только искать — искать и никогда ее не находить».

Инцидент в Государственной Думе с епископом Евлогием

Заседание 23 мая 1909 г. закончилось инцидентом с выступлением епископа Евлогия «по личному вопросу». Отвечая Караулову, епископ Евлогий отверг его утверждения по существу: «Ведь это чистая, хотя и упорно повторяемая ложь, будто в Католичество отпали только упорствующие» и употребил весьма сильные выражения в адрес своего оппонента, такие как «кадетские подголоски», «возмутительное фарисейство», «беззастенчивое лицемерие», «издевательства над правдой», за что временно председательствующий барон Мейендорф призвал Преосвященного к порядку. Это действие Председателя привело правую часть Думы в состояние крайнего возбуждения, сопровождаемого угрозами и бранными словами в адрес председательствующего.

50 членов Думы (в основном — октябристы) заявили протест против действий правых, «создавших небывалый в стенах Государственной Думы беспорядок» [1].

«Великое учреждение русской жизни, созданное для выражения народных дум и чувств, для спокойного обмена мнений между его членами, для величавого труда на благо великой страны, — одним порывом безумия превратилось в нечто бесформенное, не руководимое, бушующее на почве личных страданий и личной необузданности... Могут ли поучать страну законности и порядку те, кто своим примером будут попирать их».

---

[1] Справочный лист Государственной Думы. Созыв 3-й. Сессия 2. СПб., 1910. Приставская часть, № 88.

Одновременно направили протест 79 правых и националистов против действий Председателя, подвергшего епископа Евлогия мере дисциплинарного взыскания [1].

«Всякий обратившийся к стенограммам, — заявлялось в протесте, — убедится, что ораторы слева в течение двух думских заседаний систематически позволяли себе надругательство над Православием, совершенно неслыханное. Все их выходки, однако, были допускаемы председателями совершенно невозбранно. При таких условиях Преосвященный Евлогий, вызванный к ответу депутатом Карауловым, называвшим его по имени, должен был сказать именно то, что он сказал, и требования самой элементарной справедливости обязывали председательствовавшего отнестись к Владыке так же, как относились ранее председательствовавшие к ораторам слева».

Заседание 24 мая началось в речи Председателя ***Н. А. Хомякова*** [2], выразившего сожаление о происшедшем инциденте и упрек членам Думы, допустившим «жестокое, непозволительное оскорбление Председательствующему».

53 депутата к.-д. и с.-д. направили протест против речи Н. А. Хомякова, сделавшего замечание всей Государственной Думе, тогда как виновниками инцидента были исключительно члены «крайне правой» [3].

Продолжение полемики

Обсуждение законопроекта продолжалось.

Священник ***Евгений Ганжулевич*** (фракция правых) выступил с горячей речью [4] против законопроекта вероисповедной комиссии. Ганжулевич отметил, что никто из депутатов других вероисповеданий, кроме православного, не позволил себе с думской трибуны говорить о темных сторонах в деятельности своей церкви или религиозного общества.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. Заседание 118. С. 1987—1988.

[2] Там же. С. 1933.

[3] Справочный лист. № 88.

[4] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1937—1943.

Он бросает обвинение сторонникам вероисповедных реформ: «Вы самым безжалостным образом касаетесь народных язв, кромсаете эти язвы в ту и другую сторону и не принимаете никаких мер к тому, чтобы для уврачевания этих язв произвести операцию более мягко, не вызывая осложнений, не подтачивая сил всего организма. Вы забываете, что каждый человек, и светский и духовный, и каждое государство, и каждый народ имеют за собой темные стороны, что идеального в человеческом мире ничего нет и быть не может. Ваши законы старообрядческие и вероисповедные... благодетельные в своей идейности, не скреплены христианской возвышенной любовью, а, напротив, отравлены ядом просвечивающейся враждебности к Православию и преклонение перед иноверием и инославием, а потому этот закон, говорю я, не может быть жизненным. Мы боимся здесь не за истину Православия, а боимся за темный и слабый народ. Та свобода, о которой вы говорите здесь, похожа на свободу, когда на овец напускают волков».

С. И. Коваленко 2-й (правый) [1] говорил о крайне низком уровне религиозного образования народа, делающем его беззащитным перед натиском более подготовленных инославных, раскольников и сектантов. В связи с этим он внес поправку в законопроект о том, чтобы переход из одной религии в другую, особенно из Православия, допускался только для лиц с высшим образованием, и то с разрешения императора.

Оратор правых ***Марков 2-й*** [2] выступил с националистических позиций, призывая к единству народа по крови и по духу как государственному идеалу.

«Идеал, который я вам нарисовал, — говорил докладчик, — который в природе существует в виде роя пчел, где всякая единица уничтожается ради общего блага всего роя, где нет личной жизни, где все живут ради своего государства. Рой пчел — это наш идеал; мы должны на него смотреть, им любоваться и ему подражать».

Инородцы и иноверцы, нарушающие этот государственный идеал, это государственное единство, представляют из себя нежелательное явление, которое приходится лишь терпеть. Утвержде-

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1943—1946.

[2] Там же. С. 1946—1959.

ние о необходимости равноправности всех народов, составляющих русское государство, Марков сравнил с требованием равноправности домохозяина и квартирантов.

«Сказать, что русский православный народ, — продолжал оратор, — радовался Указу 17 апреля, я не могу, ибо радости по поводу того, что православным людям дали возможность отпадать из Православия в иноверие, православные иметь не могли».

«Тут говорили, и очень красиво говорили, что право выше силы. Это, господа, наивная неправда: конечно, в действительности, сила выше права» (голоса слева: «верно»). Поэтому отвлеченные требования справедливости, противоречащие здоровому национальному эгоизму, с государственной и народной точки зрения — безнравственны.

Марков предложил рассматривать отпадение от Православия как порочное, но ненаказуемое деяние, которое не должно регламентироваться и регулироваться законом, подобно тому, как допускается посещение кабаков и домов терпимости, но государство вовсе не обязано узаконять право такого посещения.

С полемической речью против правых депутатов выступил член к.-д. ***Ф. И. Родичев*** [1], депутат Думы 1-го и 2-го созывов.

Докладчик сказал, что всякое проповедание с думской трибуны философии хищника чувства ненависти, — во имя религии любви, значит не творить государственное, национальное дело, а уничтожать самое существование нации и государства, которые держатся взаимным уважением между гражданами и общим стремлением к справедливости.

Нет более опасного софизма, чем противопоставление справедливости и государственной пользы. Если для частных лиц понятия пользы и справедливости могут расходиться, то в обществе и государстве они совпадают. Поэтому всякий сказавший, что он попирает закон во имя спасения народа, основывает свои соображения на лжи и ведет страну, в которой осуществляет это якобы спасение, к погибели. «И в вопросах свободы совести ясно, как Божий день, компромисса с совестью быть не может, ибо ради чего вы требуете свободы совести? Ради признания безграничной

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1964—1968.

внутренней свободы человека. Весь аппарат государства, вся система права имеет своей задачей охрану человеческой личности, охрану неприкосновенности его совести, и раз вы входите в область компромисса, считаетесь с чьими-нибудь предрассудками в этой области, вы поражаете самый принцип».

«В религиозных делах долг нашей Думы в настоящую минуту сказать: довольно насилий и довольно лицемерия, довольно слов и действий ненависти, и да господствует в России равноправие и свобода в вопросах совести! Она должна быть безгранична, т. е. она должна иметь свою границу только во внутреннем убеждении человека. Признайте же наконец эту верховную основу всякой правды, имейте смелость провести ее в жизнь, пользуйтесь тем случаем, который дает вам судьба, пользуйтесь случаем исполнить долг ваш перед русским народом до конца ... Помните, что только этим вы, в самом деле, основываете моральную силу русского народа и что без этой моральной силы физическая сила, назло всем представителям «истинно русского народа», без моральной, духовной, нравственной силы, без справедливости не стоит ничего».

Всего в прениях по законопроекту о переходе из одного вероисповедания в другое записались 81 человек. Однако ввиду того, что прения затянулись, на заседании 24 мая по предложению председательствующего кн. В. М. Волконского было решено сократить число докладчиков, избрав по пять ораторов за и против законопроекта.

В защиту свободы совести и с поддержкой законопроекта выступил семидесятилетний депутат от крымских крестьян, евангелист Захаров 1-й («Союз 17 октября»).

Симбирский депутат ***А. А. Мотовилов*** [1] (умеренно правый) указал, что Россия, которая сложилась в единении с Православной Церковью, испокон веков и росла в Православии. Под знаменем православной веры проходила вековая борьба с татарами и с поляками, и Церковь благословляла русских князей не только на победы, но и на мучения. Этот вековой союз Церкви и государства не может быть разорван по желанию Государственной Думы, и Государственная Дума не может сказать русскому народу, что напрасно он думал, будто его вера так высока, — Православие равно с

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1978—1981.

другими религиями. Русская Государственная Дума не может принести русскому народу такого развенчания его веры. Нельзя преследовать за веру, но и нельзя также забывать о глубоко верующей душе народной.

В заседании 26 мая депутат умеренно правых ***В. Г. Амосенок*** от имени крестьян внес предложение отложить постатейное обсуждение и голосование проекта до осени 1909 г., когда собрания Думы будут более многолюдными. Против этого предложения выступили октябрист Капустин, к.-д. Караулов, с.-д. Кузнецов, а также крестьяне Лукашин и Кузовков. Лукашин заявил от имени крестьян прогрессивной группы, что Амосенку крестьяне не давали поручения говорить от имени всех крестьян, и поэтому они будут голосовать против предложения Амосенка. Такое же заявление от имени крестьян-октябристов сделал Кузовков, и предложение Амосенка было отклонено 185 голосами против 152 [1].

Переход к постатейному голосованию был принят в заседании 26 мая большинством левых и октябристов против правых и умеренно правых [2]. После принятия первой основной статьи проекта епископ Евлогий заявил от имени солидарного с ним думского духовенства, что депутаты-священники отказываются от дальнейшего участия в обсуждении проекта [3].

К 1-й статье октябристами было внесено примечание, по которому возвращение перешедшего из нехристианства в христианство в его прежнее вероучение влечет за собой все те правоограничения, которыми по закону обусловливается принадлежность к этому вероучению. Ввиду отсутствия правых поправка была отклонена большинством 94 против 78 [4].

Националисты и умеренно правые признавали, что принятие ст. 1 в редакции вероисповедной комиссии является «грозным ударом» для союза Церкви и государства. Они, однако, продолжали борьбу даже тогда, когда ст. 1 прошла во втором чтении с незначительными поправками.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 2082—2086.

[2] Там же. С. 2089.

[3] Там же. С. 2103.

[4] Там же. С. 2102.

Поправка октябристов о том, что «родители христиане при переходе в нехристианское вероучение не вправе выбрать для детей, не достигших 14-ти лет, нехристианское вероучение» [1], — была отклонена. Большинством октябристов и к.-д. было отклонено и предложение с.-д. об узаконении вневероисповедного состояния, чего очень желали крайне правые для облегчения провала всего закона. Весь проект в первом постатейном чтении был закончен в заседании 26 мая.

Второе постатейное чтение происходило 1 июня 1909 г. После принятия 1-й статьи в редакции комиссии Тычинин от имени националистов заявил, что они от дальнейшего участия в голосовании проекта воздерживаются.

Председатель фракции умеренно правых Балашов [2] внес от имени фракции следующее заявление:

«Фракция, исповедуя основные положения свободы совести, возвещенные высочайшим Указом 17 апреля и Манифестом 17 октября 1905 г., всемерно содействовала проведению в законодательном порядке внесенного правительством, во исполнение высочайшей воли, законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Между тем, вновь образовавшееся в Думе большинство, расширив пределы законодательного предположения, установило начала равенства перед законом религии христианской с еврейством, магометанством и даже язычеством. Признавая непреложной истиной, что величие и мощь Российской Империи покоятся на тесном и неразрывном союзе с первенствующей Церковью Православной, и находя, что распространительное толкование высочайших предуказаний, допущенное большинством Государственной Думы, пытается извергнуть Россию даже из сонма государств христианских, фракция, исчерпав все меры противодействия, воздерживается от дальнейшего обсуждения названного законопроекта, возложив всю ответственность за указанное решение Государственной Думы на вновь образовавшееся большинство».

По утверждению националистов и умеренно-правых (объединившихся вскоре в одну национальную фракцию), законопроект, с

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 2125.

[2] Там же. С. 2997—2998.

момента признания им равенства религий христианской и нехристианских, признавался ими не только бесполезным, но и вредным.

Окончательная редакция вероисповедного закона

После голосования 1 июня законопроект был передан в редакционную комиссию и, поскольку 2 июня 2-я сессия Думы закрылась, то окончательное голосование имело место уже в 3-ю сессию 30 октября 1909 г. В этой окончательной редакции законопроект был принят 130 голосами против 91 [1], и был сформулирован следующим образом [2]:

1 ст. Каждому лицу, достигшему 21 года, предоставляется право переходить во всякое вероисповедание или вероучение, принадлежность к коему не наказуема в уголовном порядке;

2 ст. Лицам, достигшим 14-летнего возраста, означенное право (ст. 1) предоставляется с разрешения тех лиц, на которых лежит попечение о личности несовершеннолетнего (родителей, усыновителей, попечителей, опекунов);

3 ст. Родители или тот из них, на котором лежит попечение о личности малолетнего, не достигшего 14-ти лет, определяют его вероисповедание;

4 ст. С переходом в установленном законом порядке в другое вероисповедание или вероучение прекращаются взаимные права и обязанности между Церковью или религиозным обществом, с одной стороны, и отпавшими от оных, с другой;

5 ст. Лицам, желающим присоединиться к другому вероисповеданию или вероучению, принадлежность к коему не наказуема в уголовном порядке, а тем более к православной вере, никто ни под каким видом не должен препятствовать в исполнении сего желания;

6 ст. Все заявления, прошения и другие бумаги по делам о переходе из одного вероисповедания или вероучения в другое освобождаются от гербового сбора.

Далее предусматривалась отмена ряда законодательных статей, связанных с фактическими ограничениями свободы совести.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. I. С. 1024.

[2] Там же. С. 1020.

Проект был передан в Государственный Совет, но там он до окончания деятельности III Думы даже не был поставлен на обсуждение. «Таковы печальные результаты, — писали члены к.-д., составители обзора о III Думе, — наиболее яркой страницы в деятельности третьей Думы, направленной к «осуществлению свободы совести» [1].

Обсуждение в Государственном Совете

Думский законопроект о старообрядческих общинах оказался совсем неприемлемым для Государственного Совета и, отвергнутый им, «повис в воздухе». Согласительная комиссия не пришла ни к какому взаимоприемлемому варианту [2]. Дума предпочла отказаться от обсуждения варианта, предложенного Государственным Советом, чтобы дать правительству возможность таким путем сохранить действие закона, проведенного еще в 1906 году в порядке 87 ст. основных законов.

Законопроект Государственной Думы о переходе из одного исповедания в другое, предусматривающий право перехода в нехристианские исповедания, поступивший в Государственный Совет в 1909 г., был передан им в Особую комиссию, которая в продолжение 18 месяцев собралась всего 5 раз и в конце концов вернулась к правительственной редакции, допускавшей лишь переход в христианское исповедание. 17 мая 1911 г. по настоянию правых Государственный Совет снял законопроект с очереди и лишь 4 ноября приступил к его рассмотрению. После обсуждения в заседаниях 9 и 16 ноября законопроект был принят в редакции, предусматривающей переход из христианского вероисповедания точно в христианское же и притом в возрасте не менее 21 года и не ранее 40 дней после подачи о том заявления. 23 ноября ввиду расхождения с Думой Государственным Советом было избрано 7 представителей в согласительную комиссию.

---

[1] Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. С. 63.

[2] Прибавление к Церковным ведомостям. 1911. Ч. I. № 8. С. 118—120. Далее — по этому источнику.

Митрополит Владимир (Богоявленский), замещавший в Синоде смертельно больного Антония (Вадковского), предпринял со своей стороны действия, направленные на ограничение рамок действия Указа 17 апреля 1905 года, учитывая, что в придворных «сферах» настроение для этого было благоприятным. Была намечена комиссия из 3-х человек для разработки проекта «Положения об иноверных церквах и общинах». В основу проекта должно быть положено:

1) Полное восстановление в правах Православной Церкви, как господствующей в России. Поэтому ее постановления о церковных праздниках, о цензуре духовных печатных изданий и т. д., обязательны для гражданской власти, которая должна признать полную независимость иерархии в решении таких вопросов;

2) Строжайшее запрещение законом евреям, магометанам и язычникам распространение их вероучения и открытия синагог, мечетей, капищ без тщательного рассмотрения, а в столицах и больших городах без согласия высшей церковной власти. Сектанты приравниваются к нехристианским исповеданиям, и для регистрации их общины требуется наличности в ее составе не менее 1000 грамотных мужчин. В сельских местностях, где православные составляют не менее половины жителей, устройство сектантских собраний не должно допускаться.

Архиепископу Антонию [Храповицкому] Волынскому было поручено составить доклад относительно недопущения католиков к занятию должностей в государственных учреждениях Западного края. Был намечен ряд ограничительных мер против старообрядцев, а также «писателей-лжеучителей» вроде В. В. Розанова и Д. С. Мережковского. Проект «Положения» намечалось провести в феврале с помощью гр. С. С. Игнатьевой [1].

Церковно-государственная печать о крушении симфонии

В «Московских ведомостях» за сентябрь 1912 г. [2] была помещена передовая статья принципиального содержания, в которой подвергалась критике вся не только думская, но и правительствен-

[1] Речь. 31.XII.1911.

[2] Московские ведомости. 1912. № 234.

ная политика по вероисповедному вопросу. Большие выдержки из этой статьи поместили также «Церковные ведомости» [1].

«Законодательство, определяющее отношение нашего государства к религии и Православной Церкви, — писали «Церковные ведомости», — в период 1905—1912 гг. слагалось под влиянием нескольких факторов, и представляет ряд напластований, далеко не однородных и даже идейно противоположных. Обрисовка его полной картины должна бы охватить весь огромный материал учредительных актов Верховной Власти, правительственных законопроектов, претерпевших различные изменения, ряд поправок и почти контрпроектов Государственной Думы, ряд поправок Государственного Совета, отзывов Святейшего Синода, наконец, оценить многочисленные мотивировки проектов и мнений. Знающие понимают, как громаден архив этих материалов, дающих скорее место для важной и интересной диссертации, нежели хотя бы для ряда газетных статей... Между тем, полнота ошибки, о которой мы говорим, может предстать взору только при таком подробном анализе законодательного материала, скопившегося за 1905—1912 годы. ...Думаем, однако, что суть ошибки правительства П. А. Столыпина, выступившего в 1906 году с рядом законопроектов, касающихся веры и Церкви, достаточно ясна и при очень сокращенном изображении ее.

Представим себе защитников какого-нибудь замка от бунтующей толпы, которые, желая предохранить стены от разрушения, отвлекают толпу на разрушение фундамента: в чем ошибка этих защитников? Думаем — она ясна. Стены на вид кажутся более важны, чем фундамент, но только кажутся. В действительности — фундамент более важен. Пока он цел, восстановить проломанные стены не очень трудно. С уничтожением же фундамента стены все равно рухнут, но с тем ухудшающим осложнением, что их уже не на чем воздвигнуть».

Далее «Московские ведомости» со скорбью рисуют картину разрушения церковно-государственной «симфонии», картину заката «константиновской эпохи» церковной и гражданской истории:

«Вот такую же ошибку делает тот, кто для спасения государственного принципа жертвует принципом религиозным. До вели-

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1912. Ч. II. № 42. С. 1698—1700.

чайшей степени эта ошибка доходит в том случае, когда мы имеем дело с данным русским государством, которое было атаковано революцией. Это государство построено на теснейшей связи с религиозным принципом, а его Верховная Власть, т. е. неограниченная Самодержавная монархия, даже совершенно неотделима от религиозного принципа. Если еще можно себе представить, что вместо нашего государства можно построить некоторое иное, разобщив его с принципом религиозным, то уже совершенно невозможно сохранить нынешнюю Верховную Власть, разобщив ее с религиозным принципом. Таким образом, жертвовать религиозным принципом для спасения Государственного было бы в 1905—1906 годах полным абсурдом, попыткой с негодными средствами.

Этот абсурд, однако, и имел место в правительственных законопроектах 1906 года. Повторяем, что законопроекты имели напластования, изменялись. Но их основной тон остался неизменным, и его лучше всего можно видеть в *первом* ряде законопроектов, редактированных бывшим директором Департамента иностранный исповеданий — Владимировым и внесенных еще во вторую Думу. Их, как основные и типичные, мы и имеем в виду, говоря об идее правительственной религиозно-вероисповедной реформы.

Эти законопроекты, — продолжают «Московские ведомости», — не совершают немедленного разобщения государства от религии, но ставят законодательство на путь разобщения, на такие основы, при которых, хотя со множеством отклонений и противоречий, эволюция законодательства начинает идти по все более растущему разобщению государства и религии. Мы не говорим, что оно уже создано, мы сказали то, что есть, — что государство уже сделало ряд шагов по этому пути. Это, — к несчастью, факт.

Ошибка правительственного реформирования при этом была двойная: оно разъединяло государственное здание с его собственным фундаментом, разрывало то, что должно быть соединено, и такой же разрыв, конечно, бессознательно, производило между учредительными актами Верховной власти и законодательными актами правительственной власти, т. е. разъединяло Верховную власть государства с правительственной властью его, разрывало и в этом отношении то, что для прочности государства должно быть неразрывно соединено.

Для такой ошибки, конечно, нельзя найти другой квалификации, как «величайшая ошибка». А она действительно была совершена именно в смысле указанного двойного разрыва в государственном фундаменте...».

В период IV Государственной Думы наступление Синода и обер-прокурора против законопроекта о веротерпимости усилилось. Взгляды В. К. Саблера на этот вопрос были изложены им в отзыве по поводу законодательного предположения 32-х членов Государственной Думы, озаглавленного «Основные положения о свободе совести в России».

«Россия, — писал Саблер, — государство конфессиональное, в котором господствуемое вероисповедание Православное и толерантное, в котором присвояется свобода веры всем российским подданным» и в котором все веры распределяются по степени их совершенства с точки зрения «единой истинной православной веры». Положения, признающие «равноправие всех вер» и «безрелигиозное состояние», нарушают Основные Законы государства Российского, «ведут к вредным последствиям для государственного строя, ибо вносят смуту в религиозную совесть миллионов российских подданных, нарушают семейный мир и уравниванием значения всех религий противодействуют и религиозному и культурному преуспеянию» [1].

Выступление Святейшего Синода против законопроекта о свободе совести

Исходя из этих положений, Саблер с присущей ему решимостью приступил к практическому устранению последствий Указа 17 апреля 1905 года о веротерпимости. Законопроект о свободе совести, с таким трудом подготовленный III Государственной Думой, был также не без усилий погребен в синодских и думских архивах. Озабоченный тем, чтобы IV Дума не подняла вновь этих вопросов, Саблер предпринял усилия, чтобы законодательную инициативу по ним закрепить за Синодом.

В связи с этим от епархиальных архиереев последовал в Синод целый ряд подробных докладов о положении старообрядцев и сек-

[1] Церковно-общественный вестник. 07.II.1913.

тантов на местах. По донесениям преосвященных оказалось, что полиция на местах недостаточно строго следит за ведением сектантами их религиозных бесед, которые поэтому нередко выходят из рамок дозволенного законом. Ввиду этого архиереи задавали вопрос: не лучше ли было бы возвратиться к старым порядкам, когда сектантскими делами ведало духовенство. У Саблера с министром внутренних дел Н. А. Маклаковым велись переговоры об изъятии дел, относящихся к старообрядцам и сектантам, из ведения Департамента духовных дел иностранных исповеданий и передаче их в духовное ведомство. «Н. А. Маклаков, — сообщает газета «Речь», — как передают, обещал В. К. Саблеру подвергнуть этот вопрос тщательному обсуждению» [1].

Еще весной 1913 г. юрисконсульской части Синода была поручена разработка оснований для законопроекта об изъятии ряда дел из компетенции Государственной Думы. Работа над законопроектом велась летом с чрезвычайной поспешностью и в полной тайне. Ходили даже слухи, будто вопрос о 65 статье Основных Законов обсуждался в Совете Министров и в заседании Синода, что здесь и там мнения разделились, но в «высших сферах» тактике Саблера встречает полное сочувствие. Говорили, что члены Синода выражают удовлетворение по поводу проекта, который «поставит Синод на подобающее ему место и избавит от глумлений со стороны законодательных учреждений» [2].

Под впечатлением этих слухов в заседании 29 октября Дума приняла запрос, обращенный к председателю Совета Министров относительно справедливости слухов о подготовляемой обер-прокурором Синода попытке ограничить права законодательных учреждений. Это ни в какой мере не остановило Саблера. 7 ноября в «Церковно-общественном вестнике» сообщалось, что в ближайшем заседании Синода состоится доклад обер-прокурора, посвященный значению 65 статьи Основных Законов и ее применению на практике. По толкованию Саблера, вопросы догматические, канонические и церковно-иерархические должны решаться Синодом совершенно самостоятельно; вопросы внутреннего устроения Церкви (церковно-административное, церковно-судебное законо-

[1] Речь. 28.X.1913.

[2] Церковно-общественный вестник. 10.X.1913 и 17.X.1913.

дательство, уставы духовно-учебных заведений, правила церковно-хозяйственные и т. п.) Синод «непосредственно представляет на утверждение Верховной власти». Непосредственно касающимися в равной мере церковного и государственного законодательства являются такие законопроекты, как, например, проект бракоразводной реформы, снятия монашеского или духовного сана, прав и привилегий учащих и окончивших курс в духовно-учебных заведениях, штаты последних и все денежные ассигнования на нужды ведомства православного исповедания из средств государственного казначейства. В заключение Саблер разъяснил, что «применение ст. 65 ко второй группе законодательных предположений вопросы внутреннего устроения Церкви) имеют силу и характер не более как инструкционный и отнюдь не посягающий на законные права Государственной Думы и Государственного Совета в области законодательства и преследуют только твердое и правильное установление порядка составления церковных законопроектов и направление тех путей, по которым тот или другой законопроект должен быть проводим, сообразно характеру и значению законопроектов» [1].

Законодательная инициатива Саблера встретила в общественных кругах резкое сопротивление. Так, газета «Вечернее время» писала по поводу действий обер-прокурора: «Он разошлет свою инструкцию «подлежащим ведомствам» и преподаст им, как следует отныне проводить законопроекты, касающиеся вопросов Церкви. За подписью В. К. Саблера и одного из его столоначальников получена будет в министерствах бумажка, которой не более, не менее, как ограничиваются права Государственной Думы и Государственного Совета» [2]. Существенных сдвигов в вопросе о свободе совести вплоть до февральской революции более не произошло. В практике же имел место частичный возврат к положению до 1905—1906 гг. Половинчатые и противоречивые меры Государственного Совета и правительства так и не дали сколько-нибудь удовлетворительного решения вероисповедного вопроса.

---

[1] Церковно-общественный вестник. 07.XI.1913.

[2] Там же. 24.X.1913.

ГЛАВА II

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ И ВСЕОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Церковные народные школы в европейских странах

Вопрос о согласовании интересов Церкви и государства в области народного образования встал со всей остротой в XIX — начале XX в. во всех тех европейских государствах, в истории которых Церковь играла видную роль. Так, в республиканской Франции, вставшей на путь внерелигиозной государственности, на путь полного разрыва между государством и Церковью, вопрос был решен категорическим и насильственным способом: закрытием всех конгрегациональных школ и полным изгнанием духовенства из народной школы и отменой преподавания Закона Божия.

Совершенно иная ситуация имела место в Англии, для которой оказалось неприемлемым государственное насилие над личностью верующего, имевшее место во Франции. Государство и Церковь в Англии искали соглашения, компромисса, «модус вивенди». Светских школ в Англии, подобных русским земским или министерским, вообще не было до 1870 года, когда был принят школьный закон Форстера, создавший выборную единицу школьного управления, — нечто вроде русского уездного училищного совета. Задачей школьного управления было обеспечение достаточного количества школ путем назначения и сбора особой обязательной местной школьной подати.

В 1902 году, когда в России было издано «Положение о церковных школах», в Англии был издан закон Бальфура, которым было упрочено законное положение церковной школы наряду со светской, причем в большей степени, чем это было сделано в России. Различие заключалось в том, что в Англии в 1902 г., в отличие от России, был решен вопрос об отношении местных органов самоуправления (соответствующих земствам в России) к церковным

школам: церковные школы стали получать на свое содержание не только деньги из казны, но и пользоваться соответствующей долей из местных налоговых средств. Закон Бальфура привел к стремительному росту народного образования, главным образом, за счет церковных школ. Через три года после введения этого закона светских школ в Англии было 6800 с 3 500 000 учащихся, а церковных 13 600 приблизительно с тем же количеством учащихся. Так же, как и в России, вопрос о церковных школах вызвал в Англии напряженную парламентскую борьбу.

В Германии государственное положение церковной школы определялось в значительной степени специфической организацией крестьянской общины, где мелкая земская единица была одновременно и гражданской и церковной общиной, в которой пастору принадлежала руководящая роль. Этим прежде всего обуславливалось политическое могущество католической партии центра в германском парламенте, которая, имея устойчивое большинство, утвердила церковный характер и церковную инспекцию в народных школах. Новый школьный закон, принятый в Пруссии и вступивший в силу с 1 апреля 1907 года, лишь подтвердил руководящую роль духовенства в народной школе. В этом законе утверждался конфессиональный (вероисповедный) характер школ; для католического и протестантского населения устанавливались раздельные школы с учителями только соответствующего вероисповедания; для отдельных смешанных школ устанавливались особые нормы.

Сравнивая это положение с ситуацией в России, Н. Тичер в «Прибавлении к Церковным ведомостям» писал: «Если мы теперь сравним церковную инспекцию в Германии с русской церковно-школьной инспекцией, то несомненно должны признать, что наша инспекция находится в положении далеко более нормальном и правильном, чем в Германии. По нашим законам, священник является желанным учителем в народной школе; кроме того, наше духовенство получает в семинарии солидную практическую и теоретическую подготовку к учительской деятельности, чего нет у немецкого духовенства. Но особенно важно то, что у нас отдельно выработались типы светско-народной и церковно-народной школы. Народная школа в Германии должна починяться духовенству *во всяком случае*, ибо оно инспектирует *все* школы. У нас те учителя, которые по личному убеждению не выносят светского режи-

ма в школе, могут иметь прибежище в церковной школе; и наоборот, лица, по убеждению не согласные с идеей церковной школы, имеют выход в школу светскую. Таким образом, при нашем школьном дуализме создаются реальные основания для жизненного улаживания принципиальных разногласий и для прогресса школы в ту и другую сторону» [1].

Церковно-приходские школы в России до царствования Александра III

Вопрос об отношении между Церковью и государством в области народного просвещения, вставший в России в XIX в., определялся историческими особенностями России, как государства, неразрывно связанного с Церковью в самых своих истоках.

До эпохи Петра I единственным содержанием образования на Руси служила религиозная истина в ее православно-церковном виде. В этой истине черпали свою духовную силу строители и защитники московской государственности. Однако при Петре I государство начало заявлять свои права на руководство народной мыслью. «Европейская культура последнего времени, — писали «Церковные ведомости», — отличается небывалым развитием государственной идеи. Государство является в настоящее время могучим фактором, захватывающим и регулирующим все, — не только область народного просвещения, но и жизнь частных предприятий и даже, в известной мере, жизнь частных лиц. Все понемногу отходит к государству... Начало такого порядка вещей не трудно проследить и в России, начиная с царствования, когда был, например, издан указ, запрещавший монаху держать у себя в келье перо и чернила, и особым указом было повелено, чтобы духовники открывали уголовному следователю грехи, сказанные на исповеди» [2].

Затем при Екатерине II были отобраны церковные земли до 1 миллиона десятин; приобретение новых имуществ и земель было обставлено особыми затруднениями. Это привело к значительному обеднению Церкви и лишило ее возможности разворачивать

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. II. № 44. С. 2073.
[2] Там же. № 43. С. 2015.

школьно-просветительную деятельность; возникшее в то время стесненное, зачастую бедственное положение духовенства, лишило его достаточных средств даже для собственного образования.

Хотя в течение XIX в. церковные средства снова начали возрастать, однако независимость народных школ от влияния Церкви не располагало Церковь к проявлению активности в развитии школьного дела. Духовенство не было заинтересовано в том, чтобы тратить церковные средства и собирать пожертвования на школьное строительство при условиях, которые были, например, в 60-х годах, когда в земских школах было не больше двух уроков Закона Божия в неделю, а учителя из демократической интеллигенции подрывали у детей основы всякой религиозности.

Церковно-приходские школы издавна существовали на Руси, но особенно значительного роста они достигли в начале 60-х годов XIX столетия. К марту 1865 г. их насчитывалось до 21 420 с 412 542 учащимися [1]. Но рост школ продолжался лишь до тех пор, пока школы оставались под непосредственным заведыванием приходского духовенства.

Однако положением 14 июня 1864 г. о начальных народных училищах церковно-приходские и воскресные школы подчинялись губернским и уездным училищным советам, составленным из представителей различных министерств, а также земств, которым было предоставлено право попечения о народном образовании, преимущественно в материально-хозяйственном отношении (ст. 7 положения от 1 января 1864 года о земских учреждениях). Таким образом, самостоятельность духовенства в деле народного образования была уничтожена.

Правда, в «Высочайшем повелении» от 10 января 1862 г., предшествовавшем закону 1864 г., утверждалось в обтекаемой форме «учрежденные ныне и впредь учрежденные духовенством народные училища оставить в заведывании духовенства с тем, чтобы Министерство Народного Просвещения оказывало содействие преуспеянию оных, по мере возможности». По статье 19 закона 1864 года местный епископ был даже сделан председателем губернского училищного совета. Однако провозглашенное право для духовенства открывать школы почти не нашло практического

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. № 23. С. 1042.

осуществления. Основная роль в школьном деле перешла к министерству и земствам, потому что в их руках были все необходимые денежные средства: у министерства — из казны, у земств — из местного налогового обложения.

Церковно-приходские школы были лишены всякой материальной поддержки. Обер-прокурор Св. Синода Д. А. Толстой в своем обращении 5 марта 1866 года к председателям земских управ просил о помощи со стороны земств церковно-приходским школам.

Обсуждение вопроса о церковно-приходских школах в конце 1870-х, начале 1880-х годов

При обсуждении того же вопроса в заседании Комитета Министров 17 марта 1881 года министр финансов Абаза заявил, что «преследуемая правительством цель, — доставить народной школе нравственно-религиозное основание, — столь неоспоримо верна и составляет вопрос такой первоначальной важности, что Министр Финансов, даже при самом неблагоприятном состоянии Государственного Казначейства, счел бы себя обязанным изыскать потребные на то денежные средства».

Он далее выразил мнение, «что православное духовенство ближе подходит под условия, соответствующие его назначению, в качестве руководителя начальных училищ, чем учителя и учительницы народных школ, среди которых нередко возникали самые вредные и опасные для общества элементы». В заключение министр финансов находил «совершенно справедливым и целесообразным, чтобы духовенству была оказываема, в пределах возможности, потребная со стороны Государственного Казначейства денежная поддержка».

Результатом всех этих обсуждений было постановление Комитета Министров от 26 января 1882 года, по которому дело передавалось на дальнейшее рассмотрение обер-прокурору Св. Синода для согласования вопроса с другими ведомствами. По предложению К. П. Победоносцева, определением Синода от 17—25 сентября 1882 года была учреждена специальная комиссия под председательством члена Синода, архиепископа Холмского и Варшавского Леонтия. В состав комиссии вошли: от духовного ведомства

С. И. Миропольский, от Министерства народного просвещения Е. М. Феоктистов и П. А. Анпин, по особому приглашению обер-прокурора: С. А. Рачинский и Т. И. Филиппов при делопроизводителе В. И. Шемякине. На заседания комиссии приглашались также земские деятели по народному образованию: И. Н. Шатилов, Квашнин-Самарин и др. [1]

Тот же официальный журнал Святейшего Синода по этому поводу писал:

«...Обучение святым и серьезным делом, и не могло не способствовать распространению в народе отрешенной от Церкви грамотности. Священник в школе своего прихода не мог быть руководителем и воспитателем подрастающих поколений, а являлся лишь наемным урокодавателем по Закону Божию, во всем подчиненным почти исключительно светскому начальству. При таких обстоятельствах положение его в местном училище было иногда до того стеснительно и невыносимо, что заставляло его уклониться и от той небольшой доли участия в школьном деле, какая предоставлялась ему положением о народных училищах» [2].

Не удовлетворило требованиям духовенства и «Положение о народных училищах» 1874 года. Согласно этому Положению, председателем преобразованных училищных советов стал предводитель дворянства, избиравшийся дворянским сословием; ни образовательный ценз, ни знакомства с педагогической деятельностью от предводителя дворянства не требовалось. В училищный совет входил представитель от духовного ведомства, однако он был мало заметен среди других членов совета, более сильных по своему общественному положению и влиянию. Кроме того, представителем духовного ведомства обычно назначался законоучитель городского училища или другого учебного заведения, состоявшего в ведении Министерства народного просвещения, т. е. лицо, зависимое от Министерства по служебному положению, не могущее быть вполне самостоятельным из опасения лишиться службы и пенсии. Таким образом, за воспитание детей, в том числе религиозно-нравственное, отвечал предводитель дворянства и школьный инспектор, которые даже не обязательно были православными.

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. № 23. С. 1044.

[2] Там же. С. 1043.

В «Положении Комитета Министров» от 12 июля 1879 года по поводу особого совещания о народном образовании, проходившего под председательством графа Валцева, было высказано утверждение:

«Духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведывании народными школами. Такое участие служителей Церкви, по мнению Комитета, необходимо для того, чтобы удовлетворение потребностям народного просвещения не шло путем ложным, а потому вредным для народной нравственности и для общественного порядка. Никакое просвещение, а тем более первоначальное, не может дать благодетельных плодов, не будучи освещено светом веры, и если предоставление повсеместно православному духовенству надлежащего влияния на народную школу ныне на практике затруднительно, то достижение этого в возможно близком будущем должно быть поставлено целью согласованных к сему стараний Министерства Народного Просвещения и Духовного Ведомства, при поддержании тех благих начал, кои преподаны Его Императорским Величеством в Высочайшем рескрипте на имя Министра Народного Просвещения от 25 декабря 1873 года. Большинство земств осталось глухо к его призыву. Духовенство, лишенное необходимых средств на содержание церковных школ, вынуждено было передать их в ведение земства с переименованием и преобразованием в начальные народные училища, согласно положению 14 июня 1864 года, а в некоторых случаях — совсем закрыть школы. Число церковно-приходских школ стало быстро уменьшаться, так что к 1884 году их оставалось всего 2903»[1].

Вместе с уменьшением числа церковно-приходских школ и увеличением количества земских и министерских школ стало падать и влияние духовенства на народное образование, которое стало предметом особого внимания со стороны либеральной «народнической» интеллигенции того времени.

В царствование Александра III были предприняты действия, направленные к ликвидации последствий многих реформ преды-

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. II. С. 2070.

дущего царствования. Было, в частности, пересмотрено и отношение к народным школам. В рескрипте Александра III на имя министра народного просвещения от 25 декабря 1873 года было заявлено, что при утвердившейся в то время постановке дела «народные школы, вместо служения истинному просвещению молодых поколений, могут быть обращаемы в орудие растления народа, к чему уже и обнаружены попытки. Здесь намекается на революционную антиправительственную пропаганду, которую вели учителя-народники. Число уроков по Закону Божию было сокращено до 2-х в неделю, так что этот предмет обучения, занимавший центральное место в программах церковно-приходских школ, как бы терялся среди множества других предметов. Чтению церковных и священных книг, изучению богослужебного славянского языка, церковному пению уделялось все меньше внимания». «Классные книги для чтения, — писали «Церковные ведомости» в 1909 г. об этом периоде, — наполнялись пустыми рассказами и песнями, что вызывало справедливое неудовольствие народа, привыкшего считать дело обучения святым и серьезным делом, и не могло не способствовать распространению в народе отрешенной от Церкви грамотности» [1].

Страстным защитником церковной школы был педагог-славянофил С. А. Рачинский. «Дайте народу сознательное христианство, — писал он в одной из своих статей, — проведите христианство в его жизнь, сделайте русский народ народом святым, угодным Богу, — и вы ответите на запросы народной души»... «Такого образования и воспитания не получил еще ни один народ мира. Пусть получит его народ русский, который должен сказать свое жизненное слово прочим народам Востока и Запада, ждущим нового откровения, и, без сомнения, он скажет его, если просвещение русского народа произойдет в церковном духе. Судьба целого мира зависит от будущности русского народа». Обращаясь к будущим пастырям, он говорит: «Историческая минута, переживаемая нами, минута страшная. При вашей жизни, на ваших глазах совершится приобщение путем быстро разрастающейся грамотности, многочисленнейшего из христианских народов мира к первым ступеням жизни сознательной. И этот народ — вам не чужой, вы

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. № 23. С. 1042.

плоть от плоти, кость от костей его, вы призваны быть солью безмерной земли, им постоянно расширяемой» [1].

После долгих обсуждений была учреждена комиссия Комитета Министров для выработки устава начальных школ. Душой и вдохновителем комиссии был С. А. Рачинский, знаток школьного дела, непосредственно знакомый также с народным бытом и потребностями народного образования. Первое заседание комиссии имело место 20 октября 1882 года.

По предположениям комиссии, все школы — министерские, земские и церковные должны были иметь общую программу с усилением церковного элемента и именоваться приходскими. Для непосредственного управления школами должны были служить приходские попечительства при наличии министерской инспекции из духовных и светских лиц, священников-наблюдателей за церковными школами (по 2 на уезд) С. А. Рачинский предлагал назначать по выбору уездных земских собраний. Предполагалось восстановить в губернских училищных советах председательствование епархиальных архиереев, как это было в конце 1860-х — начале 1870-х годов.

Однако эта программа объединения всех школ под церковным руководством была отвергнута, о чем разъяснили комиссии обер-прокурор и министр народного просвещения.

Комиссия после этого сосредоточила свои усилия на разработке правил организации церковно-приходских школ, которые, по ее мнению, были единственно правильным типом начальных народных училищ. Комиссия постановила, чтобы Закон Божий занимал преобладающее положение в церковно-приходской школе, а все остальные предметы имели бы второстепенное, вспомогательное значение. При этом имелось в виду не только изучение учебников, а чтение Священного Писания и святоотеческих книг, приучение к основам христианской нравственности, к хранению обычаев и преданий Церкви. Важное место уделялось изучению церковнославянского языка и церковному пению. Для того, чтобы повысить уровень общего образования в школе, комиссия назначила 4-летний курс обучения с двумя учителями. Для желавших продолжать учение в возрасте от 12 до 16 лет предполагалось устройство уездных высших народных училищ, также с четырехлетним курсом.

---

[1] *Рачинский С. А.* Сельская школа. С. 242, 284.

К преподаванию в приходских школах комиссия считала необходимым привлекать главным образом священников, а при невозможности — диаконов или псаломщиков. Светские учителя допускались лишь под непосредственным руководством и наблюдением священников. Высшее управление церковно-приходскими школами комиссия проектировала предоставить епархиальному архиерею. Значительную долю материального обеспечения школ должны были принять на себя приходские попечительства. В период работы комиссии общее число церковно-приходских школ составляло 4348, на содержание которых ежегодно расходовалось 220 000 руб., в том числе от приходов и попечительств — 26 000 руб., от земств — 40 700 руб., частных пожертвований — 24 500 руб. и пособий училищных советов из сумм Министерства народного просвещения — 15 300 руб., остальные средства получались от сельских обществ.

По мнению С. А. Рачинского, государственные ассигнования должны были составить 120 руб. в год на каждую школу. Остальную, бóльшую часть расходов, должно было принять на себя приходское попечительство.

Проект Положения о церковно-приходских школах и объяснительную записку к нему комиссия представила 29 апреля 1883 г. на рассмотрение Св. Синода, который обсуждал этот проект в течение целого года. Основные изменения по сравнению с проектом заключались в сокращении предполагаемого срока обучения в одноклассных школах с 4-х лет до 2-х лет, непосредственное заведывание школами передавалось не приходским попечительствам, а приходским священникам, отменены пространные статьи проекта об отношении к церковно-приходским школам окружных и епархиальных съездов духовенства.

По содержанию обучения в церковно-приходских школах в «Правилах» Св. Синода различали школы одноклассные с двухлетним курсом и двухклассные с четырехлетним курсом. Преподаваемые предметы:

1) Закон Божий, подразделявшийся на:
   а) изучение молитв;
   б) Священную историю и объяснение Богослужения;
   в) Краткий катехизис;
2) Церковное пение;

3) Чтение церковной и гражданской печати и письма;

4) Начальные арифметические знания.

В двухклассных школах к этим предметам добавлялись начальные сведения из истории Церкви и отечества.

Ученики, окончившие курс вполне удовлетворительно, получали льготу IV разряда по отбыванию воинской повинности. Испытания для получения свидетельства об окончании курса должны были производиться на основании общих правил, установленных для начальных училищ.

Попечителям школы, предводителям дворянства и членам инспекции позволялось лишь посещать и осматривать школы, не делая никаких при этом распоряжений, и представлять свои выводы руководителю школы или, в случае необходимости, епархиальному архиерею.

Цель обучения в церковно-приходских школах определялась первым параграфом «Правил», в котором говорилось: «Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности и сообщать первоначальные полезные знания», и далее: «приходские школы нераздельно с Церковью должны внушать детям любовь к Церкви и богослужению, дабы посещение церкви и участие в богослужении сделались навыком и потребностью сердца учащихся. В воскресные и праздничные дни учащиеся должны присутствовать при богослужении, а способные, по надлежащей подготовке, должны участвовать в церковном чтении и пении. Ежедневные занятия начинаются и оканчиваются молитвою» (§ 9) [1].

Указ 1884 г. и стремительное развитие церковно-приходских школ

«Правила о церковно-приходских школах», разработанные Св. Синодом на основе проекта комиссии, были утверждены Александром III 13 июня 1884 г. На записке К. П. Победоносцева царь собственноручно написал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле».

---

[1] Правила о церковно-приходских школах. СПб., 1885.

В соответствии с этим постановлением царя были изданы указ Св. Синода по духовному ведомству от 12 июля 1884 г. и циркуляр министра народного просвещения И. Д. Делянова от 24 июля 1884 г. В циркуляре министра отмечалась выдающаяся в прошлом роль русского духовенства в распространении народного образования и далее говорилось: «Министерство уверено, что органы его по управлению народными училищами — попечители учебных округов, директоры, инспекторы, уездные и губернские училищные советы, — отнесутся с особенным вниманием к церковно-приходским школам и всегда будут готовы оказывать духовенству содействие к открытию, совершенствованию и размножению сил школ. Народных училищ так мало сравнительно с населением и пространством обширной Империи, что возникающие церковно-приходские школы восполнят потребность в обучении народа, который охотно будет вверять детей школе, устрояемой под сенью Церкви».

После указа 1884 г., подкрепленного законом 1902 г., развитие церковно-приходских школ пошло чрезвычайно быстрыми темпами. Духовенство, таким образом, стало проявлять активность в организации школьного дела лишь после того, как пастырь Церкви перестал быть лицом, посторонним школе или наемным преподавателем в ней, но стал лицом, несущим за школу полную ответственность перед своей совестью, перед Церковью, перед родителями учащихся. После устранения государственных перегородок народное образование стало для духовенства одним из средств просвещения и религиозно-нравственного воспитания народа в соответствии с его пастырским призванием.

Основными чертами организации церковно-приходских школ являлись следующие:

1) Церковь получала на школьное дело средства из казны, которые она могла расходовать самостоятельно, в рамках контроля и отчетности, установленных в России для всех государственных учреждений.

2) Церковь получила возможность полностью определять содержание и дух образования в народных школах, утверждать курсы, программы и весь строй школьной жизни.

3) Церковный характер школы был обеспечен в административном плане путем включения школьного управления в общую систему церковного управления.

О том, какое значение придавала Церковь этому фактору, сказал впоследствии в Государственной Думе ***епископ Митрофан*** [1]: «Говоря без преувеличения, можно ли сравнить живую, взаимно проникающую связь, которая устанавливается в церковном управлении, с каким-либо бюрократическим учреждением какой-либо канцелярии?.. Если для успеха всякого дела необходимы последовательность и преемственность, то они обеспечены здесь безусловно. В самом деле, — меняются отдельные члены церковной иерархии, но единство учения, которое они должны проповедовать, сохраняется незыблемо... Личные таланты и способности здесь могут служить только к бóльшему или меньшему успеху в развитии и применении основных, изначальных, признанных истин, какими в данном случае в отношении школы является воспитание в духе веры и нравственности.

Церковная печать отмечала глубоко принципиальный характер вопроса о приходских школах [2]. Основные идеи заключались в следующем: система церковно-школьного просвещения в корне своем выросла из того факта, что в России Церковь и государство не разделены; в силу этого и стало возможным то, что народное образование, как государственная функция, в смысле усвоения каждому гражданину благ культуры, совпало с функцией душепопечения в призвании Церкви, — совпало не в смысле, конечно, безразличия и отождествления, а в смысле возможности гармонического осуществления того и другого силами Церкви.

Европейский опыт показывает, что государство, как бы ни было велико его влияние на всю жизнь граждан, не может быть воспитателем народа, а следовательно, и не может дать ему образование, ибо образование без воспитания воли уже не есть образование в точном смысле слова. Государство может действовать принудительно, но только формальным путем: посредством правовых норм. Оно определяет программы и курс обучения, дает права и преимущества по дипломам, указывает права и обязанности службы учащего персонала, но все это совсем не то, что воспитывает индивидуальную личность. Государство само должно искать жи-

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 2. Ч. I. Заседание 3 ноября 1908 г. С. 713—725.

[2] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. II. № 41. С. 2016 и далее.

вых сил и деятелей, которые могли бы осуществлять воспитательную деятельность. Дело воспитания народного не может быть гарантировано для государства даже путем выбора соответствующего учительского персонала; требуя диплома и образовательного ценза, государство по-прежнему остается на формальной точке зрения и не может переступить ее, ибо образовательный ценз человека не служит еще ручательством того, что он сам воспитан и может воспитывать других.

Поневоле государство обращается к семье, взывает к нравственным силам общества и т. д. В этом случае на помощь государству приходит Церковь. В отличие от государства дело христианской Церкви, т. е. участие в богочеловеческом процессе, не может быть без воспитания каждой индивидуальной воли. Отсюда Церковь является естественной воспитательницей, которая выработала в течение веков возвышенную систему воспитательных и нравственно-оздоровительных средств.

Вся современная церковно-школьная организация в России и рассчитана именно на то, что Церковь и государство пребывают здесь в таком союзе, который, с одной стороны, не допускает разделения их между собой, с другой стороны, и в такой же степени не допускает их слияния и смешения. Они соединены, следовательно, нераздельно и в то же время неслиянно. Отсюда, в сфере школьного дела Церковь принимает на себя дело народного образования, т. е. функцию, которая касается земного бытия, капитализирует культуру в народе, усвояет народу еще необразованному и неопытному блага цивилизации, но Церковь действует в этом случае по мотиву и принципам религиозным, т. е. своим собственным, и достигает при этом не только целей, желаемых государством, но и того, что оно считает выше благ земной культуры. Эта самостоятельность Церкви в делах школы доходит до полной автономии; Церковь не только учреждает школу, избирает и назначает учителей, но и определяет программу обучения, влияет на школьный режим, заведывает школой и имеет свою церковно-школьную инспекцию, которая действует по уполномочию от Церкви.

Вопрос о взаимоотношении между земствами и церковными школами не раз поднимался при обсуждении школьного вопроса в Государственной Думе. В большей части земств это отношение было доброжелательным, т. к. было ясно, что дело народного об-

разования требовало мобилизации всех духовных и общественных сил, которые могли внести в него какой-либо вклад. Это может быть проиллюстрировано рядом фактов [1].

В 1885 г. Курское губернское земство, которое тогда считалось прогрессивным, в ответ на указ 1884 г. высказалось за объединение местного духовенства и земства для достижения общей им цели — усилить в народном образовании губернии развитие религиозно-нравственного начала и сблизить его с жизнью Православной Церкви.

В Смоленском губернском земстве в 1885 г. было постановлено «обратить внимание уездных земств на устройство церковно-приходских школ». Ярославское губернское земство в те же годы высказало «полное сочувствие» церковно-приходским школам. Такую же поддержку высказало либеральное Тверское земство, не говоря уже о земствах более консервативного настроения.

Постепенно увеличивалось число земств, выделявших субсидии на церковные школы. В 1880 г. таких земств было 28, в 1885 — 51, в 1890— 96, в 1895 — 144, в 1899— 169, в 1901— 265 земств, т. е. значительно больше половины всех русских земств. Сумма субсидий в 1901 г. составляла 434 000, затем несколько уменьшилась, но в 1906 г. еще равнялась 315 000 руб. Общая сумма земских средств, внесенных на церковно-приходские школы, составила к 1912 г. 123 000 000 руб. при 130 000 000 руб., полученных из государственного казначейства [2].

Многие земства после 1884 г. передавали полностью или частично свои школы духовному ведомству; так, в 1885 г. передали Церкви по 13 из своих 27 школ земства Вольское, Яренское, Васильское, Хвалынское. К 1886 г. передают свои школы земства Суражское, Угличское, Черкское, Елатомское. Нолинское земство передало 13 школ, Брянское — 23 из 35. В 1889 г. передали ряд школ Лодейнопольское, Павлоградское, Краснослободское, Вологодское земства, в 1890 г. — Сольвычегодское и Устюжское (последнее — 9 из 15), в 90-х годах Бежское и Вельское — $^1/_5$ своих

[1] Из доклада гр. Уварова в Государственном Совете 26 января 1912 г. Прибавление к Церковным ведомостям. 1912. Ч. I. № 8. С. 298—302.

[2] Из доклада обер-прокурора Св. Синода в Государственном Совете 25 января 1912 г. С. 309—312.

школ. В 1889—1903 гг. Лашиевское, Вытегорское, Тверское земства передали все свои школы духовному ведомству.

Сторонниками церковно-приходских школ, хотя и с некоторыми оговорками, оказались в Тверском земстве при обсуждении этого вопроса в 1885 г. такие либерально настроенные гласные, как Родичев, Корсаков и Бакунин. Бакунин на губернском собрании сказал по этому поводу: «Надо прежде всего бороться с той рознью, которой так много, рознью администрации и земства, учебных заведений и общества». Родичев указал на то, что «в глазах многих церковно-приходская школа является орудием воинствующего клерикализма и многие хотят сделать ее таковою, но задача земства состоит в том, чтобы она не приняла такого характера, и когда обстоятельства так складываются, что можно что-нибудь сделать в этом направлении, то это и надо сделать». Корсаков утверждал, что «не разрозненность и не враждебность, а объединение усилий нужно в деле народного образования».

Либеральная земская газета «Русские ведомости» писала в это время: «Если церковно-приходская школа, о которой заговорили, должна восполнить недостаток в народных школах, то она будет встречена с распростертыми объятиями».

Московское губернское земство, как и ряд других, отказывало, однако, в ассигнованиях на церковные школы, ссылаясь на недостаточность средств для земских школ.

При всем этом материальное положение церковных школ было значительно менее надежным, чем земских. К 1909 г. почти 40 000 церковных школ половину своего дохода имели в случайных и ненадежных добровольных пожертвованиях, тогда как земские школы имели постоянный источник своего благосостояния в земских налоговых обложениях. «Эта несправедливость, — писали в 1909 г. «Церковные ведомости», — еще более увеличивается тем обстоятельством, что в церковных школах учатся дети тех же земских плательщиков, на деньги которых содержатся и земские школы. С течением времени положение церковных школ все больше и больше будет затрудняться: расходы на школу растут, требования к ней предъявляются все более строгие и повышенные, но источник расхода остается одним и тем же, достиг уже крайнего своего напряжения и может только идти на убыли. Доселе земства крайне вяло поддерживают церковную школу: в общей совокупности они

тратят на нее не более 4% всего капитала, идущего на школы, и едва ли когда-нибудь земство, при настоящем устройстве земского самоуправления, станет на вполне правильную и последовательную точку зрения и будет в такой же мере, как свою школу, поддерживать школу и церковную, тогда как и эта последняя в одинаковой мере служит населению» [1].

Вопрос о всеобщем начальном образовании в Государственной Думе

Вопрос о всеобщем образовании был поднят в речи Николая II 27 апреля 1906 г. в Государственной Думе 1-го созыва, где «просвещение народа» было поставлено в число первостепенных государственных задач. В манифесте 9 июля 1906 г. подтверждалось, что «главнейшей заботой» царя всегда было «рассеять темноту народную светом просвещения и тяготы народные облегчением условий земельного труда» [2].

В программной речи Столыпина, обращенной к членам Государственной Думы 13 мая 1906 г., было сделано заявление о том, что правительство подготавливает законодательное «предположение о всеобщем начальном образовании с широким привлечением к делу народного обучения общественных сил». В речи председателя Совета Министров 6 марта 1907 г. перед членами II Государственной Думы это намерение было подтверждено. 20 февраля 1907 г. тогдашний министр народного просвещения П. М. фон Кауфман внес на рассмотрение Думы законопроект об основных положениях о всеобщем обучении. Проект был разработан в особом междуведомственном совещании, с участием представителя и от духовного ведомства, на основе составленных в разное время в земских учреждениях планов и ходатайств о введении всеобщего обучения.

Правительственный законопроект предполагал введение всеобщего обучения в течение 10 лет путем расширения сети начальных народных школ. Для этой цели предполагалось увеличивать ежегодно специальный кредит из государственного казначейства

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. II. С. 2070.
[2] Там же. 1912. Ч. I. № 5. С. 154.

на 10 000 000 рублей с тем, чтобы к концу десятилетия довести его до 103 000 000 рублей. Еще в первую Думу был внесен законопроект об увеличении суммы кредита на народное образование в 1907 г. на 5 550 000 рублей. Нерассмотренный первой Думой этот проект попал во вторую, где и был утвержден. Вопрос о 103 000 000 рублей и 10-летнем сроке оставался открытым.

Тот же министр народного просвещения 1 ноября 1907 г. внес в III Государственную Думу законопроект, отличавшийся от прежнего лишь обусловленными временными сроками и цифровыми данными. В представлении министра еще не стоял вопрос об испрашивании денежных средств на всеобщее обучение, — в нем устанавливалось только общее положение, согласно которому содержание преподавательского персонала в начальных школах, включенных в школьную сеть, должно быть относимо на счет государственного казначейства, причем на школы земские пособие должно было отпускаться по смете Министерства народного просвещения, а на церковно-приходские — по смете Святейшего Синода.

В декабре 1907 г. одновременно с законопроектом о дополнительном ассигновании 7 000 000 рублей на земско-министерские народные школы группа правых депутатов за подписью 94-х человек внесла законопроект *об отпуске* дополнительного кредита *4 003 740 рублей на содержание преподавателей («учащих») церковно-приходских школ и устройство и открытие новых школ.*

15 марта 1908 г. Государственная Дума приняла первый из этих законопроектов; судьба же второго оставалась неясной. 19 марта, накануне обсуждения его Думой, многие из священников, по словам о. Никоновича, считали полезным «из тактических соображений» воздержаться от участия в прениях; меньшинство же, наоборот, доказывали, что «возможный провал в Думе церковно-приходского вопроса будет знаменовать собою провал и других вопросов, для которых духовенство собственно и пришло в Думу» [1].

На другой день, еще до начала заседания, выяснилось, что октябристы на собрании фракции решили сдать законопроект в «комиссию законодательных предположений», куда обычно переда-

[1] Полоцкие епархиальные ведомости. 15.V.1908.

вались законопроекты, заранее обреченные на провал. Положение спас Пуришкевич [1]. В своем выступлении он стал отвлекаться в исторический экскурс и был одернут председателем Думы. Он отказался от выступления и был удален из зала заседания. Учиненный им скандал отвлек на себя общее внимание — и законопроект тем временем незаметно проскользнул в комиссию по народному образованию [2] для предварительного заключения в двухнедельный срок [3].

Однако по «независящим от духовенства причинам», разъяснять которые о. Никонович счел «неудобным», в первую сессию законопроект на обсуждение Думы не поступал. Более определенно назвал эти причины епископ Митрофан в своей речи в Государственной Думе 10 июня 1908 года при обсуждении доклада Бюджетной комиссии по смете Министерства народного просвещения. Епископ с горечью говорил о попытках «подвергнуть церковную школу измору», под различными предлогами откладывал назначение субсидий, без которых она не может развиваться и существовать; о «стремлении скрытым образом объединить церковные школы в другом ведомстве, не спросившись даже у того ведомства, которое их создало». Епископ Митрофан имел здесь в виду высказанные в Бюджетной комиссии соображения о целесообразности создания единой сети начальных школ под руководством и наблюдением Министерства народного просвещения. «Церковная школа, — говорил епископ, — преимущественно перед светской воспитывает народ в религиозно-нравственном духе». Представляя собой «оплот пастыря в борьбе с отрицательными явлениями жизни», она в качестве таковой «вызывает неудовольствие и смертельную ненависть «просветителей». Добиваясь ее уничтожения, эти последние «устраняют от влияния на народ пастырей» и берут его образование в свои руки. Духовенство, понимая это, не отдает и не может отдать церковно-приходские школы, «ибо это значит расписаться в собственном бессилии или отказаться навсегда от самого лучшего способа влиять на народ». По-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 1. Ч. II. С. 781—782.

[2] Полоцкие епархиальные ведомости. 23.V.1908.

[3] Прибавление к Церковным ведомостям. 12.VII.1908.

ход против церковно-приходской школы предпринимался широко, ее собирались для начала «оккупировать», слить с другими школами и «обезличить» путем объединения в одном общем управлении под предлогом, что церковная школа «самым фактом своего существования нарушает стройность школьной системы, нарушает то единство, которое здесь необходимо, а потом уже аннексировать». Епископ возражал, что единство школьного управления могло бы быть обеспечено и другим путем — объединением всех школ под началом духовного ведомства. «Вот наше желание, вот наша мечта», — заявил епископ Митрофан [1], повторяя мысль, высказанную еще церковно-школьной комиссией 1882 года.

В аналогичном духе выступил священник Машкевич, говоривший о «тяжком кризисе русской школы, в руках своих непризнанных обновителей обратившейся в прибежище полководцев революции».

В период обсуждения в Думе законопроекта 94-х в «Церковных ведомостях» началась систематическая публикация статей по народному образованию. «Дума настаивала на необходимости немедленного поднятия и развития народного образования, — писал Липранди, — причем особенно настаивала на национальной школе, каковой именно и является церковная школа. Но именно национальной школе Дума и не пожелала прийти на помощь. Земская школа оказалась в руках революционеров: 22 000 учителей земских школ находятся в ссылке в Сибири. Школа (земская) была и не перестает быть митинговым залом и лабораторией для выделки снарядов и главным убежищем полководцев революции, и лакомым кусочком в смысле получения за ничегонеделание русских народных денег... В нашей школе царит мертвый дух космополитизма, дух уничижения и принижения всего русского, национального, дух умаления царской самодержавной власти, дух неверия, дух отрицания семьи и всего святого, честного, благородного, великого, идеального...» [2].

В законодательном предложении 94-х левые депутаты справедливо усматривали нечто бóльшее, чем просто защиту матери-

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 1. Заседание 32. С. 2744—2747.

[2] Прибавление к Церковным ведомостям. 28.VII.1908. С. 12.

альных интересов учителей церковно-приходских школ. По словам кадета Воронкова, для духовенства и правых было важно, чтобы Государственная Дума своим ассигнованием на церковно-приходские школы подтвердила бы право на независимое существование таких школ в ведомстве православного исповедания. Именно по этой причине Дума, в большинстве настроенная против самостоятельности церковно-приходских школ, затягивала обсуждение законопроекта, и только осенью, 3 ноября 1908 г., предложение 94-х с положительным заключением Комиссии по народному образованию попало, наконец, в повестку дня. О повышенном интересе к этому законопроекту свидетельствует тот факт, что в прениях пожелало выступить 85 человек, в том числе большая часть думского духовенства, проявившего на этот раз редкое единодушие.

Испуганная перспективой затяжных прений, Дума постановила сократить число их участников до 15 человек, с тем, чтобы вошли ораторы от духовенства, дворян и крестьян.

Обсуждение вопроса о кредитах на церковно-приходские школы в Государственной Думе и в печати

Выступивший в Думе обер-прокурор Извольский сообщил, что духовное ведомство испрашивает со своей стороны на церковные школы дополнительно всего 1 000 000 рублей, тогда как действительная потребность превышает 10 000 000 рублей, в связи с чем он полностью поддержал законодательный почин 94-х.

Посвященная прениям в Думе статья «Церковного вестника» отметила, что в выступлениях представителей различных фракций лишь социал-демократы заявили себя принципиальными противниками церковно-приходских школ, другие же левые фракции — трудовики, кадеты и мирно-обновленцы, не возражая открыто против самой идеи церковно-приходских школ, находили, что сохранять ее в том виде, как она есть, вне общего руководства и наблюдения, — значит нарушить единство плана всеобщего обучения [1].

[1] Церковный вестник. 14.X.1908.

Лишь осторожно касаясь самой постановки учебного дела в церковно-приходских школах, ораторы этих фракций фиксировали внимание на том, что с развитием после 1884 года этих школ дело начального образования народа оказалось поделенным между духовным ведомством и Министерством народного просвещения, действовавшими самостоятельно и конкурировавшими друг с другом к ущербу для самого дела.

«Школа духовного ведомства, — говорил Н. Н. Львов, — есть именно порождение 1880-х годов, эпохи реакции, и именно этой школой был нанесен удар земским учреждениям. Не видеть этого нельзя; и если теперь Государственная Дума сделает то или другое постановление, это значит, что она перетянет чашу весов или на сторону земств, которые вели свою упорную напряженную борьбу с бюрократическим началом, или на ту сторону, которая всегда была врагом земства и общественного начала» [1].

Только правые и националисты выступили безоговорочно в поддержку своего законопроекта. Октябристы же в основном заявляли, что государство должно поддерживать просветительные учреждения, идущие от Церкви, церковных союзов и обществ, «ввиду того, что в стране, страдающей от школьного голода, нельзя отказать в поддержке ни одной школе» [2].

С резким протестом против объединения школ, как его понимало думское большинство, выступил ***протоиерей Гепецкий*** [3]. «Об объединении школ во всяком случае еще не надо говорить, — сказал он, — мы стоим накануне великой реформы, накануне оживления приходской жизни, накануне обновления ее. И вот тогда, когда нам удастся это оживление, тогда я уверен в том, что не будет никакого в этом отношении деления школ на разряды, а будет единая церковно-приходская школа». Накануне этого события, по мнению отца Гепецкого, говорить об объединении школ могут «только легкомысленные или враждебные религии люди или, наконец, бездушные бюрократы». Таким образом, декларированная

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 1. Ч. I. С. 1132.

[2] Церковный вестник. 14.X.1908.

[3] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 1. Ч. I. С. 1148—1161.

епископом Митрофаном программа подчинения Церкви всего начального народного образования была связана отцом Гепецким с планами возрождения самодеятельной церковно-приходской общины, которую тогда усиленно пропагандировали октябристы.

Социал-демократ Сурков [1] указал в своем враждебном церковным школам выступлении, что в продолжение 3-годичного курса в церковно-приходских школах из 30 часов еженедельных занятий Закону Божию, церковно-славянскому чтению и церковному пению посвящается около 15 часов, и лишь остающееся время грамоте. Не давая, по мнению оратора, сведений, нужных и полезных для крестьянина, церковно-приходская школа лишь убивает в народе интерес к знанию, не говоря уже о «пропаганде», которая в ней ведется. «Это, — заявил Сурков, — духобойня, а не школа». «Что же заставляет вас давать не такую школу, — обратился оратор к октябристам, — ведь темнота народная — вы, господа, прекрасно знаете — вам другой раз мешает, потому что фабриканту какому-нибудь нужно, чтобы стояли у станка рабочие все-таки несколько образованные, а нашим священникам это не особенно нравится, потому что в темной воде лучше можно ловить рыбу...».

Не надежным казалось духовенству и отношение к законопроекту думских крестьян, среди которых вели пропаганду социал-демократы. 4 ноября протоиерей Никонович записал в своем дневнике слышанный им разговор группы крестьян — представителей различных фракций, собравшихся около стола в Екатерининском зале Таврического дворца. После разговора о народном пьянстве и других предметах речь зашла о православном духовенстве. «Нисколько не стесняясь, — пишет Никонович, — моим и другого (старейшего меня) протоиерея присутствием, социал-демократ Кузнецов повел такую речь: «Господа, — попы большое зло России, ибо это не служители Церкви, а полицейские, состоящие на службе у правительства; а самый главный полицейский — это их обер-прокурор». Далее Кузнецов говорил, что в эпоху освободительного движения, когда среди крестьянского населения начали обнаруживаться «хорошие порывы», попы, как интеллигентная

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографический отчет. Сессия 1. С. 1140—1148.

сила в деревне, не только не развили этих порывов, а, напротив, душили их, а когда взялись за это дело народные учителя, то попы доносили на них, «писали рапорты», и бедных народных защитников сажали в тюрьмы, ссылали...». Попытка обоих протоиереев возражать Кузнецову оказалась «метанием бисера». «Вот взгляд на православное духовенство самой левой думской фракции, — писал Никонович, — не лучше смотрят трудовики, прогрессисты и другие левые партии, до кадет включительно» [1].

На другой же день обнаружилась целая «тайная интрига» против церковной школы. Депутат Волынской губернии, умеренно-правый крестьянин Андрейчук, сам когда-то окончивший церковно-приходскую школу, составил от имени думских крестьян предложение Государственной Думе отказать в ассигновании на церковную школу и, по слухам, успел собрать под заявлением 50 подписей. Умеренно-правые, епископ Евлогий и 13 человек священников потребовали от лидеров фракции, чтобы они принудили Андрейчука отказаться от своего намерения. «Угроза, кажется, воздействовала», — пишет Никонович [2].

«Трагизм настоящего дела, — говорит епископ Евлогий на собрании думских пастырей, — заключается в особенности в том, что провал церковной школе готовится со стороны православных крестьян!» Одни из присутствовавших признавали, что крестьяне недовольны постановкой учебно-воспитательного дела в церковной школе и соглашались, что заведующие школой священники зачастую используют их для того, чтобы устраивать на учительские должности своих детей и родню. Другие усматривали во всем простое следствие недовольства думских крестьян равнодушным отношением духовенства Думы к их сословным крестьянским нуждам. Третьи искали причину в агитации левых, в стремлении поссорить духовенство с правыми крестьянами и даже запугать его с целью заставить беспрекословно следовать своей партийной дисциплине. Передавая эти толки, отец Никонович добавляет от себя: «Где и в чем тут правда, — сказать трудно. Несомненно и печально в этом деле то, что церковная школа почти за 25 лет своего существования не успела завоевать себе симпатию народа и в крити-

[1] Полоцкие епархиальные ведомости. 26.V.1908.
[2] Там же.

ческий момент, когда судьба ее решается, против же восстают именно те, интересам которых она служит».

Хотя замысел думских крестьянских депутатов о выступлении против церковных школ удалось предотвратить, однако в своих выступлениях некоторые из них подвергли критике состояние обучения в церковно-приходских школах.

Так, вятский крестьянин Кропотов говорил, что у приходской школы «приставники» — священник, диакон, псаломщик и учитель или учительница, но преподаванием занимаются лишь последние. Крестьянских детей духовенство вербует в приходские школы, а своих отдает в начальные училища. «Так отзывается о церковной школе левый крестьянин, — писал Никонович, — приблизительно то же самое говорят о ней и крестьяне других думских фракций и даже, как это ни странно, — даже более искренние священники».

Витебский депутат умеренно правый крестьянин Амосенок прямо заявил, что деньги, полученные на школы, духовенство кладет себе в карманы. В конце концов Амосенок в Думском зале публично допустил грубую выходку, назвав заведующих приходскими школами священников ворами и мошенниками. После этого фракция умеренно-правых решила исключить Амосенка, если тот не получит прощения духовенства.

19 ноября 1908 г. состоялось последнее обсуждение законодательного предложения 94-х. Депутат Рязанской губернии левый ***крестьянин Лукашин*** [1] огласил в заседании Думы от имени 53 крестьян, членов Государственной Думы, следующее заявление: «Мы, крестьяне, наблюдая ежедневно ход жизни в церковно-приходских школах, не можем не выразить своего отрицательного отношения к ним, так как, по нашему убеждению, они служат не столько делу народного образования, сколько материальным и служебным интересам заведующих и учащих в них, почему голосуем против передачи данного законопроекта в Комиссию для дальнейшей его разработки, считая его нежелательным». Далее Лукашин высказал «искреннее пожелание, чтобы все церковные школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения».

---

[1] *Никонович Ф.* Из дневника члена Государственной Думы. Витебск, 1912. Записи 04.IX.1908 — 19.X.1908.

Выступивший в защиту законопроекта ***епископ Евлогий*** [1] сказал о политически общественной роли церковных школ:

«Посмотрите, как широко распространяются социалистические безбожные учения среди наших рабочих на фабриках и заводах, — эта грозная волна безбожия и неверия, разливаясь все шире и шире, проникая все глубже и глубже, стремится докатиться или даже докатилась уже отчасти до нашей деревни, прежде мирной и благочестивой. А наша учащаяся молодежь? Эти будущие общественные деятели, эти будущие руководители общественного мнения; как мало среди них людей верующих, религиозных, преданных Церкви. При таких мрачных симптомах нашей общественной жизни можно ли надеяться, что наши школы будут церковными, и можно ли удивляться, что наши духовные обеими руками, всеми силами хватаются, как за якорь спасения, за церковную школу, где священник, как пастырь Церкви, является хозяином, главным ответственным руководителем».

19 ноября, по окончании прений, законопроект большинством 179 голосов против 120 был передан в комиссию по народному образованию для окончательной разработки.

Враждебный выпад против церковных школ был предпринят 19 декабря 1908 года, когда за подписью 76 депутатов было внесено в Думу законодательное предположение по вопросу о народном образовании с «Проектом положения о школах». Дело народного образования авторы проекта считают специальной отраслью в системе государственного управления. Она должна находиться целиком в ведении Министерства народного просвещения. «Все остальные ведомства должны рассматриваться как посторонние этому делу. Все учебные заведения этих ведомств должны быть переданы органам местного самоуправления и находиться под контролем Министерства народного просвещения».

Согласно 1-му пункту проекта «Положения о школах» — все школы разделялись на три группы: министерские, общественные и частные, в зависимости от того, кто содержал школу: а) Министерство народного просвещения; б) земские учреждения и городские общественные самоуправления и в) ведомства, установления и ча-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. С. 1378—1392.

стные лица. Самое название «церковно-приходские школы» в проекте даже не упоминалось. Законодательное предположение 76-ти было передано в комиссию по народному образованию, в составе которой было много депутатов, его подписавших.

При рассмотрении законодательного предположения 94-х об ассигновании на 1908 год 4 009 740 рублей на жалованье учащим в церковных школах и устройство новых школ и об ежегодном ассигновании 1 000 000 рублей на жалованье учащим в церковно-приходских школах — предложено по обоим законопроектам отпустить всего 1 778 000 рублей, притом исключительно на жалованье учителям. Предложение сторонников церковной школы 18 февраля 1909 г. перенести законопроект об ассигновании на церковные школы на заключение комиссии по делам Православной Церкви было отвергнуто. Бюджетная комиссия Думы в заседании 3 мая 1909 г. сократила его ассигнование до 1 000 000 рублей [1].

Поддерживая проект в таком виде в заседании Государственной Думы 28 мая 1909 года, ***докладчик Леонов*** [2] от имени комиссии по народному образованию выдвинул пожелание, чтобы распределение кредитов между церковно-приходскими школами в уездах земских губерний передавалось на предварительное заключение уездным училищным советам, ведающим земскими народными школами.

Несмотря на энергичный протест ***обер-прокурора Лукьянова*** [3] против постороннего вмешательства в дела, касающиеся лишь духовного ведомства, Дума приняла законопроект вместе с пожеланием. 19 мая 1909 года законопроект прошел через Государственный Совет и был утвержден царем.

Борьба в комиссии по народному образованию

Дальнейшая борьба вокруг церковно-приходских школ сосредоточилась в избранном 5 декабря 1909 года совещании о церков-

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 16.V.1909.

[2] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 2447—2453.

[3] Там же. С. 2453—2456.

но-приходских школах при комиссии по народному образованию. В составе 12-ти членов совещания было 4 правых и националиста (епископ Митрофан, священники Гепецкий и Станиславский и депутат Тычинин) — по классификации «Церковных ведомостей» — «доброжелатели церковной школы», 3 кадета и 1 социал-демократ — «ее явные враги» и 4 октябриста — «враги скрытые, не скрывающие своих намерений «освободить Россию от церковной школы» [1].

Враги «скрытые» и «явные» объединились и в марте 1910 года провели в совещании следующие основные положения:

1. Церковно-приходские школы, включенные в школьную сеть, находятся в ведении Министерства народного просвещения на общих с остальными начальными школами основаниях.

2. Все права и обязанности содержателей церковно-приходских школ в объеме, определенном положением о начальных училищах, принадлежат духовному ведомству и осуществляются в порядке, установленном Святейшим Синодом.

3. Включение церковно-приходских школ в общую школьную сеть производится в 3-летний срок уездными училищными советами там, где последние существуют, а там, где их нет, в тот же срок после их образования.

4. Церковно-приходские школы, вошедшие в утвержденную местным уездным училищным советом школьную сеть, получают пособие от казны на общих с остальными школами основаниях по смете Министерства народного просвещения.

Примечание к 4-му пункту разъясняет, что все казенные средства, расходовавшиеся по смете Св. Синода на содержание учащих церковно-приходских школ, вошедших в школьную сеть, перечисляются из сметы Св. Синода в смету Министерства народного просвещения.

Из совещания «Положения» перешли в комиссию по народному образованию и в марте были приняты последней. В числе голосующих за законопроект оказался священник-прогрессист Дмитриев. При равном числе голосов перевес в пользу законопроекта дал голос председателя комиссии.

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 02.01.1910.

Борясь за каждое слово законопроекта как в совещании, так и в комиссии, епископ Митрофан и священники Станиславский и Гепецкий порой сильно раздражали октябристов. 8 декабря, когда им не без усилий удалось настоять, чтобы списки школ, включенных в школьную сеть, доставлялись не только министру народного просвещения, но и обер-прокурору Синода, председатель Комиссии октябрист фон Анреп заметил с досадой: «Ну, хорошо, мы запишем это в журнал, но к чему это наведет, если в конце концов мы не признаем за церковной школой права на самостоятельное существование».

Всегда корректный профессор октябрист Капустин, выйдя из равновесия, заявил представителям духовенства: «У вас, господа, особая логика, с вами невозможна совместная работа».

В своем рассказе об этом отец Никанович передает мимоходом следующий характерный эпизод: «Когда во время голосования один из почтенных протоиереев по недоразумению разошелся в голосовании со своими собратьями и затем по намеку епископа Митрофана исправил свою ошибку, то председатель не без некоторой резкости заметил: «Прошу не стеснять чужую свободу» [1].

Активизация Святейшего Синода в борьбе за церковно-приходские школы

Наряду с думской деятельностью, духовное ведомство вело борьбу за церковную школу и другими путями. Еще 24 января 1909 г. председатель Училищного Совета при Святейшем Синоде уверял члена Думы Никоновича, что церковно-приходская школа «несомненно отвоюет себе подобающее положение и увидит лучшие дни», так как на ее стороне симпатии царя и правительства, которые «видят в ней одно из антиреволюционных средств» [2].

В связи с исполнившимся в 1909 году 25-летием существования церковно-приходских школ духовное ведомство организовало широкую кампанию в печати в их защиту и устроило торжествен-

---

[1] *Никонович Ф.* Из дневника члена Государственной Думы. Витебск, 1912. Запись 08.XII.1909.

[2] Там же.

ную юбилейную выставку, где церковно-приходская школа рекламировалась как «детище» императора Александра III.

13 июня 1909 года последовали именной всемилостивейший указ Синоду по случаю юбилея школ, затем рескрипт сестры царицы великой княгини Елизаветы Федоровны на имя председателя Училищного Совета при Синоде и даже послание Константинопольского Патриарха Иоакима III на ту же тему о «высокополезной для дела Православия 25-летней работе церковно-приходских школ». Не было задержки и за ответными посланиями юбиляров. Одновременно на имя царя со всех концов России полетели телеграммы с выражением верноподданических чувств местных деятелей по случаю школьного юбилея из Екатеринослава, Полтавы, Могилева, Житомира, Ставрополя, Чистополя, Павлограда, Дмитрова, Астрахани, Владимира, Коврова, Овручи, Дубно, Меленков, Вятки, Пскова, Чернигова, Вологды, Калуги, Дорогобужа и т. д.

Присутствовавшие на открытии юбилейной выставки церковно-приходских школ также отправили царю свою «всеподданнейшую» телеграмму. Николай II в свою очередь почел нужным послать в связи с юбилеем школы телеграммы митрополиту Киевскому Флавиану, архиепископу Казанскому Никанору, епископам Самарскому Константину и Смоленскому Феодосию. Святейший Синод озаботился принять особое определение о необходимости дальнейшего усиления церковно-школьной просветительной деятельности с начала второго 25-летия церковно-приходской школы.

3 мая 1910 года открылось Чрезвычайное собрание Училищного Совета при Святейшем Синоде, посвященное положению церковно-приходской школы. Выступавший на нем 4 и 5 мая товарищ обер-прокурора Саблер говорил, что духовенство оправдало своими трудами в церковно-приходской школе «доверие царя-миротворца, который своим любящим сердцем уразумел, что для блага народа необходима школа, дающая прочные основы религиозного воспитания». «Только церковно-приходская школа, — говорил Саблер, — призвана давать детям русского народа необходимые для жизненного труда начальные познания и воспитывать их в твердом христианском намерении». Все это, — пояснял выступавший, — потому, что «Закону Божию в школе отведено как бы центральное место. Не 2—3 часами ежедневных уроков исчерпывается значение этого предмета в школе. Ему отдается не только ежедневно 1 час, но и изучение

церковно-славянского языка и постоянное участие в церковном пении, общие молитвы вместе с учащими, вся эта совокупность мыслей и чувств направлена к Богу» [1].

«Будем надеяться на Государственный Совет», — говорил епископ Евлогий. Разнесся слух, будто рассмотрение Думой законопроекта откладывается до будущего 1911 года. В этом усматривали победу сторонников церковно-приходской школы.

Училищный Совет при Святейшем Синоде представил в Синод «Журнал № 96» по поводу предполагаемой передачи церковно-приходских школ Министерству народного просвещения. В журнале говорилось, что затронутый Государственной Думой вопрос о начальной школе касается «непременной и величайшей миссии Церкви учить и воспитывать народ в духе святой православной веры». Эта цель может быть достигнута только в школе, где руководителем всего обучения и воспитания является священник, тогда как нельзя, конечно, говорить, что постановка религиозно-православного обучения и воспитания в светских школах и влияние в этом деле духовенства стояли на должной высоте. Многословно развивая эти мнения, Училищный Совет приходит к заключению, что постановление о подчинении церковно-приходской школы влиянию Министерства народного просвещения «с точки зрения Православной Церкви, совершенно неприемлемо». 20 марта 1910 года Синод, «вполне разделяя изложенные в журнале Училищного Совета соображения», определил: «Журнал этот утвердить» [2].

Никоновичу стало известно, что Училищным Советом при Синоде составлена была докладная записка о церковной школе, адресованная в Синод, с просьбой ходатайствовать перед царем о сохранении самостоятельности церковных школ. Говорили, что ставилось серьезное препятствие к подаче этой записки, но его удалось устранить, и записка была подана.

Вопрос о кредитах в Бюджетной комиссии

В Государственной Думе были снова возбуждены законопроекты об отпуске кредитов на церковно-приходские школы. После

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 22.V.1910.

[2] Церковные ведомости. 20.III.1910.

ассигнования 1 000 000 рублей Дума обсуждала законопроект обер-прокурора Св. Синода о новом отпуске по 1 000 000 рублей в год (500 000 в полугодие) на те же нужды. Для доведения содержания до размера, установленного законом 3 мая 1908 года, всем учителям церковно-приходских школ по подсчетам ведомства потребовалось 4 700 000 рублей. В Бюджетной комиссии Государственной Думы, куда законопроект поступил на предварительное рассмотрение, было предложено увеличить ассигнование вдвое, т. е. до 2 000 000 рублей.

Однако, распределяя эту сумму по уездам, на основании ведомостей, представленных духовным ведомством в оправдание произведенного в предыдущем году ассигнования в 1 000 000 рублей, Бюджетная комиссия обнаружила, что сведения духовного ведомства относительно числа училищ, входящих в школьную сеть, не совпадают с подлинными школьными сетями. Например, в губерниях Витебской и Могилевской число таких школ, по данным Министерства народного просвещения, равнялось 874 с 905 учащими, по ведомости Училищного Совета при Синоде оно достигало 1317 школ с 1423 учащими, что давало разницу на 518 учителей, иначе говоря, на 83 000 рублей, если считать добавочное ассигнование на учителя в 160 рублей.

В Старорусском уезде Новгородской губернии в числе приходских школ оказались две образцовые двухклассные, содержимые целиком на средства казны; одно училище показано дважды, включено 5 училищ уже закрытых и 6 хотя и действующих, но не включенных в школьную сеть.

По объяснениям представителя Училищного Совета при Святейшем Синоде, несоответствие объяснялось тем, что ведомости составлялись на основании непроверенных данных: на местах-де плохо понимали, что такое школьная сеть, и включали в списки все школы, заинтересованные в пособии (в том числе школы грамоты).

Расхождение было и в такой близкой к центру и хорошо информированной губернии, как Московская, где в уездах Дмитровском, Звенигородском и Коломенском вместо 76 школ с 86 учителями было показано 108 школ и 130 учителей.

Несмотря на то, что в списках оказались и школы официально не включенные в школьную сеть, Дума постановила увеличить

кредит до 2 000 000 рублей при непременном условии распределения его только между школами, включенными в школьную сеть. Требовалось, кроме того, чтобы 1) учителя имели достаточный образовательный ценз, 2) обучение было бесплатным и 3) ведомство ставило Думе сведения о школах, получивших пособие. Кредит в 1 550 000 рублей на учителей церковно-приходских школ Бюджетная комиссия предложила, не проводя в сметном порядке, оставить условным, чтобы отклонить ассигновки на церковно-приходские школы, если принцип единства школы будет отвергнут. Ввиду этого духовенство внесло новый законопроект об отпуске средств на церковно-приходские школы, без этого условия. Представление его стояло на повестке последних заседаний Думы. 7 июня Дума подошла к его рассмотрению, а 8 числа состоялось представление депутатов Николаю II, который, между прочим, сказал им: «Нахожу желательным в ближайшую очередь обратить внимание на мое наследие от горячо любимого родителя — церковно-приходскую школу». 8-го вечером огласили повестку следующего дня: вопроса о церковно-приходских школах в ней не было, когда же правые во главе с архиепископом Евлогием стали настаивать на его включении, октябристы и оппозиция оставили зал заседаний, вследствие чего голосование не могло состояться и законопроект Думой не обсуждался.

Проект о всеобщем начальном образовании

Основным, принципиальным законопроектом был проект Министерства народного просвещения о начальных школах, который обсуждался Государственной Думой в начале 4-й сессии с 15 октября в 17-ти заседаниях и был принят во втором чтении лишь 29 ноября.

Вопрос о народном образовании занял исключительно важное место в деятельности Государственной Думы. Некоторые из ораторов даже пророчили о том, что III Дума войдет в историю как «Дума народного образования». Центральным вопросом был вопрос о церковно-приходских школах: сохранить ли их самостоятельность или передать в ведомство Министерства народного образования.

«Удельный вес» вопроса о церковно-приходских школах может быть проиллюстрирован следующими данными.

Законопроект о начальном образовании вместе с докладом о нем думской комиссии по народному образованию представлял собой внушительный фолиант в 306 страниц. Самый проект заключал в себе 14 отделов и «Положение о начальных училищах», всего 103 отдельные статьи. Из этого количества статей лишь шесть статей раздела XIV касались положения церковно-приходских школ. Но именно из-за этих статей законопроект был отвергнут Государственным Советом, а в Думе эти статьи сделались центральным пунктом всех прений. Автор статьи об этом вопросе в «Церковных ведомостях» А. Трошин подсчитал, что прения по законопроекту в первом, втором и третьем обсуждениях занимают 1863 страницы, и из них на прения о церковных школах приходится 509 страниц, т. е. на 6 статей из 103 ушло 1/3 всего времени [1].

Приведем выдержку из этой статьи, показывающую отношение церковных деятелей к вопросу о приходских школах.

«Всякому, кто пережил эту борьбу за церковную народную школу в Государственной Думе, — писали «Церковные ведомости», — или кто, хотя и издали, но внимательно проследил все перепитии этой борьбы, — такому человеку становится совершенно ясно, что этот вопрос о церковных народных школах достиг в последней своей фазе особой стадии развития: он получил особую остроту, ибо коснулся глубины личных убеждений; здесь личная совесть подсказывала, что решение этого вопроса, предполагаемое законопроектом, должно глубоко подействовать на будущность Церкви, государства и народа. Значит, здесь дело отнюдь не ограничивалось только каким-то формальным объединением школ, законодательными поправками, редакционными ухищрениями, бюджетными и бухгалтерскими удобствами и т. п. И то большинство, которое создалось в третьей Государственной Думе и которое потерпело такое крушение велие в этом вопросе, должно винить самое себя: оно довело законодательную палату до острого разделения на почве основных принципов и в этих крайностях само потеряло способность видеть слабую сторону собственных аргументов. Та принципиальная глубина и ясность, которой в конце концов достиг вопрос о церковных школах, обнаружилась и в Государственном Совете. Обратим, например, внимание на рассмот-

[1] См. в «Приложении» таблицу, составленную А. Трошиным.

рение в Государственном Совете финансового закона о всеобщем обучении. Ведь вопрос шел о деле чрезвычайной трудности: нужно было фиксировать 10 миллионов ежегодного расхода, а в течение 10 лет всего 100 миллионов для того, чтобы за этот период было достигнуто всеобщее обучение. Но и эта финансовая трудность преодолена: Государственный Совет большинством голосов высказался за фиксацию таких расходов.

И, однако, тот же Государственный Совет отвергнул этот законопроект, отвергнул потому, что в нем попутно и скрыто решался вопрос о судьбе церковной школы: расходы на церковные школы были исчислены по фиксированной смете Министерства народного просвещения, а не Святейшего Синода, как бы следовало сделать, т. е. в законопроекте уже предполагалось решенным, что церковные школы потеряют свою самостоятельность и будут подчинены не ведомству Святейшего Синода, а Министерству народного просвещения. Вот в этом именно пункте Государственный Совет не мог принять законопроекта, и члены согласительной комиссии, бывшей по этому вопросу, остались непреклонны; очевидно, возвысившись до принципиального понимания, они в этом пункте не могли уступить, это была бы измена своим собственным убеждениям.

Общая тенденция новых школьных законопроектов, с точки зрения церковно-школьной, была ясна с самого начала. Эти законопроекты стремились подорвать существование в государственной системе народного просвещения России церковно-приходских школ. Быть этим школам или не быть? Будут ли они поглощены государством и его органами или, наоборот, останутся по-прежнему самостоятельной частью церковной организации в России — вот вопросы, которые стали на очередь в период III Государственной Думы [1].

Доклад комиссии по народному образованию (Е. П. Ковалевский)

Первое обсуждение вопроса о всеобщем образовании имело место в 4-ю сессию III Государственной Думы. Ему были посвящены первые девять заседаний.

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1913. Ч. 1. № 1. С. 33—34.

Докладчиками от комиссии по народному образованию выступили октябристы фон Анреп и Е. П. Ковалевский.

Выражая общую позицию «Союза 17 октября», склонного рассматривать Церковь лишь как одну из общественных сил, действующих в государстве, и стремясь к выработке компромиссных решений, учитывающих интересы всех направлений, ***Ковалевский*** сказал [1]:

«Быстрота, с которой нам приходится приступать теперь к введению всеобщего обучения, и громадность задачи, которая нам предстоит, требуют разумного использования всех тех *сил*, которые *могут* и *хотят* способствовать делу начального образования. Только такое объединенное, чрезвычайное усилие может дать желанные результаты. Силы эти: *государство*, *местные общественные учреждения*, *Церковь и население*. Считаясь с реальной жизнью, а не с отвлеченными идеями, мы не можем обойти ни одной из этих сил, но, к сожалению, опыт показал, что ныне эти силы действуют врозь, каждая тянет в свою сторону, что они как бы стремятся свести счеты там, где нужно действовать дружно. Законодателю надлежит установить среднюю равнодействующую, указать пределы влияния и найти возможность взаимной поддержки для всех этих сил. Законодатель, я думаю, должен знать, что творческое начало не может корениться во вражде или пререканиях, и что оно может быть сильным только в единении и в общей работе. Как установить гармонию в отношении государства, местных общественных учреждений, Церкви и населения в школьном строительстве, — вот к чему должно стремиться в первую очередь новое Положение, и вот что составляет для нас задачу первейшей важности».

Ковалевский откровенно заявил, что подлинного соглашения достигнуть не удалось. Каждый шаг на этом «тернистом» пути вел от разногласий к столкновениям, от столкновений к компромиссам, и хотя компромисс принимался, но не удовлетворял ни одной стороны. Государственная власть, в лице Министерства народного просвещения, боялась за авторитет своих местных органов, местные земские люди опасались чрезмерного давления со стороны

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 11—16.

правительства, представители Церкви не желали работать вместе с другими учреждениями и подчиняться общим порядкам, а проявляли течение создать, вернее охранить, «нечто свое особенное» (так Ковалевский назвал независимость церковно-приходской школы); представители национальностей мечтали о рамках более широких, чем те, которые им открыты в этом Положении. «Где же путь, чтобы никто не оставался обиженной стороной, не со своей, конечно, точки зрения, а с точки зрения государственной мудрости? Как слить все эти положения, скрепленные компромиссами в нечто химически цельное, нечто такое, что может назваться мудрым жизнеспособным законом?..»

«Я полагаю, — сказал докладчик, — что выход есть. Государственная Дума, как учреждение, стоящее на высоте широкого государственного понимания, будет иметь всегда перед глазами *объект* закона, а не сопутствующие ему условия; скажу проще: мы уповаем, что Государственная Дума будет все время при обсуждении этого законопроекта поглощена не счетами партийными или местными, а вопросом, *что лучше* для того городского или крестьянского маленького *русского человека*, которого будет *воспитывать эта школа*, и какова среда, откуда он пришел и куда он вернется».

Ковалевский закончил свою речь афоризмом Канта — «Человек не должен быть только средством, но целью».

Доклад комиссии по делам Православной Церкви (В. Н. Львов)

Докладчиком комиссии по делам Православной Церкви выступил независимый националист ***В. Н. Львов 2-й***, посвятивший свою речь исключительно ст. XIV о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения [1].

Поскольку комиссия по народному образованию не пожелала встать на почву споров о том, какая школа лучше в отношении общеобразовательных предметов, то Львов также не стал рассмат-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 16—37.

ривать этот вопрос, по его мнению, весьма неясный и противоречивый.

Львов отверг также довод о том, что объединение школ необходимо ввиду соперничества на местах между земством и духовенством в школьном вопросе, отметив, что соперничество за последнее время значительно ослабело, а там, где оно еще сохранилось, его легко устранить.

Львов привел авторитетное мнение проф. Чичерина, который еще в 1890-х годах, когда положение было гораздо более конфликтным, писал, отнюдь не будучи сторонником церковно-приходской школы в принципе: «В этой области размежеваться немудрено и ничто не мешает жить в мире, когда на то есть добрая воля. Между местным духовенством и земством нет даже никакого соперничества и если бы их оставили в покое, они никогда не враждовали бы друг с другом. Соперничество существует не внизу, а наверху между двумя ведомствами, из которых каждое стремится по возможности расширить свое управление и забрать себе как можно больше дела. Однако эта бюрократическая борьба легко может окончиться миром, нужно только, чтобы одно ведомство не вступало в область другого» [1].

Львов далее высказал мнение, что после 1880-х годов приближение школ земских и министерских к церковно-приходским в связи с усилением религиозного элемента в преподавании вызвано главным образом наличием большого числа церковно-приходских школ, служащих как бы примером тесной связи с Церковью для школ всех типов. Заверения комиссии по народному образованию, что самобытность церковно-приходских школ сохранится и после передачи их в ведение Министерства, необоснованны, так как по этому проекту составление школьных программ будет передано уездному училищному совету и окончательно ускользнет от ведомства православного исповедания.

Отрыв церковно-приходских школ от епархиального архиерея и Св. Синода не приведет к единству управления, т. к. сохраняются юридические права ведомства православного исповедания, и фактически в этих школах возникнет двоевластие. Львов указал на

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 16—37.

непоследовательность комиссии по народному образованию, которая, например, по отношению к школам, находящимся на железнодорожном пути, не изъяла их из ведомства Министерства путей сообщения, но лишь установила над ними контроль со стороны Министерства народного образования. Почему же этот принцип нарушен в отношении школ, находящихся в ведомстве православного исповедания?

Встает далее вопрос о тех частных пожертвованиях, которые были внесены за 25 лет на церковно-приходскую школу. «Эти 145 000 000 руб. носят частный характер. Ведь к духовным завещаниям и воле жертвователей всякое государство относится весьма бережно... Воля частного лица, которое жертвует капитал на какую-либо надобность, священна. Этот капитал, пожертвованный с известными целями, не может быть предназначен на другие цели. Кажется, это азбука государственной совести, это азбука государственного управления — бережно относиться к назначениям, имеющим характер пожертвований».

Проект о передаче церковно-приходских школ из ведения Церкви в ведение Министерства означает изменение самого типа школ и, следовательно, нарушение воли жертвователей.

Проект ставит в невыгодное положение церковно-приходские школы по сравнению со школами, управляемыми другими вероисповедными обществами: лютеранскими, армяно-григорианскими, мусульманскими, еврейскими, которые должны остаться в ведении духовных властей соответствующего исповедания.

«Не забывайте, — говорил докладчик, — что Православная Церковь в России не только православная, но она и русская, и национального самосознания в ней больше, чем в школе иноверческой... В русском государстве, чтобы делать исключение в отношении самостоятельного управления всем иноверным вероисповедным обществам и только лишать самостоятельного управления Православную Церковь, — уверяю вас, это неслыханное дело (справа рукоплескания и голоса: браво, правильно)».

Приводя данные по организации начального обучения в западноевропейских странах, где церковные школы обычно составляют около половины всех школ, Львов указал на практическую несостоятельность теории октябристов о якобы обязательном единстве школьного управления.

«После бурь революции, — сказал он, — всегда приходили к Церкви, а не уходили от нее, таков пример всех западноевропейских государств. У нас, кажется, хотят пойти другим путем: не наученные опытом революции хотят отнять у Церкви ее право на начальное обучение и вырыть пропасть между Церковью и начальным обучением. Я скажу: да не будет это так, потому что те, кто предлагают это, сами первые раскаются (справа рукоплескания и голоса: браво)».

Далее Львов поднял принципиальный вопрос о юридически законодательных правах Церкви в Русском государстве.

До Петра I положение Православной Церкви опиралось непосредственно на религиозно-нравственное единство русского народа и не было необходимости в каком-либо законодательном ограждении прав и преимуществ Церкви. Петр значительно умалил роль Церкви, однако очертил ее права строгими законодательными правилами, содержащимися в Духовном Регламенте.

Согласно Регламенту, по толкованию Львова, во главе государства Петр поставил два параллельных учреждения: Сенат и Синод, предоставив им в принципе равную власть; Сенату — гражданскую власть, судебную, административную и законодательную, а Синоду — церковно-законодательную, церковно-судебную и церковно-административную. Реформа 1802 г. передала административные права Сената министерствам, затем законодательные права были переданы Государственному Совету, а, согласно Основным Законам 23 апреля 1906 г., законодательные права переданы реформированным Государственному Совету и Государственной Думе, так что у Сената остались только судебные функции и контроль за администрацией.

Однако в отношении управления церковными делами, власть Синода по-прежнему определяется Духовным Регламентом, по существу подтвержденным в этом отношении Основными Законами Николая I и затем Основными Законами 1906 года.

«В данное время, — сказал Львов, — если бы юридической формулировки этих прав не было, то, смею вас уверить, Русская Православная Церковь была бы в самом печальном положении, потому что, если она ускользнула из сердец многих русских граждан и не имела бы юридической нормировки своих прав, то положение ее, основывающееся на нравственном праве, как желает думать комис-

сия по народному образованию, сводилось бы к тому, что с Русской Православной Церковью важно было бы знать всем, что угодно, потому что у нее прав юридических никаких бы не было».

Отношение Церкви к верховной государственной власти — к власти императора-самодержца, Львов интерпретировал как государственную автономию Церкви. Согласно ст. 64 Основных Законов: «Император, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния» и далее, по ст. 65: «В управлении Церковном Самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного».

Приводя мнения авторитетных православных канонистов, Львов утверждал, что государю принадлежит власть в Церкви не государственная, но каноническая, определенная правилами святой Церкви. Так, канонист Павлов писал: «В делах церковного управления Императору принадлежат: во-первых, — право созывать соборы, во-вторых, — право избрания на высшие церковно-иерархические должности, в-третьих, — право верховного наблюдения за общим ходом церковных дел, в-четвертых, — право законодательства по делам Церкви в духе и на основании канонов».

«Если Верховная власть, — продолжал докладчик изложение своего понимания симфонии, — в Российской Империи никогда не пользовалась и не желает пользоваться своею государственной властью в отношении к Русской Православной Церкви, а только тою властью, которая ей предоставлена канонами Церкви, то на каком основании какое-либо государственное учреждение в Российской Империи может желать пользоваться частицей своих государственных прав в отношении к Русской Православной Церкви, которой предоставлена по статьям Основных Законов полная автономия?.. Если церковно-приходские школы входят в область церковного управления, то, следовательно, ... *эта область, вполне автономная и самостоятельная, в которую русская государственная власть, даже в лице Верховной власти, никогда не вторгалась и не вторгается, имеет и собственный порядок и право на полную самостоятельность, право на невторжение какого-либо государственного учреждения в область церковных прав Русской Православной Церкви*».

Далее необходимо было выяснить вопрос, относится ли это основное законодательство к церковно-приходским школам? С этой целью Львов цитирует толкование Сперанского, фактического автора первого варианта Основных Законов, который в своем «Руководстве к познанию законов» писал: «Власть Синода равна Сенату. Предметы Ведомства: 1) вообще дело церковного управления в высшем их отношении — избрание архиереев, определение архимандритов и игуменов; 2) законы, суд и благочиние, — подразумеваются церковные, — часть судная в преступлении должностей, дела бракоразводные, церковная цензура; 3) обучение — ведомство духовных училищ».

Ведомство духовных училищ при Св. Синоде, учрежденное в 1907 году, управляло духовными академиями, духовными семинариями, уездными училищами и приходскими училищами, причем эти учебные заведения были подчинены друг другу в перечисленном выше иерархическом порядке. При этом в уставе комиссии духовных училищ было сказано, что приходские училища учреждаются для того, чтобы разносить свет просвещения в глухие уголки сел. Таким образом, эти приходские училища и были по существу тем типом народной школы, которые получили потом название церковно-приходских школ. Полная автономия церковного управления приходскими школами была подтверждена правилами 1884 г. и последующими указами.

Целесообразность сохранения автономии Церкви была подтверждена русским православным обществом, которое заявило свое мнение через Предсоборное Присутствие, принявшее следующее постановление:

«Православная Русская Церковь в своих внутренних делах управляется свободно своими учреждениями, под церковной защитой Государя Императора. Постановления Чрезвычайного Всероссийского Собора, повременных Соборов и постоянного Святейшего Синода, связанные с расходованием средств из государственного казначейства или с предоставлением церковным учреждениям и лицам прав государственных, восприемлют силу закона в общем законодательном порядке».

Наконец, автономность Церкви была подтверждена и в речи председателя Совета Министров год назад по поводу вероисповедного законопроекта.

Призывая к строгому соблюдению границы между правами Церкви и государства, Львов заявил, угрожая опасностью клерикализма:

«Если находятся сторонники вторжения в область церковную, то неужели вы думаете, что нет и в той стороне сторонников вторжения в область государственную, и под видом церковных интересов соблюдения своих политических комбинаций? Я предостерегаю вас от вторжения в эту область, потому что если и там найдутся охотники вторжения в область государственную, то из этого родится хаос...».

Заключая свой обширный доклад, В. Н. Львов заявил:

«Все государства берегли, свято охраняли право Церкви на обучение народное. А тем более после революционной бури нам надлежит укреплять эту связь, а не разрывать ее. Неужели вы думаете, что колебля авторитет церковный, можно служить делу порядка? Колебля авторитет церковный, мы служим делу революции. Я не удивляюсь левым, которые, как поборники революции, желают уничтожения церковно-приходской школы, потому что это в их интересах, потому что это логично, — они последовательны. Но неужели те, которые видели всю пользу революции на пепелище своих усадьб, думают, что пепелище православной начальной школы отзовется в православных верующих сердцах менее чувствительно, нежели пепелища их усадьб в их сердцах? (Рукоплескание справа.)

Союз Церкви и государства всегда был признаваем всеми государствами, как устой порядка. И если мы желаем подкладывать под один из устоев государства, — я не говорю о православных верующих, — я говорю только с точки зрения государственной целесообразности, — подкладывать порох под Православную Церковь, которая искони являлась основанием порядка русского государства, неужели мы думаем, что сможем удержать государственный порядок в наших руках? Никогда. (Голоса справа: верно, браво.) И если авторитет Русской Православной Церкви нам необходим и с точки зрения православно-верующего чувства, и с точки зрения государственной целесообразности, то нарушать права Церкви, признанные Основными Законами, и нарушать авторитет Церкви в отношении обучения народного нам не следовало бы».

От лица Комиссии по делам Православной Церкви докладчик *предложил раздел XIV законопроекта о начальных школах отклонить, не переходя к его постатейному обсуждению.*

Правая часть Думы энергично приветствовала это предложение.

Выступление священника А. Д. Юрашкевича

Член комиссии по народному образованию священник Минской епархии ***А. Д. Юрашкевич*** высказался главным образом по вопросу о качестве церковно-приходских школ, в отношении их общеобразовательной и нравственной ценности [1].

Докладчик указал, что поводом для нареканий обычно служат не церковно-приходские школы, правильно поставленные и обеспеченные всем необходимым, а школы грамоты, служащие предметом нареканий за низкий уровень преподавания в них. Он призвал различать то, что относится к правильно организованной церковно-приходской школе и то, что составляет «средство, орудие народного самообразования».

Когда церковное ведомство получило право создавать церковно-приходские школы, оно решило это таким образом: при наличии средств — строить хорошую школу, содержать хорошего учителя, нет денег — открыть хоть какую-нибудь школу, «лишь она была, лишь бы учили Закону Божиему, учили молиться, учили цифири, но только была бы школа, только бы народ втягивался в грамоту». Деревни и поселки покрылись целой сетью школ грамоты. «И вот, — продолжал докладчик, — эта школа самообразования служит как бы бельмом на глазах некоторых. На нее указывают: вот, мол, что у вас за школа, чем вы можете хвастаться? Но, позвольте, там, где правильно поставлена школа, там она хороша, там она выше школы министерской, выше школы земской, и она должна быть таковой. Церковно-приходская школа не отрицает того доброго, что есть в школе министерской, но у нее есть свой плюс. Именно, принимая ту же самую программу, что и светская, она вместе с тем восполняет ее строем религиозным».

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 44—48.

Говоря, что таких образцовых церковно-приходских школ пока мало, отец Юрашкевич главной причиной указал крайнюю бедность этих школ по сравнению с министерскими и земскими ввиду незначительности государственных субсидий, невозможности нанять хороших учителей, отсутствия необходимого количества учительских школ и семинарий.

Как и большинство ораторов, поддерживавших церковную школу, отец Юрашкевич подчеркнул ее охранительное назначение в период революционных смятений:

«Да, господа, — говорил он, — вы церковно-приходские школы желаете уничтожить тогда, когда даже высшее общество, образованное общество, стало по ту сторону добра, когда потеряны светочи нравственной мысли даже среди людей просвещенных, когда несколько лет тому назад люди пишущие, люди, занимающие кафедры, не знали, что делать: приветствовать ли или осуждать хотя бы те экспроприации и всевозможные беззакония, которыми отличалось так называемое «освободительное движение». В ту пору уже так называемые интеллигентные классы потеряли отличие добра от зла. (Смех слева. Марков 2-й с места: верно, правильно; звонок председательствующего.) И когда эти течения, эти злые веяния пошли в народ, когда они породили страшную нравственную смуту, когда, как говорят в настоящее время люди земли, невозможно жить в деревне, когда повсюду нравственный развал благодаря тому соблазну, который внесен прежде всего высшим классом, — в эту пору посягают и на церковно-приходскую школу».

Указав, что идея религиозно-нравственного воспитания во всех школах не отрицается комиссией по народному образованию, докладчик сказал, что вся суть дела в необходимости постоянного нравственного контроля за учителями, который не может быть осуществлен в школах министерских и земских, так что дурное влияние учителя нередко обнаруживалось после десятков лет его сидения на месте. «Церковно-приходская школа именно идет навстречу нужде нравственного наблюдения над учителем. В церковно-приходской школе выбирает учителя в сущности священник, — он ответственное лицо за школу, он нравственный руководитель школы».

Отец Юрашкевич закончил свою речь патетическим обвинением в адрес председателя комиссии по народному образованию В. К. фон Анрепа:

«Господа, в дурную пору вы возбудили законопроект об уничтожении церковной школы. И если вы примете такое положение, что уничтожите церковно-приходскую школу, то вина падет на нашего достоуважаемого председателя. Он сказал, что большинство Комиссии приняло положение, неблагоприятное церковно-приходской школе. Не большинство Комиссии, а он своим голосом дал перевес, так сказать, левому мнению. И, высокоуважаемый Василий Константинович, вы будете виноваты перед историей, перед русским народом, перед Церковью, если действительно церковно-приходская школа погибнет».

Позиция фракций националистов (Д. Н. Чихачев), к.-д. (П. Н. Милюков), октябристов (Д. А. Леонов)

По поручению фракции националистов позицию фракции изложил в своем докладе ***Д. Н. Чихачев*** [1].

Докладчик нарисовал картину деморализации деревни, крушения начал патриархальных и семейственных и воцарения анархии: тунеядства, пьянства, непочтения к родителям, неуважения к чужой собственности. Разложение деревни началось в Великороссии и начало захватывать Малороссию, а также польские и литовские деревни.

Единственный путь к исцелению и возрождению деревни — тесное единение религии и школы, причем должна учитываться положительная роль не только Православной Церкви, но и костела, лютеранской кирхи, синагоги, мечети.

Чихачев подчеркнул неудовлетворительность постановки в школе преподавания Закона Божия и русского языка, отечественной истории и географии. Он предложил также ввести в школах преподавание обществоведения: основные сведения об обязанностях по отношению к государству, к властям, уважение к чужой собственности, любовь к животным и т. д. Наряду с улучшением обучения профессиональным навыкам, докладчик всячески одобрял введение военной гимнастики в школах, как средство воспитания отсутствующей в настоящее время дисциплины.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 55—62.

Поддерживая идею законопроекта об усилении школьной инспекции и улучшении материального положения учителей, Чихачев по поводу вопроса о церковных школах сказал:

«Этот вопрос едва ли в порядке общих прений приходится особенно много затрагивать; он находится вне какой-нибудь органической тесной связи со всем законопроектом; решен он случайно большинством одного голоса в комиссии, и, наконец, эта тема в значительной степени уже исчерпана обширной речью В. Н. Львова».

Не касаясь, таким образом, вопроса объединения школ, докладчик высказался за одобрение законопроекта в целом, после принятия небольших, по его мнению, поправок.

Один из лидеров партии народной свободы (конституционалисты-демократы) ***П. Н. Милюков*** [1] подверг критике идею церковно-приходской школы со своих партийных позиций.

«Защитники церковно-приходской школы, — сказал он, — не скрывают, что значит это «религиозно-нравственное» воспитание, которого от них ожидают. Это есть способ парализовать политическую опасность, могущую явиться от воспитания народа в светских школах. *Светская школа хочет освободить личность, а церковно-приходская хочет обуздать ее.* Идеал светской педагогики, — по счастью идеал, проникающий всю нашу молодую учительскую армию, многократно выраженный на ее собраниях, на ее съездах, в ее печатных изданиях, — это развить самодеятельность, развить сознательное отношение к окружающей жизни, природе и обществу, создать в учащихся, в подрастающем поколении радость жизни, дать народу развитой ум и твердую волю. *А цель и средство церковно-приходской школы?.. Это — серьезное изучение церковно-славянского языка, большое место, отведенное духовному пению, говению три раза в год, обязательное посещение службы и пение на клиросе.* Да, господа, это действительно два разных типа. И выбор между ними не труден ни для кого, кто считает, что школа должна вооружить страну наилучшими и наиболее современными средствами для того, чтобы победить в соревновании наций».

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 93—107.

Октябрист ***Д. А. Леонов*** [1] в своем выступлении уверял, что проект комиссии народного образования не ущемляет права Церкви и отнюдь не посягает на ее свободу или на религиозное воспитание в школе.

Разъясняя содержание проекта, Леонов сказал, что объединение признано необходимым лишь для тех церковно-приходских школ, которые включены в школьную сеть, т. е. субсидируются государством на общем основании и имеют целью осуществлять всеобщее обучение. Хотя церковно-приходская школа, согласно проекту, подчиняется уездному училищному совету, за духовным ведомством остаются широкие права содержателя: приглашение и допущение преподавательского персонала, учреждение школьных попечительств, разработка программ в пределах школьного плана.

«Вопрос об объединении, который выдвинут комиссией, вполне назрел и ясен для населения, никакие запугивания, ни потрясением основ, ни повторением освободительного движения не похоронят этого вопроса».

Отстаивание церковных интересов епископом Евлогием

С большой речью выступил ***епископ Евлогий*** [2], с болью свидетельствуя о намерении отнять у Церкви с таким трудом и энтузиазмом созданные ею народные школы.

«*Это узурпация самого права учительства у Православной Церкви, права бесспорного, неотъемлемого и непреложного, это устранение Церкви от дела учительства.* Составители этого законопроекта, конечно, отрицают такие свои намерения, но мне кажется, что все их аргументы шиты белыми нитками и что через весь законопроект именно проходит мысль о национальности вмешательства Церкви в дело народного просвещения».

Утверждение проекта о сохранении самобытности церковных школ, по мнению епископа Евлогия, противоречило тому основ-

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 108—114.

[2] Там же. С. 115—125, 126—131.

ному факту, что лицо школы определяется тем, кто ее реально возглавляет, в уездных же училищных советах одинокий голос представителя Церкви, конечно, не может повлиять на общее направление школы, не может изменить тех идеалов и устремлений, которые господствуют в данном училищном совете.

Вторым важным фактором, определяющим жизнь школы, являются материальные средства.

«Мы видим уже теперь, — с пафосом говорил Епископ, — как в этом отношении измором берется наша церковная школа, как она, бедная, начинает хиреть в своей нищете и убожестве в то время как на ее соседку, школу министерскую, земскую обильно продолжает изливаться золотой дождь. Вот теперь церковной школе предлагается такой искупительный совет, — ей говорят: отрекись от самой себя, отрекись от тех начал, на которых построена твоя жизнь, склонись покорно перед теми течениями, которые властно идут если не от всей Государственной Думы, то по крайней мере от комиссии по народному образованию, соединись с ними до потери своего облика и тогда к тебе потекут все те блага, которых ты лишена, тогда и ты не будешь стоять перед своей нарядной соседской и сестрой, как оборванная нищая, в своем нищенском рубище, с покосившимися зданиями, проваливающимися крышами, голодными и холодными учителями. Такой предлагается совет, такое делается предложение. Да, но вспомним, как ответил Христос на подобное же искупительное предложение, когда искуситель приступил к Нему и сказал: «Все дам Тебе, только склонись передо мною». Христос ответил: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному слухи». Также и церковно-приходская школа ни за какие блага, ни за деньги не продаст за эту чечевичную похлебку своих законных прав первородства. (Голоса справа: браво; голоса слева: воевать собираетесь?)».

Епископ Евлогий показал, что права содержателей в действительности очень невелики, т. к. содержателям и училищным попечителям предоставляется изыскание средств на школы, а единственный хозяин, училищный совет, будет давать средствам то или иное назначение.

Право содержателя на приглашение учителей оговорено условием обязательного утверждения училищным советом, которому, таким образом, принадлежит последнее слово в этом вопросе.

Кроме того, Церковь до сих пор стремилась пополнять преподавательский состав выпускниками церковно-учительских школ, которые, по опасениям епископа Евлогия, также будут конфискованы у Церкви.

Право содержателей приглашать руководителей по учебной части в проекте предлагалось лишь как временная мера и к тому же не как требование, но лишь как пожелание, которое в деревне трудно выполнить ввиду отсутствия опытных руководителей. Кроме того, оплата этих руководителей содержателями из духовенства затруднено отсутствием средств, тогда как земства имеют право облагать население необходимыми сборами.

Участие содержателей в составлении программ также ограничено необходимостью утверждения в Училищном Совете. Таким образом, опроверглись соображения комиссии, что своеобразие церковно-приходской школы «может сохраниться» при условии принятия указанного проекта.

«Но почему это делается, во имя чего совершается эта, да позволено мне будет сказать грубое слово, экспроприация?» — вопрошает епископ Евлогий.

Отмечая, что в проекте школы министерские и земские названы «общественными», а церковно-приходские — «духовными», он усматривает в этом оскорбительный намек, развиваемый дальше в докладе комиссии, что церковные школы являются не церковными и не приходскими, а школами духовного ведомства или синодскими, что всеми делами школы ведает один епископ, тогда как уездная общественность лишена реального участия в жизни школы.

Епископ Евлогий указал, что бюрократические черты не в меньшей степени свойственны школам министерским и земским, управляемым чиновниками Министерства народного просвещения, и что роль земств обычно сводится лишь к отпуску средств, которые к тому же приходится часто выпрашивать и выманивать директорам и инспекторам народных школ.

«Вы, господа, прекрасно знаете, — продолжал докладчик, — что в широких кругах русского общества еще не пробужден глубокий и живой интерес к нашему начальному образованию, и зачем же вину и ответственность за эту нашу общерусскую косность взваливать исключительно на неповинную церковную школу, за-

чем только ей надо ставить на вид то, что является общим явлением русской жизни в отношении всякой школы безразлично? Управление церковной школой, по моему глубокому убеждению, организовано Святейшим Синодом нисколько не хуже, чем управление земской или министерской школой. (Голоса справа: лучше)».

Указав на то, что имеется много искренних и трудолюбивых общественных работников, вкладывающих свои силы в церковно-приходское школьное дело, епископ Евлогий подчеркнул, что добрую славу церковной школе принесли не столько епархиальные училищные советы, сколько рядовое духовенство, усилиями которого в течение 25-ти лет церковные школы покрыли густой сетью всю Россию и встали в один уровень со школами министерскими и земскими.

«*Именно они, эти сельские и городские священники... являлись главными двигателями этого дела, главными строителями этого огромного и величественного здания церковной школы*, которая вмещает в себе до 40 000 отдельных школ и до 2 000 000 учащихся. Они, эти наши скромные, смиренные приходские пастыри, обласканные и ободренные высоким доверием блаженной памяти императора Александра III, опираясь на сочувствие только своих прихожан, отдавали приходской школе все свои лучшие силы, отдавали свой часто непосильный труд, отдавали свои скудные жертвы, и только такой ценой они достигли таких, я скажу, блестящих результатов, каких достигла школа за последние 25 лет своего существования... С. А. Рачинский в своих писаниях удивлялся той ревности, той самоотверженности и воодушевлению, с каким наши сельские пастыри занимаются этим для них святым и великим делом. А вот теперь вы хотите отнять у них это их родное, их дорогое детище, которое ими было выплакано, выстрадано, которое их горячими молитвами у Бога было выпрошено. И при этом говорите, что эта школа какая-то не церковная и не приходская, а какая-то чиновничья и бюрократическая. Тех, которые говорят, что эта школа не церковная, я попросил бы когда-нибудь хоть раз заглянуть под скромную кровлю церковной школы, когда там, например, совершается молитва, когда дети готовятся к святому таинству исповеди, святого причащения, когда готовятся к воскресному богослужению, когда они тесным кольцом, сомкнув-

шись вокруг учителя, поют церковные песнопения. Это дивная, трогательная картина. Мне Господь дал счастье не раз наблюдать и умиляться проявлению и подъему религиозного настроения, которое царит в нашей церковной школе; я видел духовную красоту нашей церковной школы... Желающих я могу отправить к тому же С. А. Рачинскому, который умел в живых художественных и ярких красках изобразить эту красоту нашей церковной школы. Я думаю, что этот святой человек не мог ни лгать, ни фальшивить, ни кривить душой, и ему-то во всяком случае можно поверить, а он везде говорит, что эта школа всем своим строем, всей своей жизнью неразрывно слилась с Церковью, что она явилась как бы преддверием Божьего храма».

Свидетельство народной любви к церковной школе епископ Евлогий видит в тех 100 000 000 р. добровольных пожертвований, которые она собрала за 25 лет.

«Я хотел бы знать, — спрашивал он, — сколько таких средств, таких доброхотных пожертвований собрала школа министерская или земская, которую почему-то здесь называют общественной в противоположность школам церковно-приходским».

Считая необходимым дальнейшее углубление связей школы с народом, докладчик сказал: «Со всеми искренними ревнителями Церкви я горячо желаю приходской реформы, и я думаю, что мы стоим накануне этой реформы, и я полагаю, что с возрождением наших приходов в церковную школу вольются новые живые приходские силы и тогда она пустит еще более глубокие корни в недра народной жизни».

Епископ Евлогий продолжал свою речь ответом на обвинение в соперничестве между светскими и церковными школами: «Мне кажется, что этот антагонизм или совершенно прекратился бы или, во всяком случае, стал бы значительно слабеть, если бы наша церковная школа не подверглась той страшной травле, которая часто слышится по ее адресу и в печати, и в жизни. В самом деле, подумайте, господа, сколько вражды, сколько обидной хулы, я скажу, слышит наша церковная школа, и мудрено ли, что деятели, которые стоят во главе этой школы, которым эта школа дорога, иногда теряли свое душевное равновесие, теряли чувство меры, и что у этих людей вырывался крик наболевшего сердца, а этот крик ставят теперь в упрек не только им, может быть, в самом деле они

виноваты, но и самой ни в чем не повинной церковной школе. А затем, господа, я скажу: вы боитесь этого антагонизма? Но неужели будет лучше для общего дела народного просвещения, если этот антагонизм заменится гробовым молчанием, если вы совершенно оттолкнете духовенство от народной школы и оно в бессилии совершенно опустит свои руки, если таким образом вы потеряете для школы целую армию испытанных все же деятелей на трудной и тернистой ниве народного просвещения. Чем и как вы заполните пустоту в рядах школьных деятелей народного просвещения, которая образуется у вас с уходом с этой арены наших скромных, но все же полезных школьных деятелей».

Далее епископ Евлогий протестует против той роли, которая отводится проектом законоучителю в общей народной школе. Вместо назначения законоучителя епархиальным архиереем проект предусматривал его приглашение содержателями школы по утверждении училищным советом, хотя и с согласия епархиального начальства. Далее, вводился институт светских преподавателей Закона Божия, т. е. то, что прежде было редким, печальным исключением, стало узаконенным правилом. Роль законоучителя сводилась таким образом к урокодаванию, — руководящая, направляющая роль священника в школе, по существу, становилась неосуществимой. Наконец, священник, входящий в училищный совет, должен был избираться епархиальным съездом духовенства, а не назначаться архиереем.

В заключение своей речи епископ Евлогий еще раз напомнил о роли Церкви в становлении и сохранении России и об опасности потери религиозных устоев в народе:

«Церковь девять веков стояла над колыбелью нашего русского народа, она пела ему священные песни и воспитала в нем те прекрасные качества, за которые наша родина называется Святою Русью, а наш народ — народом Богоносцем. Оторвите, оттолкните священников от школы, сведите на нет все церковное влияние в школе, изгоните оттуда церковных дух, и народ тогда пойдет в дебри сектантства или даже сделается совершенно неверующим, и воистину тогда грозным станет лицо земли родной...».

Продолжение полемики по принципиальным вопросам

Трудовик ***А. Е. Кропотов*** [1], вятский крестьянин, говорил о церковно-приходской школе и духовенстве с нескрываемым раздражением.

«Я думаю, любой учитель вам скажет, что он не пойдет под команду священника, не пойдет до тех пор, действительно, пока его к этому не погонит нужда, — сказал Кропотов. — Здесь плакали о том, что отнимают от Церкви ее достояние, отнимают как бы ее имущество. Да, господа, что же такое Церковь? Церковь — это общество верующих, и, следовательно, если общество признало своих заправил негодными, то во всяком случае это будет по согласию в то же время с Церковью. Следовательно, не от Церкви отнимают, а отнимают от неправильных руководителей и отнимают заслуженно, т. е. они давно заслужили, чтобы отнять у них это. (Голоса слева: браво.)... Кто рукоплескал, как отстаивали приходскую церковную школу? Те рукоплескали, кто никогда не учился в церковно-приходской школе и никогда не учил своих детей в церковно-приходской школе. (Слева рукоплескания и голоса: браво.) И вот их желание не для просвещения народа, а для того, — чтобы отстоять старый порядок и держать народ в невежестве, — вот их желание. Это, господа, вполне ясно и определенно. Крестьянство здесь в Государственной Думе в свое время высказало свой взгляд на церковно-приходские школы...».

Епископ Митрофан [2] в своем докладе, излагая историю русского образования, привел мнения авторитетных русских деятелей по вопросу о роли религиозного элемента в преподавании. Мнения эти заслуживают внимания:

Аксаков: «Основой воспитания, а потому и образования может и должна быть только религия, святая христианская религия. Дело народного училища у нас значительно облегчается властными указаниями самой нашей народной жизни, а также самым внутренним и внешним строем Православной Церкви. Центр тяжести русской земли все же в нем, в нашем смиренном и покорном народе, и ни в

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 134—139.

[2] Там же. С. 139—143, 156—164.

одной стране не имеет народ такого значения, хотя бы пассивного, какое в конце выпадает на долю нашему — в виде победы его долготерпения. В России было бы немыслимо зрелище выбрасывания из школ распятий, икон, священных книг и вытравливания из учебников имени Божия. Союз Церкви со школою требуется у нас самим народом, без этого союза дело образования народного не пойдет и идти не может».

Ушинский: «Дух школы, ее направление, ее цель должны быть обдуманы и созданы нами сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характера, его религии».

«По коренному смыслу христианской религии духовный пастырь должен быть не только служителем алтаря, не только проповедником слова Божия, но наставником и учителем; духовные пастыри наши должны подготовить нас быть не только членами Церкви, но и деятельными гражданами христианского государства».

Гоголь: «По мне безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в России, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословения; нелепа даже мысль наша прививать такие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым».

Указав также на ***Пушкина***, ***Менделеева***, ***Гилярова-Платонова***, епископ Митрофан приводит суждение «незабвенного» ***С. А. Рачинского***, который в своей книге «Сельская школа» писал:

«Чем должна быть начальная школа в России, по преимуществу сельская? Простым ли приспособлением для научения крестьянских ребят чтению, письму, элементарному счету, словесным символам господствующего вероисповедания или средством для приобщения народных масс к тому течению мыслей и к тому нравственному строю, который мы считаем истинным и нужным, который властвует над нашими сердцами? Вопрос этот не допускает двух ответов; нет сознательной школы, которая не преследовала бы вторую из указанных целей. Всегда и повсюду из-за грамоты и счета, из-за бедных крох положительного знания, какие может сообщить начальная школа, выступает нечто неизмеримо более глубокое, нечто жизненное и роковое, нечто совершенно несоизмеримое с видом этой кучки безграмотных ребят, собранных вокруг еле грамотного учителя».

Развивая версию о вмешательстве тайных организаций в общественно-политическую жизнь России, епископ Митрофан сказал: «Господа, в настоящее время много говорят о масонстве и этот призрак, по-видимому, становится все более и более реальным и если где, — то в выработке новых положение для начальных школ я готов видеть прикосновение таинственной руки этих искусных мастеров (Марков 2-й с места: верно). В самом деле, господа, посмотрите, какая тонкая, искусная работа. На первый взгляд может показаться, что никакой опасности нет, что все остается так, как было раньше... Но сбросьте, господа, этот туманный покров, посмотрите на дело прямо и трезво, соедините воедино все эти отступления и изменения, и перед вами вырастет чудовище, которое расширяется, как гангрена, поражая самые чувствительные места нашего народного организма; оно ползет, как рак, и своими щупальцами старается вырвать у народной школы самую ее душу. Да, не надо, господа, обманываться, не надо закрывать глаза на действительность, надо прямо и откровенно сказать, что наша начальная школа в опасности, что она уже теперь поставлена на наклонную плоскость, и кто порукой, что она не пойдет дальне по тому же пути, по которому она пошла во Франции? Путь один и тот же, только у нас он проводится еще смелее, чем там».

Обер-прокурор Святейшего Синода ***Лукьянов*** [1] нарисовал картину распада церковно-государственного союза (симфонии) в странах Запада и высказал надежды на сохранение этого союза в России, полагая, что Россия выработала более глубокий взгляд на существо этого союза.

В Западной Европе, — сказал обер-прокурор, — государство и Церковь противопоставляются друг другу, они рассматриваются как начала, борющиеся между собой. При этом обнаруживается тенденция ко все бóльшему и бóльшему преобладанию государственного начала во всех сферах жизни. Государство все более начинает усваивать тот взгляд, что оно не обязано считаться с потребностями и нуждами Церкви. В итоге получается порабощение церковного начала, поглощение Церкви государством или низведение Церкви до значения какого-то религиозного кружка, какого-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 164—182.

то благочестивого установления, призванного служить на потребу отдельных человеческих душ, которые ищут в религии утешения и отрады в горестях. Церковь низводится с той высоты, на которую она была поставлена самым смыслом всего предшествующего исторического развития. Церковь утрачивает значение великого и своеобразного идеала человеческого общежития наряду с государством, которое точно так же есть великий идеал человеческого общежития. Один идеал фактически приносится в жертву другому, ради потребностей одного идеала искажается истинная природа другого идеала. Русскому народному сознанию претит тот взгляд, по которому альфа и омега государственности заключены в самой государственности. Русское народное сознание не может помириться с тем взглядом, что государственность сама себе довлеет, что государственность сама себя освящает, что государственность есть действительно единственный и уже навсегда безусловно верховный идеал человеческого общежития... «Можно сказать, — говорил докладчик, — в русском народе жила неизменная и, смею прибавить, святая уверенность в том, что население во всех своих действиях должно воодушевляться идеалом не одной только государственности, а и идеалом церковности... Как доселе Бог миловал русскую жизнь от непримиримых драматических коллизий между государственностью и церковностью, так должно быть и впредь... Отношения Церкви и государства, регулируемые в меру необходимости теми или иными юридическими актами, никоим образом не могут быть окончательно и исчерпывающим образом урегулированы в этой, да позволено будет выразиться, плоскости; эта плоскость есть поистине плоскость для таких глубоких вещей, как Церковь и государство (смех в центре)... Церковь и государство должны находиться между собой в единении, определяемом не только юридическими нормами, но и мотивами нравственного порядка, взаимным уважением и взаимной любовью... Мы вправе требовать, чтобы государство относилось с доверием к Церкви, равным образом, мы вправе требовать, чтобы и Церковь относилась с доверием к государству. Во имя этого взаимного доверия возможны, само собой разумеется, уступки, и эти уступки познаются и Церковью и государством не как умаление своих прав, не как сокращение своих обязанностей, а как осуществление своего нравственного взаимного долга».

Далее обер-прокурор перешел к рассмотрению собственно вопроса о церковно-приходских школах, отстаивая право и долг Церкви вести народное учительство. Богослужение само по себе недостаточно для осуществления этой цели учительства, т. к. церковная проповедь обращена к взрослым, а не к детям, и ограничение роли священника только богослужением развивает в народе отношение к нему, как к требоисполнителю, а не пастырю и наставнику.

Указав, что церковные школы нужны населению, т. к. наилучшим образом подготавливают подрастающее поколение в духе христианской православной церковности, Лукьянов подчеркнул, они нужны также и государству, т. к. воспитывают достойных граждан своего отечества.

«Нам говорят, — продолжал обер-прокурор, — что школа вообще должна вырабатывать мощных, сознательных и преданных государству граждан, а между тем церковная школа взывает якобы только к смирению, отвлекает от земных, существенных забот к заботам небесным, несущественным, порабощает дух непонятной догме и т. д.; не хватает, кажется, только того, чтобы нас стали уверять, что и все-то Православие сводится к ладану и постному маслу. Такой взгляд, само собой разумеется, не отвечает существу дела. Церковная школа учит не раболепию, церковная школа учит тому, что составляет истинно этическую сущность христианства, церковная школа учит самоотверженному исполнению долга».

Рассматривая вопрос о наемном законоучителе в школе, Лукьянов сравнил его положение с ролью постороннего воспитателя, приглашенного в семью на время отсутствия отца, роль же священника в церковно-приходской школе он сравнил с ролью самого отца семейства, определяющего весь уклад, весь строй жизни семьи.

Относительно реального положения церковных школ Лукьянов указал, что в настоящее время в 235 уездах и городах имеется 10 741 церковно-приходская школа с 12 967 учительскими комплектами (голоса справа: мало), полностью отвечающими требованиям, предъявляемым начальным училищам, включенным в школьную сеть.

Повторяя доводы думских епископов о тяжелом ударе для авторитета Церкви и морального состояния духовенства, руководя-

щего церковно-приходскими школами, обер-прокурор закончил свою речь словами:

«Новая Россия, вступившая если и не в новый период своей истории, то во всяком случае в новую фазу своего государственного бытия, пребывает, как и старая Россия пребывала, в дружном союзе с тою же, неизменно тою же, не новой, не молодой и не старой, а вечной в своей божественной стихии Православной Церковью. (Голоса справа: верно.) Не будем слишком торопиться с принятием решений, умаляющих авторитет и права Церкви. Она, а не кто другой, вынянчила Русское Государство. (Голоса справа: браво.) Она блюдет, по мере сил и возможности, по мере своего умения и своих средств русскую народную душу. Она и в настоящее время служит великую службу Государству Русскому, да и в будущем под Ее спасительный кров будут собираться православные русские люди, вдохновляющие религиозной верой, без которой нет жизни ни для отдельных лиц, ни для народов, ни для государства (рукоплескания справа и в центре.)»

Кадет В. А. Караулов [1] иронически отозвался о речи В. Н. Львова, который сумел преподнести Духовный Регламент, поработивший Церковь государству, как акт, утвердивший церковную автономию.

«Церковь только тогда будет оказывать благодетельное влияние на человеческое общество и разовьет всю свою духовную мощь, — сказал докладчик, — когда она будет Церковью, а не ведомством, когда она будет иметь самодовлеющую цель, а не служебную. В. Н. Львов и преосвященный Евлогий предлагают нам, так сказать, прикладную Церковь, прикладное церковное могущество. Они говорят нам: отдайте в наши руки школу народную и ваши усадьбы не будут пылать. Я спрошу их: где был церковный авторитет тогда, когда пылали усадьбы, когда рубились леса, когда нелепо и часто зверски истреблялся скот, когда помещики, как во времена пугачевщины, наполняли города? Ответ ясный: этого влияния не было. (Голоса слева: верно; голоса справа: было.) Ни для кого не секрет, что в коренной России все это производилось православным населением. Руки старообрядцев и сектантов к делу

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 194—200.

пожаров и разрушений не прилагались. И не Церковь надо винить в отсутствии этого влияния. Это два века той церковной автономии, о которой с такой пылкостью говорил В. Н. Львов, лишили его Церковь, превративши ее в ведомство, лиши ее внутри присущего ей мощного авторитета. (Голоса слева: верно.)»

Выражая сочувствие бедственному материальному положению рядового духовенства и его бесправию перед архиереями, Караулов утверждал, что подчинение школ училищным советам отнюдь не будет оскорблением для русского духовенства в целом, хотя будет «сильной и жестокой неприятностью для правящих сфер ведомства духовного вероисповедания». Духовенство же, и без того перегруженное своими богослужебными обязанностями, лишь обрадуется освобождению от навязанной им необходимости управлять церковными школами и преподавать в них светские предметы. Те же священнослужители, которые относятся к своим обязанностям серьезно и душевно, пойдут в новую школу, включенную в сеть, и будут делать там свое дело, от которого не могут отказаться — обучение истинам Христовой религии и христианской нравственности.

По поводу нравственного руководства школой со стороны Церкви Караулов сказал:

«Нам говорят, что если мы народную школу отдадим ведомству православного исповедания, то она наполнит ее таким содержанием, каким захочет. Господа, оглянитесь на наши академии и скажите, положивши руку на сердце, много ли выше нуля в этих школах авторитет ведомства православного исповедания?»

Социал-демократ, депутат Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии, врач ***И. П. Покровский 2-й*** [1] выступил с позиции отрицания всякой доброй воли и искреннего желания содействовать народному образованию со стороны правительства, Церкви и Государственной Думы. Разговоры об устранении из народной школы ведомства православного исповедания не имеют значения, т. к. остается общая христианская основа обучения в духе традиционного Православия.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 182—194.

«Основная задача школьной реформы, — сказал Покровский, — сводится к устранению всякой религии из школы. Это требование народа, его народ заявляет всегда, когда свободен, это требование заявляет всегда революционный народ... (Протестующие возгласы справа. Председательствующий звонит: без шума, пожалуйста.) Я думаю, вы не успели забыть лиссабонские события, и отцы-патеры, вероятно, не успели еще убрать свои пожитки из Лиссабона. Какой же урок отсюда для нашего ведомства православного исповедания? Я думаю, что урок прост: тот, кто не хочет быть изгнанным, должен своевременно уйти (рукоплескания слева); но ведь не вы же, господа, изгоните их, так к чему же вводите в обман своим законопроектом, рассказываете об уничтожении церковно-приходской школы... Начальную русскую школу... потихоньку реформирует русский народный учитель, тот учитель, которого вы третируете, как отдельного наемника (справа шум и голос Белоусова. Председательствующий: без шума, пожалуйста)... Он не революционер, как вы говорите, но он, честно исполняя свой долг, революционизирует русский народ. (Смех в центре.)»

Профессор медицины Казанского университета, ***октябрист М. Я. Капустин*** [1], бывший член II Думы, сочувственно отозвался о постановке дела в церковно-приходской школе.

«Мы имеем и центральное учреждение, как Училищный Совет Святейшего Синода, и специальный педагогический журнал, и целый ряд изданных учебников, руководств, весьма хороших, музеи, учительские школы и т. д. Эта деятельность ведомства, должен сказать, стоит весьма высоко, и в отдельности школы, снабженные хорошими пособиями и учителями, приносят свою пользу, которая ничем не менее пользы общих школ».

Отстаивая идею единства школьного управления, Капустин сказал, что в настоящее время в России до 50 000 священников, а начальных школ уже 100 000. «Мы желаем всеобщего обучения, мы желаем развития этих школ втрое, вчетверо, впятеро, в десять раз более, чем теперь, — будет ли настолько же возрастать число православных священников, надлежаще образованных, надлежаще

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 209—215.

подготовленных, надлежаще религиозных, искренно благочестивых, чтобы они являлись руководителями? Не хватает духовных лиц для преподавания Закона Божьего в школах...».

Правый крестьянин Подольской губернии ***В. К. Пахальчак*** [1] указал на то, что местности, где преобладали церковно-приходские школы, принимали значительно меньше участия в революционных событиях. Крестьянство в этих местностях отшатнулось от выборгского воззвания, которое «страшно распространилось» в деревнях, а их составителей назвало «городскими жуликами».

В Подольской губернии на 1300 приходов приходилось около 1700 церковно-приходских школ, а школ земских и министерских не более 500. «А где, господа, — спрашивал правый оратор, — было больше иллюминаций в 1905 году? Там ли, где большинство школ земских и министерских, или же там, где большинство школ церковно-приходских?» В юго-западных губерниях, где было много революционно настроенных инородцев, было сравнительно тихо, тогда как в губерниях с преобладанием земских школ «пылали помещичьи усадьбы».

Отвечая на вопрос, почему в сельских школах «развилось» много таких учителей, оратор указал на крайне слабое развитие инспекции в Министерстве народного просвещения. Инспекторов и директоров народных министерских школ зачастую не видят в уездах по многу лет.

«Почему непременно взялись за церковно-приходскую школу, чтобы передать ее в ведение Министерства народного просвещения? Полагают, что она лучше станет, что ли? Ведь у нас есть другие учебные заведения, которые вредны для России, здания которых служат как бы революционным притоном. Возьмем, например, некоторые учебные заведения ведомства Министерства торговли и промышленности...»

В заключение речи, высказавшись против передачи церковно-приходских школ в ведение Министерства, Пахальчак сказал: «Господа, мне кажется, какой бы доктор не лечил больных, лишь бы он их вылечил, и в какой бы школе не учили, лишь бы их выучили добру и хорошей нравственности».

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 222—225.

Итоги обсуждения

Управляющий Министерством народного просвещения ***Кассо*** [1] сказал, что Министерство не видит оснований к тому, чтобы положить конец имеющейся обособленности церковных и светских школ.

«Единство организации, конечно, прельщает своей простотой и стройностью. Но единообразие не всегда одинаково плодотворно. В истории встречаются примеры, когда один тип школы побеждал другой не всегда преимуществом своих методов или превосходством своей организации, а скорее всего путем законодательных мер на почве политической борьбы, и победа эта далеко не всегда означала торжество одного только просвещения. Нужно думать, что у нас в России и в дальнейшем будущем светская и конфессиональная школы будут работать рядом над одними и теми же задачами и развивать в своих учениках одинаковую любовь к родине и народу».

Вторичное обсуждение вопроса о церковно-приходских школах имело место в 26 и 27 заседаниях Государственной Думы (26 и 29 ноября 1910 г.) при голосовании статьи XIV законопроекта.

Епископ Евлогий [2], обобщив доводы выступавших в первом обсуждении в пользу церковно-приходских школ, еще раз указал на их культурную и нравственную роль в жизни русской деревни. Он напомнил, что первое общество трезвости было устроено в Татевской церковно-приходской школе С. А. Рачинского, и уже затем по этому образцу общества трезвости стали густой сетью покрывать всю Россию.

«Для нашего, еще не утвержденного в истинах православной веры и в русском самосознании, народа церковно-приходская школа является великим культурным фактором, на устранение которого я не могу взирать иначе, как с чувством сердечной боли и тревоги».

Основной довод противников церковной школы сводится к тому, что раз она вошла в школьную сеть, раз она субсидируется

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4. Ч. I. С. 320—323.

[2] Там же. Ч. III. С. 1997—2006.

государством на одинаковых условиях со школой земской и министерской, то и отношение этой школы к государству должно быть общим. Епископ Евлогий настаивал, что церковно-приходская школа является не менее государственной, чем светские школы.

«Ведь вы сами знаете и много раз здесь повторяли, что денежные отчеты церковно-приходской школы подлежат общегосударственному контролю; далее, в состав училищных советов и их отделений также входят самые разнообразные элементы и представители самых разнообразных ведомств и местных организаций, элементы и правительственные и земские, и они имеют полную возможность контролировать церковно-приходскую школу со всех сторон по существу. Если этого для вас мало, мы ничего не имеем против того, чтобы этот контроль усилить, вообще никакого контроля мы не боимся, церковно-приходская школа не боится света».

Сущность возражений, таким образом, сводилась к более важному и глубокому, к тому, что это есть школа церковная, входящая в область церковного управления — в этом противники школы видели ее главную вину.

И далее епископ Евлогий снова формулирует основные идеи церковно-государственной симфонии.

«Но я спрошу вас, господа, — что же церковно-приходская школа с передачей ее в ведение Министерства народного просвещения, разве она станет более государственной? Разве Церковь наша, которая по основным нашим законам именуется господствующей и первенствующей Церковью, разве она уже лишена всяких государственных прав, разве разнообразным церковным учреждениям, и в частности учреждениям учебным, школьным, для того, чтобы получить эти права, непременно надо подчиняться каким-либо министерствам и их многочисленным департаментам?»

Утверждая, что последовательное проведение принципов законопроекта комиссии народного образования приводит к полному упразднению Церкви как самостоятельного института, управляемого на незыблемых и вечных канонических началах, независимых от начал государственных, епископ Евлогий сказал:

«Вот почему мы с такой настойчивостью, с такой неуступчивостью отстаиваем самостоятельность церковных школ. Защищая церковные школы, мы не защищаем права Церкви — государст-

венные и канонические. Мы не можем допустить не только поглощения Церкви государством, но и какого-либо отсечения или умаления прав, государственных прав Церкви и, в частности, мы признаем, что дело школьное есть неотъемлемое право Церкви, входящее в ее общее право учительства. И мы только говорим: не отнимайте у нас этого права, не посягайте на это право, если вы не хотите обезличить Церковь, если вы не хотите идти по пути постепенного поглощения ее государством».

Принятие Думой законопроекта о начальном образовании

Законопроект Министерства народного просвещения о начальных школах был принят во втором чтении лишь 29 ноября 1910 г. Раздел XIV в редакции комиссии по народному образованию был принят большинством 200 против 119 голосов, большинством, составившимся из октябристов и групп левее их, к которым в этом вопросе примкнули многие думские крестьяне всех без изъятия партий.

Выступление крестьян носило подчеркнуто демонстративный характер. С думской трибуны крестьянин Лукашин прочел заявление «от крестьян, сидящих на правых скамьях, в центре, в группе прогрессистов, кадетов и левее» с поименным перечнем подписавшихся 38 человек, которые хотели «оправдаться перед избирателями», «давшими им на этот счет точное поручение». Перед голосованием, видя, что дело проиграно, фракции правых и националистов демонстративно покинули зал заседаний.

Предстояло еще третье — последнее чтение законопроекта. Членам Думы в общем было ясно, что решение о передаче церковных школ Государственный Совет не пропустит. Так, крестьянин октябрист Базилевич, говоря о школьном законопроекте, высказывал опасение, что думские решения по этому вопросу будут отвергаться Мариинским дворцом. Марков 2-й заявил с думской трибуны, что усилиями левых и октябристов, добившихся изменения правительственной редакции XIV статьи, весь законопроект о всеобщем обучении «брошен в сорную корзину».

Тем не менее, 9 февраля 1911 г. при третьем чтении раздел XIV законопроекта о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения был принят Думой.

Надежды защитников церковно-приходской школы на Государственный Совет, куда поступили на рассмотрение принятые Думой законопроекты о начальной школе и введении всеобщего обучения, оправдались. За 11 месяцев своего двухкратного прохождения через особую комиссию Государственного Совета из 128 статей думского законопроекта о начальной школе только 8 остались без изменения. Оба законопроекта были объединены вместе в законопроект о введении всеобщего начального обучения.

Полемика за пределами Думы

Борьба за школьный вопрос вышла далеко за пределы законодательных учреждений.

Во второй половине августа в Москве заседал общеземский съезд по народному образованию, высказавшийся подавляющим большинством за объединение всего дела начального обучения в Министерстве народного просвещения. Резолюции съезда, идущие в этом направлении даже несколько дальше Думы, были поддержаны профессиональной педагогической и либеральной печатью.

Церковная печать, правые националисты, со своей стороны, продолжали обвинять земскую школу в насаждении противоцерковных и противогосударственных идей.

Протоиерей Восторгов выпустил особую книжку о школьном вопросе [1], в которой писал:

«Во вражде к церковной школе объединились все противорелигиозные, противоцерковные, противогосударственные и противорусские — все отрицательные элементы русского общества, все, что мечтало о разделении русской национальности, о господстве инородцев, о государственном перевороте, о господстве социалистических и демократических идеалов, столь враждебных религии и церковности. Сюда присоединились российский либералы, в оппозиции правительству полагающие существо своих политических воззрений и часто сами не понимающие, что им нужно, а также все, увидевшие в церковной школе опасного конкурента в школьном деле или опасавшиеся влияния духовенства на народ и умале-

[1] *Восторгов И., протоиерей.* Государственная Дума и церковная школа. СПб., 1911.

ния своего собственного влияния и силы в народе». Возлагая надежды на царя и на Государственный Совет, Восторгов писал: «Государственная Дума, слава Богу, — не все в деле. И основные законы и реальные примеры уже показали, что у нас в России два пути законодательства: один обычный через Государственную Думу и Совет, а другой чрезвычайный — действие прерогативы царской самодержавной власти. И мы уверены, мы убеждены, что венценосный покровитель Церкви Русской, блюститель всякого в ней благочиния, не отдаст судьбы Церкви на окончательное усмотрение Государственной Думы и никогда не согласится на уничтожение или ослабление церковной школы».

При рассмотрении законопроекта о всеобщем начальном обучении 25—28 января 1912 года Государственным Советом было постановлено из 10 500 000 ежегодного, начиная с 1912 года, ассигнования на начальные школы 1 500 000 рублей отпускать по смете Синода на церковно-приходские школы. Таким образом, Государственный Совет подтвердил право церковных школ на самостоятельное существование и расширение под управлением церковной власти. Это было именно то, против чего боролись противники церковной школы в Государственной Думе.

Обсуждение в Государственном Совете и Согласительной Комиссии

Ввиду разногласий между Государственным Советом и Государственной Думой дело было передано на рассмотрение Согласительной Комиссии из 14 лиц [1]. В состав комиссии вошли от Государственного Совета: А. В. Васильев, Н. А. Зверев, П. П. Извольский, П. М. фон Кауфман, А. С. Стишинский, гр. Ф. А. Уваров, А. Н. Шварц; от Государственной Думы: В. К. фон Анреп, М. С. Воронков, Е. П. Ковалевский, Д. А. Леонов, Н. Н. Львов, о. А. М. Станиславский, Д. Н. Чихачев.

К единому мнению Согласительная Комиссия не пришла. Большинство комиссии, в которое вошло 6 членов Государственного Совета и 1 член Думы (о. Станиславский), приняло редакцию

[1] *Ковалевский Е. П.* Народное образование и церковное достояние в III Государственной Думе. СПб., 1912. С. 385.

Государственного Совета, меньшинство же из 4 членов Государственной Думы и 1 члена Государственного Совета (проф. Васильева) вернулось к первоначальному проекту комиссии по народному образованию, согласно которому выделялся ежегодный кредит по Министерству народного просвещения в размере 9 млн. рублей, вопрос же о церковных школах оставался открытым. Кредиты на церковно-приходские школы меньшинство согласительной комиссии предлагало выдавать в прежнем порядке, по запросам духовного ведомства, не включая эти кредиты в законопроект о всеобщем образовании.

Несогласие выразилось также в формулировке некоторых статей законопроекта. Так, в редакции большинства статья 1 включала определение: «в школьную сеть входят все начальные училища как Министерства народного просвещения, так и церковно-приходские школы». В редакции же меньшинства вместо слова «входят» было поставлено выражение «могут входить», т. е. подразумевалось, что в школьную сеть попадают только школы, получившие согласие на это со стороны училищного совета и земства.

Статья 6 в редакции большинства определяла, что разногласия в училищном совете относительно церковно-приходских школ доводятся до сведения Министра народного просвещения, который должен входить в сношения с обер-прокурором Св. Синода, и вопрос решается только по соглашению с последним. Меньшинство комиссии высказалось в пользу прежнего постановления Государственной Думы о подчинении церковно-приходских школ (в смысле надзора) училищным советам и тем самым — Министерству народного просвещения.

«Вследствие сделанного Государственным Советом добавления, — писал октябрист барон А. Н. Ропп [1], — Думе предстоит дилемма: или отказаться от всякой фиксации кредитов на народное образование, или согласиться на фиксацию кредитов как светской, так и духовной школ.

Как ни трудно будет Думе отказаться от отпуска средств, обеспечивающих планомерность дальнейшего развития народного

[1] *Ропп А. Н.* Что сделала III Государственная Дума для народного образования! СПб., 1912. С. 242.

образования, т. е. от того мероприятия, которое Дума проводила с такой настойчивостью, тем не менее, по всей вероятности, октябристы не захотят купить этот закон ценою отречения от принципа единства начальных училищ.

Подтверждением этого предположения служит бывшая уже по сему вопросу согласительная комиссия, в которой думские октябристы не пошли на уступки».

Враждебность к церковно-приходским школам проявилась в этом акте со всей очевидностью, несмотря на заявление октябристов о желательности привлечения всех общественных сил, способных оказать помощь в деле народного образования. III Дума предпочла похоронить закон о всеобщем образовании, лишь бы не допустить, чтобы церковно-приходские школы сохранили свое независимое существование, как школы именно церковные.

Редакция меньшинства согласительной комиссии рассматривалась в Государственном Совете 5 июня 1912 года. Накануне состоялось собрание членов, принадлежащих к центру Государственного Совета, которые решили голосовать за проект в думской редакции. Поскольку за него должно было голосовать и левое крыло, то решение зависело от группы А. Б. Нейдгарта и беспартийных.

За думский проект выступили докладчик П. П. Извольский, М. М. Ковалевский и М. А. Стахович; против — С. Ю. Витте, обер-прокурор В. К. Саблер и епископ Никон [Буссонов]. Большое впечатление на членов Государственного Совета произвело выступление гр. С. Ю. Витте, авторитет которого в Совете был весьма велик. «Нам показывают рай, — сказал гр. Витте, — а по дороге предлагают убить младенца», подразумевая церковно-приходскую школу [1].

«Вся Государственная Дума 5 июня между четырьмя и пятью дня была в напряженном ожидании, поминутно справлялись мы все по телефону о положении дела» — свидетельствовал в своем выступлении в Думе Е. П. Ковалевский [2].

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 3972—3973.

[2] Там же. С. 3973.

Провал законопроекта о всеобщем образовании

Государственный Совет при 142 участвующих отверг проект меньшинства согласительной Комиссии 91 голосом против 51. Октябристы в ответ на это предприняли демагогический жест: 6 июня внесли законопроект в Государственную Думу в слегка измененной редакции — в порядке законодательной инициативы.

Одновременно они сорвали (властью председателя) намеченное на последнее 153-е заседание голосование о кредитах на церковные школы, внесенных в смету 1912 г. в размере 3 800 000 рублей, отложив, таким образом, решение этого срочного вопроса, от которого зависело содержание учащих в церковно-приходских школах до созыва IV Думы. Вопрос об этих кредитах специально оттягивался октябристами до последнего момента с тем, чтобы использовать его как средство давления на членов Государственного Совета.

Русское общество в лице своих политических представителей в Думе так и не смогло найти удовлетворительное решение вопроса о взаимодействии светского и церковного начала в народном образовании. Впоследствии, в своих мемуарах митрополит Евлогий вспоминает о конфликте Церкви и Думы по вопросу о приходских школах:

«Скажу... о создавшихся в III Думе взаимоотношениях между нею и Церковью.

Эти взаимоотношения были безысходной коллизией двух сторон друг другу чуждых, а порой и враждебных. Разобщенность обнаруживалась по самым различным поводам; одним из них был вопрос о церковно-приходских школах, который сделался в Думе важным и боевым. Эти школы — детище императора Александра III и Победоносцева — возникли в противовес школам светским, дабы избежать вредного влияния на учащихся революционно настроенного учительского персонала, нередко занимавшегося пропагандой. Позиция Думы была иная: единая государственная школа (в городах и земствах) стала основным требованием школьной реформы; церковно-приходские школы не должны рассчитывать на ассигновки, а если Церкви угодно иметь свои школы, пусть она их содержит за свой счет. Противники наши поносили «затею» духовенства, говорили, что ими руководят «шкурные интересы»,

ссылаясь на отсталые методы преподавания и т. д. Мы свои школы защищали: они не так плохи, как о них говорят; правда, обстановка их беднее, чем в светских школах, ставки педагогическому персоналу скромнее, и потому учителя нередко нас покидают, соблазняясь более высокими окладами в других учебных заведениях, но все же наши школы имеют право на поддержку. Возникали жаркие битвы. Мы с трудом отстояли кое-какие ассигновки. Министерство народного просвещения не имело побуждений нас отстаивать. Мы были одиноки. Синод нас упрекал за плохую защиту, но упреки были несправедливы. У нас нашлись хорошие ораторы (например, епископ Митрофан, священник Гепецкий и др.), мы проявляли инициативу и вне Думы, прибегали к героическому способу: добились особого совещания по этому вопросу в обер-прокурорском доме. В совещании приняли участие митрополиты Синода, обер-прокурор, министры (Кассо, Коковцев, Кривошеин) и представители думских фракций (Гучков и я). Но и совещание не помогло — Дума упорствовала. Через 5 лет Государь на последней аудиенции, поздравляя депутатов с благополучным окончанием работ, напомнил о церковно-приходских школах — о вопросе, «столь близком моему родителю, на который я смотрю, как на его завещание...». На последнем думском заседании вопрос был поставлен на повестку. Не успели мы и приступить к его обсуждению, — депутаты стали поодиночке ускользать и, когда время подошло к голосованию, кворума не было. Поддерживать церковно-приходские школы III Дума не пожелала» [1].

В IV Государственной Думе некоторые ведущие октябристы решили пойти на уступки в вопросе об автономии церковно-приходских школ. Во главе комиссии по народному образованию они поставили националиста гр. Бобринского и перед концом второй сессии, в начале июня 1914 года Е. П. Ковалевский предложил комиссии отказаться от той позиции в отношении церковно-приходских школ, которая послужила поводом для разногласий между Государственной Думой и Государственным Советом, и принять проект в редакции Совета. Однако под давлением левых он вынужден был снять свое предложение.

---

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. С. 178—179.

Начавшаяся война вынудила отложить рассмотрение вопроса о всеобщем начальном образовании, который в результате так и не был принят.

Судьба церковно-приходских школ после февральской революции

Политические деятели, пришедшие к власти в результате февральской революции, не скрывали своих намерений проводить в самой радикальной форме курс на отделение Церкви от государства.

20 июня 1917 г. Временное правительство принимает закон об объединении учебных заведений разных ведомств в Министерство народного просвещения.

11 октября 1917 г. депутация Собора посетила Керенского с требованием отменить положения, касающиеся передачи церковно-приходских школ в ведение Министерства. Определение Собора [1], на которое опирались эти требования, предлагало уравнять правовое и материальное положение церковных школ с положением министерских и земских школ, сохранив эти школы в ведении православных приходов. В качестве уступок преобразовать на выборных началах училищные советы, ввести в церковных школах министерские программы по общеобразовательным предметам. Установить государственный контроль над расходованием школьных средств.

Собственникам школьных зданий и имуществ: церквам, монастырям, братствам, попечительствам и т. д. определением Собора предписывалось не передавать эти здания или имущества в собственность Министерства, но лишь уступать их во временное пользование, на основании письменных договоров аренды, на срок не более одного года, и притом лишь при крайней необходимости.

Керенский от имени Временного правительства заявил, что правительство отнюдь не препятствует Церкви иметь школы на свои средства, но лишь отказывает церковным школам в государственных субсидиях.

---

[1] Свящ. Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1918. С. 14—15. Дата определения не указана.

После депутации к Керенскому Собор принял более развернутое определение, составленное в весьма резких тонах. Определение это датировано 23 октября 1917 г. [1]

В определении Собора указывалось, что в дополнение к закону 20 июня, «внезапно отнявшего» у православных приходов «незаменимое средство выполнять их важное назначение», в Министерстве разрабатывается проект нового закона, стремящегося к уничтожению самого типа церковно-приходских школ, поступающих в ведение Министерства. Школьные помещения, принадлежащие церковным учреждениям и частным лицам, законопроект принудительным порядком передавал школам министерским. Таким образом, Церковь, лишенная субсидируемых правительством школ, теряет возможность иметь в отнимаемых помещениях школы на собственные средства.

Законопроект предусматривал, что здания церковно-приходских школ, построенные при пособии или ссуде из государственного казначейства по закону 12 июня 1913 г., не могут быть использованы для других надобностей, кроме как на помещения для школ Министерства. Между тем определение Собора указывает, что государственные ссуды составили лишь часть вкладов на строительство школ, тогда как значительную долю составляют средства церковных учреждений и частных лиц. Передача школьных зданий означает, вследствие этого, нарушение воли жертвователей.

Кроме того, закон 12 июня 1913 г. отнюдь не предусматривал переход построенных зданий в собственность казны, но лишь возврат казне с процентами выделенной на строительство церковных школ ссуды.

Законопроект Временного правительства, реквизируя помещения церковно-приходских школ в пользу Министерства, предусматривал лишь приостановку до 1 января 1920 г. уплаты процентов по ссудам, выданным церковным учреждениям для строительства школ, тогда как ничего не упоминается о возврате средств, *истраченных на строительство частными лицами и церковными* учреждениями.

---

[1] Свящ. Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1918. С. 16—20.

Особый протест со стороны Собора вызвала статья законопроекта о возможности использования Министерством церквей-школ, т. е. зданий, в которых есть св. алтарь и которые поэтому не могут служить для целей нерелигиозных.

Постановление Собора было в тот же день, 23 октября, сообщено через министра исповеданий Временному правительству.

Несмотря на события в политической жизни, лишавшие Церковь какой бы то ни было надежды сохранить свои позиции в деле народного просвещения, Собор продолжал развивать идею о всемерном развитии и повышении уровня церковно-приходских школ.

В Приходском Уставе, принятом Собором 7/20 апреля 1918 г., особая глава [1] была посвящена вопросу о просвещении населения.

Главным средством просвещения и воспитания православного населения Собор считает церковно-приходские школы, а также содействие религиозному воспитанию в школах других типов и учреждениях внешкольного образования.

В церковно-приходских школах, кроме Закона Божия, богослужебного языка и церковного пения, предусматривалось изучение всех общеобразовательных предметов по программам не ниже министерских.

Церковно-приходские школы передавались в распоряжение прихода. Приходский совет должен был решать все вопросы, связанные с содержанием школ, избрание кандидатов в учителя, увольнение учителей. Мероприятия, связанные с наймом и увольнением учителей, должны были согласовываться с церковной властью.

Приходское собрание получило право вводить в приходские школы обучение ремеслам, полеводству, садоводству, пчеловодству, огородничеству и т. д., а также открывать профессиональные школы: сельскохозяйственные, ремесленные, рукодельные и т. д.

Христианское просвещение народа приходы должны были осуществлять также с помощью открытия просветительных учреждений, таких как музеи, благовестнические братства, народные просветительные дома, библиотеки, читальни, курсы для подрост-

[1] Свящ. Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М., 1918. С. 29—32.

ков и взрослых (катехизаторские, певческие, общеобразовательные, профессиональные), детские сады и т. д.

В церковных библиотеках предусматривался отдел из книг светских авторов для пользования прихожан. Предусматривалась и такая форма просвещения, как «летучие библиотеки» для снабжения сел и деревень листками, брошюрами и книгами, содержащими ответы на злободневные и духовные запросы народа. Такие библиотечки из 30—40 книг должны были передаваться из деревни в деревню по мере прочтения и затем возвращаться к священнику, который должен заниматься подбором новых книг и брошюр.

Непосредственное заведование просветительной деятельностью приходский совет мог поручать школьному совету или особым комитетам.

Оценивая замыслы Собора, нельзя не видеть в них воплощения многолетних чаяний церковных людей о широком просвещении народа под руководством Церкви. Однако мероприятия в этом направлении, не предпринятые вовремя, уже запоздали. Чаяниям не суждено было воплотиться в жизнь. Последовательно проводимый Декрет об отделении Церкви от государства не оставлял никаких надежд на сохранение Церковью хотя бы прежнего участия в деле народного образования.

ГЛАВА III

ЗАКОНОПРОЕКТ О ВЫДЕЛЕНИИ ХОЛМЩИНЫ. ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОБЩЕСТВА

Проект о выделении Холмщины в отдельную губернию, — вспоминает митрополит Евлогий, — «который раза два-три выдвигали русские патриоты, систематически погребали правительственные канцелярии то в Варшаве, то (при Победоносцеве) в Петербурге. Значения проекта никто не хотел понять. Для правительственных инстанций дело шло просто о видоизменении черты на географической карте России. Между тем проект отвечал самым насущным потребностям холмского народа, он защищал от полонизации вкрапленное в административный округ Польши русское население, отнимал право рассматривать Холмщину как часть Польского края. Русские патриоты понимали, что выделение Холмщины в отдельную губернию было бы административной реформой огромного психологического значения. Однако проект встречал оппозицию даже в лице варшавского генерал-губернатора. Он видел в нем проявление недоверия к мощи и нравственному авторитету его власти. Так рассуждали и другие противники холмской административной самостоятельности. Объяснялось это полным незнанием народной жизни. Так, например, когда я по должности викарного епископа был в Варшаве с визитом у генерал-губернатора Максимовича, он с удивлением спросил меня: «А что такое Холмщина? Это Холмский уезд?»

У него не было самого элементарного понятия об области, входившей в состав подчиненных ему губерний. Где ж ему было знать многовековую историю многострадального холмского народа!» [1]

Так, еще в 1902 г. в Петербурге было созвано особое высочайше учрежденное 14 марта 1902 г. совещание, под председа-

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 152.

тельством Победоносцева, из министров военного, внутренних дел, юстиции и финансов и варшавского генерал-губернатора специально для рассмотрения холмского вопроса. В совещании приняли участие Куропаткин, Витте, Сипягин, Муравьев и Чертков. Министр внутренних дел Сипягин считал, что простое выделение Холмского края есть мера фиктивная, она может дать результаты только тогда, когда за нею последует ряд других мер, именно замена всего административного строя края русским, введение крестьянского обособленного управления, по примеру русского, и насильственное выселение из этого края польского элемента. Витте, в свою очередь, добавил, что если не имеется в виду прибегать к подобного рода мерам, то выделение Холма теряет всякий смысл, так как одна и та же центральная власть действует в Варшаве и будет действовать в Холме, власть, имеющая полномочия прибегать в деле защиты русского элемента населения к одинаковым мероприятиям. В силу этих соображений особое совещание единогласно признало проект выделения Холмщины неприемлемым.

На заседании Совета Холмского Братства в октябре 1905 г. была создана специальная комиссия для выработки законопроекта о выделении Холмщины и было решено отправить с этим проектом делегацию в Петербург во главе с епископом Евлогием. Поездка в Петербург состоялась только после святок. Предварительно епископ Евлогий посетил в Варшаве генерал-губернатора Скалона, который встретил проект как личную обиду.

«В столице я пробыл долго, — рассказывает митрополит Евлогий, — протискивал наш проект в правительственных кругах. Побывал и у председателя Совета Министров Витте, и у министра внутренних дел Столыпина. Витте принял меня нелюбезно, сидя в небрежной позе с сигарой во рту. Думаю, этот оттенок небрежности он придал приему не без нарочитости.

Выделение Холмщины... да что это такое — «Холмщина»? Какое это имеет значение? Я скажу, чтобы рассмотрели...» [1]

Более благожелательно к проекту отнесся Столыпин, который тут же передал дело на рассмотрение комиссии под председательством Крыжановского, товарища министра внутренних дел. Для работы в комиссии были вызваны: генерал-губернатор Скалон,

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 156.

управляющий варшавской канцелярией Ячевский («умница, тонкий человек, но мой ярый враг», — говорит митрополит Евлогий), люблинский и седлецкий губернаторы. В горячих спорах, развернувшихся на четырех-пяти заседаниях, позицию епископа Евлогия поддерживал Крыжановский (племянник матушки Афанасии — игумении Радочницкого монастыря), основным противником — Скалон с помощью Ячевского, — единственного, по словам епископа Евлогия, участника совещания, который был в курсе дела. В конце концов совещание поручило министру внутренних дел разработать законопроект и представить его на рассмотрение государя. Однако проект залежался, и его рассмотрение состоялось только в III Государственной Думе.

Помимо того, что позиция епископа Евлогия была в целом близка Столыпину, взаимному пониманию, возможно, способствовало близкое знакомство епископа Евлогия с семьей Столыпиных. Это знакомство возникло благодаря матушки Елене, игумении Красностокского монастыря Гродненской губернии. Матушка Елена сблизилась со Столыпиным в тот период, когда Столыпин был гродненским губернатором, и впоследствии всегда останавливалась у них, когда приезжала в Петербург.

Близость епископа Евлогия со Столыпиным видна, например, из такого факта. Накануне знаменитой речи Столыпина в Государственной Думе 6 марта 1906 г. супруга министра О. Б. Столыпина навестила епископа Евлогия с просьбой: «Прошу Вас помолиться... Я тоже буду в Думе мысленно за него молиться, мне будет легче, если я буду знать, что и Вы молитесь за него в эти ми-нуты» [1].

Митрополит Евлогий свидетельствует, что борьба в комиссии вокруг холмского вопроса была упорной и деятельной. Поляки тормозили обсуждение путем бесконечных прений, левые члены комиссии всегда голосовали против митрополита Евлогия, по его словам, независимо от того, правое или неправое дело он защищал, октябристы держали националистов «в узде», ведя торговлю голосами: обещали поддержку в холмском вопросе в обмен на обратную поддержку в других делах, правые также относились к холмскому вопросу равнодушно и были недовольны переходом

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 162.

Евлогия от них к националистам. В последнем случае сказывался и сословный эгоизм: «польский помещик нам ближе, чем русский крестьянин», — считали многие монархисты из дворян.

Епископ Евлогий понял, что для успеха дела надо пропагандировать законопроект не только в стенах Думы, но и вне ее. Он начинает знакомить петербургское общество с Холмщиной, с идеей ее административной самостоятельности, с ее исторической судьбой, стремлениями значительной части русского населения к освобождению от польской зависимости. Выступления в клубах (например, в клубе «17 октября»), в общественных собраниях, великосветских салонах, лекция в Москве в Епархиальном доме перед огромной аудиторией — все это способствовало превращению холмского вопроса в вопрос злободневный, вызывавший острые столкновения в Думе и среди общественности. О Холмщине заговорили в прессе и в общественных кругах. «Это было мне нужно потому, — писал митрополит Евлогий [1], — что обсуждение законопроекта в комиссии безнадежно затягивалось, и Холмский вопрос мог превратиться в один из тех надоевших своей неразрешимостью вопросов, которые в конце концов хоронят, пользуясь каким-нибудь формальным предлогом».

Епископ Евлогий предпринимает весьма энергичный шаг для привлечения внимания к холмскому вопросу ряда сочувствующих ему членов Думы, пригласив их весной 1911 г. в гости в Холмщину. Гостей было человек 10—15, в их числе Н. Н. Львов, гр. Бобринский, Д. Н. Чихачев, Е. П. Ковалевский, Гижицкий и др., а также два корреспондента: один от «Речи» (Кондурушкин), другой от «Нового Времени».

Епископ Евлогий повез гостей на Троицу в Леснинский монастырь, который в это время собирал тысячи богомольцев, затем в Холм, где холмское братство устроило им торжественный прием, потом повез по деревням, предупредив об этом священников. Целью было убедить депутатов в том, что коренное русское население в Холмщине действительно есть, что здесь идет вековая жестокая борьба за сохранение своей веры и народности, что хлопоты о законопроекте имеют серьезное, реальное основание. Во избежание обвинения в необъективности депутаты заезжали и к польским

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 204.

помещикам, побывали, в частности, в соседней с Леснинским монастырем усадьбе Л. К. Дымши, собравшей в тот день у себя несколько соседей-поляков. Разумеется, там деятельность епископа Евлогия и вся вообще проблема освещалась в другом свете.

Поездка укрепила авторитет епископа Евлогия среди православного местного населения, уже начинавшего терять надежду, что самостоятельность Холмщины может стать реальностью. С другой стороны, в Думе епископ Евлогий приобрел несколько активных сторонников проекта, которые перестали смотреть на него, как на формальное, ничего не значащее дело [1].

Той же весной перед каникулами епископ Евлогий побывал у П. А. Столыпина, который обещал оказать проекту полную поддержку и осенью взять дело в свои руки. Однако надежда епископа Евлогия на Столыпина рухнула: 5 сентября председатель Совета Министров был убит в Киеве. На погребении епископ Евлогий, прибывший во главе Холмской депутации, произнес надгробное слово, из которого он запомнил некоторые фразы: «Сермяжная крестьянская Холмская Русь послала меня поклониться твоей измученной душе, твоему израненному телу... Итак, врагам России недостаточно было крови детей твоих — им нужны были твоя кровь, твоя жизнь... Кровь — семя жизни, она цемент, который скрепляет. И твоя кровь послужит возрождению России, скреплению ее национальных сил...» [2].

Потеря Столыпина была большим ударом для думских националистов. Начавший свою административную карьеру в Западном крае, Столыпин с обостренной чуткостью относился к национальным проблемам, и его поддержка была чрезвычайно важна для судьбы холмского законопроекта. Однако к моменту убийства положение Столыпина при дворе все равно уже клонилось к упадку.

Новый председатель Совета Министров В. Н. Коковцев в беседе с епископом Евлогием интереса к холмскому вопросу не проявил. «Препятствовать не буду, но смысла не вижу, вопроса не знаю, защищать законопроект не буду — поручу его кому-ни-

---

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 205.

[2] Там же. С. 207.

будь», — сказал он [1]. К довершению неудач, товарищ министра Крыжановский, — по словам Евлогия, — «земляк, доброжелатель и неутомимый помощник», ушел из Министерства и занял пост Государственного секретаря, прямо не связанный с творческой законодательной работой.

Коковцев поручил новому товарищу министра внутренних дел Макарову представить холмский законопроект Думе. После долгих уговоров епископу Евлогию удалось настоять, чтобы вопрос был внесен на обсуждение общего собрания. Вступительную речь по поводу проекта произнес Макаров в заседании Думы.

Оценивая это выступление, епископ Евлогий пишет: «Он (Макаров), конечно, мало был знаком с этим вопросом, и в его речи ясно чувствовалась спешная, теоретическая подготовка, но все же он добросовестно его изучил и не сделал больших ошибок» [2].

Рассмотрение законопроекта в Думской комиссии

Законопроект Министерства внутренних дел «о выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии» рассматривался в комиссии по направлению законодательных предположений в 4-ю сессию Думы [3].

Комиссия подробно рассмотрела исторический, вероисповедный и этнографический материал, касающийся Холмщины.

Численность православного населения в восточных уездах Люблинской и Седлецкой губерний в 1906—1907 гг. была определена по разным данным от 278 000 до 299 000. По официальным сведениям, после манифеста 17 апреля 1906 г. в Католичество перешло 168 000 человек, тогда как число «упорствующих» в 1902 г. определялось в 91 000 человек, остальные же перешли в Католичество «по недоразумению».

Комиссия выступила против тенденции отождествления понятий «католика» и «поляка» в Западно-Русском крае. Общая чис-

---

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 208.

[2] Там же.

[3] Государственная Дума 3-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия IV. СПб., 1911. С. 211—244.

ленность русско-язычного населения края оценивалась к моменту обсуждения в 450 000. В это число не включались около 100 000 православных, говорящих по-польски, и были включены приблизительно столько же католиков, говоривших по-русски. Таким образом, по этим данным в 11 восточных уездах, относимых в Холмщине, малорусское население составляло большинство.

Левое меньшинство комиссии возражало против лингвистического метода определения национальной принадлежности, указывая, что первостепенное значение имеет личная воля и национальное самоопределение человека. В частности, в связи с этим, религиозная статистика должна иметь более важное значение, чем лингвистическая. При этом указывалось, что лингвистические данные Министерства внутренних дел лишены всякой достоверности, т. к. сведения доставлялись начальниками уездов и войтами, которые руководствовались личными соображениями или, точнее говоря, навязанными им указаниями Министерства.

Большинство комиссии сочло, что идея левого меньшинства о том, что переход из одной нации в другую является делом личного произвола отдельного человека, приводит к отрицанию понятия нации. На деле национальные черты утрачиваются не так быстро и произвольно. Нелегко, например, русскому стать татарином. Для закрепления этого перехода нужны столетия, ибо даже с переменой религии влияние прежней нации долго сказывается в языке, в быте, в элементах культуры. Обращение к воле и самоопределению населения могло бы дать реальные результаты лишь при условии достаточного культурного самосознания и при отсутствии всякого стороннего влияния. Между тем, холмское малокультурное население зачастую не в состоянии разобраться в таком сложном вопросе при тесной переплетенности русской и польской культуры. Еще труднее добиться свободы волеизъявления. Известно, например, как отразилась на итогах переписи 1897 г. одна угроза, что все население, не записавшееся в число католиков, будет выслано за Буг.

Рассматривая ссылки польских и левых членов комиссии на отрицательное отношение к проекту выделения Холмщины прежних государственных деятелей, таких, как Витте и Дурново, октябристы заявляли, что позиция этих деятелей была справедливой при условии прочности и стабильности центральной русской вла-

сти в Польше и Холмщине, однако в настоящее время необходимо считаться с тем, что Царство Польское находится накануне введения в нем городского и земского самоуправления, которое по своему характеру может быть только польским. Комиссия сослалась на заявление председателя Совета Министров П. А. Столыпина в заседании Совета по делам местного хозяйства 15 октября 1909 г.: «Если, таким образом, в Западном крае Министерство стремилось создать земство по окраске русское, то в городах губерний Царства Польского мы ожидаем увидеть самоуправление польское, подчиненное лишь русской государственной идее». В силу того, что планируется введение польского самоуправления, комиссия сочла выделение Холмщины «безусловно необходимым, так как иначе русскому населению этого края грозит в непродолжительном времени полное ополячение». Пример Галиции и Западно-Русского края показал, насколько трудно обеспечить национальные интересы русского населения даже там, где оно значительно многочисленнее, чем в Холмщине.

Выделение Холмщины, по мнению большинства комиссии, должно было рассматриваться как первый шаг в ряду системы мероприятий культурного и экономического характера, в основу которых должно было лечь сознание местными деятелями, сверху донизу, принадлежности большинства населения Холмщины к русской национальности и необходимости твердой и последовательной национальной политики.

Свои выводы большинство комиссии сформулировало в следующих положениях:

1. Холмский край по историческому своему прошлому неразрывно связан со всей Западной Русью и составляет часть этой последней.

2. Холмский край, несмотря на тяжелые исторические и современные условия, сохранил свой национальный русский облик, и большинство населения этого края принадлежит к русской народности.

3. Выделение Холмского края представляется необходимым как в интересах коренного русского населения этого края в целях предупреждения его ополячения, так и в интересах Царства Польского ввиду необходимости введения в нем земского и городского самоуправления и иных реформ.

4. Правительственный законопроект о выделении Холмского края из состава Царства Польского в основных своих положениях является вполне целесообразным и приемлемым.

Меньшинство комиссии к этим заключениям не присоединилось и осталось при своем особом мнении.

Доклад Д. Н. Чихачева

Законопроект о выделении Холмщины рассматривался в общем собрании Думы на 5-й сессии 25 ноября 1911 г. Докладчиком по законопроекту был националист ***Д. Н. Чихачев*** [1], который провел огромную работу по отысканию и приведению в порядок обширного материала. Его письменный доклад составил солидный том в 426 страниц. Изложив в своем выступлении в общем собрании Думы историю сложных религиозных и национальных отношений в Холмском крае, Д. Н. Чихачев призвал к отделению этнографического принципа от вероисповедного.

«Этнографический состав населения, — сказал докладчик, — в данном крае, как и на всем протяжении Западной России, не совпадает с признаком религиозным... Стремление, направленное к тому, чтобы отождествить понятие католик и поляк, с одной стороны, и русский и православный, с другой, это стремление общее для всего Западнорусского края. Несомненно, одним фактом перехода из Православия в Католичество русская народность никоим образом утрачиваться не может, утрата национального облика может быть делом только нескольких поколений благодаря взаимодействию целого ряда факторов, именно в первую очередь польского костела, затем польских помещичьих усадеб в данном крае и, наконец, польских тайных школ. Только при взаимодействии всех этих факторов на протяжении многих десятков лет можно достигнуть определенных результатов в смысле ополячения».

Исходя из оценки населения, говорящего на малорусском наречии, в 450 000 душ, Д. Н. Чихачев подчеркнул, что русская народность является численно преобладающей в этом крае, и вся история и этнография края приводят к заключению, что Холмщина

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. I. С. 2591—2608.

вместе с Галицией составляют одно целое со всей Западной Россией.

Намекая на равнодушие к холмскому вопросу — в его административно-политическом аспекте — государственных деятелей последних десятилетий, докладчик сказал, выражая настроение националистов:

«Почтенные деятели бывшего бюрократического строя, отошедшего в вечность, оставили нам в области польско-русских отношений тяжелое наследство, наследство, в особенности тяжелое в области разрешения холмского вопроса; они верили, к сожалению, в спасительность полумер, они не склонны были смотреть на холмский вопрос, как на вопрос общенационального, общегосударственного значения, как на вопрос известного внутринадельного размежевания русских и поляков в пределах единой Российской империи. К сожалению, многим из них чужда была идея последовательной и систематической национальной политики; слишком были сильны иные закулисные влияния, часто антирусского характера, слишком сильно было влияние канцелярии, всевозможных советников высших и низших рангов, и лишь представительные учреждения могут служить залогом последовательной и систематической национальной политики на нашей окраине, и в частности Холмской Руси».

Министр внутренних дел ***Макаров***, выступивший с разъяснениями по законопроекту [1], отметил широкий международный интерес, вызванный холмским вопросом. В особенности энергично протестовали против выделения Холмщины поляки за рубежом, поднявшие целую кампанию против «нового раздела Польши», как они называли этот законопроект. Министр выступил против попытки рассматривать польские земли как что-то большее, чем одну из частей Русской империи.

«Не рознь и не гонение предполагается законопроектом, а имеется в виду лишь дать возможность проживающему там русскому народу сохранить свою самобытность, развить и укрепить в нем национальное самосознание и связанное с ним чувство приверженности и русской государственности».

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. I. С. 2608—2620.

«Вам предстоит доказать, — сказал, обращаясь к членам Думы, министр внутренних дел, — что Польша есть лишь одна из составных частей единой России, той России, которая заботится о благосостоянии всех входящих в состав ее народов, но вместе с тем крепко помнит, что ее мощь и государственность созданы дружной, многовековой работой и усилиями русского народа».

Изложение Л. П. Дымшей позиции польских националистов

С большим докладом выступил седлецкий депутат польский помещик Л. П. Дымша [1], автор письменного сочинения о Холмском вопросе, противопоставляемого докладу Д. Н. Чихачева.

Л. Дымша указал, что вопрос об отделении Холмщины ставился уже восемь раз и все восемь раз государственными деятелями России отвергался. Инициативу отделения докладчик усвоил местным националистическим деятелям, главным образом православному духовенству и русской администрации. Он подверг резкой критике методы сбора статистических сведений, коренным образом искажающие действительную картину национального распределения населения.

«Прибужье, — сказал Л. Дымша, — является в этнографическом отношении той местностью, на которой встретились два могущественнейших славянских народа: русский и польский... Эта встреча выразилась в том, что там была образована даже средняя церковь, введена уния для этого среднего населения... Язык, независимо от его названия, явился результатом столкновения двух больших славянских народов, и поэтому в настоящее время говорить о том, что там 450 000 русских, представляется научно совершенно непроверенным. Можно говорить, что там имеются русские, что там имеются поляки, что там имеется смешанное племя, но говорить, что там столько-то и столько тысяч тех или других представляется мне расчетом неверным».

Докладчик отрицал наличие того натиска со стороны католического духовенства, о котором так много говорили в комиссии, в особенности епископ Евлогий.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. I. С. 2620—2650.

«Все эти разговоры здесь, — сказал Дымша, — что это колеблющиеся, что это упорствующие, ничего общего с действительностью не имеют. Имеются католики, которых под кнутом держали в загоне и не позволяли входить в костел и молиться по-своему Богу, они это испытание выдержали и, когда наступил момент свободы, они объявили себя католиками; они собирались, они пели благодарственные песни Государю Императору за ту милость, которая им была дана. И теперь во всех речах слышится, что да мы этих людей опять переведем в Православие; дайте нам Холмскую губернию. Не говоря о безнравственности этого утверждения, о том, что такие вещи не должны быть утверждаемы в правовом государстве, это указание, само по себе, является совершенно неверным. Чем больше вы народ будете удручать в области религии, тем труднее с ним будет справиться; он останется тем же и будет верить так и молиться так Богу, как он этого желает...».

Дымша далее резко возразил Чихачеву по поводу якобы роста антикатолических настроений среди поляков и, в частности, по вопросу о развитии мариавитизма:

«Члену Государственной Думы Чихачеву хотелось бы, конечно, чтобы выдвигаемый при помощи правительственных средств мариавитизм ослабил моральную мощь католического костела. Несомненно, мариавиты всеми силами выдвигаются, и этим Правительство надеется бросить ядро раздора в католическое население Царства Польского, но дело это идет очень слабо... я не могу не поражаться государственным мировоззрениям члена Думы Чихачева в этом отношении. Что же предполагается с его точки зрения? Предполагается подорвать христианскую веру в государстве. Он думает, что действительно вера подрывается теми или другими внешними обрядами. Я не думаю, чтобы обряд был самым важным в отношении религии и общения человека с Богом, но я думаю, что это общение является необходимым с точки зрения здравой государственности, и подрывать эту веру созданием и поощрением всяких сект или всяких преследований является по меньшей мере делом негосударственным».

Против обвинения в угрозе ополячения края Дымша выдвинул аргументы о реальной угрозе его полной руссификации административными мерами. Для этой цели служат 365 церковно-приходских школ, ведущих активную пропаганду Православия и русси-

фикации, и в этом им мало уступают министерские училища. Все польские школы насильственно закрыты, так что край с миллионным населением, из которого большая половина — поляки, не имеет ни одного польского училища. «Не государственное ли это одичание населения, не способ ли это приведения его к полному нравственному расстройству?» — спрашивал докладчик. Он привел далее сведения о материальной обеспеченности холмского православного духовенства. Среднее обеспечение духовного лица в этом крае составляло 2690 руб., чего нельзя найти ни в каком другом месте Российской империи, тогда как на католического священника правительство выделяет всего 209 руб., которые не всегда еще удается получить. По расчетам католического духовенства, в шести восточных уездах Люблинской губернии одна церковь приходится на 1387 душ православного населения, а среди католического населения один костел на 6800 душ; на одного православного священника — 1052 души, а на одного католического — 4041 душа.

Одной из мер вероисповедной политики является закрытие крестьянского банка для католиков инструкцией варшавского генерал-губернатора Черткова. Таким образом, крестьянин, который ходит в церковь, может пользоваться ссудой для увеличения своего землевладения, а тот, который ходит в костел, этой возможности не имеет.

«Можно ли придумать что-либо более безнравственное? — вопрошал докладчик. — Это именно разделение людей по вероисповеданию, чтобы предоставить им те или другие блага при помощи государства. Что это такое? Надеются загнать крестьян в церковь только вследствие того, что они не получают земли? Конечно, это — средство, которое в тех или иных случаях быть может и окажет некоторое единичное влияние, но я обращаю внимание на всю незакономерность и негосударственность этой меры».

Критикуя мотивы законопроекта — «ободрение» русского населения края и беспрепятственное проведение политики обрусения, Л. Дымша говорил:

«Не внешними средствами, не средствами государственного воздействия, не притеснением, не исключительными законами вы умножаете сторонников той веры, которую вы хотите укрепить, нет, вы это можете сделать только средствами культурными, сред-

ствами и старанием духовенства, ведомого путем увещевания, доброго примера и путем духовной жизни. К счастью, XX век свободен от всех тех религиозных войн, которые велись в свое время; одна только Россия в настоящее время после манифеста являет тому пример... *В религиозном отношении мы не должны препятствовать друг другу, а мы должны развивать общую культуру.* И потому, я думаю, что все те государства, которые применяли в свое время исключительные меры к тому, чтобы поддержать ту или иную религию, в конце концов сильно отчаивались, результат был всегда противоположный. Не будем ходить далеко за примерами... 40 лет страшного бесправия, 40 лет насилия, потеряна громадная энергия и в результате 200 000 человек перешли в католицизм. Вы видите, как опасно дотрагиваться до народной души, как именно вопрос религиозный является вопросом духовным: это нежный цветок, на который натиск делать невозможно».

Указывая на то, что уже 80 лет русская государственность непрерывно занимается созданием притеснительных мер и исключительных законов против поляков, граждан Российской империи, Л. Дымша восклицал:

«Сколько энергии, сколько денег израсходовано для того, чтобы достигнуть этой цели. А какие, я вас спрашиваю, результаты? Обрусили ли вы поляков, оправославили ли вы католическое население? Я думаю, вы должны убедиться, что вы никого не обрусили и никого не оправославили, напротив, вы окатоличили многих униатов в 1905 г. именно этими мерами, мерами этого принудительного воздействия и мерами этой фальшивой политики».

В заключение своей страстной речи Л. Дымша подвел итог своих рассуждений, утверждая, что приведенные в докладе комиссии исторические данные не соответствуют исторической правде, статистические вычисления не согласны с действительностью, этнографические условия определены произвольно, идейное содержание проекта противоречит разумной государственной политике, осуществление проекта приведет лишь к возбуждению местной религиозной и национальной вражды. «Всему этому противопоставляется страстное желание произвести ободряющее влияние на часть его населения и видеть этот край русским. Но здесь-то именно мы и видим разительный пример той не национальной, а узко националистической политики, той политики чувств и желаний,

которая, подобно быку с завязанными глазами, мчится стремглав вперед, не считаясь с условиями действительной жизни, и в итоге приводит законодательную работу к полной несостоятельности и к нарушению того, что она считала основным положением государства... Принятием этого законопроекта вы проявите право силы. Да, вы сильны, вы можете обойтись с этой частью Царства Польского так, как на данную минуту, с вашей точки зрения, потребуют этого обстоятельства. Но сила права — правда, и справедливость останется на нашей стороне. (Рукоплескания слева)».

Выступление епископа Евлогия

После Л. Дымша выступил ***епископ Евлогий*** [1]. Не входя в подробную полемику со своим главным оппонентом, епископ ограничился изложением лишь принципиальных мотивов законопроекта. Он лишь заметил по поводу статистики, что при всем ее несовершенстве, она три раза проверялась и перерабатывалась по требованию польского коло и нет оснований считать эту статистику тенденциозной.

На вопрос о цели выделения Холмской Руси из состава «чуждой ей Польши», епископ Евлогий ответил «прямо и коротко»: это необходимо для спасения погибающей там русской народности. Особенно трагичным является тот факт, что процесс денационализации продолжался и тогда, когда Холмщина перешла под русское владычество, и с особой интенсивностью развивался в XIX веке, завершившись катастрофой 1905 г. Только государственными мероприятиями можно положить конец этому процессу исчезновения русской народности.

«И теперь сравнительно уже небольшой остаток русского населения Холмщины, однако простирающийся почти до полумиллиона, равняющийся 470 000, обращает к коренной родной России свои молящие взоры и просит у нее спасения от грозящей окончательной гибели. Я спрашиваю вас, господа народные представители, может ли Россия отвернуться от этой мольбы, может ли оттолкнуть эти протянутые к ней за помощью руки своих обездолен-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. I. С. 2650—2702.

ных сынов? Имеет ли право русское государство, себя уважающее, допустить, чтобы в его пределах и под его властью исчезала, пропадала целая народность, и при том народность русская, та народность, трудами и потом которой создано было величие и мощь русского государства?»

Далее епископ, указывая корни болезни, обрушивается с разными обвинениями в адрес католицизма, вспоминает наиболее драматические эпизоды религиозной борьбы на Холмщине. В частности, «вспоминается эта злосчастная уния, заведенная хитростью и насилием, которой окончательно хотели наклонить русский народ в польский костел».

«Так страдал и терпел русский народ не в одной только Холмщине, а вместе с ним страдал и терпел весь народ во всей Западной Руси; и не преувеличивают, когда говорят, что это ярмо польское было даже тяжелее ига татарского, ибо татары, поработившие русский народ, по крайней мере, оставили самое дорогое и самое святое достояние неприкосновенным, именно веру православную, а поляки посягнули на это святое святых народа, изломали, исковеркали душу народную в тисках своих и произвели то, что проф. Фоневич удачно называет «вылущиванием духа».

«Западная Русь, — продолжал епископ Евлогий, — не долго оставалась под этим тяжелым ярмом. Когда пала Польша, то западнорусский народ после стольких веков насильственного отчуждения от своей родной России снова вернулся к своей Матери-родине и быстро пошел по пути своего религиозного и национального возрождения, быстро сбросил с себя, как изношенную ветхую одежду, эту унию и окреп настолько в своем русском самосознании, что теперь разве только какие-нибудь мечтатели, фанатики могут считать Западно-русский край — краем польским, «забранным краем».

Холмщина стала жертвой злосчастного исторического недоразумения, когда граница Царства Польского в 1815 г. была определена по реке Буг, и тем самым западное русское Забужье оказалось искусственно оторванным от родины, «неестественно втиснутое» в Царство Польское, оно постепенно стало превращаться в польское Прибужье.

Потеряв Западный край, поляки все силы направили на Холмщину с тем, чтобы закрепить за собой по крайней мере эту остав-

ленную им часть прежних владений. Католизация и полонизация Холмщины пошли быстрыми шагами.

Епископ Евлогий для доказательства этих положений процитировал униатского иерарха епископа Михаила Куземского, который имел большой моральный авторитет в глазах как русских, так и поляков: «Соединенными силами латинского духовенства и шляхты русский обряд отчасти истреблен и заменен латинским, причем русское население превращалось в польское, отчасти же исковеркан до такой степени, что трудно отличить русскую церковь от латинского костела и греческие обряды от латинских. Греческим обрядам и Русской Церкви грозит опасность быть отодвинутыми за р. Буг, а русское население совершенно исчезнет в Царстве Польском... Цель этого совокупного миссионерства была больше политическая, чем религиозная. Из-за религиозных видов не надо было совращать латино-униатов, принадлежавших к одной Римской Церкви. Тут дело шло о народе», — так писал в свое время Куземский.

Возражая тем, кто указывал на единство русской администрации, епископ Евлогий подчеркнул, что в сознании самих поляков мечты об автономии, о восстановлении Царства Польского никогда не исчезнут, что эти мечты о будущей самостоятельной Польше упорно внушаются русскому населению, производя «тяжелое, гнетущее впечатление... на наших бедных, забитых холмских русских крестьян».

«В этом вековом кошмаре надвигающейся Польши сколько веков живет уже наш народ, и это гнетет и давит его национальное сознание; его сердце русское влечет его в Православную Церковь, но мысль о том, что, может быть, придет Польша и погонит его насильно в костел, заставляет заглянуть и в католический храм; он посещает русскую школу, но мысль о восстановлении Польши заставляет его иногда идти и в тайную польскую школу... Я бы хотел, господа, чтобы вы поняли эту ужасную психологию нашего местного русского крестьянина, это постоянное его душевное раздвоение. Рассейте, господа, в нем этот кошмар, давящий его и парализующий все усилия для его национального возрождения, размежуйте его с поляками, разрубите эти вековые цепи, вековые кандалы, которые приковывают его к Польше. Пусть поляки мечтают себе о чем угодно — об автономной, о самостоятельной

Польше, но пусть эти мечты не касаются и идут мимо нашего русского холмского православного крестьянина, пусть они не гнетут и не насилуют его души. Дайте твердую уверенность, что его судьба, его будущее связано не с Польшей, а с великой Россией, и в этом единении он почерпнет силы для своего всестороннего и свободного культурного и национального возрождения. Свяжите его жизнь тесною органической связью с общерусской жизнью, введите ее в общее русское русло и он сразу окрепнет в своем национальном сознании, да, может быть, и поляки, когда потеряют всякую надежду на то, что Холмщина составляет их неразрывную часть, может быть, и поляки найдут в себе силы, чтобы от нее отказаться к тому, чтобы ее не ассимилировать себе и направлять свою внутреннюю работу на этнографическую Польшу».

«Поляки, — говорит епископ Евлогий, — отлично понимают, что с отделением от Царства Польского Холмская Русь совершенно ускользнет из-под их рук, из-под их влияния и быстро пойдет по пути своего национального возрождения, станет действительно русскою, а не польскою. В этом вся суть, весь гвоздь настоящего вопроса, вся острота нашего бесконечного спора с поляками. Какой должна быть Холмщина, польской или русской? Вот наш главный, коренной наш вопрос, и разве в этом вопросе возможен какой-либо компромисс, какая-либо уступка, какое-либо примирение? Конечно нет».

Нарисовав картину ожесточенной религиозной вражды внутри Холмщины, епископ Евлогий сказал:

«Если теперь, когда полякам так невыгодно проявлять такое насилие, нападать на русских, если теперь, когда они стараются усыпить русское общество своими заявлениями о мире и спокойствии в Холмской Руси, возможны такие явления, можно себе представить, что будет, когда пройдет этот момент, и если, помилуй Бог, настоящий законопроект не пройдет в Государственной Думе, провалится, и Холмщина по-прежнему останется в польских руках, — о, тогда они сугубо вознаградят себя за это временное и вынужденное спокойствие, тогда еще раз наша Холмщина огласится стонами и воплями, — но, увы, этих стонов и воплей уже никто не услышит, они замрут и заглохнут в глуши наших холмских и подляшских деревень. Страшно, господа, даже об этом и подумать... Измученная, истерзанная вековой непосильной борь-

бой Холмщина, если останется опять в польских руках, недолго уже сможет противостоять и сопротивляться польскому натиску, медленно, но верно начнется ее угасание, умирание... Объединение Холмщины с остальной Россией — это завет всей истории русского народа, это долг его национального чувства, это требование русской народной совести».

Продолжение полемики на думской трибуне

Член польского коло ***Я. С. Гарусевич*** [1] в своей речи заявил, что проект о выделении Холмщины есть «прежде всего акт мести по отношению к польскому народу со стороны холмских политических деятелей, уязвленных в своем самолюбии фактом массового перехода в католичество местного населения».

«Мы ничего не имеем, — сказал польский депутат, — против мирного соревнования культур в этой части Царства Польского со смешанным составом населения, но проект готовит не мирное соревнование, а борьбу, неумолимую борьбу не на жизнь, а на смерть. Не для мнимой защиты... вносится этот законопроект, а цель его явно агрессивная, наступательная, захватная; несомненно подготовляются ужасы 1875 г., года, который французский автор Ле-Блон назвал самым черным пятном европейской истории XIX столетия. Проиграв кампанию на одной позиции, чисто религиозной, холмские деятели переходят на другую позицию, мнимо-национальную... Дело национального самосознания, дело в той же мере человеческой совести, как и религиозная вера. В этих же поуниатских местностях национальность так тесно связана с религией, как нигде, быть может, в мире, и потому гонения национальные неминуемо роковым образом становятся гонениями религиозными».

Националист гр. ***В. А. Бобринский 2-й*** [2] в своем выступлении рассказывал о личных впечатлениях от многочисленных бесед с православными и католическими крестьянами в Холмщине.

«Я должен вам передать, — сказал оратор, — единогласную мольбу всех православных, всех без исключения, о выделении и

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. I. С. 2711—2729.

[2] Там же. С. 2729—2747.

признании края русским, о торжественном акте, который убедил бы население, что тут никогда больше не будет Польши». Бобринский передал также опасения русских крестьян-католиков о возможности посягательства на свободу их веры после выделения Холмщины.

«Необходимо совершенно ясно установить, и мы торжественно отсюда заявляем, что никакого стремления в чем бы то ни было стеснить свободу их веры, свободу веры, которую желает исповедывать этот народ, никогда не будет, мы надеемся, со стороны правительства. Если же оно будет проявляться, то мы первые будем подписывать запросы, которые сумеют внести представители польского коло. (Рукоплескание справа.) В этом отношении совесть населения должна быть успокоена... Местные крестьяне, хотя и католики, — если вы добром, если вы по-русски как следует будете с ними обходиться, — поверьте, если они потеряны для Православной Церкви, то далеко еще не потеряны для русского народа...».

Октябрист ***Г. В. Скоропадский***, депутат Черниговской губернии, в своей речи [1] заявил:

«Я считаю, что нравственное влияние в данном случае фактор очень важный. Надо ведь обратить внимание на то, в каком положении находится русское население Холмщины. История Холмщины вам это разъясняет. Ведь история Холмщины, это история страданий и нестерпимых мучений человеческой души. Там долгое время свирепствовала буря сталкивающихся интересов русских и польских, и в данном случае я не оправдываю ни поляков, ни русского правительства, ослепленные борьбой они совершенно не считались с потребностями души человека и производили над ней жестокие насилия, поругания ее священных верований и дорогих заветов. Душа русского крестьянина в настоящее время смята, запугана и подавлена, и потому нравственная поддержка будет иметь для него громадное значение. Порабощенный дух чего-то ищет, чего-то хочет, и прежде всего он ждет нравственной поддержки, и мы ему отказать в этом не можем. Утопающему кричат издали: «Держись, ты спасен» — и это его бодрит, это поддержи-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 136—143.

вает его слабеющие силы. Это мы должны сказать крестьянину Холмщины. Тогда в больной душе его блеснет луч надежды и он скажет, что пришла добрая весть: мы уже не в Польше».

Польский депутат ***В. Ю. Яблоновский*** [1], полемизируя с гр. Бобринским 2-м, заявившим, что все без исключения православные крестьяне хотят выделения края, напомнил о списке 8000 лиц, принадлежащих к Православию и не желающих выделения Холмщины. Заявление гр. Бобринского о думских гарантиях против возможных ограничений свободы католической веры польский депутат характеризовал как легковесное и не имеющее никакой цены. Наряду с ополяченными малороссами в Холмщине есть и обрусевшие поляки. Даже официальная статистика показывает, что в проектируемой губернии громадное большинство населения не есть православное, что даже за вычетом других исповеданий католики там преобладают над православными.

«Генеалогии крестьянских семейств никто теперь не в состоянии исследовать, и этим путем вопрос о характере этих земель не разрешится, — говорил Яблоновский. — Его можно разрешить лишь одним путем, именно, дав возможность самому населению высказаться свободно и непринужденно. Но вы, господа, сторонники этого законопроекта, этим путем не пойдете, потому что вы не сомневаетесь в том, что ни один католический житель этого пространства, которое вы желаете отторгнуть от Царства Польского, не признает себя русским. И поэтому вы, господа, ревнители этого законопроекта, говорите несчастному крестьянину этой страны, что хоть он и признает себя поляком, вы таковым не желаете его признавать и угрожаете ему, что против его воли превратите его и его детей в русских».

Депутат Пермской губернии, отставной генерал-лейтенант, поляк-католик, член партии к.-д. ***А. Ф. Бобянский*** [2] затронул вопрос о католическом костеле, как средстве полонизации.

Сравнивая специфические особенности Православия и Католичества, он отметил, что сила Православия в близости священников к народу, тогда как сила Католичества — в его организации.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 143—156.

[2] Там же. С. 331—344.

«Я имею много почтенных друзей священников и вижу ту близость, которая существует в православном населении между пастырями и пасомыми, но я должен сказать, что эта близость в Холмщине нарушена; там священник и население — это элементы, я не скажу, чуждые друг другу, но происходящие не из одной и той же народной среды; эта близость существовала до 1860-х годов, но потом, с призывом туда галицийских выходцев и затем с призывом туда духовенства из центральной России, эта традиционная вековая близость, которая сообщает, я скажу, наибольшую силу Православию, нарушена».

«Католическое духовенство, — продолжал Бобянский, — в данный период времени, и именно в России, представляет независимость религиозной совести от светской власти. В этом притягательная его сила и в этом залог успеха всего его дела. Православие этого момента в себе не имеет. Православие слишком близко стоит к светской власти, и оно не охраняет совести своего пасомого от воздействия светской власти, а Католичество охраняет и признает, что они независимы от светской власти, и в дела совести государства вмешиваться не должно. Правильно ли это или неправильно с государственной точки зрения? Вы, может быть, скажете, что это представляет опасность, но тем не менее это факт, и в этом зародыш сочувствия населения именно к Католической Церкви».

Нарисовав картину религиозных битв между Католичеством и Православием в Польше в XVII—XVIII вв., отражавшую общее состояние европейского мировоззрения того времени, делавшего религиозные войны неизбежными, Бабянский заявил:

«Возобновлять эти споры теперь, в XX веке, когда они окончательно потухли, когда они не имеют никакого значения, когда принципиальные вопросы совести представляются вопросами личными, и строить на этом политику и вот именно этим законопроектом, это, по меньшей мере, узко, это бесцельно, никакой цели этим достигнуть нельзя (о. Юрашкевич, с места: да ничего не потухло)».

Престарелый киевский профессор-историк, член партии к.-д. ***И. В. Лучицкий*** [1] иронически отозвался о ссылках полемизирую-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 461—473.

щих ораторов на историю, которая той и другой стороне дает основания для отстаивания своих позиций.

«История обыкновенно в случаях, подобных настоящему, является чрезвычайно опасным обоюдоострым орудием... Нельзя же следовать той морали, которая существует у готтентотов: когда я украду — это добро, а когда у меня украдут — это зло... Я оставляю совершенно в стороне всю ту сторону, которая для меня, с точки зрения историка, совершенно бездоказательна и не научна, и это тем более, что речь-то идет о слишком старых временах, «на заре истории». Я займусь совершенно другим вопросом, который в данном случае больше всего меня интересует, а именно вопросом о праве меньшинства. Вопрос этот в последнее время является самым существенным и коренным вопросом, он больше всего занимает умы и является одним из тех вопросов, перед решением которых, рано или поздно, каждый должен остановиться, потому что иначе история заставит поставить этот вопрос во всей его широте».

Поставив вопрос о правах малорусского меньшинства в Холмщине, Лучицкий сказал, что никаких гарантий этих прав не было ни прежде, при господстве Польши, ни теперь, при господстве русской администрации.

Эта бесправность обусловлена тем, что малорусское население состояло из холопов, из людей, к которым ни польское, ни русское государство не относились как к чему-то самостоятельному, но распоряжались этим населением по своему произволу. Господствовала точка зрения, что «единство государства основывается на единстве веры и во имя этого единства делали эксперименты над людьми подлого состояния».

Эксперименты эти приводили к одному результату — преследованиям религиозного характера, в желании «окатоличить» население посредством унии со стороны Польши, а затем, наоборот, «оправославить» его со стороны России.

Докладчик заявил, что считает вполне необходимыми меры против насильственного ополячения малороссов, но что законопроект не дает никаких гарантий сохранения их национальной самобытности после выделения Холмщины.

Правительство считает своей целью полное обрусение края и лишь таким путем — внутреннего слияния с коренной Россией,

т. е. слияния не путем самостоятельного развития и поддержки тех элементов, которые могут составить определенную крупную силу для страны, а путем обычного насилия, которое всегда связано с политикой объединения, которая является политикой, связанной с религией, политикой «нивелирования всех по одному и тому же шаблону».

Поскольку с выделением Холмщины не предусмотрено никаких гарантий для защиты интересов выделяемого малорусского населения, ни тем более гарантий для выделяемого вместе с ним населения польского, Лучинский высказался против законопроекта в целом.

Позиция прогрессистов: выступление Н. Н. Львова

Депутат Саратовской губернии прогрессист ***Н. Н. Львов*** [1] на основании личных впечатлений подтвердил, что Холмщина несомненно ведет процесс полонизации населения.

Он признал также необходимым «оказать поддержку более слабой русской национальности в ее борьбе за существование».

«Да, во время Речи Посполитой были гонения на русское население и веру и были обращения русских церквей в католические костелы, и были надругательства над православными обрядами, и все это было тем тяжелее, что оно ложилось на народ мягкий и кроткий, насилия совершались как бы над душой ребенка».

Но в то же время Н. Н. Львов признал, что «к этому вопросу надо подходить с величайшей осторожностью, ибо там сделаны такие громадные ошибки нами самими, что это именно и обязывает к сугубой осторожности, прежде чем прикасаться к больным ранам, нашей же рукой нанесенным».

Законопроект о выделении Холмщины, по его мнению, представлял попытку «топором разрубать вопрос, который представляет из себя громадную сложность и громадные трудности».

Причина бедствий этого края заключается в том, что «на этих людей, на этот народ, будь то поляки или русские, предъявляли притязания два враждующих между собой государства и две

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 509—523.

Церкви. Многовековой спор из-за господства и власти обрушился всей своей тягостью на людей, которые жили на этом рубеже. Живые люди с их национальным чувством, с их верой приносились в жертву ради торжества Церкви и государства. Вот в чем крылась главная ошибка всего того, что происходило в этом крае, и если вы приглядитесь к истории этого края, то не увидите нигде таких разительных примеров, как евангельская истина сказывается на деле: взявший меч от меча и погибнет. Вы видите здесь могущественные базилианские монастыри, предъявлявшие посягательства на покорение человеческой совести, обращенные в развалины, но видите здесь и православные церкви, оставленные молящимися, и пастырей без паствы. Над этим нужно задуматься...».

Н. Н. Львов призывал вспомнить мудрые предупреждения тех, кто в эпоху 30-летней войны, когда людей жгли на кострах, когда у нас сожгли протопопа Аввакума, предупреждал о гибельных последствиях такого «единения креста с мечом».

Н. Н. Львов напомнил, что ужасы 1875 г. в министерском докладе, представленном Государственной Думе, описываются как «ограждение русской народности общеадминистративными мерами при некотором государственном воздействии в области церковной жизни». Были тогда и призывы 300 000 униатов, простиравших руки к России для спасения от латинизации и полонизации, и все, что писалось тогда по холмскому вопросу, поразительно напоминают теперешние разговоры.

«Вопрос религиозный есть вопрос доминирующий в Холмском крае — это есть корень всего, он доминирует над вопросом национальным, и рознь в Холмском крае происходит и не на национальном вопросе, а на религиозном. Здесь русские католики враждуют против русских православных. Здесь переход из одной религии в другую есть не только перемена веры, но это есть переход в стан тех, которые угнетали веру вашего отца и вашего деда. Здесь религия внесла раздор, можно сказать, в недра самой семьи. Вековые гонения водворили в население сознание: кто католик — тот поляк, кто православный — тот русский. И этого таким обходом, как предлагает комиссия, разрешить невозможно».

«Ведь вы после того, как перенесете межевые столбы, — говорил Н. Н. Львов, — и напишете, что здесь Польша, а здесь Россия, вы не остановите ни яростных проповедей с обличениями, с

нападениями на чужую веру, на чужую национальность; ведь вы не остановите обращения к полиции; вы не остановите тот воинствующий клерикализм и воинствующий национализм, которые составляют всю язву этого края; вы этого не можете сделать...

Вы хотите перенести всю борьбу с религиозной почвы на почву национальную, но можете ли вы действительно это сделать?.. Затрагивая вопрос о языке, вы тем самым затрагиваете и вопрос о религии; у нас нет русского католицизма, и язык костела есть язык польский... Никогда нельзя забывать, что тот русский народ, который вы называете русским в этой Холмской губернии, — это малорусский, и та песнь, о которой вы так скорбите, что она рвется из тисков полонизации, — это есть песнь малорусская; вы же являетесь к этому народу не с тем языком, на котором говорили с ним епископ Куземский и епископ Терашкевич, вышедшие из этого народа и любившие этот народ, а с другим языком, и по мере школьной выучки будет теряться язык, на котором поется его свободная песнь, и вы точно так же не из участия к его доле подходите, а вы точно так же хотите наложить на него тяжелую руку во имя других государственных целей».

«Ведь нужно же понять, — продолжал Н. Н. Львов, — что в Холме произошло не крушение русского дела, не торжество поляков и Католицизма, а произошло крушение победоносцевой политики... Впервые манифест 17 октября провозгласил, что живой человек, с его верой, с его народным чувством, с его человеческими страданиями не может быть ничьим достоянием, ни польской, ни русской государственности, ни Православной, ни Католической Церкви. Этим разрубается вековой узел, тяготеющий над Холмским краем, где вековая история прошла, терзая человеческую совесть ради торжества Церкви и государства. В холмской истории можно научиться, что есть глубины человеческого духа, до которых грубая рука власти не должна касаться, — это есть вера и национальность».

В. А. Маклаков (к.-д.) в своей речи [1] сказал:

«Мы повсюду, не только в Польше, слышим от русского духовенства жалобы на искусство, энергию и на успех польской като-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 643—659.

лической пропаганды... Для того, чтобы противостоять влиянию пропаганды католической, есть одно средство — помогать православной пропаганде; вы это делаете, вы ей помогаете, вы ставите эту пропаганду в благоприятные условия, но для этого выделения не нужно».

Маклаков призвал к реальному устранению тех источников зла, которые отравляют Холмщину, путем разумных практических мер, тогда как выделение Холмщины без дальнейших мер по русификации — есть чистая демагогия и обман, так как в действительности эти меры собираются потом проводить. Обращаясь к октябристскому центру, Маклаков сказал: «Либо вы ничего не сделаете больше того, что вы обещаете и предполагаете, и вы не будете теснить польский элемент и не будете издеваться над ним, но тогда вы сделаете своими врагами всех тех, на которых вы опираетесь, всех тех, которые придумали этот проект, либо вы уступите и, скрепя сердце и того не желая, пойдете за этими авантюристами русификации во все дебри, куда они вас заведут».

Вторичные выступления епископа Евлогия и Д. Н. Чихачева

Епископ Евлогий во вторичном выступлении [1], отвечая на речи предыдущих докладчиков, отверг обвинения в том, что авторы проекта возлагают какие-либо надежды на полицейское насилие и административный произвол, но лишь стремятся «поднять и укрепить народное самосознание, поставить народ в такие условия, чтобы он сам собою представлял такую крепкую силу, о которую бы разбивались панские поползновения».

Далее епископ Евлогий выступил с опровержением утверждений, что Православная Церковь в Холмщине поставлена в лучшие условия, чем Католическая:

«Если от искусственных вычислений перейти к действительности, то получится картина как раз обратная. Заезжайте в любое местечко, где есть православная церковь и католический костел, православная церковь маленькая, убогая, бедная старушка гнется часто к земле, и нет средств для того, чтобы ее починить и привес-

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 659—686.

ти в надлежащий вид, а рядом с нею высится величественный, грандиозный, стильный римско-католический костел. Вот вам картина, и это действительно много говорящий символ: символ, с одной стороны, веры холопской, как у нас говорят, веры православной, и с другой — панской, т. е. веры католической. Сравните затем нашего православного священника с католическим ксендзом; наш православный священник, правда, несколько лучше обеспечен, нежели в центральной России, он получает 1200 руб. жалованья, но ведь это и только, ни о каких доходах не может быть речи, часто даже земля не приносит никакой пользы, особенно в местностях с преобладающим католическим населением. Но он имеет семью, на нем лежит забота о воспитании детей, что требует больших средств, а рядом с ним совершенно одинокий, безработный, бессемейный католический ксендз, который не интересуется ни жалованьем, ни землею. У него и без того так много средств, которые дает ему приход, потому что приход его составляют не простые бедняки крестьяне, а входят туда богатые паны помещики и от этого прихода он получает в пять раз больше средств, нежели православный священник получает жалованьем».

Описывая реальное соотношение сил в Холмщине, епископ Евлогий сказал:

«На польской стороне целая армия воинствующего католического духовенства, затем на его стороне экономическая сила помещика, которая часто переходит в засилье, на его стороне вся интеллигенция, адвокатура, врачи, наконец, мелкие городские ремесленники и многоразличные общества, которые под видом культуры являются очагами самого неудержимого политического прозелитизма, и все это одной сплошной массой гнетет и давит нашего бедного, темного, забитого крестьянина, толкая его на путь измены своим родным началам. Все это влечет и соблазняет его даже внешним видом довольства, спокойствия и обеспеченной жизни, все это говорит: иди к нам и будешь сыт и доволен или оставайся русским, и тогда будешь в бедности забитым, часто преследуемым, обреченным на насмешки и издевательства. Что же этому сплошному натиску может противопоставить наша бедная русская сторона? На нашей стороне только один бедный сельский священник, бедный, также мало обеспеченный чиновник и еще более бедный народный учитель, который получает в нашей церковной

школе 150—180 руб. в год. И это единственные защитники русского населения. Можно ли говорить после этого ... что в Холмщине более чем достаточно средств для защиты русского населения. Нет, русское население в Холмщине, ослабленное, расшатанное, изломанное и измученное вековой непосильной борьбой, требует особливого к себе внимания, особливого попечительства русского государства, требует для своего спасения от окончательной гибели особых мер, законодательных, культурно-просветительных и культурно-экономических, а прежде всего требует полного изолирования от главного источника своих бед, именно от Польши. Нужно укрепить русское самосознание, нужно самый народ твердо поставить для защиты своей русской национальной самобытности».

По поводу картины «ошибок и преступлений» русских светских и духовных властей при воссоединении униатов, нарисованной Н. Н. Львовым, епископ Евлогий сказал:

«В общем картина эта, конечно, справедлива, если отбросить некоторые крайности, и мы сознаем, что 1870-е и 1880-е годы — это печальная страница в истории русской Холмщины, но видеть в этих неумелых, грубых, часто насильственных действиях администрации единственную и исключительную причину всех наших бедствий, той полонизации, которая теперь замечается в Холмском крае, это значит видеть только одну сторону дела и закрывать глаза на другую... В первой половине XIX столетия не было Победоносцева, не было Громеки, тогда русские власти совсем этим не интересовались, однако бедные униаты и тогда уже были напитаны этой католической польской ненавистью. И епископ Михаил Куземский, которому не может не верить депутат Львов, объясняет это вот чем: постоянным выступлением шляхты с латинским духовенством, их совокупным миссионерством, не столько религиозным, сколько политическим».

Епископ Евлогий закончил свою речь описанием событий 1905 года, полемизируя при этом с Н. Н. Львовым:

«Депутат Львов едет в Холмщину, он наблюдает картину этого ополячения, он видит, что холмский народ потерял 170 000, но считает это как бы в порядке вещей, считает это естественным последствием предшествующей русской политики. Когда ему говорят, что отпали не только упорствующие, которые действительно

являлись печальным наследием этой политики, а отпали и крепкие, твердые, православные русские, которые шли в костел с плачем, воплями, проклятиями, стонами, он говорит: зачем вы держите под учетом человеческую совесть, зачем считаете отпавших, пусть идут, не мешайте этому движению, оставьте в покое. Да, посещая Холмщину, он не разглядел там кровавых слез нашего бедного холмского народа, он не видел этих жалких батраков, которых, как бессловесное стадо, загоняли в католические костелы, он не слышал стонов и воплей, которые раздавались в нашей холмской деревне... И вот теперь, когда мы делаем попытки спасти этот несчастный народ, освободить его от латино-польской неволи, депутат Львов, выступая с этой кафедры, с патетическим негодованием говорит, зачем вы это делаете, пусть остается все, как есть, пусть под флагом манифеста 17 октября поляки окончательно догрызут этих несчастных холмских крестьян, оставьте, говорит, вашу работу, грубую, топорную, топором вы хотите отрубить Холмщину от Царства Польского, с которым она срослась, сжилась. Быть может, действительно наша работа грубая, технически несовершенная, но зато она закономерным путем стремится укрепить русское самосознание русского холмского народа, чтобы на этом прочном фундаменте выстроить здание русской культуры. Может быть, работа наша грубая, топорная, но все же это работа созидательная, строительная, а работа депутата Львова и его друзей — это действительно тот топор, который заносят над головой и без того забитого нашего мужика, которого хотят окончательно добить, окончательно докопать».

В кратком вторичном выступлении ***Д. Н. Чихачев*** [1] отметил большой интерес к холмскому вопросу со стороны различных кругов украинского общества, привел мнение местного холмского деятеля левого направления Сполитака, который в Москве, на собрании общества славянской культуры, возражал Н. Н. Львову и оказался сторонником выделения.

«Положительно все западнорусское общество, — сказал Чихачев, — так или иначе близко знакомое с нуждами Холмского края, безусловно является убежденным сторонником этого выделения и

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 703—708.

других способов для спасения этого населения от полонизации». Сделав «лишь первый шаг и наметив дальнейшую схему реформ, комиссия тем самым пошла навстречу желаниям всего западнорусского общества. Она поняла, что это движение подлинно возникло снизу, как выразился член Государственной Думы Маклаков, в лучшем смысле этого слова; она поняла, что в данном случае она стоит не на почве партийной, а считается с интересами всего западнорусского края, не допуская, чтобы хотя один русский человек в пределах Российской Империи мог бы подвергнуться полонизации».

Как и по другим национальным вопросам, в Холмском вопросе среди октябристов не было единодушия, и в заседании 20 января 1912 г. фон Анреп от имени нескольких единомышленников выступал [1] против проекта об отделении, как совершенно бесполезного и ненужного.

После восьмидневного обсуждения переход к постатейному чтению *проекта был принят 154 голосами против 107* [2]. Постатейное обсуждение проекта сопровождалось такими же бурными спорами, какими были общие прения.

15 февраля на утреннем заседании Государственная Дума голосовала и отклонила основную — 10-ю статью Холмского законопроекта. Статья эта предусматривала выделение вновь образуемой Холмской губернии из состава губерний Царства Польского и подчинение ее непосредственному ведению министра внутренних дел.

Противники законопроекта для достижения этого успеха мобилизовали все свои силы. Накануне были разосланы пригласительные повестки всей оппозиции и тем из октябристов, относительно которых можно было рассчитывать на отрицательное отношение к законопроекту. Обсуждение законопроекта началось в 11 часов. На очереди было 20 ораторов, в основном противников проекта. Рассчитывая на то, что прения затянутся, защитники законопроекта явились на утреннее заседание не в полном составе. Однако большинство ораторов тут же отказались от слова и этим обеспечили перевес оппозиции.

---

[1] Государственная Дума 3-го созыва. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. II. С. 717—719.

[2] Там же. С. 722.

В результате большинством 150 голосов против 105 было принято предложение фон Анрепа исключить слова, говорящие о выделении Холмщины из состава Царства Польского. Затем большинством всего в 4 голоса: 139 против 135 было принято предложение подчинить новую губернию варшавскому губернатору, а не министру внутренних дел. Националисты и правые потребовали повторного голосования выходом через двери, но оно дало тот же результат.

Второе чтение законопроекта в Государственной Думе

Несмотря на то, что с отклонением 10-й статьи терял смысл весь законопроект, националисты настаивали на дальнейшем его обсуждении.

На следующий день, 16 февраля, защитники законопроекта добились принятия ряда статей, противоречащих решению, принятому накануне. Большинством 168 голосов против 139 было постановлено подчинить новую губернию по частям не варшавскому губернатору, а министру внутренних дел и главноуправляющим по принадлежности. В судебном отношении Холмская губерния была присоединена к округу киевской судебной палаты, учебные заведения ее по Министерству народного просвещения подчинены попечителю киевского учебного округа.

На этом успехи националистов и ограничились. При дальнейшем голосовании из законопроекта были исключены все пункты, ограничивающие преподавание в учебных заведениях новой губернии польского языка, как не государственного. Такой же участи подверглись и правила проекта, устанавливающие обязательное употребление русского языка в местном судопроизводстве. От группы октябристов принципиальное заявление сделал Е. П. Ковалевский.

«Обособление Холмской губернии, — сказал он, — не должно никого лишить тех прав, которые они уже приобрели. Мы думаем вместе с членом Думы Парчевским, что никого обездолить этот закон не должен. Ввиду этого необходимо исключить из отдела XI все ограничения, касающиеся школ».

Против этой точки зрения возражал епископ Евлогий, который сказал:

«Мы помним, как в 1905—1906 гг. поляки объявили ожесточенный бойкот русской школе, бойкот, который не останавливался даже перед террором. Мы помним, как в то время выступила на сцену пресловутая школьная «Матица», которая явилась как бы самозванным, независимым школьным правительством, параллельным от правительственного учебного округа. Теперь, будучи не в силах удержать детей от посещения русской школы, польские шовинисты стараются приостановить всеми мерами школьное дело. Они выступают на гминных сходах, влияют на темную крестьянскую массу, возбуждают против каких бы то ни было школьных «складов», против самообложения школьного дела, стараются внушить им мысль о том, чтобы они требовали польской школы. Она находится в боевом положении и не всегда русское правительство выходило победоносно в этой борьбе; в 1905 году оно едва не капитулировало перед польскими притязаниями. В Холмщине русские начала и без того расшатаны, русское самосознание поколеблено, зачем же еще более отягчать эту тяжелую борьбу за русские самобытные начала? Мы и стараемся русскую школу в будущей Холмской губернии поставить в такие условия, чтобы она могла спокойно развиваться и делать свое великое дело».

С таким же неуспехом для националистов и правых прошли заключительные прения по первому постатейному чтению холмского законопроекта 24 февраля, когда большинство отвергло статьи, устанавливавшие ограничения на польское и еврейское землевладение и меры по защите русских помещичьих земель, занимавших в Холмщине всего 4304 десятины.

Товарищ министра народного просвещения Таубе заметил по поводу всех этих поправок:

«Нельзя же в самом деле выделять Холмщину из Привислинского края и оставлять ее по-прежнему в таком же виде, в каком она существует в составе этого края. Разумеется, это нелогично. Для чего же в таком случае и вообще выделять? К чему весь этот шум, если имеется в виду только менять вывеску?»

«Закон-призрак, — характеризовал его поляк Свенцицкий. — Думают ли этим октябристы усилить свой предвыборный актив? Как бы этот актив не оказался впоследствии мертвым грузом, от которого потом уже трудно будет отделаться».

Для внесения поправок к проекту после окончания постатейного чтения был назначен трехдневный срок. От имени польского коло их было внесено более 150. По преимуществу они заключали в себе предложения исключить из Холмской губернии те или другие отдельные гмины, города и селения. Депутат Парчевский в качестве «поправки» предложил исключить отдел об образовании новой губернии «ввиду отсутствия данных для такой меры», т. е. совершенно отвергнуть законопроект. Ряд других пунктов польское коло [1] предлагало исключить «ввиду неосновательности принятого постановления».

Окончательная судьба законопроекта должна была решиться во втором постатейном чтении.

При обсуждении основной, 10-й статьи, в комиссии законодательных предположений был восстановлен ее прежний смысл в следующей редакции: «Губерния Холмская выделяется из состава губерний Варшавского генерал-губернаторства и подчиняется в общем порядке управления Министру внутренних дел». По сравнению с первоначальной редакцией выражение: «из состава губерний Царства Польского» было заменено выражением: «из состава губерний Варшавского генерал-губернаторства». В этой редакции с небольшими чисто-вербальными изменениями, предложенными председателем комиссии Антоновым, эта статья и была принята Государственной Думой.

Из частных изменений, внесенных при последнем чтении, следует отметить вопрос о неприсутственных днях, возникший в связи с тем, что в губерниях Варшавского генерал-губернаторства был принят григорианский календарь, в отличие от остальной России. По примеру остальной Западной Руси, где был установлен, несмотря на большой процент католиков, общероссийский порядок неприсутственных дней, в правительственной редакции законопроекта предполагалась отмена высочайше утвержденного положения Комитета Министров от 15 мая 1881 года об освобождении от занятий в присутственных местах в дни католических праздников, отмечавшихся по новому стилю.

---

[1] «Польское коло» (kolo — буквально круг) название польской парламентской фракции в I—IV Государственных Думах; представители польских демократических и социалистических кругов в Думе в польское коло не входили. — *Прим. ред.*

Третье чтение законопроекта

При обсуждении в Государственной Думе во втором (первом постатейном) чтении это предложение было отклонено, но при третьем чтении епископом Евлогием была внесена поправка, восстанавливающая правительственную редакцию.

Докладчик комиссии Д. Н. Чихачев указал, что для устранения неудобств римская курия имеет возможность присоединить новую Холмскую губернию к Луцко-Житомирской католической епархии и тем установить один календарь для Холмской губернии и других губерний Западного края. Однако поправка была Государственной Думой отвергнута.

Все, что удалось отстоять противникам законопроекта, было: сохранение кодекса Наполеона, григорианского календаря и права поляков на свободную скупку земель.

26 апреля Государственная Дума большинством 156 голосов против 108 окончательно приняла законопроект об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой Холмской губернии с подчинением ее в общем порядке управления министру внутренних дел и с соответствующими изменениями в ее строе.

Так закончилась в Думе трехлетняя борьба за этот законопроект, борьба, в которой такая исключительная роль принадлежала одному человеку — епископу Евлогию.

7 мая бюджетная комиссия Государственной Думы в вечернем заседании, несмотря на упорное противодействие польского коло и оппозиции, большинством 18 голосов против 15 приняла законопроект об отпуске средств на расходы, связанные с образованием самостоятельной Холмской губернии.

Победа в Думе епископа Евлогия еще не означала, что его борьба за холмский законопроект кончена. Провести закон через Государственный Совет также представлялось нелегким делом. «Там я предвидел немало подводных камней, — вспоминает митрополит Евлогий. — Я защищал интересы серенького крестьянина, не умевшего отстаивать свое национальное сознание. Польская аристократия имела родственные и дружеские связи в столичном обществе, в его высших сферах, — это тоже надо было учитывать» [1].

---

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 209.

Решение Государственного Совета и утверждение закона о выделении Холмской губернии

27 апреля, на следующий день после принятия Думой законопроекта, Государственный Совет по инициативе 52-х членов с Д. И. Пихно во главе образовал особую комиссию в составе 15 членов для предварительного рассмотрения законопроекта, не дожидаясь его официального поступления из Думы. 2 мая были произведены выборы и в состав комиссии вошли: П. П. Кобылинский, Д. И. Пихно, прот. Т. И. Буткевич, Н. А. Зверев, А. П. Рогович, В. Ф. Дейтрих, кн. П. Д. Голицын, С. Е. Бразоль, Н. С. Таганцев, Н. П. Балашов, И. Д. Шебеко, Э. В. Хржановский, кн. А. Д. Оболенский 2-й, С. М. Лукьянов и М. А. Стахович.

Епископ Евлогий посетил несколько членов Государственного Совета: лидера правых Дурново, Нейдгарта (центр) и примыкавшего к левым проф. Багалея, разослал всем членам Совета свои брошюры. Дурново обещал поддержку, но без особого энтузиазма. «Я не могу назвать себя вашим сторонником, — сказал он епископу, — но вижу, что законопроект в такой стадии, когда его назад уже не повернуть...». Председатель Государственного Совета Акимов обещал поддержать законопроект, но посоветовал предварительно поговорить с Витте. «Если его «по шерсти», то он поможет», — сказал Акимов, намекая на повышенное самолюбие бывшего министра.

В это время (в конце мая 1912 г.) епископ Евлогий получил извещение о том, что он удостоен «особого Высочайшего рескрипта» с возведением в сан архиепископа, хотя он пробыл в сане епископа всего 9 лет. Это было явным одобрением в связи с холмской победой в Думе.

Заседание Государственного Совета, окончательно решившее судьбу всего дела, открылось под председательством Акимова. Докладчиком по проекту был член Государственного Совета, бывший товарищ министра А. С. Стишинский. От правительства законопроект защищал Макаров.

Ход обсуждения в Совете описывает митрополит Евлогий: «Дебаты выявили наших сторонников и противников. «За» законопроект были: прот. Буткевич, проф. Багалей; «против» — Н. С. Таганцев, Максим Ковалевский, все польское коло и вообще

вся левая сторона Совета. Представитель центра граф Олсуфьев в своей речи был даже язвителен. Он подверг критике зигзагообразные границы Холмской губернии и насмешливо отозвался об ее очертаниях: «Так подвыпивший крестьянин «мыслете» выводит...» Он не учитывал нашего стремления точно придерживаться 30-процентной нормы русского населения и уже в зависимости от нее проводит границы, не считаясь с тем, какие получатся очертания на карте. Всякий раз, когда он упоминал в своей речи мое имя, он говорил: «Епископ, а теперь архиепископ Евлогий...», подчеркивая последние два слова и тем самым намекая, что Холмский законопроект якобы послужил мне средством для моей карьеры.

На заседании присутствовали все министры, но при голосовании Коковцев и кто-то еще из министров исчезли... Законопроект прошел большим числом голосов. Борьба была окончена и завершилась полной победой...

15 июня III Дума и Государственный Совет были распущены после пятилетнего благополучного существования, а 23 июня вскоре после моего возвращения с Валаама, в день Владимирской иконы Божией Матери, холмский законопроект был Высочайше утвержден. Трудно себе представить восторг и ликование народа, когда я вернулся в Холм победителем...» [1].

Официальное открытие Холмской губернии состоялось 8 сентября 1913 г. Губернатором был назначен А. Н. Волжин, бывший губернатор седлецкий, который своим деспотическим и капризным характером сильно компрометировал перед православным населением Холмщины всю идею присоединения к России, воспринятую народом «почти религиозно».

Просветительную деятельность, бывшую основной целью выделения Холмщины, развивал сам архиепископ Евлогий, почти без поддержки губернатора. При «холмском братстве» была создана типография и стал выходить еженедельник «Холмская Русь», было основано культурно-просветительное общество учителей, сельскохозяйственное общество и общество взаимного кредита.

Дальнейшая деятельность по укреплению культурных и экономических связей Холмщины с Россией была прервана состояв-

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 210—211.

шимся весной 1914 г. переводом архиепископа Евлогия на Волынскую кафедру, а затем начавшейся войной.

Дальнейшая судьба Холмщины

5 августа 1915 года в Варшаву вступили немецкие войска. Вскоре германская и австрийская армии заняли все Царство Польское, т. е. десять Привислянских губерний. При наступлении немцев ушла не только русская администрация, но и православное духовенство, за немногими исключениями. Была эвакуирована и часть населения.

При оккупации не была сохранена целость Царства Польского и оно было разведено на две части: на большую, оккупированную немцами, с генерал-губернатором Безелером в Варшаве (с 4 сентября 1915 года) и меньшую — оккупированную австрийцами, с генерал-губернатором Диллеромом в Люблине (с 1 октября 1915 года).

На территории немецкой оккупации взаимоотношения православных и католиков сохраняли более или менее мирный характер. Известен случай, когда при первом занятии г. Келец местный римско-католический епископ со всей энергией протестовал против обращения православного костела в конюшню. Он был впоследствии награжден орденом св. Станислава первой степени, причем ленту и звезду передал ему лично помощник Варшавского генерал-губернатора Д. Н. Любимов [1].

Холмщина и Подляшье оказались на территории австрийской оккупации. Здесь многие православные храмы были переданы католикам, в частности, соборы в Холме, Люблине и др. местах.

16 декабря 1918 г., сразу после ухода немцев, правительство Ю. Пилсудского издало декрет, по которому в государственное управление было передано около 20 000 гектаров церковной земли с постройками и угодьями.

В результате польско-советской войны к Польше перешла не только Холмщина и Подляшье, но часть Волынской и Минской

[1] *Любимов Д. Н.* Статья в «Возрождении». Париж, 1935; 11 ноября. Цит. по кн.: *Николаев К. Н.* Восточный обряд. Париж, 1950. С. 79.

губерний с почти сплошь православным русским населением численностью около 4 млн. человек.

10 февраля 1925 г. был подписан конкордат Рима с Польшей, установившей пять церковных провинций латинского обряда (5 архиепископий и 15 епископий), одну греко-католическую униатскую (1 архиепископия и 2 епископии) и одну армянского обряда. На одну латинскую епархию приходилось 750 000 чел., на одну униатскую — вдвое больше, 1 500 000 чел. Униатство было почти целиком заперто в пределах Галиции и потеряло прежнюю частичную независимость. Теперь это была лишь провинция восточного обряда.

Униатская проповедь на Холмщине и в Подляшье не привела к особому успеху. На Велиградском Конгрессе в 1927 г. епископ Пшездецкий сообщил о 20 000 обращенных в униатство по всей Польше.

В 1929 г. произошли события, сильно подорвавшие положение Православия в Польше. Летом этого года православные иерархи начали получать тревожные сведения о предъявлении римско-католическим епископатом многочисленных исков к Православной Церкви в Польше.

В конце августа 1929 г. было выяснено, что к Волынской епархии предъявлено 144 иска, к Виленской — 71, к Полесской — 248 и к Гродненской — 159. В наиболее тяжелом положении оказались епархии Полесская и Гродненская. В первой на 320 приходов, включая приписные, приходилось 248 исков; во второй — на 174 прихода 159 исков. В Волынской епархии число исков было сравнительно невелико, но были заявлены требования об отобрании всех православных монастырей. При окончательном подсчете число исков составило 724.

Иски были предъявлены от имени Виленского митрополита, Пинского епископа, а также епископом Луцким, в окружных судах в Бресте, Белостоке, Вильне, Гродне, Луцке, Новогрудке, Ровно и Пинске.

В исковых прошениях утверждалось следующее:

«После ликвидации ноябрьского восстания (1831 года) русское правительство насилием уничтожило унию. Костелы униатские ликвидировало, передав их вместе со всем принадлежащим им имуществом православному духовенству с целью перестройки их на православные церкви, что и было осуществлено.

Приняв во внимание, что ликвидация русским правительством униатских церквей не может быть законным основанием для приобретения права собственности русским правительством и что такая ликвидация остается всегда актом насилия и беззакония, нужно придти к выводу, что и права православного духовенства в отношении отобранных униатских церквей и недвижимого имущества в виде земли и построек, принадлежавших тем церквам, есть порочное и не создает права собственности. Незаконно отобранное имущество подлежит возврату».

Однако разыгравшийся в связи с этим скандал привел к отказу польского суда удовлетворить эти требования, которые были значительно смягчены самими истцами. Решением наивысшего суда от 20 ноября 1933 г. передача святынь предоставлялась на усмотрение местных гражданских властей, помимо судебной процедуры, на основании распоряжения правительства от 22 октября 1919 г., касавшегося только бывших католических, но не униатских храмов.

Положение на Холмщине складывалось следующим образом. К 1925 г. из 383 православных храмов, бывших до войны, 59 было разрушенных, 111 — закрытых и 150 — обращенных в костелы. В распоряжении православного населения осталось только 63 храма.

В результате возвращения части населения из России, некоторое количество храмов и молитвенных домов удалось открыть снова. Еще один удар был нанесен в 1938 г., когда были разрушены около 200 храмов — все закрытые храмы, а также часть открытых и построенных с 1920 г. Однако требования об открытии православных церквей и присылке священников не прекращались, 200 000 православных людей в Холмщине проявляли твердость и не хотели переходить в Католичество восточного обряда.

ГЛАВА IV

ОБСУЖДЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ВОПРОСОВ ЦЕРКВИ В ДУМЕ

Обсуждение сметы Св. Синода на 1908 г.

Одним из поводов для постоянного столкновения Государственной Думы с Церковью был вопрос о смете Св. Синода. Здесь выявилось принципиально различное отношение к этому вопросу между большинством русской общественности и деятелями Церкви. Настойчивое стремление большинства Думы к полному контролю над расходованием церковных средств рассматривалось духовенством как стремление еще больше подчинить Церковь государству в лице его представительных органов.

Напряженность возникла уже при рассмотрении Бюджетной комиссией Думы сметы Синода на 1908 год. Объяснительная записка к смете представляла собой весьма краткую препроводительную бумагу на 1,5 листах текста. Пожелание Бюджетной комиссии, выраженное ее докладчиками на общем собрании Думы, чтобы смета Синода в будущем сопровождалась более обстоятельной объяснительной запиской, было встречено духовным ведомством с неудовольствием, и смета следующего 1909 года в этом отношении мало отличалась от предыдущей. Однако, начиная с 1910 года обер-прокурор Лукьянов стал в какой-то степени выполнять это из года в год повторяющееся настоятельное требование Думы [1].

Вначале под контролем Думы находилась лишь незначительная доля расходов Св. Синода. В ежегодной смете Синода статьи, основанные на уже действующих законах, считались бронированными и при рассмотрении сметы Думой изменениям не подлежали. Так, из 34 208 967 рублей бюджета Синода на 1910 год только 2 091 572 рубля, или около 6%, не было забронировано. Тем не

[1] *Обухов А.* Общий очерк работы Государственной Думы по сметам Св. Синода за пятилетие 1908—1913 гг. Тверь, 1912.

менее, бюджетная комиссия обсуждала весь объем сметы. Сам по себе размер государственных расходов на Православную Церковь не вызывал особых возражений у думской «оппозиции». А. Волынец, автор периодических думских обзоров в «Прибавлениях к Церковным ведомостям», отмечая, что в 1909 году смета Св. Синода увеличена на 2 млн. по сравнению с предыдущим годом, говорит, что Думу нельзя «упрекнуть в скупости в отношении удовлетворения церковных нужд». Однако из 31 663 444 рублей, ассигнованных на 1909 г., треть предназначалась на дело народного образования, т. е. на церковно-приходские школы, которые октябристское большинство Думы планировало перевести в ведение Министерства народного просвещения. На собственно церковные нужды оставалось 20 млн. рублей, включая сюда и содержание духовенства, и церковное управление, и расходы на заграничные и т. д. При 100-миллионном православном населении, подсчитывает А. Волынец, отпускаемые государством средства на церковные нужды составляли 20 коп. в год на душу православного населения, а с учетом церковно-школьных нужд — 33 коп. Это заметно меньше, чем во всех других государствах, чем даже во Франции, в которой до формального отделения Церкви от государства в 1906 г. отпускалось на нужды Католической Церкви 20 млн. рублей в год (в пересчете на русские деньги), что составляло более 50 коп. на каждую душу 38-миллионного населения Франции, а на душу католического населения — еще значительно больше. «А Франция ведь самая «передовая» страна в смысле антицерковности и атеизма», — восклицает автор обзора [1].

Несмотря на то, что смета Св. Синода на 1909 г. была Государственной Думой утверждена, характерна чисто символическая «урезка» сметы на 18,5 тыс. рублей, не имевшая никакого финансового значения, но имевшая своей целью лишний раз подчеркнуть, что Дума имеет право по своему усмотрению урезывать средства, выделяемые на Православную Церковь.

Это свое право октябристы, не говоря уже о кадетах и более левых группировках, всячески старались расширить, что встречало энергичное сопротивление церковной иерархии и правых партий.

---

[1] Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. № 17. С. 775—776.

Бюджетная комиссия постоянно обращала внимание на тот факт, что кроме средств, отпускаемых государством по смете Синода, духовное ведомство располагало большими собственными средствами, сведений о которых в приходно-расходную смету не вносилось. Обсуждая, например, потребность церковных школ в государственных ассигнованиях, бюджетная комиссия ссылалась на то, что ей неизвестно, какие суммы расходуются на них из собственных средств Церкви и насколько велика здесь нужда в поддержке государства.

В представленных Синодом данных бюджетная комиссия не нашла вовсе сведений о капиталах и оброчных статьях, состоящих при центральных и местных учреждениях духовного ведомства, тогда как это были весьма значительные суммы. Так, на странице 50-й «Записки о церковных школах» бюджетная комиссия обнаружила в примечании под текстом указание, что при центральном управлении находится неприкосновенного капитала всего 981 000 рублей, а всего неприкосновенного капитала церковных школ 4 277 980 рублей. В приходно-расходной ведомости сумм, завещанных в пользу церковно-приходской школы, был пропущен капитал в 1 000 000 франков, оставленных бароном Гиршем еще при Победоносцеве. Достоверных сведений о местных средствах, находившихся целиком в распоряжении епархиальных архиереев, в Синоде не было.

Представленное в Думу «Краткое расписание специальных средств хозяйственного управления при Св. Синоде» было кратким и неясным. В числе этих средств значился «типографский доход в 1 021 406 рублей от процентов с типографского капитала», размер которого не обозначен, от продажи книг и доходов от сдачи в наем помещения. Этот доход расходовался весь целиком, но на долю самих типографий падало 762 981 руб., а остальные 258 425 руб. расходовались, как сказано в «Кратком расписании», на предметы, «до действий типографии не относящиеся», а именно: содержание духовной миссии в Иерусалиме, содержание синодской церкви, синодского контроля, бухгалтера и казначея хозяйственного управления и проч. Бюджетная комиссия отметила, что под этим «и прочее» скрывается большая сумма в 253 413 рублей, назначение которых оставалось неизвестным.

Ни в смете, ни в «Кратком расписании специальных средств» не были упомянуты доходы от имений, принадлежавших единоверческому духовенству в Бессарабской губернии. Доходы с этих 161 имения площадью в 171 827 десятин, находившихся в ведении Министерства внутренних дел, исчислялись в 1 500 000 рублей ежегодно, и 2/5 этой суммы, т. е. 600 000 рублей, должны были поступать на содержание церковных школ [1].

В приложении № 10 к смете Св. Синода на 1908 год сообщалось о суммах, поступивших на церковные школы из местных источников в 1905 году в размере 6 956 276 рублей, но не было сведений, сколько израсходовано в 1905 году, какой получился остаток и какие предполагаются поступления в 1908 г.

В отношении неизрасходованных кредитов по ряду параграфов сметы и в том числе значительные остатки от ассигнований на городское и сельское духовенство и на церковные школы — духовному ведомству предоставлялось право, не возвращая эти средства в государственное казначейство, перечислять в специальные средства Св. Синода и расходовать по своему усмотрению на другие нужды — на выдачу пособий, квартирных денег и добавочного жалованья причтам, расходы на миссии и т. д.

Поскольку церковные учреждения и суммы подчинялись не государственному, а лишь ведомственному контролю при Св. Синоде, от которого Государственной Думе путем настойчивых требований удавалось получить лишь неполные и неточные сведения, — создавалось впечатление, что ежегодно десятки миллионов народных денег изымаются на цели не вполне ясные и расходуются безотчетно.

От так называемых «местных сборов», кружечного, кошелькового, вносимых прихожанами на нужды храма, и доходов от продажи церковных свечей — благочинные делали процентное отчисление на учебные заведения (семинарии, духовные училища, епархиальные училища, на больницы при семинарии, на лечение и попечительство о бедных духовного звания, на бланки Св. Синода, на усиление средств духовных консисторий и т. д.). Отчисления эти по нормам 1882 года составляли 25%, но впоследствии, по на-

[1] Доклады Бюджетной комиссии Государственной Думе III созыва 1907—1908 гг. Сессия 1. СПб., 1908. С. 34—40.

стояниям епархиальных властей, постановлениями съездов духовенства были сильно увеличены и в некоторых епархиях достигали 80 и даже 93 процентов. В Казанской епархии, например, на эти отчисления, по решениям съезда духовенства, были отстроены новые благоустроенные корпуса для ректоров-монахов, смотрителей училищ с приемными, швейцарскими, с кабинетами для ректоров, инспекторов и их помощников; из того же источника черпались средства на нужды сословной благотворительности, на обеспечение вдов и сирот духовенства, на похоронные кассы и кассы взаимопомощи, на библиотеки.

При этом часто оказывалось недостаточно средств на нужды самих храмов, на поддержание благолепия и текущий ремонт, что вызывало недовольство местного духовенства и церковных старост. «Храмы церковные разрушаются вследствие непомерных, непосильных налогов на общедуховные и епархиальные нужды, — жаловался староста И. С. Якимов на собрании казанских церковных старост 30 ноября 1908 года. — Если духовные училища и прочие учреждения так уж нужны духовенству, то пусть оно и содержит их на свои средства, охраняя свою касту от вступления в нее людей других сословий, но причем здесь приходские церкви?» [1]

Беспорядок в расходовании церковных средств отмечали и члены Предсоборного Присутствия. Так, по отзыву Д. Ф. Самарина, «ведение церковно-приходского хозяйства причтами нередко приводит к сознательным утайкам церковных сумм, ведению «черных» и «белых» церковно-приходских книг, короче, «к терпимому святотатству». Другой член Присутствия протоиерей Буткевич утверждал, что в церковных приходно-расходных книгах «правды не бывает ни одного слова». В Предсоборном Присутствии прямо говорили, что «лазейка, притом широкая, к церковному имуществу... пробита сверху» [2].

Антиклерикально настроенные члены Думы широко использовали ссылки на такого рода заявления. Так, октябрист Каменский говорил, что его удручает, что это «терпимое святотатство»,

---

[1] *Якимов И. С.* Как я был церковным старостой. Казань, 1909. С. 19.

[2] *Каменский П. В.* Церковные и вероисповедные вопросы в Государственной Думе III созыва. М., 1909.

эта «пробитая лазейка» к церковному достоянию явно подтачивают религиозное чувство в массах, колеблют веру, на которой держатся «основы общественной морали и порядка». «Союз 17 октября, — писал Каменский, — всегда стоял на точке зрения, высказанной его сочленом проф. Капустиным, что не классовая борьба и привилегии того или другого класса должны лежать в основе общественной жизни, а укрепление в общественной среде религиозно-нравственных представлений. Поэтому «Союз 17 октября» полагал необходимым направлять все свои усилия к устранению тех явлений, которые препятствуют росту и укреплению религии в общественной среде, и считает себя обязанным реагировать на вышеуказанные явления их церковно-приходской жизни, подрывающие и ослабляющие религиозное чувство в православном обществе».

Поскольку по Основным Законам Российской империи Государственная Дума не имела права законодательного почина в вопросах церковного управления, октябристское большинство Бюджетной комиссии предлагало Думе каждый положительный вотум на ассигнование по бюджету Св. Синода сопровождать указанием на необходимость установления контроля над расходованием средств, созыва церковного Собора и скорейшей реорганизации церковного прихода.

Попытка бюджетной комиссии заговорить о приведении в известность всех специальных средств Церкви в центре и на местах и о применении в отчетности по их движению существующих форм государственного контроля еще в 1908 году вызвала резкое возражение обер-прокурора Извольского, заявившего, что специальные средства есть церковное достояние, представляющее собой «не что иное, как жертву верующего человека Богу, распоряжение которой — дело только самой Церкви» [1]. Подчеркнув, что нет особых возражений против подчинения государственному контролю тех сумм, которые получены Церковью как дар со стороны государства, Извольский сказал: «В отношении же к своему собственному достоянию Русская Православная Церковь желала бы и впредь ведать свои имущественные дела так, как она находит более правильным».

[1] Стенограмма заседаний Бюджетной комиссии. 25.02.1908.

Борьба бюджетной комиссии за контроль над церковными средствами

В 1909 г. «Прибавления к Церковным ведомостям» с возмущением писали о том, что Государственная Дума пытается путем финансового давления подчинить себе дело реорганизации Церкви. Между тем, «такое стремление разноверной Думы поставить в зависимость от себя церковное управление может оказаться для Церкви гораздо более тяжким, чем власть тех обер-прокуроров, о которых упоминали некоторые ораторы с думской трибуны» [1]. Отмечая, что главным камнем преткновения в прениях по церковному бюджету явились так называемые специальные средства Церкви, «Прибавления к Церковным ведомостям» указывали: «Никто не возражает против подчинения государственному контролю расходования средств, отпускаемых государством на нужды Церкви. Но специальные средства — это собственные средства Церкви, образующиеся из добровольных жертв верующих. Какое же дело государству до этих средств?.. С точки зрения права: как средства частные, негосударственные, специальные средства не подлежат государственному контролю и подлежать не могут. Но думской «оппозиции» важно не право, ей важно лишить Церковь всякой самостоятельности, взять ее под свою опеку. Именно в этом суть дела и к этому именно сводятся стремления» [2].

Попытку думского большинства оказать давление на Церковь в плане проведения реформ, пользуясь своими правами в бюджетном вопросе, отчетливо выразил Ковалевский, докладчик бюджетной комиссии по смете Св. Синода на 64-м заседании 23 февраля 1911 года:

«Необходимо было, чтобы в сознание тех, которым это ведать надлежит, проникла идея неизбежности реформ. Формулировать эту идею мы стремились по разным поводам и в разных выражениях, и мы надеемся, что она достигла своего назначения. Нам думается, что эти положения сыграли роль бродильного начала и вызвали некоторое движение синодальных сфер».

---

[1] Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. № 17. С. 739.
[2] Там же. С. 777.

Епископ Евлогий возражал против такой постановки вопроса, указывая, что Дума не может вмешиваться в реформирование церковных учреждений, будучи сама учреждением «чисто государственным». Попытка оказать давление на церковное управление с думской трибуны есть «посягательство на автономию и свободу Церкви». «Вот почему все эти попытки, все стремления членов Государственной Думы к этим реформам в конце концов сводились к тому, что они вливали в организм церковный чуждый ему государственный дух и в дальнейших своих выводах стремились подчинить Церковь государству».

Духовное ведомство не уступало своей позиции в вопросе о средствах, пожертвованных церковным народом, несмотря на все настояния Думы. Член бюджетной комиссии Уваров при обсуждении сметы Св. Синода 28 февраля 1911 г. говорил, что в ней «все покрыто мраком неизвестности, каждая цифра затемнена, нарочно затушевана, чтобы никто не мог разобраться, откуда деньги пришли и куда они ушли». «Пока Синод будет только требовать от нас средств и пока в этих средствах отчитываться он не желает, — заключает Уваров, — самое лучшее, что можно сделать, совершенно не говорить о смете Синода».

Тем не менее, четыре года усилий позволили Думе добиться реальных шагов к реорганизации ведомственного контроля, сделав его более действенным.

На 84-м заседании Думы 5 марта 1912 г. тот же Ковалевский говорил:

«Практика пятилетней работы Бюджетной комиссии над сметой Святейшего Синода установила известный метод работы, определила взаимное отношение учреждений законодательного и церковно-правительственного. Выяснилась, во-первых, возможность без умаления церковного достоинства подобного общения на почве денежно-хозяйственных вопросов, во-вторых, полезность и даже неизбежность участия мирского элемента в целом ряде дел церковного характера, стали намечаться и пределы этого проникновения в области, в которых участие членов мирян и желательно, и естественно. По последнему вопросу уже достигнуто узаконение участия мирян в благочинических и епархиальных съездах. Конечно, нельзя похвалиться, что все это далось просто, без усилий, без преодоления всяческих препятствий, напротив, каждый шаг давался с трудом и

борьбой, и не только для одной Бюджетной комиссии, но и для всех, сочувствующих ее стремлениям. Нельзя, конечно, отрицать, что вопросы эти требовали к себе очень осторожного отношения, т. к. часто выходили за чисто денежные пределы».

Печать неизвестности, облекавшая местные бюджеты епархий, порождала весьма преувеличенные слухи об архиерейских доходах, получаемых сверх казенного содержания. Это последнее в 1909 году по смете Синода составляло вместе с расходами на кафедральные соборы 926 923 руб., в среднем по 1745 руб. на епископа, но распределялось неравномерно: в пределах от 53 307 руб., получаемых Киевским митрополитом, до 406 руб. — казенного содержания подольского епископа. Между тем, по газетным сообщениям, митрополит Московский вместе с местными доходами получал 76 000 руб., Петербургский — 200 000 руб., Киевский — 84 000 руб., а архиепископ Новгородский якобы даже 505 000 руб., прочим же архиереям приписывался доход от 20 до 50 тысяч рублей.

По почину Государственной Думы, заинтересованной в равномерности содержания, в 1909 г. при Синоде была образована под председательством митрополита Флавиана особая комиссия для выяснения содержания, получаемого архиереями из всех источников. В 1911 году комиссия составила перечень 20 епархиальных архиереев в порядке доходности их кафедр. На первом месте оказался Киевский — 53 307 руб., на втором Московский — 36 742 руб., на третьем Петербургский — 28 787 руб., на четвертом Литовский — 24 622 руб., на пятом Кишиневский — 21 987 руб. и т. д., на девятнадцатом Тверской — 10 133 и на двадцатом викарий Киевской епархии — 10 942 руб. [1]

Несмотря на безуспешные требования Бюджетной комиссии раскрыть все источники доходов духовного ведомства, ассигнования Думы по этому ведомству медленно, но неуклонно возрастали. Так, в 1908 г. ассигнование это составляло 29 739 000 руб., на 1910 год — 34 194 000 руб., а на 1912 год — достигло 40 131 000 руб. [2]

---

[1] *Ковалевский Е.* Народное образование и церковное достояние в III Государственной Думе. СПб., 1912. С. 187.

[2] Обзор деятельности Государственной Думы III созыва. Ч. III. Рассмотрение государственных росписей. СПб., 1912.

Столкновения Синода с думскими либералами по бюджетным вопросам

Митрополит Евлогий в своих воспоминаниях отмечает, что при обсуждении сметы Св. Синода постоянно проявлялся антагонизм между высшей церковной иерархией и думскими либералами:

«Обсуждение в Думе сметы Святейшего Синода обычно было тягостным. После речи обер-прокурора в защиту ассигновок всегда выступал я. Трудные это были выступления...

По отношению к Синоду настроение в Думе было вообще недружелюбное. Престижа он не имел. Одни правые поддерживали его, остальные, в той или другой форме, иногда прикрыто (октябристы), иногда явно — проявляли к нему неуважение. Законопроект об ассигновках на статистический отдел при Синоде думцы провалили, предлагая использовать для этого монастырские суммы. Отказ был обоснован. Если бы монастырское хозяйство было поставлено рационально, не велось так же, как сто лет тому назад, ресурсы монастырей были бы огромны, и Синоду не приходилось бы кланяться государству. А он просил финансовой поддержки даже на мелочи, например на школу иконописи...» [1].

Одновременно митрополит Евлогий свидетельствует о неприязненном отношении к Думе высшей церковной иерархии: «Если Дума относилась к Синоду с недружелюбием, переходившим порой в ожесточение, то и Синод не проявлял по отношению к Думе должного понимания. Я лично постоянно это чувствовал. Будучи членом Думы, я одновременно входил в состав Синода: в зимнюю сессию 1908 г. и в зимнюю сессию 1912 г. Просидишь, бывало, все утро в Синоде, а после двух часов едешь в Думу — и чувствуешь: антиподы! Торжественные кареты, величавые архиереи, вековые традиции... — особый стиль, особый мир. Тут на меня, на депутата, все смотрят, как на выходца из преисподней, из места гиблого, нечистого. А примчишься, бывало, в Думу демократически, на извозчике, — приятели (Родзянко или кто-нибудь из «своих») встречают: «А... из Синода!» И чувствуешь, что кругом на тебя устрем-

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 179.

лены иронические взгляды депутатов, а подчас слышишь и язвительные шуточки» [1].

В IV Государственной Думе положение в принципе оставалось тем же самым. Первый конфликт обер-прокурора В. К. Саблера с IV Думой разыгрался по поводу расходов на восторговские курсы при Знаменском монастыре в Москве для краткосрочной подготовки на священнические и псаломщические места в переселенческих церквах Сибири. Среди духовенства еще в момент своего возникновения курсы вызывали недоверие, которое оправдалось настолько, что митрополит Московский Макарий, в бытность свою архиепископом Томским, возвращал обратно за полной непригодностью лиц, окончивших эти курсы.

В заседании 1 марта 1913 года среди серии мелких вопросов Дума рассматривала законопроект Синода об ассигновании 108 000 руб. на путевое довольствие восторговским курсантам, следующим на место службы, или вернее, в возмещение расхода на это, уже произведенного Синодом из страхового капитала.

«Были употреблены все усилия, чтобы доставить победу Саблеру, — описывает думские прения «Речь». — Пуришкевич грозил роспуском Думы. Во время нарочито устроенного перерыва запугивали крестьян. Независимому г-ну Крупенскому приказано было голосовать за ассигновку. Сам обер-прокурор распинался вовсю и даже обещал впредь соблюдать законность по мере возможности, — ничто не помогло. Кредит был отклонен» [2].

Зато майские прения по бюджету Синода на 1913 год прошли для Саблера удачно благодаря приему правых, умело использовавших резкое выступление социал-демократа Чхеидзе. Оратор построил свою речь на контрасте аскетического образа праведника по Евангелию с доходами русских архиереев, его бедности и нестяжания с «капиталами и латифундиями» монастырей, больших пожертвований на Церковь на дела благотворительности со скромными расходами на них в действительности.

Такое чередование оратором многозначных цифр с текстом из Евангелия вызвало бурные протесты правых, обвинивших докладчика в использовании думской трибуны для чисто пропагандист-

---

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 180.

[2] Церковно-общественный вестник. 1913. № 7.

ских целей, в том, что в его докладе не содержится обсуждения законопроекта по существу. На этом основании Чхеидзе был лишен слова, протестовавший против этого трудовик Керенский удален на несколько дней из Думы. Когда левое крыло Думы с присоединившимися к ним октябристами в знак протеста против произвола председателя покинули зал заседаний, то оставшаяся часть октябристов спасла кворум, и записавшиеся ораторы правых и националистов поспешили отказаться от слова — и смета Синода была принята без возражений [1].

«Церковно-общественный вестник» — возражал Чхеидзе, что «христианские идеалы предъявляют требования не к одному духовенству, а ко всем верующим, и несоблюдение их нельзя вменять в вину лишь служителям Церкви» [2].

Очередное столкновение В. К. Саблера с Думой произошло в октябре 1913 г. с открытием 2-й сессии. На совещании докладчиков Думы по смете Св. Синода было отмечено, что по действующим штатам в составе Синода должны быть 4 епископа, 2 архимандрита и 1 протоиерей, тогда как на деле с 80-х годов в составе Синода белого духовенства не было, исключая протопресвитеров Янышева и Желобовского и протоиерея Иоанна Кронштадтского в период 1906—1909 гг., между тем, содержание на них, отпускаемое по смете, расходуется на что-то другое. Более того, обнаружилось, что в «Полном собрании законов Российской империи» особого статута, на основании которого действует Синод, не имеется. Решили поставить перед Синодом вопрос: не предполагается ли внести в Думу соответствующий законопроект для устранения положения, при котором одно из высших государственных учреждений существует не по юридическим нормам, а по обычаю, и получает содержание по штату, которого налицо нет. Последовал ответ, что это дело церковного Собора. На вопрос, когда последует Собор, ответа дано не было [3].

С открытием 2-й сессии бюджетная комиссия приступила к изучению материалов по смете Св. Синода на 1914 год. Член ко-

---

[1] IV Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 1, заседание 15.05.1913.

[2] Церковно-общественный вестник. 30.05.1913.

[3] Там же. 03.10.1913.

миссии священник-прогрессист И. Титов отметил в поведении духовного ведомства в последние годы определенную закономерность:

«За 7 лет совместной работы, — говорил о. Титов, — Государственная Дума много раз напоминала Ведомству о проведении им самим обещанных и даже приготовленных реформ. И действительно, ко времени рассмотрения бюджета из Синодской канцелярии проникают в печать сведения о готовых ко внесению проектах; когда к этому относятся скептически, то сведения для большей убедительности конкретизируют; когда же значение проектов оспаривается, то выдвигается последнее средство: объявляется, что работа по подготовке созыва Собора закончена и такого-то числа, весьма вероятно, последует манифест. Наконец, перед самой схваткой на общем собрании выступает сам обер-прокурор и торжественно, в более или менее путанных выражениях, подтверждает эти слухи. Но когда бюджет утвержден, деньги получены, о реформах ни слова. Такая игра повторяется каждый год» [1].

Объяснительная записка к смете на 1914 год составила целый том в 254 страницы. «Церковно-общественный вестник» отмечает, что Синод не выполнил своего обещания III Думе об уравнивании содержания архиереев и тем самым об экономии для других целей 200 000 руб., выплачиваемых архиереям из синодских средств. Если бы, как было договорено, епархиальным епископам выплачивали по 8000 и викарным по 3000, за исключением митрополитов Московского, Петербургского и Киевского и архиепископа Новгородского, на которых предусматривалось по нескольку десятков тысяч, то потребовалось бы на это не 1 048 000 руб., как указывалось в объяснительной записке, а лишь 634 000 руб., т. е. меньше, чем платят монастыри своим архиереям [2].

При рассмотрении сметы вскрылось, что около 80 000 рублей монастырских сумм находится в совершенно бесконтрольном распоряжении монастырских начальств. 60 000 000 руб. монастырского капитала приносит 2 291 000 руб. ежегодного дохода. Общий доход монастырей достигает 20 627 000 руб., а расход составляет 19 152 000 руб., следовательно, 1 500 000 руб. целиком причисля-

[1] Церковно-общественный вестник. 10.10.1913.
[2] Там же.

ются к капиталу. На общественные нужды монастыри затрачивают 473 000 руб. в год, т. е. 2,5% дохода, в том числе на духовные семинарии и училища 139 000 руб. и на женские епархиальные училища 147 000 руб., но зато 8 000 000 руб. на строительные работы по расходу и ремонту [1].

«Цифра, способная привести в смущение, — замечает по этому поводу «Церковно-общественный вестник», — можно подумать, что постройка самая доходная статья для настоятелей монастырей» [2].

Несмотря на все конфликты Думы с Синодом, кредит на содержание городского и сельского духовенства продолжает увеличиваться, и по смете 1914 года был доведен до 2 500 000 рублей.

Но когда Дума внесла проект об установлении минимума оклада духовенству, поставив его в связь «с мерами, давно уже в зачаточной степени существующими и церковной властью одобренными», то обер-прокурор, усмотрев в этом снова вмешательство Думы во внутрицерковные дела, дал Совету Министров заключение об отклонении проекта.

[1] Церковно-общественный вестник. 05.12.1913.
[2] Там же. 07.11.1913.

ГЛАВА V

ВОПРОС О РЕФОРМЕ ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА

Исторический обзор

Одной из важнейших реформ, на которых настаивало думское большинство, было преобразование церковного прихода, превращение его в подлинную ячейку церковной и государственной жизни.

Однако и в этом вопросе вскрылось противоречие двух основных тенденций: восстановить и укрепить ослабевающую церковно-государственную симфонию или, напротив, еще более отделить Церковь от государства. Еще славянофилы считали, что слабость религиозно-общественной жизни среди православного населения является результатом реформ Петра I, подчинившего Церковь централизованному механизму государственного управления.

Крылатая фраза Достоевского: «Русская Церковь в параличе с Петра Великого» звучала лейтмотивом многих религиозно-философских и религиозно-общественных дискуссий.

Славянофилы, в частности, утверждали, что в древней Руси церковный приход с выборным священником во главе служил центром не только религиозной жизни, но и общественной самодеятельности, объединенной этой общей духовной жизнью общины верующих. Приход имел собственную казну и недвижимость, содержал собственные просветительные, благотворительные и лечебные заведения. Религиозная и общественная жизнь древнерусского прихода, представлявшаяся славянофилам в романтически-идеализированном виде, по их мнению, замерла в результате петровских реформ. На церковную недвижимость и доходы наложили руку казна и Синод. Вследствие этого благотворительные учреждения в приходах закрылись, а попытка вновь насадить в приходах благотворительность, предпринятая бюрократическим путем, оказалась неудачной: приходские попечительства, предусмотренные Уставом 1864 года, почти нигде не открылись. В печати не раз высказывалось мнение, что назначенный архиереем священник не-

редко походил на чиновника, живущего поборами с населения за исправляемые им необходимые религиозные требы.

Считая все эти плачевные явления результатом антицерковных реформ Петра I, И. С. Аксаков еще в 1860-х годах говорил о необходимости восстановления православного прихода как самоуправляющейся религиозной общины [1].

Позднее, в 1882 году, касаясь снова тех же тем, Аксаков писал в газете «Русь»: «Раз возникнет самостоятельное бытие приходской общины, она, эта община, не замедлит сделаться ячейкой общественного или земского организма... Может быть, приходом заменится со временем и настоящая волость, но сперва следует восстановить приход в смысле чисто церковном, а потом уже дело покажет — станет ли он вместе с тем и земскою единицею».

Если приход станет земской единицей, то «отчего же и учреждение церковно-приходских школ не может стать общим делом Церкви и земства?» С возвращением прихода развитие религиозной самодеятельности сделает излишней опеку государства над Церковью, которая уступит место религиозной свободе, ограничиваемой властью лишь в случаях, когда под религиозной формой маскируются враждебные государству политические цели [2].

Взгляды Аксакова на отрицательное влияние петровских преобразований на религиозную жизнь русского народа получили развитие у деятелей второго поколения славянофилов: Д. Ф. Самарина, А. А. Киреева, С. Ф. Шарапова. Начиная с 1897 года выходит ряд сочинений тавасттусского губернатора А. А. Папкова, приобретшего репутацию «исследователя церковного прихода». Эта репутация оправдывается хотя бы списком трудов Папкова на эту тему за пять лет:

1897 г. — «Древнерусский приход».

1898 г. — «Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в России».

1899 г. — «Упадок православных приходов в России».

1900 г. — «Начало возрождения церковно-приходской жизни».

1901 г. — «Православные приходы в Финляндии».

---

[1] День. 01.07.1864.

[2] Русь. 16.10.1882.

1902 г. — «Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя».

1902 г. — «Необходимость обновления православного церковно-общественного строя».

1902 г. — «Необходимость преобразования в выборе и положении церковного старосты».

Большие надежды на осуществление этих замыслов породил царский манифест 26 февраля 1903 года. В этом манифесте говорилось, хотя и в несколько неопределенных выражениях, о намерении расширить роль и значение Церкви в государственно-общественной жизни. Манифест, в частности, провозглашал, что правительство намерено «продолжать деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства... усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы». По-видимому, к тому же самому манифест возвращается несколько ниже, где речь идет о преобразовании губернского и уездного управления и «удовлетворении многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной закономерной властью». Манифест обещает далее «поставить задачей дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах там, где это представляется возможным».

Происхождение манифеста 26 февраля не вполне выяснено. Составленный князем В. П. Мещерским манифест, по словам министра юстиции Н. В. Муравьева, был несколько переделан министром внутренних дел Плеве и, по-видимому, дан на просмотр С. Ю. Витте [1]. Положение манифеста о церковно-приходских попечительствах, как основе легкой земской единицы, возможно составлено под влиянием «Докладной записки о необходимости прихода» в качестве церковно-общественной единицы. Хранящийся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина экземпляр этой записки без указания составителя имеет цензурную дату 13 октября 1904 г., однако записка, по-видимому, написана раньше манифеста 26 февраля, т. к. никаких намеков и ссылок на этот столь

[1] Красный Архив. 1922. Т. 2. С. 38.

важный для рассматривавшегося вопроса указ записка не содержит.

Указав на большой интерес русского общества к вопросу о приходе, «Докладная записка» отмечает, что «в печати нередко встречается смешение понятия о приходе, как церковно-общественной единице и как мелкой земской единице». Восстановление первой автор считает необходимым русским людям «для правильной церковно-общественной жизни»; организация второй, «выведя их из среды узких сословных интересов и противоположностей, даст им, как гражданам, возможность проявить свои творческие силы в области экономической или, шире говоря, земской жизни». Считая вопрос об устройстве земской единицы на основе церковного прихода сложным и неподготовленным, «записка» в первую очередь обращает внимание на возрождение церковного прихода и затем, когда он окрепнет в качестве церковной общины, возможно будет безболезненно возложить на него, как на мелкую земскую единицу, и все бремя земских дел.

Для возрождения прихода признается необходимым:

1. Принять на счет казны содержание духовно-учебных заведений, на которые идет 40—50% суммы дохода приходской общины;

2. Присвоить приходу права юридического лица и право приобретать недвижимость.

«Откуда можно ожидать почина в деле возрождения прихода? — спрашивает «записка» и поясняет, что поскольку общественного почина ожидать в этом деле трудно, то «духовная свобода может быть возвращена православной общине только по почину монарха».

Некоторые из мотивов, руководивших составителями манифеста, проясняются из беседы В. К. Плеве с генералом Куропаткиным 11 апреля 1903 г., т. е. полтора месяца спустя. Куропаткин пытался убедить собеседника в необходимости приобрести доверие «лучшей части общества», «успокоить этих лучших людей и привлечь к борьбе вместе с правительством против революционных элементов». Плеве возражал, указывая, что прежде всего надо «приподнять значение Церкви», усилить церковное влияние на население, увеличить значение прихода, затем приподнять достаток сельского населения. Если эти цели будут достигнуты, то, по

словам Плеве, он надеется остановить поток недовольства и протеста, доходящий даже до открытой борьбы [1].

Если Победоносцев упрекал Николая II за манифест 26 февраля ввиду содержавшихся в нем заявлений о веротерпимости, то в среде духовенства манифест вызвал большие надежды на повышение духовно-общественной активности Церкви и улучшение материального положения малообеспеченных членов клира. Некоторые из откликов на манифест были проникнуты чрезвычайным воодушевлением.

«Священным трепетом объято сердце сельского духовенства, — говорилось в одном из таких откликов, — загорается в нем надежда на лучшее будущее, окрыляется вера в свои силы; призванное к водительству других, но само кругом опутанное, поставленное в отчуждение от паствы, оно начинает приходить в сознание... Животворной волной разошлась в духовенстве весть Государя о том, что он приказал: «продолжать проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения духовенства...».

Дыхание весны чувствуется в словах Государя, призывающего священнослужителей к усугубленному и плодотворному участию в духовной и общественной жизни паствы... Простором и ароматом полей веет от повеления «поставить задачей дальнейшего упорядочения местного быта сближение общественного управления с деятельностью приходских попечителей. Боже, призри с небесе и просвети ближайших слуг Государя!» [2]

Духовенство на местах, по благочиниям и епархиям занялось обсуждением вопроса о выяснении норм бюджета членов сельского клира в твердом уповании на обещанное им улучшение материального положения. В результате длительных споров, по свидетельству «Церковного вестника», годовой оклад содержания для священников был определен в 1000 руб., для диаконов — в 600 руб., для псаломщиков — в 400 руб.

В «Церковных ведомостях» [3] появилась статья «Возрождение церковного прихода». Автор ее подробно развивал славянофиль-

---

[1] Красный Архив. 1922. Т. 2. С. 43.

[2] Церковный вестник. 1903. Март.

[3] Церковные ведомости. 1903. № 1.

скую мысль, что древнерусский приход, выдвигаемый как образец для современного, по своей организации был мелкой земской единицей, что он составлял «первичную ячейку государственности самоуправляющуюся, как ныне самоуправляется земство».

Поэтому, на основе уже существующих учреждений может выработаться стройная система: «приход будет в малых размерах то же, что в более крупных — уездное или губернское земство».

В «Новом Времени» публицист К. Ф. Головин выступил с предложением объединить земскую ячейку с группой 5—10 приходов. Наиболее деятельные элементы образовавшейся таким путем общины (священники, сельские выборные, мелкие земельные собственники с владениями примерно в 100 десятин, учителя приходских и земских школ), возглавляемые земским начальником, должны составлять участковый совет, которому поручается надзор за школьным делом, состоянием дорог, местной больницей и т. д.; участковый совет будет доводить до сведения уездного земства о своих местных нуждах. Главный недостаток проекта К. Ф. Головина, по мнению «Церковного вестника», заключался в том, что в нем не уделено места приходским попечительствам, о которых говорит манифест» [1].

В статье «Земско-приходская организация», опубликованной 2 апреля в «Новом Времени», проводилась мысль, что мелкой земской единицей вполне может стать каждый приход, который территориально или равен, или несколько меньше волости. Автор статьи Н. Ровинский предлагал приходским попечительствам, несущим по положению 2 августа 1864 года заботы о храме, кладбище, больнице, богадельне и приюте, присвоить также чисто земские функции: заведование местными дорогами, продовольственным делом, собиранием статистических сведений и, поскольку в нем участвуют священники, ведение актов гражданского состояния. В таком преобразованном виде приходская организация будет «приходским советом» (или «правою»). Вместо общих собраний всех прихожан должны быть «приходские собрания», состоящие «из ограниченного количества выборных представителей разных экономических интересов» (всесословное); им должно принадлежать право самообложения на местные земско-приходские нужды.

[1] Новое Время. 08.03.1903. № 9701.

Контроль и надзор над деятельностью приходских советов и собраний, а равно утверждение годового бюджета земского хозяйства прихода принадлежит уездному земству. С введением на местах земско-приходских организаций старая власть за ненадобностью прекращает свое существование [1].

Вообще же вопрос о церковном приходе после манифеста 26 февраля сделался своего рода злобой дня. «В настоящее время, — писал в той же статье Н. Ровинский, — недостатки нашего современного приходского строя и необходимость возрождения православного русского прихода, в связи с вопросом об обновлении церковно-общественной жизни в нем, серьезно обсуждаются в обществе и печати и местами наблюдается и активная деятельность в пользу признания за приходом значения юридического лица и восстановления его самостоятельности...».

Действительно, А. А. Папков, написавший объемистый трактат о древнерусском приходе и ряд статей и брошюр о возрождении приходской жизни, нашел себе целый ряд подражателей.

Антиклерикально настроенные авторы резко критиковали эти планы. Так, Л. Степнов в «Новом пути» иронически озлобленно отозвался о проектах реорганизации прихода:

«Нет страны более богатой прожектами, чем Россия, — писал он, — нет литературы более радикальной, чем русская. Благонамеренные и благочестивые реформаторы занялись за последнее время мыслью создать из священника что-то вроде главы и руководителя административной единицы-прихода. Чего только не собираются сделать из сельского священника. По мысли одних, он должен быть не только священником, но еще и врачом, и даром лечить своих болящих прихожан; для этого в семинариях и духовных академиях нужно проходить особый вид сокращенной и упрощенной медицины с указанием особого цикла упрощенных и удешевленных простонародных, но ценных лекарств. По мнению других, причт должен быть источником музыкального просвещения народа, и усвоение крестьянскими детьми церковных песнопений ставится ему в число прямых обязанностей. Третьи желали бы видеть в священниках орудие распространения среди паствы здравых понятий о пчеловодстве, о садоводстве, о птицеводстве, о

[1] Новое Время. 02.04.1903. № 9726.

скотоводстве, о куроводстве, о шелководстве, о свиноводстве, о маслоделии и сыроварении, о винокурении, об иконописи, о плодосмене, об удобрении — и, вообще, решительно обо всем. Они же должны внедрять в умы своего прихода истинно русские воззрения на роль в русской истории сословий (на текст: «искони бе рабы»), не забывая при этом надлежащих наставлений в области морали (опять на тот же текст: «рабы да повинуются господам своим»). Затем причт должен принять на себя педагогические обязанности и заменить всяких учителей для народа — и чистописания, и пения, и арифметики. Кроме того, причт должен блюсти за сектантами, порицая их заблуждения, а при случае, и жезлом. В заключение, священников предлагают облечь некоторыми административными обязанностями. Низшей административной единицей будет приход, а средоточием прихода является священник. Чего проще сделать его главой приходского совета?..» [1]

Однако и авторы, настроенные к духовенству более благожелательно, сомневались в способности современной духовной школы подготовить таких всесторонних пастырей, учитывая огромное значение, которое придается священнику в преобразованном на новых началах приходе. Такие сомнения выразил, например, А. Пономарев в годовом обзоре «Церковного вестника» за 1903 г. «Отечественная Церковь в минувшем году» [2].

По инициативе А. Папкова в Петербурге возник проект особого общества, которое ставило бы своей задачей «содействовать возрождению церковно-приходской жизни в России путем ознакомления общества с началами правильного церковно-приходского управления и устройства, а также путем развития в обществе и народе церковной общественности, духовной солидарности и сознания необходимости духовной и материальной поддержки на началах христианской любви и милосердия».

По свидетельству М. О. Меньшикова, в кружке принимали участие Н. Ровинский, а также «некоторые профессора и уважаемы в обществе люди», «восторженно преданные Православию»; частным образом кружок встретил искреннее одобрение даже и в высоких сферах.

---

[1] Новый путь. Апрель. 1903. С. 196—198.

[2] Церковный вестник. 15.I.1904. № 3. С. 73.

Но когда дело дошло до Св. Синода, властное запрещение Победоносцева не дало проектируемому обществу стать реальностью. Не помогло даже заступничество митрополита Антония.

Однако влиятельные сторонники реформы не прекращали своих усилий. Так, 4/17 декабря 1905 г. было высочайше утверждено положение о самоуправлении приходов в Финляндии. 17 октября 1906 г. получило высочайшее утверждение положение Совета Министров [1], которым поручалось обер-прокурору Св. Синода предложить Святейшему Синоду проект правил об организации православного прихода, а также православных попечительств и братств. Поскольку эти правила будут касаться области гражданских отношений, они должны быть представлены на законодательное разрешение.

В пользу реформы прихода высказалось и Предсоборное Присутствие. Четвертый отдел Присутствия, заседавшего в 1906 г. при Святейшем Синода, останавливался на этом вопросе в высшей степени подробно и составил целый обстоятельный проект преобразования прихода. Сам Святейший Синод в своем определении от 18 ноября 1905 г. обращал особое внимание епархиальных преосвященных на необходимость приложения усилий к оживлению приходской жизни.

Октябристы и славянофилы о реформе прихода. Положение священника в приходе

В период III Думы идея самоуправляющегося прихода не раз выдвигалась в речах депутатов, в пожеланиях Бюджетной комиссии, в докладах внедумской октябристской комиссии по вероисповедным вопросам.

Ссылаясь на древнюю церковную практику, октябристы подчеркивали [2], что распоряжение церковно-приходским имуществом принадлежало приходу, состоявшему из мирян и причта и действующему под высшим руководством местного епископа. При этом они признавали, что неприкосновенность и целость церковного

[1] Полное собрание законов. № 28 426.

[2] Приходский вопрос в IV Государственной Думе. СПб., 1914. Изд. «Союза 17 октября».

имущества, движимого и недвижимого, охраняется и защищается признанием Православной Русской Церкви верховной собственницей всего церковного имущества. Предполагалось, что приход имеет право только распоряжения этим имуществом, и в случае отпадения даже всего прихода в ересь, раскол или другое вероисповедание, это не могло повлечь за собой переход в чужие руки церковного имущества, поступавшего в распоряжение соседнего православного прихода или местной епархиальной власти.

Однако, — аргументировали октябристы, — при необычайной обширности русских епархий архиерею нет никакой физической возможности самому непосредственно управлять и распоряжаться приходскими имуществами и что поэтому более надежным и более совершенным органом распоряжения и управления этим имуществом является правильно организованный приходский совет, состоящий из местного причта и выборных мирян, чем отдаленный от прихода епископ, вынужденный для выполнения своей обязанности по управлению приходским имуществом пользоваться услугами благочинных или особых членов консистории.

Если расшифровать эти, как обычно, двусмысленные аргументы октябристов, то суть проблемы заключалась в том, что славянофилы хотели использовать приход как средство воцерковления всей общественной и государственной жизни, тогда как думские либералы видели в реформе прихода средство к децентрализации власти, т. е. частичного освобождения самоуправляющегося прихода от государственной регламентации, так и от церковно-иерархического подчинения. Неудивительно, что со стороны ведущих церковных деятелей клерикального направления идея самоуправляющегося прихода встретила резкие возражения. Так, Волынский архиепископ Антоний (Храповицкий) поместил в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» за апрель 1909 г. статью «Восстановление прихода», в которой утверждал, что предполагаемое повышение роли приходских советов — это мероприятие, в котором многие «благонамеренные христиане находят панацею от всех нравственных недугов народа», действительности лишь «окончательно расстроит и религиозную и нравственную жизнь крестьянства».

На опыте ряда епархий, начиная с собственной, Волынской, архиепископ показывал, что «первым и единственным делом новоиспеченного парламента было требование смены причта и заме-

на его выборными из своей же крестьянской среды», причем таковыми часто оказывались «ловкие проходимцы из местных торговцев, никогда не занимавшиеся религией и не умевшие даже «Господи, помилуй» пропеть».

Успех сопутствовал только тем приходским советам, в которых священник сумел твердо взять руководство в свои руки, но такие случаи были редким исключением. Архиепископ Антоний констатирует, что приходская реформа сводится к внедрению в жизнь прихода начала «чисто парламентского, правового», которое уже введено в жизнь государства. Далее он дает следующую характеристику этому началу: «Парламентаризм есть замена патриархального начала послушания и доверия иным началам — контроля и ограничения... парламентаризм заменяет этическое начало правовым, вызывая личные и классовые интересы, интересы, следовательно, эгоистические, утилитарные, а не моральные, на борьбу с возможными злоупотреблениями и произволом правительства. Здесь предоставляется населению через выбор соответствующих лиц в полномочные депутаты отстаивать свои интересы сословные, местные, наконец, личные в их борьбе с противоположными интересами других сословий, местностей, лиц и, наконец, самого правительства. Естественно, что такой строй государственной жизни сильно повышает энергию сословий и лиц к борьбе и неизбежно пробуждает враждебное настроение между ними и вообще постепенно превращает общественную жизнь в непрестанную борьбу».

Допуская, что такой порядок, возможно, и пригоден для государственной жизни, основанной на началах насильственных, архиепископ считает «преступным» переносить этот «строй себялюбивой борьбы» в жизнь Церкви, в жизнь прихода, в ту жизнь, которая основана на самоотвержении, на послушании, на духовном авторитете».

«А как же было в древнерусском приходе?» — повторяет архиепископ вопрос многих защитников приходской реформы, и отвечает иронически: «Восстановить его вам, господа, так же мудрено, как Думу Алексея Михайловича и как «Вече Новгородское». Во всех этих трех учреждениях было непоколебимо одно начало — церковный законодательный кодекс, т. е. Кормчая Книга, которая для вас и малоавторитетна и малоизвестна».

Сравнивая положение священника в современном и древнерусском приходе, архиепископ писал: «Тут нечего было трепетать за авторитет священника, когда действовало со всею силою 121 правило Номоканона, в коем сказано, что мирянин, нагрубивший священнику, должен был отлучен от Пресвятой Троицы, предан проклятию и отойти в Иудино место».

Тем, кто говорил о более скромных полномочиях приходского церковного совета и собрания: контролировать церковные суммы и учреждать благотворительные фонды, архиепископ Антоний напоминал, что с 1892 г. Победоносцевым учреждены выборные уполномоченные, которые ежемесячно вместе с выборным старостой пересчитывают церковную казну и дают отчет приходскому сходу. И, конечно, не с этим связаны надежды на «нравственно возвышающее, даже всеисцеляющее значение» реформированного прихода. «Ну, неужели у вас исправятся нравы, отрезвится и просветится народ, исчезнет безверие и безнравственность, если церковные гроши будут пересчитывать не 3 уполномоченных, как теперь, а двадцать?»

Что же касается прав прихода как юридического лица, то связь юридического права со спасением и нравственным совершенствованием — отрицательная: «где право, там нет нравственного единения, где борьба, там конец духовному руководству и наставлению. Видели ли вы семью, связанную общесоветскими постановлениями? Видели ли вы родителей в качестве временного и выборного правительства семьи, выбранного его младшими членами? А ведь приход и есть духовная семья: миряне — это «братство наше», «братия святаго храма сего», а иереи — духовные отцы, которым передано Божественное завещание: «Имже отпустите грехи, отпустятся: и имже держите, держатся» [1].

Идеи архиепископа Антония подхватывает анонимный автор Ф. Б. [2], который утверждал, что «крайняя инертность, малокультурность и малоподвижность приходских масс» может преодолеваться лишь энергичным воздействием сверху, со стороны «стоящего головою выше остальной массы священника».

---

[1] Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. № 27. С. 734—738.
[2] Там же. Ч. II. № 32. С. 1480—1483.

Автор подчеркивает характерную особенность парламентаризма с его механическим давлением большинства: «С введением этой системы управления руководящими элементами являются не лучшие и выдающиеся умы, а срединные понятные толпе дельцы со своими узенькими, по большей части утилитарными планами. Нужна значительная образованность масс и умелая система выбора представителей, чтобы парламентарная система не тормозила управления. Чем ниже среда, к которой она применяется, тем печальнее результат. Примененная к серой деревенской среде, эта система дает несомненное понижение уровня жизни прихода в смысле понимания ее высоких задач и положит конец многим высоким стремлениям священника там, где они были налицо... Церковно-приходский совет — это чисто духовное пастырское учреждение, это совет при храме Божием, при пастыре, и разрушают, а не созидают дело Божие те, кто мыслит подменить в этом совете духовное пастырское руководство простым счетом голосов».

Материальное положение духовенства

Реорганизация прихода была тесно связана с проблемой материального обеспечения приходского духовенства, единственными источниками существования которого долгое время были лишь собственное натуральное хозяйство и платы прихожан за требы.

Вопрос о государственном жалованье духовенству был поднят лишь при Александре III и решен сначала в пользу беднейших приходов; положено было жалованье духовенству этих приходов в размере от 50 до 150 рублей, причем годовой бюджет Св. Синода был установлен в размере 500 000 руб. в год с тем, чтобы ежегодно увеличивать его на полмиллиона. Поскольку в России было около 72 000 приходов, то судьба беднейшего духовенства, малая часть которого переходила на государственное жалованье, становилась завидной долей для остальных. Победоносцев был против этой реформы: содержание духовенства за счет прихожан, по его мнению, обеспечивало его слияние с народом и не превращало в чиновников. При таком отношении обер-прокурора дело обеспечения духовенства шло крайне медленно.

Вот как описывает положение приходского священника митрополит Евлогий, сын рядового сельского батюшки:

«Жили мы бедно, смиренно, в зависимости от людей с достатком, с влиянием. Правда, на пропитание хватало, были у нас свой скот, куры... покос свой был, кое-какое домашнее добро. Но всякий лишний расход оборачивался сущей бедой. Надо платить за наше ученье в школу — отец чешет в голове: где добыть 10—15 рублей? Требы отцу давали мало. Ходит-ходит по требам, а дома подсчитает — рубля 2 принес, да из них-то на его долю приходилось 3 части, а остальные 2 — двум псаломщикам. Годовой доход не превышал 600 рублей на весь причт. Много ли оставалось на долю отца? Были еще доходы «натурой» (их тоже делили на 5 частей). Крестьяне давали яйца, сметану, зерно, лен, печеный хлеб (на храмовой праздник и на Пасху), кур (на Святках), но эти поборы с населения были тягостны для обеих сторон. Священнику — унижение материальной зависимости и торга за требы, крестьянам — тягостное, недоброе чувство зависимости от «хищника», посягающего на крестьянское добро (отсюда обидная деревенская поговорка: «Попы и с живого и в мертвого дерут»). Бабы норовили дать, что похуже: яйца тухлые, куру старую... Мой дядя, священник, рассказывал случай, когда баба, пользуясь темнотой в клети, подсунула ему в мешок вместо курицы ворону. Теперь это похоже на анекдот, а тогда подобный поступок был весьма характерным для взаимоотношений священника и прихожан» [1].

Отсутствие средств часто ставило священника в тягостную зависимость от зажиточных крестьян и местных торговцев.

«Необходимость доставать нужные деньги детям на школу, — продолжает митрополит Евлогий, — заставляла отца прибегать к крайней мере — займу у целовальника, у кулака. Приходилось соглашаться на огромные бесчеловечные проценты. За 10—15 рублей займа кулак требовал 1/5 урожая! Мать упрекала отца, зачем он скоро согласился, зачем неискусно торговался. Но было нечто и похуже этих бессовестных процентов — переговоры с кулаком о займе. Я бывал их свидетелем, многое запало в мое сердце...».

Нищета и социальная зависимость приходского духовенства зачастую порождали в нем революционные настроения: «Тяжелые впечатления раннего моего детства заставили меня еще ребенком почувствовать, — пишет митрополит Евлогий, — что такое соци-

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 17—18.

альная неправда. Впоследствии я понял, откуда в семинариях революционная настроенность молодежи: она развивалась из ощущений социальной несправедливости, воспринятых в детстве. Забитость, униженное положение отцов сказывалось бунтарским протестом в детях. Общение с народом привело меня с детских лет к сознанию, что интересы его и наши связаны» [1].

Вопрос о материальной необеспеченности духовенства обсуждался в Предсоборном Присутствии, где указывалось, что одна из причин, подрывающих авторитет сельского духовенства и вызывающих отход крестьянской массы от Церкви, была безусловная материальная зависимость священника от прихожан, для которых плата за крещение, венчание, погребение и другие обязательные требы нередко была чрезвычайно обременительной.

«Принцип «доброхотных даяний» несостоятелен и доводит причт до вымогательства, — жаловалось духовенство Лухолневского уезда Нижегородской губернии, собравшееся по распоряжению начальства для обсуждения своих нужд, — жизнь год от года дорожает, а доходы у духовенства пропорционально умственному развитию населения падают».

По свидетельству Могилевского епископа Стефана, духовенство северо-западных губерний было лучше обеспечено жалованьем от казны, «в великорусских же губерниях, где священники получают 100 рублей, а псаломщики 24 рубля в год казенного жалованья, нередко замечается вымогательство и почти всегда торг при взимании платы за требы, неприятные на этой почве столкновения с прихожанами» [2].

Вопрос о реформе прихода в III Думе рассматривался в тесной связи с вопросом о материальном обеспечении духовенства.

Несмотря на то, что ассигнования на содержание духовенства в 1911 г. составили 14 000 000 рублей и предусматривалось увеличение этой суммы ежегодно не менее, чем на 600 000 руб., это давало очень незначительные нормы содержания духовенства: 100—150 руб.; 300 руб. Такой оклад казался священнослужителю чем-то вроде пособия на бедность, а не основным содержанием. Если бы

---

[1] *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Указ. соч. С. 19.

[2] Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. Т. IV. СПб., 1909. С. 17.

прихожане серьезно поверили, что священник получает казенное жалованье за исполнение служб и треб, и прекратили свои приношения, то священник оказался бы в безвыходном материальном положении.

«Между тем, — говорил октябрист Е. П. Ковалевский в своей речи по смете Св. Синода на 1911 г., — эти приношения, кормящие батюшку с его многочисленной семьей, создают ему... унизительное и недостойное положение» [1].

Обер-прокурор Извольский характеризовал это положение словами: «Священнику приходится выбирать между страхом нужды и горечью подаяния» [2].

Наилучшим решением вопроса о материальном обеспечении духовенства, полагали октябристы, являлась бы организация прихода, который пользовался бы самообложением, так что содержание причта приходом рассматривалось бы как дополнение к казенному пособию. Нормы содержания приходских священников должны определяться законодательным путем, а также путем взаимной договоренности причта с приходским советом, при этом требы разделялись бы на бесплатные, обязательные и платные, вознаграждение за которые устанавливалось бы по взаимному соглашению. В качестве примеров таких решений приводилась организация православных епархий в Австрии, Сербии, Греции и Черногории [3].

Вопрос о реформе прихода и обеспечении духовенства в III Государственной Думе

2 июня 1910 г. 147 представителей различных фракций внесли проект об устройстве православного прихода [4]. Проект был направлен для заключения в комиссию по делам Православной

---

[1] III Государственная Дума Стенографические отчеты. Сессия 4, заседание 66. 25.02.1911. С. 2672.

[2] *Ковалевский Е. П.* Народное образование и церковное достояние в III Государственной Думе. СПб., 1912. Ч. II—III. С. 85.

[3] Там же. С. 86.

[4] Приложения к Стенографическим отчетам. III Государственная Дума. Сессия 3. Т. III. № 558.

Церкви, однако до конца полномочий III Думы комиссия так и не вынесла своего решения.

Характерно, что крестьянские депутаты всех партий, кроме правых, проявляли в целом враждебное отношение к духовенству при обсуждении вопроса о материальном содержании церковного причта.

При обсуждении в 1-ю сессию III Думы проекта об ассигновании 400 000 руб. на улучшение положения духовенства Кропотов от имени группы думских крестьянских делегатов предложил отменить проект, т. к., по мнению крестьян, духовенство обеспечено достаточно и ассигнования из казны не достигают цели — освободить население от поборов, т. к. духовенство не считает содержанием получаемые от казны деньги и за духовные требы берет с населения по-прежнему и даже в большем количестве [1].

Другой крестьянин Удовицкий внес законодательную формулу, в которой предлагал обеспечить духовенство денежным жалованьем с тем, чтобы все обязательные требы совершались духовенством бесплатно. Такое же предложение внес крестьянин Кучинский. Все эти предложения были Государственной Думой отклонены [2].

Во второй сессии при обсуждении проекта об ассигновании 500 000 руб. на улучшение положения духовенства думские крестьяне вновь высказались против этого проекта, по-прежнему на том основании, что священники продолжают взимать с крестьян деньги за требы, не совершая бесплатно ни погребений, ни венчаний, ни крещений. Об этом говорили Амосенок [3], Сиротов [4], Гулькин [5], Мягкий [6]. Повторились подобные заявления в 1910 г. при обсуждении очередного законопроекта [7].

В 1911 г. при обсуждении проекта о ежегодном ассигновании по 600 000 руб. на увеличение содержания городского и сельского духовенства Амосенок сказал: «Вы здесь 4 года сидите и ничего

---

[1] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. III.. С. 1093.

[2] Там же. С. 1092—1102.

[3] Там же. Сессия 2. Ч. IV. С. 2480—2482.

[4] Там же. С. 2482—2484.

[5] Там же. С. 2486—2488.

[6] Там же. С. 2488—2489.

[7] Там же. Сессия 3. Ч. IV. С. 1246—1255.

крестьянам не даете, дайте им ту землю, которой владеют священники, и тогда я ничего против иметь не буду, но вы вместо того священникам прибавляете 600 000 руб., да земским начальникам прибавили 500 000 руб., а крестьянам в течение трех с половиной лет вы ни на одну копейку ничего не сделали, а швыряете народные деньги совсем зря. Вы отдайте свое, а не чужое, я горячо протестую против этого законопроекта, как незаконного, как пристрастного по отношению к крестьянскому люду» [1].

Если либеральное большинство Думы склонялось к тому, чтобы решить вопрос обеспечения духовенства путем казенного содержания (это казалось предпочтительнее левым крестьянским делегатам) или налогового самообложения приходов (на этом настаивали октябристы), то церковная иерархия большое значение придавала укреплению имущественного положения Церкви. При этом затрагивался вопрос и о правах прихода как юридического лица, имеющего право на приобретение земли и недвижимости.

Еще в Особом Присутствии под председательством митрополита Антония с мая 1905 г. обсуждался вопрос об изменении законов относительно приобретения храмами и монастырями земельной собственности. До половины XVI века Русская Церковь могла приобретать имущество без всяких ограничений? и только Иван IV постановил, чтобы церкви и монастыри не могли приобретать земли без царского дозволения. При том же царе 15 января 1580 г. последовало соборнot определение, вовсе воспрещавшее им увеличивать свои поземельные владения, что было еще раз подтверждено в 1584 г. царем Феодором Иоанновичем. В 1794 г. при Екатерине II монастырские и церковные земли были отобраны в казну. По действовавшему в начале XX века закону увеличение церковного и монастырского землевладения было ограничено обязательством на каждое земельное приобретение испрашивать особое «Высочайшее соизволение» через Святейший Синод. Хотя, по свидетельству Костромского епископа Тихона [2], не было случая, чтобы подобное приобретение не встретило Высочайшего одобрения, однако самое хо-

[1] III Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 4. Ч. II. С. 1722—1723.

[2] Материалы к предстоящему церковному Собору: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. II. СПб., 1906. С. 555.

датайство требовало много времени, и «через это, — жаловался епископ Владимирский Гедеон, — упускается возможность в надлежащий момент и с надлежащей выгодой сделать приобретение» [1].

Как архиерейские отзывы, так и «Особое Присутствие» настаивали на отмене ограничений. Разногласие вызвал вопрос о предоставлении права на приобретение недвижимости на свое имя членам церковных причтов и церковному приходу, которые этого права не имели. «Нередко бывают случаи, — писал епископ Черниговский Антоний, — когда духовенство той или иной епархии или училищного округа или церкви приобретают на свои средства недвижимые имущества, но по ныне действующим законам подобное имущество закрепляется за церковью, учебным заведением, епархиальным начальством, т. е. фиктивными владельцами» [2].

Мнение о необходимости предоставить церковному приходу и церковному причту права юридического лица и разрешить духовенству приобретать недвижимости на свое имя встретило поддержку в «Особом Присутствии». Среди архиереев, наоборот, далеко не все этому мнению сочувствовали. «Все имущества должны быть приобретаемы на имя епископа, — настаивал в своем отзыве епископ Екатеринбургский Владимир, — священник и приходский совет пользуются имуществом на правах аренды от епископа-собственника» [3]. Еще дальше в этом направлении шел епископ Владикавказский Гедеон. Епархиальные съезды духовенства, по его мнению, — «полноправные распорядители личных средств, сборов и взносов духовенства». Что же касается церковных доходов и оброчных статей, то это — «священное достояние Церкви, находящееся во власти и распоряжении епископа». Также и свечные заводы, доходы с которых до сих пор целиком шли на духовно-учебные заведения — «это собственность Церкви. Поэтому справедливо было бы часть этих доходов употреблять на нужды Церкви и миссионерское дело в епархии».

Борьба за реформу прихода и за то реальное содержание, которое эта реформа должна была осуществить, развернулась в IV

---

[1] Материалы к предстоящему церковному Собору: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. I. № 1.

[2] Там же.

[3] Отзывы епархиальных архиереев. Ч. III. С. 4 и след.

Государственной Думе. В первую же сессию думскими деятелями было внесено четыре законодательных предположения, связанных с вопросом о преобразовании православного прихода и улучшением материального положения духовенства.

Законодательные предположения членов IV Государственной Думы о реформе прихода

27 февраля 1913 г. в Государственную Думу внесено законодательное предположение [1] от имени 127 членов (Львов 2-й, Балашов...), основанное на том соображении, что пастырь православной Церкви заслуживает государственную поддержку, т. к. является единственным руководителем духовной жизни русского православного народа и государству небезразлично, как развивается жизнь в приходах — этих ячейках православного общества. Средства для содержания приходских причтов должны обеспечиваться следующим образом:

1) из местных источников:
   а) платы за необязательные требы;
   б) дохода от церковно-причтовых земель, арендных статей и процентов с капиталов, назначенных на содержание причта;
2) из средств государственного казначейства:
   священник — 1200 руб. в год,
   штатный диакон городских соборов — 600 руб.,
   псаломщик — 400 руб.

При получении нормального оклада содержания причты совершают бесплатно обязательные требы, т. е. все таинства Православной Церкви, совершаемые в храме, а также напутствие больных на дому и погребение. Кредиты на содержание вновь учреждаемых причтов должны испрашиваться в законодательном порядке. Членам причта назначается государственная пенсия в размере:

священнику	— 900 руб.
диакону	— 450 руб.
псаломщику	— 300 руб.

[1] Справочный листок Государственной Думы IV созыва. Сессия 1. № 55. С. 7.

Полная пенсия выдается за 35 лет, 2/3 — за 30 лет и 1/3 — за 20 лет церковного служения.

5 апреля 1913 г. в Государственную Думу были внесены сразу два законопроекта о реорганизации православного прихода и об изменении способа содержания православного духовенства.

Первый проект [1] за подписью 34-х членов (Титов, Ефремов...) содержал следующие положения:

I. Православный приход имеет своей задачей удовлетворение религиозно-нравственных потребностей своих членов, а также дела просвещения и благотворения.

II. Органами его являются: а) общее собрание всех прихожан в возрасте не менее 21 года и б) избираемый собранием приходский совет с участием причта.

III. Приход имеет права юридического лица и самообложения.

IV. Распоряжение под контролем епископа всем церковным движимым и недвижимым имуществом как существующим, так и имеющим поступить приходу, за исключением:

а) предметов церковного богослужения, на изменение или продажу которых необходимо особое каждый раз разрешение епархиального начальства;

б) имущества, имеющего специальное назначение.

V. Приход выдвигает кандидатов на священноцерковнослужительские должности в приходе.

VI. Совершение обязательного богослужения, исполнение обязательных треб и выдача метрических выписей, предбрачных свидетельств и удостоверений о бытии у исповеди производится причтом бесплатно; прочие же требы — по установленному в законном порядке вознаграждению.

VII. Приходские причты получают содержание и квартиры от приходов, в которых они проводят свое служение. Оклад содержания определяется: священнику в размере 1200 руб., диакону в соборных церквах 600 руб. и псаломщику — 400 руб.

VIII. Источниками на покрытие расходов по обеспечению духовенства являются проценты с неприкосновенных причтовых ка-

[1] Справочный листок Государственной Думы IV созыва. Сессия 1. № 86. С. 4.

питалов, доходы от арендных статей и в приходах численностью до 1500 человек плата за необязательные требы, а также приходское обложение и другие доходы прихода.

IX. Из государственного казначейства отпускается пособие нуждающимся православным приходам, которые не могут удовлетворить свой причт нормальным содержанием, впредь до изменения их экономического положения.

X. Определение казенного пособия нуждающимся приходам принадлежит комитету из представителей Министерства финансов, духовенства и приходов и устанавливается на каждые пять лет для прихода. По разрешении разногласий в центральных учреждениях общая по империи сумма на содержание духовенства вносится в смету Св. Синода.

В тот же день, 5 апреля 1913 г., группа из 56 человек (в основном октябристы: Ковалевский, Морковников...) [1] внесла предложение, близкое по содержанию с предыдущим. В основу своего проекта октябристы положили «Высочайшее постановление» о церковно-приходских собраниях и церковных советах православных приходов в Финляндии от 4/17 декабря 1905 г.

Проект 56-ти устанавливал следующее:

1. Приход есть юридическое лицо.
2. Приход обладает правом самообложения.
3. Приход заведует церковным имуществом.
4. Органами его являются приходское собрание и приходский совет.
5. Помимо хозяйственных обязанностей приход имеет функции благотворительные и просветительские.

Согласно проекту, на приход возлагаются обязанности:

1. Участие в содержании штатных духовных лиц.
2. Содержание церковного здания и обеспечение благолепия храма.
3. Содержание и заведование всеми благотворительными и просветительными учреждениями прихода.
4. Содержание и постройка жилых домов для причта.

Каждый новый приход может получить субсидию от казны только при наличии не менее 1000 прихожан. Средства от казны на

[1] Справочный листок Государственной Думы IV созыва. Сессия 1. № 86. С. 4.

новые приходы испрашиваются через законодательные учреждения в сметном порядке.

Приходские причты за свой труд получают:

а) содержание из средств государственного казначейства (священники 300 руб., штатные диаконы 150 руб., псаломщики 100 руб.);

б) дополнительное вознаграждение за счет церковного налога (вероисповедного сбора) в размере: священнику 600 руб., диакону 300 руб. и псаломщику 200 руб.;

в) доход от церковных земель и других церковно-причтовых угодий, оброчных статей и капиталов;

г) плату за необязательные требы.

За 25-ти и 35-летнюю службу устанавливаются пенсии в полном размере: священникам — 900 руб., диаконам — 450 руб. и псаломщикам — 300 руб.

Церковный налог (с работоспособных лиц православного исповедания не моложе 18-ти и не старше 60 лет) слагается из:

а) сумм от личных взносов, в зависимости от получаемого содержания или имущественного состояния;

б) добавочного обложения земельных имуществ;

в) дополнительного процента к сумме платежа по промысловому обложению;

г) добавочного процента к казенному оценочному сбору с городских имуществ;

д) добавочного сбора при взимании городского квартирного налога.

Раскладка производится раз в три года уездным или губернским по церковному налогу присутствием. В состав присутствий должны входить представители и от приходов.

При получении нормального оклада содержания причтами совершаются бесплатно обязательные требы (все таинства, а также напутствия больных на дому и погребения, выдача метрических выписей).

Наконец, 8 мая 1913 г. группа к.-д. из 32-х членов Думы (Звегинцов, Киндяков...) [1] внесла еще одно предположение об организации приходов и обеспечении духовенства. В основу проекта были положены следующие принципы:

---

[1] *Справочный листок Государственной Думы IV созыва. Сессия 1. № 101. С. 4.*

1) необходимость учреждения приходов, как самостоятельных юридических лиц, обладающих собственными, вполне устойчивыми источниками доходов и вполне надежными исполнительными органами;

2) необходимость устойчивого материального обеспечения приходского духовенства, не нарушая при этом его тесной связи с приходом.

В силу этих принципов группа 32-х предлагала:

1) при всех православных храмах, число прихожан которых обоего пола не ниже 300 (за исключением домовых церквей), учреждаются приходы, обладающие правами юридического лица с очертанием их территориальных граней;

2) на приход возлагается:

а) содержание церковного здания и обеспечение благолепия храма;

б) содержание и заведование всеми благотворительными и просветительными учреждениями прихода;

в) содержание штатных духовных лиц;

г) постройка и содержание жилых домов для причта;

3) в распоряжение прихода поступают все церковные земли и капиталы и в управление его — епархиальные капиталы Церкви.

Все четыре законодательных предположения можно обобщить в следующих основных пунктах:

1. Православный приход признается не только церковной единицей в общеепархиальном строе и управлении, но и юридическим лицом, имеющим свое гражданское представительство в лице приходского совета.

2. Приход имеет право выбирать кандидатов на должность священнослужителей.

3. Путем самообложения приходу предоставляется право собирать средства для содержания своих членов клира, которые в малолюдных и небогатых приходах получали бы денежные пособия от казны.

4. Приходу предоставляется под контролем епископа и совместно с приходским духовенством распоряжение движимым и недвижимым имуществом.

5. Законодательным порядком должен быть выработан нормальный приходский устав по образцу устава 1905 г. для право-

славных приходов Финляндской епархии или устава, составленного в 1906 г. IV отделом Предсоборного Присутствия.

Святейший Синод и Совет Министров о реформе прихода

Параллельно с думской инициативой по реформе прихода Св. Синода подготовил свой проект приходского устава, который был внесен на рассмотрение в Совет Министров. В случае одобрения проекта Советом Министров, проект должен был поступить в Государственную Думу на обсуждение.

Проект не был опубликован, но в некоторые газеты [1] проникли сведения о том, что подготовленный Св. Синодом проект устава вызвал со стороны членов Совета Министров многочисленные возражения и замечания, которые сводились к двум основным положениям:

1. Законопроект не соответствует современным требованиям относительно устройства и направления приходской жизни.

2. Проект изобилует статьями, касающимися церковно-канонической и этической стороны жизни прихожан и их отношений к своему духовному отцу, а потому имеется разногласие в определении вопроса, какие статьи проекта должны пройти через законодательные учреждения, а какие составляют предмет и область чисто церковного законодательства.

В основных положениях синодского проекта выдвигалась разница капиталов и имуществ чисто церковных, причтовых, с одной стороны, и приходских — с другой, с различием не только в юридическом существе, но и в способах управления ими и в лицах, ими заведующих.

Министр внутренних дел обратил внимание именно на эту сторону законопроекта и отметил, что про проекту существует не одно юридическое лицо, как было бы естественно, а два: храм, как учреждение, и приход, как община. Оба эти юридические лица существуют рядом отдельными имуществами и обособленным представительством. Подобная двойственность, по мнению министра, не могла способствовать поставленной задаче — возродить к

[1] Новое Время. 26.07.1913.

плодотворной деятельности приходскую жизнь. Такое возрождение мыслимо лишь при условии привлечения мирян к живому участию в церковно-приходских делах с пробуждением у них непосредственного интереса к этим делам.

Помимо устранения мирян от участия в церковно-имущественных делах, министр видел опасность для правильного развития приходской жизни в чрезмерном подчинении всей приходской жизни влиянию приходского священника и епархиального архиерея. Такое низведение роли мирян привлечет за собой равнодушие прихожан и уничтожит все ожидаемые от реформы благие последствия для Церкви и веры.

Особенно серьезной представлялась ст. 52 синодского проекта, в силу которой епархиальному архиерею предоставлялось право, в случае упорного противодействия со стороны членов приходского совета предложениям и указаниям церковной власти, заменять их до новых выборов другими лицами, по решению приходского священника, и сделать распоряжение о производстве новых выборов в приходский совет.

Статья эта, как указывал министр внутренних дел, повлечет за собой неминуемое уничтожение самостоятельности приходского совета, как представительного органа прихода, и превратит его в совещательное учреждение при приходском священнике.

В заседании Государственной Думы 28 марта 1914 г. докладчик комиссии по делам Православной Церкви В. П. Шеин [1] по поводу законодательных предположений о реформе прихода и содержании духовенства заявил от имени комиссии, что все законопроекты преследуют одну и ту же цель, а именно воссоздание нашей приходской жизни и удовлетворение давно уже назревшей потребности обеспечения православного духовенства, согласно его высокому положению и тому высокому служению, которому оно отдает свои силы.

Докладчик отметил, что вопрос этот занимает внимание Государственной Думы в течение всех пяти лет деятельности Думы 3-го созыва и двух лет, прошедших с начала деятельности Думы 4-го созыва, и что эти вопросы поднимаются каждый раз при обсуждении сметы Св. Синода.

---

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 382.

Не рассматривая разногласий между четырьмя законодательными предположениями, Государственная Дума постановила поручить выработку законопроекта комиссии по делам Православной Церкви.

Товарищ обер-прокурора ***Даманский*** [1] сообщил, что законопроект о православном приходе уже составлен и рассмотрен Св. Синодом и внесен на рассмотрение Совета Министров, по вопросу же обеспечения православного духовенства инициативу берет на себя правительство, и Св. Синод уже подготовил необходимые для этого материалы.

Обсуждение сметы Синода на 1914 год в Государственной Думе

Обсуждение сметы Св. Синода на 1914 г. снова сопровождалось полемикой по вопросам церковных преобразований.

По докладу Бюджетной комиссии [2] по этой смете испрашивалось 53 093 225 руб., распределявшихся следующим образом: на церковно-приходские школы 22 254 486 руб., на содержание городского и сельского духовенства — 17 890 534 руб., пособие на духовные учебные заведения — 7 433 087 руб. Оставшиеся 5 514 118 руб. предназначались на покрытие разнообразных нужд и потребностей духовного ведомства: содержание центральных и местных управлений и разного рода церковных учреждений, издание пособий, поддержку зарубежных миссий и т. д. Это составляло незначительную часть тех расходов, которые обеспечивались на эти нужды за счет собственных, т. н. «специальных» церковных средств.

Расходы на церковно-приходские школы частично покрывались из местных средств. Так, в 1912 г. на эти школы, насчитывавшие 2 млн. учащихся (по сравнению с 900 000 в 1906 г.) было израсходовано 25 855 404 руб. государственных средств и 8 697 472 руб. местных средств. Помимо земских местных средств в расходы на приходские школы включалось в 1914 г. более 2 млн. рублей отчислений от храмов и монастырей.

---

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 382.

[2] Там же. С. 1240 и далее.

Значительно бóльшие суммы, имеющие своим происхождением народные приношения, отчислялись на нужды духовных учебных заведений: в 1914 г. помимо указанных средств по смете Св. Синода на эти цели предполагалось истратить 2 831 320 руб. от церквей, 1 820 735 руб. от свечных заводов, далее от личных средств духовенства, пожертвований монастырей, венчикового сбора — около 1 млн., всего 5 652 055 руб.

Докладчик Бюджетной комиссии по смете Св. Синода ***В. П. Шеин*** [1] по этому поводу говорил, что «местные средства» представляют собой неиссякаемый источник для удовлетворения церковных нужд, однако расходование этих средств не соответствует воле жертвователей. «Эти местные средства, — подчеркивал Шеин, — представляют не что иное, как благочестивое приношение в храм, как например свеча, которая ставится к иконе, как тарелочный сбор и как всякого рода иные приношения, которые жертвователь приносит в храм в целях благолепия и на украшение храма; между тем, мы видим, что эти средства получают совершенно иное назначение». Докладчик указал, что на этот предмет уже не раз обращала свое внимание Бюджетная комиссия, требуя, чтобы местные средства тратились на цели прихода, а не на содержание церковных учреждений. Осуществление этой цели требовало, с одной стороны, увеличения государственных ассигнований на церковные учреждения, а с другой — реформы прихода.

Глубокие духовные проблемы времени поднял в своем выступлении хорошо знакомый с положением церковных дел ***Е. П. Ковалевский*** [2]. Указав на медлительность и неохоту, с которой Св. Синод выполняет свои обещания реформ, точнее говоря, не выполняет, а обсуждает возможности выполнения, Ковалевский отметил, что увеличение ассигнований на нужды Церкви само по себе еще недостаточно, чтобы обеспечить то возрождение церковного духа, которое так необходимо. Недостаточно родиться в православном окружении, чтобы стать православным в глубоком смысле слова, необходим труд и воспитание в этом направлении. Насилия, отлучения и кары не могут убедить в истине, напротив, такие меры лишь толкают ищущие души в руки сектантов и начет-

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 1248.
[2] Там же. С. 1253—1260.

чиков, умеющих подойти к этим религиозным запросам и по-своему удовлетворить их.

«Русская народная душа, — говорил Ковалевский, — открыта для всякого, кто удовлетворяет двум основным требованиям: непосредственному приближению к Богу и жажде рядом с вероучением найти и нравоучение, проникающее во все ежедневные запросы его совести. В этих исканиях народ выходит на всевозможные и часто странные пути и тропинки, но в них вся сущность сектантства и уклонения от Церкви».

Могучее духовное оружие, которым располагает Церковь, не используется для того, чтобы овладевать искренними религиозными народными движениями, но вместо этого иерархия с презрением отталкивает от себя тех, кто пытается не формально и внешне, но сознательно и глубоко войти в общение с Богом. «А еще проще, — и потому-то в периоде наибольших колебаний церковные вожди и прибегают к этому оружию, — войти в тесный союз с земными властями и запрещениями и угрозами изъять из жизни всякое движение, всякий религиозный порыв, разменявши его на обряды и жесты, и затем править безучастной толпой».

«Есть серьезное основание опасаться, — продолжал выступавший, — что на 100 000 000 православных 90 000 000 может оказаться такими еретиками или отпавшими. Покарать их будет не за что; ведь нельзя же отрицать, что, не говоря о массе простецов, люди со школьным образованием были смутно научены тому, что такое истинное Православие».

«Я, конечно, говорю с точки зрения людей, искренне причисляющих себя к Православной Церкви, — утверждал Ковалевский, — с точки зрения тех людей, которые любят Россию такой, какой получили ее в наследие от своих отцов: страной непросвещенной, но готовой к просвещению, бессознательно глубоко религиозной и готовой формулировать сознательно свое религиозное миропонимание».

С горькой иронией говорил Ковалевский о тех насильственных методах, которыми пыталось правительство и Синод «разрешить догматический спор, связанный с имяславчеством, отметив возрождение на Руси уже давно небывалого явления в истории Православия — догматических споров и вытекающих оттуда ересей, а это уже нас возвращает прямо к первым векам христианства,

потому что самый объект разногласия близок к миропониманию той эпохи и вызывает тени великих ересиархов-философов и гностиков. С современным образом мыслей все эти идеи как-то плохо вяжутся... Наконец, для того, чтобы учение, несогласное с постановлением Святейшего Синода, встретило возможно большее сочувствие среди православных, последователей его подвергли всевозможным притеснениям, угнетениям через посредство гражданской власти. И вот в XX веке уже более года серьезнейшим образом люди, далекие от богословских интересов, ведут споры о правоте или заблуждении имяславия, иначе именуемого имябожия, причем усложнившийся и запутавшийся в юридических и гражданских нарушениях прав личности вопрос о неправильности рассуждения и почитания имени Божия разросся и получил интерес для самых широких слоев населения».

Свое искреннее и глубокомысленное обращение Ковалевский закончил словами:

«В заключение позвольте мне указать, что эта попытка моя сойти с чисто деловой денежной почвы и напомнить, что не одним хлебом жив будет человек, обращается лишь к тем, кто искренно верит в жизненность и непоколебимость Церкви, как учреждения, кто искренно стоит за развитие и поддержание религиозного чувства в народе, кто не сомневается, что возможно человеку быть гражданином в лучшем смысле этого слова и в то же время христианином. Для тех же защитников или врагов Церкви, которые в ней видят исключительно оплот консерватизма, мы позволим себе перефразировать одного современного русского писателя: «Одни — говорит он, — хотят сохранить народу Бога, но без свободы, другие хотят дать ему свободу, но без Бога». Неужели, скажем мы, — нельзя хранить Бога в сердце своем и стремиться не к порабощению, а к освобождению и материальному и духовному своего народа».

Священник ***Трегубов*** [1] (фракция националистов) в своем выступлении подчеркнул духовно-нравственный аспект предполагаемой приходской реформы.

«Дело не столько в юридических нормах, — сказал он, — а в том, чтобы возбудить к жизни и деятельности заснувшее чувство

[1] IV Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 2. Ч. 3. С. 1260—1271.

любви и сострадания к своему ближнему, к нищим, бедным, скорбящим и согрешившим. Нужно сделать так, чтобы приход был христианской семьей, связанной любовью. Если не будет возрождения религиозного чувства, то всякая реформа мертва, как тело без души мертво. Возродить приход — это задача не только Церкви, но и государства, так как с тем развалом, который царит во всех слоях общества, можно бороться только на христианских основах и при содействии организованного прихода».

Отец Трегубов возражал против обвинений пастырей в том, что они боятся реформы прихода, боятся потерять свое преимущество: «Наше преимущество в приходе — это служение ближнему, а этого мы никогда не потеряем». Главным злом является нынешний способ обеспечения пастыря, который его «унижает», «ставит в неправильные отношения к приходу и является причиной тех нестроений в большинстве случаев, какие замечаются в приходах. Фракция русских националистов, от которых я имею честь говорить здесь, вопрос об изменении способа материального обеспечения духовенства считает коренным вопросом своей программы».

Самую речь с обличением пороков высших слоев общества произнес ***о. Филоненко*** [1]. «Никогда еще, — сказал он, — ясно намекая на Распутина, — наша Русская Церковь не находилась в таких тяжелых условиях своего существования: нам приходится быть свидетелями того непостижимого, странного и в то же время огромного влияния некоторых проходимцев хлыстовского типа, которых принято у нас почему-то называть старцами».

Намеки о. Филоненко шли еще дальше, когда он сказал о появлении великосветских салонов, влияющих на ход церковных дел: «Я бы сказал всем этим держательницам салонов: оставьте, ради Бога, Церковь в покое, не накладывайте своих нежных, вылощенных, но тем не менее тяжелых ручек на кормило церковного управления. Это не ваше дело, в этом вы ничего не понимаете».

Возрождение Русской Церкви возможно только через соборность: «Мы твердо верим, что в Русской Православной Церкви скрыто столько мощи, заложено там много драгоценных сокровищ духа веры и любви, что нужно ей дать лишь возможность освобо-

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III.. С. 1322—1333.

диться от этих тяжелых пут, которыми она скована по рукам и ногам, нужно лишь вдохнуть в нее живой, действенный дух соборности, вытекающий из самой природы ее существа, оживить, призвать к деятельности все ее приходские силы, поднять материальное благосостояние и правовое положение приходского священника, как главного труженика на ниве основной ячейки нашей церковности — прихода».

Описав положение и быт приходского священника, отец Филоненко сказал:

«Драма русского священника, это драма незаурядная; это драма души страдающей, униженной и вследствие этого робкой, пригнетенной, встречающейся с постоянными неразрешенными коллизиями, часто души одинокой. На вашей обязанности лежит молвить за него слово, слово не легкомысленное, не насмешливое, не злобное, вызванное теми или иными партийными соображениями, а серьезное, проникнутое чувством доброжелательства к нему. Пора и ведомству позаботиться, чтобы устранить с пути его всякие терния, чтобы поднять на должную высоту его авторитет и значение».

Перестановки в церковном руководстве и реформа прихода

Как и в предыдущие годы, бюджет Св. Синода был утвержден, а обещанные преобразования оставались на бумаге. В кругах, стремившихся к церковным реформам, большие надежды были связаны с назначением летом 1915 г. на должность обер-прокурора московского губернского представителя дворянства А. Д. Самарина.

Смена Саблера произошла под давлением таких лиц, как протопресвитер армии и флота Шавельский, который считал необходимым подобрать на этот пост человека с репутацией «честности, благочестия и благонадежности» и таких, как Горемыкин, Кривошеин и Щербатов, видевших в Самарине именно такого человека.

Сам Николай в письме к Александре Федоровне 15 июня 1915 г. указывал, что Самарин человек, «имя которого известно всей стране и единодушно уважаемо». Однако Самарин, по свидетельству Родзянко, соглашался принять пост обер-прокурора лишь при условии удаления Распутина. Поэтому царица была реши-

тельно против, а Распутин советовал повременить с удалением Саблера, пока найдется подходящий преемник.

Это предопределяло недолговечность пребывания Самарина на новом посту. Назначение, несколько неожиданное для самого Самарина, рассматривалось церковными кругами как вынужденная уступка.

«Ведь сама смена руководителей, — писал по этому поводу «Церковный вестник», — показывает, что во всяком случае признано необходимым что-то изменить. И изменить не пустяки, не детали, а нéчто более серьезное, ибо из-за мелочей не происходит серьезных передвижений. Не секрет уже, что признано необходимым сближение власти с обществом, достижение полного внутреннего единения» [1].

Наоборот, кадетские «Русские ведомости» в назначении Самарина не находили ничего неожиданного, судя по тому влиянию, каким он пользовался в Совете объединенного дворянства [2].

Церковной программой Самарина была программа московских церковно-общественных кружков, критиковавших в 1905 г. проекты Витте и митрополита Антония со славянофильских позиций. Не отказываясь от созыва церковного Собора, восстановления патриаршества, реформы прихода и т. д., Самарин признавал, однако, коренную перестройку церковного управления во время войны несвоевременной. Проводя эту мысль в своей вступительной речи к членам Синода, новый обер-прокурор указывал, что «деятельность Церкви все же должна вестись в духе предстоящих реформа» [3].

С назначением Самарина начало проявлять активность думское белое духовенство. Думские депутаты священники без различия партий подали новому обер-прокурору докладную записку с указанием на необходимость реформ. Оговариваясь осторожно, что нет намерения посягать на авторитет и прерогативы епископата, записка говорит: 1) о необходимости повышения общего и богословского образования в духовных школах; 2) об устранении молодого монашества от управления школой и, вообще, об «осто-

[1] Церковный вестник. 06.08.1915.
[2] Русские ведомости. 10.08.1915.
[3] Церковный вестник. 30.07.1915.

рожности в продвижении монашествующих лиц, так как быстрая карьера ведет иногда к властолюбию и деспотизму». Кроме того, записка поднимала вопрос о реформе консисторий и духовного суда, о возрождении приходской жизни и децентрализации управления и благотворительности, об участии духовенства в местном самоуправлении, об обеспечении духовенства и прежде всего о созыве Собора. В записке, таким образом, выразилась либеральная церковная программа 1906—1908 гг. В печати, общей и церковной, за исключением «Голоса Церкви» и «Нового Времени», выступление думских иереев встретило сочувствие, однако с увольнением Самарина представленная ему лично записка повисла в воздухе. Единственное дело, которое успел начать Самарин, была ревизия Тобольской епархии, но и это дело он не успел довести до конца.

Понимая, что поддержка патриотических кругов дворянства не может послужить достаточной опорой, Самарин принял назначение как временное, и именовался «исполняющим обязанности обер-прокурора».

Новый обер-прокурор, сменивший Самарина, чиновник Министерства внутренних дел А. Н. Волжин, ориентировался на программу церковных реформ, намеченную октябристской церковной комиссией при III Государственной Думе. В последний день перед святками 1915 г., присутствуя впервые на заседании Бюджетной комиссии Государственной Думы, Волжин обещал «чутко прислушиваться к голосу законодательных учреждений». «Я сознаю в то же время, — говорил Волжин, — как велика моя ответственность, но я верю, что я укрепляю свою деятельность тесным единством с предначертаниями Св. Синода». Однако постоянный и глубокий конфликт между Государственной Думой и Св. Синодом делал такую позицию противоречивой и неосуществимой. «Если, с одной стороны, он хочет найти поддержку в предначертаниях Св. Синода, а с другой, ищет связи с Думой, то он оказывается в безнадежном распутье», — писал о Волжине «Церковный вестник».

Перемещения происходили и в составе самого Св. Синода. По смерти в 1915 г. Киевского митрополита Флавиана на Киевскую кафедру был переведен митрополит Петроградский Владимир с оставлением его первоприсутствующим членом Синода; Петро-

градскую же кафедру занял с помощью Распутина экзарх Грузии Питирим.

По свидетельству председателя Государственной Думы Родзянко, это «был великий интриган, и о его нравственности ходили весьма определенные слухи. Он сразу стал играть роль: его посещали министры, считались с ним, и его имя все время появлялось в печати» [1].

«Мы, — писал С. П. Белецкий, — проводили через Вырубову и Распутина Питирима в Киев, но Волжин получил от государя приказание о назначении митрополита Владимира в Киев, а Питирима в Петроград. Из всей обстановки назначения Питирима ясно было видно желание Двора иметь около себя близкого человека. Мы поняли, что в силу занимаемого им положения ему будет отведено крупное влияние во дворце» [2].

С митрополитом Питиримом часть духовенства стала связывать надежды на реформу прихода. Саблеровский проект, вовсе устранявший мирян от участия в руководстве жизнью прихода, как явно неприемлемый для Государственной Думы, предстояло переработать заново, что заняло бы немало времени. Митрополит Питирим предложил внести проект в Думу, как он есть, но снабдить представителя духовного ведомства в думской комиссии правом санкционировать любые вносимые ее членами изменения в рамках проекта Предсоборного Присутствия 1906—1907 гг. Вопрос о приходе признавался теперь неотложным. Статья митрополита Питирима на эту тему в «Новом Времени» вызвала крайнее волнение среди правых в Государственной Думе, настроенных против демократического характера реформы прихода.

Последние попытки ускорить реформу прихода

Надежды на скорую реформу прихода сильно возросли с назначением Б. В. Штюрмера председателем Совета Министров, состоявшимся, по свидетельству Родзянко [3], при участии митрополита Питирима, а Питирим — «верный слуга Распутина». «Из всех

---

[1] *Родзянко М. А.* Крушение империи. Л., 1929. С. 146.

[2] *Белецкий С. П.* Григорий Распутин // Былое. 1923. № 21. С. 193.

[3] Былое. 1923. № 2. С. 231.

лиц правящего класса, — писал С. П. Белецкий, — никто не пользовался таким постоянным и неизменным доверием как государя и государыни, так и Вырубовой, как митрополит Питирим. Его постоянно приглашали к себе высокие особы и Вырубова. К его мнениям по вопросам Церкви и государственной жизни прислушивались, также считались с его отзывами и оценками лиц, интересовавших высокие сферы» [1]. В январе 1916 г., когда заговорили, что молодая императрица недовольна Горемыкиным, Белецкий, как кандидата на его место, рекомендовал митрополиту Питириму Штюрмера, который, по его словам, в своей будущей деятельности будет руководиться советами Владыки. С письмами императрицы и Распутина митрополит Питирим выехал в Ставку к царю — и назначение Штюрмера состоялось.

Штюрмер сразу же по вступлении на свой новый пост заявил, что он «открыто признает то громадное значение, которое принадлежит Церкви, как созидающему фактору в государственной жизни». «Московские ведомости» в статье, посвященной приходу, по этому поводу писали, что «идеал совмещения гражданской жизни с приходом» заключается в том, что для гарантии от проникновения в законодательные учреждения «инородческих и ненадежных элементов» выборы должны происходить по приходам открытым голосованием, после «зрелого обсуждения». Право кассировать выборы должно принадлежать лишь епископам в случае нарушения закона или избрания человека, «не пользующегося репутацией благочестивого». Сословное земство остается в силе, «дворянские, крестьянские церковные учреждения остаются, как они были, но приход всех объединяет на общественной почве, проникнутой духом государственности и религии...».

Св. Синод продолжал действия, направленные к реорганизации прихода, не ожидая окончания переработки проекта в Государственной Думе. В начале 1916 г. Синод еще раз предложил архиереям проводить по епархиям практические мероприятия по оживлению приходской жизни, организацию съездов духовенства и приходских советов по уездам, разъяснение духовенству значения и характера возлагаемых на него задач для поднятия его активности на местах в деле учреждения религиозно-просветитель-

[1] *Белецкий С. П.* Григорий Распутин // Былое. 1923. № 21. С. 125.

ских кружков, детских приютов и яслей, богаделен, библиотек, аптек и т. д., причем средства на это должны составляться путем добровольных пожертвований, а не обложения прихожан. В связи с этим Синод преложил епархиальным архиереям лично объехать сельские и городские приходы своих епархий «для руководства объединением духовенства и мирян и для разрешения могущих возникнуть недоразумений и пререканий в области как личных отношений между прихожанами и пастырями, так и в понимании существа приходской реформы и правильного усвоения задач приходской жизни».

К февралю 1916 г. распространились слухи о резкой перемене всего курса церковной политики. Указывали на пребывание в Петрограде архиепископа Пензенского Владимира и Тобольского Варнавы, известных в церковных кругах как сторонники восстановления патриаршества и созыва Собора. В связи с этим говорили, что митрополит Питирим вскоре займет место первоприсутствующего члена Синода, а митрополит Владимир отбудет в свою Киевскую епархию. В либеральной церковной печати снова упорно заговорили об «обновлении Церкви», о курсе на сближение с Государственной Думой. Тот же митрополит Питирим заявил открыто, что Дума, наряду с Государственным Советом, есть «Высшее законодательное учреждение», что она «отражает голос народа в деле возрождения и благоустроения земли Русской».

В Государственной Думе члены Бюджетной комиссии обратились с просьбой к обер-прокурору Волжину:

1) поскорее созвать церковный Собор и внести «земские начала в церковное управление»;

2) внести безотлагательно в Государственную Думу законопроекты о реформе консисторий, церковного суда, бракоразводного процесса и т. п.

Некоторые члены Думы в феврале 1916 г. говорили о необходимости добиться, чтобы докладчиком по делам Церкви у высшей власти был первенствующий член Синода, а обер-прокурор лишь присутствовал при докладе. 1 марта последовало компромиссное решение Николая II: доклады «по делам, касающимся внутренней жизни Церкви и существа ее управления», должны быть делаемы в присутствии первоприсутствующего члена Синода.

С церковным Собором дело подвигалось медленно. «Собор есть самостоятельное самодовлеющее собрание свободно избранных представителей церковного общества, — писала «Церковь и жизнь», — а при современной бюрократии, когда Церкви, как независимого института, в России не существует, такого собрания быть не может».

Назначенный с 30 августа 1916 г. под влиянием митрополита Питирима и Распутина на обер-прокурорскую должность директор высших женских курсов Н. П. Раев вместо недостаточно «послушного» Волжина продолжал заявлять о своем твердом намерении «найти общий язык с народным представительством». Функция обер-прокуроров в Синоде, по его словам, должна сводиться к тому, чтобы синодские решения не противоречили гражданским законам. В Совете Министров и законодательных учреждениях обер-прокурор — представитель духовного ведомства, а не Церкви. «В вопросах чисто церковных, — говорил Раев, — я буду таким же послушным сыном Церкви, как и все верные Православной Церкви христиане: там решающий голос принадлежит иерархам».

Обсуждая слова Раева, «Церковь и жизнь» скептически замечает, что переход управления в руки иерархов «сам по себе не обещает Церкви никаких благ». Епархиальные кафедры в это время занимали архиереи, поставленные при Саблере, люди его школы и ориентации. «Чем далее, — с горечью констатировала «Церковь и жизнь», — тем все безнадежнее приходится смотреть на будущее. В массе есть несколько имен, с которыми связываются чаяния. Но общий тон синодской политики, а следовательно и руководящих церковных кругов, — антиобщественный и упрямо консервативный до последней мелочи, до крайнего предела. И в этом величайшее бедствие Русской Церкви».

Приходский вопрос на Поместном Соборе 1917—1918 гг.

Вопрос об организации прихода занял важное место в деятельности Всероссийского Церковного Поместного Собора 1917—1918 гг.

Определением Собора от 7/20 апреля 1918 г. был принят приходский устав, определивший структуру и задачи православного

прихода. По поручению Собора архиепископы Тверской Серафим и Пермский Андроник вместе с мирянами Л. К. Артамоновым и П. И. Астровым составили «Введение к приходскому уставу» [1], в котором приводились богословские и историко-канонические основания нового устава.

Как указывалось во «Введении», осуществлением церковности как благодатной жизни Тела Христова с начала христианства были отдельные, возглавляемые епископами, малые церкви. С умножением численности паствы епископы разделили свои епархии на части, поручив управление ими пресвитерам, действующим по уполномочию от епископа. Основой церковного тела стали, таким образом, малые церкви-приходы.

Всякий член прихода, в соответствии с полученными им дарованиями и полномочиями, несет в приходской жизни свое послушание, через которое осуществляется его назначение в составе церковного тела, а также дело его личного спасения. Как уклонение от своего назначения-послушания, так и попытка восхитить недарованное служение, вносит расстройство в жизнь церковного тела и препятствует делу спасения души. Правильная церковная жизнь в приходе должна устрояться по завещанию ап. Павла (Рим. 12:3, 6—8).

Ответственными руководителями и устроителями всей приходской жизни являются облагодатствованные архиереем пастыри, а под их руководством — клирики и миряне, прилагающие свои силы и способности для благоустроения прихода: одни участием в богослужении и уходе за храмом, другие в в благотворительности, третьи в просвещении, иные в увещаниях заблудших и т. д., по слову апостола (Еф. 4:11—12). К такому обществу спасающихся христиан применимо то, что сказано о первых христианах: «они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. Все же верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого … находясь в любви у всего народа» (Деян. 2:42, 44—45, 47). «Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их» (Деян. 5:13).

---

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М., 1918. С. 3—12.

Таким образом, «Введение в приходский устав» с самого начала формулировало основные принципы, положенные в устроение прихода: иерархичность всей структуры, рассмотрение участия мирян в приходской жизни как спасительного послушания (но отнюдь не как демократического права, на чем настаивали либеральные думские деятели), стремление к социальной активности прихода и к более четкой фиксации его состава (из посторонних же никто не смел пристать к ним). Главное заключалось в строгом соблюдении иерархического принципа, благодаря которому Церковь сохраняет свой апостольский характер, ибо епископы являются преемниками ппостолов. В связи с этим указывается, что «пастыри и пасомые, чтобы быть им под благодатным водительством Самого Христа в Церкви Его, должны помнить слова свят. Киприана Карфагенского: «Епископ в Церкви и Церковь в епископе, и если кто не с епископом, тот вне Церкви».

Практическую организацию приходов «Введение» предлагало начинать с составления списков всех желающих принадлежать к данному приходу. Записи в приходскую книгу должны предшествовать обстоятельные беседы как в храме, так и в селениях о Церкви и приходе, о непременном личном участии всякого прихожанина в жизни и устроении прихода, как священном долге христианина, без исполнения которого он будет мертвым членом в теле.

Негативное отношение к происходившим в то время событиям политической жизни выражалось в совете пастырям указывать в своих беседах, что «от забвения истинной церковной жизни, от утраты нами чувства церковности, нас всех объединяющей и воодушевляющей на братское общение для вечного спасения, между прочим, от этого и произошло все падение нравов со всеми переживаемыми теперь нами грозными последствиями, когда вместо духа любви господствует такая злобная вражда между людьми, называющими себя христианами».

Привлекая прихожан к приходскому делу, пастырь должен, согласно «Введению», объединить вокруг себя самых благочестивых и толковых из них, создавая кружки и содружества ревнителей, являющихся ближайшими помощниками пастыря и проводниками его начинаний в приходе. Таким образом должны быть подготовлены «не случайные и слепые, а целесообразные выборы» в приходский совет и на другие приходские служения.

Разделив на соответствующие участки приходскую деятельность: просвещение, благотворительность, наблюдение за молодежью, борьба с сектантством, воспитание детей и т. д., и доверив избранным прихожанам руководство и наблюдение за этими участками, пастырь сможет через них исполнять свое отеческое служение в тех областях жизни, до которых прежде не достигало его внимание, и при этом укрепится живая и всесторонняя связь паствы со священником.

«При таких условиях, — продолжает «Введение», — пастырь и сможет от своего личного пастырского воодушевления вложить «дух жизни» в сухие кости положения о православном приходе. Так постепенно и устроится приходская жизнь по всей России в ее обновление из переживаемой духовной разрухи. Живительное начало христианской веры просветит тьму нашего духовного оскудения, поднимет дух в отдельных христианах, устроит семейную добрую жизнь, украсит через это и общественность нашу. Возродится душа народная от возрождения веры через приходскую жизнь, возродится и тело народной жизни — наша государственность».

«Приходский Устав», принятый Поместным Собором 7/20 апреля 1918 г. [1], представляет собой обширный документ из 13 глав и 177 пунктов, явившийся плодом предварительных многолетних обсуждений этого вопроса в Предсоборном Совещании, в церковной и гражданской печати, в Государственной Думе. Текст разрабатывался специальной комиссией Собора в течение нескольких месяцев.

Основные положения этого важного церковно-правового акта заключаются в следующем.

Приходский храм и приход объявлялись особыми юридическими лицами.

Помимо храма приходского и кладбищенского (а также приписных — из бедных приходов), приход мог содержать молитвенные дома и часовни, в которых с разрешения архиерея допускалось совершение богослужений вплоть до литургии.

Избрание и назначение членов причта на приход осуществляется епархиальными архиереями, принимая во внимание кандидатов, о которых ходатайствует приходское собрание.

---

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 13—41.

Прихожане с семействами вписываются в приходскую книгу, в которой, в частности, отмечается время бытия у исповеди и Причастия. При переходе в новый приход настоятелем выдается выписка из приходской книги для внесения в книгу нового прихода. В этом установлении видна попытка скрепить приход мерами церковно-бюрократического характера. В этой связи предусматривалось также, что при исповеди не у приходского священника должна была выдаваться специальная справка.

Для управления делами прихода приходское собрание избирает на три года старосту, подотчетного приходскому совету. Контроль над хозяйственной деятельностью старост осуществляет епархиальный архиерей и непосредственно благочинный.

Приходское собрание собирается не реже одного раза в полугодие и считается действительным, если на нем присутствуют, кроме настоятеля, председательствующего на собрании, не менее 1/10 части полноправных прихожан для решения же вопросов об избрании членов приходского совета, а также денежных дел требуется не менее половины членов прихода.

Устав предусматривал открытие в каждом приходе приходских учреждений: школ, сиротских приютов, богоделен, больниц, яслей, библиотек, читален и т. д.

Большое внимание устав уделяет делу народного просвещения, в особенности организации церковно-приходских школ. Этот вопрос изложен в конце главы II о церковных школах.

Специальная глава устава посвящена вопросу о храмовом и приходском имуществе. Содержание этой главы находится в прямом противоречии с декретом об отделении Церкви от государства, т. к. храм и церковное имущество рассматриваются уставом как собственность храма и прихода. Существенным правом прихода было установленное уставом право денежного и натурального самообложения. Предусматривался контроль и ревизия храмового и приходского хозяйства со стороны благочинного.

Последняя глава устава предусматривала возможность создания в пределах епархии союзов приходов, обладающих правом владеть недвижимым имуществом и образовывать капиталы. Членами союзов могут быть, кроме приходов, также православно-христианские общества, общества трезвости, братства, а также управления и причты домовых церквей.

Православный приход в гражданском законодательстве

Мероприятия по реорганизации прихода, предусмотренные Поместным Собором, уже не могли найти реального осуществления в жизни; так, советское законодательство в первые же годы после революции было направлено к ограничению деятельности приходов исключительно культовыми и богослужебными потребностями. Законодательство было направлено также к ослаблению иерархической централизации Церкви вопреки постановлениям Собора, стремившимся эту иерархичность укрепить.

Церковь, согласно законодательству, выступала как совокупность самостоятельных религиозных обществ, под которыми по существу имелись в виду приходы, подчиненные общим правилам о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли (декрет ВЦИК и СНК от 3 августа 1922 г.) [1].

Согласно этому постановлению, ни одно религиозное общество не имело права открыть свои действия без регистрации его в отделе управления губернского или областного исполкома. Для регистрации необходимо было наличие не менее 50 членов общества, не ограниченных в правах по суду. Исполкомы могли отказать в регистрации, если «устав общества, подлежащего регистрации, задачи его и методы деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам».

В отличие от других обществ, религиозные общества были лишены прав юридического лица. Никакие удостоверения, мандаты, справки и т. д., выдаваемые религиозными объединениями, не имели юридической силы в советских учреждениях, а также вообще в области хозяйственной, промышленной, торговой, транспортной и т. д. Все удостоверения и бумаги выдавались религиозными лицами и организациями исключительно по делам Культа и имели только религиозное значение (Циркуляр НКЮ и НКВД от 15 августа 1921 г. п. 5—6) [2].

---

[1] *Гидулянов П. В.* Церковь и государство по законодательству РСФСР. М., 1923. С. 31—34.

[2] Там же. С. 53—54.

Религиозные организации были лишены права владеть собственностью, в силу отсутствия у них прав юридического лица. В циркуляре Наркомпоста от 18 мая 1920 г. всем местным Губисполкомам предлагалось прекращать деятельность «бывших консисторий, переименованных в епархиальные советы», всюду, где эта деятельность фактически осуществляется, «опираясь на слегка измененные старые законы, вопреки Декрету об отделении Церкви от государства, декрету о суде, кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Предлагалось привлекать к судебной ответственности деятелей епархиальных советов, присваивающих себе, в качестве юридических лиц, — судебные, розыскные, карательные, налоговые, финансовые, административно-хозяйственные функции [1].

В разъяснении 5-го Отдела НКЮ от 25.08.1922 г. дается следующее истолкование Декрета об отделении Церкви от государства.

Церковь или религиозное общество не существует как юридический институт, но допускается лишь существование отдельных религиозных групп граждан, объединяющихся для удовлетворения религиозных потребностей. Каждая такая группа верующих рассматривается как «вольная самодовлеющая церковь», в силу чего государство не вмешивается в вопросы церковной иерархии, предоставляя группе верующих делать самостоятельный выбор епископа или священника, провозглашение автономии и т. д. Поскольку Церковь не рассматривалась как правовой организм, иерархическая организация — епархиальная или центральная, не подлежала регистрации со стороны гражданской власти [2].

Какие-либо обязательные сборы религиозным обществам — приходам запрещались. Допускались только добровольные пожертвования для покрытия культовых расходов.

Объединение приходов могло осуществляться, согласно законодательству, путем съездов религиозных обществ — губернских или всероссийских, имеющих право избирать исполнительные органы. Съезды обществ и избранные ими исполнительные органы не имели права устанавливать принудительные сборы, обладать

---

[1] *Гидулянов П. В.* Указ. соч. С. 55.

[2] Там же. С. 57.

культовым имуществом или получать его по договору, заключать какие бы то ни было договоры и сделки [1].

Советское законодательство, таким образом, полностью ограничивало возможности социально-гражданской активности приходов, к развитию и усилению которой стремились все реформаторы прихода, начиная со славянофилов.

Реформа прихода, не проведенная в условиях монархии, ввиду описанного нами в этой главе столкновения различных интересов вокруг этой реформы, не состоялась вообще.

[1] *Гидулянов П. В.* Указ. соч. С. 37—39.

ГЛАВА VI

ДЕЛО ЕПИСКОПА ГЕРМОГЕНА

Исторический очерк

Действительно, в общем церковном курсе Св. Синода серьезных сдвигов так и не произошло. В думских комиссиях представители Церкви и духовного ведомства не смогли найти общее решение с октябристами по вопросу о характере приходской реформы, и проект так и не был рассмотрен Государственной Думой. Наряду с церковными вопросами, обсуждавшимися в Государственной Думе в порядке соответствующих законопроектов, некоторые вопросы возникали попутно в связи с обсуждением сметы Св. Синода или в порядке запросов депутатов.

Наибольшее внимание Думы привлекли два таких церковных вопроса: дело епископа Гермогена в 1912 г. и дело об «имябожниках» или «имяславцах» в 1914 г.

Дело саратовского епископа Гермогена, члена Св. Синода, развивалось следующим образом.

15 декабря 1911 г. преосвященный Гермоген подал в Ялту на имя царя телеграмму, в которой утверждал, что «к величайшему прискорбию», в настоящее время в Святейшем Синоде поспешно усиливаются проводить некоторые учреждения и определения прямо противоканонического характера, — так, учреждают в городе Москве чисто-еретическую корпорацию диаконисс, и хоть остались при особом мнении митрополит С.-Петербургский и епископ Саратовский, но судьба особого мнения неизвестна»; «затем вчера голосовали за введение в Православной Церкви грубо противоканонического чина заупокойного моления в Православной Церкви о еретиках инославных». Обращаясь к царю, как хранителю Православия, преосвященный Гермоген просил «защитить Святейшую Мать-Церковь» от этих противоканонических действий Св. Синода [1].

[1] Прибавления к Церковным ведомостям. 1912. Ч. I. № 8. С. 314.

Сами по себе обвинения епископа Гермогена были необоснованы, так как оба вопроса не были решены Св. Синодом окончательно, но предусматривалось перенести вопрос о диаконисах на усмотрение Поместного Собора, а вопрос об отпевании инославных — на обсуждение с Восточными Патриархами. Было лишь утверждено Синодом общество диаконисс Марфо-Мариинской общины в Москве во главе с великой княгиней Елизаветой Федоровной и введено разрешение церковных молитв за умерших инославных для утешения их православных родственников в случаях смешанных браков.

Однако сам факт такого дерзкого выступления епископа против Синода был беспрецедентным, и за ним крылись причины более серьезные.

Суть дела заключалась в том, что епископ Гермоген вместе с епископом Феофаном, в свое время введенные в заблуждение Григорием Распутиным, способствовали его приближению к царскому двору, а затем, увидев подлинное место «старца», стали открыто порицать его, пытаясь как-то исправить допущенную ошибку.

В декабре 1911 г. в Ярославском подворье в Петербурге, где останавливался епископ Гермоген, он вместе с иеромонахом Илиодором и козельским мещанином Д. А. Знобишиным, известным под кличкой «Митя Козельский», встретился с Распутиным, причем после горячего разговора дошло до того, что Знобишин набросился на Распутина с кулаками. Тот убежал, пригрозив на прощание, что «Бог отомстит им за него».

Как рассказывал сам епископ Гермоген, столкновение с Саблером произошло у него по поводу хищений в Козельской Оптиной пустыни, которые Саблер старался всячески покрыть, а епископ Гермоген, наоборот, раскрыть до конца [1].

После всего этого и появилась телеграмма епископа Гермогена, за которую Св. Синод 9 января 1912 г. постановил уволить его от участия в работе Синода.

Однако епископ Гермоген неожиданно оказал энергичное сопротивление.

На следующий день, в интервью корреспонденту «Вечернего Времени» Владыка заявил: «Я возьму себе пример приснопамят-

[1] Свет. 1912. № 12.

ного святителя Московского Филарета, который также в свое время был уволен из состава Святейшего Синода, но сделал для Русской Церкви столько, сколько дай Бог каждому из нас. Конечно, я не чувствую в себе силы и талантов Филарета, но с Божией помощью кое-что, может быть, совершу и я для блага Святой Православной Церкви» [1].

Того же 10 января в газете «Свет» появилась передовая статья, в которой владыка Гермоген был изображен как мужественный борец против «фальсификации Патриаршества, задуманной некоторыми иерархами, угождающими обер-прокурору против диаконисс, против посвящения в иерейский сан достаточно известного Распутина». «Он, — говорилось в статье о епископе Гермогене, — восстал в Синоде против лести. Он восстал против обмана православного мира путем создания «синодского патриарха», который будет видимым главой внешней Церкви Христовой и в то же время явится послушным орудием в руках чиновников Духовного ведомства». Газета привела чрезвычайно резкие высказывания Гермогена о Распутине: «Этот Распутин или как он называется не то Новый, не то Новых, по авторитетному свидетельству епископа Гермогена, заслуживает отлучения от Церкви... Да, таких кощунников следует извергать из лона Православной Церкви и предавать анафеме. Распутин вносит новую смуту, новую ересь в нашу церковную жизнь, нуждающуюся в умиротворении, спокойствии и чистоте нравов».

Приводилось мнение о Саблере, которое епископ Гермоген высказал ему самому, когда тот 7 января, т. е. за два дня до синодского решения, заехал к нему в Ярославское подворье предупредить об ожидающем его отъезде в Саратов... «Я говорил Владимиру Карловичу, — приводила газета слова епископа Гермогена, — о его возмутительном лицемерии и чиновничьей изворотливости и бюрократических подвигах и обходах неугодных ему людей. Я не скрывал моего гнева на его двоедушие и лицемерную услужливость!»

Сообщения об увольнении епископа Гермогена со скандальными подробностями были помещены также в «Петербургской

[1] Вечернее Время. 1912. № 39.

газете» (№ 9), «Петербургском листке» (№ 8), «Вечернем Времени» (№ 37).

В ответ на это обращение епископа Гермогена к светской печати Синод потребовал немедленного выезда преосвященного Гермогена в Саратов. Ответом были новые статьи в газете «Свет» (№ 11) и «Новом Времени» (№ 12 872) с разоблачительными подробностями визита Саблера в Ярославское подворье. Роль Распутина характеризовалась в газете словами самого епископа Гермогена: «В деле увольнения меня из Синода я считаю главным виновником Саблера и известного хлыста Григория Распутина, виднейшего религиозного веросовратителя и насадителя на Руси хлыстовщины. Будучи развратным, он свой разврат прикрывает кощунственной религиозностью» [1].

«Биржевые ведомости» поместили интервью епископа Гермогена, который сказал:

«...Таким образом, я считаю, что столкновение произошло не с иерархами Святейшего Синода, а со светской властью в лице обер-прокурора В. К. Саблера. В настоящее время я работаю над новым обращением к членам Святейшего Синода по поводу моего преждевременного удаления. По моему мнению, необходимо, чтобы наша Церковь в лице ее высшего учреждения Синода была не так порабощена светской властью, не так была в руках чиновников, чтобы все их пожелания и проекты проводились беспрекословно. Что из этого в конце концов выйдет я, конечно, не знаю. Могу вам сообщить, что иеромонах Илиодор, узнав о моем удалении из Синода, немедленно выехал ко мне в С.-Петербург» [2].

Особенно неприятным для Саблера и Синода было выступление в «Московских ведомостях» таких авторитетных лиц, как Самарин, Хомяков, гр. Шереметьев, Васнецов, Тихомиров и др. В статье «Святейший Синод и епископ Гермоген. Голос мирян» эти деятели не придавали особого значения каноническим вопросам, поднятым епископом Гермогеном. «Мы даже наперед готовы признать, — говорилось в статье, — что он несправедливо назвал предположения Святейшего Синода по вопросу о диаконисах и панихидах еретическими». «Конечно, — продолжали авторы ста-

[1] Свет. 1912. № 11.

[2] Биржевые ведомости. № 12 120.

тьи, — наших архипастырей коробила и оскорбляла непривычная для их слуха решительность и резкость суждений недавно призванного к участию в Синоде епископа; но ведь они не могли сомневаться в том, что он говорил и действовал вполне искренне, руководясь исключительно святою ревностью о благе Церкви, и должны были сознавать, что вообще в своем отрицательном отношении к порядкам, господствующим в нашем высшем церковном управлении, он выражал мысли и чувства многих и многих православных русских людей. Если бы они так взглянули на своего собрата и сослужителя, то они, вероятно, отнеслись бы к нему спокойнее и нашли бы способ в самом начале потушить возникший раздор» [1].

12 января Синод вынес определение с выражением осуждения и порицания преосвященному Гермогену, что вызвало еще более резкую отповедь со стороны последнего. Владыка Гермоген заявил корреспондентам, что не принимает порицания Синода и сам намерен обжаловать действия Синода перед Всероссийским Собором, а его разоблачения относительно Саблера дошли до раскрытия конфликта по поводу хищений в Оптиной пустыни [2].

Новое выступление епископа Гермогена произвело большую сенсацию. Огромное впечатление, по словам газеты «Свет», произвела беседа ее сотрудника Н. Р. А. с преосвященным Гермогеном Саратовским по поводу его изгнания из Святейшего Синода, напечатанная в «Свете» в субботу 14 января. Беседа эта была перепечатана почти целиком в вечерних газетах и передана по телеграфу в газеты Киева, Харькова и Одессы и помещена почти во всех московских газетах [3].

Фельетонист «Русского слова» иронизировал: «А еще жалуются, что в России свободы нет. Какой же еще свободы, когда епископ публично поносит, на чем свет стоит, высшее учреждение, именуемое и Святейшим и Правительствующим. Обер-прокурора называет палачом, членов Синода — Исавами, продавшими свое первородство за чечевичную похлебку» [4].

---

[1] Московские ведомости. 1912. № 19.
[2] Свет. 1912. № 12.
[3] Свет. 1912. № 24.
[4] Русское слово. 1912. № 12.

Эффект выступления епископа Гермогена усиливается тем, что он был поддержан газетами правого направления: 14 января, одновременно со статьей в «Свете» появилась статья М. О. Меньшикова в «Новом Времени», сочувственная епископу Гермогену; передовая статья «Московских ведомостей» (№ 12); статья Карташева в «Русском слове» под названием «Либерализм епископа Гермогена».

Газетная шумиха вокруг дела епископа Гермогена приняла грандиозные размеры. 15 января в «Речи» и «Петербургском листке» печатается беседа корреспондентов с иеромонахом Илиодором,16-го в «Речи» — беседа с архиепископом Волынским Антонием, 17-го в «Речи» — статья под названием «Раздор в Церкви», того же числа в «Свете» печатается передовая статья, в которой говорится, что «увольнение епископа Гермогена составляет громадное явление в нашей церковной жизни» и «вопрос заключается в том, насколько епископ Гермоген в своей дальнейшей борьбе с Синодом станет на строго принципиальную почву и насколько он преодолеет личное раздражение и чувство личной обиды, безусловно основательное» [1].

Газеты сообщали, что епископ Гермоген «решил твердо и бесповоротно не уезжать из Петербурга до тех пор, пока он не увидится и лично не переговорит с государем. Недовольный той интерпретацией, которую придавали делу левые газеты, М. О. Меньшиков печатает статью в «Новом Времени» (№ 2877): «Поменьше бы шуму».

17 января было утверждено царем постановление Синода об увольнении епископа Гермогена от управления Саратовской епархией с назначением ему пребывания в Жировицком монастыре [2]. Одновременно было утверждено постановление Синода о перемещении иеромонаха Илиодора из Царицына во Флорищеву пустынь Владимирской епархии [3].

Это постановление Синода настолько расстроило епископа Гермогена, что он почувствовал себя сильно нездоровым. Со слов

---

[1] Свет. 1912. № 15.

[2] Новое Время. 1912. № 12878.

[3] *Ларский И.* Илиодор // Современный мир. 1911. № 9. С. 273—288 (о деятельности Илиодора в Царицыне).

о. Илиодора сообщалось, что «владыка, потрясенный последними событиями, чувствует себя сильно нездоровым и потому вряд ли будет что-либо сейчас предпринимать. Но это не значит, что он беспрекословно подчиняется распоряжению Святейшего Синода. Вчера еще тотчас по получении указа об увольнении и о немедленном отъезде в Жировицкий монастырь, он категорически ответил, что не признает за Святейшим Синодом права судить его, ибо он сам обвиняет его в неправильном образе мыслей и введении некоторых новшеств чисто еретического характера, почему никуда и не тронется из Петербурга, пока не будет назначен суд Собора епископов, который разберет его дело с нынешними представителями синодальной власти» [1].

Однако 22 января Владыка все же выехал в Жировицкий монастырь, откуда 28-го послал телеграмму, опубликованную в «Новом Времени».

«...Выехал я, решив это гораздо раньше, единственно ради неизменно любимого нашего Государя, чтобы не оскорбить его царское веление и власть... Что же касается распоряжений относительно меня Святейшего Синода, вплоть до самого последнего, по-прежнему признаю их крайне несправедливыми, незаконными и буду ходатайствовать о пересмотре всего дела в поместном малом Соборе епископов. Естественно и законно, что епископ просит суда над собою, а что ему отказывают в суде и называют его просьбу бунтом против существующего строя Православной Церкви, это вот есть анархия церковная...» [2].

В статье «Прибавлений к Церковным ведомостям», посвященной делу епископа Гермогена, синодальная позиция была выражена весьма прямолинейно:

«В порядке управления, по общему правилу, следовательно, принципиальное неповиновение совершенно немыслимо, и начальнику ничего не остается делать, как лишить непокорного вверенной ему должности и, следовательно, отчислить от занимаемого места. Здесь не может быть выбора: или слушайся или «уходи» [3].

---

[1] Вечернее Время. 1912. № 45.
[2] Новое Время. 1912. № 12888.
[3] Прибавления к Церковным ведомостям. 1912. Ч. I.. № 8. С. 323.

Газетная кампания, острие которой было направлено против Распутина, привела к репрессиям против печати. За резкую статью в «Голосе Москвы» от 24 января, перепечатанную в «Вечернем Времени», обе газеты были конфискованы с привлечением редакторов к судебной ответственности. Вследствие этого в Государственной Думе был сделан запрос о нарушении свободы печати. Поддерживая запрос, лидер октябристов А. И. Гучков говорил не о нарушении закона, а по существу вопроса, затронутого в конфискованной статье об опасности угрожавших «святыне алтаря и святыне трона». «Почему безмолвствуют иерархи, почему бездействует государственная власть? — вопрошал оратор. — Патриотический долг независимой печати, долг совести народных представителей — возвысить свой голос при таких обстоятельствах, дать исход тому общему негодованию, которое накопляется в стране».

Саблер, однако, игнорируя сыпавшиеся на него обвинения, вступился за Распутина. «Распутин физической больной человек, — говорил он сотруднику «Речи». — Мне, однако, думается, что у него есть весьма сильные религиозные настроения, у него есть экстаз, которым всегда отличаются богато одаренные натуры».

Обсуждение дела епископа Гермогена в Государственной Думе

Вопрос о епископе Гермогене обсуждался в Государственной Думе весной 1912 г. в связи с рассмотрением сметы Св. Синода. В критике действий Синода, а тем самым — высшей государственной власти, объединились представители почти всех думских партий. Особенно неожиданно было выступление Пуришкевича.

В своем выступлении 5 мая 1912 г. В. М. Пуришкевич [1] говорил:

«Я глубочайшим образом скорблю о том, что произошло в Церкви, и нахожу, что дело епископа Гермогена скрывать нечего. Господа, то, что вас всем известно, дело епископа Гермогена есть тот комар, который сейчас висит над всей великой Российской

[1] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. III. С. 65—77.

Империей, который мучает в одинаковой степени души и сильных и слабых верующих русских людей. Я не хочу оправдывать или обвинять епископа Гермогена, ибо я полагаю, что правдивый суд истории, русской церковной истории найдет со временем виновника, когда улягутся те страсти, которые парализуют возможность хладнокровного, вдумчивого отношения к этому вопросу».

Далее Пуришкевич от себя лично, оговорив, что не выступает от имени правой фракции, подверг резкой критике честолюбивые притязания отдельных государственных деятелей, подрывающих авторитет высших государственных учреждений: начиная с гр. Витте, который все успехи государственной политики приписывал себе, а вину за неудачи фактически сваливал на Царя; затем Столыпин, своими действиями в вопросе о западном земстве поддерживавший авторитет Государственного Совета; наконец, Саблер, который своим самовластием сводит на нет роль Св. Синода.

«Неужели он (обер-прокурор) полагает, — продолжал Пуришкевич, что указывая на то, что епископу Гермогену приходится прибегать только к тибетской медицине и ни к чему другому, неужели полагает он, что это может возбудить особенное чувство негодования против епископа Гермогена и послужить к вящему увеличению славы обер-прокурора Святейшего Синода? Величайшее заблуждение и ближайшая история покажет вам, как жестоко вы ошибались. Мы переживаем смутное время, мы не имеем права скрывать от себя это; мы переживаем тяжелые дни, дни, которые мы переживали 300 лет тому назад... Я глубоко убежден и скажу вам, что ни один революционер смутных годов не сделал столько для России, как последние события Православной Церкви; никакая смута 1905 г., никакие посягательства на устои народные не привели к тем результатам внутреннего шатания, тем враждебным отношениям отдельных классов общества, к каким привели последние события Православной Церкви. И если бы спросить в данный момент, кому бы желали левые поставить памятник в Российской Империи, благодаря за то, что он сделал для разрушения Церкви, все левые ответили бы: В.К.Саблеру».

Идеализируя церковную политику Победоносцева и противопоставляя ее непоследовательной и беспринципной политике Саблера, Пуришкевич высказал представление правых о роли религии в народной жизни.

«Православная религия, как и всякая религия, — есть консерватизм: чем устойчивее будет народ в исконных верованиях, чем тверже будет народ в исконных преданиях, в своих заветах, тем сильнее та держава, которую народ держит в этих старинных преданиях, в этих старинных заветах... Поколебите эту веру, внесите струю духовного разложения и вы увидите, что вместо народа будет чернь. Неужели вы стремитесь создать из современной России, из современного народа чернь? А он обратится в это, если народ увидит, что те государственные учреждения, те государственные установления, которые были созданы волею Самодержца Российского, колеблются представителями власти из-за честолюбия или из-за каких-либо других побуждений».

Епископ Митрофан [1] возражал Пуришкевичу:

«...Преосвященный Гермоген, при всем глубоком уважении к его личности, был удален за прямое, явное непослушание Святейшему Синоду, слушаться которого он дал клятвенное архиерейское обещание... Бывают моменты, когда власть должна быть сильна, и такой тяжелый момент наступил для Святейшего Синода, когда епископ Гермоген не подчинился его постановлению, а прибег к защите различных газетчиков; это был прямой соблазн для верующих и его нужно было пресечь мерами особо: может быть суровыми. С этой стороны, дело епископа Гермогена вполне ясно, и не нам, Государственной Думе, касаться формально-правильного постановления, которое сделал Святейший Синод.

Епископ Митрофан пытался доказать, что нет никакой связи между делом епископа Гермогена и вопросом о Распутине. Осудив безнравственное поведение Распутина, епископ Митрофан сказал, что Гермоген обвинил Распутина в принадлежности к секте хлыстов, не представив, однако, никаких доказательств. Кроме того, это обвинение было публично высказано уже после того, как состоялось постановление Св. Синода о епископе Гермогене.

Считая епископа Гермогена основным виновником поднявшейся смуты, епископ Митрофан продолжал:

---

[1] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. III. С. 161—178.

«...Из области защиты церковных вопросов он ниспал в область частных недоразумений, частных счетов с личностью, далеко не безупречной. Вот тут началась газетная оргия, которая все окончательно спутала и смешала. Подозрениям и инсинуациям не было конца и меры, а преосвященный окружил себя газетными репортерами, он упивался их речами и инсинуациями. В поднявшемся шуме не различал ничего, и сколько тяжелого и горького пришлось перенести всем, пережить всем верующим сынам Православной Церкви. Знал ли преосвященный Гермоген, предвидел ли он все это, когда становился на скользкий путь газетной защиты себя? Знал ли он, какой удар Церкви он наносит, какой соблазн возбуждает, когда становится на этот путь? А если знал, то он не должен был этого делать, он должен был молчаливо уйти, с достоинством уйти и предоставить времени исправить то его положение, в которое он не без вины ведь своей попал». (Здесь епископ Митрофан имеет в виду первоначальное покровительство епископа Гермогена Распутину.)

Отец Станиславский [1] резко высказался против вмешательства Государственной Думы в дело церковного управления: «Пора бы, господа, бросить свой взгляд на правящую Церковь и на православных, как на младенцев, которых можно утешать и убаюкивать блеском мишуры фальшивых благ...

Все речи оппозиции о благах Церкви ни более, ни менее, как Иудино лобзание, как искусительные слова райского змия, обещающего благо, но под этим благом великое зло».

Отец Станиславский еще более энергично, чем епископ Митрофан, выступил в защиту обер-прокурора в деле епископа Гермогена:

«Указывали, что в этом деле якобы за Синодом и обер-прокурором находится известный хлыст и еретик Григорий Распутин. Но, господа, серьезные люди должны с думской трибуны вещать лишь такие положения, которые могут обосновать фактами; если же фактов нет, и вы их нам не указали, то, следовательно, мы вправе считать все эти разговоры только лишь интригами, ничего не стоящими, ни на чем необоснованными... Порицание деятель-

[1] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. III. С. 178—183.

ности как Святейшего Синода, так и обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера считаю совершенно безосновательным и несправедливым по существу. Мы здесь имеем дело с походом против Церкви, с походом против представителей Церкви и обер-прокурора Святейшего Синода; хотят их очернить пред глазами народа, стараясь провести опозорение Церкви под личиной друзей Церкви».

Отец Титов [1], однако, иначе оценил положение дел с церковным управлением. Указав, что назначение епископов и дальнейшая судьба их зависят фактически от росчерка пера обер-прокурора, отец Титов сказал:

«В руках обер-прокурора сосредоточилась огромная власть, которую, конечно, можно употреблять иной раз во вред, иной раз в пользу. И пусть попробует кто-либо не подчиниться этой власти. Преосвященный Митрофан указывал на то, каковы последствия этого неподчинения, куда ведет смелость некоторых возражать. Она ведет в Жировицкий монастырь. Мы знаем в прошлом немало таких случаев, когда возражавших епископов просто ссылали на места их службы... И не удивительно после этого, если Преосвященный Гермоген, как говорил один корреспондент, не решался возражать обер-прокурору Святейшего Синода во время самого заседания. А ведь это был Гермоген. И посмотрите, как с ним поступлено, когда он осмелился. Ему, епископу Православной Церкви, запретили служить в том подворье, в котором он жил. Когда это невозможно было выполнить, тогда закрыли церковь и отправили священников, наконец, почти в 24 часа увезли в Жировицкий монастырь...»

Саблер в своем кратком выступлении от какого-либо обсуждения вопроса о епископе Гермогене воздержался.

Так закончился один из самых ярких эпизодов предвоенной русской истории, вскрывшей и углубившей непонимание и разрыв между государственной и церковной властью и почти всеми слоями населения и общественной России.

---

[1] III Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 5. Ч. III. С. 183—187.

ГЛАВА VII

ДЕЛО «ИМЯБОЖНИКОВ»

Исторический очерк

Еще не утихла история с епископом Гермогеном, когда внимание русской общественности было привлечено вопросом, весьма далеким по существу от интересов светского общества.

Среди русских монахов на Афоне, продолжавших традиции «исихазма», возникло учение, утверждавшее, что Бог присутствует в Своем Имени Иисус, подобно тому, как, по учению Григория Паламы, Он присутствует в Своих энергиях, имеющих нетварную, божественную природу. Приверженцы этого учения получили название «имябожников» или «имяславцев». Учение это было развито в книгах духовных вождей движения — схимонаха Илариона «На горах Кавказа» и иеромонаха Антония Булатовича «Апология веры в Имя Божие и Его Имя Иисус...».

Афон принадлежал раньше туркам, которые только что вывели оттуда свой гарнизон, чтобы передать Афон Константинопольскому Патриарху. Монахи на Афоне были русские и греки. Учение «имябожников» разделяла часть русских монахов, с которыми остальные вели споры, первоначально не нарушавшие нормального хода монастырской жизни.

Однако в 1912 г. с появлением на Афоне нескольких монахов с Волыни, направленных туда архиепископом Антонием, распря стала принимать шумный характер, особенно после того, как архиепископ Антоний поместил в журнале «Русский инок» несколько чрезвычайно резких статей, в которых обвинял «имябожников» даже в духовном хлыстовстве.

Не ограничиваясь печатной политикой, архиепископ Антоний настоял в Синоде, чтобы для увещевания имябожников на Афон был послан архиепископ Никон в сопровождении магистра богословия Троицкого. По прибытии на Афон архиепископ Никон действовал настолько грубо и насильственно, что довел дело до от-

крытого столкновения, в котором 25 человек было ранено. Был вызван воинский отряд, который силой погрузил на суда сначала 621, а затем дополнительно еще 212 имябожников для доставки в Одессу, откуда они были распределены по разным монастырям [1].

По возвращении архиепископа Никона с Афона стали открываться неблаговидные подробности о его экспедиции. Желая несколько смягчить тяжелое впечатление от проникающих в печать сведений, духовное ведомство стало уверять, что архиепископ Никон действовал по поручению Константинопольского Патриарха, в ведение которого был передан турками Афон. Однако еще в середине июля от Патриарха пришло в Россию уведомление, что подобных поручений он архиепископу Никону не давал и все его обращение к Русскому Синоду сводилось лишь к просьбе командировать на Афон русского епископа для увещания «имябожников» из русских монахов, языком которых Патриарх не владел [2].

Одновременно выяснилась другая подробность. В докладе Синоду, по возвращении с Афона, вызов для усмирения военной команды архиепископ Никон объяснял угрозами «имябожников» сжечь монастырь, о чем будто бы архиепископ узнал из подброшенного ими анонимного письма. Когда архиепископ Никон заговорил об этом еще на Афоне, имябожники уверяли, что письмо исходит от их противников, и просили дать его на просмотр, чтобы по почерку определить, кто именно его написал. Позднее выяснилось, что автором письма был действительно противник имябожников архимандрит Мисаил.

Дело осложнялось еще тем, что русский военный отряд действовал на чужой территории. Посланный для обследования на месте чиновник Министерства иностранных дел князь Урусов нашел, что события были в известной мере спровоцированы греками с целью подорвать русский престиж на православном Востоке, что, вопреки донесениям Никона, оказанный ему прием Константинопольским Патриархом, «далеко не отвечал достоинству России» и т. д. [3]

---

[1] Дым отечества. 08.08.1913; 15.08; 19.09.

[2] Вечернее Время. 22.07.1913.

[3] Дым отечества. 19.09.1913. См. напр.: *Косвинцев Е. Н.* Черный бунт // Исторический вестник. 1915. Январь. Полемика с этой статьей: *Климент, инок.* «Имябожнический» бунт // Исторический вестник. 1916. Март. С. 752—785.

Осенью 1913 г. в обществе усиленно обсуждались события, происшедшие на Афоне. Схимонах Антоний Булатович до пострижения был офицером лейб-гвардии и имел светские связи. После экспедиции архиепископа Никона Булатович поместил в «Дыме отечества» несколько статей с опровержением возведенных на афонских монахов обвинений и составил обстоятельный ответ по содержанию учения на постановление Синода по делу «имябожников». Булатович доказывал, что обвинения Синода построены на неудачных выражениях небольшой кучки лиц на Афоне, «слишком примитивно воспринявших учение об Имени Иисусовом».

Благодаря связям Булатовича, его объяснения дошли до «высших сфер», которые и раньше знали об «имябожниках» по книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа», переизданной в Москве Марфо-Мариинской общиной диаконисс, где настоятельницей была сестра царицы Александры великая княгиня Елизавета Федоровна. Объяснения Булатовича представлялись убедительными и вызвали недовольство против виновников всей этой истории — архиепископов Антония и Никона [1]. Внесенные Собором в список членов Синода на зимнюю сессию, они не были утверждены. Если архиепископ Никон по своему положению постоянного члена Синода все же остался там, то Антоний был вынужден выехать в Житомир в свою епархию.

13 февраля 1914 г. в Царское Село выехала депутация афонских монахов-изгнанников в составе: 1 иеромонаха, 2 схимонахов и 1 монаха. После часового пребывания в Царском Селе депутация вернулась в Петербург [2]. Неделю спустя, за подписью 31 депутата был внесен в Государственную Думу запрос относительно незаконных действий одесских властей с привезенными с Афона 616 «имяславцами», от которых обманным образом собирали подписи, что они выехали с Афона добровольно, взыскали за просрочку заграничных паспортов по 30 рублей в год, отобрали все имущество и продержали в тюрьме от 2-х до 50 суток [3].

При таких обстоятельствах Саблеру пришлось принять меры, чтобы замять все дело келейным образом. Из 614 афонских мона-

---

[1] Церковно-общественный вестник. 24.10.1913.

[2] Дым отечества. 20.02.1913.

[3] Там же.

хов, насильственно вывезенных в Россию, было отобрано 25 человек для предания их духовному суду Московской синодальной конторы. Для предстоящего судопроизводства Синодом была составлена специальная инструкция, которую «Дым отечества» назвал «приказом не о том, как судить, а приказом о том, как судить».

По прибытии в Москву «имяславцы», согласно инструкции, сразу попадают в монастырь, где и находятся до окончания суда. Суд совершается при закрытых дверях. На обвинения «имяславцы» отвечают словесно, но от своих заблуждений отказываются в письменной форме. При упорном несознании своей вины их увещевают члены Синодальной конторы. Отрекшиеся от заблуждения подвергаются 3-летнему искусу в дальнем монастыре, в Соловках, в Иркутском и т. д.

«Где и когда писались распоряжения церковных правительств подобным языком? — спрашивал «Дым отечества», — кажется, это было последний раз в Испании XV и XVI столетий, когда в защиту веры католической от ересей и колдовства были созданы особые суды, в коих обязанности следователя, обвинителя и судьи совмещались в едином лице, о лишении обвиняемого свободы и общения с внешним миром почиталось основой правосудия» [1].

После такого рода предупреждений 19 из 25 «имябожников», которых вызвали в Москву, категорически отказались явиться на суд и объявили официально о своем отпадении от Русской Церкви, а церемония о воссоединении с Православием остальных свидетельствовала о том, что Синоду пришлось сдать все свои позиции. «Имяславцы» неожиданно нашли себе поддержку у Распутина, который, по свидетельству С. П. Белецкого, впоследствии все время отстаивал их и их учение.

Согласно письму, опубликованному в «Дыме отечества» 8 мая 1914 г., дело происходило так: «24 апреля с. г. в 11 ч. 30 м. дня явившиеся на суд Синодальной конторы афонцы были приглашены в церковь 12-ти апостолов, где высокопреосвященный Макарий отслужил молебен. После молебна они отправились в Синодальную контору, где состоялось заседание суда из архиереев г. Москвы. Афонцев стали спрашивать, как они веруют. На это последние

[1] Дым отечества. 20.04.1914.

ответили, что веруют, как приняли от Св. Креста, как повелевают веровать 7 Соборов Апостольской Кафолической Церкви, ничего не прибавлять и не убавлять. Тогда их спросили: «Вы признаете Патриарха и Св. Синод?» Они ответили, что признают, но их нового учения о Имени Божием не принимают. На вопрос: почему? Монахи ответили: «потому что от Синода был прислан к нам архиепископ Никон и привез с собой хулу на Господа Иисуса Христа». На этом митрополит сказал: «Один Никон не Синод. Если Никон ошибся, Синод в этом не виноват». Афонцы в свою очередь ответили, будто и они не виноваты в том, что Синод прислал такого проповедника, который угнал с Афона до 100 человек твердых в вере православных иноков. После этого митрополит с епископами осенили себя крестным знамением и возблагодарили Господа, что нашли афонских изгнанников истинно верующими, а не отступниками, как клеветали на них имяборцы, почему им не в чем было раскаиваться и давать подписку, и предложили лишь целовать Крест и Евангелие. После этого иноков отпустили в Свято-Знаменский монастырь» [1].

В официальной церковной печати было торжественно сообщено «о воссоединении 6 имябожников» с указанием, что акт воссоединения был подписан всеми присутствующими епископами. Инцидент таким образом официально выглядел ликвидированным. «А где же, — задавал вопрос «Дым отечества», — находились остальные 610, силою водворенных в Россию имяславцев и еще 700—800 добровольно покинувших Св. Гору?..» [2]

Вопрос об «имябожничестве» в Государственной Думе

Вопрос об «имяславцах», вспыхнул в Государственной Думе при обсуждении сметы Св. Синода весной 1914 г. Е. П. Ковалевский [3] в своем выступлении сказал о «возрождении на Руси — уже давно небывалого явления в истории Православия — догматических споров и вытекающих оттуда ересей, а это уже нас возвраща-

[1] Дым отечества. 01.05.1914.

[2] Там же.

[3] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 1255.

ет прямо к первым векам христианства, потому что самый объект разногласия близок к миропониманию той эпохи и вызывает тени великих ересиархов-философов и гностиков. С современным образом мыслей все эти идеи как-то плохо вяжутся. Справедливость требует сказать, что происхождение этих ересей не чисто местное, для их насаждения пришлось прибегнуть к экстренным мерам насильственного водворения по всему лицу нашей родины ересеархов из греческой земли, пришлось вмешаться во внутренние споры монастыря, неподведомственного Русской Церкви, опустошить его, лишив двух третей населения, и добиться от Вселенского Патриарха заявления, что обратно вывезенных из Афона уже не примут и тем обеспечат обязательное пребывание их в пределах России; наконец, чтобы учение, не согласное с постановлением Святейшего Синода, встретило возможно большее сочувствие среди православных, последователей его подвергли всевозможным притеснениям, угнетениям через посредство гражданской власти. И вот в XX веке уже более года серьезнейшим образом люди, далекие от богословских интересов, ведут споры о правоте или заблуждении имяславия, иначе именуемого имябожия, причем усложнившийся и запутавшийся в юридических и гражданских нарушениях прав личности вопрос о неправильности рассуждения и почитания Имени Божия разросся и получил интерес для самых широких слоев населения.

Депутат ***Евсеев*** [1] по поводу инцидента с имяславчеством сказал:

«С точки зрения официального богословия афонские монахи, исповедующие святость Имени Божия, — еретики. С точки зрения канонической это не установлено, потому что соборного суда, какой только и может разрешить этот религиозный спор, не было. Казалось бы, Святейший Синод, обязанный руководствоваться во всех своих делах заветами любви и мира, отнесется к этому движению должным образом и найдет пути для примирения сомневающихся с Церковью. Ведь дело борьбы с сектантством имеет свою длинную историю в прошлом и очень неутешительную практику в настоящем. Но, по-видимому, еще не перевелись в нашем

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 1279—1284.

правительстве люди, которых ни история, ни жизнь ничему не учат? А говорят, что если Господь захочет кого покарать, то отнимет у него разум. Посланный на Афон для увещания архиепископ Никон принес туда не мир и благоволение, как подобало бы служителю алтаря Господня, а принес меч, раздор и разложение. К беззащитным монахам он применил воинскую силу, употребил насилие и в качестве военнопленных вывез из Афона в Россию около 700 монахов для суда над ними. С чем это сообразно? Какими канонами или заветами Писания руководствовался в своих карательных действиях архиепископ Никон? Я несведующий в канонах человек, я простой верующий человек и знаю только Евангелие и Апостольские Послания, но я думаю, что нет такого канона, который оправдывал бы такие насильственные деяния в религиозном споре. А ведь Святейший Синод поведение архиепископа Никона одобрил. Чем кончится в конце концов эта печальная страница русской церковной истории, мы не знаем. «Нам не дано разуметь ни времена, ни лета», — говорит обер-прокурор в таких случаях. Но я желал бы, чтобы эта страница закрылась поскорее благополучно для Церкви к ее вящей славе и укреплению».

Обер-прокурор ***В. К. Саблер*** [1] изложил дело следующим образом:

«Года два тому назад там (на Афоне) раздалось несколько для православных неведомое учение о том, что Имя Божие есть Бог. Константинопольский Патриарх, усматривая, что он не может достаточно хорошо убедить русских иноков в неправильности этого воззрения, просил через посредство органов Министерства иностранных дел, чтобы на Афон был послан русский епископ. Этот епископ, именно архиепископ Никон, проезжая через Константинополь, из уст Вселенского Патриарха услышал одно очень простое слово: Святейший Патриарх ему сказал, что, во-первых, он очень рад, что Святейший Синод прислал своего представителя, и что он просит этого представителя иметь в виду лишь одно очень краткое положение, что Вселенская Церковь не может допустить существования и проживания на Святой Горе людей, которые содержат учение, проповедуемое этими иноками, неведомое другим.

---

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 1287—1290.

Он назвал это учение еретическим и сказал: на Святой Горе в уделе Богоматери нет места еретикам, имейте это в виду. Дело это сложилось очень прискорбно, так что около 615—617 человек не захотели внять этому голосу Патриарха, они захотели остаться при исповедании этого учения и таким образом оставили при не очень благоприятных обстоятельствах гору Афон. Не обременяя вашего внимания подробностями, могу сказать только одно, что мы надеемся, что это дело теперь вступило на тот благоразумный и желательный путь, который и приведет к умиротворению. То, что произошло на днях в Москве, как нельзя более свидетельствует о том, как относятся Святейший Синод и Московский митрополит Макарий к тем инокам, которые как простые простецы в настоящее время усмотрели, что это учение действительно может нарушить мирное течение жизни церковной».

Милюков [1] в своей речи, проявив непонимание богословских трудностей проблемы, сослался, однако, на авторитетных профессоров, указавших на связь имяславчества с паламистским учением о Божественных Энергиях, а также на то, что их учению сочувствуют некоторые видные епископы-аскеты, монашествующие старцы и благочестивые миряне.

«Пять соборов признали, что имябожеское учение не есть ересь, — сказал Милюков, имея в виду Соборы, одобрившие учение Григория Паламы, — а есть настоящее православное учение. А у нас как решили этот вопрос? Пожарной кишкой — вот как решили. Да, в буквальном смысле, пожарной кишкой, потому это изгнание иноков за их предполагаемую ересь из монастырских помещений было достигнуто посредством обливания водой из водопроводных труб в течение часа, причем вода сшибала с ног человека, затем принесли пожарные крючки и стали вытягивать монахов, мокрых провожали вниз по лестнице и сажали на пароход».

Милюков подошел к вопросу главным образом с позиций национально-государственных интересов России.

«И вот, слишком 600 человек убрали оттуда, в то время, когда каждый русский человек, проживающий на Святой Горе, важен

---

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 1290—1297.

для русских интересов. Ведь русская политика выдвинула требование о признании русского элемента на Афоне, о признании экстерриториальности Святой Горы! Но русский человек нужен России, а не Святейшему Патриарху, который является Патриархом греческим и прежде всего желает эвакуировать русских монахов».

С резкими выпадами против имяславцев выступил епископ *Анатолий* [1], который охарактеризовал Антония Булатовича как «типа интеллигента, выбитого из колеи, потерявшего карьеру и мечущегося из стороны в сторону». Епископ Анатолий указывал на принятие Булатовичем будто бы из корыстных целей монашества, на его поездки в Абиссинию для закупки воска и попытку выпросить денег на открытие в Абиссинии монастыря. После неудачи этих, по выражению епископа Анатолия, «авантюр», Булатович стал якобы «сеять на Афоне смуту», с целью получить доступ к монастырской кассе и бежал, наконец, со Святой Горы, прихватив «кто знает сколько десятков тысяч» из монастырской кассы.

Этот выпад не прошел даром епископу Анатолию. 1 мая 1914 г. в «Дыме отечества» появилось «открытое письмо мужа сестры Булатовича, грузинского князя Алексея Орбелиани, к епископу Анатолию по поводу «вопиющей несправедливости» сказанного им о Булатовиче. Орбелиани категорически утверждал, что Булатович никогда не помышлял о личном обогащении. Мать его, обладая средствами с избытком достаточными, чтобы обеспечить скромные аскетические потребности сына, не только никогда не отказывала последнему в деньгах, но «скорбела, что он не хочет ими пользоваться». Поездка в Абиссинию из монастыря обошлась Булатовичу в 1000 рублей, данных ему матерью. С Афона Булатович не убежал, а уехал, получив от русского консула паспорт. Распространяемая на Афоне клевета об увезенных Булатовичем монастырских суммах была опровергнута в Одессе, куда он выехал со Святой Горы, имея с собой средства лишь для оплаты дороги. Письмо заканчивалось пожеланием, чтобы епископ Анатолий, проверив справедливость этих данных, публично заявил в печати о

[1] IV Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. III. С. 1265—1272.

том, что он «впал в тяжелую, едва ли поправимую ошибку, опорочив имя безукоризненного в деле чести человека» [1].

Обсуждение в Государственной Думе вопросов о реформе прихода, материальном обеспечении духовенства, скандальные истории с епископом Гермогеном и «имябожниками» — еще больше углубило пропасть между официальной Церковью (т. е. частью иерархии, ориентировавшейся на сохранение церковно-государственной симфонии) и либеральной общественностью, приобретавшей все бóльший авторитет. Царский двор по-прежнему тормозил церковные преобразования и своим грубым вмешательством (особенно в эпоху Распутина) в церковные дела все более подрывал доверие народа к Церкви и духовенству. Изменения, направленные на улучшение положения Церкви и духовенства, на усиление влияния Церкви в социально-общественной жизни, так и не были проведены в жизнь ввиду глубокого расхождения в этом вопросе целей и устремлений двора, либеральной общественности, народа и самого духовенства.

Церковно-государственная симфония пришла к полному внутреннему краху, и февральская революция лишь сделала явным этот распад многовекового союза Церкви и государства.

[1] Дым отечества. 01.05.1914.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Духовное размежевание трех основных сил русской государственности: Церкви, самодержавия и общественности, осуществившееся в период Государственной Думы, привело к распаду монархического строя в февральской революции. Потеряв мощную поддержку монархии, а с другой стороны, освободившись от смешения начал собственно церковных с государственными, Русская Православная Церковь вступила в новый, чрезвычайно сложный этап своего становления.

Разрушение симфонии делало Церковь беззащитной перед любым внешним насилием, но освобождало при этом ее внутренние, духовные силы.

В то же время уход самодержавия с исторической арены не только не устранил конфликт Церкви с политической общественностью, развернувшийся в стенах Думы, но дал возможность беспрепятственно развиваться этому конфликту. Становилось все более ясным, что секуляризированная общественность восстает не только против монархических, но и против собственно церковных начал, Церковь же оказалась внутренне чуждой преобразованиям, начавшимся в русской жизни после февральской революции. Одновременно все более обострялась борьба за духовное влияние на народную массу между Церковью и политическими партиями, в особенности социалистическими, имевшими наиболее широкую поддержку.

Сравнительно легкий отказ Церкви от монархии был, конечно, в значительной мере обусловлен накопившимися в предреволюционный период разочарованиями и обидами по отношению к царю, не сумевшему предотвратить моральное разложение «высших сфер» и господство распутинщины в церковных и государственных делах, так и не доверившего Церкви восстановление ее независимости и соборности и постоянно приносившего церковные интересы в жертву политическим требованиям.

Не случайно предложение обер-прокурора Раева 26 февраля 1917 г. обратиться с воззванием к народу с призывом к поддержке монархии не встретило никакой поддержки в Св. Синоде. Такое

беспрепятственное освобождение Церкви от царского режима показало, что двухсотлетняя скованность Церкви через посредство введенной Петром синодальной системы было для нее глубоко чуждой и насильственно навязанной формой церковного правления. Идеализация монархического начала, безусловно сохранившаяся в церковном сознании, подкреплялась не столько воспоминаниями о синодальном периоде, сколько историческими прецедентами Киевского и Московского Царств и в особенности той ролью, которую сыграла Церковь в восстановлении русской государственности после «смутного времени».

Социально-политическое брожение в России предреволюционного и послереволюционного периода побуждало многих церковных деятелей к мысли, что Церковь снова должна послужить делу восстановления русского государства и объединению народных сил. Грядущее Учредительное Собрание стало представляться чем-то вроде Земского Собора 1616 г. Однако эпоха была другая. Если тогда Церковь была в расцвете духовных сил и ее влияние на народную душу было беспредельно, что позволило ей без труда подавить «светскую» оппозицию в лице ослабленного боярства, то теперь Церковь была не в состоянии что-либо противопоставить напору секулярной цивилизации, вторгавшейся в русскую народную жизнь.

Главной задачей, на которой Церковь сосредоточила все свои силы после февральского переворота, был созыв Собора и восстановление канонических норм церковной жизни.

Власть в русском государстве принадлежала теперь тем политическим силам, с которыми Церковь вела борьбу в Государственной Думе. Ясно, что все те антиклерикальные преобразования, которые не удалось провести Думе, должны были немедленно быть осуществленными новым правительством.

Одним из первых постановлений Временного правительства было провозглашение полной свободы совести и отмена какой-либо дискриминации по принципу вероисповедания. Закон 14 июля 1917 г. о свободе совести вводил гражданский брак и допустил официальную регистрацию даже таких лиц, которые не исповедывали никакой религии. Освобожденные от государственного давления, начали стремительно усиливаться сектантство и атеизм.

Хотя Синод призвал благословение Божие на Временное правительство в надежде, что открывается новая эпоха государственного и общественного строительства, однако Временное правительство отнюдь не хотело выпускать из рук традиционные формы вмешательства в церковную жизнь. Обер-прокурор В. Н. Львов оказался еще более властным и нетерпимым, чем царские обер-прокуроры, и вызывал сильное раздражение у церковных иерархов. Правда, цель теперь была — «либерализация» Церкви, но проводить ее пытались методами государственного администрирования.

Наиболее острым было столкновение между Временным правительством и Церковью по вопросу о церковно-приходских школах. Постановлением от 20 июня 1917 г. эти школы передавались в ведомство Министерства народного просвещения. Вопрос, столь горячо дебатировавшийся в Государственной Думе, был решен одним ударом и без всяких дебатов.

Давно ожидаемый Поместный Собор Православной Российской Церкви, за который в Государственной Думе ратовала политическая общественность в надежде использовать его для либеральных преобразований, энергично выступил против этих мероприятий Временного правительства.

Восстановлением Патриаршества была прежде всего пресечена попытка государственного вмешательства в дела церковного управления, и Церковь, консолидируясь вокруг Патриарха и Собора, все более осознавала свою самобытность как самостоятельного организма со своими внутренними принципами и структурой, не допускавшими вмешательства чуждых начал.

Одним из первых постановлений Поместного Собора было требование к Временному правительству об изменении законопроекта о церковно-приходских школах, предусматривающего «очевидное стремление к уничтожению самого типа церковно-приходских школ» (постановление Собора от 23 октября 1917 г.). Собор пытался отстоять право Церкви по крайней мере на те школы, которые построены на средства церковных благотворителей и могли содержаться Церковью и прихожанами без дополнительных государственных субсидий.

Собор призвал собственников школьных зданий: монастыри, братства, попечительства — не передавать помещения и имущест-

во церковно-приходских школ Министерству народного просвещения, но лишь уступать их во временное пользование на основании арендных договоров «на срок не более одного года, и притом лишь при крайней необходимости» [1].

Постановление Собора подчеркнуто называет решение Временного правительства не законом, а «законопроектом», показывая этим, что закон такого рода может принять только законодательный орган, созданный Учредительным Собранием.

Собор направил специальную делегацию к Керенскому для изложения своих претензий по поводу церковно-приходских школ.

Одновременно Собор разработал важные постановления о церковном приходе [2], превращавшие его в самостоятельную и полнокровную ячейку церковной жизни с активным участием в церковно-общественной жизни всех членов Церкви — от мирянина до епископа.

Свой взгляд на положение Церкви в государстве Собор высказал в постановлении от 2 декабря 1917 г. [3]: «О правовом положении Православной Российской Церкви». Этот документ показывает, что основные принципы церковно-государственной симфонии, хотя и не обязательны в сочетании с идеей монархии, прочно укоренились в церковном сознании.

В постановлении говорилось о первенствующем правовом положении Православной Церкви среди других исповеданий — в противоречии с принципом свободы совести, как он был провозглашен Временным правительством; о юридически законодательном характере постановлений и узаконений церковной власти относительно церковного устройства; о согласовании государством с Церковью всех законов, затрагивающих интересы Церкви; о том, что глава государства, министры исповеданий и народного просвещения и их товарищи должны быть православными; о признании государственным законодательством норм церковного права для вступления в брак лиц, исповедующих Православие; о распространении всех прав школьных учреждений на церковные обще-

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви. Сборник определений и постановлений. Вып. 2. С. 14—20.

[2] Там же. Вып. 3. С. 1—41.

[3] Там же. Вып. 2. С. 6—8.

образовательные школы; о неприкосновенности церковного имущества; о правах юридического лица для церковных учреждений; наконец, о государственной субсидии Церкви в пределах ее потребностей.

Конечно, эта программа была далека от реальных условий русской политической жизни того времени.

Хотя Временное правительство в лице Керенского и министров внутренних дел и исповеданий выразило при торжественном открытии Собора свои пожелания об осуществлении независимости Церкви от государства, однако никаких стремлений к восстановлению элементов симфонии Временное правительство не проявило.

Церкви предстояло пройти через многие испытания, чтобы окончательно избавиться от попыток утверждения своего положения в обществе с помощью государственной власти...

ПРИЛОЖЕНИЕ

I Государственная Дума (38 заседаний)
27 апреля — 4 июля 1906 г. (ст. ст.)

Вероисповедный состав I Думы

		%
Православных	339	75,6
Старообрядцев	4	0,8
Католиков	63	14,0
Лютеран	14	3,1
Баптистов	1	
Иудеев	11	
Магометан	14	
Буддистов	1	
Свободных убеждений	1	

Сословный состав I Государственной Думы
(по происхождению)

		%
Дворян (в т. ч. 10 князей, 4 графа и 2 барона)	164	36,7
Почетных граждан, духовного звания	14	3,3
(из них православных священников)	6	
Купеческого	11	
Казаков	12	
Мещан	20	
Крестьян	204	45,5
Без указания сословия	14	

II Государственная Дума (53 заседания)
20 февраля — 2 июня 1907 г. (ст. ст.)

Комиссия для рассмотрения законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести (избрана 29.03.1907 г.)

Ш. Г. Абрамсон
Т. В. Алексеев
И. А. Блыскош
С. Н. Булгаков
о. С. А. Веселовский
о. Д. И. Герштанский
И. В. Гессен
кн. П. Д. Долгоруков
В. Е. Ершов
М. А. Искрицкий
А. Л. Караваев
Б. Б. Каратаев
И. И. Кириенко
И. И. Космодамианский
П. Г. Кудрявцев
П. С. Леонас
С. Н. Максудов
Н. И. Оводов
К. Э. Партс
А. И. Парчевский
О. Я. Пергамент
А. М. Повилюс
Н. А. Поташев
свящ Л. К. Родзевич
Н. Л. Скалозубов
М. А. Стахович
О. М. Сытин
Н. В. Тесленко
С. Ф. Тигранян
свящ. Ф. В. Тихвинский
Ш. М. Тукаев

Ф. Ф. Центнер
Я. Н. Шапиро

Председатель Н. В. Тесленко
Секретарь П. С. Леонас

Комиссия по церковному законодательству
(II Государственная Дума, избрана 22 мая 1907 г.)

о. А. В. Архипов
о. А. В. Бриллиантов
С. Н. Булгаков — председатель
о. Ф. И. Владимирский
о. М. И. Гашкевич
о. А. И. Гриневич
епископ Евлогий
Д. А. Кочнев
В. Д. Кузьмин-Караваев
о. Г. С. Петров
А. А. Стахович
А. З. Танцов
о. Ф. В. Тихвинский
Н. Н. Тучков
М. М. Фомичев
В. А. Харламов — секретарь

Духовенство в III Государственной Думе
Распределение по фракциям к 5-й сессии

Правые:
о. С. Н. Богданович
о. А. С. Вераксин
о. Е. Я. Ганжулевич
о. К. Н. Добросмыслов
о. Д. Ф. Кириллович
о. Г. Т. Маньковский
о. Д. Ф. Машкевич

епископ Митрофан
о. В. И. Подольский
о. А. А. Попов
о. В. Ф. Рождественский
о. А. М. Станиславский
о. А. Д. Юрашкевич
о. Н. Е. Якубов

Националисты:
о. И. М. Атаназевич
о. Н. С. Балалаев
о. М. В. Блажевич
о. Е. Н. Белозеров
о. К. К. Волков 1-й
о. Н. И. Гумилин
епископ Евлогий
о. В. М. Кузьминский
о. А. С. Соколов 1-й
о. С. И. Соловьевич
о. В. А. Якубович

Независимые националисты:
о. Н. Е. Гепецкий

Правые октябристы:
о. Н. А. Комарецкий
о. Н. Ф. Лебедев 1-й
о. А. М. Спасский
о. А. Л. Трегубов

Октябристы:
о. М. Н. Дмитриев
о. В. П. Куприянов
о. И. П. Пурпуров

Прогрессисты:
о. П. И. Исполлатов
о. А. А. Попов 2-й

о. М. И. Сендерко
о. И. В. Титов

Беспартийные:
о. И. И. Соколов 3-й
о. В. Д. Солуха

III Государственная Дума
(1 ноября 1907 г. — 9 июня 1912 г., 621 заседание)

III Государственная Дума. Сессии

Сессия 1
1 ноября 1907 г. — 28 июня 1908 г.
98 заседаний

Сессия 2
15 октября 1908 г. — 2 июня 1909 г.
126 заседаний

Сессия 3
10 октября 1909 г. — 17 июня 1910 г.
131 заседание

Сессия 4
15 октября 1910 г. — 13 мая 1911 г.
113 заседаний

Сессия 5
15 октября 1911 г. — 9 июня 1912 г.
153 заседания

III Государственная Дума. 1-я сессия

Комиссия по вероисповедным вопросам

Первоначальный состав:

свящ. Н. С. Балалаев	— умеренно-правый
Г. А. Бергман	— октябрист, меннонит

гр. В. А. Бобринский 2-й	— умеренно-правый
свящ. С. Н. Богданович	— правый
свящ. К. К. Волков 1-й	— умеренно-правый
Н. К. Волков 2-й	— к.-д.
Г. Г. Гальвас	— октябрист, еванг.-лютер.
Я. Г. Данилюк	— правый
еп. Евлогий	— умеренно-правый
З. Д. Захаров 1-й	— октябрист, евангелист
свящ. А. Г. Знаменский	— умеренно-правый
К. И. Казанский	— октябрист
П. В. Каменский	— октябрист
Э. Ф. Карлсберг	— прогрессист, еванг.-лютер.
С. П. Клочков	— правый
свящ. Н. А. Комарецкий	— октябрист
В. А. Маклаков	— к.-д.
С. Г. Мацеевич	— польско-лит.-белор. гр. римо-католик
И. И. Муфтий-заде	— октябрист, магомет
Л. Н. Нисселович	— к.-д., иудейск.
И. Я. Павлович	— умеренно-правый
А. И. Парчевский	— польск. коло, римо-католик
Ф. Н. Плевако	— октябрист
свящ. А. А. Попов 2-й	— прогрессист
барон Г. Ф. Розен	— октябрист, еванг.-лютер.
свящ. А. М. Спасский	— октябрист
И. Л. Спирин	— октябрист, старообр.
А. Н. Ткачев	— умеренно-правый
свящ. А. Л. Трегубов	— октябрист
М. Н. Тукаев	— мусульман. магометанин
Н. М. Фридман	— к.-д., иудейск.
свящ. В. А. Якубович	— умеренно-правый
свящ. Н. Е. Якубов	— правый

Председатель комиссии — епископ Евлогий
После его отказа 17 мая 1908 г. — П. В. Каменский (с 31 мая)
Товарищ председателя — барон Н. Ф. Розен

После его выхода из комиссии 3 мая 1908 г. — П. В. Каменский (до 31 мая)
Затем — В. А. Караулов

Изменения в составе Вероисповедной комиссии

В 1-ю сессию

Состав комиссии дополнен (15 декабря 1907 г.) двумя католиками:

А. К. Демянович	— армяно-католик. нез. национ.
В. К. Есьман	— римо-кат., польск.-лит.-бел. гр.

Отказались:

В. А. Маклаков	— к.-д.
С. Н. Клочков	— правый
барон Г. Ф. Розен	— еванг.-лютер., октябрист
свящ. В. А. Якубович	— национ.

Избраны:

В. А. Караулов	— к.-д.
свящ. С. И. Соловьевич	— национ.
В. К. Тычинин	— национ.
барон Г. Е. Фелькерзам	— еванг.-лютер., октябрист

Во 2-ю сессию:

о. А. Д. Юрашкевич	— правый
барон Г. Ф. Розен	— октябрист, еванг.-лютер.
о. В. Ф. Рождественский	— правый
В. Н. Львов 2-й	— незав. национ.
о. А. М. Станиславский	— правый
И. С. Клюжев	— октябрист

Вместо выбывших за отказом:
гр. В. А. Бобринского, барона Г. Е. Фелькерзама,
Я. Г. Данилюка, Ф. Н. Плевако, о. С. Н. Богдановича,
К. И. Казанского.

Отец С. Н. Богданович вновь избран 25 февраля 1909 г. за отказом о. А. М. Станиславского.

И. С. Клюжев 30 мая 1909 г. отказался от звания члена комиссии.

В 3-ю сессию:

Отказался И. С. Клюжев — октябрист
Избран (14 октября 1909 г.)
А. Д. Протопопов

В 4-ю сессию:

Скончался товарищ председателя
В. А. Караулов — к.-д.
Избран членом комиссии и тов.
председателя В. А. Харламов

Скончался А. Н. Ткачев — националист
Избран (26 февраля 1911 г.)
Н. В. Лисичкин — националист

Выбыл И. Я. Павлович — националист
Избран (24 ноября 1910 г.)
свящ. А. С. Соколов 1-й — националист

Законопроекты на рассмотрении Вероисповедной комиссии

1-я сессия — 19 заседаний

Законопроекты Министерства внутренних дел:

1) Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое.

2) Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям.

3) О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и богомолений и сооружения, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий.

4) Об инославных и иноверных религиозных обществах.

5) Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям, а в том числе и к отделившимся от Православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц.

6) О римско-католических монастырях.

7) Об издании правил относительно секты мариавитов.

8) Об узаконении браков, заключенных по обрядам инославных и иноверных исповеданий лицами, числившимися православными до издания Высочайшего Указа 17 апреля 1905 г., и происшедшего от этих браков потомства.

9) О предоставлении Московскому евангелическому лютеранскому генерал-суперинтенденту права ежегодно собирать консисториальный Синод.

10) О вызываемых провозглашенной Манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейного права.

2-я сессия — 5 заседаний

Переданы в Государственную Думу: Законопроект о лютеранском Синоде (9-й), докладчик П. В. Каменский, 12 марта 1909 г.; Законопроект о переходе от одного исповедания в другое (1-й), докладчик П. В. Каменский, 10 апреля 1909 г.

3-я сессия — 10 заседаний

Рассмотрен законопроект (внесен Министерством внутренних дел во 2-ю сессию): «О порядке возведения римско-католических духовных лиц в звания прелатов и каноников и разрешения совмещения духовных должностей». Доклад представлен Думе бароном Г. Ф. Розеном 23 ноября 1909 г.

Рассмотрен законопроект (внесен Министерством внутренних дел во 2-ю сессию): «О предоставлении проповедникам Рижского округа созывать в пределах этого округа пастырские синоды». Докладчик В. А. Караулов, 7 декабря 1909 г.

Взяты обратно Министерством внутренних дел законопроекты об изменениях семейного права (сессия 1-я, п. 10) и об отношении государства к отдельным вероисповеданиям (сессия 1-я, п. 2).

4-я сессия — 12 заседаний

Рассмотрен законопроект, внесенный военным министром: «Об утверждении временного положения о службе бакши Донских калмыков». Докладчик В. А. Харламов, 21 марта 1911 г.

Рассмотрен законопроект: «О вероисповедном обществе мариавитов». Докладчик П. В. Каменский, 16 марта 1911 г.

Рассмотрены законопроекты: «Об инославных и иноверных религиозных обществах» и «Проект правил о сектантских общинах» (поступил из старообрядческой комиссии на 3-ю сессию), но доклад Думе не представлен.

5 сессия — 3 заседания

Два последних законопроекта объединены в один «Об инославных и иноверных вероисповедных общинах и обществах». Докладчик П. В. Каменский, 12 декабря 1911 г.

Рассмотрены и объединены в один два законопроекта: «Об узаконении браков» (сессия 1-я, п. 8) и «Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги в отношении сектантов» (поступил из старообрядческой комиссии в 4-ю сессию).

Доклад представлен Думе 1 мая 1912 г. бароном Г. Ф. Розеном.

Рассмотрены законопроекты (внесены в 5-ю сессию) «Об изменении статьи Устава иностр. исповеданий относительно кандидатов на магомет. дух. должности в Таврической губернии» (доклад Думе — И. И. Муфтий-заде, 10 декабря 1911 г.) и «Об изменении личного состава реформатских заседаний генеральной и местных евангелическо-лютеранских консисторий» (доклад Думе — барон Н. Ф. Розена, 5 апреля 1912 г.).

Остались нерассмотренными законопроекты п.п. 3, 5 и 6 (сессия 1) (об иносл. и иноверн. богослуж. … о римско-католич. монастырях, об отмене гражд. ограничений).

III Государственная Дума

Комиссия по старообрядческим вопросам

Образована постановлением Государственной Думы от 29 ноября 1907 г. в составе 15 человек.

Председатель — В. А. Караулов — к.-д.
Товарищ председателя — А. И. Звегинцов — октябрист
Секретарь — И. А. Меньшиков — октябрист
Товарищ секретаря — М. К. Ермолаев — старообр. национ.

Состав первоначальный:

Свящ. Н. С. Балалаев — национ.
Д. П. Гулькин — *старообр., беспарт.*
А. И. Гучков — октябрист
Еп. Евлогий — националист
М. Е. Ермолаев — старообр. национ.
А. И. Звегинцов — октябрист
Свящ. А. А. Златомрежев — прав.
В. А. Караулов — к.-д.
С. Н. Клочков — прав.
В. А. Маклаков — к.-д.
И. А. Меньшиков — октябрист
И. Л. Мерзляков — старообр. трудов.
Ф. М. Плевако — октябрист
И. Л. Спирин — старообр. окт.
Е. И. Тихонов — старообр. окт.

Изменения в составе:

В 1-ю сессию

Скончался Е. И. Тихонов — старообр. окт.
Избран М. Я. Капустин — октябрист

Во 2-ю сессию

Отказался Ф. Н. Плевако — октябрист
Избран П. В. Каменский — октябрист

В 3-ю сессию

Отказался А. И. Гучков — октябрист
Избран (15 марта 1910 г.)
Д. А. Леонов — октябрист

В 4-ю сессию

Скончался председатель комиссии
В. А. Караулов — к.-д.

В Комиссию избран (22 января 1911 г.) А. А. Скороходов	— к.-д.
Председателем избран (7 февраля 1911 г.) А. И. Звегинцов	— октябрист
Скончался свящ. А. А. Златомрежев	— прав.
Избран (5 февраля 1911 г.) Г. А. Шечков	— прав.

В 5-ю сессию — изменений не было.

Законопроекты на рассмотрении Старообрядческой комиссии

1-я сессия — 10 заседаний

Законопроект Министерства внутренний дел.

1) Проект правил о старообрядческих и сектантских общинах (Стеногр. отчет, ч. II, 1804).

2) Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги (Стеногр. отчет, ч. I, 1427—1437 и ч. II, 375).

3) О льготах по пересылке почтовых отправлений старообр. и сект.

2-я сессия — 5 заседаний

Передан на рассмотрение Государственной Думы законопроект о старообряд. и сектантских общинах в части, касающейся старообряд. общин. Докладчик В. А. Караулов, 8 мая 1909 г.

3-я сессия — 1 заседание (19 марта 1910 г.)

Рассмотрен законопроект о почтовых льготах и возвращен Министерству внутренних дел без доклада Думе, в порядке ст. 47 Учр. Гос. Думы.

4-я сессия — 2 заседания

Законопроект о граж.-прав. положении рассмотрен в части, касающейся старообрядцев, и передан на рассмотрение Гос. Думы. Докладчик А. И. Звегинцов, 10 мая 1911 г.

5-я сессия — заседаний комиссии не было.

III Государственная Дума

Комиссия по делам Православной Церкви

Образована постановлением Гос. Думы от 22 ноября 1908 г. в составе 33 человек.

Председатель — В. Н. Львов 2-й	— нез. национ.
Товарищ председателя — прот. А. Г. Знаменский	— национ.
Секретарь — свящ. А. А. Попов 2-й	— прогрессист
Товарищ секретаря — Свящ. Н. Ф. Лебедев 1-й	— прав. окт.

Состав комиссии (первоначальный):

Ф. Н. Безак	— национ.
А. А. Воейков 1-й	— октябрист
Н. Н. Евреинов	— октябрист
Свящ. А. Г. Знаменский	— националист
Н. В. Зуев	— октябрист
Свящ. П. И. Исполлатов	— прогрессист
К. Н. Казанский	— прав. окт.
В. А. Караулов	— к.-д.
Свящ. Д. Ф. Кириллович	— прав.
Свящ. Н. А. Комарецкий	— прав. окт.
Свящ. Н. Ф. Лебедев 1-й	— прав. окт.
С. С. Липягов	— к.-д.
В. Н. Львов 2-й	— нез. национ.
Свящ. Г. Т. Маньковский	— прав.
Еп. Митрофан	— прав.
А. И. Никольский	— к.-д.
Свящ. Ф. И. Никонович	— прав.
Ф. Н. Плевако	— октябрист
Свящ. А. А. Попов 1-й	— прав.
Свящ. А. А. Попов 2-й	— прогр.
Свящ. И. П. Пурпуров	— октябрист
С. Г. Романов	— октябрист

Свящ. М. И. Сендерко	— прогр.
В. С. Соколов 2-й	— прогр.
Свящ. И. И. Соколов 3-й	— беспарт.
Свящ. С. И. Соловьевич	— национ.
Свящ. В. Д. Солуха	— беспарт.
Свящ. А. М. Спасский	— прав. окт.
Свящ. И. В. Титов	— прогр.
Свящ. А. И. Троицкий	— октябрист
В. А. Харламов	— к.-д.
Г. А. Шечков	— прав.

Изменения в составе Комиссии:

В 1-ю сессию

За отказом А. А. Воейкова	— октябрист
Избран кн. И. А. Куракин	— октябрист

Во 2-ю сессию

Отказались:	Избраны:
Ф. Н. Безак (национ.)	П. Е. Николенко (национ.)
С. Г. Романов (октябр.)	М. М. Пташевский (октябр.)
Ф. Н. Плевако (октябр.)	С. Г. Киселев (октябр.)
В. А. Харламов (к.-д.)	А. А. Скороходов (к.-д.)

В 3-ю сессию — без изменений.

В 4-ю сессию

Скончался В. А. Караулов	— к.-д.
Избран 22 января 1911 г.	
Н. В. Мефодиев	— к.-д.
Выбыл С. Г. Киселев	— октябрист
Избран 26 февраля 1911 г.	
А. З. Танцов	— октябрист
Скончался свящ. Ф. И. Никонович	— прав.
Избран 26 февраля 1911 г.	
Свящ. А. Д. Юрашкевич	— прав.

В 5-ю сессию

Выбыл товарищ председателя	
прот. А. Г. Знаменский	— национ.
Избран в комиссию	
Свящ. Н. И. Гумилин	— национ.
Избран товарищем председателя	
(1 ноября 1911 г.) свящ. И. В. Титов	— прогр.

Законопроекты на рассмотрении Комиссии по делам Православной Церкви (основные)

1-я сессия — 20 заседаний

Для окончательного заключения:

1) Министерство юстиции — О подсудности и порядке производства дел о расторжении браков лиц православного исповедания вследствие прелюбодеяния или неспособности к брачному сожитию.

2) Министерство внутренних дел — О вызываемых провозглашенной Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейственных прав.

3) Военное Министерство — О сокращении установленного срока для расторжения браков военнослужащих, пропавших без вести в минувшую русско-японскую войну, до 2-х лет.

Для предварительного заключения:

Министерство внутренних дел:

1) Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое.

2) Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям.

3) Об отмене ограничений, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям.

4) Проект правил о старообрядческих и сектантских общинах.

5) Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги.

Рассмотрен комиссией и передан в Государственную Думу доклад о браках военнослужащих. Предположения комиссии приняты Думой 26 июня 1908 г. (Стеногр. отчеты. Сессия 1. Ч. III, 4323—4327).

2-я сессия — 23 заседания

Закончено рассмотрение законопроекта об отмене ограничений, зависящих от исповедания. Доклад Думе — свящ. И. В. Титов, 1 ноября 1908 г.

Рассмотрены и переданы в Думу 11 финансовых законопроектов.

Даны заключения по законопроектам:

1) Обер-прокурора — об ассигновании из казны кредита на увеличение содержания служащим в духовно-учебных заведениях применительно к окладам, установленным по Министерству народного просвещения.

2) 94 члена Государственной Думы — об ассигновании на 1908 г. по смете Св. Синода 4 003 740 руб. на жалованье учащим в церковных школах и устройство и открытие новых школ.

Обер-прокурор — о ежегодном ассигновании из казны 1 000 000 руб. на жалованье учащим в церковно-приходских школах.

Заключения переданы в Комиссию по народному образованию.

Даны заключения:

1) По докладу старообрядческой комиссии по законопроекту о старообрядческих общинах.

2) По докладу бюджетной комиссии о смете доходов и расходов Св. Синода на 1909 г.

3-я сессия — 16 заседаний

Рассмотрены и доложены Думе 12 финансовых законопроектов.

Дано заключение по выработанному комиссией по народному образованию законопроекту о начальном образовании, в части, касающейся церковно-приходских школ (отдел XIV законопроекта).

Взяты обратно, в порядке ст. 47 Учр. Гос. Думы, законопроекты: Министерство юстиции — о расторжении браков православных лиц и Министерства внутренних дел — об изменениях в области семейственных прав.

4-я сессия — 15 заседаний

Рассмотрены и переданы Думе 11 финансовых законопроектов, в т. ч.:

Об отпуске из казны средств на увеличение жалованья учащим в церковно-приходских школах до установленного законом 3 мая 1908 г. размера в 1911 г. — 1 000 000 руб., а начиная с 1912 г. по 1 550 000 руб. Докладчик епископ Митрофан, 9 мая 1911 г.

О ежегодном отпуске с 1911 г. из казны 600 000 руб. на увеличение содержания городского и сельского духовенства. Доклад — В. Н. Львов 2-й 17 января 1911 г.

Рассмотрены и переданы на заключение комиссии по народному образованию законопроекты ведомства православного исповедания.

От отпуске средств из казны 500 000 руб. на церковно-школьные строительные нужды.

Об учреждении пенсионной кассы учителей церковных школ.

Рассмотрено и дано заключение по докладу старообрядческой комиссии о гражданско-правовом положении старообрядцев и сектантов.

5-я сессия — 10 заседаний

Рассмотрены и переданы Государственной Думе законопроекты:

О ежегодном отпуске с 1912 г. по 600 000 руб. на увеличение содержания городского и сельского духовенства. Доклад — В. Н. Львов 2-й, 17 мая 1912 г.

Об отпуске средств на увеличение жалованья учащим в церковно-приходских школах, вошедших в школьные сети, до установленного законом 3 мая 1908 г. размера — в 1912 г. 961 000 руб., а начиная с 1913 г. — по 2 282 000 руб. в год. Доклад — свящ. Н. А. Комарецкий, 21 мая 1912 г.

От отпуске 500 000 руб. на церковно-строительные нужды. Доклад — епископ Митрофан, 24 мая 1912 г.

И другие финансовые законопроекты.

Рассмотрены и переданы на заключение бюджетной комиссии внесенные обер-прокурором Св. Синода законопроекты:

1) Об ассигновании государственных средств на одинаковое и одновременное с учебными заведениями Министерства народного просвещения повышение окладов содержания и пенсий служащим в духовных семинариях и училищах;

2) О предоставлении женским епархиальным и духовного ведомства училищам некоторых прав и об ассигновании ежегодно пособия на содержание;

3) Об учреждении пенсионной кассы учителей и учительниц церковных школ.

Дано заключение по докладу комиссии народного образования о передаче в ведение Св. Синода православных сельских училищ Прибалтийских губерний и об отпуске сумм на их содержание.

Рассмотрены, но не доложены Думе:

1) Об организации православного прихода и об изменении порядков содержания православного прихода.

2) Об изменении порядка укрепления за Православной Церковью недвижимого имущества.

Комиссия по направлению законодательных предположений III Государственной Думы

Состав в 4-ю сессию (обсуждение Холмского вопроса):

Председатель Антонов Н. И.	— октябрист
Товарищ председателя Дымша Л. К.	— польск. коло
Секретарь — Половцов Л. В.	— националист
Ч л е н ы	
Андронов С. В.	— октябрист
Бантыш В. А.	— октябрист
Гр. Бобринский В. А. 2-й	— националист
Воейков А. А. 1-й	— октябрист
Воейков С. В. 2-й	— прав.
Гарусевич Я. С.	— польск. коло
епископ Евлогий	— националист
Зарин А. Д.	— националист
Захарьев Н. А.	— к.-д.
Кочубей Л. В.	— октябрист
Люц Л. Г.	— октябрист
Максудов С. Н.	— мусульманин
Масленников А. М.	— прогрессист
Матюшкин П. Г.	— октябрист
Никольский А. И.	— к.-д.

Парчевский А. И.	— польск. коло
Петров А. Д. 2-й	— прав. октябрист
Потулов В. А.	— октябрист
Родичев Ф. И.	— к.-д.
Румянцев Н. Ф.	— прогрессист
Сафонов М. К.	— октябрист
Скоропадский Г. В.	— октябрист
Сувчинский К. Е.	— незав. националист
Тимошкин Ф. Ф.	— прав.
Томилов И. С.	— трудов.
Гр. Уваров А. А.	— прогрессист
Фомкин И. В.	— националист
Чихачев Д. Н.	— националист
Шечков Г. А.	— прав.
Яновский Н. Н.	— октябрист

Краткая справка № 1

Состояние церковно-приходских школ к началу деятельности Государственной Думы

По времени открытия церковные народные школы распределялись к 1907 году следующим образом [1].

До 1884 г.	— 2903 школы (7,3%).
В 1884—1893 гг.	— 13 608 школ (32,4%).
В 1894—1903 гг.	— 16 204 школы (40,9%).
В 1904—1907 гг.	— 3151 школа (7,91%).
Не доставлено сведений	— 4385 школ (11,0%).
Всего	— 39747 школ (100%).

К началу 1908 года из 39 747 начальных церковных школ было 672 двухклассных, 25 425 одноклассных и 13 650 школ грамоты. Большая часть церковных школ находилась в сельской местности, в городах было только 2402 школы, из них 231 двухклассных, 1903 одноклассных и 268 школ грамоты.

По числу учащихся школы распределялись следующим образом: 24 254 школы имели менее 50 чел., 12 985 — от 50 до 99 чел., 2307 — 100 человек и более (о 201 школе сведения отсутствовали). В течение 1907 г. двухклассных школ открылось 32 и одноклассных 435, количество школ грамоты убавилось.

Специально построенные школьные здания имели 26 364 школы, 7370 школ имели наемные помещения и 5547 помещались в зданиях, предоставленных бесплатно (о помещениях 466 школ сведения не поступили). Специальными школьными зданиями были значительно лучше обеспечены церковно-приходские школы (здания имели 606 двухклассных и 21 147 одноклассных). Из школ грамоты имели специально выстроенные помещения лишь третья часть — 4611 школ. На наем помещений в 1907 году было израсходовано 284 700 руб., в том числе 124 200 рублей на одноклассные и 7800 руб. — двухклассные. Многие школы имели квартиры

[1] Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. С. 23.

для учащихся, а именно: 544 двухклассных, 19 352 одноклассных и 5617 школ грамоты.

Количество учащихся [1] в начальных церковных школах к 1908 году составило 1 916 145 человек, в том числе 1 326 711 мальчиков и 589 434 девочки. В двухклассных школах училось 78 258 человек (51 793 мальчиков и 26 465 девочек), в одноклассных — 1 401 886 чел. (951 919 мальчиков и 449 967 девочек) и в школах грамоты — 436 001 чел. (322 999 мальчиков и 113 002 девочки). Таким образом, в церковно-приходских школах состояло 77% учащихся, и лишь 23% — в школах грамоты.

По национальному составу в церковных школах учащиеся распределялись следующим образом: 1 765 804 русских, 1920 болгар, 4792 поляка, 21 909 молдаван, 6961 грека, 4400 осетин, 1423 латыша, 18 004 грузина, 3766 зырян, 3265 карелов, 4888 вотяков, 18 122 мордвина, 3470 черемисов, 5877 евреев, 21 022 чуваша, 1763 татарина, меньшее число представителей других народностей Российской империи.

Из общего числа школ 32 020 были чисто русские (смешанные русско-инородческие 5567 школ, инородческие 1615). В числе последних 1489 имели учащихся одной народности, 126 — разных народностей.

В 1907 году окончили курс в начальных церковных школах мальчиков 135 958 чел., девочек — 51 741, в том числе во 2-м классе двухклассных школ: 3154 мальчика и 1358 девочек со свидетельством о знании курса одноклассной школы — в первом классе двухклассной школы — 3856 мальчиков и 1874 девочки, в одноклассной — 105 881 мальчик и 42 363 девочки, в школах грамоты — 23 067 мальчиков и 6146 девочек. Процент окончивших к общему числу учащихся по церковно-приходским школам составил среди мальчиков 11%, среди девочек 9%, в школах грамоты среди мальчиков 7%, среди девочек 6%.

В 1907 году было вновь принято в начальные церковные школы для обучения 730 016 детей, отказано в приеме 146 771 детям.

Приведем далее сведения о преподавательском составе начальных церковных школ в 1908 году [2].

---

[1] Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. С. 86—87.

[2] Там же. Ч. II. № 3. С. 138—140.

Законоучителями в школах состояли 40 287 человек, в том числе 32 158 священников, 1763 диакона, 259 псаломщиков и 6107 светских лиц. В частности, в двухклассных школах состояло 863 законоучителя, в одноклассных 25 911 и в школах грамоты 13 513 человек. Большая часть законоучителей занимались в церковных школах бесплатно: вознаграждение получали в 1907 г. лишь 7800 законоучителей, из них 501 — в школах двухклассных, 6873 — в школах одноклассных и 426 — в школах грамоты. Общая сумма законоучительских окладов (из казны или из местных источников) составила 1907 году 402 090 рублей. Если бы каждый законоучитель начальной церковной школы получал за свой труд хотя бы 30 рублей в год — подсчитывают «Церковные ведомости», то на оплату их труда потребовалась бы сумма втрое б⊠ольшая, а именно —свыше 1 208 000 рублей.

Преподаванием общеобразовательных предметов в начальных церковных школах в 1907 году занимались 47 134 человека, из них священников 264, диаконов 2651, псаломщиков 1447, светских учителей 22 361, учительниц 20 411. При этом в двухклассных школах состояло 2036 учащих, в одноклассных 31 275 и в школах грамоты 13 823.

Размеры учительских окладов в церковных школах видны из следующей таблицы:

Размер оклада	Церковно-приходские школы		Школы грамоты	Итого
	двухклассные	одноклассные		
60 р. и менее	24	672	3321	4017
61—119	29	563	1851	2443
120	68	2331	4695	7094
121—179	42	1919	1306	3267
180	76	3947	880	4903
181—239	67	3174	235	3476
240	228	7200	199	7627
241—299	42	1682	44	1768
300	536	4665	95	5296
301—359	72	512	12	596
360	371	937	26	1334
361—419	74	200	14	288
420 р. и выше	282	466	22	770
Итого:	1913	28 269	12 700	42 882

(Оклад 4252 в школьных листках не был указан. По епархиальным ведомствам 3092 из них числились бесплатными.)

Наиболее типичными окладами, согласно таблице, были: 300 руб. в двухклассных школах, 240 — в одноклассных, 120 — в школах грамоты. Общая сумма учительских окладов за 1907 г. по школам двухклассным составляла 602 000 руб., по одноклассным 6 408 000 руб., по школам грамоты 1 359 000 руб., а в общей сложности 8 369 000 руб. Средний годовой оклад в двухклассных школах составил 315 руб., в одноклассных 226 руб. и в школах грамоты 107 руб. Повышение окладов в 1907 году по сравнению с 1906 годом составило в среднем 4 руб. на учителя. При пересчете оклада к установленной норме при введении всеобщего обучения — 360 руб., общая сумма окладов 33 311 преподавателей церковно-приходских школ (двухклассных и одноклассных) должна была бы составить 11 991 960 руб. вместо 7 010 000 руб., получаемых ими в 1907 г.

По образовательному цензу светские преподаватели начальных церковных школ делились на следующие группы [1]:

		Двухкласс.	Одноклассн.	Школы грамоты	Итого
1.	С высшим и средним образованием	1036	9784	560	11380
2.	Со спец. педагогическим	271	1090	49	1410
3.	Со званием учителя начальной школы	380	12079	2705	15164
4.	Со званием учителя школы грамоты	29	1834	3349	5212
5.	Не имеющие учительских свидетельств	189	3125	6328	9642
	Итого:	1905	28912	12991	42808

Таким образом, правоспособных преподавателей (первые три группы) в двухклассных школах насчитывалось 88% и 82% — в одноклассных школах, в школах грамоты, включая четвертую группу, 51% учащих имели необходимую подготовку к учительству.

[1] Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. Ч. 1. № 4. С. 195.

Образовательный ценз преподавателей общеобразовательных предметов из членов причта представлен в следующей таблице:

		Двухкласс.	Одноклассн.	Школы грамоты	Итого
1.	С высшим и средним образованием	28	408	82	518
2.	Со спец. педагогическим	26	240	37	303
3.	Со званием учителя начальной школы	38	1498	229	1765
4.	Со званием учителя школы грамоты	1	46	28	75
5.	Не имеющие учительских свидетельств	38	1207	456	1701
	Итого:	131	3399	832	4362

Обзор учебных заведений, в которых получили образование учащие начальных церковных школ (преподавание в 1907 году) дает весьма сложную картину: 24 типа учебных заведений для учителей и 17 типов для учительниц. Большинством из 26 723 учителей (включая членов причта) получило образование в следующих учебных заведениях: во второклассных школах (дающих звание учителя грамоты) — 8833 человека, в духовных семинариях — 1796 окончивших и 1747 неокончивших, в духовных училищах — 1436 окончивших и 629 неокончивших, в городских (3—4 классных) и уездных училищах — 1519 окончивших и 115 неокончивших, церковно-учительских школах — 929 окончивших, в учительских семинариях — 538 окончивших. Учителя — члены причта в значительной части получили образование в духовных семинариях и училищах.

Из 20 411 учительниц 8805 получили образование в епархиальных или духовных женских училищах, в прогимназиях — 2656, в светских средних учебных заведениях — 2168, во второклассных школах — 2103.

Денежные поступления на церковно-школьное дело исходили как от государства, так и из местных источников [1]. Из казны по смете Св. Синода в 1907 г. было отпущено 10 065 500 рублей, из

[1] Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. Ч. I. № 12. С. 571.

которых 7 403 850 руб. пошли на начальные церковные школы, 1 628 000 руб. на второклассные учительские школы, 394 000 — на церковно-учительские школы, 526 000 — на содержание епархиальных уездных, окружных и областных наблюдателей церковных школ.

Общая сумма местных поступлений в 1907 г. составила (округленно) 6 668 000 рублей, в том числе от церквей — 1 216 500 руб., монастырей — 309 000 руб.; земств — 1 200 000 руб.; волостных, сельских и станичных обществ — 1 486 000 руб.; приходских попечительств — 202 000 руб.; благотворительных учреждений, обществ, фабрик, заводов — 356 000 руб.; от частных лиц — 958 000 руб.

Церковно-приходские школы занимали достаточно большое место в системе народного образования. Из 277 000 школ, которые предполагалось необходимым открыть для осуществления в России всеобщего начального обучения, согласно правительственному проекту, внесенному в Государственную Думу, 54 000 приходилось на церковно-приходские школы (с учетом 15 000, которые предполагалось открыть в ближайшие годы) [1].

[1] Из доклада обер-прокурора в Гос. Совете 25 января 1912 г. // Прибавления к Церковным ведомостям. 1912. Ч. I. № 8. С. 320.

Обсуждение вопроса в III Государственной Думе (4 сессия) *о народном образовании и о церковных школах*

Заседания 4-й сессии	*О народном образовании, из них по церковным школам*				*Фамилии докладчиков по вопросу о церковных школах*
	страницы в стеногр. отчетах	число страниц	страницы в стеногр. отчетах	число страниц	
Первое обсуждение					
Засед. 1-е	6—48	43	15—48	34	Львов 2-й
Засед. 2-е	55—126	92	62	1	Чихачев
			98—103	6	Милюков
			111—114	4	Леонов
			114—115	1	Львов 2-й
			115—131	17	еп. Евлогий
			131—134	4	Сушков
			134—138	4	Кропотов
			139—143	5	еп. Митрофан
Засед. 3-е	156—237	82	156—163	8	еп. Митрофан
			164—182	19	обер-прокурор Лукьянов
			187	1	Покровский 2-й
			194—199	6	Караулов
			212—213	2	Капустин
			222—224	3	Пахальчак
			225—227	3	Андрейчук
			230—236	7	Липягов
Засед. 5-е	303—394	91	320	1	мин. нар. просв. Кассо
			325	1	Тимирев
			344—367	24	о. Гепецкий
			386—388	3	о. Машкевич
			389—394	6	Рожков
			394—396	3	Караулов и Милюков
Засед. 6-е	404—493	89	413	1	Крупенский
			420—436	17	Клюжев
			456—460	5	Белоусов
			461—469	9	о. Попов
			478—482	5	Марков 2-й
			486	1	Марков 2-й
			493	1	о. Гепецкий
Засед. 7-е	502—589	88	516—518	3	Волков 2-й

Заседания 4-й сессии	О народном образовании, из них по церковным школам				Фамилии докладчиков по вопросу о церковных школах
	страницы в стеногр. отчетах	число *страниц*	страницы в стеногр. отчетах	число *страниц*	
			521—531	11	еп. Митрофан
			542—552	11	Березовский 2-й
			557—565	8	о. Маньковский
			574—585	12	Тычинин
Засед. 9-е	630—717	77	630—637	8	о. Станиславский
			638—645	8	Вязигин
			654—655	2	кн. Куракин
			657—661	5	Амосенок
			662—663	2	Удовицкий
			667—671	5	Гулькин
			673—674	2	Кривцов
			690—695	6	Тимошкин
			700	1	о. Мацеевич
			703	1	Львов 2-й
			706—714	9	Фон Анреп
Второе обсуждение					
Засед. 11-е	748—831	83	749	1	Танцов
Засед. 12-е	848—923	75			
Засед. 14-е	971—1048	77			
Засед. 18-е	1215—1290	76			
Засед. 19-е	1310—1414	104			
Засед. 20-е	1423—1518	95			
Засед. 22-е	1571—1673	102			
Засед. 23-е	1687—1779	96			
Засед. 24-е	1827—1924	97			
Засед. 26-е	1993—2098	105	1997—2098	105	Марков 2-й,
					Ковалевский,
					еп. Евлогий,
					кн. Тенишев,
					кн. Уваров,
					Масленников,
					Львов 1-й,
					о. Гепецкий,
					Базилевич,
					о. Станиславский
					о. Кириллович,
					Петров 2-й,
					Пахальчак,
					Караулов,
					о. Волков 1-й,

Заседания 4-й сессии	О народном образовании, из них по церковным школам				Фамилии докладчиков по вопросу о церковных школах
	страницы в стеногр. отчетах	число страниц	страницы в стеногр. отчетах	число страниц	
					Сушков,
					Гулькин,
					о. Мацеевич,
					Милюков
Засед. 27-е	2108—2216	108	2108—2208	101	еп. Митрофан,
					о. Машкевич,
					Белоусов,
					о. Лебедев,
					Шевцов,
					Казанский,
					Мягкий,
					бар. Мейендорф,
					о. Юрашкевич,
					Гулькин,
					о. Ганжулевич,
					Сторчак,
					Неклюдов,
					Львов 2-й,
					Ковалевский,
					о. Сендерко,
					Лукашин,
					еп. Евлогий,
					Спирин,
					Новицкий 2-й
					Тимошкин,
					Вязигин
Третье обсуждение (*стен. от.* ч. 2)					
Засед. 50-е	1108—1200	92			
Засед. 53-е	1365—1458	93			
Засед. 54-е	1512—1518	6	1513	1	обер-прокурор Лукьянов
			1514—1518 (поправки и голосование)	5	
Итого:		1863	—	509	

Духовенство в IV Государственной Думе

Распределение по фракциям к открытию Думы

Правые:

о. Ф. П. Адриановский
епископ Анатолий [Каменский]
о. Г. Т. Алферов
о. И. И. Богомолов
о. А. Г. Бельский
о. И. М. Гвоздев
о. М. П. Знаменский
о. И. М. Караваев
о. И. К. Карпинский
о. В. И. Лентовский
о. А. А. Лотоцкий
о. А. Д. Мешковский
епископ Никон [Бессонов]
о. К. М. Околович
о. С. А. Попов 2-й
о. Т. Д. Попов 4-й
о. В. А. Спасский
о. А. М. Станиславский
о. С. В. Сырнев
о. В. П. Юзьвюк
о. В. А. Якубович

Националисты и умеренно-правые (общая фракция):

о. И. В. Борзановский
о. А. С. Будилович
о. А. И. Будрин
о. Я. И. Гришковский
о. И. Д. Дроздовский
о. П. М. Зверев 1-й
о. М. Ф. Лачинов
о. Г. Т. Маньковский
о. С. С. Медведков
о. М. В. Митроцкий

о. В. И. Немерцалов
о. Ф. И. Ольховский
о. С. И. Остроумов
о. П. А. Покровский
о. В. И. Попов 3-й
о. К. Н. Рудич
о. А. Л. Трегубов
о. Ф. Д. Филоненко

Фракция центра:
о. Г. М. Блажиевский
о. Н. Е. Гепецкий
о. С. А. Крылов

Октябристы:
о. А. В. Смирнов

Примыкающие к трудовикам:
о. В. В. Евладов
о. Д. Я. Попов 1-й

Беспартийные:
о. А. Г. Альбицкий

IV Государственная Дума

Комиссия по делам Православной Церкви

Первоначальный состав:

1. Председатель В. Н. Львов 2-й — центр.
2. Тов. Председателя В. П. Шеин — националист
3. Секретарь о. А. В. Смирнов — октябрист
4. о. Ф. П. Адриановский — прав.
5. о. Г. Т. Алферов — прав.
6. М. И. Арефьев — октябрист
7. С. В. Величко — октябрист
8. В. М. Вершинин — трудовик
9. В. И. Воронов — октябрист

10. В. В. Евладов — трудовик
11. о. П. М. Зверев 1-й — националист
12. о. М. П. Знаменский — прав.
13. Ф. К. Кабанов — к.-д.
14. К. И. Казанский — центр.
15. Н. Ф. Каптерев — прогрессист
16. И. С. Клюжев — октябрист
17. И. И. Коваль — националист
18. А. О. Котляров 1-й — октябрист
19. о. Н. Е. Гепецкий — центр.
20. о. М. Ф. Лачинов — националист
21. П. А. Леванидов — к.-д.
22. епископ Никон — прав.
23. о. Г. Т. Маньковский — националист
24. о. С. С. Медведков — националист
25. М. К. Муранов — к.-д.
26. гр. В. В. Мусин-Пушкин — центр.
27. А. А. Назаров — к.-д.
28. М. Г. Воробьев — националист
29. Л. М. Поздняков — к.-д.
30. о. Д. Я. Попов 1-й — прогрессист
31. С. Н. Розенбах — октябрист
32. Н. А. Мирошниченко — прогрессист
33. В. А. Харламов — к.-д.

В первую сессию выбыли:

1. о. Н. Е. Гепецкий — центр.
2. епископ Никон — прав.
3. М. Г. Воробьев — националист
4. Н. А. Мирошниченко — прогрессист

Вместо них избраны:

1. о. С. А. Крылов — центр.
2. о. В. И. Лентовский — прав.
3. о. П. Т. Населенко — националист
4. И. В. Титов — прогрессист

В 1-ю сессию комиссия рассматривала бюджетные вопросы, а также одобрила законопроект обер-прокурора об учреждении пенсионной кассы учителей и учительниц церковных школ.

Имели в 1-ю сессию 10 заседаний.

Комиссия избрала особое *совещание* для предварительного рассмотрения законопроектов о церковно-приходских школах в составе:

В. П. Шеин,
о. Г. Т. Алферов,
о. Ф. П. Адриановский,
о. М. П. Знаменский,
о. Н. Е. Гепецкий,
И. С. Клюжев.

Особое совещание имело 4 заседания.

Во вторую сессию выбыли:

С. Н. Розенбах,
гр. В. В. Мусин-Пушкин,
о. В. В. Евладов,
Л. М. Поздняков,
И. И. Коваль,
И. С. Клюжев.

Избраны вместо них:

о. С. А. Будилович	— националист
Н. Н. Евреинов	— центр.
В. Н. Колесников	— прогрессист
В. В. Лашкевич	— к.-д.
о. В. И. Попов 3-й	— националист
Н. И. Ярцев	— октябрист

Во 2-ю сессию комиссия имела 20 заседаний.

Рассмотрены:

1) бюджетные вопросы,

2) законодательные предположения членов Гос. Думы о материальном обеспечении духовенства и реформе прихода. Доложено Гос. Думе В. П. Шеиным 3 марта 1914 года.

В «военные сессии» Комиссия рассматривала в основном бюджетные вопросы.

IV Государственная Дума

Комиссия по вероисповедным вопросам

1-я сессия

Первоначальный состав:

1. Председатель
   З. М. Благонравов — националист
2. Тов. председателя
   о. К. М. Околович — прав.
3. Секретарь
   о. М. В. Митроцкий — националист
4. о. А. Г. Альбицкий — беспарт.
5. еп. Анатолий — прав.
6. Г. А. Бергман — октябрист
7. о. И. И. Богомолов — прав.
8. о. И. В. Борзаковский — националист
9. О. М. фон Энгельгардт — октябрист
10. К. Ю. фон Бреверн — октябрист
11. о. А. И. Будрин — националист
12. С. В. Величко — октябрист
13. барон Н. Б. Вольф — октябрист
14. М. А. Караулов — прогрессист
15. о. Я. И. Гришковский — националист
16. Э. Б. Гуревич — к.-д.
17. Г. Х. Еникеев — мусульм.
18. Н. Ф. Каптерев — прогрессист
19. Ф. О. Кейнис — трудовик
20. В. В. Кочубей — октябрист
21. кс. И. А. Лаукайтис — прогрессист
22. В. Н. Львов 2-й — центр.
23. кн. С. П. Мансырев — к.-д.
24. кс. С. Т. Мацеевич — бел.-лит.-польск. гр.
25. о. В. И. Немерцалов — националист

26. А. И. Парчевский — польск. коло
27. о. С. А. Попов 2-й — прав.
28. М. И. Скобелев — с.-д.
29. Н. Н. Тучков — октябрист
30. В. А. Харламов — к.-д.
31. Н. А. Хомяков — октябрист
32. П. П. Шредер — прогрессист
33. о. С. А. Крылов — центр.

В 1-ю сессию выбыли:

1. бар. О. М. фон Энгельгардт
2. М. А. Караулов
3. о. С. А. Крылов

Вместо них избраны:

1. О. Р. Браше — октябрист
2. Я. Ю. Гольдман — прогрессист
3. Т. Н. Ярыгин — центр.

Комиссия имела 1-ю сессию — 11 заседаний. Рассмотрен и передан в Гос. Думу законопроект Министерства внутренних дел об упорядочении браков старообрядцев и сектантов, не записанных в метрические книги, а также инославных и иноверных, числившихся православными до 17 апреля 1905 г. Доложено Гос. Думе С. В. Величко 4 апреля 1913 г.

Рассмотрен законопроект Министерства внутренних дел о преобразовании церковно-приходских учреждений в Лифляндской и Эстляндской губерниях. Предварительно рассмотрен в подкомиссии в составе:

епископ Анатолий
З. М. Благонравов
К. Ю. фон Бреверн
Бар. Н. Б. Вольф
о. И. А. Лаукайтис.

Создана подкомиссия для рассмотрения проекта правил о старообрядческих и сектантских общинах в составе:

о. М. В. Митроцкий
Н. Ф. Каптерев

М. И. Скобелев
о. А. Г. Альбицкий
М. А. Караулов
В. Н. Львов

2-я сессия

Избраны:

В. К. Винберг	— к.-д.
Я. С. Гарусевич	— польск. коло
П. Н. Милюков	— к.-д.
бар. Г. Н. Фелькерзам	— октябрист
бар. О. М. фон Энгельгардт	— октябрист

Выбыли:

Э. Б. Гуревич
А. И. Парчевский
кн. С. П. Мансыров
Н. Б. Вольф
К. Ю. фон Бреверн

Комиссия имела во 2-ю сессию 11 заседаний.

Избрана редакционная подкомиссия для выработки правил регистрации перехода из одного исповедания или вероучения в другое. Доложен Гос. Думе бар. Н. Б. Вольфом 20 ноября 1913 г. законопроект о церковно-приходских учреждениях Лифляндской и Эстляндской губерний.

Во время «военных сессий» комиссия имела лишь единичные заседания, продолжая обсуждение пересмотренных законопроектов. Проект «правил о переходе» к концу 4-х сессий (1916 г.) передан на рассмотрение комиссии по делам Православной Церкви.

Православное духовенство в Государственных Думах

Преосв. Анатолий (Каменский), епископ Елизаветградский, IV
Преосв. Евлогий (Георгиевский), епископ Холмский и Люблинский, II и III
Преосв. Митрофан (Краснопольсий), епископ Гомельский, III, сщмч.
Преосв. Никон (Бессонов), епископ Кременецкий, IV
Преосв. Платон (Рождественский), епископ Чигиринский, II

о. Адриановский Федор Порфирьевич, IV
о. Александровский Александр Петрович, III
о. Алферов Георгий Тимофеевич, IV
о. Альбицкий Александр Геннадьевич, IV
о. Архипов Александр Викторович, II
о. Атаназевич Иван Макарьевич, III
о. Афанасьев Клавдий Иванович, I
о. Балалаев Николай Семенович, III
о. Баранович Дмитрий Яковлевич, III
о. Белозеров Евгений Николаевич, III
о. Бельский Александр Георгиевич, IV
о. Блажевич Митрофан Викторович, III
о. Богданович Савва Никифорович, III
о. Богомолов Иоанн Иванович, IV
о. Борзаковский Иоанн Варфоломеевич, IV
о. Бриллиантов Александр Иванович, II
о. Будилович Александр Семенович, IV
о. Будрин Алексей Иванович, IV, сщмч.
о. Вераксин Александр Сергеевич, III
о. Владимирский Федор Иванович, II
о. Воздвиженский Павел Федорович, I
о. Волков Константин Константинович, III
о. Ганжулевич Евгений Яковлевич, III
о. Гашкевич Михаил Иванович, II
о. Гвоздев Иван Михайлович, IV

о. Гепецкий Николай Емельянович, III и IV
о. Герштанский Дамиан Иосифович, II
о. Голынец Василий Федорович, III
о. Гриневич Антон Иустинович, II
о. Гришковский Яков Игнатьевич, IV
о. Гума Василий Иванович, I
о. Гумилин Николай Иванович, III
о. Дмитриев Михаил Николаевич, III
о. Добромыслов Константин Николаевич, III
о. Дроздовский Иоанн Дмитриевич, IV
о. Евладов Венедикт Викторович, IV
о. Зверев Петр Михайлович, IV
о. Златомрежев Аркадий Алексеевич, III
о. Знаменский Александр Георгиевич, III
о. Знаменский Михаил Павлович, IV
о. Исполлатов Петр Иванович, III
о. Караваев Иоанн Михайлович, IV
о. Карпинский Иоанн Константинович, IV
о. Кириллович Дионисий Фаддеевич, III
о. Климов Василий Васильевич, III
о. Колокольников Константин Александрович, II
о. Комарецкий Николай Ананьевич, III
о. Концевич Авдий Васильевич, I
о. Крылов Семен Алексеевич, IV
о. Кузьминский Владимир Михайлович, III
о. Куприянов Василий Петрович, III
о. Лачинов Михаил Федорович, IV
о. Лебедев Николай Федорович, III
о. Лентовский Владимир Иванович, IV
о. Лотоцкий Анания Алексеевич, IV
о. Маньковский Григорий Тимофеевич, III и IV
о. Машкевич Дмитрий Федорович, III
о. Медведков Сергей Степанович, IV
о. Мешковский Алексей Дмитриевич, IV
о. Митроцкий Михаил Владимирович, IV
о. Населенко Памфил Тимофеевич, IV
о. Немерцалов Вениамин Иванович, IV
о. Никонович Федор Иосифович, III

12 — 9151

о. Огнев Николай Васильевич, I, II
о. Околович Константин Маркович, IV
о. Ольховский Федор Иванович, IV
о. Остроумов Стефан Иванович, IV
о. Петров Григорий Спиридонович, II
о. Пирский Николай Васильевич, II
о. Подольский Василий Ильич, III
о. Покровский Павел Алексеевич, IV
о. Попов Александр Александрович, III
о. Попов Алексей Алексеевич, III
о. Попов Владимир Иванович, IV
о. Попов Дмитрий Яковлевич, IV
о. Попов Стефан Александрович, IV
о. Попов Тихон Дмитриевич, IV
о. Поярков Алексей Владимирович, I
о. Пурпуров Иван Петрович, III
о. Рождественский Василий Яковлевич, III
о. Рознатовский Константин Николаевич, III
о. Рудич Каллинник Несторович, IV
о. Сендерко Макарий Иванович, III
о. Соколов Александр Серапионович, III
о. Соколов Иоанн Иасоннович, III
о. Соловьевич Стефан Иосифович, III
о. Солуха Виктор Дмитриевич, III
о. Спасский Алексей Михайлович, III
о. Спасский Владимир Александрович, IV
о. Станиславский Алексей Маркианович, III и IV
о. Сырнев Сергей Васильевич, IV
о. Титов Иоанн Васильевич, III и IV
о. Тихвинский Федор Васильевич, II
о. Трегубов Александр Лаврентьевич, III и IV
о. Троицкий Александр Ильич, III
о. Филоненко Федор Дмитриевич, IV
о. Юзьвюк Владимир Порфирьевич, IV
о. Юрашкевич Андрей Данилович, III
о. Якубов Николай Евграфович, III
о. Якубович Вячеслав Андреевич, II, III и IV

Приняли священный сан впоследствии

о. Булгаков Сергий Николаевич, II
архимандрит Сергий (Шеин), IV
о. Грудинский Петр Феофилович, III
кн. Куракин Иван Анатольевич, — епископ Иоанн, III

Депутаты Государственных Дум — Члены Священного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг.

Преосв. Анатолий (Каменский), епископ Елисаветградский, IV
Преосв. Евлогий (Гергиевский), епископ Холмский и Люблинский, II, III
Преосв. Митрофан (Краснопольский), епископ Гомельский, сщмч., III
Преосв. Платон (Рождественский), епископ Чигиринский, II

о. Альбицкий Александр Геннадьевич, IV
Арефьев Михаил Иванович, IV
Бобринский Владимир Алексеевич, II, III и IV
Булгаков Сергей Николаевич, II
Васильчиков Иларион Сергеевич, IV
о. Гепецкий Николай Эмилианович (Емельянович), III и IV
Гучков Александр Иванович, III
Евсеев Илья Тимофеевич, IV
Каптерев Николай Федорович, IV
Ковалевский Евграф Петрович, III и IV
Котляревский Сергей Андреевич, I
Лашкевич Валериан Валерианович, IV
Львов Владимир Николаевич, III и IV
Львов Николай Николаевич, I—IV
Олсуфьев Дмитрий Адамович, III
Потулов Василий Александрович, III и IV
Родзянко Михаил Владимирович, III и IV
о. Станиславский Алексей Маркианович, III и IV
о. Филоненко Федор Дмитриевич, IV
Шеин Василий Павлович, IV
Шидловский Сергей Илиодорович, III и IV

Система высших и центральных государственных учреждений России в XIX — начале XX в.

В системе государственного управления России центральной фигурой, обладавшей всей полнотой власти и символизировавшей российскую государственность, являлся император (царь). В «Основных государственных законах» (1832 г.) власть императора определялась как «самодержавная и неограниченная». Это положение оставалось практически неизменным в течение двух веков — с петровского времени до первой русской революции 1905 года. Структура же высших центральных государственных учреждений России, установленная Петром I, подверглась в начале XIX века значительному реформированию.

В первую очередь изменения коснулись **Сената (1711—1917)** (с 1711 по 1726 — Правительствующий Сенат, с 1726 по 1730 — Высокий Сенат) — высшего государственного органа России. Сенат был учрежден указом Петра I от 22 февраля 1711 г. как высший орган по делам законодательства, управления и суда. При Петре I Сенат являлся коллегиальным органом, его члены — сенаторы — назначались императором. В 1-й состав Сената вошли 9 сенаторов и Канцелярия во главе с обер-секретарем. 12 января 1722 года во главе Сената был поставлен генеральный прокурор, высший правительственный чиновник царской России, наблюдавший за законностью деятельности государственного аппарата. По Манифесту от 8 сентября 1802 года Сенат — высший судебный и контролирующий орган, осуществлявший надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников. По судебным уставам 1864 года — высшая кассационная инстанция, имевшая право пересмотра и отмены судебных решений. В 1872 году в составе Сената было учреждено Особое присутствие — высший суд по политическим делам. По определению «Учреждения Правительствующего Сената» от 5 апреля 1905 года Сенат являлся верховной судебной инстанцией, которой были подчинены все государственные учреждения Российской империи. В его ведении находились надзор за деятельностью государственных учреждений, сбор налогов, охрана общественного порядка и верховная ревизия суда; надзор за исполнением законов, их пояснением и обнародованием. В 1906 году был образован Верховный уголовный суд. Сенат пред-

ставлял собой совокупность полусамостоятельных департаментов, скрепленных главенством генерал-прокурора (который со времени возникновения министерств являлся одновременно министром юстиции). Департаменты, состоявшие из нескольких назначаемых императором сенаторов, возглавлялись обер-прокурорами. К середине XIX века насчитывалось 12 департаментов: 1—5-й, межевой и герольдии в Петербурге, 6—8-й в Москве и 9—10-й в Варшаве. Сенат был упразднен декретом от 22.11.1917.

1 января 1810 года Манифестом императора Александра I был создан **Государственный Совет** — высшее законодательное учреждение, с 1906 года — верховная законодательная палата. В его ведении находилось рассмотрение внесенных министрами законопроектов до их утверждения императором, смет и штатов государственных учреждений, а также решение административных и судебных дел, выходивших за компетенцию других государственных органов. Первоначально Государственный Совет состоял из 35 человек, к 1890 году — из 60 (члены Государственного Совета назначались императором из влиятельных чиновников, кроме того, туда по должности входили министры). Фактически членство в Государственном Совете было пожизненным. В 1812—1865 годах председатель Государственного Совета являлся одновременно и председателем Кабинета Министров. Государственный Совет состоял из общего собрания, четырех департаментов (законов, военных дел, гражданских и духовных дел, государственной экономии, а позднее также дел Царства Польского), двух комиссий — Комиссии составления законов и Комиссии прошений, подаваемых на имя императора. В связи с учреждением Государственной Думы Государственный Совет правительственным указом от 20 февраля 1906 года был преобразован из совещательного органа во вторую, верхнюю палату, получавшую законодательные права, равные с правами Государственной Думы, исключая вопросы изменения Основных Законов. Государственный Совет состоял из равного числа назначаемых императором и выборных членов. В 1914 году Государственный Совет состоял из 188 членов. От Православной Российской Церкви в Государственный Совет избирались Синодом по представлению епархиальных архиереев 6 человек. В обязанности Государственного Совета стало входить обсуждение рассмотренных Государственной Думой законопроектов до их утверждения импера-

тором. Был изменен порядок формирования его состава: одна половина членов Государственного Совета по-прежнему назначалась императором, другая избиралась по сословно-корпоративной и высоко-цензовой системе. При этом число назначаемых членов не могло превышать числа членов по выборам. После Февральской революции Государственный Совет практически перестал существовать и окончательно был упразднен 24 декабря 1917 года.

В начале XX века в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 года в России было создано представительное учреждение — **Государственная Дума** (резиденция — Таврический дворец в Петербурге). В ее обязанности входило рассмотрение законопроектов, которые затем должны были обсуждаться в Государственном Совете и утверждаться императором. Состав Думы формировался путем многоступенчатых выборов по четырем куриям (земледельческой, городской, крестьянской и рабочей).

Государственная Дума избиралась на 5-летний срок, до истечения которого могла быть распущена императором, назначавшим одновременно новые выборы и время созыва (это право применялось императором Николаем II для роспуска Государственных Дум 1-го и 2-го созывов). Количественный состав Государственной Думы был определен в 524 человека (с 1907 г. — 442 человека). Для законности состава заседаний Государственной Думы требовалось присутствия не менее одной трети ее членов. Члены Государственной Думы пользовались свободой суждений и мнений по делам, обсуждавшимся в Государственной Думе, и не несли ответственности перед избирателями. Они могли быть подвергнуты лишению или ограничению свободы лишь по распоряжению судебных властей, не подлежали задержанию за долги. Для лишения свободы члена Государственной Думы во время ее сессий необходимо было разрешение Государственной Думы. Члены Государственной Думы выбывали из ее состава по личному заявлению в случае утраты российского подданства, ценза, поступления на действительную военную службу, назначения на высокооплачиваемую гражданскую службу (за исключением должностей министров и главноуправляющих), а также если член Государственной Думы не посещал в год ни одного заседания без уважительной причины. Порядок выборов в Государственную Думу регулировался Избирательными Законами 1905 и 1907 годов.

К ведению Государственной Думы были отнесены законодательные предложения, требовавшие издания законов и штатов, их изменения, приостановления их действия или отмену; рассмотрение росписи доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств и главных управлений, а также отчеты госконтроля об исполнении росписи. Государственная Дума имела право обращаться с запросами к министрам по поводу действий, которые сочтет незаконными, а также обращаться к ним за разъяснениями, от которых министры могли отказаться, «если эти предметы по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению». Министры должны были быть выслушаны в Государственной Думе каждый раз, когда они об этом заявляли. Законопроекты вносились в Государственную Думу министрами, комиссиями или поступали из Государственного Совета.

Общее руководство деятельностью Государственной Думы осуществляли председатель и его товарищи, которые избирались из членов Государственной Думы закрытым голосованием на 1 год, по истечении которого могли переизбираться. Председатель Государственной Думы имел право всеподданнейшего доклада императору «О занятиях Государственной Думы». Государственная Дума избирала секретаря и его товарищей, на которых возлагалось управление Канцелярией Государственной Думы.

Для предварительного рассмотрения законопроектов и вопросов текущей деятельности Государственной Думы ее общим собранием избирались постоянные комиссии: бюджетная, финансовая, редакционная, личного состава, распорядительная, по военным и морским делам (до 1912 года — по обороне). Также избирались временные комиссии для подготовки конкретных законопроектов. Законопроекты рассматривались общим собранием Государственной Думы, принятый законопроект получал силу закона после одобрения Государственным Советом и утверждения императором. Если законопроект отвергался одной из палат, то для его доработки создавалась согласительная комиссия из членов Государственного Совета и Государственной Думы.

I Государственная Дума (одна сессия, 27.04—08.07.1906). Выборы проходили в феврале — марте 1906 года, наибольшего успеха достигла Конституционно-демократическая партия (к.-д). Вследствие неодновременности выборов работа проходила не в

полном составе. К концу работы в ней было 499 депутатов. Центральным вопросом I Государственной Думы был аграрный. Указом 8 июля Дума была распущена. 9—10 июля группа депутатов провела в г. Выборге совещание и приняла воззвание, названное Выборгским [1].

II Государственная Дума (одна сессия, 20.02—02.06.1907). В работе Думы участвовало 518 депутатов. 03.06.1906 был опубликован указ о роспуске Думы, в котором она обвинялась в затягивании рассмотрения законопроектов и государственной росписи доходов и расходов, а также в том, что ряд ее членов участвовали в заговоре против государства (55 депутатов социал-демократической фракции были привлечены к следствию, 16 из них обвинены в заговоре). Одновременно был опубликован новый Избирательный закон.

III Государственная Дума (сессии: 1-я — 01.11.1907—18.06.1908; 2-я — 15.10.1908—02.06.1909; 3-я — 10.10.1909—17.06.1910; 4-я — 15.10.1910—13.05.1911; 5-я — 15.10.1911—09.06.1912). Выборы проходили осенью 1907 года. В работе принимали участие 442 депутата. Всего за 1907—1912 годы III Государственная Дума рассмотрела 2432 законопроекта.

IV Государственная Дума (сессии: 1-я — 15.11.1912—25.06.1913; 2-я — 15.10.1913—14.06.1914; 3-я — 27—29.1.1915; 4-я —19.07.1915—20.06.1916; 5-я — 01.11.1916—25.02.1917). Выборы проходили в сентябре—октябре 1912 года. В работе Государственной Думы участвовало 442 депутата. 27.02.1917 частным совещанием членов Государственной Думы был создан Временный комитет Государственной Думы, который в ночь на 28.02.1917 принял решение «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». После создания 02.03.1917 Временного правительства роль Государственной Думы ограничивалась деятельностью Временного комитета и проведением частных совещаний членов Государственной Думы, на которых обсуждалась политическая

[1] Выборгское воззвание — обращение группы депутатов I Государственной Думы (в основном кадеты и трудовики) 9—10 июля 1906 года к населению с призывом прекратить уплату налогов и сорвать рекрутский призыв в знак протеста против разгона I Думы. В декабре 1906 года все подписавшие воззвание были осуждены и приговорены к трехмесячному тюремному заключению, священники, подписавшие воззвание, были лишены священного сана.

обстановка в стране. 06(17).10.1917 Государственная Дума была распущена в связи с началом выборов в Учредительное собрание.

Министерства были созданы Манифестом 8 сентября 1802 года. Первоначально их был восемь: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, коммерции, финансов, народного просвещения, юстиции и обладавшее правами министерства Государственное казначейство. Существовавшие до этого Коллегии были сохранены на прежнем основании и расписаны между министерствами. По закону «О разделении государственных дел по министерствам» было упразднено Министерство коммерции и созданы новые центральные ведомства: Министерство полиции и Главное управление духовных дел для иностранных исповеданий.

25 июня 1811 года по инициативе М. М. Сперанского было принято «Общее положение министерств», определившее единообразие организации и делопроизводства министерств, систему взаимоотношений их структурных частей, а также взаимоотношения между ними и другими государственными учреждениями. Этот документ действовал вплоть до 1917 года. Во главе каждого министерства стоял министр, который имел товарища (заместителя), при них находилась канцелярия и совет. Рабочий аппарат министерства состоял из нескольких департаментов, которые делились на отделения, а последние — на столы.

В целом система государственных учреждений стала выглядеть следующим образом: восемь министерств (внутренних дел, полиции, юстиции, финансов, народного просвещения, военное, морское, иностранных дел); три главных управления (духовных дел иностранных исповеданий, ревизии государственных счетов, путей сообщения); на правах центральных ведомств действовали Главное казначейство и Департамент уделов. В дальнейшем система центральных государственных учреждений принципиальных изменений не претерпела, хотя уточнения и перераспределение функций между министерствами и главными управлениями происходили постоянно.

Одновременно с министерствами 8 сентября 1802 года был учрежден Кабинет министров, состоящий из министров и главноуправляющих на правах министров. С учреждением в 1810 году Государственного Совета в Кабинет Министров вошли его Пред-

седатель и председатели департаментов. Кроме того, в Комитет министров включались по назначению императора и другие высшие чиновники. На его рассмотрение выносились дела, которые министры не могли решить из-за отсутствия законов или когда сталкивались интересы нескольких ведомств.

С 1812 года характер общегосударственного высшего учреждения приобрела **Собственная Его Императорского Величества Канцелярия,** возникшая еще в конце XVIII века. Сначала в ее ведении находилась переписка с главнокомандующими, комплектование и расквартирование войск и т. п. Со временем Канцелярия превратилась в орган, связывающий царя со всеми правительственными учреждениями по наиболее важным вопросам внутренней политики; через нее к царю поступали доклады и рапорты министров, губернаторов, послов и других чиновников.

Еще Александром II была сделана попытка создать такой правительственный орган, как **Совет Министров.** В него вошли министры, главноуправляющие, председатель Комитета Министров, а также ряд высших сановников. Но довольно скоро роль Совета стала снижаться, а с 1882 года его деятельность прекратилась. Свою деятельность **Совет Министров** возобновил в 1905 году. Провозглашенное 6 августа 1905 году создание Государственной Думы сделало необходимым преобразование высшего органа государственного управления, который мог обеспечить единство центральных ведомств перед лицом народного представительства. 19 октября 1905 году появился высочайший указ «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений», отменивший прежнее учреждение Совета Министров и вводивший новые правила. На Совет Министров возлагалось «направление и объединение действий Главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления. Председателем Совета Министров мог быть либо один из министров, либо особо назначенное лицо (предусматривалась и возможность председательствования императора на отдельных заседаниях). Председатель Совета Министров назначался императором и был ответственен перед ним. Председатель имел право участвовать по делам всех ведомств в работе Государственной Думы и Государственного Совета, входить к императору с всеподданнейшими докладами, получать необходимые сведения

и объяснения от начальников отдельных ведомств и частей управления. Рассматриваемые дела вносились в Совет Министров или председателем, или соответствующим министром. Предложения руководителей ведомств, особых совещаний не могли вноситься в Государственную Думу без предварительного рассмотрения в Совете Министров. После Февральской революции 1917 года в системе государственного управления произошли коренные перемены. 2 марта 1917 года Николай II отрекся от престола. Однако только 1 сентября 1917 года Россия была провозглашена республикой. Законом 8 марта 1917 года Совет Министров и его канцелярия «временно» переименовывались во Временное правительство и его канцелярию. Временное правительство превратилось в высший орган государства, заменив верховную власть, Государственный Совет, Государственную Думу. Все принципиальные вопросы будущего государственного устройства России были отложены вплоть до решения Учредительного собрания, которое было разогнано большевиками.

Для решения вопросов, касающихся деятельности Русской Православной Церкви, был учрежден **Св. Синод.** 1721—1918 (25.01.1721—14.02.1721 — Духовная коллегия. 14.07.1726—17.03.1930 — Святейший Синод, или Духовное Собрание. 14.02.1721—14.07.1726 и 17.03.1730—1918 **Святейший Правительствующий Синод**). Высший коллегиальный орган управления в Русской Православной Церкви, законосовещательное, административное и судебное учреждение. Св. Синод был учрежден Петром I вместо патриаршей власти и Поместных соборов. Согласно «Духовному регламенту» от 25.01.1721 Св. Синод состоял из присутствия в составе 12 членов, назначаемых царем из представителей высшего черного духовенства (архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов) и белого (протопопов) духовенства. После введения в 1722 году должности обер-прокурора члены Синода назначались по представлению обер-прокурора. Число членов Синода менялось. Сначала из членов присутствия в Синоде одни именовались синодальными членами, которые заседали постоянно, а другие — присутствующими, которые вызывались временно из своих епархий по 2 человека на неопределенный срок). Звание постоянного синодального члена было пожизненным, из них два состояли первоприсутствующими Московской (с 1763) и Грузино-Имеретинской

(с 1824) синодальных контор. Кроме митрополитов, Санкт-Петербургского, Московского, Киевского и экзарха Грузии, протопресвитеров военного и придворного духовенства, звание пожизненного члена могли иметь 1—2 архиерея по выбору обер-прокурора. В присутствии в Св. Синоде Санкт-Петербургский митрополит являлся «первым среди равных» членом Св. Синода: он не был председательствующим, но по обычаю лишь он обладал правом запроса, оглашал мнение присутствия, председательствовал в комитетах и комиссиях по церковным делам, только с ним согласовывались перемещения архиереев с одной кафедры на другую. На заседаниях присутствия Синода рассматривались наиболее важные дела, которые докладывал обер-секретарь Синода, проекты решений и протоколы. Журналы по остальным делам готовились чиновниками канцелярии Синода и развозились на подпись членам Синода по квартирам.

Для организации делопроизводства на Синод было распространено действие «Генерального регламента», а отчасти он был организован по образцу Сената. Ведению Синода были подчинены Синодальный (бывший Патриарший) дом в Москве и бывшие патриаршие приказы: Духовный (Духовная консистория), Казенный, Дворцовый, Монастырский, Приказ церковных дел и Печатный двор в Москве, преобразованный в Синодальную типографию, бывшая патриаршая библиотека. Синоду было подчинены все духовные учебные заведения. Синод занимался толкованием религиозных догматов, надзором за соблюдением догматов, ведал вопросами духовной цензуры и просвещения, боролся с еретиками и раскольниками.

11 мая 1722 года для надзора за деятельностью Синода был назначен обер-прокурор, который являлся посредником между Синодом, императором и высшими государственными учреждениями. Обер-прокурор назначался самим императором. Под его руководством и надзором находились все учреждения Синода, а их чиновники назначались, увольнялись и перемещались его приказами. Иногда обер-прокурор выступал с проектами новых постановлений или отдавал некоторые распоряжения самостоятельно, наблюдал также за бюджетными расходами по Синоду. В первой половине XIX века функции обер-прокурора значительно расширились в части синодального управления, и постепенно он стал

занимать в духовном ведомстве положение, приближающееся к статусу министра. В XIX веке Синод постепенно превращается в «ведомство православного вероисповедания». Особенно усилилось влияние гражданской власти на Св. Синод при К. П. Победоносцеве (1880—1905). Значение Св. Синода в духовных делах провозглашалось равным значению Сената в делах государственных.

В 1917 году произошла значительная реорганизация Св. Синода, обер-прокурор В. Н. Львов грубо разогнал бывших членов Св. Синода и назначил новых. Встав во главе Министерства исповеданий Временного правительства после упразднения поста обер-прокурора, А. В. Карташев провозгласил автономию Св. Синода, но фактически он вошел 5 августа 1917 года в состав вновь учрежденного Министерства исповеданий. Всероссийский Поместный Собор 1917—1918 гг. реорганизовал Святейший Правительствующий Синод в Священный Синод Российской Православной Церкви во главе с патриархом, но его реорганизация была проведена только в рамках церковных, а не государственных. Бывший Св. Синод и его учреждения были ликвидированы согласно декрету СНК РСФСР от 20 января 1918 «О свободе совести, церковных и религиозных обществах».

За период работы Государственных Дум четырех созывов обер-прокурорами Св. Синода были:

27.07.1906—05.02.1909 Извольский Петр Петрович
05.02.1909—02.05.1911 Лукьянов Сергей Михайлович
02.05.1911—04.07.1915 Саблер Владимир Карлович
05.07.1915—26.07.1915 Самарин Александр Дмитриевич
30.09.1915—07.08.1916 Волжин Александр Николаевич
30.08.1916—28.02.1917 Раев Николай Павлович
28.02.1917—25.07.1917 Львов Владимир Николаевич
25.07.1917—05.08.1917 Карташев Антон Владимирович

Первоприсутствующие члены Синода:

1900—1912 митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский)

1912—1917 митрополит Санкт-Петербургский (1912—1915), Киевский (1915—1917) Владимир (Богоявленский)

БИБЛИОГРАФИЯ [1]

Абрамов Иван. Неплюевская школа (письмо из Глуховского уезда) // Русское богатство. 1899. Кн. 7(10). Отд. 2. С. 177—194.

О сельскохозяйственной школе и «Крестовоздвиженском трудовом братстве» Черниговской губернии, организованных Н. Н. Неплюевым в конце 1890-х гг.

Абрамов Иван. Похвальное слово церковным школам // Русское богатство. 1904. № 9. Отд. 2. С. 183—184.

Абрамов П. Средневековая история с детьми-штундистами // Русская школа. 1905. № 1. С. 41—44.

Исключение из школы учащихся штундистов.

Абрамов Я. Земство и города // Новое слово. 1896. № 7. Апрель. С. 174—184.

Борьба между противниками и сторонниками светской школы в Брянском и Саратовском земствах на земских собраниях в 1896 г. (земская или церковно-приходская школа?).

Абрамов Я. В. К вопросу о веротерпимости // Отечественные записки. 1882. № 4—5.

А. В. Из Петербурга. Старокатоличество для Западной России // Русское обозрение. 1893. Кн. 1. С. 429—431.

Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

Айвазов Иван // Полоцкие епархиальные ведомости. 1908. № 19.

По поводу свободы религиозной пропаганды.

Айвазов Иван. Несколько критических замечаний на речь г. Стаховича о «свободе совести» // Миссионерское обозрение. 1901. № 2. С. 722—745.

Айвазов Иван. Православная Церковь и высшие государственные учреждения в России. М., 1912.

---

[1] Библиография составлена по каталогу Государственной исторической библиотеки в Москве, и этим объясняется та непоследовательность, когда комментарии иногда имеются, но чаще всего их нет. Конечно, с большинством перечисленных книг автор не знаком. Иногда в указанной библиографии отсутствуют некоторые данные: место издания, год, количество страниц.

Составить же полную библиографию под силу лишь коллективу специалистов.

Библиография дана в виде, представленном о. Владимиром Рожковым.

Источники, добавленные редакцией, отмечены *.

Акаемов Н. Ф. Монахи в старой Варшаве // Русский архив. 1915. Кн. 2. Вып. 7. С. 302—322.

Монахи разных конгрегаций в XIV—XIX вв.

Акимов В. В. Книга в деревне // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 5. 1906. Сентябрь. С. 11—61.

В связи с вопросом о внешкольном образовании.

Акимов В. В. Постановка учебного дела в земских школах // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 62. 1916. Март. Отд. 3. С. 33—90. Ч. 63. Май. С. 1—60.

С таблицами в тексте. В март. кн. (примеч. на с. 33—34) указаны источники и литература.

Алексеенко М. М., профессор. Пятилетие бюджета в III Государственной Думе. СПб., 1912.

Анастасиев А. И. Новая начальная школа // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 7. 1907. Февраль. Отд. 3. С. 129—181.

Состояние школы в связи с министерским проектом всеобщего обучения.

Анастасиев А. И. В разных школах. Заметки старого учителя // Журнал министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 22. 1909. Июль. Отд. 3. С. 1—19.

Наблюдения по Вятской губернии 1907—1908 гг.

Андреев Николай. Когда же Россия станет грамотной? // Летопись. 1916. № 12. С. 308—315.

Анализ цифровых данных о грамотности и состоянии школьного дела в России *за последние 15—20 лет (до 1916 г.).*

Анисимов В. Связь грамотности крестьянского населения с его хозяйственным благосостоянием // Русское богатство. 1898. Кн. 4. Отд. 2. С. 15—25.

Антоний [Храповицкий], архиепископ Волынский. Послание к духовенству епархии о крестьянских беспорядках // Миссионерское обозрение. 1902. № 9. С. 374.

Антонович П. Что пережила Холмская Русь? Популярный исторический очерк. Холм, 1912 // Приложение к газете «Холмская Русь». Апрель—май 1912.

Анугин Д. Г. Монастырская реформа в Царстве Польском // Русская старина. 1902. Т. CXI. Сентябрь. С. 513—532; т. CXII. Октябрь. С. 145—163; декабрь. С. 555—576; т. CXIII. Январь. С. 201—210.

Исторический очерк о закрытии в 1864 г. римско-католических монастырей за участие в восстании 1863 г. Статистические сведения о монастырях. Автор — участник проведения реформы подробно описывает закрытие Бернардинского монастыря.

А. П. По поводу письма православной ревнительницы католичества // Русский вестник. 1896. Т. 246. Сентябрь. С. 304—309.

С текстом объяснительной записки попечителя Виленского учебного округа, представленной в 1889 г. министру народного образования по поводу письма к императору Александру III попечительницы женского пансиона в Шавлях, содержавшего жалобу на принуждение учеников-католиков посещать в «высокоторжественные дни» православные церкви.

Арсеньев К. К. Погибающая реформа // Вестник Европы. 1910. Кн. 6. С. 397—401.

По поводу ухудшения Гос. Советом закона о старообрядчестве, принятого III Гос. Думой.

Арсеньев К. К. Третья Дума и предстоящие выборы // Вестник Европы. 1912. Кн. 7. С. 399—408.

А. С. Из Варшавы. Кафедральный собор. Поляки и Православие // Русское обозрение. 1893. Кн. 1. С. 437—440.

О необходимости сооружения православного собора.

А. С. Из Варшавы. Православный собор // Русской обозрение. 1893. Кн. 4. С. 1078—1079.

А. С. Из Варшавы. Торжество 30 августа и его значение // Русское обозрение. 1894. Кн. 10. С. 937—944.

Закладка православного собора.

А. С. Из Варшавы // Русское обозрение. 1893. Кн. 7. С. 454—460.

Вопросы культурной жизни русского населения.

А. Ч. Введение всеобщего обучения и земские финансы // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 47. 1913. Сентябрь. Отд. 31. С. 45—94.

С таблицами расходов земств на народное образование в 1907—1910 гг.

А. Ш. Из Вологодской губернии (страничка из земской жизни). Письма из провинции // Новое слово. 1896. № 4. С. 166—174.

Вопрос о земских и церковно-приходских школах в Сольвычегодском и Великоустюжском земствах.

Баранов А. Г. Проект основных положений устройства низшей общеобразовательной школы // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 355. 1904. Сентябрь. Отд. 3. С. 1—22.

Текст проекта.

Барсов Н. П. Библиографическая заметка: Н. П. Батюшков — Холмская Русь, исторические судьбы Русского Забужья. СПб., 1887.

Оттиск из «Варшавского дневника». № 218, 220 и 222 за 1887 г.

Белецкий А. Первые годы генерал-губернаторства В. И. Назимова // Русский вестник. 1905. Т. 298. Июль. С. 156—171.

Конец 50-х годов, содержание записки митр. Иосифа Литовского Александру II об опасности полонизации края.

Белецкий С. П. Григорий Распутин. Из воспоминаний // Былое. 1925. № 21.

Белоконский И. П. О всеобщем обучении // Русская школа. 1898. № 10. С. 118—128; № 11. С. 127—147.

Статистическое исследование по материалам труда автора «Начальное народное образование в Курской губернии». 1895—1896 гг.

Бельский Сергий. Письмо в редакцию «Русское богатство». 1898. Кн. 5. Отд. 2. С. 204—207.

По поводу письма из Тамбова «Церковно-приходская школа в Тамбовском уезде» // Русское богатство. 1898.

Бердяев Н. Типы религиозной мысли в России // Русская мысль. 1916. Кн. XI. С. 1—34.

Березкин Д. М. В Изосиминской пустыньке. Рассказ из быта сектантов-бегунов // Исторический вестник. 1903. Февраль. С. 601—643.

Олонецкая губерния.

Бирюкович Вл. Начальное образование и его нужды // Русская школа. 1905. № 1. С. 146—161.

Отклик на «Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Просвещение / Сост. И. А. Петерсон. СПб., 1904.

Блосфельдт Г. Положение иноверцев и раскольников, согласно своду законов (по поводу Высочайшего указа 12 декабря 1904 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 3. С. 177—204.

Обзор действовавшего в то время законодательства.

Бобякин И. Духоборы в якутской ссылке // Русское богатство. 1909. № 2. С. 76—98; № 3. С. 34—53.

Личные воспоминания 1903—1905 гг.

Богданович А. В. Три последних самодержца. М.—Л., 1924.

Бонч-Бруевич В. Преследование сектантов // Современный мир. 1911. № 7. С. 252—282.

О преследовании общины «Новый Израиль» после циркуляра Министерства внутренних дел в октябре 1910 г.

Бонч-Бруевич В. Война и сектанты // Современный мир. № 12. Отд. 2. С. 102—115.

Бородин Н. А. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906.

Автор — член I Думы от партии умеренных прогрессистов. Книга написана по данным анкетного опроса на 1 июня 1906 г.

Боиович М. М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв, 1907—1912 гг. 4-е изд. М., 1909.

Брусянин В. В. Судьба первых депутатов. СПб., 1906.

Будилович А. С. Холмская Русь и поляки. Три статьи. СПб., 1907.

Булгаков С. Самозащита В. И. Экземплярского // Русская мысль. 1912. Кн. 8. Отд. 3. С. 39—40.

По поводу брошюры «За что меня уволили?» профессора духовной академии в защиту своего богословского направления.

Булгаков С. Чему учит дело епископа Гермогена // Русская мысль. 1912. Кн. 2. Отд. 3. С. 50—53.

Требование восстановления соборности в Русской Церкви.

Бунин Ю. Распределение населения по вероисповеданиям // Русская мысль. 1903. Кн. 7. Отд. 2. С. 137—157.

По данным переписи 1897 г.

Бычков Н. Условия введения всеобщего обучения в Московской губернии // Русская мысль. 1902. Кн. 5. Отд. 2. С. 74—102.

Анализ проекта Московского губернского земства по введению всеобщего обучения (1896) и результаты его осуществления. Обзор развития школьного дела по уездам в 1896—1901 гг.

Васюков С. И. В степях Северного Кавказа. Очерки // Вестник Европы. 1908. Кн. 6. С. 547—570; кн. 7. С. 30—54.

Баптисты Северного Кавказа в 1905 г.

Вахтеров В. П. Всеобщее обучение в малонаселенных местностях и школьная сеть // Русская мысль. 1897. Кн. 1. Отд. 2. С. 1—28; кн. 2. С. 1—21.

Проект: центральные народные училища, их филиалы с передвижным старшим отделением.

Вахтеров В. П. Общеобразовательные задачи народной школы // Русская мысль. 1897. Кн. 11. Отд. 2. С. 79—96.

Доклад в Московском обществе грамотности. За общеобразовательный характер народных школ против сторонников профессионализма.

Вахтеров В. П. Письмо к редактору // Русская мысль. 1897. Кн. 3. Отд. 2. С. 168—169.

Ответ С. А. Рачинскому («Русские ведомости», № 38) по поводу церковно-приходских школ в Смоленской губернии.

В. Б. О народном образовании в Петергофском уезде // Образование. 1901. № 9. Отд. 2. С. 56—61.

Введение всеобщего обучения в городах Российской империи // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 52. 1914. Июль. Отд. 3. С. 40—87.

Статистические данные о результатах применения законов 3 мая 1908 г. и 7 июля 1913 г.

В группе священников // Речь. 18.XI.1907.

О попытках создать сплоченную группу духовенства в III Думе.

Верховский П. В. О необходимости изменить Русские основные законы. Ноябрь. 1912 (оттиск из журнала «Церковная правда». Берлин, 1913. № 2).

Автор — проф. Императорского Варшавского университета.

Веселовский Б. Всероссийская перепись школ // Современный мир. 1911. № 7. С. 247—252.

О всероссийской однодневной переписи начальных школ в январе 1911 г.

Веселовский Б. Народное образование и Гос. Дума // Современный мир. 1911. № 1. Отд. 2. С. 305—319.

Из общественной хроники // Вестник Европы. 1903. Кн. 7. С. 434—448.

Вопрос о свободе совести на Религиозно-философских собраниях в Петербурге.

Из общественной хроники // Вестник Европы. 1905. Кн. 5. С. 433—446.

По поводу «Положения» Комитета Министров о свободе вероисповедания в связи с Указом 17 апреля 1905 г.

Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1905. Кн. 8. С. 748—768.

Извлечение из записки, поданной в Комитет Министров членами польской национальной партии о предоставлении автономии Царству Польскому.

Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1906. Кн. 2. С. 377—379.

О правилах 14 октября 1906 г. для старообрядцев и сектантов.

Веталис. Со стороны // Русская мысль. 1901. Кн. 11. Отд. 2. С. 212—218.

По поводу нападок в печати на речь М. А. Стаховича на Орловском миссионерском съезде.

Виленец. К 40-летию русской Вильны (письмо из Вильны) // Русский вестник. 1904. Т. 292. Август. С. 894—899.

Успехи русификации в 1864—1904 гг.

Вильский А. Церковные дела // Летопись. 1916. № 3. С. 298—306.

Проблемы церковно-приходского самоуправления и отделения Церкви от государства.

Виппер Р. Заметки историка о религиозных исканиях современности // Летопись. 1916. № 9. С. 204—213.

Оценка с позиций марксизма.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. II. М., 1960. С. 322—337.

Витте С. Ю. Самодержавие и земство. 1901.

Против земского самоуправления.

Владимиров А. П. Из Вильны. О Виленской думе // Русское обозрение. 1887. Кн. 8. С. 942—946.

Виленская дума и русско-польские отношения.

Владимиров А. П. Из Вильны (что предстоит новому генерал-губернатору?) // Русское обозрение. 1893. Кн. 1. С. 440—446.

Программа русификации края.

Владимиров А. П. Из Вильны. Ответ «Русскому Вестнику» // Русское обозрение. 1894. Кн. 6. С. 884—889.

Владимиров А. П. Из Вильны. По поводу плана обращения народных школ в церковно-приходские // Русское обозрение. 1894. Кн. 2. С. 1000—1001.

Владимиров А. П. Из Вильны. Духовная академия или университет? // Русское обозрение. 1894. Кн. 3. С. 481—503.

Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. Кн. 7. С. 217—241; кн. 8. С. 748—767; кн. 9. С. 171—192.

Владимиров А. П. Из Вильны. Нужно ли виленское генерал-губернаторство? // Русское обозрение. 1895. Кн. 12. С. 1024—1027.

Владимиров А. П. Из Вильны. Святой Георгий — символ польской революции // Русское обозрение. 1897. Кн. 12. С. 906—911.

О политических настроениях виленских поляков в 1897 г.

Владимиров А. П. Из новейшей летописи Северо-Западной России. История плана распольчения католицизма в Западной России с 1865 г. // Русская старина. 1885. Октябрь. С. 99—122.

О судьбе проекта введения русского языка в католическое богослужение за время управления краем К. П. Кауфмана, Э. Т. Баранова, А. Л. Потапова и Альбединского.

Владимиров А. П. История распольчения западно-русского костела // Русское обозрение. 1896. Кн. 4. С. 739—763; кн. 5.

С. 283—309; кн. 6. С. 556—580; кн. 7. С. 166—189; кн. 9. С. 164—184; кн. 10. С. 581—604; кн. 11. С. 231—256.

Литва после 1866 г.

Владимиров А. П. Как пишется история? // Русское обозрение. 1897. Кн. 10. С. 837—847.

Критическая оценка статей М. М. Кояловича «Юдифь с берегов Двины» (о генерал-губернаторе А. Л. Потапове) и «Отставка диктатора» (о М. Н. Муравьеве), вышедших отдельной книгой «За кулисами истории. Из истории Северо-западного края». СПб., 1896.

Владимиров А. П. О введении русского языка в богослужение католической и протестантской церквей в Северо-Западном крае // Вестник Европы. 1881. Кн. 3. С. 366—375.

Владимиров А. П. О положении Православия в Северо-Западном крае (1863—1892 гг.) // Русское обозрение. 1893. Кн. 2. С. 620—652; кн. 3. С. 186—211; Кн. 4. С. 671—702.

Владимиров А. П. Со Жмуди. Замена русских письмен латинскими // Русское обозрение. 1893. Кн. 2. С. 980—983.

Владимиров А. П. Толстовцы на подгорье Северного Кавказа // Русское обозрение. 1898. Кн. 1. С. 593—599.

Колония толстовцев близ Нальчика в 1896—1897 гг.

Водовозов В. Как производятся выборы в Государственную Думу по закону 3 июня 1907 года? // Народное право. СПб., 1907.

Воинская повинность и духоборы // Русский вестник. 1898. Т. 253. Февраль. С. 368—374.

Полемика со статьей в «Вестнике Европы», возражавшей против ссылки сектантов за отказ от воинской службы на 18 лет в Якутию.

Володин. Собор и патриаршество // Современный мир. 1912. № 11. С. 284—295.

Вопрос о всеобщем обучении на киевском съезде естествоиспытателей и врачей // Мир Божий. 1898. № 10. Отд. 2. С. 18—19.

Краткое изложение докладов Трегубова, Белоконского и Бориневича.

Вопрос о языке преподавания в низших и средних школах для нерусского населения. Совещание Министерства народного просвещения по вопросу о школьном образовании в Царстве Польском // Русская школа. 1907. № 2. Отд. 2. С. 74—75.

Вопросы начальной школы на II съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию // Русская мысль. 1896. Кн. 4. Отд. 2. С. 79—94.

Отчет о работах IX сессии съезда, изложение доклада Вахтерова о всеобщем начальном обучении и тезисы других докладов.

Воскресенский Н. К вопросу о всеобщем обучении в Оренбургской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 18. 1908. Декабрь. Отд. 3. С. 160—174.

Таблицы на с. 166—174.

Восторгов И. И. Государственная Дума и церковная школа. СПб., 1911. Бесплатное приложение к журналу «Народное образование» за сентябрь 1911 г.

Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода за 1890—1895 гг. СПб., 1891—1898.

Высочайший Манифест // Русское богатство. 1907. № 6. С. 5—6, 8.

Манифест 3 июня 1907 г. о роспуске II Гос. Думы и новое положение о выборах.

Высочайший Указ о римско-католических монастырях в Царстве Польском и дополнительные к сему Указу правила, 1864 г.

Вязигин А. С. Гололобовский инцидент. Харьков, 1909 (оттиск из журнала «Мирный труд» за 1909 г.).

Г. Церковно-приходские школы в Тамбовской губернии // Русская школа. 1896. № 12. С. 253—256.

Педагогическая хроника. Отчет епархиального наблюдателя.

Гапон — глава зубатовских организаций // Исторический вестник. 1917. Февраль. С. 542—573.

Гартвич А. Свод отзывов местных деятелей по вопросу об обязательном обучении // Русская школа. 1896. № 3. С. 119—134.

Доклад, составленный на основании мнений 248 лиц (инспекторов и директоров народных училищ, представителей и членов училищных советов, учителей и т. д.).

Гене Алексей. Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. Май. С. 418—434; июнь. С. 580—610.

Вильно 70—80-х гг.

Герасимов П. В. Отцы-депутаты // Биржевые ведомости. 14.III.1908. № 10 402.

Герасимов — октябрист, член III Думы.

Герасимов П. В. Крестьяне и Дума. Из впечатлений депутатов // Русская мысль. 1908. Кн. 12. Отд. 2. С. 82—99.

Оценка настроений депутатов-крестьян, в основном правых.

Гербачевский Федор, священник. Русские древности и памятники Православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губернии). Варшава, 1892.

Герье В. И. Второе раскрепощение. Общие прения по Указу 9 ноября 1906 г. в Государственной Думе и Государственном Совете с текстом Указа 9 ноября 1906 г. и Закона 14 июня 1910 г. М., 1911.

Герье В. И. Значение Третьей Думы в истории России // Новое Время. СПб., 1912. Тип. А. С. Суворина.

Гидулянов П. В. Церковь и государство по законодательству РСФСР. М., 1923.

Глаголев С. Отсутствие религиозного образования в современном обществе // Богословский вестник. 1912. Т. 3. Октябрь. С. 273—296.

Головин К. Ф. О необходимости создания земской единицы из 5—10 приходов // Новое Время. 08.III.1903. № 9701.

Голубев В. С. Первая Государственная Дума. Февраль. 1907.

Горн В. Избирательный закон 3 июня и вероятный состав III Думы. Политико-статистический этюд // Современный мир. 1907. № 7—8. Отд. 2. С. 1—34.

Горн В. Прогноз и действительный исход третьих выборов // Современный мир. 1907. № 11. Отд. 2. С. 141—159.

Горн В. Спасители России. Этюд политической статистики // Современный мир. 1908. № 1. Отд. 2. С. 50—66.

О социальном составе III Думы.

Городецкий М. И. Памятники древнего Православия в Мазовецком уезде Ломжинской губернии // Исторический вестник. 1887. Июль. С. 130—141.

На основании рассмотрения остатков нескольких униатских церквей автор доказывает принадлежность этого уезда к исконно русским землям, население которого было окатоличено не ранее начала XIX в.

Городецкий М. И. Первая женская православная община в Привислинском крае // Исторический вестник. 1886. Декабрь. С. 617—629.

Леснинская община Седлецкой губернии, преобразованная в конце 1870-х годов из бывшего костела.

Громадский Александр. Краткий исторический очерк Холмской Руси. М., 1917.

Грустный процесс тамбовских народных учителей // Русская школа. 1897. № 7—8. С. 385—397.

О телесных наказаниях в начальных школах г. Тамбова (по материалам судебного процесса, опубликованных в газете «Новое Время»).

Государственная Дума

11 декабря 1905 года. Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. № 27 029 *.

20 февраля 1906 года. Манифест. О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 26. № 27 423 *.

20 февраля 1906 года. Высочайше утвержденное Учреждение Государственной Думы // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 26. № 27 424 *.

3 июня 1907 года. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную Думу // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 27. № 29 242 *.

Общий список членов Государственной Думы I, II, III, IV созывов // Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 14. Б/г. С. I—LXXII *.

Сведения о годе рождения, образовании, занятиях, звании или сословии, избирательном округе, партийной принадлежности, должности в Государственной Думе. Сведения о членах Думы IV созыва исправлены по 25 июня 1913 г. Перечень сессий Государственной Думы.

Члены Государственной Думы I, II, III созыва // Энциклопедический словарь. Гранат. Изд. 7-е. Т. 16. Б/г. Стб. 1—76 *.

Краткие биографические сведения.

Первая Государственная Дума. 27 апреля — 8 июля 1906 г.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия I. Т. 1—2. СПб., 1906 *.

Государственная Дума. Указатель к Стенографическим отчетам. Первый созыв. Сессия I. СПб., 1907 *.

Состав Государственной Думы. Подробная таблица депутатов с указанием возраста, национальности, сословия, профессии, образования, партии и кратких биографических сведений. М., 1906 *.

Наглядная таблица выборов в Государственную Думу. СПб., 1906 *.

Расписание по губерниям числа выборщиков и членов Государственной Думы.

Боиович М. М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Первый созыв 1906—1911 гг. (сессия продолжалась с 27 апреля по 9 июля 1906 г.). М., 1906 *.

Списки членов президиума Государственной Думы; членов Думы по партийным группировкам; по губерниям, областям и городам с биографическими справками и портретами. Материал расположен в алфавите губерний. На плане различными цветами показано размещение депутатов по партиям в зале заседаний Думы. Указатель имен, губерний.

Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики деятелей. [Ч.] 1—2. М., 1906 *.

Указатель имен.

Краткие биографии членов Государственной Думы. СПб., 1906.

Биографии депутатов по губерниям.

Памятная книжка Первой Государственной Думы. СПб., 1906 *.

В алфавите губерний биографии членов Думы с портретами.

Первая Государственная Дума. Обзор деятельности. СПб., 1907.

Приложение к «Биржевым ведомостям».

Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристика членов Государственной Думы. М., 1906.

Первая Российская Государственная Дума. СПб., 1906 *.

Портреты депутатов Думы — представителей РСДРП, партии «Народной свободы», партии демократических реформ, «Союза 17 октября», Польского коло, Литовской социал-демократической партии с краткими сведениями из послужного списка. Указ. имен.

Представители Государственной Думы. СПб., 1906 *.

Портреты членов Государственной Думы.

Малаховский Г. В. Биографии господ членов Государственной Думы. СПб., 1906 *.

Материал расположен в алфавите губерний и областей. Краткие биографии депутатов.

Члены I Государственной Думы. Биографии, характеристики, политические взгляды и т. д. с портретами. М., 1906.

Дополнение по окраинам.

Куприянова Л. Депутаты первого призыва после роспуска Государственной Думы // Былое. 1907. № 2. С. 24—36.

Вторая Государственная Дума. 20 февраля — 3 июня 1907 г.

Отношение Министерства внутренних дел к Государственной Думе от 28 февраля 1907 г. за № 1479.

Государственная Дума 2-го созыва. Обзор деятельности комиссий и отделов. Приложения. СПб., 1907.

Государственная Дума 2 созыва. Стенографические отчеты. Т. 1. СПб., 1907.

Государственная Дума 2 созыва. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1907 *.

Государственная Дума 2 созыва. Указания к Стенографическим отчетам. СПб., 1907 *.

Боиович М. М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Второй созыв 1907—1912 гг. М., 1907 *.

Списки членов президиума Государственной Думы; членов Думы по партийным группировкам; по губерниям, областям и городам с биографическими справками и портретами. Материал расположен в алфавите губерний. На плане различными цветами показано размещение депутатов по партиям в зале заседаний Думы. Указатель имен, губерний.

Синодик членам II Государственной Думы. СПб., 1907 *.

Список депутатов расположен в алфавите губерний и областей с указанием должности, образования, вероисповедания и партийной принадлежности.

Список членов Государственной Думы [2-й созыв]. Б. м. и б. г. *

Списки членов Думы с указанием избирательного округа и адреса в Петербурге; вновь избранных членов Думы; членов Думы по губерниям, областям и городам.

Члены II Государственной Думы. СПб., 1907 *.

Краткие биографические справки. Сравнительная характеристика членов I и II Думы. Указатель имен.

Представители педагогического мира во II Государственной Думе // Русская школа. 1907. № 7—8. С. 237—252 *.

На с. 240—252 — списки депутатов Думы (профессоров, приват-доцентов, инспекторов, преподавателей) с краткими биографическими сведениями.

Третья Государственная Дума. 1 ноября 1907 — 9 июня 1912 г.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1908 г. Ч. 1—3. СПб., 1908 (третий созыв, сессия первая) *.

Государственная Дума. Указатель к Стенографическим отчетам. Ч. 1—3. СПб., 1908 (третий созыв, сессия первая) *.

Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия первая. 1908. Т. 1—2 (№№ 1—638) и принятые Государственной Думой формулы перехода к очередным делам. СПб., 1908 *.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1908—1909 гг. Ч. 1—4. СПб., 1908—1909 (третий созыв, сессия вторая) *.

Государственная Дума. Указатель к Стенографическим отчетам. СПб., 1909 (третий созыв, сессия вторая) *.

Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия вторая. 1909. Т. 1—3 (№№ 1—657) и принятые Государственной Думой формулы перехода к очередным делам. СПб., 1909 *.

Предметный указатель к сборнику «Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы». Третий созыв. Сессия вторая. 1909 г. СПб., 1909 *.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1909—1910 гг. Ч. 1—4. СПб., 1909—1910 (третий созыв, сессия третья) *.

Государственная Дума. Указатель к Стенографическим отчетам. Ч. 1—4. СПб., 1909—1910 (третий созыв, сессия третья) *.

Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия третья. 1909—1910 гг. Т. 1—3 (№№ 1—562) и принятые Государственной Думой формулы перехода к очередным делам. СПб., 1910 *.

Предметный указатель к сборнику «Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы». Третий созыв. Сессия третья. 1910 г. СПб., 1910 *.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910—1911 гг. Ч. 1—3. СПб., 1910—1911 (третий созыв, сессия четвертая) *.

Государственная Дума. Указатель к Стенографическим отчетам. 1910—1911 гг. СПб., 1911 (третий созыв, сессия четвертая) *.

Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910—1911 гг. Т. 1—5 и принятые Государственной Думой формулы перехода к очередным делам. СПб., 1910—1911 *.

Предметный указатель к сборнику «Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы». Третий созыв. Сессия четвертая 1910—1911 гг. СПб., 1911 *.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1911—1912 гг. Ч. 1—4. СПб., 1911—1912 (третий созыв, сессия пятая) *.

Государственная Дума. Указатель к Стенографическим отчетам. 1911—1912 гг. СПб., 1912 (третий созыв, сессия пятая) *.

Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия пятая. 1911—1912 гг. Т. 1—5 (№№ 1—831) и принятые Государственной Думой формулы перехода к очередным делам. СПб., 1911—1912 *.

Предметный указатель к сборнику «Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы». Третий созыв. Сессия пятая 1910—1911 гг. СПб., 1912 *.

Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва 1907—1912 гг. Сост. Канцелярией Государственной Думы. Ч. 1—3. СПб., 1912.

Часть 1. Общие сведения. 1912.

В ч. 1 — списки: членов Думы с указанием кратких биографических сведений; выбывших членов, членов Думы по избирательным округам с указанием фракций; членов Думы по партийным группировкам.

Часть 2. Законодательная деятельность. 1912.

Часть 3. Рассмотрение государственных росписей. 1912.

Государственная Дума. Созыв 3-й. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1—5. СПб., 1908—1912.

Сессия 1. 1907—1908. 1908.

Сессия 2. 1908—1909. 1909.

Сессия 3. 1909—1910. 1910.

Сессия 4. 1910—1911. 1911.

Сессия 5. 1911—1912. 1912.

Списки членов комиссий и отделов.

Доклады Бюджетной комиссии Государственной Думе, созыв третий, сессия первая, 1907—1908 гг. СПб., 1908.

Список членам Государственной Думы. Созыв третий. Испр. по ... [1908—1911] г. Б. м. и б. г. *

Сведения о должности и чине.

Третий созыв Государственной Думы. Портреты, биографии, автографы. СПб., 1910 *.

Бахиров А. В. Третья Государственная Дума в картограммах. СПб., 1910.

Сведения о национальности, вероисповедании, сословной принадлежности депутатов.

Боиович М. М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907—1912 гг. Изд. 6-е. М., 1913 *.

Списки членов президиума Государственной Думы; членов Думы по партийным группировкам; по губерниям, областям и городам с биографическими справками и портретами. Материал расположен в алфавите губерний. На плане различными цветами показано размещение депутатов по партиям в зале заседаний Думы. Указатель имен, губерний.

III Государственная Дума, 1910 г. Материалы для оценки ее деятельности. Парламентская фракция партии народной свободы. СПб., 1912.

III Государственная Дума. Справочник. Составлен Приставской частью Государственной Думы. Вып. 1—6. СПб., 1910—1913.

III Государственная Дума. Бюджетная работа Государственной Думы. СПб., 1912.

III Государственная Дума. Выборы по г. Москве в Государственную Думу 3-го созыва. М., 1908.

III Государственная Дума. Националисты в III Государственной Думе. СПб., 1912.

Государственная Дума. Третий и четвертый созыв. Справочник... [1909—1914 гг.] СПб., 1909—1914 *.

Сведения о составе Президиума и совещаний Думы, Совета старейшин, канцелярии и комиссий. Списки: членов с указанием избирательного округа, фракции, комиссии, по губерниям, областям и городам; по фракциям; однофамильцев, выбывших членов. С 1910 г. прибавляются списки высшим чинам Государственного Совета, Совета Министров, Сената, Синода, Собственной е. и. в. канцелярии, министерств, генерал-губернаторов. Портреты членов Думы.

Список чинов установлений при Государственной Думе состоящих. Испр. по... [1910—1912, 1914—1915, 1917 гг.] Б. м. и б. г. *

Краткие сведения о прохождении службы, размере жалованья. Указатель имен.

Список членов Государственной Думы. Четвертый созыв. Испр. по... [1912—1916 гг.] Б. м. и б. г. *

Члены Государственной Думы четвертого созыва 1913 г. [СПб., изд. Приставской части Государственной Думы, 1913] *

Портреты членов Думы с указанием губерний и города, от которых избраны.

Боиович М. М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912—1917 гг. М., 1913 *.

Списки членов президиума Государственной Думы; членов Думы по партийным группировкам; по губерниям, областям и городам с биографическими справками и портретами. Материал расположен в алфавите губерний. На плане различными цветами показано размещение депутатов по партиям в зале заседаний Думы. Указатель имен, губерний.

IV Государственная Дума. Портреты и биографии. СПб., 1913 *.

Портреты и биографии членов Думы. Списки: начальников отделов, делопроизводителей и помощников, делопроизводителей канцелярии Государственной Думы; председателей, товарищей председателей и секретарей комиссий Государственной Думы; представителей фракций и групп, приглашенных на совещание Думы. Число членов Думы по губерниям, областям, округам и городам с указанием распределения их по фракциям и группам.

Четвертый созыв Государственной Думы. Художественный фототип. альбом с портретами. СПб., 1913 *.

Биографии депутатов расположены в алфавите городов и губерний. Указатель имен.

IV Государственная Дума. Сборник законоположений и постановлений, относящихся к деятельности Государственной Думы и установлений, при ней состоящих. Составлен Приставской частью Государственной Думы. СПб., 1912.

IV Государственная Дума. Комиссии и отделы Государственной Думы. Личный состав комиссии к... СПб., 1909—1916.

Личный состав постоянных и временных комиссий, а также 11-ти отделов IV Государственной Думы. Материал расположен по отделам и комиссиям, внутри в алфавите фамилий.

IV Государственная Дума. Проекты законов, одобренные Государственной Думой.

Сессия 1—2, 4. Пг., 1913—1915.

Сессия 1. 1912—1913 гг. 1913.

Сессия 2. 1913—1914 гг. 1914. Вып. 1 (№ 1—300).

Сессия 2. 1913—1914 гг. 1914. Вып. 2 (№ 300—602).

Сессия 4. 19 июля — 3 сентября 1915 г. 1915. (№ 1—8).

IV Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов.

Сессия 1. 1912—1913 гг. 1913.

Сессия 2. 1913—1914 гг. 1915.

Сессия 3. 27—29 января 1915. 1915.

Сессия 4. 19 июля — 3 сентября 1915. 1915.

Сессия 5. 3 сентября 1915 — 20 июня 1916. 1916.

IV Государственная Дума. Сессия 1. Предметный указатель к сборнику «Приложения к Стенографическим отчетам». СПб., 1913.

IV Государственная Дума. Приложения к Стенографическим отчетам.

Сессия 1 (1912—1913). Вып. 1—6. СПб., 1913.

Сессия 2 (1913—1914). Вып. 1—10. СПб., 1913—1914.

IV Государственная Дума. Сессия 1. Справочный листок № 1—136. 15/28 ноября 1912 — 26 июня/9 июля 1913 г. СПб., 1913.

IV Государственная Дума. Сессия 1. Стенографические отчеты.

Ч. 1. Заседания 1—30 (с 15 ноября 1912 по 20 марта 1913 г.). 1913. 2438 стб.

Ч. 2. Заседания 31—54 (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). 1913. 2252 стб.

Ч. 3. Заседания 55—81 (с 27 мая по 25 июня 1913 г.). 1913. 2698 стб.

IV Государственная Дума. Сессия 1. Указатель к Стенографическим отчетам. Ч. 1—3. 1912—1914. Заседание 1—81 (с 15 ноября 1912 г. по 25 июня 1913 г.). СПб., 1913.

IV Государственная Дума. Сессия 1. Доклады Бюджетной комиссии. Вып. 1—4. СПб., 1913.

IV Государственная Дума. Доклады Бюджетной комиссии. Вып. 1—5. СПб., 1914.

IV Государственная Дума. Сессия 2. Стенографические отчеты.

Ч. 1. Заседания 1—28 (15 октября 1913 по 21 января 1914 г.). 1914. 2096 стб.

Ч. 2. Заседания 29—52 (22 января по 19 марта 1914 г.). 1914. 1994 стб.

Ч. 3. Заседания 53—75 (21 марта по 5 мая 1914 г.). 1914. 2048 стб.

Ч. 4. Заседания 76—97 (с 7 по 28 мая 1914 г.). 1914. 1932 стб.

Ч. 5. Заседания 98—111 (с 30 мая по 14 июня 1914 г.). 1914. 1396 стб.

Заседание 26 июня 1914 г. (по поводу войны). 1914. 40 стб.

IV Государственная Дума. Сессия 2. Справочный листок № 1—153 (15/28 октября 1913 — 15/28 июня 1914 г. СПб., 1913—1914.

IV Государственная Дума. Сессия 2. Указатель к Стенографическим отчетам. Заседания 1—111 (15 октября 1913 по 14 июня 1914 г.).

IV Государственная Дума. Сессия 2. Приложения к Стенографическим отчетам. Вып. 1—10. 1913—1914.

IV Государственная Дума. Сессия 2. Предметный указатель. Приложения к Стенографическим отчетам. 1914.

IV Государственная Дума. Сессия 3. Доклад Бюджетной комиссии по проекту закона о росписи на 1915 г. Пг., 1915.

IV Государственная Дума. Сессия 3. Наказ Гос. Думы. Пг., 1915.

IV Государственная Дума. Сессия 3. Справочный листок № 1—4. 27 января — 30 января 1915 г. СПб., 1915.

IV Государственная Дума. Сессия 3. Стенографические отчеты. Заседания 1—3 (27—29 января 1915 г.). Пг., 1915.

IV Государственная Дума. Сессия 3. Приложения к Стенографическим отчетам. Пг., 1915.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Доклады Бюджетной комиссии по проекту росписи на 1916 г. Вып. 1—3. Пг., 1916.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Проекты законов, одобренных Гос. Думой. Пг., 1915.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Справочный листок № 39—115. 9 февраля — 21 июня 1916 г. СПб., 1916.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Стенографические отчеты.

Ч. 1. Заседания 1—16. 19 июля — 3 сентября 1915 г. 1399 стб.

Ч. 2. Заседания 17—37. 9 февраля — 15 марта 1916 г. 1213—3502 стб.

Ч. 3. Заседания 38—60. 17 марта — 20 июня 1916 г. 3503—5820 стб.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Указатель к Стенографическим отчетам. Заседания 1—60 (19 июля 1916 г. — 20 июля 1916 г.). СПб., 1916.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Предметный указатель к сборнику «Приложения к Стенографическим отчетам». 1916.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Приложения к Стенографическим отчетам. Вып. 1—5. № 1—373. Пг., 1915—1916.

IV Государственная Дума. Сессия 4. Справочный листок. № 39—115. 1916.

IV Государственная Дума. Сессия 5. Стенографические отчеты. Заседания 1—19. 1 ноября 1916 г. — 14 февраля 1917 г. Пг., 1917. 1316 стб.

IV Государственная Дума. Прогрессисты. Политическая группировка в Гос. Думе. Сессия 1—2. Вып. 1—4. СПб., 1913—1914.

Конституционно-демократическая партия в IV Гос. Думе. Фракция Народной Свободы. К.-д. в период 15 ноября 1912 г. — 25 июня 1913 г. Отчет о деятельности фракции. СПб., 1913 (сессия 1).

Конституционно-демократическая партия в IV Гос. Думе. Фракция Народной Свободы. «Военные» сессии 26 июля 1915 г. — 3 сентября 1916 г. Ч. 1. Отчет фракции; ч. 2. Речи депутатов. Пг., 1916.

Конституционно-демократическая партия в IV Гос. Думе. Фракция Народной Свободы в период с 15 октября 1913 г. по 14 июня 1914 г. СПб., 1914. С. 1—2.

Ч. 1. Отчет фракции.

Ч. 2. Речи членов фракции во второй сессии IV Гос. Думы.

Давыдов Н. Указ о веротерпимости // Научное слово. 1905. Кн. 6. С. 121—125.

Разбор указа 17 апреля 1905 г.

Дело ксендза Белякевича // Мир Божий. 1898. № 12. Отд. 2. С. 26—28.

События в Ковно в связи с арестом ксендза по обвинению в истязаниях.

Дикарев М. Народные толки 1897 г. // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 132—133.

Запись слухов, один из них об антихристе.

Дикарев М. Толки народа в 1899 г. // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 162—169.

Записи слухов о конце мира в Воронежской и Курской губерниях.

Добровольский В. Значение народного праздника. Свечи // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 35—51.

Описание Николина и Троицына дней в Смоленской и Калужской губерниях. Древнее ядро: культ рода, предков и домашнего очага.

Дурново Н. Н. Мутный источник, или по поводу речи г. Пуришкевича в Государственной Думе по делам Грузинской Церкви. М., 1909 (оттиск из «Русского стяга», 1909).

Дымша Л. П. Холмский вопрос (историко-правовое исследование на основе этнографических и исторических данных). СПб., 1910.

Закон о Холмской губернии и краткая история вопроса о выделении Холмской Руси // Холмский народный календарь на 1913 г. Холм, 1912. С. 177—190.

Евлогий, епископ. Против смягчения наказаний за богохульство и кощунство // Слово. 10.II.1908. ЦР. III, 7; Слово. 21.II.1908. ЦР. III, 7; Полоцкие епархиальные ведомости. 15.VII.1908. ЦР. III, 81.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.

Есипов В. В. Высшее образование в Царстве Польском за 100 лет (1815—1914) // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 54. 1914. Ноябрь. Отд. 4. С. 15—33.

Статистический очерк.

Ефимович Л. Собеседование в Прочноокопе (с натуры) // Русское богатство. 1911. № 8. С. 213—294.

Диспут о вере между миссионером Ксенофонтом Крючковым и старообрядцем.

Жилкин И. В. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1909. Кн. 6. С. 787—796.

Сведения о старообрядчестве.

Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. Т. 4. СПб., 1909.

Закон об исповедующих вероучение мариавитов 30 марта 1912 г. // Известия Министерства иностранных дел. 1912. Кн. 6. С. 5—6.

Заозерский Н. О созыве Поместного Российского Собора и о Патриаршестве // Богословский вестник. 1912. Т. II. Июнь. С. 256—273.

Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974.

Золотарев А. М. Вероисповедный состав населения России // Русский вестник. 1902. Т. 279. Май. С. 96—112.

Перепись 1897 г.

Иванов А. И. Верования крестьян Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 68—118.

Иванов А. И. Толки народа об урожае, войне и чуме // Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 134.

Ивановский Н. И. Судебная экспертиза о секте хлыстов // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 1. Отд. 2. С. 79—108.

Ивановский Н. И. Экспертиза о секте странников или бегунов // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. Отд. 2. С. 162—173.

Извеков Н. Из Вильны. Печальная страница из истории Православия в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. Кн. II. С. 551—560.

Православный приход в местечке Кривичи (близ Вильно) в XIX в.

Изгоев А. С. Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль. 1908. Кн. 5. Отд. 2. С. 122—137.

Критика государственной политики.

Ильин А. А. Виленский учебный округ в 1903 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 357. 1905. 1 февраля. Отд. 41. С. 45—60.

Статистические данные.

Инструкции о порядке продажи земель из состава майоратных и подуховных имений в губерниях Варшавского генерал-губернаторства и Холмской на основании закона 30 июня 1913 г. СПб. Департамент государственных земельных имуществ. 1914.

Иорданский Н. Свобода совести // Современный мир. 1909. № 6. Отд. 2. С. 128—140.

Политическое обозрение. О прениях в III Думе по вероисповедным вопросам.

Иорданский Н. Наследство четвертой сессии // Современный мир. 1911. № 5. С. 312—320.

И. С. Правительственные законопроекты о веротерпимости // Журнал для всех. 1905. № 3. С 197—198. Внутренняя хроника.

Обсуждение Комитетом Министров вопросов о веротерпимости и тексты постановлений.

Истомин В. А. Немецкие канторатьі в Привислинском крае // Русский вестник. 1903. Т. 287. Октябрь. С. 602—618.

О преобразовании начальных лютеранских и реформатских училищ в обычные начальные училища.

Истомин В. А. Очередные вопросы в Привислинском крае. Православно-русское дело в крае // Русский вестник. 1903. Т. 294. Март. С. 231—244.

Католические религиозные и благотворительные общества и учреждения. Усиление католической пропаганды в Холмщине.

Истомин В. А. Народная школа в губерниях Привислинского края // Русский вестник. 1903. Т. 288. Декабрь. С. 590—619.

Истомин В. А. Свои и чужие враги православно-русского дела в губерниях Привислинского края. М., 1907.

Истомин В. А. Очередные вопросы в Привислинском крае. Римско-католические духовные семинарии в губерниях Привислинского края // Русский вестник. 1903. Т. 284. Апрель. С. 527—554.

История римско-католических семинарий с 1843 г. Характеристика преподавания в них русского языка и русской истории.

Начальное образование в Привислинском крае // Русская школа. 1905. № 3. С. 92—93.

Недостаточное количество школ и низкий процент учащихся детей.

О польской средней школе // Русская школа. 1905. № 10—11. С. 104—106.

Положение школы в 1905 г.

Разные известия и сообщения // Русская школа. 1905. № 4. С. 111—112.

Заметка по поводу признания большинством особого совещания министров (8 марта 1905 г.) о желательности допущения преподавания в Польше на польском языке.

К. Школа и учитель в Литве (письмо из Вильны) // Образование. 1901. № 4. Отд. 2. С. 45—53.

Каменев. С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев о современном положении Православной Церкви // Вестник Европы. 1909. Кн. 2. С. 651—691.

Обстоятельства борьбы в 1904—1905 гг. по вопросам веротерпимости и созыва Поместного Собора.

Каменский П. В. (октябрист, председатель вероисповедной комиссии III Думы) // Вероисповедные и церковные вопросы в Гос. Думе III созыва и отношение к ним Союза 17 октября. М., 1909.

Каминка и Гессен. Вторая Гос. Дума. СПб., 1907.

Каретников С. М. Холмская губерния. Географически-исторический очерк. С приложением родословных таблиц Волынских и Галицких князей, дома Гедимина и пр. Лубны, 1913.

Кауфман А. Съезд крестьян-старообрядцев (22—25 февраля 1906 г. в Москве). Материалы // Русская мысль. 1907. Кн. 2. Отд. 2. С. 26—45.

К вопросу об алфавите для литовско-жмудских книг // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 259. 1 октября. Отд. 41. С. 32—56.

О борьбе за введение русского алфавита вместо латинского в букварях для литовских школ в 1865—1888 гг.

Клейнбарт. Клерикалы на час // Новая жизнь. 1912. Август.

О подготовке выборов в IV Думу.

Климент, инок. Имябожнический бунт, или плоды учения книги «На горах Кавказа» // Исторический вестник. 1916. Март. С. 752—785.

Полемика с описанием волнений в Ново-Афонском монастыре 1912—1913 гг. в статье Косвинцева Е. Н. Черный бунт // Исторический вестник. 1915. Январь.

Киреев А. А. Польский вопрос и старокатолицизм. Речь в Славянском благотворительном обществе // Русское обозрение. 1898. Кн. 4. С. 593—608.

Ковалевский Е. П. Народное образование и церковное достояние в III Государственной Думе. СПб., 1912. С. 385.

Коковцев В. Н. Речи министра финансов В. Н. Коковцева по бюджетным вопросам в заседаниях Государственной Думы 16, 20 и 28 февраля 1909 г. СПб., 1909.

Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1911 гг. // Иллюстрированная Россия. Т. 1—2. Париж, 1933.

Т. 1. На посту Министра финансов до моего первого увольнения 1903—1905 гг. От моей отставки до нового назначения меня Министром финансов 1905—1906 гг. Гос. Дума первого и второго созыва 1906—1907 гг. От открытия Гос. Думы третьего созыва до убийства Столыпина.

Т. 2. На посту председателя Совета Министров, октябрь 1911 г. Моя отставка 29 января 1914 г. время после моего увольнения. Революция и бегство из России.

Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 1—60.

Кони А. Ф. Из области религиозный исканий // Вестник Европы. 1912. Кн. 12. С. 115—139.

О положении сектантов в России, конец XIX в. — 1911 г.

Кони А. Ф., Турау Е. Ф. Письмо в редакцию // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 294—296.

По поводу поправок Н. А. Логинова в брошюре «Униатские дела в воспоминаниях А. Ф. Кони и в действительности» к сочинению А. Ф. Кони «Воспоминания судебного деятеля». Речь идет о преследованиях «упорствующих униатов Седлецкой губернии» (70-е годы).

Коноров А. И. Проезд Варшавского архиепископа Никанора через Мариамполь // Русская старина. 1917. Октябрь—декабрь. С. 59—70.

Торжественная встреча архиепископа в г. Мариамполь Сувагской губернии в 1907 г.

Корнилов А. Русская политика в Царстве Польском после 1863 г. // Русская мысль. 1915. Кн. III. С. 1—36.

Косвинцев Е. Н. Черный бунт // Исторический вестник. 1915. Январь.

О волнениях в Ново-Афонском монастыре в связи с имяславчеством.

Красножен М. О неправославных христианах в России. К вопросу о свободе совести и веротерпимости в России // Русский вестник. 1904. Январь. С. 79—120.

Исторический обзор и современное положение инославных по действующему закону.

Красножен М. Новейшее законодательство по делам Православной Русской Церкви // Ученые записки Юрьевского университета. 1909. № 8. С. 1—71.

Обзор законодательства за 1904—1907 гг.

Круковский А. Забытые русские люди. К вопросу о западнорусском старообрядчестве // Русская старина. 1915. Июнь. С. 477—493.

Поселения старообрядцев в Ковенской губернии в 1863—1907 гг.

Круковский А. Один из людей Иосифа Семашко. К истории возникновения русских поселений в Ковенской губернии // Русская старина. 1911. Июль. С. 88—108.

Педагогическая и церковная деятельность протоиерея Софрония Лукича Зосимовича (1835—1896 гг.) в Ковенской губернии в 60—80 гг.

Крыжановский Е. М. Русское Забужье (Холмщина и Подлясье). СПб., 1911.

Сборник статей с предисловием И. П. Филевича.

К постройке исторического храма-памятника в Вильно // Исторический вестник. 1912. Январь. С. 413—414.

В честь 300-летия дома Романовых и в память кн. К. К. Островского.

Кузнецов. Управление иностранными исповеданиями в России в его историческом развитии. Ярославль, 1897.

Куропаткин А. Н. (военный министр). Дневник (запись 31 октября 1903 г.) // Красный Архив. 1922. Февраль. С. 81—82.

О записке Льва Тихомирова и о Зубатове.

Кучинский Иосиф. Проект выделения Холмщины на почве русско-польских отношений. СПб., 1911.

Л. Из Привислинья // Русское обозрение. 1897. Кн. 3. С. 536—539.

Характеристика бывшего попечителя Варшавского учебного округа А. Л. Апухтина (1879—1895 гг.). Положение Польской Церкви.

Ларский И. На родине. Миссионерский съезд // Современный мир. 1908. № 9. Отд. 2. С. 46—60.

О IV миссионерском съезде в Киеве.

Ларский И. На религиозном пути // Современный мир. 1910. № 5. Отд. 2. С. 47—51.

Вопрос текущей жизни. О религиозном брожении в России.

Ларский И. Материалы для русского Декамерона // Современный мир. 1911. № 1. С. 330—345.

О жизни русских монастырей.

Ларский И. Илиодор // Современный мир. 1911. № 9. С. 273—288.

О деятельности Илиодора в Царицыне.

Л-ев. Ненормальные явления в жизни народной школы Северо-Западного края России // Русское обозрение. 1897. Кн. 2. С. 913—946.

Препятствия со стороны ксендзов обучению в начальных школах на русском языке и попытки полонизации литовского алфавита.

Линд В. Законодательство и жизнь // Русская мысль. 1909. Кн. 5. Отд. 2. С. 170—186.

Оценка деятельности III Думы.

Липранди А. П. С берегов Вислы. Варшавский собор и нужды Православия в крае // Русское обозрение. 1895. Кн. 1. С. 452—460.

Липранди А. П. Поляки и школа // Русский вестник. 1897. Т. 250. Июль. С. 166—191; т. 250. Август. С. 122—145; т. 251. Октябрь. С. 268—283.

Борьба с польским католическим влиянием в школе (Белоруссия и Литва, XIX в.).

Липранди А. П. Литовская культура и литовская письменность // Русский вестник. 1898. Т. 253. Январь. С. 337—352.

В защиту перехода на русский язык в школах Литвы.

Липранди А. П. Прибавления к Церковным ведомостям 07.III.1908 и 04.IV.1908.

Серия статей о Государственной Думе.

Л-ко. Письмо из Варшавы // Русский вестник. 1898. Т. 258. Ноябрь. С. 413—415.

Борьба поляков против введения русского языка в государственных и учебных заведениях.

Любарский И. Об унии недоброй памяти. Историческая справка // Русское обозрение. 1897. Кн. 3. С. 403—425.

Процесс разрыва православно-католической унии 1596—1875 гг. в связи с попыткой унии на т. н. «Вселенском соборе для соединения Церквей» в 1894 г.

Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1910.

Данные о доходах с земли // Церковь. 26.I.1908. № 4; Приложение к Прибавлениям к Церковным ведомостям. 1906. № 51—52.

М. Народная школа в Северо-Западном крае. Письмо из Вильны // Мир Божий. 1901. № 4. Отд. 2. С. 27—33.

Статистические сведения за 1893 г.

Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 255 и др.

Маклаков В. III Сессия Государственной Думы. Отчет депутата // Русская мысль. 1911. Кн. 2. Отд. 2. С. 96—125.

Маслов П. Перелом в крестьянском мировоззрении // Современный мир. 1907. № 12. С. 138—160.

О влиянии сектантства на выработку демократического лозунга «земли и воли».

Мельгунов С. К характеристике идеологии современного сектантства // Русское богатство. 1909. № 2. С. 217—227.

Эволюция мировоззрения сектанта от баптизма к социализму по его «письмам к друзьям».

Мельгунов С. Защита свободы совести // Вестник Европы. 1909. Кн. 3. С. 83—98.

В связи с обсуждением в вероисповедной комиссии III Государственной Думы.

Мельгунов С. Сектантство и психиатрия // Русское богатство. 1910. № 6. Отд. 2. С. 1—35.

Миловидов А. И. Важнейшее просветительное учреждение в Северо-Западном крае. К 35-летию Виленской публичной библиотеки // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 345. Февраль. Отд. 4. С. 97—123.

Миловидов А. И. Деятельность гр. М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863—1865 гг.). По архивным материалам // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 360. Июль. Отд. 3. С. 30—100.

Минквиц Р. Ф. Народное образование в Виленском учебном округе // Вестник Европы. 1877. Кн. 7. С. 304—315.

Статистический обзор. В Виленский учебный округ входили губернии: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская.

Мир Божий. 1892. № 11. Отд. 2. С. 22—23.

Еще к миссионерскому съезду в Казани. Вопрос об отбирании детей у сектантов.

Мир Божий. 1897. № 10. Отд. 2. С. 13—17.

Миссионерский съезд в Казани (август 1897 г.). Вопрос о сектантстве.

Мир Божий. 1898. № 3. Отд. 2. С. 14—15.

Курьезный проект. О проекте Брянского уездного собрания создать особые должности миссионеров. Прения по этому вопросу в Орловской губернии земском собрании.

Мир Божий. 1901. № 4. Отд. 2. С. 17—19.

Баптизм и штунда. «Донская речь» по поводу разбора дела крестьян-баптистов пос. Б. Кащинки в Новочеркасском съезде мировых судей.

Мир Божий. Внутреннее обозрение. 1905. № 5. Отд. 2. С. 20—43.

Указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости.

М. Н. На предвыборных собраниях // Современный мир. 1909. № 10. Отд. 2. С. 65—76.

О выборах в III Думу.

Модест, епископ Нижегородский и Арзамасский. Холмская православная епархия // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. Варшава, 1886.

Морозов П. Русское дело в Литовской Руси // Русский вестник. 1883. Т. 166. Июль. С. 5—73.

Статья не окончена. Очерк управления Северо-Западным краем М. Н. Муравьева, К. П. фон Кауфмана и Э. Т. Баранова, 1863—1868 гг.

Морошкин М. Иезуиты в России. Т. I—II. СПб., 1888.

М. Р. Свобода совести и Закон 17 апреля 1905 г. // Русское богатство. 1905. № 5. С. 135—163.

Разбор положения до издания закона и рассмотрение указа.

Муравьев М. Н. Из переписки относительно религиозных и церковно-обрядовых вопросов Северо-Западного края 1863—1864 гг. Сообщил А. Миловидов // Русский архив. 1914. Вып. 12. С. 546—565.

Муравьев Н. Четвертая Дума и наше великодержавное будущее. СПб., 1912.

Муханов А. А., Набоков В. Д. Первая Государственная Дума. Сборник статей. Вып. I—III. СПб., 1907.

Мякотин В. По поводу статей «Права» о проекте церковной реформы // Русское богатство. 1905. № 5. С. 186—192.

Критика статьи Трубецкого, приветствующего церковную автономию, обеспечивающую, по мнению Мякотина, вмешательство в светскую жизнь.

Наблюдатель. Националистические и национальные течения в III Думе // Русская мысль. 1912. Кн. 8. Отд. 2. С. 11—37.

На память русскому народу Подляшья и Холмской Руси о воссоединении его с Православием в 1875 г. Варшава, 1876.

Несколько возражений на книгу: *Дымша Л.* Холмский вопрос. Холм. Изд. Холмского Св.-Богородицкого братства, 1911.

Неманов Л. Текущие вопросы внутренней жизни. Эволюция партийных отношений в III Думе // Русская мысль. 1910. Кн. 8. Отд. 2. С. 152—178.

В основном отношения октябристов и кадетов.

Никандров И. В. (журналист, член «Внедумской вероисповедной комиссии», октябрист). Церковь и вероисповедный вопрос в III Государственной Думе. СПб., 1912.

Никанор, епископ. Свобода совести, как христианская основа (по поводу доклада М. А. Стаховича) // Миссионерское обозрение. 1901. Февраль. С. 540—545.

Николаев К. Н. Восточный обряд // Париж. ИМКА-пресс, 1950.

Николай II. Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденные положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 5. С. 1—11.

Тексты документов.

Никон [Бессонов], епископ. Церковь и социальный вопрос // Церковно-общественный вестник. 07.II.1913. № 6.

Никон [Бессонов], епископ. Мое доброе слово к православному духовенству // Прибавления к Церковным ведомостям. 18.VIII.1912.

Против октябристов.

Никонович, протоиерей. Дневник // Полоцкие епархиальные ведомости. 1908—1911.

Серия статей о думских событиях, автор — депутат III Думы.

Новиков Н. «В вечную память» Преосвященнейшему Александру, архиеп. Литовскому и Виленскому // Русский архив. 1885. Вып. 6. С. 294—299.

О церковной деятельности архиепископа Александра (Добрынина), в частности об учреждении им в 1864 г. Ковенского Свято-Никольского братства. Приводится письмо митр. Филарета.

Новорусский М. Душеспасительное хозяйство (Валаамская трудовая община) // Современный мир. 1907. № 9. Отд. 2. С. 40—59.

О примитивности монастырского хозяйства.

Новый избирательный закон // Профессиональный вестник. 1907. № 9. С. 1—2.

Критика закона 3 июня.

Нотариальное опровержение чуда // Всемирный вестник. 1903. № 9. С. 217.

Опровержение версии брошюры Холмушина, изданной в 1903 г., о том, что смерть крестьянина-старообрядца последовала в наказание за издевательство над мощами преп. Серафима Саровского.

Н. Э. Реформа Церкви // Русский вестник. 1906. Т. 304. Август. С. 480—498.

О проекте Предсоборного Присутствия 1906 г.

Об укреплении начал веротерпимости. Сборник. 17 апреля 1905 г. Именной Высочайший Указ правительствующему Сенату. Высочайше утвержденные Положения Комитета Министров и извлечения из особых журналов Комитета Министров // Русь. Пг., 1905. Издание неофициальное.

Обухов А. Общий очерк работы Государственной Думы по сметам Св. Синода за пятилетие 1908—1913 гг. Тверь, 1912.

Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. I—II. 1905.

Обухов А. Что сделала третья Государственная Дума и что должна сделать четвертая Дума для народного образования // Русская мысль. 1912. Кн. 11. Отд. 3. С. 33—38.

Критика книги А. Н. Роопа «Что сделала третья Государственная Дума для народного образования?»

О-в Н. Библиотеки для народного чтения при сельских народных училищах Виленского учебного округа // Русская школа. 1895. № 10. С. 199—203.

Период 1893—1894 гг.

О-в Н. Народное образование в Виленском учебном округе в 1893 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Ч. 298. Март. Отд. 4. С. 1—44.

О-в Н. Народное образование в Виленском учебном округе в 1896 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. 315. Февраль. Отд. 4. С. 138—190.

О-в Н. Учительские семинарии Виленского учебного округа // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 323. Май. Отд. 4. С. 1—27.

Огановский Н. У евреев в Литве (поездка по Литве) // Северные записки. 1915. Июль—август. С. 172—191.

Выселение евреев из Литвы в мае 1914 г.

Оглоблин Н. На озере Светлояре. Из путевых заметок // Русское богатство. 1905. № 6. С. 131—158.

Религиозные споры православных миссионеров со старообрядцами в г. Светлояре.

Огнев Н. В. На пороге реформ Русской Церкви и духовенства // Народное право. СПб., 1907.

Автор — священник Яранского уезда Вятской губернии, член I Государственной Думы от партии кадетов, примыкал к левому крылу, кандидат от вятского духовенства в Государственный Совет.

О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве // Прибавления к Церковным ведомостям. 20.09.1908. № 38.

О значении монастырской реформы в Царстве Польском. СПб., 1864.

Остроумов Т. Епископский абсолютизм в народной школе // Русская школа. 1906. № 7—8. С. 154—159.

Отчет Ковенской комиссии по устройству народных чтений за весь период их осуществления // Русская школа. 1894. № 9—10. С. 372—374.

Период 1892—1894 гг.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. II, III. СПб., 1906.

Панкратов А. Ямы. Очерки религиозных исканий // Русское богатство. 1910. № 4. Отд. 2. С. 1—32.

Трактир на Рождественке в Москве как место религиозных споров.

Панов А. Вопросы народного образования на губернском земском собрании (письмо из Саратова) // Образование. 1907. № 2. Отд. 3. С. 30—38.

Папков А. А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России // Русский вестник. 1900. Т. 265. Февраль. С. 605—628; т. 266. Март. С. 131—153.

Папков А. А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя // Русский вестник. 1902. Т. 279. Июнь. С. 638—660; т. 279. Июль. С. 196—216.

История развития христианской общины с древности до XIX в. и проекты преобразований прихода.

Песковский М. На службе. Из личных воспоминаний // Русская старина. 1896. Декабрь. С. 541—563.

Воспоминания учителя Дисненского приходского училища в 1860-х годах.

Петрищев А. Перед кризисом // Русское богатство. 1907. № 6. С. 78—106.

Духовенство и революционное движение.

Петрищев А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1909. № 6. Отд. 2. С. 59—92.

О вероисповедных вопросах в Гос. Думе, о делах и настроениях и православных и старообрядцев.

Петрищев А. Хозяева // Русское богатство. 1907. № 11. С. 160—166.

Характеристика состава большинства III Думы.

Петрушевич А. С. Холмская епархия и святители ее по 1866 г. Львов, 1867.

Пешехонов А. Хроника внутренней жизни. Средство для наружного и внутреннего употребления // Русское богатство. 1910. № 4. Отд. 2. С. 116—139.

О значении Гос. Думы для правительства.

Пешехонов А. На очередные темы. Бог и Мымрецов // Русское богатство. 1910. № 9. Отд. 2. С. 90—123.

О преследованиях сектантов.

Пиленко А. Русские парламентские прецеденты. СПб., 1907.

Письма Антония (Храповицкого) митрополиту Флавиану. СПб., 1911—1915.

Плеве В. К. О необходимости поднять значение Церкви // Красный Архив. 1922. Т. II. С. 43.

Плещанский В. М. Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV—XVIII вв. и др. источникам. Т. 1. Вильно, 1899; т. 2. 1901.

Погодин А. Л. Литовское национальное возрождение в конце XIX в. // Русская мысль. 1909. Кн. 1. Отд. 2. С. 127—151.

Погодин А. Л. Литовский вопрос в настоящее время // Русская мысль. 1909. Кн. 12. Отд. 2. С. 70—87.

Литовское национальное движение и польско-литовский вопрос в 1902—1908 гг. по материалам периодической печати и брошюр.

Подольский Н. К вопросу о церковных реформах // Русский вестник. 1905. Т. 298. Август. С. 577—594.

Полное собрание законов Российской империи. № 28 426.

Половцев А. А. (секретарь Гос. Совета). Дневник за 1902 г. // Красный Архив. 1923. Т. III. С. 122—128.

О демонстрации рабочих в годовщину освобождения крестьян (с участием вел. князя Сергея Александровича). Предупреждения Витте об опасности этой игры // Красный Архив. 1923. Т. IV. С. 123—130.

Польская начальная школа // Русская школа. 1906. № 5—6. С. 61—63.

Педагогическая хроника. О произвольных действиях русской администрации, запретившей преподавание на польском языке в Варшаве.

Польский язык в начальных школах Польши и Литвы // Русская школа. 1906. № 4. С. 102.

Сообщение попечителя Варшавского округа о введении в польских и литовских школах родного языка.

Полянский И., священник. Старообрядцы и Высочайший Указ 17 апреля 1905 г. М., 1905.

Померанцев Н. Х. Страничка из т. н. униатского дела. Из воспоминаний судебного следователя // Русская мысль. 1909. Кн. 1. Отд. 2. С. 61—78.

Автор — седлецкий окружной прокурор по делу униатов в 1876—1878 гг. Приложение — переписка варшавского генерал-губернатора Коцебу с седлецким губернатором Громекой. Характеристика методов насильственного перевода униатов в Православие.

Правила о церковно-приходских школах. СПб., 1885.

Пономарев А. Отечественная Церковь в минувшем году / Церковный вестник. 15.01.1904. № 3.

Попов А. А., священник (депутат III Думы). Доклад о свободе вероисповедания // Слово. 16.II.1908.

Потехин Савва, священник (киевский епархиальный миссионер). В чем находят себе оправдание меры государственного принуждения и воздействия на раскольников? (По поводу доклада М. А. Стаховича) // Миссионерское обозрение. 1901. Февраль. С. 546—549.

Правила изложения законопроекта выработаны особым совещанием из чинов Государственной Канцелярии и Канцелярии Государственной Думы. СПб., 1913.

Приход православный:

Аксаков И. С. // День. 01.VII.1864. Ц.Р. I. 33—34; Русь. 16.X.1882; Русь. 16.X.1882.

Папков А. А. Перечень 7 трудов о приходе 1897—1902 гг. ЦиР, 1, 34.

Папков А. А.

Древнерусский приход. 1897.

Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в России. 1898.

Упадок православных приходов в России. 1899.

Начало возрождения церковно-приходской жизни. 1900.

Православные приходы в Финляндии. 1901.

Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя. 1902.

Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. 1902.

Необходимость преобразования в выборе и положении церковного старосты. 1902.

Докладная записка о приходе. ЦиР, 1, 40—41.

Церковные ведомости. 1904 — статья «Возрождение православного прихода». ЦиР, 1, 42.

Головин К. Ф. // Новое Время. 1900. № 8. Март. № 9701.

Ровинский Н. // Новое Время. 1903. № 2. Апрель. № 9726.

Степанов Л. (критич.) // Новый путь. 1903. Апрель. С. 196—198.

Пономарев А. // Церковный вестник. 15.I.1904. № 3. С. 33.

Проект Папкова о создании общества возрождения прихода, поддерж. митр. Антонием «вето» Победоносцева. ЦиР, 1, 46.

IV Государственная Дума. Приходский вопрос в четвертой Государственной Думе. «Союз 17-го Октября». СПб., 1914.

Проезжий. Из Привислинского края // Русское обозрение. 1894. Кн. 7. С. 415—423.

Задачи русификации края.

Просветительная деятельность монастыря // Русская школа. 1898. № 7—8. С. 347—348.

Леснинский женский монастырь Седлецкой губернии.

Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 3.

Пругавин А. С. Раскол и бюрократия // Вестник Европы. 1909. Кн. 10. С. 650—678; кн. 11. С. 162—183.

История административных преследований старообрядцев в XIX и в начале XX вв. до 1909 г. в связи с обсуждением в Гос. Думе вероисповедных вопросов.

Пругавин А. С. Религиозные гонения при обновленном строе // Вестник Европы. 1911. Кн. 8. С. 121—136.

Факты гонений (1909—1910 гг.) против секты «Новый Израиль».

Пругавин А. С. На родине и на чужбине. Иллюстрация на тему о свободе совести // Русское богатство. 1912. № 10. С. 275—285.

О штундистах в России и в Америке.

Пругавин А. С. Отчего сектанты бегут из России? // Вестник Европы. 1913. Кн. 10. С. 346—354.

Располячение костела // Русский вестник. 1896. Т. 245. Август. С. 335—341.

По поводу проекта введения русского языка в католическое богослужение в Западной России. Извлечения из статей противников этого проекта (Кулин, Бессонов, Деревицкий) и его защитника Владимирова.

Рачинский С. А. Церкви и школы // Русское обозрение. 1898. Кн. 1. С. 169—176.

О приходский школах.

Рачинский С. А. Сельская школа. С. 242, 284.

Рейснер М. А. Мораль, религия и право по действующему русскому закону // Вестник Права. 1900. Октябрь. № 8.

Религиозно-философские собрания в СПб. // Новый путь. 1903. № 1, 3.

Рогаля-Левицкая Н. Из жизни одной воскресной школы // Образование. 1898. № 10. Отд. 1. С. 32—49; Вильно, 1889—1896.

Родзянко М. В. Крушение монархии. 1929.

Рождественский Т. (воронежский епархиальный миссионер). Свобода совести и русское законодательство о расколо-сектантах (по поводу доклада М. А. Стаховича) // Миссионерское обозрение. 1901. Февраль. С. 549—555.

Ропп А. Н. Что сделала III Государственная Дума для народного образования? СПб., 1912.

Росницын П. Церковная жизнь и вопрос о патриаршестве // Русская мысль. 1913. Кн. 1. Отд. 3. С. 45—48.

Саатчиан А. Л. Положение о выборах в Государственную Думу с разъяснениями Правительствующего Сената Министерства внутренних дел, с подробным предметным указателем и приложением Учреждений Гос. Совета и Государственной Думы и правил о рассмотрении Государственной росписи. СПб., Законоведение. 1912.

Савельев А. А. На заре освободительного движения. 1914.

О кризисе 1900—1903 гг.

Саблер В. К. Какой взгляд мамоны // Прибавления к Церковным ведомостям. 22.VII.1912; 29.IX.1912.

О столкновении Церкви с Думой.

Самарин Ф. Д. Несколько писем Ф. Д. Самарина к свящ. П. Флоренскому. Сообщил П. Флоренский // Богословский вестник. 1917. Т. 1. Апрель—май. С. 464—477.

Письма 1912—1914 гг.

Северный вестник. 1897. № 12. С. 70—82. Отд. Журналистика.

По поводу проекта воссоединения Православной и Старокатолической Церквей, обсуждавшегося на страницах «Нового Времени» (№ 7792) и «Биржевых ведомостей» (№ 305).

Северцов-Полилов Г. Т. В Новом Афоне. Из моих скитаний // Исторический вестник. 1912. Декабрь. С. 1207—1241.

Семенюта П. И. Первая Государственная Дума, ее жизнь и смерть. СПб., 1907.

Смирнов А. Как прошли выборы во II Государственную Думу. СПб., 1907.

Смирнов Е. Национализм в III Думе // Современный мир. 1912. № 10. С. 196—220.

Смолич И. К. История Русской Церкви 1700—1917 гг. М., 1997. Т. VIII. Ч. 2.

Смородинов В. Годы службы моей в Варшавском учебном округе и эпизоды учебного быта. Воспоминания педагога // Русская

старина. 1913. Июнь. С. 552—570; июль. С. 157—196; август. С. 297—302; сентябрь. С. 464—491; октябрь. С. 181—196; 1914. Август. С. 352—371; сентябрь. С. 488—553; октябрь. С. 109—128.

Период 1866—1903 гг. Автор — инспектор, затем директор гимназии.

Смородинов В. Попечитель Варшавского учебного округа Александр Львович Апухтин. Из воспоминаний педагога // Русская старина. 1912. Апрель. С. 73—83.

Сенатор А. Л. Апухтин. Период 1879—1895 гг.

Соболевский А. И. Холмская Русь в этнографическом отношении. Харьков, 1910.

Собрание определений и постановлений. Священный Собор Православной Российской Церкви. Вып. 1—4. М., 1918.

Соколов Н. Из поездки в Литву // Этнографическое обозрение. 1902. № 2. С. 21—30.

Соколов С. Холмская Русь. М., 1885.

Соневицкий И. Холмщина. Очерки прошлого. СПб., 1912.

«Союз 17 октября». Фракция «Союза 17 октября» в IV Государственной Думе (обзор деятельности). Сессия 1-я, 15 ноября 1912 г. — 25 июня 1913 г. СПб., 1914.

Список церквей, часовен, приходов и священнослужителей Холмско-Варшавской епархии с показанием местностей, составляющих приходы, числа прихожан и количества церковно-приходских земель. Составлен 16 августа 1882 г. Варшава, 1882.

Приложение № 17 и 18 «Холмско-Варшавского епархиального вестника» за 1882 г.

Средние учебные заведения Виленского учебного округа в 1896 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. 315. Январь. Отд. 4. С. 54—75.

Средняя школа в Царстве Польском // Русская школа. 1905. № 7—8, педагогическая хроника. С. 92—94.

Перепечатано из «Нового Времени». Период 1864—1905 гг.

Стахович М. А. Доклад на Орловском миссионерском съезде (о свободе вероисповедания) // Миссионерское обозрение. 1901. Февраль. С. 528—540; Орловский вестник. 1901. № 254.

Степанов Л. Критика идеи превращения прихода в земскую единицу // Новый путь. 1903. Апрель. С. 196—198.

Струве П. Текущие вопросы внутренней жизни. Парламентский суд над октябристами. Официальный национализм и его противоречия // Русская мысль. 1910. Кн. 6. Отд. 2. С. 168—178.

Субботин Н. И. Письма к К. П. Победоносцеву, 1903, 5, 3 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1915. Кн. 1. С. 641—643 и 648.

О старообрядцах «пройдохах».

Суворов Н. Курс церковного права. Т. II. Ярославль, 1890.

Суетов Ф. О Предсоборном Присутствии, 1906 г. // Ученые записки Юрьевского университета. 1912. № 1. С. 100.

Статистический ежегодник Финляндии. Гельсингфорс, 1903—1906.

Талбухов Е. М. В борьбе за русское дело. Эпизод из государственной деятельности К. П. фон Кауфмана // Исторический вестник. 1909. Ч. CXVI. Кн. 4. С. 91—131.

На основании неизданных документов — положение Польши и деятельность губернатора 6 губерний Кауфмана в 1865—1866 гг.

Тернавцев В. Вопрос о свободе совести на Орловском миссионерском съезде (по поводу доклада г. Стаховича) // Миссионерское обозрение. 1901. Февраль. С. 513—528.

Ткачев В. Очерки Холмщины и Подляшья. Холм. Издание Холмского Св.-Богородицкого братства. 1911.

Холмская Русь // Памятники старины в западных губерниях империи. Изд. П. Н. Батюшковым. Вып. 7—8. СПб., 1885.

Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. Изд. при Министерстве внутренних дел П. Н. Батюшковым // Общая польза. СПб., 1887.

Титов И. В. Речь члена Государственной Думы И. В. Титова по смете Св. Синода, 64-е заседание Государственной Думы 23 февраля 1911 г. СПб., 1911.

Тихомиров Л. А. Государство и Церковь // Русское обозрение. 1895. Кн. 5. С. 400—409.

По поводу статьи Л. Соловьева.

Тихомиров Л. А. Рабочий вопрос и русские идеалы. М., 1902.

Гр. Толстой Д. Римский католицизм в России. Т. I—II. СПб., 1877.

Трегубов И. Сектанты и военная служба // Вестник Европы. 1913. Кн. 12. С. 194—211.

Данные 4-х судебных процессов в 1913 г.

Уголовное уложение. Ст. 82.

Уложение о наказаниях. Ст. 187, 189.

Философов Д. Старообрядчество и Православие // Русская мысль. 1911. Кн. 5. Отд. 2. С. 62—71.

Вопрос объединения со старообрядцами в связи с переходом архим. Михаила в старообрядчество и нарушением им предписаний старообрядческого съезда.

Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.

Францев В. А. Карты русского и православного населения Холмской Руси. Варшава. Холмское Св.-Богородицкое братство. 1909.

Фудель И. Русское дело в Подляшье // Русское обозрение. 1898. Кн. 1. С. 504—512.

О русской народной школе в юго-восточной части Седлецкой губернии.

Хвалынский М. И. Из истории женского образования в Западной России. Женские гимназии, ведомства, учреждения императрицы Марии // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 32. 1911. Апрель. Отд. 3. С. 193—236; ч. 33. Май. С. 1—23.

Период 1858—1860 гг.

Хилков Д. А. Письма кн. Д. А. Хилкова к М. С. Дудченко, сообщил М. А. Новоселов // Богословский вестник. 1917. Т. 1. Январь. С. 61—73.

Письма 1914 г. против обвинения Церкви в искании христианства.

Холмитянин. Культурные нужды Холмщины. СПб., 1912.

Холопов И. Борьба за религиозное мировоззрение // Русская мысль. 1914. Кн. 2. Отд. 2. С. 28—47.

Цветаев Д. В. Учреждение русских гимназий в Варшаве. К истории русского просвещения в Царстве Польском // Журнал Министерства народного просвещения. Нов. сер. Ч. 24. 1909. Декабрь. Отд. 3. С. 162—178.

Период 1860-х годов, по Варшавским архивам.

Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам от 25 июня 1906 г. за № 3192.

Ц-ов Г. П. Из Привислинья // Русский вестник. 1897. Т. 248. Март. С. 277—290; т. 249. Июнь. С. 185—230; т. 250. Июль. С. 283—306; т. 251. Сентябрь. С. 206—233.

Статья о русском националистическом духе.

Чириков Е. Провинциальные картинки // Современный мир. 1914. № 4. Отд. 2. С. 149—165.

О сектантах, бывшем монахе Илиодоре, старце Гр. Распутине и т. д.

Чихачев Д. Н. К образованию Холмской губернии. Доклад Государственной Думе. СПб., 1912.

Чичинадзе Д. Сборник законов о расколе и сектантах, разъясненных решениями Правительствующего Сената. СПб., 1898.

Шингарев А. Вопросы государственного хозяйства и бюджета в III Думе // Русская мысль. 1908. Кн. 8. Отд. 2. С. 64—96; кн. 9. С. 25—125; кн. 10. с. 68—99.

Штильман Г. Текущий момент и ближайшие перспективы. По поводу итогов 2-й думской сессии // Русская мысль. 1909. Кн. 7. Отд. 2. С. 194—201.

В основном критика октябристов.

Ювачев И. П. Монастырь-тюрьма // Исторический вестник. 1905. Март. С. 871—878.

О тюрьме для сектантов.

Якимов И. С. Как я был церковным старостой. Казань, 1909.

Ясеневич-Бородаевская В. И. Доклад по поводу законодательства о сектантах (изложение) в заседании Юридического общества // Мир Божий. 1903. № 6. Отд. 2; отд. 17—18.

Ярош К. Н. Беспристрастная логика истории // Русский вестник. 1896. Т. 246. Октябрь. С. 89—131.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Биографическая статья строится по следующему принципу: фамилия, имя и отчество, годы жизни, сведения о статусе лица, членом какой Думы состоял (созыв I, II, III и IV), от какого избирательного округа (для избранных на дополнительных выборах — время избрания), партийная принадлежность (для переходивших из одной фракции в другую указаны последовательно все фракции; для лиц, состоявших депутатами Думы нескольких созывов, избирательный округ и партийная принадлежность в следующей Думе не указаны, если в них не произошли изменения), должности по Государственной Думе. Далее даются сведения об образовании и карьере; где было возможно, указаны сведения о дальнейшей судьбе.

В именном указателе биографии членов Государственных Дум четырех созывов даются в основном по справочникам М. М. Боиовича (иногда с сохранением стиля). Сведения о депутатах, приведенные в указателях и справочниках М. М. Боиовича, не всегда одинаково полны (иногда сведения о депутатах, входивших в составы нескольких Дум, не совпадают). Наиболее полная информация содержится в указателях к стенографическим отчетам заседаний III Думы, в частности, в них приведены сведения о семейном положении и доходах думцев, которые отсутствуют в указателях к отчетам II Гос. Думы. В некоторых случаях данные М. М. Боиовича не совпадают с данными указателей к отчетам. Где было возможно, биографии депутатов Дум были уточнены по другим источникам, которые указаны ниже.

В биографический указатель не вошли имена авторов, упоминаемых в главе «Библиография», если они не встречаются в основном тексте.

Настоящий справочник является лишь первым опытом описания судеб думского духовенства дореволюционного периода. Эта работа будет продолжаться, и мы с благодарностью примем любые

сведения, касающиеся этих людей. *Замечания и дополнения Вы можете присылать по адресу: Россия, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 23-Б, Православный Свято-Тихоновский богословский институт, Отдел Новейшей церковной истории. Кривошеевой Наталии Александровне.*

При составлении биографического именного указателя использовались следующие источники:

Боиович М. М. Члены Гос. Думы (портреты и биографии). Созыв 1—4, М., 1906—1916.

Общий список членов Государственной Думы I, II, III, IV созывов / Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 14. Б. г., с. I—LXXII [1].

Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994—2000. Т. 1—3.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.

Бородин А. П. Государственный Совет России (1906—1917). Киров, 1999.

Старообрядческие иерархи / Сост. А. Ю. Писаревский. М., 2002.

Политические партии России. Конец XIX—первая треть XX века. Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕЭН), 1996.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997 в шести томах / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 1—3. М., 1999—2001.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997 в шести томах / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 4—6. Рукопись Отдела русского зарубежья РГБ.

Материалы базы данных по новомученикам и исповедникам Российским кафедры информатики (http/www.pstbi.ccas.ru) и Отдела Новейшей церковной истории Православного Свято-Тихоновского богословского института.

[1] В источнике даны сведения о годе рождения, образовании, занятиях, звании или сословии, избирательном округе, партийной принадлежности, должности в Государственной Думе. Сведения о членах Думы IV созыва даны по 25 июня 1913 г.

Условные сокращения:

к.-д. — конституционно-демократическая или фракция народной свободы
мирн. об. — партия мирного обновления (в I Гос. Думе)
нац. — национальная группа в III Гос. Думе, с третьей сессии объединенная с фракцией умеренно-правых, — русская национальная фракция; в IV Гос. Думе — фракция русских националистов и умеренно-правых
окт. — фракция «Союза 17 октября» (во II Думе была объединена с группой умеренных)
прав. — группа правых и монархистов во II Гос. Думе, фракция правых в III и IV Гос. Думах
прогр. — прогрессивная фракция или группа
с.-д. — социал-демократическая фракция
с.-р. — группа социал-революционеров (во II Гос. Думе)
труд. — трудовая группа
умер. — группа умеренных
центр. — партия центра

Абаза Александр Агеевич (24.07.1821—25.01.1895) — русский государственный деятель, предприниматель, гофмейстер Императорского Двора, почетный член Петербургской АН, член Гос. Совета, в 1874—1892 г. — член Комитета Министров, министр финансов с 1880 по 1881 гг. Окончил Санкт-Петербургский университет. Один из разработчиков программ социально-экономических преобразований. Ушел в отставку в знак протеста против манифеста императора Александра III «О незыблемости самодержавия». — 117

Абрамов Яков Васильевич (21.10.1858—18.09.1906) — авт. соч., публицист и статистик, либеральный народник, сотрудник ряда журналов, автор рассказов из народной жизни и многих статей по общественно-экономическим вопросам, сектантству и народному образованию (псевдоним «Федосеевец»). Пропагандировал теорию «малых дел» и «тихой культурной работы». *См. библ.* — 20

Абрамсон Шахно Гиршевич (1861—?) — присяжный поверенный. Депутат II Гос. Думы от Ковенской губ., к.-д., член ко-

миссии по запросам. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. — 318

Аввакум Петрович (1620 или 1621—14.06.1682) — протопоп, основатель, глава и идеолог старообрядческого раскола, писатель. В 1646—1647 гг. член «Кружка ревнителей благочестия». Выступил против церковной реформы патриарха Никона. Сослан в 1653 г. с семьей в г. Тобольск, затем в Даурию. В 1663 г. возвращен в Москву, продолжал борьбу с официальной Церковью. В 1664 г. сослан в Мезень. В 1666—1667 гг. осужден на Стоглавом Соборе и сослан в Пустозерск, где 15 лет провел в земляной тюрьме. Написал собственное «Житие» и др. сочинения. Был сожжен по царскому указу. — 212

Аггеев (Агеев) Константин Маркович (1868—28.05.1920) — протоиерей, магистр богословия, профессор, духовный писатель. Окончил Киевскую духовную академию в 1893 г. 22.08.1893 рукоположен во иерея к Успенскому собору в г. Сувалках. С 18.11.1900 — настоятель церкви Александра Невского при Николаевском институте в Киеве, с 1910 г. — законоучитель в Александровском институте, Ларинской гимназии и других учебных заведениях Петрограда. С 1911 г. — профессор богословия Психо-неврологического института в Петрограде. Член Московского и Петербургского религиозно-философских обществ и группы «32-х священников». С 1917 г. — председатель Учебного комитета при Св. Синоде. В апреле 1917 г. — избран членом Всероссийского демократического союза духовенства и мирян. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., избран заместителем члена Высшего Церковного Совета при св. Патриархе Тихоне. После Собора служил в Петроградской епархии. Расстрелян как «контрреволюционер» при занятии Крыма Красной армией. — 80

Адриановский Федор Порфирьевич (1862—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Пермской губ., прав. В 1884 г. окончил Пермскую духовную семинарию. До 1897 г. священник на Серебрянском заводе Кунгурского уезда Пермской губернии, по 1913 г. служил в Осинском уезде. С

1904 г. — благочинный 2-го округа Осинского уезда. Председатель местного церковно-приходского попечительства и общества трезвости. — 345, 346, 348, 352

Айвазов Иван Георгиевич (1872—17.12.1964) — миссионер. В 1898 г. окончил Казанскую духовную академию, кандидат богословия. В 1898—1912 гг. тамбовский, екатеринославский, харьковский епархиальный миссионер. Автор многочисленных трудов по сектоведению. В 1906 г. причислен к Канцелярии обер-прокурора Св. Синода с откомандированием к архиепископу Харьковскому. С 1908 г. — московский епархиальный миссионер-проповедник, открыл в Москве «Народно-миссионерское Братство поборников св. веры». 01.06.1912 — магистрант Казанской духовной академии. В 1912—1913 гг. — доцент Московской духовной академии, в 1913—1918 гг. — доцент Петроградской духовной академии и петроградский епархиальный миссионер, в 1914 г. организовал в Петрограде «Матфеевское миссионерское братство». В 1912—1916 гг. сотрудник и редактор журнала «Голос Церкви». 1915—1917 гг. — член миссионерского совета при Св. Синоде. С 1917 г. работал и жил в Петрограде. Был арестован в 1919 г. и три года провел в Ивановских лагерях. В 1920-х гг. — научный сотрудник в Петрограде. 13.01.1928 арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Марийскую обл. В 1933—1937 гг. — организатор, затем сотрудник Павлоградского архива. С 1937 г. — на пенсии. В начале 1950-х гг. опубликовал несколько статей в ЖМП. Скончался в г. Павлодаре Днепропетровской обл. *См. библ.* — 75, 80

Акимов Михаил Григорьевич (08.11.1847—09.08.1914) — член Гос. Совета с 1908 г., его Председатель в 1909 г. и 1910—1914 гг., сенатор. После окончания в 1870 г. юридического факультета Московского университета поступил на службу в Министерство юстиции, в 1905—1906 гг. — министр юстиции, отвечал за подготовку выборов в I Гос. Думу. В 1906 г. настаивал на немедленном принятии новой редакции Основных Законов. В 1907—1914 гг. — председатель Гос. Совета. Выступал против реформ П. А. Столыпина, считая, что они ограничивают права императора. — 223

Аксаков — 166

Аксаков Иван Сергеевич (26.09.1823—27.01.1886) — русский поэт, публицист и общественный деятель, один из идеологов славянофильства, редактор газет «Русь», «День» и др. — 243

Аксаков Сергей Тимофеевич (20.09.1791—30.04.1859) — русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН. — 29

Александр I (12.12.1777—19.11.1825) — российский император с 1801 г. — 22

Александр II (17.04.1818—01.03.1881) — российский император с 1855 г. — 23

Александр III (26.02.1845—20.10.1894) — российский император с 1881 г. — 9, 115, 119, 120, 123, 141, 163, 182, 254

Александр Михайлович (01.04.1866—26.02.1933) — вел. кн., генерал-инспектор военно-воздушного флота, адмирал. С 1918 г. в эмиграции, участвовал в деятельности Российского общевойскового союза. — 26

Александра Федоровна (урожденная Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская) (25.05.1872—17.07.1918) — страстотерпица, российская императрица, жена императора Николая II (с 1894). С марта 1917 г. под арестом. Расстреляна вместе с семьей в г. Екатеринбурге. Канонизирована Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16.08.2000. — 273, 301

Александровский Александр Петрович (1855—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Костромской губ., окт. В 1876 г. окончил Владимирскую духовную семинарию. Был законоучителем земской и церковно-приходской школ. Участвовал в земских и уездных собраниях. Священник с. Баках Варнавинского уезда Костромской губ. Член епархиальных съездов, благочинный. — 352

Алексеев Трофим Васильевич (1870—?) — крестьянин. Депутат I и II Гос. Дум от Тобольской губ., труд. Получил домашнее образование. Волостной старшина. Попечитель воскресной школы. — 318

Алексей Александрович (02.01.1850—01.11.1908) Романов — вел. кн., сын Александра II, член Гос. Совета, главный начальник флота и управляющий морским ведомством, с января 1892 г. — член Комитета Министров. — 37

Алексей Михайлович (19.03.1629—29.01.1676) — русский царь с 1645 г. — 252

Алферов Георгий Тимофеевич (1858 — после 1919) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Воронежской губ., прав. В 1883 г. окончил Московскую духовную академию и назначен преподавателем Воронежского духовного училища. В 1889—1894 гг. — преподаватель Воронежской духовной семинарии. В 1885 г. рукоположен во иерея. С 1889 г. — ключарь Троицкого кафедрального собора г. Воронежа. Член Воронежской духовной консистории, епархиальный миссионер, представитель духовенства в Воронежской городской думе. — 345, 346, 348, 352

Альбицкий Александр Геннадиевич (1869 — после 1918) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Нижегородской губ., нац. В 1892 г. окончил Нижегородскую духовную семинарию и рукоположен во иерея. Перед избранием в Думу служил в Вознесенском соборе г. Семенова. Состоял членом-делопроизводителем Семеновского уездного отделения епархиального училищного совета, благочинным 1-го округа Семеновского уезда, миссионером, председателем уездного комитета попечительства о народной трезвости, председателем Нижегородского братства Св. Креста, законоучителем церковно-приходских школ. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. — 346, 349, 351, 352, 355

Амосенок Василий Григорьевич (1864—?) — крестьянин-хлебопашец. Депутат III Гос. Думы от Витебской губ., умер.-прав., нац. Получил домашнее образование. Смотритель общественных хлебных магазинов. Был сельским старостой, волостным писарем. Неоднократно получал благодарности от начальства губернии. — 102, 103

Анатолий, епископ Елисаветградский см. Анатолий (Каменский), архиепископ

Анатолий (Каменский Алексей Васильевич) (03.10.1863—20.09.1925) — архиепископ Омский. Депутат IV Гос. Думы от Одессы, прав., председатель библиотечной комиссии. В 1888 г. окончил Самарскую духовную семинарию и 06.08.1888 рукоположен во иерея к церкви с. Хилкова Самар-

ской епархии. В 1895 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, пострижен в мантию и назначен настоятелем Ситхинского собора Михаила Архангела, смотритель миссионерской школы и благочинный Ситхинского округа. В 1897 г. возведен в сан архимандрита. В 1898 г. — причислен к архиерейскому дому в Сан-Франциско. С 1899 г. — заведующий Миннеапольской миссионерской школой. В 1903 г. уволен от службы в Алеутской епархии и назначен ректором Одесской духовной семинарии. С 10.12.1906 — епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии. С 23.01.1914 — епископ Томский и Алтайский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. В начале 1920-х гг. в течение двух лет находился в одиночном заключении, затем был выслан в Москву. В 1923—1924 гг. — архиепископ Иркутский. С октября 1924 г. — архиепископ Омский. Скончался в Омске в алтаре во время всенощного бдения. — 307, 308, 345, 352, 355

Андрейчук Матвей Степанович (1841—?) — зажиточный крестьянин с. Слободица Новгород-Волынского уезда Волынской губ. Депутат III Гос. Думы от Волынской губ., прав., был избран в комиссии: продовольственную, по рыболовству и неприкосновенности личности. Окончил одноклассное народное училище. В течение многих лет был церковным старостой и присяжным заседателем. — 136, 342

Андроник, епископ Пермский см. Андроник (Никольский), сщмч., архиепископ

Андроник (Никольский Владимир Александрович) (01.08.1870—20.06.1918) — сщмч., архиепископ Пермский и Кунгурский. В 1891 г. по окончании Ярославской духовной семинарии поступил в Московскую духовную академию. 06.08.1893 пострижен в мантию. В 1895 г. окончил МДА, кандидат богословия. 22.07.1895 рукоположен во иеромонаха. В 1896—1897 гг. — преподаватель, а затем инспектор Александровской миссионерской школы. В 1897—1899 гг. — член Духовной миссии в Японии. С 1899 г. — ректор Александровской миссионерской школы с возведением в сан архимандрита. С 05.11.1906 — епископ Киотоский, помощ-

ник начальника Российской духовной миссии в Японии. 07.07.1907 уволен согласно прошению, по болезни, от должности помощника начальника миссии. 26.10.1907 командирован в г. Холм для содействия епископу Евлогию (Георгиевскому) по управлению епархией во время пребывания его депутатом Гос. Думы в Петербурге. С 15.03.1908 — епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии. С 08.03.1913 — епископ Омский. С 30.07.1914 —епископ Пермский и Соликамский, с 01.1916 переименован в епископа Пермского и Кунгурского. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. 22.04(05.05).1918 г. возведен в сан архиепископа. 17.07.1918 арестован в Пермском Архиерейском доме. 20.06.1918 г. закопан живым в землю и расстрелян. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 17.01.1999. — 279

Андроник — архимандрит, участник Религиозно-философских собраний — 33

Андронов Серафим Васильевич (1879—?) — присяжный поверенный, крупный землевладелец. Депутат III Гос. Думы от Пензенской губ., окт. Окончил юридический факультет Московского университета. До и после выборов в Думу занимался адвокатурой. — 334

Анпин П. А. — чиновник Министерства народного просвещения — 118

фон Анреп Василий Константинович (29.09.1852—1919) — барон, физиолог, профессор судебной медицины, директор Медицинского департамента. Депутат III Гос. Думы от Петербурга, окт., председатель думской комиссии по народному образованию. Окончил медико-хирургическую академию и был оставлен в ней профессором. В 1881 г. защитил докторскую диссертацию. Основатель и директор женского медицинского института в Петербурге. Автор многих печатных работ по медицине. Участвовал в разработке проекта реформ средних учебных заведений. Баллотировался в IV Гос. Думу, но не прошел. — 141, 148, 158, 179, 218, 219, 343

Антоний, епископ, архиепископ Волынский см. Антоний (Храповицкий), митрополит

Антоний, епископ Черниговский см. Антоний (Соколов), епископ Черниговский

Антоний, митрополит см. Антоний (Вадковский), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Антоний, старообрядческий епископ Пермский см. Антоний (Паромов), старообрядческий епископ Пермский и Тобольский

Антоний (Булатович Александр Ксаверьевич) (26.09.1870—06.12.1919) — иеросхимонах, путешественник, религиозный публицист, идеолог «имяславия». Выходец из богатой дворянской семьи. В 1891 г. окончил Александровский лицей. Зачислен в Лейб-гвардии гусарский полк, служил в армии. Русский исследователь Эфиопии, куда совершил несколько путешествий, в 1897 г. вышла его книга о первом путешествии. 27.01.1903 уволился в запас. В 1903 г. поступил послушником в Важеозерскую Никифоро-Геннадиевскую пустынь в Петрограде, и вместе с ним в монахи ушли несколько солдат его эскадрона. В 1907 г. под влиянием св. прав. Иоанна Кронштадтского уехал на Афон, где 08.03.1907 был пострижен в схиму. 08.05.1910 рукоположен в священный сан. С марта 1911 г. по январь 1912 г. находился в Эфиопии, где предполагалось учредить русскую православную миссию. 08.01.1912 возвратился на Афон и возглавил развернувшееся здесь движение имяславцев, стал главным его апологетом. В 1912 г. написал сочинение «Апологию веры во имя Божие и во имя Иисус». 21.07.1912 игумен Андреевского скита потребовал от о. Антония разорвать отношения с имяславцами и приказал сжечь «Апологию». О. Антоний отказался подчиниться, после чего был запрещен в священнослужении. 13.08.1912 о. Антоний направил письмо Константинопольскому Патриарху с просьбой защитить имяславие, но Патриарх запретил чтение книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа» всем живущим на Св. горе. О. Антонию было предложено покинуть скит. События, происшедшие в начале 1913 г. в Андреевском скиту, известны в литературе как «афонская смута» или «афонский мятеж». В начале февраля 1913 г. о. Антоний приехал с Афона в Петербург хлопотать об имяславцах. Определением Св. Синода от 18.05.1913 г. книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа» и о. Антония

«Апология» и воззрения, в них высказанные, были осуждены. Указом Синода от 10 мая 1913 г. была утверждена резолюция Московской синодальной конторы об осуждении «имябожнической ереси», но окончательный суд над монахами-имяславцами был отстрочен. Они были отправлены на жительство в Покровский монастырь в Москве. О. Антоний поселился в своем родовом имении Луциковке, где строил кельи для монахов-имяславцев. Он дважды обращался к Государю с просьбой назначить комиссию и пересмотреть дело. В начале Первой мировой войны отправился на фронт священником, где получил боевой орден св. кн. Владимира с мечами. Тяжелые болезни вынудили его в феврале 1917 г. покинуть фронт (его, полуслепого, привез афонский инок в Москву). Поселился в Покровском монастыре без права служения. После выхода «Постановления Святейшего Патриарха и Св. Синода» от 21.10.1918, где говорилось, что определение Московской синодальной конторы «касалось отдельных лиц, ни в коем случае не отменяло общего правила, по которому имябожники, как осужденные церковной властью, могут быть принимаемы в церковное общение лишь по отречению от имябожничества и по изъявлении своего подчинения Святой Церкви», о. Антоний 08.11.1918 подал прошение на патриаршее имя о том, что он «исповедует боголепное почитание Имени Господня и, не соглашаясь почитать его только относительно, как от него требует церковная власть, отлагается от всякого духовного общения с церковной властью впредь до разбора по существу его дела Св. Синодом». Весь 1919 г. проживал в имении Луциковке, где в ночь на 05.12.1919 был убит ворвавшимися в его келью бандитами. — 299, 301, 307

Антоний (Вадковский Александр Владимирович) (03.08.1846—02.11.1912) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, духовный писатель. Окончил Казанскую духовную академию, в 1871 г. получил степень магистра богословия и был назначен доцентом академии по кафедре церковного проповедничества. 04.03.1883 (после смерти жены и детей) был пострижен в монашество, в том же году был возведен в сан архимандрита. С 1883 г. — профессор. В 1885 г. был пе-

реведен в Санкт-Петербургскую духовную академию инспектором, а в 1887 г. назначен ее ректором. 03.05.1887 хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1898 г. — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, с 1900 г. — первенствующий член Св. Синода. В 1906 г. председатель Предсоборного Присутствия. — 32, 39—41, 78, 79, 106, 250, 259, 274

Антоний (Соколов Яков Григорьевич) (09.10.1850—20.04.1911) — епископ Черниговский. В 1870 г. окончил Рязанскую духовную семинарию, был назначен преподавателем Касимовского духовного училища. В 1875 г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1879 г. со степенью кандидата богословия, в том же году назначен преподавателем Киевской духовной семинарии. С 1879 г. — сотрудник журнала «Руководство для сельских пастырей». 01.09.1883 пострижен в мантию и определен преподавателем Вифанской духовной семинарии, 11.10.1883 рукоположен во иеромонаха. 04.01.1885 назначен ректором Подольской духовной семинарии. 07.01.1885 возведен в сан архимандрита. 24.09.1891 хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. С 21.11.1892 — епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии. С 03.09.1893 — епископ Черниговский и Нежинский. — 260

Антоний (Паромов Афанасий) (1855—6.09.1918) — старообрядческий епископ Пермский и Тобольский (в 1898 г. именовался Тобольским и Колыванским). Родился в Пермской губ. До 1883 г. находился в старообрядческом монастыре. В 1883 г. пострижен в монашество. В 1889 г. поставлен в священноиноки. 14.07.1894 хиротонисан во епископа в г. Глухове близ г. Богородска Московской губ. В августе 1899 г. определен на Пермскую и Тобольскую кафедру. В 1912 г. решил отказаться от управления епархией и уйти на покой, но под влиянием усиленных просьб других епископов старообрядческой Церкви переменил свое решение. Составил комментированный «Святоотеческий сборник». Скончался в схиме. Имеются и другие сведения, несколько расходящиеся с вышеприведенными: родился в 1846 г. в крестьянской семье старообрядцев часовенного согласия. В 1880 г. присое-

динился к старообрядцам белокриницкой иерархии и поселился в Архангельском скиту в тайге, в 1882 г. поставлен в священноиноки. 14.07.1884 хиротонисан во епископа Пермского и временно Сибирского. В сентябре 1889 г. освобожден от управления Сибирской епархией и отбыл в Шамарский скит на р. Сылва для управления Пермско-Тобольской епархией. После революции ездил в Нарымский край, выбрав там новое место для пребывания кафедры (поскольку Урал был захвачен большевиками). Умер на обратном пути, успев узнать, что Шамарский скит разгромлен красноармейцами. Его нетленные мощи были уничтожены большевиками в 1930-е гг. — 44

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) (17.03.1863—10.08.1936) — митрополит. Родился в дворянской семье. В 1885 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и оставлен при ней профессорским стипендиатом. 18.05.1885 пострижен в мантию, 29.09.1885 рукоположен во иеромонаха; определен помощником инспектора академии, с 1886 г. — преподавателем Холмской духовной семинарии. В 1887 г. назначен и. д. доцента СПбДА. В 1888 г. утвержден в степени магистра богословия. С 1889 г. — инспектор СПбДА, с 1890 — ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, ректор МДА. 1895 — ректор Казанской духовной академии. 07.09.1897 хиротонисан во епископа Чебоксарского. 01.03.1899 — епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии, 14.07.1900 — епископ Уфимский и Мензелинский. В 1906—1907 гг. — член Гос. Совета, участник заседаний Предсоборного Присутствия 1906 г. С 1912 г. — член Св. Синода. 27.04.1902 — епископ Волынский и Житомирский. В 1911 г. удостоен степени доктора богословия. 14.05.1914 — архиепископ Харьковский и Ахтырский. 1(14)5.1917 уволен на покой в Валаамский Спасо-Преображенский монастырь. С 01.08.1917 — архиепископ Харьковский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., заместитель Председателя Собора, один из трех кандидатов на патриарший престол. 28.11(11.12).1917 возведен в сан митрополита. 30.05.1918 избран митрополитом Киевским и Га-

лицким. В июле 1918 г. — Председатель Всеукраинского Церковного Собора. В 1918 г. был арестован в Киево-Печерской Лавре по распоряжению правительства С. В. Петлюры, был переведен на территорию Польши. Летом 1919 г. освобожден при посредничестве стран Антанты. В августе 1919 г. возвратился в Россию; избран почетным Председателем Юго-Восточного Высшего Временного Церковного Управления. После поражения генерала А. И. Деникина эмигрировал в Грецию. В декабре 1922 г. — возглавил Высшее церковное управление за границей. В феврале 1921 г. переехал в г. Сремские Карловцы (Сербия), С ноября 1921 г. — председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви заграницей, признанного Московской Патриархией не имеющим канонического значения. 05.05.1922 указом св. Патриарха Тихона и соединенного присутствия Св. Синода и Высшего Церковного Управления упразднено возглавляемое митрополитом Антонием Карловацкое Всезаграничное Высшее церковное управление, подтверждены канонические права митрополита Евлогия (Георгиевского) на управление православными русскими приходами в Западной Европе. В октябре—ноябре 1923 г. ВВЦУ упразднено вторично. 08.04.1924 по постановлению св. Патриарха Тихона и Патриаршего Св. Синода митрополит Антоний лишен полномочий «говорить от имени Русской Православной Церкви и всего русского народа». 22.06.1934 запрещен в священнослужении по постановлению Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В дальнейшем митрополит Антоний возглавлял «карловацкое» духовенство, будучи вне евхаристического общения с Матерью-Церковью и председательствовал на всех зарубежных Церковных Соборах. Скончался в г. Сремские Карловцы в Югославии. — 78, 107, 251—253, 292, 299, 301

Антонов Николай Иванович (1859—12.05.1938) — крупный помещик, депутат III и IV Гос. Дум от Харьковской губ., окт., председатель комиссии по направлению законодательных предложений, товарищ секретаря Думы, секретарь комиссии личного состава. В 1882 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, кандидат прав. До из-

брания в Думу служил более двадцати пяти лет в системе Министерства юстиции. Начальник 1-го уголовного отдела департамента полиции. Член международного общества криминалистов. Харьковский губернский гласный. После революции эмигрировал. Умер в Югославии. — 221, 334

Арбузов — директор департамента общих дел — 59

Арефьев Михаил Иванович (1864—?) — присяжный поверенный. Депутат IV Гос. Думы от Тверской губ., окт. Окончил Тверскую классическую гимназию. В 1890 г. — юридический факультет Московского университета. В 1903—1904 гг. — присяжный поверенный Тверского окружного суда. В 1903—1906 гг. преподавал историю и географию в Тверском епархиальном женском училище и законоведение в классической гимназии и реальном училище. С 1907 г. — гласный Тверской городской думы. В 1910—1915 гг. — городской голова г. Твери. С 1916 г. — гласный Тверской городской думы, действительный член губернского попечительства детских приютов, член Тверского управления Российского общества Красного Креста. Был попечителем городской Аваевской богадельни, товарищем общества вспомоществования учащимся в городских и земских школах г. Твери. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. по избранию от Гос. Думы. — 346, 355

Арсений (Швецов Онисим Васильевич) (1840—10.09.1908) — старообрядческий епископ Уральский и Оренбургский. Один из выдающихся деятелей старообрядчества. Родился в семье крестьян-беспоповцев Владимирской губ. Окончил трехклассное училище первым учеником. Втайне от родителей ушел в лес, называемым Удельным бором, к проживавшим там в землянках беспоповским старцам-отшельникам, прожил с ними около года. Вернувшись в родительский дом, поступил на службу к купцам-беспоповцам. В середине 1860-х гг. присоединился к церкви белокриницкого согласия. После присоединения проживал в канцелярии старообрядческого архиепископа, исполняя работу письмоводителя. Изучая святоотеческую и старообрядческую литературу из библиотеки владыки, он скоро выдвинулся ряды первейших

начетчиков и апологетов старообрядчества. В 1865 г. написал «Историю о существовании священства в старообрядческой Церкви Христовой», охватывающую период от крещения Руси и до XIX века (издана в 1910 г.). В 1885 г. принял иночество и рукоположен в священноиноки. В том же году уехал за границу, чтобы закончить работу над сочинением «Истинность старообрядчествующей иерархии». Вернувшись в Россию, полностью посвятил себя проповеднической деятельности. Он объездил много краев, везде привлекая в лоно старообрядчества новых последователей. В 1890 г. он был арестован в Черниговской губ. и заключен в тюрьму (освобожден по ходатайству видного общественного деятеля-старообрядца). 24.10.1897 был рукоположен во епископа Уральского и Оренбургского. Был учредителем ежегодных Всероссийских съездов старообрядцев белокриницкого согласия. В 1898 г. был избран местоблюстителем старообрядческой московской архиепископии. Временно управляя церковно-иерархическими делами старообрядческой Церкви, много содействовал налаживанию ежегодного собрания Освященных Соборов. При его ближайшем участии в октябре 1898 г. состоялось избрание и возведение на престол архиепископа Иоанна (Картушина). После дарования в 1905 г. свободы совести он много сделал для примирения с неокружниками. В 1907 г. участвовал в съезде Союза старообрядческих начетчиков. Скончался в Уральске. Его кончину оплакивало все старообрядчество. В современном старообрядчестве есть сторонники причисления епископа Арсения к лику святых. — 44

Артамонов Леонид Константинович (25.02.1859—01.01.1932) — генерал. 1876 — студент 2-го Константиновского военного училища. В 1878 г. переведен в Михайловское артиллерийское военное училище. С 1879 г. — подпоручик. В 1882—1885 гг. обучался в Николаевской инженерной академии. В 1885—1888 гг. — в Академии Генштаба. С 1888 г. служил в Кавказском (в 1890 г. — в Закаспийском) военном округе. Участвовал в ряде географических экспедиций. С 1882 г. — член Русского географического общества. В 1897—1898 гг. участвовал в российской экспедиции в Абиссинию вместе

А. К. Булатовичем. За географические работы на Кавказе, в Персии, в Средней Азии в 1899 г. был удостоен золотой медали. В 1900 г. служил в Квантунской области. С 1901 г. — генерал-майор, участвовал в русско-японской войне, был комендантом Кронштадтской крепости. В 1914 г. командовал корпусом в армии генерала Самсонова. С 1917 г. — в отставке. Член Предсоборного Присутствия. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. В 1918—1924 гг. работал в советских учреждениях в Москве. В 1927—1930 гг. проживал на пенсии в г. Новгороде. Скончался и похоронен в Ленинграде. — 279

Архипов Александр Викторович (1875—?) — священник. Депутат II Гос. Думы от Оренбургской губ., труд., член крестьянского союза. Сын псаломщика. После окончания в 1899 г. Оренбургской духовной семинарии — учитель пения в Оренбургском духовном училище и епархиальном женском училище. С 1899 г. священник г. Верхнеуральска. По делу о революционных организациях был приговорен к 4 годам каторжных работ. — 319, 352

Астров Павел Иванович (06.08.1855—1919) — кандидат юридических наук, член Московского окружного суда. Автор ряда публикаций по социальной и религиозно-философской проблематике. В начале XX века организовал религиозно-философский кружок, в работе которого участвовали А. Белый, Эллис, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун и др. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. Был расстрелян в Москве по делу «Национального центра». — 280

Атаназевич Иван Макарьевич (1873 — до 1912) — священник. Депутат III Гос. Думы от Киевской губ., прав., нац., состоял в комиссиях переселенческой, по народному образованию, продовольственной. В 1893 г. окончил Киевскую духовную семинарию, пять лет состоял учителем церковно-приходской школы. В 1898 г. был рукоположен во иерея к церкви с. Куты Уманского уезда, с 1907 г. служил в церкви с. Кашемцы. Сотрудник «Киевских епархиальных ведомостей», автор нескольких политических статей. — 320, 352

Афанасия [Громеко] — игумения Радочницкого монастыря на Холмщине. — 190

Афанасьев Клавдий Иванович (1875—?) — священник. Депутат I Гос. Думы от области Войска Донского. Окончил духовную семинарию. Подписал записку о рассмотрении законопроекта о свободе совести. Подписал Выборгское воззвание, за что в 1906 г. был лишен священного сана и на процессе 12—18 декабря 1907 г. получил трехмесячный срок тюремного заключения. Вступил в кадетскую партию. — 352

Бабянский (Бобянский) Александр Фомич (16.06.1853—10.12.1931) — поляк-католик, крупный землевладелец, военный судья, генерал-лейтенант, после выхода в отставку — присяжный поверенный. Депутат III Гос. Думы от Пермской губ., к.-д., в Думе выступал по юридическим вопросам. Окончил военно-юридическую академию. Масон. Председатель общества «Огниско Польское». Умер в Варшаве. — 208, 209

Багалей Дмитрий Иванович (26.10.1857—09.11.1932) — профессор Киевского университета, доктор русской истории, археолог, член Гос. Совета (сложил звание в связи с роспуском I Гос. Думы), к.-д. В 1906—1911 гг. — ректор Харьковского университета. В 1914—1917 гг. — городской голова г. Харькова, академик АН УССР с 1919 г. После революции преподавал историю в Харьковском университете и в высших учебных заведениях г. Полтавы. Основные работы посвящены истории России и Украины. — 223

Базилевич Петр Евсеевич (1870—?) — крестьянин: земледелец, землемер. Депутат III Гос. Думы от Черниговской губ., окт., член переселенческой комиссии и комиссии неприкосновенности личности. Окончил земское училище. Уездный, губернский и земский гласный. — 177, 343

Бакунин — городской гласный из Тверской губ. — 128

Балалаев Николай Семенович (1869—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Оренбургской губ., умер.-прав., крайне прав., член комиссий: переселенческой, по рабочим вопросам, неприкосновенности личности. После окончания Оренбургской духовной семинарии преподавал татарский язык в Уральском духовном училище. В 1882 г. рукоположен во

иерея, служил в Оренбургской епархии. Заведующий и законоучитель Дедово-Исаевской второклассной образовательной церковной школы. Член «Союза русского народа». — 320, 321, 327

Балашов (Балашев) Петр Николаевич (02.11.1871 — после 1927) — крупный помещик, егермейстер Двора Его Величества, в 1900—1909 гг. — предводитель дворянства в Брацлавском уезде Подольской губ. Депутат III и IV Гос. Дум, в IV Думе — лидер фракции русских националистов и умеренно-правых. В 1894 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, после окончания которого поступил в Гвардейский полк. В 1899 г. вышел в отставку и поселился в своем имении. Был активным членом общественных и благотворительных учреждений. Председатель Всероссийского национального союза. Председатель и инициатор союза русских избирателей Юго-Западного края. После революции эмигрировал, жил в Париже. — 104, 223, 261

Бальфур Артур Джемс (25.07.1848—19.03.1930) — английский философ и государственный деятель, лидер английских консерваторов. — 113, 114

Бантыш Василий Александрович (1858—?) — инженер-химик, землевладелец. Депутат III Гос. Думы от Харьковской губ., окт. Учился за границей, окончил Рижский политехникум. Предводитель дворянства Изюмского уезда Харьковской губ. Занимался сельским хозяйством. — 334

Баранович Дмитрий Яковлевич (1869—29.10.1937) — священник. Депутат III Гос. Думы от Волынской губ., прав. Из семьи священнослужителя. По окончании Волынской духовной семинарии служил надзирателем в Клеванском духовном училище, затем там же преподавателем. Перед выборами в Думу служил священником с. Суемцы Барановского уезда Волынской губ. Перед арестом 09.21.1937 служил в с. Суемцы. 25.10.1937 осужден Тройкой при УНКВД УССР по Житомирской обл. к высшей мере наказания — расстрелу. Расстрелян. — 352

Безак Федор Николаевич (21.09.1865 — после 1921) — камергер Двора Его Императорского Величества, почетный мировой

судья. Депутат III и IV Гос. Дум от г. Киева, нац., прав., отказался от звания депутата IV Думы в апреле 1913 г. в связи с назначением губернатором г. Киева. Окончил Пажеский корпус, до 1902 г. служил в армии, отставной гвардии полковник. Член Гос. Совета. Член Главного Совета Всероссийского национального союза. Киевский губернский предводитель дворянства. В 1920 г. эмигрировал, был председателем русского комитета в Берлине. — 329, 330

Безелер — генерал-губернатор г. Варшавы. — 225

Белецкий Степан Петрович (1873—05.09.1918) — авт. соч. С 1912 г. директор департамента полиции. С сентября 1915 г. товарищ министра внутренних дел. Окончил юридический факультет Киевского университета. Один из покровителей «Союза русского народа». После Февральской революции находился в заключении, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. После постановления о красном терроре расстрелян большевиками в числе других сановников. *См. библ.* — 276, 277, 302

Белозеров (Белозоров) Евгений Николаевич (1859—?) — протоиерей г. Павловска. Депутат III Гос. Думы от Воронежской губ., окт. Окончил Воронежскую духовную семинарию, был учителем духовного училища. Председатель отделения епархиального училищного совета, благочинный. — 320

Белоусов Терентий Осипович (1874—после 1918) — меньшевик-ликвидатор, депутат III Гос. Думы от Иркутской губ., с.-д., окт., в Думе был избран в комиссии бюджетную, земельную и народного просвещения. Окончил учительскую семинарию. Работал в газете «Восточное обозрение» и др. изданиях. Автор брошюры «Что такое земство?». В феврале 1912 г. вышел из состава социал-демократической фракции, но не сложил депутатских полномочий, за что был резко осужден В. И. Лениным и членами фракции. — 95, 173, 342, 344

Бельский Александр Георгиевич (1859—?) — священник с. Байкова Лукояновского уезда Нижегородской губ. Депутат IV Гос. Думы от Нижегородской губ., прав. Окончил Нижегородскую духовную семинарию. Благочинный. Председатель байковского отделения нижегородского братства Св. Креста. — 345, 352

Бергман Герман Абрамович (1850—?) — немец. Депутат III и IV Гос. Дум от Екатеринославской губ., окт. Получил домашнее образование. Был директором Екатеринославского детского приюта и почетным блюстителем немецкого центрального училища. С 1895 г. член уездной управы, член уездного комитета попечительства о народной трезвости. — 321, 349

Березовский 2-й Петр Васильевич (1874 — после 1917) — преподаватель женского епархиального училища и женской гимназии в г. Житомире. Депутат III Гос. Думы от Волынской губ., секретарь фракции правых, член комиссий бюджетной, согласительной, по народному образованию; докладчик комиссий. По окончании Киевской духовной академии состоял учителем женского епархиального училища, потом учителем женской гимназии г. Житомира. С 1900 г. казначей епархиального училищного совета. Член «Союза русского народа», член «Патриотического общества», участник 3-го съезда монархистов в Москве. По окончании работы в Думе вернулся в г. Житомир. — 343

Благонравов Захарий Михайлович (1855—18.12.1917) — преподаватель Пермской духовной семинарии. Депутат IV Гос. Думы от Пермской губ., нац., председатель вероисповедной комиссии. Окончил Казанскую духовную академию. Представитель канцелярии пермского губернатора. Редактор «Пермских губернских ведомостей». — 349, 350

Блажевич Митрофан Викторович (1869—после 1917) — священник. Депутат III Гос. Думы от Витебской губ., нац., выбран на место умершего о. Никоновича. По окончании в 1891 г. Витебской духовной семинарии 2 года служил псаломщиком. В 1893 г. рукоположен во иерея к церкви с. Киселя Себежского уезда Витебской губ. Начав служить в одном из заброшенных сел губ., через несколько лет о. Митрофан сделал село одним из самых культурных и духовно-нравственных уголков губернии. Построенное им здание церковно-приходской школы стало центром, около которого группировалась культурная и общественная работа прихода, село поднялось и в экономическом отношении, стали быстро богатеть и духовно крепнуть киселевские крестьяне. Авторитет о. Митрофана среди населения стоял очень высоко.

Светские начальствующие лица в уезде нарочно приезжали к о. Митрофану, чтобы получить от него совет и указания по разным вопросам сельской жизни. — 320

Блажиевский Григорий Михайлович (1856—24.04.1926) — полковник в отставке. Депутат IV Гос. Думы от Бессарабской губ., центр. Окончил военное училище. Белецкий городской староста. Гласный уездного земства. Скончался в Бессарабии. — 346

Блосфельдт Г. — авт. соч. *См. библ.* — 16, 23, 24

Блыскош Иосиф Андреевич (1876—?) — народный деятель Седлецкой губ., католик. Депутат I и II Гос. Дум от Седлецкой губ., польское коло, член аграрной комиссии. Двух лет был насильственно взят, чтобы быть обращенным в православную веру, но мать, ворвавшись в церковь, помешала этому. — 318

Бобринский Владимир Алексеевич (28.12.1867—11.11.1927) — граф, российский политический деятель, крупный землевладелец, предприниматель. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Тульской губ., нац., с 1915 — националист-прогрессист, председатель комиссии по народному образованию. В IV Думе товарищ председателя фракции националистов, а после ее раскола — фракции прогрессивных националистов. Родился в Петербурге, окончил Михайловское артиллерийское училище, по окончании которого некоторое время служил в гвардии. Оставив службу, окончил Эдинбургский университет, вернулся в Тульскую губернию и посвятил себя общественной службе. С 1897 г. — председатель Богородицкой уездной земской управы; считался одним из либеральных земцев. Много шуму наделало его письмо, напечатанное в газетах, в котором было резко обрисовано состояние Тульской губ. Графу был объявлен Высочайший выговор, и он не был утвержден в должности председателя земской управы. В октябре 1905 г. один из создателей в г. Туле организации «За царя и порядок», вошедшей в состав тульского отделения «Союза русского народа». Затем продолжительное время был богородицким уездным предводителем дворянства. К 1913 г. состоял почетным мировым судьей и губернским земским гласным. Во время войны участвовал в боевых дей-

ствиях. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. После Октябрьской революции — член Совета государственного объединения России. В 1919 г. эмигрировал во Францию. В 1921 г. был членом Всезаграничного Карловацкого церковного собора. Скончался в Париже. — 183, 191, 206—208, 322, 323, 334, 355

Богатенков Алексий — старообрядческий диакон. — 44

Богданович Савва Никифорович (1858—после 1912) — священник-миссионер Уманско-Звенигородского округа Киевской губ. Депутат III Гос. Думы от Киевской губ., прав. В 1884 г. окончил Киевскую духовную семинарию и был рукоположен во иерея. В 1888 г. был избран противосектантским миссионером. С 1907 г. член Главного Совета «Союза русского народа». Автор многочисленных статей и брошюр о борьбе с сектантством, католичеством и иудейством. — 319, 322, 323, 324, 352

Боголюбов, член миссионерского съезда. — 80

Богомолов Иван Иванович (1860—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Пермской губ., прав. По окончании городского училища в течение 10 лет был учителем народного училища. В 1894 г. переведен в духовное ведомство. С 1894 г. священник с. Буткинского Шадринского уезда Пермской губ. и противораскольнический миссионер по Шадринско-Камышловскому округу. До избрания в Думу 15 лет священствовал в с. Беляковском. — 345, 349, 352

Борзаковский Иван Варфоломеевич (1850—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Черниговской губ., нац. В 1875 г. окончил Черниговскую духовную семинарию. Служил учителем и надзирателем в Черниговском духовном училище. В 1879 г. рукоположен во иерея к церкви с. Крехаева Остерецкого уезда. В 1883—1912 гг. — благочинный Остерецкого уезда. Был наблюдателем церковно-приходских школ. —345, 349, 352

Боткины — семья купцов-старообрядцев. — 26

Бразоль Сергей Евгеньевич (27.09.1851—?) — помещик. Член Гос. Совета. Предводитель харьковского уездного дворянства. Участник всех съездов объединенного дворянства, член 4-х его комиссий. — 223

Браше Оскар Рудольфович (1865—?) — немец, фармацевт. Депутат IV Гос. Думы от Эстлянской губ., окт. Окончил Юрьевский университет со званием магистра фармацеи. Содержал аптеку. — 350

фон Бреверн Карл Юльевич (1880—?) — барон, немец. Депутат IV Гос. Думы от Эстлянской губ., окт. Окончил училище правоведения. Уездный предводитель дворянства. Сельский хозяин. — 349—351

Бриллиантов Александр Иванович (1869—?) — священник. Депутат II Гос. Думы от Енисейской губ., с.-р., член крестьянского союза. Окончил Томскую духовную семинарию. В 1892 г. рукоположен во иерея. Двенадцать с половиной лет служил в с. Еловском Томской епархии. Перед выборами в Думу 2-й священник кафедрального собора г. Минусинска. — 319

«Брокгауз и Ефрон» — издательство, основанное в Петербурге в 1889 г. в результате соглашения типографа И. А. Ефрона (1847—1917) с немецким издательством «Ф. А. Брокгауз» (Лейпциг) с целью публикации в переводе на русский язык немецкого энциклопедического словаря «Большой Брокгауз». В ходе подготовки первых томов возникла идея создания оригинальной русской энциклопедии, словаря. Словарь вышел в свет в 1889—1904 гг., в 1991—1993 гг. словарь переиздан факсимильно издательством «Терра». В первой половине 1910-х гг. был выпущен «Новый энциклопедический словарь» (29 томов: А — Отто). Издательство было ликвидировано в начале 1930-х гг. — 15

Бугровы — семья купцов-старообрядцев. — 26

Будилович Александр Семенович (04.06.1845—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Люблинской и Седлецкой губерний, нац., потом окт. В 1869 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1870—1881 гг. — священник в г. Варшаве. С 1881 г. — преподаватель, а затем инспектор холмской гимназии. С 1890 г. в отставке, наблюдатель церковно-приходских школ в Холмской губ. Автор ряда капитальных трудов по истории Холмской Руси. — 345, 348, 352

Будрин Алексей Иванович (1861—08.1918) — сщмч., протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Пермской губ., нац. В 1882 г. окон-

чил Пермскую духовную семинарию и рукоположен во иерея к церкви с. Сыринского Томской губ. Законоучитель. До 1909 г. — ключарь Пермского кафедрального собора, с 1909 г. — настоятель Красноуфимского кафедрального собора, благочинный Красноуфимского округа. Член училищного совета и педагогических советов женской гимназии и промышленного училища. Расстрелян в августе 1918 г. в поселке Каменский завод Пермской губ. Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16.08.2000. — 345, 349, 352

Булат (Булота) Андрей Андреевич (1873—1941) — литовский общественный деятель, адвокат. Депутат II и III Гос. Дум от Сувалкской губ., был лидером фракции трудовиков. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1912—1915 гг. — адвокат в Вильнюсе, специализировался по защите политических заключенных. В 1915 г. сидел в тюрьме как политический заключенный, был выпущен под залог. С 1915 по 1917 г. находился в США. По возвращении в Петроград был кооптирован в соглашательский ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов от партии эсеров. В 1940 г. после присоединения Литвы к СССР был членом республиканской избирательной комиссии по выборам в Народный сейм. В 1940—1941 гг. — заведующий юридическим отделом Президиума Совета Литовской ССР. В 1941 г. расстрелян немецкими оккупантами. — 94

Булгаков Сергей Николаевич (16.06.1871—12.07.1944) — протоиерей, общественный и политический деятель, философ, богослов. Депутат II Гос. Думы от Орловской губ., к.-д. Родился в семье священника. Начав образование, потерял веру и ушел из духовной семинарии. В 1894 г. окончил Московский университет, с 1895 г. был преподавателем политэкономии в Московском технологическом училище. Увлекся марксизмом, для изучения которого в 1898 г. поехал в Германию. Через глубокий духовный кризис возвратился к православной вере. С 1901 г. — профессор Киевского университета. Председатель церковной комиссии. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. В 1918 г. рукоположен во иерея, служил в соборе г. Ялты, где

в 1922 г. был арестован и приговорен к смертной казни, которая была заменена высылкой из России. 17.12.1922 был выслан в Константинополь. Преподавал в Праге и Париже, был первым деканом Свято-Сергиевского богословского института в Париже. *См. библ.* — 49, 318, 319, 355

Бунин Ю. — авт. соч. — 15

Буткевич Тимофей Иванович (21.02.1854—31.12.1925) — профессор-протоиерей, доктор богословия, духовный писатель, член Гос. Совета с 1906 г. от белого духовенства, член Предсоборного Присутствия. В 1854 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия и рукоположен во иерея к Троицкой церкви Старобельского уезда Московской губернии. В 1882 г. переведен в г. Харьков. В 1884 г. удостоен степени магистра богословия. С 1893 г. протоиерей кафедрального собора г. Харькова. В 1894—1906 гг. — профессор богословия Харьковского университета. Член «Союза русского народа». Член Предсоборного Присутствия. Сочетал пастырскую и административную деятельность с научно-литературной. Автор большого количества сочинений. После революции вернулся в г. Харьков, стал настоятелем Свято-Николаевской церкви. В начале 1920-х гг. был под арестом. — 223, 232

Валцев, граф — председатель Особого совещания о народном образовании. — 119

Варнава (Накропин Василий) (1859—13.04.1924) — архиепископ. После окончания Петрозаводского городского училища в 1897 г. поступил послушником в Клименецкий монастырь Олонецкой епархии, где был пострижен в мантию, и в 1898 г. там же рукоположен во иеродиакона и иеромонаха, в 1899 г. назначен его настоятелем. В 1904 г. возведен в сан игумена. В 1905 г. перемещен на должность настоятеля Палеостровского монастыря Олонецкой епархии в сане архимандрита. В 1908 г. перемещен на должность настоятеля Коломенского Троицкого Новоголутвина монастыря Московской епархии, с 1910 г. — настоятель Коломенского Богоявленского Староголутвина монастыря Московской епархии. 28.08.1911 хиротонисан во епископа Каргопольского, вика-

рия Олонецкой епархии. С 02.11.1913 г. — епископ Тобольский и Сибирский. 05.10.1916 возведен в сан архиепископа. В 1916 г. дин из инициаторов прославления свт. Иоанна Тобольского. 08.03.1917 по распоряжению Временного правительства удален с Тобольской кафедры, назначен управляющим на правах настоятеля Высокогорским Воскресенским монастырем в Нижегородской епархии. В 1918 г. арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 10.12.1918 уволен от управления Воскресенским монастырем. С 03.06.1919 настоятель Калязинского Троицкого монастыря Тверской епархии. Впоследствии был назначен архиепископом Архангельским, но назначения не принял. Скончался в Москве, отпевание совершил св. Патриарх Тихон. — 278

Васецкий Сильвестр Данилович (1874—?) — казак, земледелец. Депутат II Гос. Думы от Полтавской губ., окт. — 55

Васильев Александр Васильевич (24.07.1853—06.10.1929) — профессор, доктор чистой математики, общественный деятель. Депутат I Гос. Думы от Казанской губ., к.-д., входил в комитет гражданского равноправия, бюджетную и продовольственную комиссии. Член Гос. Совета от АН. Окончил Санкт-Петербургский университет с золотой медалью, слушал лекции выдающихся математиков в Берлине и Париже. С 1887 г. — профессор Казанского университета, декан его физико-математического факультета. Один из создателей в 1921 г. и первый председатель Петроградского математического общества. Занимался историей математики и философией науки. Разрабатывал проблемы теории познания. — 179, 180

Васильчиков Иларион Сергеевич (13.04.1881—03.06.1969) — князь, помещик. Депутат IV Гос. Думы от Ковенской губ., центр. В 1903 г. окончил юридический факультет Московского университета, отбывал воинскую повинность в Нижегородском драгунском полку. В 1906 г. — покинул военную службу и поступил в Министерство юстиции, затем был командирован в канцелярию I департамента Сената. В 1908 г. участвовал в ревизии Туркестанского края. С 1909 г. ковенский уездный предводитель дворянства. С июля 1917 г. до смерти член при главном управлении Красного Креста (сна-

чала в России, а потом за рубежом). Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. по избранию от Гос. Думы. В 1919 г. эмигрировал в Литву. Был членом Русского парламентского комитета в Берлине, участвовал в съезде «хозяйственного восстановления России». В 1921 г. был членом Карловацкого Всезаграничного церковного собора, однако в заседаниях участия не принимал. В 1940 г. переехал в Германию. С 1945 г. жил в Баден-Бадене, где и скончался. — 354

Васнецов Виктор Михайлович (03.05.1848—23.07.1926) — русский художник. — 290

Вассиан, инок. — 92

Величко Сергей Вадимович (1871—?) — гласный губернского земского собрания. Депутат IV Гос. Думы от Полтавской губ., окт. Окончил Московский университет. — 346, 349, 350

Вераксин Александр Сергеевич (1872—1918) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Виленской губ., представитель от русского населения, прав., член комиссии по народному образованию. Окончил Витебскую духовную семинарию. В 1896 г. рукоположен во иерея, служил в Дисненском, а затем в Свенцянском уездах, будучи заведующим уездной школой. В 1895 г. перешел на службу в Березвечский женский монастырь священником и заведующим женской учительской школой. Председатель глубокского отдела «Союза русского народа». Был повешен красноармейцами на воротах своего дома в г. Черкассах. — 319

Вершинин Василий Михайлович (1874—?) — торговец из г. Барнаула. Депутат IV Гос. Думы, от Томской губ., труд. Окончил двухклассное городское училище. Издатель газеты «Жизнь Алтая». — 346

Веселовский Станислав Адольфович (1870—?) — католик, ксендз. Депутат II Гос. Думы от Калишской губ., польское коло. Окончил Варшавскую католическую духовную семинарию. Был викарием, а в 1900 г. назначен настоятелем прихода в г. Седлецке. Организовал сельскохозяйственные кружки, народные библиотеки. Печатался в польских изданиях. — 318

Винберг Владимир Карлович (1836—?) — швед, земский деятель. Депутат IV Гос. Думы от Таврической губ., к.-д. Пред-

седатель Ялтинской уездной управы. Окончил Лесной институт. Старый земский деятель, поселившийся в Крыму задолго до освобождения крестьян. — 351

Витте Сергей Юльевич (17.06.1849—28(21?).02.1915) — граф, государственный деятель, министр финансов и председатель правительства. В 1869 г. окончил физико-математический факультет Новороссийского университета и поступил на государственную службу. В 1892 г. назначен министром путей сообщения. 01.01.1893 назначен министром финансов. 16.08.1903 был назначен председателем Комитета Министров, членом Гос. Совета. В 1902—1905 гг. возглавлял Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Автор мемуаров. *См. библ.* — 34, 36, 37, 78, 181, 189, 194, 223, 244, 274, 295

Владимир (Богоявленский Василий Никифорович) (01.01.1848—25.01.1918) — священномученик, митрополит Киевский и Галицкий. Родился в семье священника Тамбовской губ. В 1874 г. по окончании Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии. 13.01.1882 рукоположен во иерея к церкви г. Козлова (совр. Мичуринск). Овдовел. 08.02.1886 — пострижен в мантию. 09.02.1896 возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троицкого монастыря Козловского уезда Тамбовской губ., 06.10.1886 назначен настоятелем монастыря Антония Римлянина в Новгороде. 03.06.1888 хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. 19.01.1891 — епископ Самарский и Ставропольский. 18.10.1892 — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С 21.02.1898 — митрополит Московский и Коломенский. С 23.11.1912 — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, первенствующий член Св. Синода. В 1915 г. удостоен степени доктора богословия. 23.11.1915 — митрополит Киевский и Галицкий, с оставлением первенствующим членом Св. Синода. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., почетный председатель Собора до 21 ноября/4 декабря 1917 г. (дня на-

столования св. Патриарха Тихона). Зверски убит в Киеве 25.01.1918. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 04.04.1992. — 106, 275, 276, 278

Владимир (Путята Всеволод Владимирович) (02.10.1869 — 1936) — князь, бывш. архиепископ, впоследствии григорианский «митрополит». В 1891 г. окончил Ярославский Демидовский лицей. Поступил на военную службу. В 1897 г. окончил курс Военно-юридической академии. В 1899 г. поступил в Казанскую духовную академию. В 1900 г. пострижен в мантию и рукоположен во иеромонаха. В 1891 г. по окончании духовной академии со степенью кандидата богословия назначен инспектором Казанской духовной семинарии. В 1902 г. возведен в сан архимандрита. В 1902 г. назначен настоятелем посольской церкви в Риме. С 1906 г. — магистр богословия. 06.08.1907 хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии, с поручением ему заведования всеми русскими церквами в Европе, за исключением церквей в Константинополе и Афинах. 18.02.1911 — епископ Омский. 08.03.1913 — епископ Полоцкий и Витебский. 10.01.1915 — архиепископ Пензенский и Саранский. На Священном Соборе Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. за недостойное поведение лишен епископского сана с оставлением в монашестве, но указу не подчинился, положил начало «пензенскому расколу». В 1922 г. перешел в обновленческий раскол. В 1923 г. обновленческим президиумом ВЦС восстановлен в правах «епископа» и назначен «епископом Саратовским», затем «Пензенским». Участник I обновленческого собора, подписал акт о низложении св. Патриарха Тихона. В 1928 г. принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому), был принят как монах. В 1934 г. перешел в григорианский раскол, григорианский «митрополит Томский и всея Сибири». Согласно определению Московской Патриархии от 13(26).06.1934 монах Владимир Путята объявлялся «отпавшим от Св. Церкви и лишенным христианского погребения». После 1934 г. в заключении. Скончался вне общения с Русской Православной Церковью. — 278

Владимир Александрович (1847—1909) — вел. кн., генерал от инфантерии, командующий Петербургским военным округом. Член Гос. Совета. — 37

Владимир, епископ Екатеринбургский см. Владимир (Соколовский-Автономов), архиепископ Екатеринославский и Таганрогский

Владимир (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич) (31.12.1852—27.11.1931) — архиепископ Екатеринославский. В 1878 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, назначен помощником смотрителя Полтавского духовного училища. 3.10.1878 пострижен в мантию и рукоположен во иеромонаха. С 14.01.1879 — член Японской духовной миссии. В 1884 г. возведен в сан игумена. С 1886 г. — преподаватель Холмской духовной семинарии. В 1887 г. возведен в сан архимандрита и назначен инспектором семинарии. 20.12.1887 хиротонисан во епископа Алеутского. 08.06.1891 — епископ Острогожский. 22.12.1896 — епископ Оренбургский. 26.11.1903 — епископ Екатеринбургский. С 18.03.1910 — на покое с пребыванием в Московском Спасо-Андрониевом монастыре, с возложением управления монастыря на правах настоятеля. В 1921 г. назначен архиепископом Екатеринославским, назначения не принял. В 1924 г. был арестован и сослан. В 1926 г. уклонился в григорианский раскол. В июне 1927 г. принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому). Служил во Всехсвятской церкви с. Алексеевского Московской епархии (ныне Москва). В последние годы пребывал в полузатворе. Погребен у алтаря Всехсвятской церкви. — 260

Владимир Святославович (в крещении Василий, † 1015) — святой благоверный равноап. вел. князь Киевский, креститель Руси. — 97

Владимиров В. В. — директор департамента духовных дел иностранных исповеданий, участвовал в разработке закона о свободе совести — 49, 51, 72, 109

Владимирский Федор Иванович (1843—?) — протоиерей. Депутат II Гос. Думы от Нижегородской губ., к.-д. Сын псаломщика г. Арзамаса. В 1864 г. окончил Нижегородскую духовную семинарию по первому разряду. Рукоположен во иерея.

Настоятель Троицкой церкви в г. Арзамасе. До избрания в Думу более 20 лет был членом арзамасского городского управления. Законоучитель в разных учебных заведениях. Благочинный. Выступал как ярый поборник народного образования и культурного развития народа. — 319

Воейков 1-й Алексей Алексеевич (1861—?) — помещик, земледелец. Депутат III Гос. Думы от Тамбовской губ., окт. Окончил в 1887 г. Дерптский университет и был принят в Департамент внешних сношений. Секретарь канцелярии МИДа, советник при Министерстве иностранных дел, камергер, с 1912 г. кирсановский предводитель дворянства, почетный мировой судья Кирсановского уезда. Член губернского земского собрания. — 329, 330, 334

Воейков 2-й Сергей Валерианович (1860 — после 1937) — чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел. Депутат III Гос. Думы от Тамбовской губ., прав. Окончил университет. Вице-директор канцелярии совета Императорского человеколюбивого общества. Член «Союза русского народа». Занимался литературой, печатался под псевдонимом «Нестеров». После революции в эмиграции. Директор русской консерватории в Париже, сотрудник эмигрантского издания «Последние новости». — 334

Воздвиженский Павел Федорович (1856—?) — священник. Депутат I Гос. Думы от Тамбовской губ., умер. Окончил духовную семинарию. Выборы по избранию были отменены. — 352

Волжин Александр Николаевич (08.05.1860—02.01.1933) — обер-прокурор Св. Синода (30.09.1915—01.01.1916). Окончил гимназический и университетский курс в Императорском лицее цесаревича Николая, по выдержании экзамена при юридическом факультете Московского университета удостоен степени действительного студента. 24.11.1889 определен на службу по Министерству внутренних дел. С 20.02.1904 — седлецкий губернатор. 06.05.1914 — гофмейстер Двора Его Императорского Величества. 07.07.1914 — директор Департамента общих дел. Член Гос. Совета. С 05.05.1917 — за штатом. 14.12.1917 уволен со службы. После Февральской революции выехал на юг страны, в марте

1918 г. эмигрировал, жил на Мальте, в Италии, Баварии, а последние годы во Франции, в Ницце. — 224, 275, 276, 278, 279

Волков 1-й Константин Константинович (1869 — после 1912) — священник. Депутат III Гос. Думы от Киевской губ., прав., нац. В 1891 г. окончил Киевскую духовную семинарию, после чего служил четыре года учителем. В 1895 г. рукоположен во иерея к церкви с. Пищалькино Каневского уезда, где служил до избрания в Думу. Был благочинным. — 320, 322, 343, 352

Волков 2-й Николай Константинович (1875—30.01.1950) — агроном. Депутат III и IV Гос. Дум от Забайкальской обл., к.-д. Выходец из купеческой семьи. После окончания в 1901 г. Московского сельскохозяйственного института служил лектором на инженерном факультете этого же института, затем управляющим имениями в Тамбовской и Саратовской губерниях. Участник вооруженного восстания в Чите в 1905 г., за что был осужден царским правительством. С 1912 г. — масон. Член ЦК партии кадетов. В дни Февральской революции 10 февраля — 1 августа 1917 г. товарищ министра земледелия. После Октябрьской революции стал одним из руководителей московского «Национального центра». С весны 1919 г. находился в г. Омске, где включился в работу Восточного отделения кадетской партии. С 1920 г. в эмиграции. Входил в состав Демократической группы Милюкова. Умер в Париже. — 95, 322, 342

Волконский Владимир Михайлович (1868—1953) — князь, потомок старинного рода кн. Волконских, камергер Двора Его Величества, крупный помещик. Депутат III и IV Гос. Дум от Тамбовской губ., прав., вне фракций, старший товарищ председателя Думы. Получил домашнее образование, избрал военную карьеру, окончил Тверское кавалерийское училище. В 1892 г. оставил военную службу и поселился в своем имении в Шацком уезде Тамбовской губ. В 1915—1916 гг. товарищ министра внутренних дел. После Октябрьской революции служил в армии Юденича, затем эмигрировал. — 102

Волконский Николай Сергеевич (1848—22.02.1910) — князь, общественный и политический деятель, окт., публицист. В

1906—1907 гг. член Гос. Совета (отказался от звания члена Гос. Совета и был избран в Думу), депутат I и III Гос. Дум. Сотрудник изданий «Русские Ведомости», «Вестник Европы» и др. — 55

Волконский Сергей Михайлович (04.05.1860—25.10.1937) — русский общественный и театральный деятель, член Религиозно-философских собраний. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1899—1901 гг. — директор императорских театров. В 1921 г. эмигрировал, жил в Германии, Италии, затем в Париже. В 1936—1937 гг. директор Русской консерватории в Париже. Автор статей по искусству и мемуаров. — 32, 33

Волынец А., автор периодических думских обзоров в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» — 229

Вольф Николай Борисович (1866—?) — барон, немец, гофмейстер Высочайшего Двора, крупный землевладелец, ландрат. Депутат IV Гос. Думы от Лифляндской губ., окт. Окончил Юрьевский университет. Был управляющим Императорскими фарфоровым и стекольным заводами. — 349—351

Воробьев Михаил Григорьевич (1850—?) — крестьянин-земледелец и домохозяин. Депутат IV Гос. Думы от Могилевской губ., нац. Земский гласный. Церковный староста. — 347

Воронков Митрофан Семенович (1868—?) — бывший учитель, частный поверенный. Депутат II, III и IV Гос. Дум от области Войска Донского, к.-д. Окончил учительскую семинарию. С 1888 по 1905 г. состоял учителем, но за «разъяснение» манифеста 17 октября был лишен этой должности. Заведовал складом земледельческих орудий сельскохозяйственного общества. — 132, 179

Воронов Василий Иванович (1872—?) — казак, торговец. Депутат IV Гос. Думы от Тверской губ., окт. Окончил Новочеркасскую учительскую семинарию. Был членом старицкой земской управы. — 346

Воронцов-Дашков Иларион Иванович (27.05.1837—15.01.1916) — граф, военный и государственный деятель, министр Двора Его Императорского Величества в продолжение царствования императора Александра III и до 6 мая 1897 г. С 1905 г. по сентябрь 1915 г. — наместник Кавказа и командующий

Кавказским фронтом во время Первой мировой войны. Организатор «Святейшей Дружины». — 36

Восторгов Иван Иванович (20.01.1864—05.09.1918) — сщмч., протоиерей. Родился в с. Кирпильском Ставропольской губ. в семье священника. В 1887 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию. В 1887—1889 гг. — надзиратель и учитель русского и церковнославянского языков в Ставропольском духовном училище. С 06.08.1889 в священном сане, служил в Ставропольской епархии. С 1894 г. служил в Закавказье. С 1900 г. — епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты. С 06.01.1901 — протоиерей. 13.02.1901 назначен редактором журнала «Духовный вестник Грузинского экзархата». 21.08.1901—09.10.1901 был командирован в г. Урмию (Персия) для обозрения дел Российской Православной духовной миссии и ревизии состоящих при миссии школ. С 01.06.1906 служил в Московской епархии в должности проповедника-миссионера с правами противосектантского епархиального миссионера. Член Совета Братства св. Петра митрополита в Москве. Член Предсоборного Присутствия при Св. Синоде. В августе 1907 г. — участник миссионерского съезда в Нижнем Новгороде. С 29.10.1907 синодальный миссионер-проповедник при Св. Синоде. В 1908 г. — участник IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве. С 1909 г. — заведующий московскими пастырскими курсами. Настоятель Князе-Владимирской церкви при Московском епархиальном доме. Основатель Московских Высших богословских женских курсов. С 31.05.1913 — настоятель Покровского собора (храма Василия Блаженного) в Москве. 30.05.1918 арестован ВЧК в Москве и помещен в московскую внутреннюю тюрьму ВЧК, потом был переведен в Бутырскую тюрьму. Расстрелян в Москве. Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16.08.2000. — 78—80, 178, 238

Вырубова (Танеева) Анна Александровна (14.7.1884—20.07.1964) — фрейлина и ближайшая подруга императрицы Александры Феодоровны. После революции приняла мона-

шеский постриг с именем Мария, скончалась в Гельсингфорсе (Финляндия). Автор мемуаров. — 276, 277

Вязигин Андрей Сергеевич (15.10.1867—05.1919) — писатель и политический деятель, профессор. Депутат III Гос. Думы от Харьковской губ., председатель фракции правых. Окончил Харьковский университет, где был профессором по кафедре *всеобщей истории, с 1898 г. — магистр всеобщей истории*, член «Союза русского народа». В Думе выступал против «посягательства Думы» на права монарха, был против принятия законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое, за укрепление религиозного образования, в 1902—1914 гг. — редактор журнала «Мирный труд». Научные работы по истории папства в XI в. и др. Выступал как сторонник сочетания сильной самодержавной власти с децентрализацией и развитием местного управления на сословном основании. *См. библ.* — 343, 344

Гальвас Генрих Генрихович (1853—?) — землевладелец. Депутат III Гос. Думы от Таврической губ., окт. Поселянин-колонист Перекопского уезда. Окончил четырехклассное русско-немецкое училище. Член перекопской уездной земской управы. Член церковного совета в Нейманском приходе. Редактор журнала «Мирный труд». — 322

Ганжулевич Евгений Яковлевич (1862—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Волынской губ., нац., прав. Окончил в 1883 г. Волынскую духовную семинарию. Служил священником с. Денеши Житомирского уезда. — 99, 319, 344, 352

Гарусевич Ян Семенович (1863—?) — поляк, потомственный дворянин, уездный врач. Депутат I, II, III и IV Гос. Дум от Ломжинской губ., народный демократ, польское коло. В 1888 г. окончил медицинский факультет Варшавского университета. Член многих благотворительных и сельскохозяйственных обществ. Сотрудник местных газет. — 206, 334, 351

Гашкевич Михаил Иванович (1865—?) — священник. Депутат II Гос. Думы от Могилевской губ., к.-д. После окончания в 1890 г. Могилевской духовной семинарии был учителем, затем 6 лет преподавал в Мстиславском духовном училище. В

1890—1893 гг. служил в Кишиневе. В 1899 г. был рукоположен во иерея. — 319, 352

Гвоздев Иван Михайлович (1859—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Вологодской губ., прав. В 1882 г. окончил Вологодскую духовную семинарию. 20 лет священствовал в Сараевской Троицкой церкви. *С 1902 г. — протоиерей,* настоятель Сретенского собора в г. Никольске. — 345, 352

Гедеон, епископ Владикавказский см. Гедеон (Покровский Герасим), епископ Владикавказский и Моздокский

Гедеон (Покровский Герасим) (1845—1922) — епископ Владикавказский и Моздокский. В 1872 г. окончил Орловскую духовную семинарию и 13.02.1872 рукоположен во иерея. В 1874 г., овдовев, поступил в число братии Мещовского монастыря. В 1875 г. пострижен в монашество. В 1884 г. по окончании III курса Киевской духовной академии удостоен степени кандидата богословия и назначен членом Японской духовной миссии. В 1885 г. уволен по болезни от службы в миссии и определен в число братии Болховского монастыря. В 1887 г. назначен преподавателем Казанской духовной семинарии. С 1888 г. — смотритель Холмского духовного училища, удостоен степени магистра богословия. В 1889 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Холмской духовной семинарии. 12.01.1892 хиротонисан во епископа Люблинского. 22.12.1896 уволен на покой. С 6.11.1899 — епископ Прилуцкий. *С 12.08.1904 — епископ Владикавказский.* 16.08.1908 уволен, согласно прошению, по болезни на покой с пребыванием на подворье Второ-Афонского Успенского монастыря в г. Пятигорске. 24.01.1909 перемещен в Лубенский Спасо-Преображенский монастырь Полтавской епархии. — 260

Гепецкий Николай Эмилианович (Емельянович) (1869—10.09.1920) — протоиерей, журналист, оратор и проповедник. Депутат III и IV Гос. Дум от Бессарабской губ., умер., прав., нац., секретарь комиссии по народному образованию. По окончании в 1890 г. Кишиневской духовной семинарии и до избрания в Думу священствовал в селе Старо-Казачьем Аккерманского уезда, где благодаря ему был создан ряд учебных заведений, учреждена касса мелкого кредита, от-

крыто общество потребителей, по его настоянию в селе было открыто почтовое отделение и больница. Был членом училищного совета, председателем отделения епархиального училищного совета, наблюдателем церковно-приходских школ и попечителем больницы. С 1896 г. в течение 17 лет был депутатом от духовного ведомства в Аккерманском уездном земстве. Автор ряда работ, посвященных народному образованию и церковно-общественным вопросам. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. Умер в с. Старо-Казачьем (Бессарабия). — 134, 140, 141, 183, 320, 342, 343, 346—348, 353, 355

Гермоген, епископ см. Гермоген (Долганов), сщмч., епископ Тобольский и Сибирский

Гермоген (Долганев Георгий Ефремович) (25.04.1858—29.06.1918) — сщмч., епископ Тобольский и Сибирский. Окончил юридический факультет Новороссийского университета, прошел курс математического факультета. В 1889 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, 28.11.1890 пострижен в мантию, 02.12.1890 рукоположен во иеродиакона, 15.03.1892 — во иеромонаха. В 1893 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и назначен инспектором, а затем в 1898 г. — ректором Тифлисской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 14.01.1901 — епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. 21.03.1903 — епископ Саратовский. В 1911 г. на очередной сессии Синода выступил против введения института диаконисс и чина заупокойного моления за инославных. Выступал против Распутина, в результате чего был лишен кафедры. 17.01.1912 уволен от управления Саратовской епархией с назначением пребывания в Жировицком Успенском монастыре Гродненской епархии. 25.08.1915 назначено пребывание в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии. С 08.03.1917 — епископ Тобольский и Сибирский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. Арестован в 1918 г. в г. Тобольске во время совершения городского крестного хода в Вербное Воскресенье. Утоплен большевиками в р. Туре при приближении белых к г. Тобольску. Канонизирован Юбилейным Освящен-

ным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16.08.2000. — 12, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 299, 308

Герштанский Дамиан Иосифович (1855—?) — священник. Депутат II Гос. Думы от Волынской губ., к.-д. Окончил Житомирскую духовную семинарию. Служил священником с. Релавицы Владимир-Волынского уезда. — 318, 353

Гессе Петр Павлович (1846—1905) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, дворцовый комендант императора Николая II с 21 марта 1896 г. — 36

Гессен Иосиф Владимирович (14.04.1866—22.03.1943) — русский публицист, общественный и политический деятель, адвокат. Депутат II Гос. Думы от Санкт-Петербурга, председатель юридической комиссии. Один из основателей и лидеров кадетской партии, член ее ЦК. Поступил в Новороссийский университет, но был исключен с первого курса. Поступил в Санкт-Петербургский университет. В 1885 г. был арестован и выслан. Автор труда «Судебные реформы». Редактор газет «Речь», «Право». После революции эмигрировал, издавал в Берлине газету «Руль». Автор воспоминаний «В двух веках». С 1921 г. издавал в Берлине «Архив русской революции». — 318

Гидулянов Павел Васильевич (1874—1937) — авт. соч., профессор церковного права Московского университета, дворянин. С 1911 г. — директор Лазаревского института восточных языков. Был сотрудником «Энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона. В послереволюционное время автор нескольких антирелигиозных брошюр. Перед арестом был научным сотрудником Московского областного архивного управления. В 1933 г. арестован в Москве по делу «Контрреволюционной националистической фашистской организации "Партия Возрождения России"» как «представитель монархической части организации». 26.07.1933 Тройкой при ПП ОГПУ приговорен к 10 годам ИТЛ, был отправлен в ссылку в Казахстан, где вновь был арестован и приговорен в высшей мере наказания. Расстрелян. *См. библ.* — 284—286

Гижицкий Александр Степанович (25.03.1869 — после 1917) — помещик, камергер. Депутат III и IV Гос. Дум от Подольской

губ., умер.-прав., нац. Окончил Александровский лицей в Санкт-Петербурге. Служил в 1892—1900 гг. в Гос. канцелярии, почетный мировой судья, уездный и губернский гласный. Предводитель дворянства. В 1910 г. избран в состав Совета Всероссийского национального союза. Один из лидеров правого крыла Всероссийского национального союза и думской фракции националистов. — 191

Гиляров-Платонов Никита Петрович (23.05.1824—13.10.1887) — профессор, духовный писатель, публицист, общественный деятель. В 1848 г. с отличием окончил Московскую духовную академию, удостоившись прибавления к своей фамилии «Платонов». После защиты магистерской диссертации занял кафедру герменевтики и учения о ересях и расколах в МДА. В 1854 г. за критические замечания в адрес правительства о преследовании старообрядцев митрополит Филарет вынужден был уволить Гилярова-Платонова от преподавания в МДА, что и спасло профессора от дальнейших неприятностей. В 1855 г. по прошению уволился из духовного звания и стал служить в Министерстве народного просвещения, борясь за распространение в народе просвещения. Одно время был горячим славянофилом. В 1856—1861 гг. — цензор московского комитета. В 1861 г. оставил цензурный комитет и назначен чиновником особых поручений при министре народного просвещения. В 1862 г. подготовил записку с предложением использовать духовенство для распространения грамотности в народе. Проект лег в основу создания церковно-приходских школ. В 1863 г. вышел в отставку и 4 года заведовал московской синодальной типографией. С 1867 г., оставив казенную службу, посвятил себя исключительно литературной деятельности. Издавал в Москве ежедневную газету «Современные известия» и иллюстрированный журнал «Радуга». — 167

Гирш (Hirsch) **Мориц** (1831—1896) — барон, родом из Баварии. Не имея наследников, предназначил свое многомиллионное состояние на дела благотворительности. На поднятие экономического и культурного уровня евреев в России пожертвовал 50 миллионов рублей, в связи с переговорами по осуществлению этого плана пожертвовал 1 миллион рублей в спе-

циальные средства Св. Синода на церковно-приходские школы. — 230

Гоголь Николай Васильевич (20.03.1809—21.02.1852) — русский писатель. — 167

Голицын Павел Павлович (18.05.1856—13.04.1914) — князь, член ЦК партии «Союз 17 октября». Окончил Пажеский корпус, член земской управы, уездный предводитель дворянства. 8.04.1906 — член Гос. Совета от дворянства, с 26.05.1909 — член Гос. Совета от новгородского земства. — 223

Головин Константин Федорович (псевдоним К. Орловский) (21.07.1843—13.09.1913) — русский писатель и публицист. В 1864 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в канцелярию Императорского Величества, был редактором 14 тома Свода Законов Российской империи. В 1880 г. из-за потери зрения вынужден был уйти в отставку, занялся литературной деятельностью. Печатался в изданиях «Новое время», «Русский вестник», «Русское обозрение», «Вестник Европы» и др. *См. библ.* — 247

Голынец Василий Федорович (1850—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Могилевской губ., умер. В 1871 г. окончил Могилевскую духовную семинарию, работал народным учителем, 5 лет был епархиальным миссионером. Преподавал в Гомельском духовном училище. Рукоположен во иерея. Был настоятелем Георгиевской церкви в с. Болоново-Селецком Быховского уезда. Член «Союза русского народа», член Всероссийского национального совета. — 353

Гольдман Ян Юрьевич (1875—?) — латыш, председатель волостного суда. Депутат IV Гос. Думы от Курляндской губ., прогр. Занимался сельским хозяйством. Председатель сельскохозяйственного общества. — 350

Горемыкин Иван Логгинович (27.10.1839—11.12.1917) — русский государственный деятель. Окончил Императорское училище правоведения. 28.05.1860 определен на службу в канцелярию Сената. Чиновник Сената. В 1895—1899 гг. — министр внутренних дел. С 1907 г. член Гос. Совета. 1914—1916 гг. — председатель Совета Министров. Во время Фев-

ральской революции был арестован, на вскоре освобожден. 15.05.1917 был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией, после чего получил разрешение выехать с семьей на Кавказ. Был убит бандитами на даче близ Сочи вместе с женой и дочерью. — 273, 277

Горчаков Михаил Иванович (20.05.1838—05.08.1911) — протоиерей, профессор богословия Санкт-Петербургского университета по кафедре церковного права, доктор богословия, доктор государственного права. Член Гос. Совета от белого духовенства. В 1861 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, слушал лекции в европейских и Санкт-Петербургском университетах. В 1865 г. рукоположен во иерея. В 1873 г. избран ординарным профессором Санкт-Петербургского университета. Член ЦК «Союза 17 октября». — 55

Григорий XVI (1765—1846) — Римский папа с 1831 г. — 86

Григорий Палама (1296—1359) — свт., архиепископ Солунский, византийский богослов и церковный деятель, один из идеологов исихазма, разработал учение о Божественных энергиях, о природе Фаворского света. — 299, 306

Гриневич Антон Иустинович (1875—?) — священник. Депутат II Гос. Думы от Подольской губ., труд., член бюджетной комиссии. Окончил Житомирскую духовную семинарию. Рукоположен во иерея. Служил в с. Тымовка Балтского уезда. — 319, 353

Гришкин, помощник В. М. Скворцова. — 75

Гришковский Яков Игнатьевич (1864—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Гродненской губ., нац. В 1885 г. окончил Литовскую духовную семинарию. Настоятель церкви в г. Соколки, благочинный. — 345, 349, 353

Громека Степан Степанович (1823—1877) — бывший генерал-губернатор, публицист. В начале своей карьеры служил жандармским офицером на железной дороге, потом был начальником отделения в Министерстве внутренних дел. В 1863 г. был вызван в Польшу в самый разгар польского восстания. Был председателем комиссии по крестьянским делам, а потом около 10 лет седлецким губернатором, получив в то время печальную известность из-за насильственного обращения униатов в православие. В 1880-е годы выступил как

талантливый публицист «Отечественных записок», где несколько лет заведовал отделом «Современной хроники». Держался умеренно-либеральных взглядов. Его статьи, в которых он осмеливался поднимать вопросы, которые никто не затрагивал, имели крупный успех. — 216

Гулькин Дионисий Петрович (1860—?) — крестьянин, старообрядец. Депутат III Гос. Думы Бессарабской от губ., умер., член комиссий переселенческой, земельной и старообрядческой. Садовладелец и земледелец. Член «Союза русского народа». — 258, 327, 343, 344

Гума Василий Иванович (1866—?) — священник местечка Флорешты Сорекского уезда. Депутат I Гос. Думы от Бессарабской губ., умер., Окончил духовную семинарию. Благочинный. Законоучитель министерского училища и гимназии. Был известен как деятельный проповедник. — 353

Гумилин Николай Иванович (1869—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Тверской губ., прав., нац. Окончил в 1890 г. Тверскую духовную семинарию с отличием. Был псаломщиком. В 1893 г. рукоположен во иерея к церкви с. Иружи. С 1901 г. настоятель Троицкой церкви г. Зубцова. Наблюдатель церковно-приходских школ, член комитета попечения о народной трезвости. — 320, 331, 353

Гуревич Эзекиель Бенционович (1861—?) — врач. Депутат IV Гос. Думы от Курляндской губ., к.-д. Окончил медицинский факультет Юрьевского университета. Состоял бесплатным лекарем городского училища. — 349, 351

Гучков Александр Иванович (14.10.1862—14.02.1936) — российский политический и государственный деятель. Депутат, а с 1910 г. председатель III Гос. Думы от Москвы, председатель фракции октябристов. Родился в Москве в купеческой семье. В 1886 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, продолжил образование в Гейдельберге и Берлине. Служил в Москве, Нижнем Новгороде, Маньчжурии и Китае. Занимался предпринимательством. Один из создателей партии «Союза 17 октября». В 1907 г. и с 1915 г. — член Гос. Совета. В 1915—1917 гг. — председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1917 г. военный и морской министр Временного прави-

тельства. 02.03.1917 вместе с В. В. Шульгиным принял от императора Николая II манифест об отречении. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. (выбыл из состава Собора). Участвовал в создании Добровольческой армии. В 1919 г. по просьбе генерала А. И. Деникина выехал в Западную Европу для переговоров о поддержке белых армий, остался в эмиграции. Финансировал русскоязычные эмигрантские издания. Скончался в Париже. — 183, 294, 327

Гучковы, семья купцов-старообрядцев. — 26

Давыдов Н. — авт. соч. — 43

Даманский П. С. — товарищ обер-прокурора Св. Синода. — 268

Данилюк Яков Григорьевич (1864—?) — крестьянин-земледелец. Депутат III Гос. Думы от Волынской губ., прав. Окончил народное училище. — 322, 323

Дейтрих Владимир Федорович (29.07.1850—1920) — член Гос. Совета с 21.09.1905, его вице-председатель с 1917 г. Был помощником финляндского губернатора (06.07.1905 на него было совершено покушение революционерами). В феврале 1917 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. — 223

Делянов Иван Давыдович (30.11.1818—29.12.1897) — граф, министр народного просвещения (16.03.1882—29.12.1897), сенатор, почетный член Петербургской АН. Окончил юридический факультет Московского университета. С 04.11.1838 — на государственной службе. 23.11.1857 поручено управлять Секретным комитетом по делам о раскольниках и отступниках от православия. Попечитель Петербургского учебного округа. Член Гос. Совета, член Совета Главного управления по делам печати. С 1858 г. служил в Министерстве народного образования. При его участии были разработаны и приняты новые уставы гимназий. Председатель комиссии по пересмотру университетского устава. Инициатор закона о передаче церковно-приходских школ в ведение Св. Синода. — 124

Демянович Антон Каэтанович (1856—?) — армянин, купец, землевладелец, почетный мировой судья. Депутат I, II, III и IV

Гос. Дум от Бессарабской губ., умер., центр. Получил воспитание и образование в Австрии. Окончил Венский политехнический институт. После возвращения в Россию поселился в родовом имении, занялся сельским хозяйством и общественной деятельностью. До избрания в Думу в течение 22 лет состоял гласным губернских и уездных земств. Почетный мировой судья. — 323

Диллером — генерал-губернатор. — 225

Дмитриев Михаил Николаевич (1868—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Екатеринославской губ., умер.-прав. Окончил в 1888 г. Екатеринославскую духовную семинарию, состоял учителем пения в Мариупольском духовном училище. В 1893 г. был назначен настоятелем собора в г. Верхнеднепропетровске. Был законоучителем женской гимназии, председателем епархиального училищного совета, духовным следователем, благочинным. — 140, 320, 353

Добромыслов Константин Николаевич (1857—после 1917) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Рязанской губ., прав. В 1877 г. окончил Рязанскую духовную семинарию, 6 лет был учителем земской начальной школы. В 1883 г. рукоположен во иерея к церкви г. Пронска. Депутат от духовенства в уездном земском собрании и в местной городской думе. Член уездного училищного совета, законоучитель городского училища с 1883 г. Председатель пронского отдела «Союза русского народа». — 319, 353

Долгоруков Павел Дмитриевич (09.05.1866—10.06.1927) — князь, один из богатейших людей России, общественный и политический деятель. Депутат II Гос. Думы от Москвы, к.-д. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1893—1903 гг. — уездный предводитель дворянства Московской губ. Один из основателей партии «Союз освобождения», председатель его съезда в 1904 г. Руководитель Толстовского общества, общества мира, председательствовал на мировом конгрессе пацифистов в Стокгольме. Один из основателей кадетской партии и член ее ЦК. Исключал насилие как в разрешении вопросов внутри государства, так и вопросах внешних сношений. Его называли «рыцарем без страха и упрека». После

Февральской революции выступил на заседании ЦК партии кадетов против полного отстранения Гос. Думы от власти, за провозглашение вел. кн. Михаила Александровича царем. Во время Октябрьской революции все дни проводил в штабе Московского военного округа, участвуя в организации борьбы против советской власти. В день открытия Учредительного собрания был арестован в Петрограде и отправлен в Петропавловскую крепость. 19.02.1918 был освобожден и переехал в Москву, отдался идее «белой» борьбы, находясь на нелегальном положении. Стал членом, а позднее товарищем председателя Национального центра. С 1920 г. в эмиграции. Дважды тайно посещал Россию в 1924 и 1926 гг., во второй раз был арестован и 11 месяцев просидел в харьковской тюрьме, «в ответ» на убийство П. Л. Войкова был расстрелян в ночь с 9 на 10 июня 1927 г. Автор воспоминаний «Великая разруха». — 318

Достоевский Федор Михайлович (30.10.1821—28.01.1881) — русский писатель. — 242

Дроздовский Иван Дмитриевич (1865—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Полтавской губ., секретарь фракции националистов. В 1885 г. окончил Полтавскую духовную семинарию. В 1886 г. рукоположен во иерея к церкви с. Антиповка Полтавской епархии. С 1889 г. член епархиального училищного совета. С 1897 г. благочинный Золотоношского уезда Полтавской губ. — 345, 353

Дубровин Александр Иванович (1855—14.04.1921) — врач, организатор и руководитель «Союза русского народа», после раскола которого в 1910 г. продолжал руководить оставшейся под его влиянием частью «Союза». После февраля 1917 г. арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, но вскоре по состоянию здоровья был освобожден. Вновь арестован 21.10.1920, 14.04.1921 было вынесено постановление ЧК о расстреле, и он был в тот же день расстрелян. — 78

Дурново Петр Николаевич (23.11(24.03?)1842—11.09.1915) — государственный деятель, сенатор. Окончил Морской кадетский корпус и Александровскую военную академию. Служил на флоте. С 1870 г. служил в Министерстве внутренних

дел. В 1906 г. министр внутренних дел. С 1906 г. — член Гос. Совета по назначению, лидер фракции правых. — 194, 223

Дымша Любомир Клеофасович (1860—?) — помещик. Депутат III и IV Гос. Дум от Седлецкой губ., народный демократ, польское коло. Окончил Санкт-Петербургский университет, магистр прав. Гласный Санкт-Петербургской думы (1902—1905). Товарищ председателя думской комиссии законодательных предложений. Участник Всемирного конгресса по народному образованию в Чикаго. — 192, 198—202, 205, 334

Евладов Венедикт Викторович (1861—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Оренбургской губ., прав., прогр. В 1861 г. окончил Троицкую классическую гимназию. В 1886 г. рукоположен во иерея. С 1887 г. настоятель Спасской церкви Чермянской слободы Чембарского уезда, где одновременно был и законоучителем местного училища. — 346—348, 353

Евлогий, епископ, архиепископ см. Евлогий (Георгиевский Василий Семенович), митрополит

Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) (10.04.1868—08.08.1946) — митрополит. Депутат II и III Гос. Дум от русского населения Люблинской и Седлецкой губ., прав. В 1888 г. окончил Тульскую духовную семинарию. В 1892 г. — Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1894 г. — преподаватель Тульской духовной семинарии. 03.02.1895 пострижен в мантию, 12.02.1895 рукоположен во иеромонаха, назначен инспектором Владимирской духовной семинарии. В 1897—1902 гг. — ректор Холмской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 12.01.1903 хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. С 18.07.1905 — епископ Холмский и Люблинский. 20.05.1912 возведен в сан архиепископа. С 14.05.1914 — архиепископ Волынский и Житомирский. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. 18.12.1918 арестован в г. Киеве по распоряжению правительства С. В. Петлюры, был переведен на территорию Польши, в 1919 г. арестован по распоряжению польских властей. Летом

1919 г. освобожден при посредничестве стран Антанты, в августе 1919 г. возвратился в Россию. В 19.01.1920 г. эмигрировал в Сербию. В 1921 г. был назначен временно управляющим западноевропейскими русскими епархиями. С 30.01.1922 — митрополит. В 1921—1922 гг. находился в эмиграции в г. Берлине, в 1923 г. переехал в Париж. После выхода Декларации 1927 г. находился в оппозиции к митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1930 г. уволен митрополитом Сергием от управления Русской Церковью в Западной Европе, запрещен в священнослужении. В 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией, назначен экзархом Восточной Европы (в то же время Вселенским Патриархом не был отпущен и считался до самой смерти экзархом Вселенского Патриархата). Большой заслугой митрополита Евлогия было создание в Париже Богословского института, который стал самым крупным православным учебным и богословским заведением за границей. Автор мемуаров «Путь моей жизни», где подробно описал свою деятельность в двух Гос. Думах. Скончался в Париже. *См. библ.* — 56, 58, 72—74, 81, 89—92, 96, 98, 103, 136, 138, 145, 160—165, 171, 175, 176, 181—183, 188—193, 195, 202—205, 214—216, 219, 222—225, 235, 237, 238, 254—256, 319, 320, 322, 327, 334, 342—344, 352, 355

Евреинов Николай Николаевич (1853—?) — помещик, камергер. Депутат III и IV Гос. Дум от Витебской губ., окт., центр. Окончил Александровский лицей. В 1975 г. поступил на службу в Министерство финансов, в 1877 г. командирован в главное казначейство действующей армии. Почетный мировой судья. — 329, 348.

Евсеев Илья Тимофеевич (1877 — после 1917) — сын крестьянина Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губ. Депутат IV Гос. Думы от Санкт-Петербургской губ., центр., прогр. С 9 лет помогал отцу своим заработком. Окончил церковно-приходскую школу, а затем двухклассное училище, после чего поступил в земскую учительскую школу, которую окончил в 1897 г. Пробыв 5 лет сельским учителем у себя на родине, поступил на службу в губернское ведомство в качестве сотрудника оценочно-статистического отделения. В

1908—1911 гг. состоял членом Ямбургской уездной земской управы, откуда перешел вновь на службу в губернское земство на должность земского страхового агента. С 1913 г. гласный Ямбургского и СПб земских собраний, член училищного совета и председатель волостного суда. Член Священного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. (сложил полномочия члена Собора). Член Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). После Октябрьской революции в эмиграции. — 304, 355

Екатерина II Великая (21.04.1729—06.11.1796) — российская императрица с 1762 г. — 21, 115, 259

Елена — игумения Красностокского монастыря. — 190

Елизавета Федоровна (03.06.1864—1918) — прмц., вел. кн., супруга вел. кн. Сергея Александровича. Канонизирована Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 04.04.1992. — 142, 288, 301

Еникеев Гайса Хамидуллович (1865—?) — мусульманин. Депутат III Гос. Думы от Казанской губ. и IV Гос. Думы от Оренбургской губ., товарищ секретаря IV Думы. Окончил татарскую школу. Работал учителем в Оренбургском округе, после выхода в отставку был директором суконной фабрики. — 349

Ермолаев Михаил Кондратьевич (1881—?) — крестьянин-земледелец, старообрядец. Депутат III Гос. Думы от Витебской губ., умерен., прав., нац. Окончил Двинское городское училище. Член «Союза русского народа». — 327

Ершов Василий Ефимович (1868—?) — мещанин, торговец г. Красноуфимска. Депутат II Гос. Думы от Пермской губ., труд. Старообрядец поморского согласия. — 318

Есьман Владислав Казимирович (1860—?) — поляк, земледелец. Депутат III Гос. Думы от Гродненской губ., польско-литовская группа. Кандидат естественных наук Варшавского университета, податной инспектор. — 323

Ефимов Иван Ефимович (1862—?) — крестьянин-земледелец. Депутат II Гос. Думы от Новгородской губ., беспартийный. — 55

Ефремов Иван Николаевич (06.01.1866—13.01.1945) — крупный помещик, юрист, публицист. Депутат I, III и IV Гос. Дум от

области Войска Донского, лидер фракции прогрессистов, член Совета старейшин Думы. Обучался на физико-математическом факультете Московского университета. Один из организаторов партии мирного обновления. В 1915 г. член ЦК «Прогрессивного блока». Масон. Министр юстиции во Временном правительстве. С сентября 1917 г. посол в Швейцарии. После Октябрьской революции эмигрировал. В эмиграции входил в правое крыло группы П. Н. Милюкова. Организатор партии «Союз возрождения России». В эмиграции читал лекции по вопросам международных отношений. С 1926 г. эксперт по российским делам правительства Швейцарии. Один из учредителей народной дипломатической академии в Париже. Умер в Париже. — 262

Желобовский Александр Александрович (1834—1910) — протопресвитер военного и морского духовенства. Родился в Новгородской губ. в семье псаломщика. В 1850 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. 17.09.1859 рукоположен во священника митаевского гродненского полка, далее служил по ведомству военного и морского духовенства. С 1873 г. — протоиерей. В 1888 г. утвержден в должности главного священника гвардии и гренадер, армии и флотов. С 1890 г. — протопресвитер военного и морского духовенства. Как протопресвитер, он обнаружил заботы о развитии христианской настроенности в войсках и о должном значении полковых священников. С этой целью он завел при церквах библиотеки религиозно-нравственного содержания, внебогослужебные беседы, начал издавать журнал «Вестник Военного духовенства», принимал участие в особой комиссии для поднятия религиозно-нравственного воспитания войск. Известен как законоучитель, им был выпущен ряд руководств по Закону Божию, выдержавших несколько изданий. — 239

Жужек Иоанн — католический священник, профессор Понтификального Восточного института в Риме. — 12

Зарин Александр Дмитриевич (1870—?) — помещик. Депутат III и IV Гос. Дум от Псковской губ., нац., товарищ секретаря IV

Думы,. член землеустроительной комиссии. Окончил Псковский кадетский корпус и Санкт-Петербургское юнкерское училище. В 1888 г. поступил на военную службу. В 1896 г. вышел в запас, занялся сельским хозяйством и общественной деятельностью. Губернский и уездный земский гласный. В русско-японскую войну был призван на военную службу. Предводитель дворянства Псковской губ. — 334

Захаров 1-й Зиновий Данилович (1840—?) — молоканин, помещик. Депутат III Гос. Думы от Таврической губ., окт. Среднее образование. Занимался сельским хозяйством. Уездный гласный. Попечитель евангельского молитвенного дома, попечитель земского народного училища. — 322

Захарьев Николай Александрович (1868—?) — присяжный поверенный, мировой судья. Депутат III Гос. Думы от области Войска Донского, к.-д. Окончил юридический факультет Московского университета. Был городским гласным. С 1895 г. — присяжный поверенный. — 334

Звегинцов (Звегинцев) Александр Иванович (1869—11.1915) — крупный землевладелец, земский деятель. Депутат III и IV Гос. Дум от Воронежской губ., товарищ председателя фракции октябристов, председатель старообрядческой комиссии. Окончил морское училище и Академию Генерального штаба, отставной ротмистр гвардии. Губернский гласный. Начальник экспедиции на Север. Имел много работ в области сельского хозяйства и земледелия. В 1914 г. отбыл на фронт, погиб в бою. — 264, 327, 328

Зверев Николай Андреевич (01.09.1850—08.03.1917) — профессор энциклопедии и истории философии права, ректор Московского университета, член Гос. Совета. Сенатор. Начальник Главного управления по делам печати. Один из основателей газеты «Окраины России», член Совета Российского Окраинного общества, сотрудник «Московских Ведомостей», член совета Общества ревнителей русского исторического просвещения, принимал участие в работе комиссий и съездов объединенного дворянства. — 179, 223

Зверев 1-й Петр Михайлович (1845—1918?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Орловской губ., нац., умер.-правый. Родился в Орловской губ. Окончил в 1869 г. Орловскую ду-

ховную семинарию. До рукоположения во иерея в 1874 г. работал сельским учителем в Орловской губ., после рукоположения служил в с. Казаки Елецкого уезда Орловская губ. Благочинный Елецкого уезда. После революции, в начале 1918 г., во время литургии о. Петр зачитал воззвание св. Патриарха Тихона, затем говорил о декрете, которым запрещалось преподавание Закона Божия, что вызвало негодование властей. В апреле 1918 г. о. Петр был арестован по обвинению в «антисоветской агитации». При аресте он оказал сопротивление, был ранен выстрелом в голову и помещен в тюремную больницу. — 345, 347, 353

Златомрежев Аркадий Алексеевич (1852—07.11.1910) — священник. Депутат III Гос. Думы от Саратовской губ., прав. Окончил Саратовскую духовную семинарию в 1874 г., с 1876 г. епархиальный миссионер. Рукоположен во иерея в 1878 г. Благочинный. С 1888 г. священник слободы Котовней Саратовской губ. — 327, 328, 353

Знаменский Александр Георгиевич (1861—после 1917) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Владимирской губ., нац., товарищ председателя комиссии по делам Православной Церкви. Окончил в 1886 г. Московскую духовную академию, кандидат богословия. В 1887 г. рукоположен в иерея к Благовещенскому собору в г. Киржаче, с 1889 г. — протоиерей, настоятель Георгиевского собора г. Юрьева-Польского. Благочинный, член уездного училищного совета, депутат от духовенства в Юрьевской думе. В 1895 г. организовал общество трезвости. При его деятельном участии и на собранные им средства был перестроен Георгиевский собор. Отказался от членства в Думе 17.10.1911. — 322, 329, 331, 353

Знаменский Михаил Павлович (14.11.1867—после 1917) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Тульской губ., правый. Окончил Тульскую духовную семинарию. В 1890—1908 гг. — священник г. Черни Тульской губ. С 1908 г. — священник и законоучитель местной гимназии в г. Епифаново. — 345, 347, 348, 353

Знобишин Д. А. — козельский мещанин, известный как юродивый «Митя Козельский». По С. Фирсову: «Дмитрий Попов, ме-

щанин г. Козельска, юродивый, появившийся в начале XX в. в Петербурге. К началу Первой мировой войны Мите было около 45 лет. Немой калека, в 1900 г. он, якобы от удара грома, выздоровел, стал ходить и кое-как говорить. По Митиным рассказам, тогда же на его руке появился крест. В 1901 г. он приехал в Кронштадт, а в начале 1902 г. познакомился с архимандритом Феофаном (Быстровым) — тогдашним инспектором духовной академии. Последний представил его вел. кн. Милице Николаевне, а затем и «царям». При дворе Митя давал советы, предупреждал, пророчествовал. По словам привезшего его в академию Илиодора (Труфанова), «блаженненького» придворные любили, однако, «явился Григорий и затмил Митину звезду». Митю уволили в «отставку» и даже без пенсии». — 288

Золотарев М. А. — авт. соч. — 15

Зуев Николай Васильевич (1861—?) — мещанин. Депутат III Гос. Думы от Нижегородской губ., окт. Получил домашнее образование. С ранних лет посвятил себя коммерческим делам, имел собственное торговое дело в г. Семенове. Городской голова г. Семенова. — 329

Зыков, член миссионерского съезда. — 80

И. С. — авт. соч. — 38—40

Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный (25.08.1530—18.03.1584) — вел. кн. Московский и всея Руси с 1533 г., первый русский царь с 1547 г. — 259

Игнатьева Софья Сергеевна (10.02.1852—27.02.1944) — графиня, хозяйка светского салона в Петербурге. После революции в эмиграции, умерла в Париже. — 107

Извольский Петр Петрович (14.02.1863—09.12.1928) — обер-прокурор Св. Синода. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. 24.07.1886 определен на службу в Департамент внутренних сношений МИД чиновником. 16.03.1887 переведен на службу в МВД. В 1893 г. был командирован для осмотра на месте палестинских и сирийских школ Императорского православного общества. С 01.08.1899 — инспектор Киевского учебного округа. 18.06.1902 назначен попечителем Рижского учебного округа.

03.04.1904 назначен попечителем Петербургского учебного округа. 27.07.1906—05.02.1909 — обер-прокурор Св. Синода. В 1912—1916 гг. — член Гос. Совета. С февраля 1917 г. проживал на даче в Ялте. 14.12.1917 уволен со службы. В 1920 г. выехал из Ялты в Константинополь, в 1922 г. переехал в Мюнхен. В 1923 г. — в Париж. В 1922 г. принял священный сан, позднее возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем православного храма в Брюсселе. Благочинный церквей в Бельгии и Голландии. Состоял членом Лицейского бюро в эмиграции, участвовал в деятельности Комитета помощи русских инвалидов. — 78, 81, 133, 179, 181, 233, 257

Иларион (Домрачев И. И.) (около 1845—02.06.1916) — схимонах. Окончил 4 класса духовной семинарии, затем работал учителем. Подвизался в монастыре на Афоне. В 1880-х гг. удалился с Афона на Кавказ, где был приписан к Ново-Афонскому монастырю. В 1899 г. основал Покровскую монашескую женскую общину в местечке Темные Буки, которая в 1904 г. была преобразована в монастырь. В 1907 г. вышла его книга «На горах Кавказа», выпущенная на деньги вел. кн. Елизаветы Федоровны. — 299, 301

Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович) (07.10.1880—1952/1958) — бывший иеромонах. Выходец из донских казаков. В 1905 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Преподавал в Ярославской духовной семинарии, из которой был вынужден уйти из-за протестов учащихся. С 1905 г. — член «Союза русского народа». С 1906 г. — монах Почаевской лавры. Сначала поддерживал связь с Распутиным, затем боролся с его влиянием. В 1908 г. был переведен в Царицын, где в результате его деятельности Троицкое монастырское подворье стало центром его пропаганды. Неистовые фанатичные проповеди о. Илиодора оказывали сильное влияние на верующих, однако его нападки на власть вызвали недовольство полиции. За неподчинение Св. Синоду, призывавшему Илиодора к порядку, он был отправлен «на покаяние» во Флорищеву пустынь (Владимирская губ.), где ему было запрещено проповедовать. В марте 1911 г. он бежал в г. Царицын, где вместе со своими приверженцами скрылся за монастырски-

ми стенами и заявил о своем неподчинении правительству и Св. Синоду. Вновь был водворен во Флорищеву пустынь, где он снял с себя сан и объявил о своем разрыве с Русской Православной Церковью. Затем поселился под Санкт-Петербургом, где пытался создать новый культ «солнца и разума», организовав религиозную секту «Новая Галилея». Подвергался преследованию полиции за оскорбление императорской фамилии, был обвинен в подготовке покушения на Распутина. В революционное время о нем не было слышно, но в начале 1920-х гг. вновь появился в Царицыне, в кругу своих бесчисленных приверженцев, объявив себя «патриархом Царицынским и всея России», получив «сан» по способу украинских самосвятов («рукоположение» миром). Илиодор создал свою «иерархию», насчитывавшую более десяти «архиереев», рукоположенных таким же способом. Однако вскоре Илиодор исчез, а несколько позже оказался в США, где работал в одной из крупных гостиниц в должности швейцара (о чем сообщалось в то время в советской печати). Опубликовал скандальные мемуары о Распутине «Святой чорт (Записки о Распутине)». М., 1917. — 288, 290, 292

Иннокентий (Усов Иван Григорьевич) (23.01.1870—03.02.1942) — старообрядческий епископ Нижегородский. Митрополит Белокриницкий, крупнейший старообрядческий апологетический писатель. Происходил из мещанской семьи, до военной службы занимался иконописанием, а после нее и до самого рукоположения в сан епископа проживал при епископе Арсении (Швецове). 27.03.1903 был хиротонисан во епископа Нижегородского и Костромского (избран в епископы Освященным собором в 1902 г.). Принимал деятельное участие в издании журналов «Старообрядец» и «Старообрядцы». В 1920 г. эмигрировал в Румынию, некоторое время жил в Югославии. С 1920 г. — епископ Кишиневский. После присоединения Молдавии к СССР переведен на старообрядческую Тульчинскую кафедру. 27.04.1941 возведен в сан митрополита Белокриницкого и переехал на жительство в Белокриницкий монастырь. Автор многих статей и книг. Единолично присоединил и рукоположил архимандрита Михаила (Семенова), за что был вместе с ним на соборе 3—

4 февраля 1909 г. запрещен до 25.08.1909 в священнослужении, совершенная же им хиротония была признана законной. — 44

Иоаким III (Деведжи Христ) (1843—13.11.1912) — один из самых выдающихся Константинопольских патриархов XIX—XX вв., дважды занимал Константинопольский престол: в 1878—1884 и 1901—1912 гг. В 1884 г. был вынужден оставить кафедру из-за преследований турецкого правительства, жил на Афоне. В 1901—1912 гг. вторично занимал Константинопольский престол. При нем было составлено «Окружное послание Константинопольского Патриарха» по вопросам межцерковных сношений, отношения к католичеству, протестантству и старокатоличеству, о реформе календаря и др. Проводил политику по укреплению дисциплины в Церкви и был чрезвычайно любим народом. Во время его первого патриаршества были налажены дружеские связи Вселенской Патриархии со Св. Синодом Русской Православной Церкви. В 1912 г. выступил как противник имяславцев. В своей «Грамоте на Афон» запретил чтение книги иеромонаха Илариона «На горах Кавказа», как «содержащей много ошибочного и ведущей к заблуждению и ереси». Патриарх Иоаким грозил «строжайшими мерами» монахам, «которые бессмысленно богословствуют и ошибочную теорию о божественности имени "Иисус" выдумали и распространяют». — 142

Иоанн (Картушин Иустин Авксентьевич) (01.06.1837—24.04.1915) — старообрядческий архиепископ Московский и всея России. Происходил из казацкой семьи. До 30 лет стал известным начетчиком. Регулярно участвовал в собеседованиях с миссионерами, весьма успешно вел беседы с баптистами. В 35 лет овдовел, оставшись с малолетними детьми, до 1882 г. жил с отцом и братом, помогая им в ведении хозяйства, тогда же занял должность секретаря старообрядческого епископа Кавказского. 21.07.1890 принял монашество и поступил в монастырь. В августе 1898 г. был избран епископом на Донскую епархию и хиротонисан 09.08.1898, в конце того же года был избран на Московскую кафедру. Через два года правительство потребовало от него дать под-

писку в том, что он не будет именоваться архиепископом Московским и всея России. Зная церковные законы, он написал, что он не именуется Московским и всея России, а только старообрядческим архиепископом. Неудовлетворенное ответом правительство выслало архиепископа Иоанна в Тулу под надзор полиции. В 1903 г. ему было предложено избрать место жительства по своему усмотрению, кроме Москвы и Московской губернии. В сентябре 1905 г. ему было разрешено свободное проживание. Поселился в специально отстроенном для него верхнем помещении лечебницы на Рогожском кладбище. После утверждения в 1906 г. Московской митрополии был возведен в сан «митрополита Российской старообрядческой церкви». В 1906 г. епископ Антоний (Храповицкий) сделал попытку склонить его присоединиться к господствующей Церкви, на что митрополит Иоанн дал ответ, ясно выразив, при каких условиях возможно соединение, потребовав «возвращения к дониконовскому православию». С началом мировой войны освободил свой дом для нужд лазарета, переехав в дом на Рогожском кладбище, где и скончался. При нем были открыты новые старообрядческие епархии, основан мужской монастырь. Погребен на Рогожском кладбище. — 44

Иоанн (Иван) III Васильевич (22.01.1440—27.10.1505) — великий князь Московский с 1462 года. — 92

Иоанн Кронштадтский (Сергеев Иван Ильич) (19.10.1829—20.12.1908) — святой, праведный, протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Выдающийся церковный оратор и проповедник, духовный писатель. Великий молитвенник, обладавший даром прозорливости и чудотворения. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1989 г. — 90, 239

Иов, старообрядческий епископ Московский см. Иов (Борисов Иван Константинович), старообрядческий епископ Московский

Иов (Борисов Иван Константинович) (1836—14.02.1912) — старообрядческий епископ Московский, в начале XX в. глава неокружников. 16.12.1884 хиротонисан во епископа на Московскую кафедру неокружническим епископом Нижегород-

ским. Родом из крестьян Нижегородской губ. Отец его принадлежал к православным, но по бедности отдал сына на воспитание в семью купца-старообрядца. В 12-летнем возрасте мальчик присоединился к старообрядчеству и вскоре стал одним из самых ревностных его последователей. Едва достигнув совершеннолетия, он оставил воспитавшую его семью, забросил торговлю и всецело посвятил себя проповеди старой веры. До 40 лет разъезжал по России, обходил паломником все старообрядческие скиты, присутствовал на всех старообрядческих соборах того времени. В 40 лет принял иноческий постриг и провел 7 лет в Куреневском старообрядческом монастыре Подольской губ. Отвергнув Окружное послание, он в 1863 г. присоединился к течению неокружников, а затем с 1885 г. возглавил его. Вместе с немногочисленной частью старообрядцев так и не примирился с братьями на мирном соборе 1906 г. Неоднократно запрещал, отлучал и извергал из сана своих противников, которыми сам не раз был запрещен, отлучен и извергнут. До 1891 г. имел резиденцию в Москве, затем по принуждению властей (правительство распорядилось, чтобы в Москве был один старообрядческий епископ) он переехал в Подмосковье. После объявления указа о веротерпимости возвратился в Москву. Для него был выстроен в Лефортове кафедральный храм во имя святителя Николая, но служить в новом храме ему почти не пришлось. Он скончался в д. Молоково Богородского уезда Московской губ. в бездействии и разъединении со всеми архиереями белокриницкой иерархии. Незадолго до смерти принял схиму. — 44

Иорданский Н. — авт. соч. *См. библ.* — 75

Иосиф Волоцкий (Санин Иван) (1439—09.09.1515) — основатель и игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, духовный писатель. Автор «Просветителя», многочисленных посланий и др. — 35

Искрицкий Михаил Андреевич (18.06.1873—10.03.1931) — депутат II и III Гос. Дум от Черниговской губ., мирн. об., окт., товарищ секретаря III Думы. Окончил училище правоведения. Занимаясь хозяйством в родовом имении, принимал участие в общественной и земской жизни Черниговской губ.

Суражский предводитель дворянства. Масон. В Варшаве первый председатель Русского эмигрантского комитета и особоуполномоченый РОКК. — 55, 318

Исполлатов П. И. — обер-секретарь Св. Синода. — 59, 75

Исполлатов Петр Иванович (1857—?) — священник с. Хохловки Пермской губ. Депутат III Гос. Думы от Пермской губ., прогр. По выходе из 4 класса Тверской духовной семинарии работал статистиком управления, затем служил 6 лет в Удельном ведомстве, с 1887 г. служил по духовному ведомству в Пермской епархии. В его приходе было открыто 5 школ и закрыто 15 винных лавок. Состоял председателем попечительства о голодающих и противочумной, наблюдателем церковно-приходских школ, духовный следователь. Председатель открытого им Хохловского сельскохозяйственного общества. — 320, 329, 353

Кабанов Федор Константинович (1878—?) — хлебопашец и мелкий торговец. Депутат IV Гос. Думы от Вологодской губ., к.-д. Окончил земское училище. — 347

Казанский Константин Иванович (1858—?) — статский советник, помощник смотрителя Петрозаводского духовного училища. Депутат III и IV Гос. Дум от Олонецкой губ., прав., окт., центр. В 1884 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия. В 1884—1890 гг. помощник смотрителя Каргопольского духовного училища, с 1890 г. помощник смотрителя Петрозаводского духовного училища. Гласный городской думы г. Петрозаводска. Состоял 17 лет членом олонецкого епархиального училищного совета и Александро-Свирского братства. — 322, 323, 329, 344, 347

Каменев — авт. соч. — 36

Каменский Петр Валериевич (1860—?) — крупный землевладелец, публицист, председатель центрального бюро партии «Союз 17 октября», земский деятель. Депутат III Гос. Думы от Екатеринославской губ., к.-д., председатель комиссии по вероисповедным делам. Окончил Харьковский университет, кандидат прав, Предводитель дворянства Мариупольского

уезда в 1890—1908 гг. Член Гос. Совета. Автор трудов по социологии и философии. Знаток школьного дела. Автор работы «Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе третьего созыва и отношение к ним „Союза 17 октября"». *См. библ.* — 15, 54—57, 59, 60, 64, 69, 75, 81, 86, 88, 232, 233, 322, 323, 325—327

Кант Иммануил (1724—1804) — родоначальник немецкой классической философии. — 149

Каптерев Николай Федорович (08.07.1847—31.12.1917) — заслуженный ординарный профессор. Депутат IV Гос. Думы от Московской губ., прогр., председатель старообрядческой комиссии. После окончания Московской духовной академии в 1872 г. оставлен при ней приват-доцентом кафедры истории Русской Церкви. 17.10.1874 удостоен степени магистра богословия, с 1883 г. — профессор МДА. С 16.12.1891 — доктор церковной истории. Труды по истории взаимоотношений Русской и Вселенской Церкви в XVII в., деятельности патриарха Никона и т. д. Городской старшина г. Сергиева Посада. Член Священного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. — 32, 347, 349, 350, 355

Капустин Михаил Яковлевич (1847—1920) — врач, профессор, доктор медицины. Депутат II и III Гос. Дум от г. Казани, товарищ председателя Думы, окт., товарищ председателя библиотечной комиссии, товарищ председателя финляндской комиссии. В начале 1870-х гг. работал в качестве врача в Костромской губ., затем — в военных госпиталях, в военно-медицинской академии в Варшаве, в Варшавском университете. С 1887 г. — профессор Казанского университета. — 55, 102, 141, 173, 233, 327, 342

Караваев Александр Львович (03.06.1855—05.03.1908) — общественный и политический деятель, публицист, земский врач. Депутат II Гос. Думы от г. Екатеринослава, где возглавлял фракцию трудовиков. Учился в Медико-Хирургической академии, которую оставил на 5 курсе, «ходил в народ». Один из видных деятелей Крестьянского Союза. Автор ряда брошюр по крестьянскому вопросу. Неоднократно подвергался преследованиям местных административных учреждений. После разгона II Думы занимался врачебной практикой. На-

кануне выборов в III Думу был смертельно ранен во время приема больных в г. Екатеринославе. — 318

Караваев Иван Михайлович (1868—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Вятской губ., прав. Окончил Вятскую духовную семинарию. Настоятель церкви г. Уржума. Председатель епархиальных съездов. — 345, 353

Каратаев Бихит-Джан Бисалиевич (1861—1934) — киргиз, присяжный поверенный, судебный следователь. Депутат II Гос. Думы от Уральской области, к.-д., входил в мусульманскую фракцию. В 1917 г. вступил в РКП (б). В 1918 г. — член Исполкома Уральского совдепа. В 1919 г. назначен членом Военного революционного комитета по управлению Киргизским краем. — 318

Караулов Василий Андреевич (1854—19.12.1910) — юрист. Депутат III Гос. Думы от Енисейской губ., к.-д., председатель старообрядческой и товарищ председателя вероисповедной комиссии. В Думе был одним из видных членов кадетской партии, выступал чаще всего по вопросам, касающимся ведомства Св. Синода и вероисповедным, отстаивал свободу совести и, в особенности, интересы старообрядцев и сектантов. С 1880 г. — народоволец. Учился в Санкт-Петербургском университете, но курса не окончил, так как был арестован в 1883 г. по делу 12 народовольцев 01—09.11.1884 приговорен к 4 годам каторжных работ, которые отбывал в Шлиссербургской крепости, откуда в «кандалах и с бритой головой» отправлен в Сибирь в г. Устюг. Изучил фельдшерское и школьное дело. В 1905 г. примкнул к кадетам; открыто выступал против революции 1905—1907 гг. Во время его речи в Думе (18.05.1910) по вопросу о введении земства в Западных губерниях член Думы (правый) о. Вераксин крикнул ему: «Каторга». На это Караулов ответил: «Да, почтенный отец, я — каторга, и с бритой головой и с кандалами на ногах я мерил бесконечную Владимирку за то, что смел желать и говорить о том, чтобы вы были собраны на собрании. Я осужден гражданским судом «за намерение изменить государственный строй, но без насильственных средств», и то, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь. В этой могучей волне, которая вынесла вас в эту залу,

есть капля моей крови и моих слез, и это дает мне повод оправдывать мое существование перед Богом и людьми». Слова эти вызвали взрыв аплодисментов на левой и центре. — 56, 58, 60, 69, 81, 95, 96, 98, 99, 102, 171, 172, 323—325, 327—330, 342, 343, 349, 350, 351

Карлсберг Эрнест Федорович (1861—?) — латыш, отставной полковник. Депутат III Гос. Думы от Курляндской губ., прогр. Окончил военное училище. Занимался сельским хозяйством. — 322

Карпинский Иван Константинович (1872—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Волынской губ., прав. В 1891 г. окончил духовную семинарию. До 1902 г. учитель церковно-приходской школы. В 1902 г. рукоположен в священный сан к церкви с. Ярунь Новоградского уезда Волынской губ. 1911—1913 гг. — наблюдатель церковно-приходских школ. — 345, 353

Карташев Антон Владимирович (11.07.1875—10.09.1960) — профессор, церковный историк. По окончании Санкт-Петербургской духовной академии в 1898 г. со степенью кандидата богословия оставлен в ней профессорским стипендиатом, а с 1899 г. — профессор СПбДА. С 1905 г. — профессор Высших Бестужевских женских курсов. После окончания Академии активно вовлекся в общественную жизнь. Он начинает печататься под псевдонимами в различных изданиях. Когда об этом стало известно в академии, то ему предложили выбрать или преподавание, или журналистику; он выбрал последнее и стал активно печататься уже под своим именем. После февральской революции Временное правительство назначило обер-прокурором Св. Синода В. Н. Львова, который предложил пост своего помощника А. В. Карташеву. После того как В. Н. Львов покинул свой пост, на его место был назначен А. В. Карташев, а после упразднения поста обер-прокурора он становится первым министром вероисповеданий, которым пробыл только 10 дней. Всю свою энергию Антон Владимирович сосредоточил на скорейшем созыве Поместного Собора Православной Российской Церкви. Член Предсоборного Совета и Священного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. В

конце 1917 г. был арестован среди других министров Временного правительства, был освобожден по ходатайству Собора. В 1918 г. эмигрировал. 1921 — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора, но в заседаниях не участвовал. С 1925 г. — профессор Богословского института в Париже. Автор значительного числа научных публикаций. Его многочисленные труды сосредоточены преимущественно на двух темах: «Воссоздание Святой Руси» и «Вселенская миссия православия». — 32, 292

Кассо Лев Аристидович (06.06.1865—26.12.1914) — помещик, профессор Харьковского, а затем Московского университетов. Министр народного просвещения (1910—1914). — 175, 183, 342

фон Кауфман (Кауфман-Туркестанский с 10.10.1914) **Петр Михайлович** (07.06.1857—06.03.1926) — министр народного образования. Окончил с золотой медалью Императорский Александровский лицей 21.05.1877 и был определен на службу в канцелярию Кабинета Министров. 08.11.1980 переведен на службу в МВД. 08.01.1886 переведен на службу в Гос. Совет. 24.04.1905—01.01.1908 — министр народного образования. 1908 — член Гос. Совета. Сенатор. После революции поселился в Кисловодске. Во время гражданской войны работал по Красному Кресту на Юге России. С 1920 г. жил в Париже. Был членом Совещания по организации самопомощи русским беженцам, организатор «Союза русских инвалидов». Умер в Париже. — 129, 179

Квашнин-Самарин Степан Дмитриевич (13.10.1838—11.1908) — деятель народного образования. В 1898 г. окончил Московский университет. Бывший предводитель уездного и губернского дворянства. С 06.04.1906 — член Гос. Совета от Тверского земства, был переизбран в 1912 г., центр. — 118

Кейнис Франс Осипович (1870—?) — литовский крестьянин, земледелец. Депутат III и IV Гос. Дум от Ковенской губ., труд. Окончил городское училище. Служил на железной дороге. — 349

Керенский Александр Федорович (22.04.1881—11.06.1970) — российский политический деятель, адвокат. Депутат IV Гос. Думы от Саратовской губ., председатель фракции трудови-

ков. С 02.03.1917 — министр юстиции Временного правительства. С 05.05.1917 — военный и морской министр. 08.07.1917 возглавил Временное правительство, сохранив пост военного и морского министра. С 30.08.1917 — верховный главнокомандующий. С 01.09.1917 глава Директории. После Октябрьской революции 1917 г. предпринял ряд неудачных попыток организовать сопротивление большевикам. В июне 1918 г. эмигрировал. В 1922—1932 гг. проживал в Берлине и Париже, с 1940 г. — в США, работал в Стенфордском и Гуверовском университетах. Автор мемуаров, исторических исследований, составитель и редактор публикаций по истории русской революции. — 184, 185, 239, 312, 313

Киндяков Михаил Львович (1877—09.04.1935) — помещик. Депутат IV Гос. Думы от Саратовской губ., к.-д. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Обер-секретарь 1-го Департамента Правительствующего Сената. В 1919 г. в правительстве Колчака был товарищем министра земледелия. В эмиграции генсек маклаковского эмигрантского комитета. — 264

Киприан Карфагенский (201—258) — свт., учитель Церкви, христианский апологет, богослов. — 281

Киреев Александр Алексеевич (23.10.1833—13.07.1910) — публицист, общественный деятель, генерал-лейтенант от кавалерии, секретарь Общества любителей духовного просвещения. Участник Крымской войны 1853—1856 гг. Окончил Пажеский корпус, был вольнослушателем Московского университета. Почетный член Московской духовной академии, публицист, убежденный славянофил. Полемизировал с В. Соловьевым по вопросу взаимоотношения православия и католицизма. — 243

Киреевский Иван Васильевич (22.03.1806—11.06.1856) — религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства. — 29

Кириенко Иван Иванович (1877—?) — инженер-технолог, меньшевик. Депутат II Гос. Думы от Киевской губ., с.-д. Окончил Харьковский технологический институт, из которого был 5 раз увольняем за политическую деятельность. Сидел не-

сколько раз в тюрьме. По делу революционных организаций был приговорен к 4 годам каторжных работ. При одном из арестов, по словам М. М. Боиовича, «получил шашкой по голове». — 318

Кириллович Дионисий Фаддеевич (1855—?) — протоиерей, настоятель соборной церкви г. Луцка. Депутат III Гос. Думы от Волынской губ., прав. Окончил Волынскую духовную семинарию в 1877 г., 8 лет состоял учителем духовного училища. До избрания в Думу священствовал 23 года (9 лет в сане протоиерея). За труды по народному образованию имел награды от Св. Синода (наперсный крест, Библия, синодальная грамота). — 319, 329, 343, 353

Киселев Степан Герасимович (1863—?) — сельский хозяин и торговец. Депутат III Гос. Думы от Самарской губ., окт. Окончил уездное училище. — 330

Климент, инок — авт. соч. — 300

Климов Василий Васильевич (10.03.1869—27.08.1937) — священник. Депутат III Гос. Думы от Томской губ. с 02.11.1908, секретарь фракции прогрессистов. Окончил духовную семинарию и Высшую педагогическую академию. До выборов в Думу (с 1902) 11 лет священствовал в г. Бийске, потом был переведен в с. Кашинское Томской губ. После революции служил в Омской области. Был арестован в 1930 г. в г. Узене Омской области по обвинению в «антисоветской агитации». После непродолжительного пребывания в тюрьме был освобожден. Впоследствии был отправлен в ссылку в г. Чимкент Южно-Казахстанской области, где был вновь арестован 23.06.1937. Тройкой при УНКВД по Южно-Казахстанской области в августе 1937 г. был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Расстрелян. — 353

Клочков Степан Николаевич (1870—?) — помощник Вологодского епархиального миссионера. Депутат III Гос. Думы от Вологодской губ., прав. В 1891 г. окончил духовную семинарию. До 1896 г. — учитель церковно-приходских школ, затем — помощник Вологодского епархиального миссионера. Деятельный член при комитете о попечительстве о народной трезвости. Член отделения Стефано-Прокофьевского братства по делам церковных школ. Награжден от Св. Сино-

да Библией и золотой медалью на анненской ленте. — 322, 323, 327

Клюжев Иван Семенович (1856—1922) — крестьянин, домовладелец. Депутат II, III и IV Гос. Дум от г. Самары и Самарской губ., окт. Окончил Казанский учительский институт. Служил в сельской школе. Работал инспектором народных училищ Самарского уезда и г. Самары, был гласным уездного и губернского земств и городской думы, членом попечительских советов в гимназии и сиротском доме. — 55, 323, 324, 342, 347, 348

Кобылинский Петр Петрович (03.03.1847—?) — помещик, с 1906 г. — член Гос. Совета, один из лидеров правых, по образованию юрист. Служил по ведомству Министерства юстиции, с 1886 г. — вице-директор департамента. С 1890 г. — обер-прокурор III департамента Сената. Член Русского собрания. — 223

Ковалевский Евграф Петрович (30.12.1865—14.03.1941) — юрист. Депутат III и IV Гос. Дум от Воронежской губ., окт. Родился в Москве в дворянской семье. В 1899 г. окончил юридический факультет Московского университета и был оставлен при нем по кафедре государственного права. Начал службу в I департаменте Сената помощником обер-секретаря. Перешел в Министерство народного просвещения чиновником особых поручений при министре. Состоял членом ученого комитета и председателем постоянной комиссии по народным чтениям. Специалист по народному образованию, посвятивший себя изучению его в России и за границей и осуществлению всеобщего обучения. Организовал в Воронежской губ. две образцовые школы, автор законопроекта о школьном образовании 1912 г. В Думе был товарищем председателя комиссии о народном образовании и членом-докладчиком бюджетной комиссии по Св. Синоду и Министерству народного просвещения. Член Священного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. После революции эмигрировал во Францию. С 1919 г. жил в Париже. 1921 — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора. Возглавлял дни русской культуры для молодежи, был членом епархиального совета, играл видную роль в церков-

ной и общественной жизни русской колонии во Франции. Масон. Скончался в Медоне близ Парижа. — 147—149, 179, 181, 183, 191, 219, 234, 235, 236, 257, 263, 269—271, 303, 343, 344, 355

Ковалевский Максим Максимович (27.08.1851—23.03.1916) — историк, юрист, социолог, политический деятель, академик Петербургской АН. Депутат I Гос. Думы от Харьковской губ., позднее — член Гос. Совета. Являлся одним из организаторов партии «демократических реформ». Окончил Харьковский университет, в 1872—1876 гг. продолжил образование за границей, работал в европейских архивах и библиотеках. С 1880 г. — профессор Московского и Петербурского университетов, академик. Масон. В 1906—1907 гг. издавал газету «Страна», с 1909 г. стал владельцем и редактором журнала «Вестник Европы», принимал участие в издании журнала «Запросы жизни». Автор исторических и социологических работ. Выступал с думской трибуны 62 раза по большинству обсуждавшихся вопросов, давал справки по истории парламентаризма, об ответственном министерстве и др. — 181, 223

Коваленко 2-й Степан Игнатьевич (1855—?) — крестьянин, *земледелец. Депутат III Гос. Думы от Киевской губ., прав.* Окончил церковно-приходскую школу. Бывший старший унтер-офицер. Георгиевский кавалер за участие в турецкой кампании. — 100

Коваль Иосиф Ильич (1865—?) — крестьянин. Депутат IV Гос. Думы от Подольской губ., нац. Окончил народное училище. Волостной старшина. Уездный и губернский гласный. — 347, 348

Ковальский — католический священник-«мариавит». — 57

Коковцов Владимир Николаевич (06.04.1853—28/29.01.1943) — граф (с 30.01.1914), государственный деятель царской России. Окончил Александровский лицей. Сенатор. С 1904 по 1914 г. (с небольшим перерывом) — министр финансов, а после убийства Столыпина, в 1911—1914 гг. занимал одновременно пост председателя Совета Министров. Член Гос. Совета по назначению, внепартийный. Во время Первой мировой войны — крупный банковский деятель. В 1918 г.

эмигрировал во Францию. Скончался в Париже. Автор мемуаров «Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919». *См. библ.* — 37, 183, 192, 193, 224

Колесников Василий Николаевич (1857(1868?)—?) — почетный мировой судья. Депутат IV Гос. Думы от Смоленской губ., прогр. Окончил медицинский факультет Московского университета. Занимался торговлей. — 348

Колокольников Константин Александрович (1871—?) — священник земской больницы. Депутат II Гос. Думы от Пермской губ., беспартийный. Окончил духовную семинарию. После роспуска Думы был лишен креста и запрещен в священнослужении. — 353

Комарецкий Николай Ананьевич (04.05.1877—25.06.1931) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Полтавской губ., прав. Родился в г. Лохвицы Полтавской губ. в дворянской семье, отец был священником. Окончил Полтавскую духовную семинарию в 1898 г. После окончания семинарии учительствовал. В 1899 г. принял священный сан и священствовал в Полтавской епархии. Был слушателем Археологического института в 1907—1912 гг. С 1912 г. служил в церкви 145-го Новочеркасского полка на Охте в Санкт-Петербурге. В 1913 г. священник военной тюрьмы в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. С начала Первой мировой войны по ноябрь 1917 г. безотлучно находится на фронте вместе со своим полком. За храбрость при исполнении долга награжден золотым крестом на Георгиевской ленте. С ноября 1917 г. служил в Петроградской церкви прав. Симеона и Елизаветы при патриотическом институте до ее закрытия в 1918 г. С 1917 г. — протоиерей. После октябрьского переворота с марта 1918 г. по март 1919 г. находился за штатом, затем снова возвратился в Благовещенский храм. Был арестован 28.03.1922 по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей», по суду был оправдан. В общей сложности в храме Благовещения о. Николай прослужил 17 лет. После закрытия храма он тяжело заболел, но продолжал служить на Коневском подворье на Охте. — 320, 322, 329, 333, 353

Комб Жюстен Луи Эмиль (1835—1921) — французский политический деятель. В 1896—1902 гг. возглавлял французское правительство. — 96

Кондурушкин Степан Семенович (1874—01.1919) — писатель и журналист, корреспондент газеты «Речь». В 1898—1903 гг. работал учителем при Палестинском обществе в Сирии, затем вернулся в Россию. Сотрудничал в журналах «Русское Богатство», «Мир Божий», в сборнике «Знамя» и др. — 191

Кони Анатолий Федорович (29.01.1844—17(15?).09.1927) — видный русский юрист и общественный деятель, выдающийся судебный оратор, академик. С 1907 г. — член Гос. Совета. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, потом перешел на юридический факультет Московского, который окончил со степенью кандидата прав. Служил по судебному ведомству. В университетские годы вошел в литературно-театральные круги. С 1890 г. — доктор уголовного права. После революции 1917 г. — профессор Петроградского университета, принимал активное участие в общественной жизни. Литературное наследие Кони объединено в пяти томах очерков и воспоминаний «На жизненном пути». *См. библ.* — 28

Константин, епископ Самарский см. Константин (Булычев Кирилл Иоакимович), архиепископ.

Константин (Булычев Кирилл Иоакимович) (23.12.1858 — середина 1930-х) — архиепископ Могилевский и Мстиславский. Родился в Вятской губернии в семье зажиточного купца. В 1881 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, работал в банке. 29.01.1892 пострижен в мантию, 21.02.1892 рукоположен во иеродиакона. 07.11.1893 — во иеромонаха. В 1894 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен смотрителем Санкт-Петербургского Александро-Невского духовного училища. В 1896 г. назначен ректором Витебской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. Одновремнно состоял председателем Витебского Свято-Владимирского братства, цензор «Полоцких епархиальных ведомостей». С 1900 г. — ректор Киевской духовной семинарии. 29.07.1901 хиротонисан во епи-

скопа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 23.04.1904 — епископ Самарский и Ставропольский. С 04.11.1911 — епископ Могилевский и Мстиславский. 06.05.1915 возведен в сан архиепископа. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. В 1919 г. арестован за «служение панихиды по бывшему царю и выступления с кафедры против советской власти». Находился в заключении до 1920 г. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1922 г. — обновленческий «архиепископ», затем «митрополит» Могилевский. В 1923 г. и в последующие годы по нескольку раз уклонялся в обновленческий раскол, каялся и вновь уходил в раскол. В 1925 г. принес покаяние и митрополитом Петром (Полянским) и сонмом иерархов принят в общение с Русской Православной Церковью. 22.12.1925 — в числе основоположников григорианского раскола. Член Временного высшего церковного совета. 1925 г. — григорианский «архиепископ» Тамбовский. 29.01.1926 заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) запрещен в священнослужении и предан соборному суду архиереев (за двукратное нарушение архиерейской присяги и отпадения в раскол). Скончался без воссоединения с Православной Церковью в середине 1930-х гг. — 142

Константин I Великий (27.02.274—22.05.337) — святой равноапостольный, римский император с 306 г. В 313 г. издал «Миланский эдикт», признавший христианство государственной религией. Крещение принял перед смертью. — 96

Константинопольский патриарх — в рассматриваемый период было два Константинопольских патриарха: Иоаким III († 1912) и Герман V († 1918), избранный 05.02.1913, который 05.04.1913 послан грамоту на Афон, где объявил имяславие ересью, ведущей к пантеизму. — 299, 300, 305—307

Концевич Авдий Васильевич (1868—?) — священник. Депутат I Гос. Думы от Волынской губ., умер. Окончил Житомирскую духовную семинарию. — 353

Корсаков — городской гласный Тверской губ. — 128

Косвинцев Е. Н. — авт. соч. — 300

Космодамианский Иван Иванович (1874—?) — ветеринарный врач. Депутат II Гос. Думы от Уральской области, с.-д. Окончил ветеринарный институт. — 318

Котляревский Сергей Андреевич (1873—1939) — общественный и политический деятель. Депутат I Гос. Думы от Саратовской губ., к.-д. Родился в Москве, окончил гимназию и историко-филологический факультет Московского университета. Приват-доцент Московского университета по кафедре всеобщей истории, доктор всеобщей истории. Гласный Балашовского уездного и Саратовского губернского земств. Сотрудник «Полярной звезды» и других изданий. Автор ряда научных трудов («Французский орден и римская курия», «Ламене и новейший католицизм»). Член-учредитель партии народной свободы, член ее ЦК. В 1906 г. присутствовал при составлении Выборгского воззвания, за что был подвергнут трехмесячному тюремному заключению. В 1906 г. участвовал в создании масонской ложи «Возрождение». В 1907 г. закончил юридический факультет Московского университета. Автор ряда публикаций по юриспруденции, член партии кадетов. Комиссар Временного правительства по инославным исповеданиям, товарищ обер-прокурора Св. Синода и министра вероисповеданий. Участвовал в сборнике «Из глубины». Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. как член Предсоборного Совета. Член «Правого центра», «Национального центра» и др. нелегальных организаций. В 1920 г. был привлечен по делу «Тактического центра» и получил 5 лет условно. Работал в МГУ и других советских учреждениях. При советской власти неоднократно арестовывался. 17.04.1938 был арестован по делу «Антисоветской террористической подпольной кадетской организации». Был приговорен к расстрелу и расстрелян в 1939 г. — 355

Котляров 1-й Александр Осипович (1852—?) — купец г. Славянска. Депутат IV Гос. Думы от Харьковской губ., окт. Получил домашнее образование. До избрания в Думу более 25 лет занимался книготорговлей и типографской деятельностью. Занимал должность купеческого старосты. — 347

Кочнев Дамиан Афанасьевич (1870—?) — присяжный поверенный. Депутат II Гос. Думы от Забайкальской области, к.-д. *Получил высшее образование.* — 319

Кочубей Леонтий Васильевич (1871—02.02.1938) — землевладелец. Депутат III Гос. Думы от Черниговской губ., окт. Окончил Санкт-Петербургский университет. Занимался сельским хозяйством. В русско-японскую и Первую мировую войны Главноуполномоченный Красного Креста. После революции в эмиграции. — 334, 349

Красножен Михаил Егорович (1860—?) — авт. соч., известный специалист по церковному праву. Окончил курс в Московском университете. С 1893 г. профессор церковного права в Юрьевском университете. *См. библ.* — 20, 39

Кривошеин Александр Васильевич (19.07.1858—28.10.1921) — российский государственный деятель. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил по ведомству Министерства внутренних дел, с 1905 г. — товарищ главноуправляющего, а затем главноуправляющий землеустройством и земледелием, активно проводил аграрную реформу Столыпина. Сторонник уничтожения общинного землевладения и насаждения хуторского хозяйства. Был членом Совета Министров и Гос. Совета, товарищем министра финансов. В 1914—1915 гг. сотрудничал с правыми фракциями в Думе, один из инициаторов создания «Прогрессивного блока». В 1915 г. фактически руководил правительством, являясь наиболее влиятельным его членом. После Февральской революции оставил службу и переехал в Москву, руководил так называемым «правым центром». В 1918 г. переехал в Киев. В 1920 г. возглавил в Крыму «Правительство Юга России». После разгрома врангелевских войск эмигрировал. Скончался в Берлине. — 183, 273

Кривцов Яков Васильевич (1854—после 1912) — инженер, действительный статский советник. Депутат III и IV Гос. Дум от Курской губ., прав. Окончил в 1876 г. институт гражданских инженеров. Занимал различные должности в провинции и Санкт-Петербурге. Член строительного комитета при Министерстве внутренних дел. Губернский и уездный гласный. Землевладелец. Почетный мировой судья. — 343

Кропотов Александр Егорович (1874—?) — крестьянин, волостной писарь. Депутат III Гос. Думы от Вятской губ., труд., член земельной комиссии. За участие в русско-японской войне имел награды. — 137, 166, 258, 342

Крупенский Павел Николаевич (12.12.1863—1927 (1939?) — крупный помещик. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Бессарабской губ., группа центра, прав. Окончил военное училище, полковник в отставке. В III Думе — основатель партии националистов. В IV Думе — один из лидеров фракции центра, выступал против левых партий. С 1910 по 1917 гг. — камергер Двора. После революции 1917 г. принимал участие в Белом движении. С 1918 г. в эмиграции, член Высшего монархического совета. — 238, 342

Крыжановский Сергей Ефимович (29.08.1862 — 12.01.1935) — сенатор, член Гос. Совета, государственный секретарь, товарищ министра внутренних дел с 1906 г. Автор избирательного закона 1907 г. и других законопроектов, реформирования Совета Министров и Гос. Совета. Окончил юридический факультет Петербургского университета, после чего служил по судебному ведомству, затем в Министерстве внутренних дел. С 10.03.1917 в отставке. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. В 1918 г. эмигрировал. В 1921—1925 гг. редактировал «Русскую Летопись». Автор воспоминаний по истории внутренней политики России. — 6, 45, 59, 62—64, 189, 190, 193

Крылов Семен Алексеевич (1874—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Самарской губ., центр. В 1896 г. окончил Самарскую духовную семинарию и рукоположен во иерея к церкви с. Полковичи Самарской губ. Законоучитель мужской гимназии, благочинный округа. Перед избранием в Думу священник с. Ивантеевка Самарской губ. Автор печатных трудов по катехизации. — 346, 347, 350, 353

Кудрявцев Петр Григорьевич (1858—?) — врач г. Армавира. Депутат II Гос. Думы от Кубанской области, член казачьей группы. Окончил Военно-Медицинскую академию. — 318

Куземский, униатский епископ см. Михаил (Куземский), униатский епископ

Кузнецов Георгий Сергеевич (1881—?) — рабочий-слесарь. Депутат III Гос. Думы от Екатеринославской губ., с.-д., член комиссии по рабочему вопросу. Окончил 3-х классную школу. До избрания в Думу находился 4 года и 2 месяца в тюрьме как политический заключенный. — 102, 135, 136

Кузовков Евдоким Леонтьевич (1869—?) — крестьянин-земледелец. Депутат III Гос. Думы от Калужской губ., окт. Окончил сельское училище земледелия. — 102, 103

Кузьмин Косьма Феоктистович — старообрядческий священник. — 45

Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (28.08.1859—17.02.1927) — общественный и политический деятель, публицист, генерал-майор, военный юрист, профессор. Депутат I и II Гос. Дум от Тверской губ., один из руководителей правого крыла кадетской партии. Окончил Пажеский корпус, затем был вольнослушателем Военно-юридической академии, которую окончил в 1883 г. Заслуженный профессор и писатель. Один из деятелей земского движения. Участник русско-японской войны. Профессор Военно-юридической академии. В Первую мировую войну — один из деятелей земства и член военно-промышленного комитета. После революции с 1919 г. в эмиграции. Был деканом Русского отделения юридического факультета Сорбонны, член Парижской русской академической группы, Союза русских писателей и журналистов, объединения русских адвокатов в Париже. —319

Кузьминский Владимир Михайлович (1865—?) — протоиерей церкви г. Слонима. Депутат III Гос. Думы от Гродненской губ., нац. По окончании Литовской духовной семинарии служил в ней 3 года надзирателем. В 1887 г. рукоположен во иерея. Уездный наблюдатель церковно-приходских школ, член епархиального училищного совета, член правления духовного училища. Благочинный, законоучитель. — 320

Куприянов Василий Петрович (1864 — после 1932) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Тверской губ., окт. Окончил Тверскую духовную семинарию в 1885 г. и рукоположен во иерея. Был окружным миссионером Тверской епархии. До избрания в Думу — священник с. Видропуск Тверской губ. Служил во Владимирской церкви в г. Твери, член епархи-

ального совета. Арестован в 1922 г. и осужден на 2 года ссылки в Туркестан, после отбытия заключения вернулся в г. Тверь, где вновь служил во Владимирской церкви. 15.03.1932 арестован и сослан на 3 года в Казахстан, дальнейшая судьба неизвестна. — 320

Куракин Иван Анатольевич (01.08.1874—27.10.1950) — князь, камер-юнкер Двора Его Величества, впоследствии епископ Мессинский Иоанн. Депутат III Гос. Думы от Ярославской губ., окт., председатель комиссии по запросам, секретарь комиссии по народному образованию. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Губернский предводитель дворянства. Член ЦК партии «Союз 17 октября». С 1920 г. жил в Париже. Оказавшись в эмиграции и овдовев, он приблизился к Церкви, был близок к митрополиту Евлогию (Георгиевскому). В 1931 г. рукоположен во иерея, настоятель церквей в Милане и Флоренции. С 1949 г. — архимандрит. Хиротонисан за неделю до смерти во епископа Мессинского (Вселенский экзархат). Умер в Париже, так и не добравшись до места назначения. — 330, 343, 355

Куропаткин Алексей Николаевич (17.03.1848—16.01.1925) — военный и государственный деятель, генерал, военный историк, писатель. Окончил Академию Генерального штаба, служил в армии. С 1898 по 1904 гг. — военный министр, член Гос. Совета. В русско-японскую войну был главнокомандующим сухопутными войсками, а затем всеми вооруженными силами России на Дальнем Востоке. В Первую мировую войну командовал Северным фронтом, был генерал-губернатором и командующим войсками в Туркестане. Член Всероссийского национального союза. В апреле 1917 г. был арестован и отправлен в Петроград, но освобожден Временным правительством. В годы гражданской войны отказался выступить против советской власти и отклонил предложение эмигрировать. После революции проживал в Псковской губ., работал учителем. Автор ряда военно-исторических и военно-географических работ. Убит бандитами. — 34, 189, 245

Кучинский Архип Федорович (1867—?) — крестьянин, земледелец. Депутат III Гос. Думы от Минской губ., умер.-прав., нац. — 258

Ламанский Владимир Иванович (26.06.1833—19.11.1914) — русский историк, филолог, этнограф, общественный деятель публицист, профессор, академик Петербургской АН (1900). Окончил Санкт-Петербургский университет. Славянофил и панславист. Автор трудов по истории славянской филологии, палеографии, этнографии. Совместно с П. П. Семеновым-Тян-Шанским руководил изданием «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». — 32

Ларский И. — авт. соч. *См. библ.* — 77, 292

Лаукайтис Иосиф Антонович (1873—?) — ксендз. Депутат IV Гос. Думы от Сувалкской губ., прогр. Окончил римо-католическую академию. — 349, 350

Лачинов Михаил Федорович (1868—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Тамбовской губ., нац. В 1891 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию и рукоположен во иерея к церкви с. Песковатино Липецкого уезда. С 1895 г. — священник с. Остроухово Тамбовского уезда. — 345, 347, 353

Лашкевич Валериан Валерианович (1876 — не ранее 1921) — присяжный поверенный. Депутат IV Гос. Думы от Харьковской губ., к.-д. В 1902 г. окончил университет, проживал в г. Харькове. Участник русско-японской войны, за храбрость был награжден 3-мя орденами. Гласный Харьковской городской думы. Автор курса русского торгового права, перевел «Правила адвокатской этики», выработанные союзом американских адвокатов. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. После революции эмигрировал. 1921 — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора, однако в заседаниях не участвовал. —348, 355

Ле-Блон — французский авт. — 206

Лебедев 1-й Николай Федорович (1866—?) — священник с. Малая Сергеевка Балашинского уезда. Депутат III Гос. Думы от Самарской губ., умер.-прав., окт. Окончил в 1886 г. Самарскую духовную семинарию. В 1889—1891 гг. — диакон г. Саратова. В 1891 г. рукоположен во иерея. С 1904 г. — законоучитель. Благочинный. — 320, 329, 344, 353

Лебедев — профессор. — 33

Леванидов Петр Александрович (1864—?) — крестьянин-землепашец, мелкий торговец. Депутат IV Гос. Думы от Архан-

гельской губ., к.-д. Получил домашнее образование. Сельский писарь, волостной старшина. — 347

Ленарский Иван Петрович — профессор догматического богословия Казанской духовной академии. — 32

Лентовский Владимир Иванович (1857—1927 (1931?) — протоиерей, обн. «епископ» Борис. Депутат IV Гос. Думы от Пензенской губ., прав. В 1882 г. окончил Казанскую духовную академию и рукоположен во иерея. Преподавал в Пензенской духовной семинарии. С 1898 г. — протоиерей Пензенского кафедрального собора. Член губернского училищного совета от духовенства г. Пензы. В 1921 г. был хиротонисан в епископа Пензенского и Саранского. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий «епископ» Пензенский до 1927 г. По сведениям митрополита Мануила (Лемешевского), «...ушел на покой, раскаивался в своем переходе в обновленчество, но публичного покаяния не приносил. Жил в сторожке обновленческой церкви, где и скончался после болезни и был похоронен обновленцами...». По одним источникам, скончался в 1927 г., по другим — в 1931 г., не воссоединившись с Православной Церковью. — 345, 347, 353

Леонас Петр Сильвестрович (1865—1938) — литовский общественный и государственный деятель, юрист. Депутат II Гос. Думы от Сувалкской губ., к.-д., секретарь комиссии о свободе совести. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1889 г. работал в Сувалкском окружном суде, затем следователем в Ташкенте и других местах. В 1918—1919 гг. — в правительстве буржуазной Литвы. С 1922 г. — профессор Каунасского университета, председатель Совета адвокатов Литвы. В 1933—1938 гг. — главный редактор либерально-демократического журнала «Культура». — 318, 319

Леонов Дмитрий Алексеевич (1868—?) — помещик. Депутат III Гос. Думы от Рязанской губ., окт. Окончил 7 классов гимназии. Частный поверенный и предводитель уездного экономического совета. Фактически заведовал делом народного образования в Скопинском уезде. — 91, 92, 139, 158, 160, 179, 327, 342

Леонтий, архиепископ Холмский и Варшавский см. Леонтий (Лебединский Иван Алексеевич), митрополит

Леонтий (Лебединский Иван Алексеевич) (22.01.1822—01.08.1893) — митрополит Московский и Коломенский. В 1847 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. 17.05.1847 пострижен в монашество. 18.07.1847 рукоположен во иеромонаха. По окончании академии в том же году назначен профессором и помощником ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии. С 1847 г. — профессор Киевской духовной семинарии, с 30.05.1853 — ее ректор. 15.02.1853 возведен в сан архимандрита. 17.05.1859 — ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. 13.03.1860 хиротонисан во епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии (06.1860—01.07.1860 в. у. Санкт-Петербургской епархией). С 20.12.1863 — епископ Каменец-Подольский. 08.04.1873 возведен в сан архиепископа. С 02.10.1874 — архиепископ Херсонский и Одесский. С 16.11.1875 — архиепископ Холмско-Варшавский. На Холмско-Варшавской кафедре перед ним стояла трудная и сложная задача — утвердить в православной вере воссоединившихся в 1875 г. с Православной Церковью униатов. Успешному решению этой задачи архиепископ Леонтий отдал 16 лет своего служения, для этого в 1879 г. он организовал Холмское Православное Свято-Богородицкое братство. С 17.11.1891 — митрополит Московский и Коломенский. — 117

Липранди Иван Петрович (17.07.1790—09.05.1880) — авт. соч., военный историк, публицист, этнограф, библиофил, генерал-майор. *См. библ.* — 75, 76, 132

Липягов Сергей Семенович (1867—?) — инспектор Вятского духовного училища. Депутат III Гос. Думы от Вятской губ., к.-д. Окончил Московскую духовную академию в 1891 г., кандидат богословия. С 1892 г. до избрания в Думу — преподаватель Вятского духовного училища. — 329, 342

Лисичкин Никита Васильевич (1864—?) — казак, служащий. Депутат III Гос. Думы от Терской области, с 12.09.1908 окт., нац. Сдал в Пятигорской гимназии экзамен на классный чин. 5 лет состоял станичным атаманом. До избрания в Думу служил в Управлении Кавказских Минеральных Вод. — 324

Лотоцкий Анания Алексеевич (1859—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Волынской губ., прав. Окончил Волынскую духовную семинарию. До избрания в Думу священствовал 30 лет. Автор более 50 статей различного содержания. Член уездного училищного совета. — 345, 353

Лукашин Иван Игнатьевич (1870—?) — крестьянин. Депутат III Гос. Думы от Рязанской губ., прогр. Окончил сельское училище. Волостной старшина. Член уездной земской управы. Организовал в своем селе ссудно-сберегательное товарищество. — 102, 137, 177, 344

Лукьянов Сергей Михайлович (23.08.1855—02.09.1935) — обер-прокурор Св. Синода. В 1879 г. окончил с отличием Медико-Хирургическую академию. В 1880 г. определен на службу по военному ведомству и прикомандирован на 3 года „для усовершенствования" к Клиническому военному ведомству, преподавал общую патологию на фельдшерских курсах. 18.10.1882 переведен младшим врачом в 44-й Камчатский полк с оставлением при академии для подготовки профессорского звания (работал при клинике С. П. Боткина). 03.05.1883 утвержден после защиты диссертации в степени доктора медицины. Продолжил научную работу в Берлине и Лейпциге. В октябре 1883 г. назначен приват-доцентом Военно-Медицинской академии. С 17.03.1886 — профессор. 26.05.1894 назначен директором Института экспериментальной медицины. 16.11.1905 назначен сенатором. 23.04.1906 — член Гос. Совета. 05.02.1909 — 02.05.1911 — обер-прокурор Св. Синода. 14.12.1917 уволен со службы (один из немногих отказался ходатайствовать о пенсии перед советской властью). С 1918 г. преподавал в институте усовершенствования врачей. 09.10.1919 — 01.04.1924 — профессор пединститута дошкольного образования. В ночь 04/05.11.1919 был арестован Петроградским ЧК и отправлен в Москву. Осенью 1920 г. после многочисленных ходатайств коллег был освобожден и 22.11.1920 избран профессором Государственного клинического института усовершенствования врачей по кафедре общей патологии. С 1930 г. — академик, пенсионер. Автор многочисленных научных трудов. — 139, 168, 170, 223, 228, 342, 344, 365

Лучицкий Иван Васильевич (02.06.1845—22.08.1918) — русский историк, доктор всемирной истории, член Петербургской АН (1908). Депутат III Гос. Думы от Киева, к.-д. Окончил Киевский университет, с 1877 г. профессор Киевского университета. — 209, 210

Львов 2-й Владимир Николаевич (02.04.1872—1934 (1941?)) — помещик. Депутат III и IV Гос. Думы от Самарской губ., окт., к.-д., в обеих Думах председатель комиссии по делам Русской Православной Церкви. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета, вольнослушателем посещал лекции в МДА. В 1905 г. участвовал в организации в Самаре и Самарской губернии отделений «Союза 17 октября». Член партии октябристов. В августе 1915 г. вошел в прогрессивный блок. Из шести списков будущего правительства, составленных и опубликованных в 1915 г., фигурировал в четырех в качестве обер-прокурора Св. Синода. Во время Февральской революции избран 27.02.1917 членом Временного Комитета Гос. Думы. 28.02.1917—05.08.1917 обер-прокурор Св. Синода при Временном правительстве. 03.03.1917 участвовал в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем о его отречении от престола. 14.04.1917 реорганизовал состав Св. Синода (заменив почти весь его состав). 21.07.1917 подал в отставку. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. Выбыл из состава Собора. Участвовал в организации Корниловского выступления — по собственной инициативе был посредником между Керенским и Л. Г. Корниловым. 26.08.1917 был арестован, вскоре освобожден. Октябрь 1917 г. встретил в г. Бугуруслане, политической деятельностью не занимался. Отступая с войсками А. В. Колчака, в январе 1920 г. выехал в Японию, затем во Францию. В ноябре 1921 г. примкнул к «сменовеховству», выступил в Париже с докладом на тему «Советская власть в борьбе за русскую государственность» и в 1922 г. вернулся в Россию, примкнул к обновленческому расколу, член обновленческого ВЦУ. В 1927 г. был арестован по уголовному делу и по постановлению Коллегии ОГПУ от 29.04.1927 выслан в Томск на 3 года. В сентябре 1929 г. из ссылки освобожден и

оставался на жительство в Томске, где и скончался. По другим данным, расстрелян в Москве в 1941 г. — 56, 60, 62, 63, 149—155, 159, 171,172, 261, 311, 323, 329, 333, 342—344, 346, 349, 351, 355, 365

Львов 1-й Николай Николаевич (1867—1940) — общественный и политический деятель, помещик. Депутат I, III и IV Гос. Дум от Саратовской губ., к.-д., мирн. об., прогр. Старший товарищ председателя Думы, председатель Думы. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1900 г. предводитель дворянства Балашовского уезда Саратовской губ. Видный земский деятель. В 1906 г. основал Партию народного обновления. В 1912 г. учредил партию прогрессистов. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. по избранию от Гос. Думы. Участник Белого движения. В 1920 г. эмигрировал. — 134, 179, 191, 211, 212, 216, 217, 343

Любимов Д. Н. — помощник варшавского генерал-губернатора — 225

Люц Людвиг Готлибович (1880—18.11.1941) — помещик, товарищ прокурора при Симферопольском окружном суде. Депутат II, III и IV Гос. Дум. от Херсонской губ., окт. В IV Думе был товарищем председателя комиссии по запросам и председателем комиссии о собраниях. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. Почетный мировой судья. После революции в эмиграции. — 334

М. Р. — авт. соч. — 42

Макарий, митрополит Московский см. Макарий (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич), митрополит

Макарий (Парвицкий-Невский Михаил Андреевич) (01.10.1835—01.03.1926) — свт., «Апостол Алтая», митрополит Московский и Коломенский. Родился в с. Шапкине Ковровского уезда Владимирской губ. в семье пономаря. В 1854 г. окончил Тобольскую духовную семинарию, в которой получил фамилию Невский. Поступил в состав Алтайской духовной миссии. В 1861 г. принял монашество и был рукоположен во иеромонаха. В 1861—1864 гг. трудился над устроением Чулышмановского монастыря, работал над грамматикой алтай-

ского языка, издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг. С 1883 г. — начальник Алтайской духовной миссии, архимандрит. 12.02.1884 хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 26.05.1891 — епископ Томский и Семипалатинский; с 18.02.1895 именовался «Томский и Барнаульский». С 06.05.1906 — архиепископ; с 17.10.1908 именовался «Томский и Алтайский». С 25.11.1912 — митрополит Московский и Коломенский, член Св. Синода. Почетный член Санкт-Петербургской духовной академии. 20.03.1917 — антиканонично уволен обер-прокурором Львовым на покой с местом пребывания в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии. 01.09.1920 во внимание к великим 50-летним миссионерским трудам на Алтае отмечен св. Патриархом Тихоном пожизненным почетным титулом «митрополита Алтайского». Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16.08.2000. — 238, 303, 306

Макаров Кирилл Ермилович — старообрядческий диакон. — 45

Макаров Александр Александрович (07.07.1857—05.09.1919) — государственный деятель, юрист. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета служил в Министерстве внутренних дел. С 1906 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1911—1912 гг. — министр внутренних дел и шеф жандармов. В 1916 г. — министр юстиции. Член Гос. Совета. 01.03.1917 арестован в числе других царских сановников Временным правительством. Расстрелян по постановлению ВЧК. — 193, 197, 223

Маклаков Василий Алексеевич (10.05.1869—15.06.1957) — общественный и политический деятель, юрист, публицист, помещик. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Москвы, член ЦК партии кадетов, член многих комиссий Думы, славился как один из самых блестящих ораторов Думы. В 1890 г. был арестован и исключен с естественного отделения Московского университета за неблагонадежность. В 1894 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета и в 1896 г. экстерном сдал экзамен по юридическому факультету, был оставлен на кафедре истории, но вследствие политической неблагонадежности ему не дали занять ее. С

1896 г. — присяжный поверенный. Считался одним из лучших адвокатов России, выступал на многих политических процессах, в т. ч. Бейлиса и Баумана. С 1900 г. участвовал в земском движении. Масон. Во время Февральской революции 28.02.1917 был комиссаром в Министерстве юстиции, потом был назначен послом Временного правительства в Париже, 17.11.1917 был лишен звания посла во Франции и права представлять Россию на мировой конференции. По списку кадетов был избран в Учредительное собрание от Москвы. Остался в эмиграции. Обладал обширными связями в правительственных кругах Франции, пользовался значительным весом в международных дипломатических сферах. В 1919 г. вошел в состав Русского политического совещания — организации, созданной в Париже в конце 1918 г. и являвшейся центром «белого дела» за рубежом. С 1924 г. председатель эмигрантского комитета, который ставил своей целью защиту русских интересов и выдавал удостоверения русским эмигрантам. Скончался в Швецарии. Автор сочинений по истории русской общественной мысли и либерального движения. — 29, 65—67, 69, 93, 110, 213, 214, 218, 322, 323, 327

Максимович — варшавский генерал-губернатор. — 188

Максудов Садтрутдин Назмутдинович (в эмиграции Арсал Садри Максуди) (1879—20.02.1957) — татарин, мусульманин, публицист, писатель, адвокат. Депутат II и III Гос. Дум от Казанской губ., к.-д., в Думе организовал мусульманскую фракцию, товарищ секретаря Думы. Родился в семье муллы, окончил медресе в Казани. В 1901—1906 гг. учился на юридическом факультете Парижского университета, кандидат прав. Одновременно посещал лекции в Сорбонне и сам читал лекции о жизни мусульманских народов России. В 1906 г. вернулся в Казань и включился в политическую жизнь. Организатор партии конституционных мусульман. После Февральской революции член Казанского мусульманского комитета, член Временного центрального бюро российских мусульман. Во время гражданской войны эмигрировал во Францию, потом переехал в Турцию, где дважды избирался в парламент, был членом турецкой делегации в Лиге

Наций. С 1945 г. — профессор Стамбульского университета, опубликовал труды по вопросам права и лингвистике. — 318, 334

Мансырев Серафим Петрович (1866—?) — князь, помещик. Депутат IV Гос. Думы от г. Риги, к.-д., прогр. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1890 по 1896 г. служил податным инспектором в Лифляндской губ. по ведомству Министерства внутренних дел. В Риге был председателем ряда либеральных обществ. Председатель русского общества просвещения в г. Риге. В 1912—1913 гг. сотрудничал в печатном органе партии прогрессистов — газете «Русская Молва». Принимал участие в создании мусульманской партии. — 349

Маньковский Григорий Тимофеевич (1853—?) — протоиерей, после 1917 г. упоминается как епископ Тульчинский Фотий. Депутат III Гос. Думы от Подольской губ., нац.. Окончил Подольскую духовную семинарию в 1877 г. До рукоположения во иерея в 1892 г. служил учителем в Шаргородском духовном училище. Священник с. Русская Писаревка Подольской губ. Член правления Шаргородского духовного училища. Благочинный. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий «епископ» Тульчинский. — 319, 329, 343, 345, 347, 353

Марков 2-й Николай Евгеньевич (02.04.1866—04.1945) — российский общественно-политический и государственный деятель. Депутат III и IV Гос. Дум от Курской губ., нац. Окончил Институт гражданских инженеров. Член монархических организаций. С 1905 г. один из основателей Партии народного порядка, впоследствии слившейся с «Союзом русского народа». В начале 1917 г. один из организаторов «съезда монархических объединений». В 1918—1920 гг. — в армии генерала Н. Н. Юденича. В 1920 г. эмигрировал. В июне 1921 г. на «общероссийском съезде правых монархистов» был избран его председателем. — 100, 101, 157, 168, 177, 342, 343

Марковников Владимир Владимирович (1867—?) — сельский хозяин. Депутат IV Гос. Думы от Казанской губ., окт. Окон-

чил Московский университет. Председатель губернской земской управы. Основатель казанской земской газеты. — 263

Масленников Александр Михайлович (1858—после 1921) — присяжный поверенный. Депутат III и IV Гос. Дум от Саратовской губ., прогр. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1888 г. — присяжный поверенный. Служил судебным следователем. Гласный Саратовской городской думы. Председатель училищного совета г. Саратова. — 34

Матюнин Павел Гавриилович (1852—?) — присяжный поверенный. Депутат III Гос. Думы от Харьковской губ., окт. Окончил в 1869 г. Александровский лицей. Служил по судебному ведомству в Петроградской губ. В 1892 г. вышел в отставку и поселился в Харьковской губ., где занимался адвокатской практикой. — 334

Мацеевич Станислав Гилярьевич (1869—?) — ксендз, литератор. Депутат III и IV Гос. Дум от Виленской губ., польско-литовская группа, секретарь фракции. Окончил Санкт-Петербургскую римо-католическую академию, магистр богословия. Служил в Гродненской губ. Законоучитель Вильнюсской гимназии, известный католический проповедник. — 322, 343, 344, 349

Машкевич Дмитрий Федорович (1871 — после 1916) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Херсонской губ., прав., член комиссий по бюджету, народному образованию и др. Окончил в 1882 г. Одесскую духовную семинарию. В 1882—1894 гг. — учитель и законоучитель. В 1889—1905 гг. был заведующим и законоучителем основанной им второклассной учительской школы. В 1894 г. рукоположен во иерея. Уездный наблюдатель церковно-приходских школ. Вел активную работу в Елисаветградском отделе «Союза русского народа». Член попечительства о народной трезвости и попечительства о бедных учащихся. — 132, 319, 342, 344, 353

Медведков Сергей Степанович (1847—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Симбирской губ., нац. Окончил Симбирскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, был инспектором в Симбирской духовной семинарии. Настоятель Симбирского кафедрального со-

бора. Благочинный, духовный цензор. Председатель епархиального училищного совета. — 345, 347, 353

Мейендорф Александр Феликсович (29.03.1869—20.04.1964) — барон, политический деятель, землевладелец, юрист. Депутат III и IV Гос. Дум от Лифляндской губ., окт., товарищ председателя III Думы. В 1892 г. окончил Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата прав. В 1892—1907 гг. служил в Сенате, в Рижском окружном суде, канцелярии Гос. Совета, Министерстве внутренних дел. В 1902—1905 гг. — приват-доцент Петербургского университета по русскому земельному праву. В 1906 г. назначен инспектором училища правоведения. В 1917 г. эмигрировал за границу, преподавал, автор ряда работ по вопросам истории и права. — 98, 344

Мелиоранский Б. — авт. соч. — 15

Менделеев Дмитрий Иванович (27.01.1834—20.01.1907) — выдающийся русский химик, ученый-энциклопедист, педагог, общественный деятель. Открыл в 1869 г. периодический закон химических элементов — один из основных законов естествознания. Автор более 500 печатных работ. Профессор Санкт-Петербургского университета (1865—1890), ушел в отставку в знак протеста против притеснения студентов. С 1876 г. член-корреспондент АН, в 1880 г. выдвигался в академики, но был забаллотирован, что вызвало резкий протест общественности. Организатор и первый директор Главной палаты мер и весов. — 167

Меньшиков Иван Алексеевич (1858—?) — крупный лесопромышленник г. Карачева. Депутат III Гос. Думы от Орловской губ., окт., секретарь старообрядческой комиссии. Окончил реальное училище. — 327

Меньшиков Михаил Осипович (25.09.1859—20.09.1919) — публицист, ведущий сотрудник газеты «Новое время». Один из основателей «Всероссийского национального союза». В 1919 г. был расстрелян большевиками. — 33, 292, 249

Мережковский Дмитрий Сергеевич (02.08.1865—07.12.1941) — писатель, поэт, публицист, литературный критик, общественный деятель, организатор Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге. В 1920 г. эмигрировал. — 107

Мерзляков Иван Луппович (1874—?) — крестьянин-землепашец, старообрядец. Депутат III Гос. Думы от Вятской губ., с.-д, труд. Окончил школу грамоты. Сборщик податей. — 327

Мефодиев Николай Владимирович (1869—?) — врач г. Архангельска. Депутат III Гос. Думы от Архангельской губ., к.-д. Сын священника. Окончил Архангельское духовное училище и Архангельскую духовную семинарию. Был учителем. Окончил медицинский факультет Томского университета, служил земским врачом. Член общества трезвости и заведующий библиотекой. — 330

Мешковский Алексей Дмитриевич (1873—22.03.1938) — протоиерей, кандидат богословия. Депутат IV Гос. Думы от Курской губ., прав. Родился в с. Богородицком Курской губ. В 1894 г. окончил Курскую духовную семинарию. Работал учителем в Курской образцовой школе при Курской духовной семинарии. В 1901 г. рукоположен во иерея. Одновременно был священником г. Курска и преподавателем Курского духовного училища. Товарищ председателя губернского отдела «Союза русского народа». С 1911 г. член Знаменско-Богородичного братства. Будучи депутатом Гос. Думы, окончил в 1917 г. Петроградскую духовную академию. После революции служил в Анастасьевской церкви при Военно-Сергиево-Пантелеимоновском Братстве Хоругвеносцев в Москве. Был арестован 10.12.1918 в Москве по запросу «товарищей» из Курска. После ареста был отправлен в Курск. Его обвиняли в том, что он до революции 1917 г. состоял видным членом «Союза русского народа», был депутатом IV-й Гос. Думы от «Союза русского народа». Был отпущен из тюрьмы по ходатайству прихожан. Служил в Москве. В 1930 г. вновь арестован в Москве и приговорен к 3 годам заключения в лагере. После отбытия наказания служил в Московской области. Арестован 15.01.1938 по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Тройкой при УНКВД СССР по Московской обл. 15.03.1938 приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Расстрелян на «Бутовском полигоне» Московской области. — 345, 353

Мещерский Владимир Петрович (11.01.1839—10.07.1914) — князь, писатель, журналист, издатель. В 1857 г. окончил Училище

правоведения в Петербурге. С 1861 г. камер-юнкер, с 1869 г. — камергер. В 1866—1874 гг. — попечитель детского приюта имени вел. кн. Николая Александровича. В 1868—1870 гг. открыл литературный салон. С 1876 г. состоял на службе в Министерстве народного просвещения. С 1884 г. вел переписку с императором Александром III в виде «Дневника». С 1902 г. был приближен ко двору в должности советника императора Николая II. Автор драматических и поэтических произведений, романов и повестей. Публиковал статьи во многих газетах и журналах, издавал газеты «Гражданин», «Воскресенье» и «Русь». — 34, 244

Милюков Павел Николаевич (15.01.1859—31.03.1943) — общественный и политический деятель, историк, публицист. Депутат III и IV Гос. Дум от Санкт-Петербургской губ., лидер партии кадетов. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал историю. В первом коалиционном Временном правительстве министр иностранных дел. Участвовал в Белом движении. С 1918 г. в эмиграции, жил в Париже. В 1921—1940 гг. редактировал выходившую в Париже газету «Последние новости», занимался литературной и публицистической деятельностью. Автор мемуаров. — 158, 159, 306, 307, 342, 344, 351

Милютин Юрий Николаевич (28.03.1856—08.01.1912) — общественный и политический деятель, журналист. После окончания Лицея памяти цесаревича Николая поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета; будучи студентом, выступал как журналист. Один из основателей и лидеров «Союза 17 октября», член ЦК и председатель Петербургской группы. При выборах в Гос. Думу — руководитель избирательной кампании октябристов в Санкт-Петербурге. — 55

Минский Н. М. (псевдоним Николая Максимовича Виленкина) (15.01.1856—02.07.1937) — поэт, драматург, философ, публицист, один из зачинателей русского символизма. Выходец из бедной еврейской семьи, в 1886 г. принял православие. В 1879 г. окончил юридический факультет Московского университета, кандидат прав. Вместе с Д. С. Мережковским, В. В. Розановым и др. стал инициатором «Религиозно-фило-

софских собраний» (1902—1904). Как редактор «Новой жизни», издания, призывавшего к ниспровержению существующего строя, был привлечен к суду, но смог выехать за границу. В 1906—1913 гг. жил в Париже, после помилования в 1913 г. вернулся в Россию. Во время Первой мировой войны был военным корреспондентом в Париже. После революции эмигрировал. С 1921 г. жил в Берлине, в 1927—1937 гг. в Париже, где читал лекции; член Парижского союза русских писателей. В СССР был известен как переводчик «Илиады» Гомера, американских и французских поэтов и др. — 32

Миропольский Сергей Иринеевич (1842—06.07.1907) — чиновник Св. Синода. В 1866 г. окончил Московскую духовную академию, кандидат богословия. — 118

Мирошниченко Николай Андреевич (1870—?) — крестьянин. Депутат IV Гос. Думы от Ставропольской губ., прав. Окончил одноклассное министерское училище. Служил на военной службе в пехотном полку. Занимался сельским хозяйством. — 347

Мисаил — афонский архимандрит, противник имяславцев. — 300

Митрофан, епископ см. Митрофан (Краснопольский Дмитрий Иванович), сщмч., архиепископ

Митрофан (Краснопольский Дмитрий Иванович) (22.10.1869—06.07.1919) — сщмч., архиепископ. Депутат III Гос. Думы от Могилевской губ., товарищ председателя фракции правых, председатель антиалкогольной комиссии. В 1890 г. окончил Воронежскую семинарию. 04.11.1890 рукоположен в диакона, служил в Воронежской епархии. Овдовев, в 1893 г. поступил в Киевскую духовную академию. В 1896 г. пострижен в монашество. В 1897 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 15.06.1897 рукоположен во иеромонаха, назначен инспектором Иркутской духовной семинарии. С 1902 г. — ректор Могилевской семинарии в сане архимандрита. 11.02.1907 хиротонисан во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. С 03.11.1912 — епископ Минский и Туровский, с 06.07.1916 — епископ Астраханский и Енотаевский; с 05.09.1917 именовался «Астраханский и Царевский». Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг.,

председатель отдела о Высшем церковном управлении. С апреля 1918 г. — архиепископ Астраханский. 07.06.1919 арестован в Астрахани, расстрелян большевиками. Канонизирован определением Святейшего Патриарха и Св. Синода от 26.12.2001. — 64, 94, 125, 131, 132, 134, 140, 141, 166, 168, 183, 296, 297, 298, 320, 329, 333, 342—344, 352, 355

Митроцкий Михаил Владимирович (1883 — после 10.05.1931) — профессор-протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Киевской губ., нац. В 1908 г. окончил Киевскую духовную академию, в том же году принял священный сан. Вел преподавательскую и миссионерскую работу в Киевской епархии. После революции служил в Крестo-Воздвиженской церкви Петрограда. Профессор Петроградского Богословского института. Неоднократно арестовывался. В 1927—1930 гг. отбывал заключение на Соловках, где в 1929 г. был арестован по «делу Академии наук», этапирован в Ленинград, осужден к 10 годам заключения в лагере, возвращен на Соловки. В лагере 10.05.1931 был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Расстрелян. — 345, 349, 350, 353

Митя Козельский, юродивый см. **Знобишин Д. А.**, козельский мещанин.

Михаил (Куземский) — униатский епископ — 204, 213, 216

Михаил (Семенов Павел Васильевич) (1873—27.10.1916) — бывший архимандрит, духовный писатель, старообрядческий «епископ» Канадский. Родился в семье еврея-кантониста, принявшего православие. В 1895 г. окончил Симбирскую духовную семинарию; поступил в Московскую духовную академию, но вслед за ректором архимандритом Антонием (Храповицким) перешел в Казанскую духовную академию. В 1899 г. окончил КазДА со степенью кандидата богословия, был оставлен при академии профессорским стипендиатом. 26.11.1899 принял монашеский постриг, 25.02.1900 рукоположен во иеродиакона, 26.02.1900 во иеромонаха. 01.03.1900 командирован на полгода в Константинополь для знакомства с первоисточниками для написания магистерской диссертации. 26.08.1900 назначен на должность преподавателя основного, догматического и нравственного богословия в Воронежскую семинарию. 26.04.1902 удостоен степени ма-

гистра богословия за работу «Законодательство Византийских императоров по делам церковным до Юстиниана включительно» (Казань, 1902). С 01.09.1902 — доцент Санкт-Петербургской духовной академии. 20.03.1905 возведен в сан архимандрита; с 05.09.1905 — экстраординарный профессор по кафедре церковного права. В 1901—1903 гг. — активный участник Религиозно-философских собраний, впоследствии член группы «32-х священников». В 1902—1906 гг. активно участвовал в диспутах и лекциях Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. 24.11.1906 в газете «Товарищ» открыто признал *себя членом трудовой народно-социалистической партии*, что привело к его ссылке в Задонский монастырь и отстранению от преподавательской деятельности. Самовольно вернулся из ссылки, был осужден церковной властью и сослан в Валаамский монастырь. 23.10.1907 «в сущем сане» присоединился к старообрядческой церкви белокриницкого согласия. Св. Синод лишил его сана архимандрита и права проживания в столицах, где он в 1908 г. был хиротонисан в старообрядческого «епископа» на канадскую кафедру, за что старообрядческий Освященный собор «епископу» Михаилу запретил священнодействовать до следующего очередного собора. 27.09.1909 собор старообрядческих преосвященных направил «епископа» Михаила в Канаду. «Епископ» Михаил направился в Америку, но за нехваткой средств возвратился, и 31.08.1910 был вновь запрещен старообрядцами в служении (незадолго до смерти запрещение было снято). Напечатал несколько церковно-исторических повестей из истории русского старообрядчества и ряд публицистических религиозных брошюр и статей в столичных газетах. С 1910 г. жил литературным трудом у сестры в Симбирске, где у него обнаружилось серьезное нервное расстройство, и сестра повезла его лечить в Москву. 15.10.1916 он был избит в Москве, родные перевезли его на Рогожское кладбище, где он скончался. Был торжественно похоронен на архиерейском месте на Рогожском старообрядческом кладбище. — 77

Михаил Александрович (22.11.1878—31.05.1918) — вел. кн., родной брат императора Николая II. После отречения импе-

ратора Николая II в его пользу, 03.03.1917 отказался вступить на престол до решения Учредительного собрания. В 1918 г. был арестован и убит большевиками в Перми со своими слугами. — 37

Морозов Арсений — директор Глуховской мануфактуры, старообрядец. — 27

Морозовы — семья купцов-старообрядцев. — 26

Мотовилов Александр Андреевич (22.10.1850 — после 1917) — землевладелец. Депутат III и IV Гос. Дум от Симбирской губ., товарищ председателя фракции националистов. Окончил юридический факультет Казанского университета. Служил в департаменте Правительствующего Сената. Один из организаторов Всероссийского национального союза. — 102

Муравьев Николай Валерьянович (27.09.1850—01.12.1908) — юрист. Окончил юридический факультет Московского университета, слушал лекции в иностранных университетах. Служил в Министерстве юстиции. В качестве прокурора Петербургской судебной палаты выступал обвинителем по делу народовольцев, совершивших 1 марта 1881 г. убийство Александра II. В 1894—1905 гг. — министр юстиции. Был членом Особого совещания при Гос. Совете. В 1905 г. был назначен послом в Рим. *См. библ.* — 34, 36, 189, 244

Муранов Матвей Константинович (1873—1959) — рабочий-слесарь, большевик. Депутат IV Гос. Думы от рабочих Харьковской губ., с.-д. Член РСДРП с 1904 г., вел партийную работу в Харькове. Наряду с думской, проводил большую революционную работу вне Думы, сотрудничал в газете «Правда». В ноябре 1914 г. был арестован и сослан на поселение в Туруханский край. Участник Октябрьской революции. В 1917—1923 гг. работал в аппарате ЦК РКП(б). На съездах партии избирался в ЦК. В 1922—1934 гг. был членом ЦК ВКП(б). В 1923—1934 гг. — член Верховного Суда СССР. — 347

Мусин-Пушкин Владимир Владимирович (1870—03.09.1943) — граф. Депутат IV Гос. Думы от Москвы, председатель фракции центристов. Окончил Московский университет. Предводитель дворянства г. Рузы. Гласный губернского земского собрания. После революции в эмиграции. Погиб в Париже во время бомбардировки города. — 347, 348

Муфтий заде Измаил Мурза (1841—?) — татарин, отставной полковник. Депутат III Гос. Думы от Таврической губ., окт. Окончил военное училище. Крупный землевладелец. Земский гласный. — 322, 326

Мягкий Алексей Григорьевич (1877—?) — крестьянин. Депутат II и III Гос. Дум от Томской губ., труд. Окончил церковно-приходскую школу. Занимался земледелием и скотоводством. В 1902 г. был переселен в Томскую губернию. Неоднократно избирался односельчанами доверенным лицом на судебных процессах. — 65, 258, 344

Н. Р. А. — сотрудник газеты «Свет». — 291

Н. С. — авт. соч. — 23

Назаров Аристарх Андреевич (1860—?) — народный учитель. Депутат II и IV Гос. Дум от области Войска Донского, к.-д. Окончил учительскую семинарию. Владелец завода. Почетный казак. Постоянный член войскового земского совета области Войска Донского. — 347

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821) — французский император с 1804 по 1814 г. и в марте — июне 1815 г. — 86

Населенко Памфил Тимофеевич (16.02.1870—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Киевской губ., нац. Окончил Киевскую духовную семинарию. Служил в с. Емчихи Каневского уезда Киевской губ. Благочинный, член киевского епархиального училищного совета. В 1924—1930 гг. — протоиерей, настоятель Владимирского собора в г. Кронштадте. Арестован в 1930 г. 13.04.1931 г. приговорен к 3 годам ИТЛ, наказание отбывал в Соловках, в Кеми. Освобожден в 1934 г. Дальнейшая судьба неизвестна. — 347, 353

Нейдгарт Алексей Борисович (01.09.1863—06.11.1918) — мч., сенатор, член Гос. Совета, бывший губернатор и градоначальник. Окончил Пажеский корпус. Предводитель Нижегородского дворянства. 07.061918 г. вместе со свмч. Лаврентием (Князевым) и настоятелем нижегородского кафедрального собора подписал воззвание к пастве от имени съезда духовенства Нижегородской епархии, призывающее протестовать против закрытия храмов, монастырей и конфискации церковного имущества. Был арестован и обвинен в призыве

к контрреволюционной деятельности, расстрелян вместе с женой, дочерью и сыном в Нижнем Новгороде. Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16.08.2000. — 181, 223

Неклюдов Петр Александрович (1867—?) — гласный волчанского земства. Депутат III Гос. Думы от Харьковской губ., окт. В 1893 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1893—1895 гг. служил в Министерстве финансов. — 344

Немерцалов Вениамин Иванович (12.04.1872 — после 1932) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Самарской губ., нац. Окончил Самарскую духовную семинарию. 18 лет служил священником в с. Морша Николаевского уезда Самарской губ. Помощник благочинного, член благочиннического совета. До 1922 г. служил в самарской церкви Покрова Пресвятой Богородицы, после захвата церкви обновленцами служил в церкви Преображения Господня в Самаре. Был несколько раз арестован. После ареста в 1931 г. приговорен к 5 годам заключения в лагерь, приговор был заменен ссылкой в Северный край на тот же срок, после прибытия в 1932 г. в г. Архангельск следы теряются. — 346, 349, 353

Никанор, архиепископ Казанский см. Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич), архиепископ

Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич) (25.05.1847—27.11.1910) — архиепископ Казанский и Свияжский. Родился в семье диакона Астраханской епархии. В 1868 г. окончил Астраханскую духовную семинарию и был рукоположен во иерея. Вскоре овдовел. В 1874 г. окончил Казанскую духовную академию и был назначен законоучителем Казанской учительской семинарии. С 30.01.1879 — магистр богословия. 19.01.1891 пострижен в монашество. 19.02.1891 возведен в сан архимандрита. 07.03.1891 хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 16.04.1893 — епископ Архангельский и Холмогорский. С 10.02.1896 — епископ Смоленский и Дорогобужский. С 1893 г. — почетный член Казанской духовной академии. С 02.01.1899 — епископ Орловский и Севский. С 28.03.1902 — епископ Гродненский и Брестский. С 31.12.1905 — доктор богосло-

вия (диссертация «Экзегетико-критическое исследование Послания св. Апостола Павла к Евреям»). С 09.12.1905 — архиепископ Варшавский и Привислинский. С 05.04.1908 — архиепископ Казанский и Свияжский. Духовный писатель, автор около 120 трудов по богословию и церковной истории. — 142

Никаноров И. В. — авт. соч. *См. библ.* — 55

Николаев К. Н. — авт. соч. *См. библ.* — 225

Николай I (25.06.1796—18.02.1855) — российский император с 1825 г. — 22, 152

Николай II (06.05.1868—17.07.1918) — страстотерпец, последний российский император с 1896 г. до отречения от престола 02.03.1917. Расстрелян большевиками в Екатеринбурге вместе в семьей. Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16.08.2000. — 7, 26, 34, 37, 129, 142, 145, 246, 273, 278

Николенко Павел Евменьевич (1870—?) — крестьянин с. Флярына Ольгопольского уезда. Депутат III Гос. Думы от Подольской губ., умер.-прав., нац. Окончил церковно-приходскую школу. Служил сборщиком казенных податей. Занимался земледелием. — 330

Никольский Александр Иванович (1860—?) — заведующий земско-городским ветеринарным бюро в Одессе. Депутат III Гос. Думы от Одессы, к.-д. Окончил Харьковский ветеринарный институт. Входил в партию Народного освобождения. До революции отбыл тюрьму и ссылку в Архангельской губ. По возвращении из ссылки поселился в Херсонской губ. Сотрудник издания «Освобождение». — 329, 334

Никон, архиепископ см. Никон (Рождественский Николай Иванович), архиепископ

Никон, патриарх см. Никон (Минин-Ларионов Никита Минич), патриарх Московский и всея Руси

Никон, епископ Кременецкий см. Никон (Бессонов Николай Николаевич), бывш. епископ

Никон (Бессонов Николай Николаевич) (1868—1919) — бывш. епископ Красноярский. Депутат IV Гос. Думы от Волынской губ., прав. Родился в Могилевской губ. В 1891 г. окончил Константиновский межевой институт. 02.12.1892 пострижен

в монашество. В 1895 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кадидата богословия и назначен преподавателем Новгородской духовной семинарии. 22.07.1895 рукоположен во иеромонаха. В 1891 г. назначен ректором Иркутской духовной семинарии. 26.02.1906 хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии. С 27.02.1906 — епископ Кременецкий, викарий Волынской епархии. 26.01.1913 назначен епископом Енисейским и Красноярским, 23.02.1913 прибыл в Красноярск, заявив, что остается членом Думы. 25.07.1917 подал заявление в Св. Синод о снятии сана и монашества (был первым епископом, который снял с себя сан после революции), женился, называя себя «Миколой Бессоновым». Постановлением Св. Синода 12.08.1917 лишен сана и монашества с возвращением в первобытное мирское состояние. После Октябрьской революции боролся против советской власти в рядах белогвардейцев, был министром по делам религии в украинском буржуазно-националистическом правительстве Директории. Несколько позже (1918) стал работать в Киеве в должности театрального корреспондента местной периодической печати, причем нередко подписывал свои статейки и рецензии: Н. Бессонов, быв. епископ Красноярский и Енисейский. *См. библ.* — 181, 345, 352

Никон (Минин-Ларионов Никита Минич) (1605—17.08.1681) — патриарх Московский и всея Руси. В 1642—1646 гг. — игумен Кожеозерского Богоявленского Каргопольского монастыря, в 1646—1649 гг. — архимандрит Новоспасского монастыря. 11.03.1649—25.07.1652 — митрополит Новгородский и Великолуцкий. 25.07.1652 поставлен в патриарха Всероссийского. Провел церковные реформы, в частности исправление богослужебных книг, вызвавшие старообрядческий раскол в Русской Православной Церкви. 10.07.1658 оставил патриаршество. Был осужден собором 1666—1667 гг., который 12.12.1666(1967?) снял с него сан патриарха. Был сослан на Север в Ферапонтов монастырь на Белоозере. Погребен в Новом Иерусалиме. — 20, 35

Никон (Рождественский Николай Иванович) (04.04.1851—30.12.1918/12.01.1919) — архиепископ. Родился в семье при-

четника Московской епархии, духовный писатель и издатель. В 1874 г. окончил первым учеником Московскую духовную семинарию, но уклонился от поступления в академию и поступил послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. 12.03.1880 пострижен в монашество, 23.05.1885 рукоположен во иеромонаха. В 1885 г. возведен в звание соборного монаха Московского Донского монастыря. В 1892 г. утвержден действительным членом собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры с возведением в сан архимандрита. С 1893 г. — казначей Лавры. В 1901 г. — председатель епархиального училища иконописания при Троице-Сергиевой Лавре. Издатель «Троицких листков», «Троицкой библиотеки», «Божией Нивы». 14.03.1904 хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 08.10.1904 — епископ Серпуховской, четвертый викарий Московской епархии. С 22.04.1906 — епископ Вологодский и Тотемский. С 31.01.1907 — член Гос. Совета. С 01.01.1908 — член Св. Синода. 29.05.1912 уволен по болезни от управления епархией и назначен членом Св. Синода. В 1913 г. возведен в сан архиепископа, 04.04.1913—06.07.1916 председатель издательского совета при Св. Синоде. 30.05.1913 — был командирован Св. Синодом на Афон воздействовать на русских монашествующих по вопросу имяславия, в результате чего несколько десятков монахов были арестованы и насильственно вывезены в Россию. По возвращении с Афона написал статью «Имябожники. Великое искушение около святейшего имени Божия и плоды его» (Сергиева Лавра, 1914). С 06.07.1916 на покое, проживал в Троице-Сергиевой Лавре, продолжая издательскую деятельность. — 299—301, 303, 305

Никонович Федор Иосифович (1854—16.02.1911) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Витебской губ., прав. В 1876 г. окончил Витебскую духовную семинарию. 3 года служил псаломщиком. В 1879 г. рукоположен во иерея. С 1897 г. — настоятель Люцинского городского собора. Благочинный, законоучитель, уездный наблюдатель церковно-приходских школ. *См. библ.* — 73, 74, 131, 135—137, 141, 143, 329, 330

Нил Сорский (Майков Александр) (1433—07.05.1508) — святой, преподобный, основатель и глава нестяжательства в России.

До пострига был скорописцем. Принял монашество в Кирилло-Белозерском монастыре. Некоторое время жил на Афоне, затем поселился в скиту близ Кириллова монастыря. В 1490 и 1503 гг. участвовал в соборах против ереси жидовствующих. На соборе 1503 г. выступил против материального обогащения Церкви, однако не был поддержан большинством. Противник церковного землевладения, выступал за реформу монастырей на началах скитской жизни и личного труда монахов. Развивал идеи нравственного самоусовершенствования и аскетизма. Автор «Предания учеником своим о жительстве скитском» и нескольких посланий. — 92

Нисселович Леопольд Николаевич (1858—?) — еврей, присяжный поверенный, литератор. Депутат III Гос. Думы от Курляндской губ., к.-д. В 1880 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, кандидат прав. Служил в Министерстве финансов. Читал лекции по вексельному праву. Автор работ по финансовым вопросам. — 69, 322

Новицкий 2-й Петр Васильевич (1868—после 1917) — крупный землевладелец, потомственный дворянин. Депутат III и IV Гос. Дум от Херсонской губ., прав. Окончил юридический факультет Новороссийского университета в 1890 г. и поступил на государственную службу. Ананьевский предводитель дворянства. Уездный и губернский гласный, попечитель церковно-приходских школ. Участник русско-японской войны. — 344

Новоселов Михаил Александрович (1864—1938) — мч., духовный писатель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, в молодости был увлечен идеями Л. Н. Толстого. В 1907 г. организовал «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». Издатель «Религиозно-философской библиотеки» и «Листков РФБ». Был арестован 12.08.1922. До 19.03.1923 находился под арестом. С 1923 г. до ареста в 1929 г. жил на нелегальном положении, продолжая работать. С 1922 по 1927 г. написал книгу «Письма к друзьям». Был арестован в 1929 г. в г. Ярославле как один из организаторов и идеологов оппозиции митрополиту Сергию (Страгород-

скому), приговорен к 8 годам заключения. 07.02.1937 был обвинен в «контрреволюционной деятельности», и срок заключения был увеличен. В 17.01.1938 был приговорен к расстрелу в Вологодской тюрьме. Расстрелян. Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13—16 августа 2000. — 32

Оболенский Алексей Дмитриевич (24.11.1855—21.09.1933) — князь, обер-прокурор Св. Синода. Окончил Императорское училище правоведения в 1877 г. С 1877 г. работал в Министерстве юстиции. В 1898—1899 гг. — товарищ министра внутренних дел, с 1901 г. — член Правительствующего Сената, в 1902—1905 гг. — товарищ министра финансов, 20.10.1905—24.04.1906 — обер-прокурор Св. Синода, в 1905—1917 гг. — член Гос. Совета. До 1917 г. проживал в Петрограде, после октябрьского переворота уехал в Москву, а 1920 г. эмигрировал в Германию. — 36, 223

Обухов А., авт. соч. *См. библ.* — 228

Оводов Николай Осипович (1855—?) — крестьянин. Депутат II Гос. Думы от Курской губ., с.-р. Окончил сельскую школу. Слушал вечерние курсы для рабочих при Новороссийском университете. Работал на фабриках рабочим. С 1883 г. более шести раз был заключен в тюрьму за революционную пропаганду. — 318

Огнев Николай Васильевич (1860—?) — протоиерей, публицист. Депутат I Гос. Думы от Вятской губ., к.-д., выступал за отмену смертной казни. Окончил Вятскую духовную семинарию. Служил сельским священником и соборным протоиереем в г. Вятке. В 1906 г. организовал епархиальный съезд из духовенства и мирян по делам Православной Церкви, за что был привлечен к суду гражданскими и церковными властями. После роспуска Думы подписал Ыыборгское воззвание с призывом встать за права народного представительства, за что в 1906 г. был лишен священного сана и на процессе 12—18 декабря 1907 г., рассматривавшего дело подписавших воззвание депутатов, получил трехмесячный срок. Был кандидатом от Вятского духовенства в Гос. Совет. — 354

Околович Константин Маркович (1872—после 1918) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Минской губ., прав. Окончил Минскую духовную семинарию. Настоятель Знаменской церкви в г. Вильно и помощник городского благочинного. Секретарь епархиального миссионерского комитета. Минский епархиальный миссионер. Составитель молитвослова для народа и издатель многих брошюр религиозно-нравственного, патриотического и противокатолического содержания. После революции делегат общества «Соборный разум». — 345, 349, 354

Олег — князь Киевский († 912). — 78

Олсуфьев Дмитрий Адамович (02.10.1862—10.11.1937) — граф. Депутат III Гос. Думы от Московской губ. В 1885 г. окончил естественный факультет Московского университета. В 1886—1888 гг. отбывал воинскую повинность в гвардейской конной артиллерии, уволился в запас в звании подпоручика, служил в Геологическом комитете Министерства государственных имуществ. 1891 — земский начальник в Московском уезде, гласный и мировой судья в Дмитровском уезде. 1894 — предводитель дворянства в Саратовской губ., 1902—1904 — председатель Саратовской земской управы. Во время русско-японской войны работал на Дальнем Востоке в Российском обществе Красного Креста, был взят в плен в Мукдене. 1905 — один из организаторов «Союза 17 октября», участвовал в созыве земского съезда. 1907 — Член Гос. Совета от земского собрания Саратовской губ. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. После революции эмигрировал. 1921 — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора, однако в заседаниях не участвовал. Умер в Ницце. — 224

Ольховский Федор Иванович (1873—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Витебской губ., нац. По окончании Витебской духовной семинарии учительствовал в г. Ильдерберге. В 1904 г. рукоположен во иерея, служил священником в Городенском уезде Витебской губ. Благочинный и член училищного совета. — 346, 354

Орбелиани Алексей — князь, муж сестры схииеромонаха Антония (Булатовича). — 307

Остроумов Стефан Иванович (1861—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Рязанской губ., нац. Окончил в 1885 г. Московскую духовную академию, магистр богословия. В 1886 г. рукоположен во иерея к Никольской церкви с. Никольско-Тумы Касимовского уезда Рязанской губ., где прослужил более 28 лет. Автор печатных работ. Был арестован 29.07.1918 по обвинению в «противодействии советской власти». Дальнейшая судьба неизвестна. — 346, 354

Отоцкий Фелициан Венантьевич (1869—?) — помещик. Депутат II Гос. Думы от Петроковской губ., польское коло. Имел высшее юридическое образование. — 55

Павлов Алексей Степанович (1832—16.08.1898) — профессор кафедры канонического права Московского университета, ученый в области церковного права, канонист, автор научных трудов. Окончил Тобольскую семинарию, в 1854—1858 гг. учился в Казанской духовной академии. В 1859 г. занял кафедру литургики и каноники в Казанской духовной семинарии, преподавал историю Церкви; был профессором литургики и канонического права в КазДА. С 1864 г. доцент Казанского университета, преподавал церковное право. В 1865—1866 гг. изучал юриспруденцию в Германии. С 1867 г. — экстраординарный профессор, в 1869 г. избран ординарным профессором канонического права в Новороссийском университете. От совета Новороссийского университета был удостоен почетного диплома на степень доктора церковного права и от императорской АН — диплома на звание члена-корреспондента, в 1873 г. избран почетным доктором канонического права. В 1875 г. занял кафедру канонического права Московского университета; заслуженный ординарный профессор; удостоен Уваровской премии. В 1893 г. избран почетным членом Московской духовной академии. Автор «Курса церковного права» (Сергиев Посад, 1902). — 153

Павлович Иосиф Яковлевич (1867—?) — преподаватель древних и новых языков в мужских и женских гимназиях г. Минска. Депутат III Гос. Думы от Минской губ., нац., окт. Окончил Лейпцигский филологический институт при Лейпцигском университете. После окончания образования вер-

нулся в Россию. Был сотрудником минских газет. *См. библ.* — 65, 94, 322, 324, 353

Панин Виктор Никитич (28.03.1801—01.04.1874) — граф, русский государственный деятель. С 1819 года на дипломатической службе. С 1832 г. — товарищ министра юстиции, в 1841—1861 гг. — министр юстиции. В 1860 г. — председатель редакционных комиссий по пересмотру законов. Председатель комитета для пересмотра постановлений о расколе 1864 г. С 1867 г. в отставке. Имея значительное состояние, за время своей многолетней государственной службы не получал от казны никакого содержания и денежных наград. — 23

Папков Александр Александрович (1868—1920)— авт. соч. Окончил училище правоведения и Санкт-Петербурский археологический институт. С 1900-х годов губернатор Тавастгусской губ. в Финляндии, Автор исследований о церковных братствах и древнерусских приходах. Член Предсоборного Совера. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. *См. библ.* — 32, 55, 77, 243, 248, 249

Партс Карл Эвердович (1873—?) — эстонец, сын крестьянина. Депутат II Гос. Думы от Лифляндской губ., к.-д. Окончил гимназию и юридический факультет Юрьевского университета. С 1886 г. присяжный поверенный. Товарищ председателя юрьевского земледельческого общества. — 318

Парчевский Альфонс Ипполитович (1850—?) — присяжный поверенный. Депутат I, II, III и IV Гос. Дум от Калишской губ. (царство Польское), народный демократ, польское коло. Окончил юридический факультет Варшавского университета, магистр прав. До революции дважды был арестован. После ареста 1905 г. эмигрировал в Австрию. Работал редактором в Брацлаве. Возглавлял калишское музыкальное общество. Славист, автор работ по истории лужицких сербов. — 49, 69, 219, 221, 318, 322, 335, 350, 351

Пахальчак Василий Карпович (1867—?) — крестьянин-земледелец. Депутат III Гос. Думы от Подольской губ., прав. Волостной писарь. Занимался хлебопашеством и пчеловодством. Член попечительства о народной трезвости и секретарь отделения «Союза русского народа». — 174, 342, 343

Пергамент Осип Яковлевич (1868—16.05.1909) — известный адвокат. Депутат II и III Гос. Дум от Одессы, к.-д. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета, преподавал физику и математику. В 1894 г. выдержал экстерном экзамен на юридическом факультете при Новороссийском университете. С 1905 г. — председатель присяжных поверенных Одесского округа. При его участии шли политические процессы лейтенанта Шмидта и др. Во время Первой русской революции находился в ссылке в Перми. — 318

Петичев А. И. — общественный деятель, окт. — 55

Петр I Великий (1672—1725) — русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. — 9, 21, 86, 115, 152, 242, 243, 310

Петров 2-й Алексей Дмитриевич (1863—?) — землевладелец, земский начальник. Депутат III Гос. Думы от Тамбовской губ., окт., прав. Окончил университет. Председатель липецкого отделения «Союза русского народа». — 335, 343

Петров Григорий Спиридонович (26.01.1866—18.07.1925) — священник. Депутат II Гос. Думы, к.-д. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1891 г. рукоположен во иерея. В 1890-х годах выступает как публицист. В 1893—1903 гг. — настоятель церкви при Михайловской артиллерийской академии и законоучитель, профессор богословия в Политехническом институте. Участник Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге. С 1898 г. редактор различных церковных периодических изданий, с 1899 г. — сотрудник либерально-буржуазной газеты «Русское Слово». Сторонник христианского социализма и широкого участия церкви в общественной жизни. Автор известной книги «Евангелие как основа жизни» (СПб., 1896), которая выдержала около 20 переизданий. 1900—1901 — редактор журнала «Друг трезвости». Автор ряда брошюр на церковную тему. Перед выборами в Думу в феврале 1906 г. решением СПб духовной консистории, «ввиду его политической деятельности и протестантских тенденций», сослан в Черминецкий монастырь с запрещением священнослужения, публицистической деятельности и литературных занятий, но после избрания в Думу Петров самовольно покинул мона-

стырь. После роспуска Думы был лишен священного сана и выслан из столицы, занимался литературной работой. С 01.01.1906 —редактор газеты «Правда Божия», которая в июне 1906 г. была приостановлена московской администрацией. После этого он путешествовал по России, выступая с христианскими лекциями. Печатался под псевдонимом В. Курбский. В 1920 г. эмигрировал в Сербию, потом переехал во Францию, где занимался литературным трудом. Скончался в Париже. В священном сане восстановлен не был. — 319, 354

Пилсудский Юзеф Клеменс (1867—1935) — государственный деятель Польши. В 1918—1922 гг. стоял во главе Польского государства. Фактический диктатор Польши после организованного им в мае 1926 г. военного переворота. — 225

Пирский Николай Васильевич (1855 (1857?)—?) — протоиерей г. Кобеляки. Депутат II Гос. Думы от Полтавской губ., прав. Организатор отделов Русского собрания. — 354

Питирим, митрополит см. Питирим (Окнов Павел Васильевич), митрополит

Питирим (Окнов Павел Васильевич) (28.06.1858—02.02.1920) — митрополит Петроградский и Ладожский. После окончания в 1879 г. курса в Рижской гимназии поступил в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1883 г., кандидат богословия. 03.06.1883 пострижен в монашество, 03.06.1883 рукоположен во иеромонаха и 19.06.1883 назначен преподавателем Киевской духовной семинарии. 1887 — инспектор Ставропольской духовной семинарии, с 1890 — ее ректор и архимандрит. С 1891 — ректор Петроградской духовной семинарии. 17.08.1894 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 02.11.1896 — епископ Тульский и Белевский. С 17.06.1904 — епископ Курский и Белгородский. С 25.02.1905 именовался «Курский и Обоянский». 06.05.1909 возведен в сан архиепископа. С 04.10.1911 — архиепископ Владикавказский и Моздокский. С 22.12.1913 — архиепископ Самарский и Ставропольский. С 26.06.1914 — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Св. Синода. С 23.11.1915 — митрополит Петроградский и Ладожский. 02.03.1917 был арестован Вре-

менным правительством наряду с царскими министрами, постановлением Св. Синода 06.03.1917 уволен на покой с пребыванием в пределах Владикавказской епархии. Находился на территориях, занятых Вооруженными силами Юга России. Умер в Новороссийске. — 275—279

Пихно Дмитрий Иванович (1853—1913) — русский экономист. Обосновывал финансовую политику России в начале XX в. — 223

Платон (Рождественский Порфирий Федорович) (23.02.1866—20.04.1934) — митрополит Херсонский и Одесский. Депутат II Гос. Думы от Киевской губ., прав. Родился в Курской губ. В 1886 г. окончил Курскую семинарию. 06.01.1887 рукоположен во иерея. В 1891 г. овдовел, поступил в Киевскую духовную академию. В 1894 г. пострижен в монашество. В 1895 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия, профессорский стипендиат. С 1896 г. исполнял должность доцента Киевской духовной академии. В 1898 г. удостоен степени магистра богословия. С 1898 г. — помощник инспектора, инспектор, экстраординарный профессор КДА, архимандрит. В 1902 г. назначен ректором Киевской духовной академии, 03.06.1902 хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. В 1906 г. издавал журнал «Церковь и народ». С 08.06.1907 архиепископ Алеутский и Североамериканский; в 1909 г. присутствовал в Св. Синоде. С 20.03.1914 — архиепископ Кишиневский и Хотинский. С 05.12.1915 — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии; член Св. Синода. С 13.08.1917 — митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский, член Св. Синода. В 1917 г. — председатель Совета по укреплению веры. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. С 22.02.1918— митрополит Херсонский и Одесский. В 1920 г. эмигрировал в Северную Америку. С 1921 г. управляющий Северо-Американской епархией. В 1922 г. признан Американским церковным собором и утвержден митрополитом всея Америки и Канады. 29.09.1923 назначен на ту же должность Патриархом Тихоном. Назначен на эту же кафедру Карловацким синодом. В 1923 г. объявил Американскую

Церковь автономной. 10.01.1924 вызван в Москву для канонического суда, 16.01.1924 уволен Патриархом Тихоном от управления епархией, но указу не подчинился. 16.08.1933 запрещен митрополитом Сергием (Страгородским) в священнослужении. Скончался в расколе, не покаявшись. 19.04.1946 запрещение было посмертно снято. — 352, 355

Плевако Федор Никифорович (13.04.1842—23.12.1908) — видный адвокат, окт. Депутат III Гос. Думы от Москвы, окт., входил в комиссии государственной обороны, законодательных предложений и др. Окончил в 1864 г. Московский университет со степенью кандидата прав. Служил присяжным поверенным. Как адвокат вел крупные уголовные и политические процессы, за ораторское искусство получил прозвище «московский златоуст». — 322, 323, 327, 329, 330

Плеве Вячеслав Константинович (08.04.1846—15.07.1904) — государственный деятель России. В 1881—1894 гг. — директор департамента полиции. Окончил юридический факультет Московского университета в 1879 г. и был назначен прокурором Петербургской судебной палаты. В 1881 г. назначен директором департамента полиции. С 1902 г. — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов. 15 июля 1904 г. убит эсером Е. С. Сазоновым. *См. библ.* — 27, 34—36, 244—246

Победоносцев Константин Петрович (21.05.1827—10.03.1907) — юрист и государственный деятель. Сын профессора Московского университета. В 1846 г. окончил Императорское училище правоведения. 15.06.1846 определен на службу в канцелярию департамента Правительствующего Сената. В 1859 г. защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства» и был избран профессором Московского университета по кафедре гражданского права. В 1860-х годах принимал участие в разработке судебной реформы. С конца 1850-х годов начал выступать как писатель-публицист, автор историко-юридических и литературных произведений. В 1861—1862 гг. преподавал законоведение вел. кн. Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II). Летом 1863 г. сопровождал вел. кн. Николая Александровича в путешествии по России. 24.09.1863 назна-

чен обер-прокурором 8-го департамента Сената. В августе 1865 г. приглашен преподавать законоведение новому наследнику и читал лекции сыновьям императорской семьи (*оставил преподавание в университете*). 01.12.1865 назначен членом Консультации при Министерстве юстиции. С 09.02.1868 — сенатор. С01.01.1872 — член Гос. Совета. С 28.10.1880 — член Комитета Министров. 28.04.1880—19.10.1905 — обер-прокурор Св. Синода. На посту обер-прокурора способствовал расширению деятельности Русской Православной Церкви. Обладая определенным влиянием на императора Александра III, играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др. Один из ведущих представителей консерваторов-государственников, инициатор политики контрреформ. Автор манифеста 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия». Подал в отставку в связи с выходом Манифеста 17 октября 1905 г. Последовательный сторонник монархического строя и противник парламентаризма. Автор историко-юридических и литературных произведений, публицист. — 26, 27, 32—37, 117, 123, 182, 188, 189, 216, 230, 246, 250, 253, 295

Повилюс Антон Матеушевич (1872 — после 1940 г.) — литовец, крестьянин. Депутат II Гос. Думы от Ковенской губ., с.-д., член аграрной комиссии. В 1906—1911 гг. несколько раз подвергался тюремному заключению за участие в революционном движении, от которого впоследствии отошел. В Литве работал в кооперативных организациях, занимался сельским хозяйством. После установления советской власти в Литве работал в колхозе. — 318

Подольский Василий Ильич (1864 — после 1936) — священник. Депутат III Гос. Думы от Подольской губ., прав. Сын протоиерея. Окончил в 1885 г. Подольскую духовную семинарию. В 1885—1891 гг. преподаватель Тульчинского духовного училища. В 1891 г. рукоположен во иерея к церкви с. Юзефовка Подольской губ. Был председателем епархиальных съездов. Перед арестом в 1936 г. служил в с. Юзефовка на Украине, судьба после ареста неизвестна. — 320, 354

Поздняков Леонтий Михайлович (1869—?) — крестьянин. Депутат IV Гос. Думы от Самарской губ., к.-д. Занимался хлебопашеством. Волостной старшина. По его инициативе в Новоузенске возник кружок нравственного воспитания крестьян. — 347, 348

Покровский 2-й Иван Петрович (1872—1963) — социал-демократ, врач. Депутат III Гос. Думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губ., примыкал к большевистской фракции. Окончил Казанский университет. Был арестован за участие в революционном движении и заключен в тюрьму, затем сослан в Восточную Сибирь, где в 1902 г. в качестве врача был на театре военных действий в Маньчжурии. В 1910 г. в качестве представителя социал-демократической фракции III Думы вошел в редакцию большевистской легальной газеты «Звезда». — 172, 173, 342

Покровский Павел Алексеевич (1853—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Орловской губ., нац. В 1875 г. окончил Орловскую духовную семинарию. Был учителем народной земской школы. В 1878 г. рукоположен во иерея к церкви с. Знаменского Малоархангельского уезда. С 1899 г. — священник Ливенского собора. С 1910 г. — председатель Ливенского отделения Орловского епархиального училищного совета. Благочинный церквей г. Ливны. — 346, 354

Половцев (Половцов) Лев Викторович (01.06.1868—06.08.1936) — крупный землевладелец. Депутат III и IV Гос. Дум от Новгородской губ., окт., нац. Окончил Демидовский юридический лицей, был оставлен для подготовки профессорского звания, но по состоянию здоровья вынужден был отказаться от научной деятельности, в 1893—1902 гг. состоял при лицее инспектором. Потом перешел в Министерство внутренних дел. Был чиновником особых поручений при департаменте общих дел. После революции в эмиграции. Жил в Уругвае. После тяжелой и продолжительной болезни покончил жизнь самоубийством. — 334

Полянский И. — священник, авт. соч. — 43, 44

Пономарев А. — авт. соч. — 249

Попов А. А. *См. библ.* — 72, 320

Попов 2-й Александр Александрович (1868—?) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Вятской губ., прогрессист, секретарь церковной комиссии. В 1888 г. окончил Вятскую духовную семинарию, 2 года был учителем церковно-приходской школы. В 1880 г. рукоположен во иерея. С 1897 г. — протоиерей. В 1897—1905 гг. епархиальный миссионер. В 1899—1907 гг. — уездный наблюдатель церковно-приходских школ. В течение 10 лет служил священником в г. Глазове, но, по словам М. М. Боиовича, «впал в немилость у епархиального архиерея и был переведен в церковь с. Березова Вятской губ.». — 320, 322, 329, 350, 354

Попов 1-й Алексей Алексеевич (1842—?) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Вологодской губ., прав. В 1863 г. окончил Вятскую духовную семинарию и был рукоположен во иерея. С 1887 г. протоиерей. Настоятель Воскресенского собора г. Лальска. Благочинный. — 329, 354

Попов 3-й Владимир Иванович *(1867—?) — священник. Депутат* IV Гос. Думы от Подольской губ., нац. В 1887 г. окончил Подольскую духовную семинарию и был назначен смотрителем ремесленного училища Св. Иоанно-Предтеченского братства. В 1888 г. рукоположен во иерея. Состоял уездным наблюдателем церковно-приходских школ. — 346, 348, 354

Попов 1-й Дмитрий Яковлевич (1863 — после 1917) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Вологодской губ., прогр. По поступлении в 6-й класс Вологодской духовной семинарии начал служить псаломщиком в с. Деревянское Вологодской губ. В 1888 г. рукоположен во иерея к церкви с. Деревянское. В 1902—1912 гг. благочинный. В 1895 г. открыл в с. Деревянское благотворительное и просветительное братство с богадельней. В 1917 г. примкнул к Союзу демократического духовенства и мирян. — 346, 347, 354

Попов 2-й Стефан Александрович (1864—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Вятской губ., прав. После окончания Вятской духовной семинарии 10 лет священствовал на селе, потом в церкви г. Уржума. С 1907 г. — настоятель Слободского Вознесенского собора. Благочинный. Председатель Вятского училищного совета. — 345, 350, 354

Попов 4-й Тихон Дмитриевич (25.06.1876—09.08.1962) — протоиерей, профессор. Депутат IV Гос. Думы от Воронежской губ., нац. Родился в с. Муравляное Воронежской губ. в семье сельского священника. В 1900 г. окончил Киевскую духовную академию и рукоположен во иерея. С 1912 по 1932 г. служил в Спасской церкви г. Воронежа. Одновременно был законоучителем Мариинской женской гимназии. Председатель комиссии богословских чтений г. Воронежа. С 1913 г. профессор богословия Воронежского сельскохозяйственного института. В 1917 г. защитил магистерскую диссертацию о святителе Тихоне Задонском. В 1920 г. был арестован в г. Воронеже. Ему грозила смерть за участие в крестном ходе во время пребывания в городе белых. Чтобы избежать этого, он согласился сотрудничать с органами ОГПУ в качестве секретного осведомителя. Это сотрудничество продолжалось по крайней мере до 1938 г. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и стал одним из самых заметных его деятелей. С 1922 по 1931 г. член Воронежского Епархиального обновленческого управления. Участвовал в двух обновленческих соборах 1923 и 1925 г., на которых выступал с докладами, на втором соборе был избран членом обновленческого Священного Синода. Хиротонисан в брачном состоянии в обновленческого «епископа» Орехово-Зуевского, по одним сведениям, 18.12.1932 г., по другим сведениям, в 1928 г. С 1934 г. «архиепископ» Тульский, «архиепископ» Воронежский. С 16.03.1936 управляющий Московской обновленческой митрополией в сане «митрополита» Московского и Тульского. Арестован 02.07.1938 по обвинению в том, что «будучи митрополитом Московским, создал блок всех существующих в СССР церковных течений для борьбы с советской властью». Будучи арестованным, «митрополит» Тихон по просьбе следователя изложил свой взгляд на историю Церкви, которой могли бы воспользоваться сотрудники НКВД. Особым Совещанием при НКВД СССР 02.04.1939 приговорен к 5 годам ссылки в Казахстан. Вернулся из лагеря во время Великой Отечественной войны. В начале 1944 г. принес покаяние и был принят одним из первых обновленцев в общение с Московской Патриархией в сане протоие-

рея, был назначен ректором открывшегося в 1944 г. Московского Богословского института, с 1946 г. — профессор Московской духовной академии, где преподавал до своей кончины пастырское, основное и нравственное богословие. — 345, 354

Попов — священник, депутат Думы. — 342

Поташев Николай Александрович (1864—?) — крестьянин-хлебопашец. Депутат II Гос. Думы от Олонецкой губ., к.-д. — 318

Потемкин — киевский миссионер. — 75

Потулов Василий Александрович (1855 — после 1918) — председатель Малоархангельской уездной земской управы с 1900 г. Депутат III и IV Гос. Дум от Орловской губ., окт. В 1886 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, кандидат естественных наук. В 1884—1886 гг. служил чиновником особых поручений при ковенском губернаторе, в 1886 г. перешел на службу в таможенное ведомство. В 1891 г. вышел в отставку и занялся сельским хозяйством в своем родовом имении. В 1897 г. был избран членом Орловской земской управы. С 1882 г. почетный мировой судья. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. — 335, 355

Поярков Алексей Владимирович (1868—?) — священник. Депутат I Гос. Думы от Воронежской губ., беспартийный. Окончил духовную семинарию. Настоятель церкви с. Папасного Воронежской губ. — 354

Протопопов Александр Дмитриевич (18.12.1866—27.10.1918) — фабрикант, симбирский предводитель дворянства. Депутат III и IV Гос. Дум от Симбирской губ., окт., с 1914 г. — товарищ председателя Думы, председатель торговой комиссии. Окончил кадетский корпус. В 1888—1890 гг. — слушатель академии Генштаба. В 1890 г. вышел в отставку и поселился в Симбирской губ. Служил земским губернским и уездным гласным, почетным мировым судьей. С 1905 г. член кадетской партии, потом от нее отошел. С 18.09.1916 по 29.02.1917 — последний министр внутренних дел России. 29.02.1917 арестован Временным правительством и препровожден в Петропавловскую крепость. Чрезвычайной следст-

венной комиссией Временного правительства был привлечен к суду. Летом 1918 г. был переведен в Москву в Таганскую тюрьму. Расстрелян в порядке «административного усмотрения» по приговору ВЧК. — 324

Пругавин Александр Степанович (1850—1920) — авт. соч., публицист-народник. *См. библ.* — 20, 23, 25

Прухневский — католический священник-«мариавит». — 57

Пташевский Митрофан Максимович (1862—?) — врач. Депутат III Гос. Думы от Черниговской губ., окт. Окончил медицинский факультет Киевского университета, служил земским врачом, заведовал земской больницей. Гласный городской думы и мировой судья. — 330

Пуришкевич Владимир Митрофанович (12.08.1870—11.01.1920) — помещик, публицист. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Бессарабской губ., один из лидеров крайне правых. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета с золотой медалью. Начинал свою общественную деятельность в земской управе Бессарабской губ. С 1900 г. служил в Министерстве внутренних дел, был прикомандирован к Главному управлению по делам печати МВД. С 1904 г. — чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел Плеве. Был инициатором создания «Союза русского народа», в 1907 г. вышел из союза и образовал новую монархическую организацию «Союз Михаила Архангела». Вместе с кн. Ф. Ф. Юсуповым с целью «спасения монархии» организовал убийство Григория Распутина. 18.11.1917 был арестован Петроградским ЧК по обвинению в создании контрреволюционной организации. 28.12.1917 начался процесс против него и его сподвижников, которых защищали видные адвокаты России. 03.01.1918 приговорен к 4 годам принудительных работ. Вскоре был амнистирован, уехал на Юг, активно помогал А. И. Деникину, издавал в Ростове-на-Дону журнал «Благовест». Умер в Новороссийске от сыпного тифа. — 131, 238, 294—296

Пурпуров Иван Петрович (1871—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Астраханской губ., окт. Окончил в 1895 г. Астраханскую духовную семинарию. Служил диаконом. В 1898 г.

рукоположен во иерея к Покровской церкви с. Ивановки Енотаевского уезда Астраханской губ. — 320, 329

Пушкин Александр Сергеевич (26.06.1799 — 29.01.1837) — великий русский поэт — 167

Раев Николай Павлович (1856—1919) — обер-прокурор Св. Синода. Сын Палладия (Раева), экзарха Грузии, митрополита Петербургского и Ладожского. После окончания Лазаревского института восточных языков в 1879 г. определен на службу в Московскую удельную контору чиновником. С 10.10.1890 — директор народных училищ. С 24.09.1894 — чиновник особых поручений при Министерстве народного образования. С 11.07.1895 — директор Петербургских женских курсов. 30.08.1916—28.02.1917 — обер-прокурор Св. Синода (был отстранен от должности Временным правительством). Автор ряда статей по народному и высшему женскому образованию. После Февральской революции скрывался от ареста, был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. После начала гражданской войны жил на Кавказе при митрополите Питириме (Окнове), нуждался, пел на клиросе. — 279, 309

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1865 (1872?)—017.12.1916) — тобольский крестьянин, в светских салонах Петербурга был принят как «старец», «святой человек» из народа. С помощью своих покровителей из «высшего света» вошел в доверие к царской семье и пользовался влиянием на нее. Убит во дворце кн. Ф. Ф. Юсупова в результате заговора. — 272, 273, 275—277, 279, 288—290, 294, 296, 297, 302, 308

Рачинский Сергей Александрович (08.05.1836—02.05.1902) — магистр ботаники, профессор Московского университета. В 1867 г. вышел в отставку, поселился в деревне и всецело посвятил себя вопросам народного просвещения. В своей брошюре «Заметки о сельских школах» (СПб., 1883) С. А. Рачинский подчеркивал национально-религиозный характер народной школы, которая должна быть «училищем благочестия и добрых нравов», и высказывался за передачу всего дела начального образования Церкви. Сотрудничал в журна-

ле «Русский вестник». *См. библ.* — 118, 120—122, 163, 164, 167, 175

Рейснер М. А. профессор-юрист, авт. соч. *См. библ.* — 13, 14, 16, 25, 32

Рихтер Оттон Бурхардович (Борисович) (01.08.1830—02.03.1908) — лютеранин, генерал-адъютант, член Гос. Совета с 1887 г. Родился в семье дворян Лифляндской губернии. Окончил Пажеский корпус. В 1848 г. поступил на военную службу. С 1858 г. состоял при Наследнике Николае Александровиче, а в 1859 г. пожалован во флигель-адъютанты. В 1866 г. назначен управляющим делами Императорской Главной Квартиры, в том же году — начальником штаба войск гвардии петербургского военного округа, а также членом главного комитета по устройству и образованию войск, в 1868 г. назначен военным агентом при Императорской Российской миссии во Флоренции. В 1871 г. принял командование 13-й пехотной дивизией с пожалованием в генерал-адъютанты. В 1881 г. он назначен командующим Императорской Главной Квартирой, исполнял до 1896 г. обязанности по принятию и направлению на Высочайшее Имя приносимых прошений и жалоб. Состоял членом комиссии для пересмотра постановлений о расколе. Пользовался особым доверием и любовью императоров Александра III и Николая II. — 36

Ровинский Константин Ипполитович (06.1862—1942(1943?) — протоиерей. Из дворян. Сын чиновника финансового ведомства. Окончил в 1886 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета, кандидат прав. С 1887 г. служил в окружном суде Санкт-Петербурга. В январе—октябре 1888 г. — председатель съезда и чиновник по крестьянским делам, чиновник 1-го округа Ялуторовского округа Тобольской губ. и податный инспектор в Сычевском уезде Смоленской губ. В 1888—1889 гг. — начальник отдела Минфина по департаменту окладных сборов. С 1906 г. — ревизор Министерства финансов по податной части. С апреля 1910 г. — управляющий казенной палатой Курляндской губ. С 1915 г. — управляющий казенной палатой Тульской губ. 1915 г. — осень 1918 г. — временно управляющий Орловской казенной палатой. Дослужился до чина действительного статского

советника. В 1918 г. — помощник ревизора Орловской контрольной палаты. Уволен в отставку. По болезни оставил службу. В 1919—1921 гг. служил счетоводом в Иверской общине сестер милосердия на Б. Полянке в Москве. После встречи в 1920 г. со св. о. Алексием Мечевым, в 1921 г. по благословению св. Патриарха Тихона в возрасте 59 лет принял священство, остался служить в церкви Иверской иконы Божией Матери при Иверской общине, где служил до закрытия храма в 1923 г. После этого перешел в церковь св. Николая Чудотворца в Кленниках. Арестован 29.10.1929 в возрасте 67 лет, будучи инвалидом. Сослан во Владимир. Пробыл в общей сложности 12 лет в ссылке. По одним сведениям, умер в 1943 г. в ссылке во время войны в г. Вязьме, в оккупации; по другим — умер в 1942 г. в Тарусе, где жил после ссылки. Автор книги «Беседы старого священника» (1995). — 55

Ровинский Н. — авт. соч. — 247—249

Рогович Алексей Петрович (27.07.1858 — после 1917) — товарищ обер-прокурора Св. Синода П. П. Извольского, сенатор, член Гос. Совета, прав. В 1881 г. окончил Московский университет и со степенью кандидата поступил на службу в Министерство внутренних дел и был назначен в распоряжение черниговского губернатора. В 1882 г. стал чиновником для особых поручений губернаторе, а затем занял должность директора черниговского комитета общества попечения о тюрьмах. В 1885 г. переведен в Эстляндскую губернию (ныне Эстония). Здесь был советником губернского правления, а затем директором тюремного комитета. Впоследствии он перешел на службу в эстляндскую комиссию по крестьянским делам. В 1891 г. Рогович назначен самарским вице-губернатором. В 1895 г. он занял должность управляющего канцелярией киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, а через год пожалован званием камергера. В 1899 г. был переведен на пост ковенского губернатора и стал почетным мировым судьей Ковенского округа. В 1902 г. он назначается директором департамента общих дел МВД, но уже в августе того же года получил назначение на пост ярославского губернатора. С началом русско-японской вой-

ны — председатель местного управления Российского общества Красного Креста. После революционных событий 1905 г. вышел в отставку и переехал в Санкт-Петербург, где в 1906 г. был назначен сенатором и пожалован в гофмейстеры, назначен товарищем обер-прокурора Св. Синода. Член Русского собрания. С 01.04.1917 за штатом, 25.10.1917 уволен со службы как царский чиновник. — 59, 223

Родзевич Леонард Карлович (1872—?) — ксендз. Депутат II Гос. Думы от Виленской губ., польское коло. Окончил Виленскую римско-католическую семинарию. Настоятель журпанского костела в Ошмянском уезде Виленской губ. Пользовался репутацией хорошего проповедника. — 318

Родзянко Михаил Владимирович (31.03.1859—24.01.1924) — помещик Екатеринославской губ., председатель фракции октябристов. В 1906—1907 — член Гос. Совета. Депутат III и IV Гос. Дум, с 1911 г. — председатель Думы, председатель земельной комиссии, член переселенческой комиссии. Окончил Пажеский корпус. С 1878 г. служил в Кавалергардском полку, в 1882 г. оставил военную службу. В 1883 г. избран почетным мировым судьей. Один из основателей партии «Союз 17 октября», входил в ее ЦК. Инициатор создания Прогрессивного блока, один из его лидеров. В дни Февральской революции постоянно держал связь с Николаем II, Ставкой, штабами фронтов и вел. кн. Михаилом Александровичем. Понимая, что «решается судьба родины и династии», считал необходимым сохранить монархический принцип правления и поэтому настаивал на даровании «ответственного министерства». 27.02.1917 возглавил Временный Комитет Гос. Думы. 01.03.1917 телеграфировал в Ставку о переходе власти к Временному Комитету Гос. Думы. Участвовал в переговорах Комитета с лидерами Петроградского Совета РСД о составе Временного правительства. Комитет решил, что Николай II должен немедленно отречься от престола в пользу сына при регентстве вел. кн. Михаила Александровича. Переговоры с царем должен был вести Родзянко (вместо него поехали А. И. Гучков и В. В. Шульгин). После передачи власти Временному правительству Родзянко возглавлял Временный Комитет Гос. Думы. В дни Октябрьско-

го вооруженного восстания находился в Петрограде, пытался организовать защиту Временного правительства. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. (выбыл из членов Собора). После Октябрьской революции перебрался на Дон и при Л. Г. Корнилове, а затем при А. И. Деникине пытался воссоздать Совещание членов Гос. Дум всех 4-х созывов. Во время гражданской войны (1918—1920) находился при армии Деникина. 1920 — эмигрировал в Югославию. 1921 — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора. Оставил мемуары «Крушение империи». *См. библ.* — 237, 273, 276

Родичев Федор Измаилович (09.02.1853—29.02.1933) — тверской помещик и земский деятель. Депутат I и II от Санкт-Петербурга и III и IV Гос. Дум от Тверской губ., к.-д. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, сдал экзамены по юридическому факультету. Предводитель дворянства Весьегонского уезда Тверской губ. в течение 12 лет. С 1895 по 1904 г. был лишен избирательного права за адрес Тверского земства о конституции. С 1898 г. присяжный поверенный, занимался адвокатурой в Санкт-Петербурге. Участник земских съездов 1904—1905 гг. Один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК. Считался лучшим кадетским оратором, прозван «первым тенором» партии Народной свободы. После революции был комиссаром Временного правительства по делам Финляндии. После Октябрьской революции участвовал в выборах Учредительного собрания, в которое был избран. Подвергся аресту в связи с убийством Урицкого, был освобожден. С 1920 г. в эмиграции, жил в Лозанне (Швецария), входил в группу П. Н. Милюкова. Член Совета государственного объединения России. — 101, 128, 335

Рождественский Василий Яковлевич (1854/1861—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Курской губ., прав. Окончил в 1884 г. Курскую духовную семинарию. В 1885—1894 гг. служил священником в родном с. Козинка Грайворонского уезда. С 1894 г. священник, а потом и протоиерей Успенской церкви г. Грайворона Курской губ. Уездный наблюдатель

церковно-приходских школ, законоучитель, представитель от духовенства в уездном земстве и городской думе, член уездного училищного совета. — 320, 323

Рожков Григорий Ефимович (1864—?) — крестьянин. Депутат III Гос. Думы от Ставропольской губ., труд., член комиссии по делам Православной Церкви. Получил домашнее образование. В июне 1912 г. присутствовал в числе 200 депутатов на аудиенции у царя, за что был исключен из фракции трудовиков. — 342

Розанов Василий Васильевич (20.04.1856—05.02.1919) — философ, публицист и критик. Участник Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901—1903), Московского и Петербурского религиозно-философских обществ. В 1890-х г. сотрудник газет «Московские Ведомости», «Новое Время», «Русский Вестник». — 32, 107

Розен Ганс Фридрихович (30.09.1870—?) — барон, лютеранин. Депутат III Гос. Думы от Лифляндской губ. окт., секретарь вероисповедной комиссии. Окончил Галльский университет, доктор философии, ландрат лифляндского дворянства (1911—1917), член Гос. Совета, член конституционно-монархической партии. Уездный предводитель дворянства. — 57, 81, 322, 323, 325, 326

Розенбах Сергей Николаевич (1861—?) — землевладелец. Депутат IV Гос. Думы от Черниговской губ., окт. Окончил Пажеский корпус. Почетный мировой судья и гласный новозыбковского уездного собрания. Занимался сельским хозяйством. — 347, 348

Рознатовский Константин Николаевич (1858—22.08.1908) — протоиерей. Окончил Киевскую духовную академию, магистр богословия. Депутат III Гос. Думы от Киевской губ., прав. 17 лет состоял законоучителем гимназии г. Глухова, с 1904 г. законоучитель гимназий в г. Черкасске. — 354

Романов Степан Григорьевич (1865—29.06.1908) — крестьянин. Депутат III Гос. Думы от Олонецской губ., окт. Окончил народное училище. Занимался хлебопашеством и мелкой торговлей. — 329, 330

фон-дер Ропп Анатолий Николаевич — барон, тайный советник, окт., авт. соч. Окончил Санкт-Петербургский университет. С

21.10.1897 по 20.08.1908 — чиновник Государственной канцелярии. С 1908 г. — старший делопроизводитель канцелярии Гос. Думы. — 180

Рудич Каллиник Несторович (1875—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Подольской губ., нац. Сын крестьянина. В 1897 г. окончил Подольскую духовную семинарию и рукоположен во иерея к церкви с. Крыжлполе Подольской губ. С 1906 г. — священник Николаевской церкви в г. Старая Винница. — 346

Румянцев Николай Федорович (1839—?) — землевладелец Череповецкого уезда. Депутат I и III Гос. Дум от Новгородской губ., мирн. обн., прогр., член комиссии исследования незакономерности гражданских прав. Получил среднее образование. Председатель съезда мировых судей, земский гласный. В 1880-х годах за крайний либерализм был сослан в Архангельскую губернию. — 335

Рябушинские — семья купцов-старообрядцев. — 26

Саблер (Десятовский с 20.11.1915) **Владимир Карлович** (13.11.1845—08.09.1929) — обер-прокурор Св. Синода. В 1867 г. окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата прав. Оставлен при университете для «усовершенствования в науках». С 01.04.1872 — магистр уголовного права, утвержден доцентом Московского университета. 19.07.1873 поступил на службу в Министерство юстиции. 18.04.1881 переведен в ведомство православного исповедания и назначен юрис-консультом при Св. Синоде. 20.05.1892 назначен товарищем обер-прокурора Св. Синода. 09.07.1892 — почетный член Училищного совета при Св. Синоде («ввиду особых заслуг по благоустройству и развитию церковно-приходских школ и во внимание к основательному знанию дела народного просвещения в духе Православной Церкви»). Сенатор, член Гос. Совета. 02.05.1911—05.07.1915 — обер-прокурор Св. Синода. Во время избирательной кампании в IV Гос. Думу активно способствовал созданию в ней фракции православных священников. После начала Первой мировой войны сменил фамилию, как похожую на немецкую. После революции был несколько раз был

арестован, последний раз в 1926 г. по «делу митрополита Петра (Полянского)» и выслан в г. Тверь, где и скончался в тяжелейшей нужде. *См. библ.* — 109—112, 142, 181, 238, 239, 273, 279, 288—291, 294, 295, 298, 302, 305

Самарин Александр Димитриевич (30.01.1868—30.01.1932) — обер-прокурор Св. Синода. Происходил из знаменитой славянофильской семьи. В 1891 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Выступал в качестве церковного публициста, резко полемизировал с В. С. Соловьевым. В 1891—1908 гг. — земский начальник в Бронницах (Московской губ.). С 1908 г. — уездный предводитель дворянства. В 1912—1917 гг. — член Гос. Совета. 05.07.1915—26.09.1915 — обер-прокурор Св. Синода. Был одним из самых популярных и уважаемых членов Гос. Совета и правительства. Уволен за противодействие влиянию Распутина. В 1915—1917 гг. — главный уполномоченный Всероссийского Красного Креста. В июне 1917 г. — кандидат в митрополиты московские (получил одинаковое число голосов с архиепископом Тихоном). Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., единственный из мирян кандидат в патриархи. В 1918 г. — председатель правления Совета объединенных приходов г. Москвы. После революции неоднократно арестовывался. В 1920 г. был приговорен Московским ревтрибуналом к расстрелу с заменой его тюремным заключением «до окончания победы рабоче-крестьянской власти над мировым империализмом», через год был амнистирован. С 1922 г. — экскурсовод музея-усадьбы «Абрамцево». С 1925 г. в заключении и ссылках. Умер в ссылке в г. Костроме. — 273—275, 290

Самарин Дмитрий Федорович (1831—1901) — писатель, общественный деятель, гласный московского земства. — 232, 243

Самарин Юрий Федорович (21.04.1819—19.03.1876) — общественный деятель, писатель, историк, философ и публицист, один из идеологов славянофильства. — 29

Сафонов Михаил Кузьмич (1842—?) — инженер. Депутат III Гос. Думы от Рязанской губ., окт. Окончил уездное училище. Член Зарайской уездной управы. 27 лет состоял секретарем земской управы. До 1872 г. занимался торговлей мануфакту-

рой. Член уездного училищного совета и отделения епархиального училищного совета. — 335

Свенцицкий Генрих Ипполитович (1853—?) — поляк, инженер путей сообщения. Депутат III и IV Гос. Дум от Виленской губ., член польско-литовской фракции. Получил высшее образование. Участник земских и городских съездов в Москве. Служил на Николаевской железной дороге, где прошел все ступени от техника до директора. Состоял начальником постройки железной дороги Бологое–Псков. — 220

Святополк-Мирский Петр Данилович (1857—16.05.1914) — государственный деятель, помещик, князь, генерал-адъютант, окт. В 1872—1875 гг. учился в Пажеском корпусе. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В 1881—1884 гг. учился в Академии Генерального штаба, при котором продолжал службу. Был губернатором ряда городов России. С августа 1904 г. — министр внутренних дел. Его политика вошла в историю под названием «эпоха доверия», провел частичную амнистию, ослабил цензуру, разрешил земские съезды. 18.01.1905 уволен в отставку. В дальнейшем активной политической роли не играл. Его проект реформ был позднее использован С. Ю. Витте и П. А. Столыпиным. — 36, 37

Седлецкий губернатор см. Волжин Александр Николаевич

Сендерко Макарий Иванович (1862—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Подольской губ., прогр. Окончил в 1882 г. Подольскую духовную семинарию. В 1906—1907 гг. — сотрудник издания духовенства Подольской губ. газеты «Подолия», Перед выборами в Думу служил в с. Носковцы Подольской губ. — 321, 330, 344

Серафим (Чичагов Леонид Михайлович) (09.06.1856—11.12.1937) — сщмч., митрополит Ленинградский. 1875 — окончил Императорский Пажеский корпус. До 1890 г. проходил службу по военному ведомству и в чине поручика артиллерии, участвовал в Турецкой кампании 1877—1878 гг., Георгиевский кавалер, герой Плевны. По совету св. Иоанна Кронштадтского, чьим духовным сыном он был на протяжении тридцати лет, бросил военную службу и принял духовный сан. В 1891 г. вышел в отставку и переехал в Москву. 28.02.1893 рукопо-

ложен во иерея к московской церкви Двенадцати Апостолов. Восстановил этот храм на собственные средства. Основал общество «Белого Креста» с целью призрения офицерских детей. С 1895 г. — священник церкви Св. Николая на Старом Ваганькове. На свои средства реставрировал эту церковь. В 1895 г., овдовев, принял монашество. С 1898 г. — иеромонах, был причислен к братству Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. С 1899 г. — архимандрит, благочинный монастырей Владимирской епархии, настоятель Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Составил «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», за что в 1903 г. был назначен заведующим подготовительными работами к торжеству прославления Серафима Саровского. С 1904 г. — настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. 10.04.1905 хиротонисан во епископа Сухумского. С 03.02.1906 — епископ Орловский и Севский. С 16.09.1908 — епископ Кишиневский и Хотинский. 16.05.1912 возведен в сан архиепископа, архиепископ Кишиневский и Хотинский. С 20.03.1914 — архиепископ Тверской и Кашинский. Осенью 1917 г. отправлен на покой. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. по должности как архиепископ Тверской и Кашинский. 17.09.1918 назначен архиепископом Варшавским и Привисленским, но выехать для управления епархией не смог в связи с отказом польских властей выдать ему въездную визу. В 1918 г. (не ранее 14 сентября) возведен в сан митрополита. 08.1919—1921 жил в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре. В 1921 г. переехал в Москву; служил в московских храмах. 24.06.1921 заочно осужден Коллегией ВЧК. Приговорен к 2 годам высылки в Архангельскую губ. 14.01.1922 по постановлению президиума ВЧК приговорен о высылке на 2 года, приговор решено применить условно. 16.01.1922 освобожден. 25.04.1922 арестован в Москве. Осужден судебной коллегией ГПУ. Приговорен к ссылке на 1 год. 05.1922—02.1923 — в ссылке в г. Архангельске. 05.1922. вновь осужден. Приговорен к высылке на Север; оставлен в г. Архангельске. 15.04.1923. выслан в г. Краснококшайск Казанской губ. на 2 года. В 1924 г. выслан в г. Шую Иваново-Вознесенской губ. Проживал в

Воскресенском Феодоровском женском монастыре в Шуйском уезде; служил в монастырском храме. 12.04.1925 принимал участие в погребении св. Патриарха Тихона. С февраля 1928 г. — митрополит Ленинградский. 14.10.1933 уволен на покой. В 1934—1937 гг. проживал на покое в поселке при ст. Малаховка, затем при ст. Удельная Московско-Казанской ж. д. 30.11.1937 арестован. 07.12.1937 осужден Тройкой при УНКВД СССР по Московской обл. по обвинению в «контрреволюционной монархической агитации». Приговорен к расстрелу. 11.12.1937 расстрелян в поселке Бутово Московской области («Бутовский полигон»). Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 23.02.1997. — 279

Сергей Александрович (29.04.1857—04.02.1905) — вел. кн., Московский генерал-губернатор с 26.02.1891, одновременно командующий войсками Московского военного округа. Убит эсером Каляевым. — 26, 27, 35, 37

Сергий, епископ см. Сергий (Страгородский Иван Николаевич), патриарх Московский и всея Руси

Сергий (Страгородский Иван Николаевич) (11.01.1867—15.05.1944) — патриарх Московский и всея Руси. Родился в г. Арзамасе Нижегородской губ. в семье протоиерея. В 1880 г. окончил Арзамасское духовное училище, а 1886 г. — Нижегородскую духовную семинарию; по окончании которой поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 30.01.1890 пострижен в мантию. 21.05.1890 рукоположен во иеромонаха. В 1890 г. окончил СПбДА со степенью кандидата (магистранта) богословия 13.06.1890 — член Японской духовной миссии. В декабре 1891 г. — судовой священник на корабле «Память Азова». С 1893 г. — и. д. доцента СПбДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета. С 13.12.1893 — и. д. инспектора МДА. С 21.09.1894 — настоятель посольской церкви в г. Афины (в Греции) в сане архимандрита. В 1895 г. — удостоен степени магистра богословия за диссертацию на тему «Православное учение о спасении». С 1897 г. — помощник начальника Японской духовной миссии. С 29.07.1899 — ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. С 06.10.1899 — инспектор СПбДА. С

25.01.1901 — ректор СПбДА. 25.02.1901 хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1901—1903 гг., по благословению митрополита Антония (Вадковского), исполнял обязанности председателя Религиозно-философских собраний. С 06.10.1905 — архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1906 г. избран почетным членом СПбДА. 06.05.1911 — член Св. Синода. 03.1912 — председатель Предсоборного Совещания при Св. Синоде. 04.04.1913—14.01.1915 председатель Миссионерского совета при Св. Синоде. 10(23).08.1917 избран архиепископом Владимирским и Шуйским. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., председатель Отдела о церковном суде; избран членом Священного Синода при св. Патриархе Тихоне. 28.11.(11.12).1917 возведен в сан митрополита. Декабрь 1919—1920 г. находился в Москве. В январе 1921 г. арестован в Москве по обвинению в «нарушении декрета об отделении церкви от государства». 1921 (январь-весна) — в заключении в тюрьме ВЧК в Москве, затем в Бутырской тюрьме в Москве. В июне 1921 г. выслан в г. Нижний Новгород. 18.04.1922 арестован в Москве. Привлекался по делу о хищениях в Суздальской ризнице. Осужден Владимирским губсудом. Приговорен к лишению свободы на 1 год. Амнистирован. 16.06.1922 перешел в обновленческий раскол; вместе с архиепископом Костромским и Галичским Серафимом (Мещеряковым) и архиепископом Нижегородским Евдокимом (Мещерским) выпустил декларацию о признании каноничности самочинного обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ). 28.08.1923 по покаянии был принят в лоно Русской Православной Церкви. В 1923 г. — в заключении в тюрьме г. Владимира. Осужден. Приговорен к заключению в тюрьме на 3 года. Амнистирован через 1 год. С 18.03.1924 митрополит Нижегородский. 21.05.1924 включен в состав членов Св. Синода при св. Патриархе Тихоне. 28.02.1925 включен в состав членов Св. Синода при св. Патриархе Тихоне. 12.04.1925 принимал участие в погребении св. Патриарха Тихона; подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (Полянско-

му). 06.12.1925 по завещательному распоряжению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) о передаче высшей церковной власти в Русской Православной Церкви, в случае невозможности ему дальнейшего возглавления Церкви, назначен первым кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. 14.12.1925 направил на имя управляющего Московской епархией письмо с уведомлением о вступлении в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. 01.06.1926 направил народному комиссару внутренних дел обращение с ходатайством о легализации церковного управления. 12.12.1926 арестован в г. Нижнем Новгороде по обвинению в «нелегальных выборах Патриарха», а также в «нелегальном письменном сношении с эмигрантскими иерархами». С 14.12.1926 — в заключении во Внутренней тюрьме ОГПУ в Москве. 02.04.1927 освобожден под подписку о невыезде из Москвы. 27.05.1927 издал указ об образовании и легализации Временного Патриаршего Священного Синода и регистрации на местах органов епархиального управления. 29.07.1927 выпустил Послание (Декларацию) об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти, вызвавшее большие разногласия и разделения в Русской Православной Церкви. 27.04.1934 — Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский. 27.12.1936 — Патриарший Местоблюститель. 19.10.1941—08.1943 находился в эвакуации в г. Ульяновске. 31.08.1943 возвратился в Москву. 04.09.1943 возглавлял делегацию архиереев на приеме у И. В. Сталина. В сентябре 1943 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви избран патриархом Московским и всея Руси. 15.05.1944 скончался в Москве. — 32, 33

Сергий (Шеин Василий Павлович) (30.12.1871—13.08. 1922) — сщмч., архимандрит. Депутат IV Гос. Думы от Тульской губ., нац. Родился в д. Колпна Тульской губ. В 1893 г. окончил училище правоведения с золотой медалью, затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил помощником обер-секретаря Правительствующего Сената, в Министерстве юстиции, в Гос. Совете помощни-

ком статс-секретаря. Работал в комиссии по церковным делам. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., член Соборного Совета, секретарь Собора. В 1920 г. принял монашеский постриг. Служил на Патриаршем Троицком подворье на Фонтанке в Петрограде. Был товарищем председателя Правления Общества православных приходов Петрограда. Арестован 31.05.1922 по обвинению в «противодействии изъятию церковных ценностей». Петроградским губернским Ревтрибуналом 05.07.1922 приговорен к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. Расстрелян вместе со сщмч. Вениамином, митрополитом Петроградским и Гдовским. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 04.04.1992. — 55, 267, 269, 346, 348, 349, 355

Симеон Полоцкий (Ситнианович-Петровский Симеон Емельянович) (1629—1680) — знаменитый церковный деятель и писатель. Окончил Виленскую иезуитскую школу. В 1656 г. принял монашество и стал преподавателем в Полоцкой братской школе. С 1660 г. в Москве. С 1667 г. — воспитатель царских детей, для которых написал несколько сочинений. В 1678 г. организовал типографию, первой книгой в которой был «Букварь». В 1679 г. составил проект указа о создании Славяно-греко-латинской академии. — 20

Сипягин Дмитрий Сергеевич (05.03.1853—02.06.1902) — министр внутренних дел с 1899 г., шеф жандармов в 1899—1902 гг. Окончил юридический факультет Московского университета, служил в Министерстве внутренних дел. В 1884—1886 гг. и 1891 г. — генерал-губернатор Москвы, предводитель дворянства. Был убит эсером С. Балмашевым. — 189

Сиротов Дмитрий Иванович (1862—?) — крестьянин. Депутат III Гос. Думы от Симбирской губ., умер.-прав. Волостной староста. Занимался сельским хозяйством. — 258

Скалозубов Николай Лукич (1861—?) — мещанин, агроном. Депутат II и III Гос. Дум от Тобольской губ., народно-социалистическая фракция, к.-д., секретарь сельскохозяйственной комиссии. Окончил земледельческую академию. Публицист

по аграрным вопросам. В 1906 г. выслан в Тобольскую губернию. — 318

Скалон Г. А. — генерал-адъютант, варшавский генерал-губернатор в 1904—1914 гг. — 189, 190

Скворцов Василий Михайлович (12.01.1859—03.05.1932) — миссионер, церковный публицист. Окончил Киевскую духовную академию, с 1895 г. чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода. Миссионер Киевской и Полтавской епархий. Редактор-издатель журнала «Миссионерское Обозрение». В 1906—1917 гг. издавал церковно-политическую газету «Колокол». После 1917 г. в эмиграции, жил в Югославии. 1921 — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора. Преподавал в Сараевской духовной семинарии. — 29, 32, 66, 75, 80

Скобелев Матвей Иванович (1885—29.07.1938) — один из лидеров меньшевиков, инженер по профессии. Депутат IV Гос. Думы от русской курии Закавказья, секретарь фракции социал-демократов. В 1906 г. эмигрировал за границу, входил в редакцию газеты «Правды» Троцкого. В годы Первой мировой войны — центрист. После Февральской революции — заместитель председателя Петроградского совета, министр труда во Временном правительстве. После Октябрьской революции отошел от меньшевиков, работал в системе кооперации, затем в Наркомате внешней торговли. С 1922 г. состоял членом РКП (б), был на ответственной хозяйственной работе, в 1936—1937 гг. работал в Радиокомитете. Репрессирован и расстрелян. — 350, 351

Скоропадский Георгий Васильевич (1873—?) — почетный мировой судья. Депутат III и IV Гос. Дум от Черниговской губ., окт. Окончил юридический факультет Киевского университета. Гласный уездного и губернского земства. — 207, 335

Скороходов Алексей Александрович (1868—?) — техник. Депутат III Гос. Думы от Томской губ., к.-д. Окончил техническое училище в Москве. В 1889—1893 гг. — преподаватель и заведующий ремесленным училищем. В 1886 г. был приглашен занять должность инспектора ремесленного училища в г. Томске. Состоял членом различных просветительских обществ. Гласный городской думы. — 328, 330

Смирнов Александр Васильевич (16.11.1857—?) — протоиерей, доктор богословия, духовный писатель. Депутат IV Гос. Думы от Казанской губ., окт., секретарь церковной комиссии. Окончил Казанскую духовную академию. Профессор богословия Казанского университета. — 346

Смирнов Димитрий — старообрядческий священник. — 44

Соколов 1-й Александр Серапионович (1840—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Ярославской губ., умер.-прав., нац. Окончил Ярославскую духовную семинарию, был назначен преподавателем Яранского духовного училища. В 1865 г. рукоположен во иерея. С 1880 г. священник с. Воскресенского Поречья Угличского уезда Ярославской губ. 6 лет преподавал в церковно-приходской школе. Устроил в своем селе 2 церковно-приходские и 1 земскую школы. В 1900 г. в честь 35-летия церковного служения награжден золотым крестом с украшениями. Преподавал в духовном училище. — 320, 324

Соколов 2-й Василий Семенович (1845—08.01.1912) — присяжный поверенный. Депутат III Гос. Думы от Костромской губ., прогр., товарищ секретаря III Думы. Окончил в 1871 г. юридический факультет Московского университета и занялся адвокатурой. 25 лет состоял уездным и губернским гласным. Председатель костромского уездного земства. — 330

Соколов 3-й Иван Иасоннович (1880—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Казанской губ., прогр., товарищ председателя Думы. Окончил в 1901 г. Казанскую духовную семинарию. Священник с. Александрова Ядринского уезда. — 320, 321, 330

Соловьев Владимир Сергеевич (16.01.1853—30.07.1900) — философ-идеалист, богослов, поэт. В 1877—1881 гг. читал лекции в Московском университете. — 29

Соловьевич Стефан Иосифович (1865—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Минской губ., нац. Окончил Минскую духовную семинарию, был псаломщиком и надзирателем Минского духовного училища. До избрания в Думу священник Городищенской церкви Новоградского уезда Минской губ. Благочинный. — 320, 323, 330

Солуха Виктор Дмитриевич (1870—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Киевской губ., окт., прогр., бесп. Окончил Киевскую духовную семинарию в 1882 г., до 1894 г. был одновременно учителем, законоучителем и псаломщиком. В 1894 г. был рукоположен во иерея и до избрания в Думу священствовал в с. Македоне Киевской губ. Миссионер, духовный депутат при производстве следствия и помощник благочиннного. — 321, 330

Сольский Дмитрий Мартынович (03.09.1833—29.11.1910) — граф. Окончил Императорский Александровский лицей с золотой медалью. 01.01.1852 определен на службу в Канцелярию Его Императорского Величества, с 25.01.1872 ее главноуправляющий, член Гос. Совета. — 36

Спасский Алексей Михайлович (1849—?) — митрофорный протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Воронежской губ., окт. Окончил в 1874 г. Киевскую духовную академию и был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии. В 1882—1900 гг. — преподаватель, инспектор и ректор Воронежской духовной семинарии, протоиерей кафедрального собора г. Воронежа. 13 лет состоял редактором «Воронежских епархиальных ведомостей», где помещал и свои печатные труды. — 320, 322, 330, 354

Спасский Владимир Александрович (1869 — после 1919) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Курской губ., прав. Окончил духовную семинарию. — 345, 354

Сперанский Михаил Михайлович (01.01.1772—11.02.1839) — граф (с 1839), русский государственный деятель, реформатор. Родился в семье сельского священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, в которой состоял с 1792 по 1795 г. профессором математики, физики и красноречия, в 1795—1797 гг. ее инспектор. В 1797 г. перешел на службу в Сенат. С 1808 г. ближайший сподвижник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Гос. Совета (1810). После того как открылась связь Сперанского с масонами, он в 1812 г. был уволен от всех должностей и арестован, в 1812—1816 гг. находился в ссылке. В 1819—1821 гг. — генерал-губернатор Сибири. С 1826 г. фактический глава 2-го отделения, руко-

водил кодификацией Основных Законов Российской империи. — 154

Спирин Иван Лаврентьевич (1873—?) — крестьянин, старообрядец белокриницкой иерархии. Депутат III Гос. Думы от Московской губ., окт. Получил домашнее образование под руководством старообрядческого епископа. Занимался кустарным производством и торговлей. Член союза старообрядческих начетчиков, член Егорьевского старообрядческого братства. Имел библиотеку духовно-религиозных полемических книг. — 322, 327, 344

Станиславский Алексей Маркианович (1865—23.05.1953) — протоиерей. Депутат III и IV Гос. Дум от Харьковской губ., прав. В 1886 г. окончил Харьковскую духовную семинарию и был рукоположен во иерея, служил сельским священником. Окончил Археологический институт, был инициатором создания в 1913 г. Харьковского епархиального церковно-исторического общества и музея. В течение многих лет до избрания в Думу был протоиереем кафедрального собора г. Богодухова, благочинным церквей Богодуховского уезда. Председатель Ревизионного комитета, наблюдатель церковно-приходских школ, депутат от духовенства в земских собраниях и городской думе. Директор тюремного комитета и блюститель за преподаванием Закона Божия в средних и низших учебных заведениях. В 1905 г. организовал в Богодухове отделение «Союза русского народа». Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. Член Всеукраинского собора 1918 г. и Поместного Собора 1945 г. С 1946 г. — консультант при Хозяйственном управлении Св. Синода. С 1948 г. — член Пенсионного комитета Св. Синода. — 140, 179, 297, 320, 323, 324, 343, 345, 354, 355

Стахович Александр Александрович (1858—1915) — помещик, журналист. Депутат II Гос. Думы от Орловской губ., к.-д., входил в бюджетную, продовольственную комиссии и комиссию по народному образованию. В 1895—1904 гг. — предводитель дворянства Елецкого уезда. Благодаря его деятельности Елецкий уезд занимал 1-е место в губернии по народному образованию. Участник земских съездов 1904—

1905 гг. Один из учредителей «Союза освобождения». Сотрудничал в кадетских органах: газете «Русские Ведомости», журнале «Русская Мысль» и др., издавал «Елецкую Газету». — 319

Стахович Михаил Александрович (08.01.1861—23.09.1923) — умеренный либерал. Депутат I и II Гос. Дум от Орловской губ., мирн. обн. В 1895—1907 гг. — предводитель дворянства Орловской губ. Окончил Императорское училище правоведения. Играл видную роль в земском движении. Сначала примыкал к кадетам, затем — один из организаторов партии октябристов. Член Гос. Совета. После Февральской революции 1917 г. — финский генерал-губернатор, затем представитель Временного правительства за границей. *См. библ.* — 28—31, 35, 49, 181, 223, 318

Степнов Л. — авт. соч. — 248

Стефан, епископ Могилевский см. Стефан (Архангельский Николай Павлович), архиепископ

Стефан (Архангельский Николай Павлович) (22.07.1861—18.06.1914) — архиепископ Курский и Обоянский, духовный писатель. В 1885 г. окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Симбирского духовного училища. С 1896 г. — преподаватель Кутаисской духовной семинарии. В 1897 г. удостоен степени магистра богословия. 03.06.1898 — рукоположен в сан иерея целибатом. 27.11.1899 пострижен в монашество. В 1900 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Тифлисской духовной семинарии. 27.01.1902 хиротонисан во епископа Сухумского, викария Харьковской епархии. С 29.04.1904 — епископ Могилевский и Мстиславский. 04.10.1911 назначен архиепископом Курским и Обоянским. 12.01.1912 удостоен степени доктора богословия. — 256

Стишинский Александр Семенович (1857—11.01.1922) — царский чиновник, В 1873—1882 гг. служил в Государственной канцелярии, затем — в Министерстве внутренних дел. С 1896 г.— товарищ Государственного секретаря, в 1899—1904 гг. — товарищ министра внутренних дел. В правительстве Горемыкина был главноуправляющим землеустройством и земледелием. Один из организаторов «Союза русского

народа». С 1904 г. — член Гос. Совета. Сразу же после Февральской революции был арестован как царский сановник, после освобождения уехал в Полтаву, жил в Крыму, принимал участие в Белом движении, затем эмигрировал в Константинополь, где и умер. — 179, 223

Столыпин Петр Аркадьевич (02.04.1862—05.09.1911) — русский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель правительства с 1906 г. Был смертельно ранен эсером Д. Богровым. — 87, 88, 92, 93, 97, 108, 129, 189—192, 195, 295

Столыпина Ольга Борисовна (урожденная Нейдгарт) (12.07.1859—12.10.1944) — жена П. А Столыпина, фрейлина. Умерла в Париже. — 190

Сторчак Иван Иванович (1862—?) — крестьянин, столяр. Депутат III Гос. Думы от Херсонской губ., к.-д., член комиссии по борьбе с пьянством. — 344

Субботин Николай Иванович (13.11.1827—30.05.1905) — профессор, доктор богословия. В 1852 г. окончил Московскую духовную академию, где впоследствии был профессором по кафедре истории и обличения раскола. С 1873 г. — доктор богословия. Автор многочисленных трудов по истории раскола и православной полемики против него. *См. библ.* — 27, 34, 35

Суворов Николай Семенович (1848—1909) — канонист. Профессор церковного права Московского университета, доктор церковного права. Окончил Петербургский университет. Автор трудов и учебника по церковному праву. — 16

Сувчинский Корнилий Евтихиевич (1856—13.10.1917) — помещик. Депутат III и IV Гос. Дум от Киевской губ., умер., нац., председатель переселенческой комиссии. Член Гос. Совета. В 1879 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел. Знаток крестьянского и переселенческого дела. — 335

Сурков Петр Ильич (1876—1946) — крестьянин с. Родники Курской губ., рабочий-ткач. Депутат-большевик III Гос. Думы от рабочих, был выборщиком I и II Гос. Дум, с.-д. Окончил сельскую школу, с 15 лет работал в своем селе на ткацкой

фабрике. Сотрудничал в легальной большевистской газете «Звезда», выходившей в Петербурге. После Октябрьской революции — беспартийный, работал в ряде советских учреждений. — 135

Сушков Михаил Андреевич (1848—?) — мещанин-ремесленник, гончар. Депутат III Гос. Думы от Курской губ., прав. Окончил уездное училище. 30 лет состоял гласным городской думы. Член «Союза русского народа». — 342, 344

Сырнев Сергей Владимирович (1858—?) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Вятской губ., прав. После окончания духовной семинарии 4 года преподавал в Яранском духовном училище. В 1884 г. рукоположен во иерея. До 1893 г. — сельский священник, затем служил в городах Котельниче и Орлове. С 1904 г. — протоиерей, благочинный, председатель епархиального училищного совета. — 345

Сытин Осип Михайлович (1860—?) — торговец. Депутат II Гос. Думы от Симбирской губ., труд. Занимался мелкой торговлей и земледелием. — 318

Таганцев Николай Степанович (19.02.1843—22.03.1923) — доктор уголовного права, профессор Петербургского университета, известный ученый-криминалист, член Гос. Совета, сенатор. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, стажировался за границей. — 57, 223

Танцов Александр Захарович (1860—?) — землевладелец. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Смоленской губ., окт., секретарь комиссии государственной обороны в III Думе. Окончил юридический факультет Московского университета с золотой медалью, занимался изучением политической философии и иностранного законодательства под руководством М. М. Ковалевского. В 1886 г. поступил на государственную службу. Гласный Смоленского уездного и губернского земств, редактор «Смоленской Газеты». — 55, 319, 330, 343

Таубе Михаил Александрович (15.05.1869—29.11.1961) — барон, профессор, доктор международного права, сенатор, член Гос. Совета, прав., товарищ министра народного просвещения. После революции эмигрировал в Германию, затем переехал во Францию. Умер в Париже. — 220

Тверской П. А. — русский помещик, эмигрировавший в 1881 г. в Америку. Сотрудничал в журнале «Вестник Европы». — 33

Тенишев Вячеслав Вячеславович (1878—?) — князь. Депутат III Гос. Думы от Орловской губ., окт. В 1901 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, затем продолжил образование за границей. С 1904 г. уездный предводитель дворянства. — 343

Терашкевич — католический епископ. — 213

Тернавцев В. А. — в 1902—1917 гг. сотрудник канцелярии Св. Синода. *См. библ.* — 30, 32

Тесленко Николай Васильевич (1870—1942) — адвокат, с момента образования партии кадетов — бессменный член ее ЦК. Депутат II Гос. Думы от Москвы, председатель комиссии свободы совести. Окончил юридический факультет Московского университета. Известный криминалист. Сотрудничал в газете «Русские Ведомости». Товарищ министра юстиции во Временном правительстве. После Октябрьской революции эмигрировал. В эмиграции банковский деятель. Глава объединения русских адвокатов во Франции. С 1933 г. председатель Пражского комитета помощи российским писателям и ученым. Масон. Похоронен в Париже. — 49, 318, 319

Тигранян (Тигранов) Сиракан Фаддеевич (1875—?) — педагог, юрист. Депутат II Гос. Думы от Эриванской губ., с.-р. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Преподаватель юридических и философских наук в Эчидзинской духовной семинарии. — 318

Тимирев Константин Николаевич (1871—?) — землевладелец. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Новгородской губ. окт. В 1884 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1896—1906 гг. — земский начальник. Знаток крестьянского дела. — 342

Тимошкин Федор Федорович (1872—?) — крестьянин-коммерсант. Депутат III Гос. Думы от русского населения Закавказья, прав. В 11 лет остался сиротой, получил домашнее образование. Член головного совета «Союза русского народа», член Русского собрания и окраинного союза. — 335, 343, 344

Титов Иван Васильевич (18.03.1879—18.10.1948)— священник. Депутат III и IV Гос. Дум от Пермской губ. В IV Думе священником уже не значился. В Думе принадлежал к фракции прогрессистов, входил в комиссии народного образования, по делам Православной Церкви и др. Окончил Пермскую духовную семинарию. В 1901 г. рукоположен во иерея к Кунгурскому собору. За отправление государю императору телеграммы о смягчении участи приговоренных к расстрелу во время предвыборной кампании был запрещен в священнослужении. После выборов в III Думу, желая поступить в университет, просил разрешения, не снимая сана, поступать в него, но в этом было отказано. Летом 1912 г. снял сан без положенного увещевания. После революции в эмиграции. По словам о. Бориса Старка, «Титов оказался после революции в Париже, конечно, не служил, а зарабатывал себе на хлеб тем, что организовал свой хор, который успешно выступал с концертами. Во время войны оказался без работы, и был приглашен в Русский дом в Париже вторым псаломщиком. Когда после смерти владыки Евлогия (Георгиевского) Московским экзархом был назначен митрополит Серафим (Лукьянов), то подняли вопрос о том, чтобы о. Иоанну разрешили служить, о. Иоанн был восстановлен в священном сане, несколько раз служил с митрополитом Серафимом, а после смерти отпет священническим чином». — 239, 240, 262, 298, 321, 330—332, 347

Тихвинский Федор Васильевич (1862—?) — бывш. священник, член Всероссийского крестьянского союза. Депутат II Гос. Думы от Вятской губ., труд. Священник с. Чудинова Орловского уезда, за либеральные взгляды находился в опале, за что был переведен служить из Уржумского уезда в село. Законоучитель местной гимназии. Участвовал в издании газеты «Трудовой Народ» (1907). В Думе выступал с речами по аграрному вопросу и за отмену смертной казни. После роспуска Думы за политическую деятельность был лишен священного сана. — 318, 319

Тихомиров Лев Александрович (19.01.1852—16.10.1923) — народоволец, затем религиозный публицист и философ. В 1870—1880 гг. — один из главных идеологов революцион-

ной партии «Земля и воля», член Исполкома партии «Народная воля». После разгрома партии в 1881—1882 гг. эмигрировал в Париж. За границей Тихомиров пережил духовный перелом и поворот к православию. Он публично отрекся от своих революционных взглядов и в 1888 г. написал работу «Почему я перестал быть революционером», направил царю личное покаянное послание и в том же году получил разрешение вернуться в Россию, где написал многочисленные книги и статьи православно-монархического содержания. С 1909 по 1918 г. — редактор и издатель монархической газеты «Московские ведомости». Автор книг «Монархическая государственность» (1905) и «Религиозно-философские основы истории» (1918). Умер в Сергиевом Посаде. *См. библ.* — 290

Тихон, епископ Костромской см. Тихон (Василевский Николай), архиепископ

Тихон (Василевский Николай) (01.05.1867—17.07.1927) — архиепископ Курский и Обоянский, обновленческий «митрополит» Киевский и Галицкий. В 1891 г. окончил Киевскую духовную академию, кандидат богословия, инспектор Ладинского епархиального женского училища. С 1892 г. — учитель Херсонского духовного училища. С 1893 г. — учитель Полтавского духовного училища. 28.06.1895. пострижен в монашество. 17.07.1895 рукоположен во иеромонаха. С 1895 г. — инспектор Томской духовной семинарии. С 1897 г. — инспектор Минской духовной семинарии. В 1898 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Минской духовной семинарии. С 09.12.1899 — председатель Минского епархиального учительского совета. 26.05.1903 хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии. 16.06.1905 — епископ Костромской и Галичский. 11.07.1914 возведен в сан архиепископа. 11.07.1914 г. — архиепископ Курский и Обоянский. С 15.05.1917 архиепископ Курский и Белгородский; с 02.09.1917 на покое. С 1917 г. епископ Воронежский и Задонский. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол и был возведен в сан обновленческого «митрополита» Киевского. Возглавлял Гомельскую, Воронежскую, Киевскую обновленческие кафедры. Скончался на Воронеж-

ской обновленческой кафедре без воссоединения с Православной Церковью. — 259

Тихонов Евтихий Иванович (1857—?) — землевладелец. Депутат III Гос. Думы от Терской области, окт. Окончил юнкерское училище, подъесаул. Инициатор Червленских казачьих съездов. Занимался сельским хозяйством, виноделием. — 327

Тичер Н. — авт. соч. — 114

Ткачев Андрей Никитич (1843—24.02.1911) — присяжный поверенный, землевладелец. Депутат III Гос. Думы от Псковской губ., прав., нац. В 1866 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, преподавал историю в гимназиях Санкт-Петербурга. В 1875 г. издал руководство по истории «Греция и Рим». В 1880—1896 гг. занимался адвокатурой, потом поселился в своем имении и занялся сельским хозяйством, земской деятельностью. В 1901 г. устроил в своем имении двухклассное министерское училище. — 69, 71, 72, 322, 324

Толстой Дмитрий Андреевич (01.03.1823—25.04.1889) — граф, государственный деятель. Окончил Императорский Александровский лицей с золотой медалью. 01.02.1843 определен на службу в Канцелярию Его Императорского Величества по управлению учебных и благотворительных заведений. 05.01.1848 ему было поручено составление истории иностранных исповеданий в России. Сенатор. 03.06.1865—04.04.1880 — обер-прокурор Св. Синода, а с 1866 г. одновременно и министр народного просвещения; провел ряд реформ начальной и средней школы. 25.04.1882 назначен президентом Императорской АН. С 30.05.1882 — министр внутренних дел и шеф жандармов. — 117

Толстой Лев Николаевич (28.08.1828—07.11.1910) — русский писатель. *См. библ.* — 29

Томилов Иван Семенович (1873—?) — мелкий чиновник из крестьян. Депутат III Гос. Думы от Архангельской губ., сначала кадет, затем перешел к трудовикам, был избран в комиссии рыболовную и законодательных предложений. Служил в Санкт-Петербурге по лесному делу, где слушал курсы в коммерческом училище. — 335

Трегубов Александр Лаврентьевич (1874—?) — священник. Депутат III и IV Гос. Дум от Киевской губ., окт., прав., нац., секретарь переселенческой комиссии. В 1895 г. окончил Киевскую духовную семинарию, 3 года был сельским учителем. В 1898 г. рукоположен во иерея к церкви с. Кашперевка Киевской губ. После поездки для ознакомления с жизнью переселенцев и их религиозными нуждами написал книгу «Впечатления и заметки по поездке в Семипалатинск и Семиреченской области». — 271, 272, 320, 322, 346, 354

Троицкий Александр Ильич (1871—?) — священник. Депутат III Гос. Думы от Тверской губ., окт. Окончил в 1894 г. Тверскую духовную семинарию. 5 лет был земским учителем. В 1899 г. рукоположен во иерея к соборной церкви г. Зубцова, где служил до выборов в Думу. — 330

Троицкий Сергей Викторович (14.03.1878—27.11.1972) — выдающийся русский канонист, доктор богословия. Окончил Санкт-Петербургский археологический институт и Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1901—1915 гг. — преподаватель Санкт-Петербургского Александро-Невского духовного училища. 29.09.1906 причислен к канцелярии Св. Синода. Член учебного комитета. 16.05.1913 командирован на Афон вместе с архиепископом Никоном (Рождественским) по делу имяславцев (имябожников). Каноническую оценку имябожническому движению он дал в своих трудах, изданных в Санкт-Петербурге в 1914 г. «Учение афонских имябожников и его разбор», «О именах Божиих и имябожниках», «Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и „относительное" поклонение», «Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и имябожники». После революции был приват-доцентом Новороссийского университета. 25.01.1920 эмигрировал в Югославию, профессор юридического факультета Белградского университета по кафедре церковного права (до 06.11.1945), эксперт по каноническим вопросам. С 1948 г. работал в качестве сотрудника Сербской Академии наук. В 1947—1948 гг. профессор Московской духовной академии по кафедре церковного права, состоял членом Отдела внешних сношений Русской Православной Церкви. В 1949 г. выехал в Югославию. Регулярно приезжал

в СССР в научные командировки, сотрудничал в «Журнале Московской Патриархии». Скончался в Белграде. — 299

Трошин А. — авт. соч. — 146

Трубников Юрий (Георгий) Владимирович (25.11.1857—?) — член Гос. Совета с 1906 г. от дворянства г. Казани. Окончил Александровский лицей. Бывший земский начальник. Член ЦК «Союза 17 октября». — 55

Тукаев Мухамед-Шакир Мухамедхарисович (1862—?) — мусульманин, башкир, земледелец и торговец. Депутат II и III Гос. Дум от Уфимской губ., мусульманская группа. Был ахуном. — 319, 322

Тучков Николай Николаевич (1869—?) — помещик. Депутат II и IV Гос. Дум от Ярославской губ., к.-д., окт. Окончил кадетский корпус и военное училище. С 1893 г. уездный земский начальник, в 1896—1899 гг. — председатель Угличской уездной земской управы, с 1899 г. — предводитель дворянства в Угличском уезде. — 319, 350

Тычинин Василий Константинович (1864—?) — Депутат III Гос. Думы от Гродненской губ., нац. Окончил в 1890 г. Киевскую духовную академию, кандидат богословия. Служил преподавателем духовных семинарий. С 1898 г. инспектор народных училищ. — 103, 140, 323, 343

Уваров Алексей Алексеевич (1859—?) — граф, крупный помещик, земский деятель, чиновник Министерства внутренних дел при Плеве. Депутат III Гос. Думы от Саратовской губ. В Думе был сначала во фракции октябристов, потом перешел к беспартийным и наконец примкнул к прогрессистам; входил в комиссии местного самоуправления, городскую и др., считался одним из лучших думских ораторов. Окончил в 1883 г. юридический факультет Московского университета. Чиновник особых поручений при варшавском губернаторе. — 64, 235, 335, 343

Уваров Сергей Семенович (25.08.1786—04.09.1855) — граф, в 1818—1855 гг. — президент Петербургской АН. В 1833—1849 гг. министр народного просвещения. Занимался научной деятельностью, им опубликован ряд работ по древнегреческой литературе и археологии. Автор формулы: «Право-

славие, самодержавие, народность». В период его пребывания на должности министра просвещения было положено начало реальному образованию, был организован Киевский университет, восстановлен порядок командировок ученых за границу. Инициатор принятия устава университетского образования 1835 г. и ужесточения цензуры. — 13

Уваров Федор Алексеевич (04.05.1866—?) — граф, член Гос. Совета. Окончил Московский университет и Казачье военное училище. Занимался сельским хозяйством. Хорунжий терского казачьего войска. 12.08.1914 ушел добровольцем на войну в чине младшего офицера в составе своего полка. — 127, 179

Удовицкий Гавриил Гавриилович (1873—?) — казак-земледелец. Депутат III Гос. Думы от Полтавской губ., окт. Участник русско-японской войны, Георгиевский кавалер. — 258, 343

Урусов — князь, чиновник Министерства иностранных дел. — 300

Успенский Василий Васильевич (1877—?) — профессор по кафедре пастырского богословия и педагогики Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1900 г. — 32

Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1871) — русский педагог, основоположник научной педагогики в России. В 1844 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1846—1849 гг. — профессор Ярославского Демидовского лицея, с 1854 г. — преподаватель и инспектор Гатчинского сиротского института, в 1856—1862 гг. — инспектор классов Смольного института. Основа его педагогической системы — идея народности воспитания, центральное место в которой он отводил изучению родного языка. Автор книг для первоначального обучения и других педагогических работ. Его фундаментальный труд — «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» явился первым в России оригинальным систематическим изложением научной педагогики. — 167

Ф. Б. — авт. соч. — 253

Фелькерзам Гамилькар Евгеньевич (1854—?) — барон, немец. Депутат III и IV Гос. Дум от Курляндской губ., окт. Окончил

юридический факультет Юрьевского университета. Председатель Совета курляндского кредитного общества. — 323, 351

Феодор Иоаннович (1557—1598) — последний русский царь с 1584 г. из династии Рюриковичей. — 259

Феодосий, епископ Смоленский см. Феодосий (Феодосиев), архиепископ

Феодосий (Феодосиев Николай Иванович) (03.11.1864—1942) — архиепископ Виленский и Лидский. Родился в Черниговской губ. В 1890 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и назначен преподавателем Черниговского духовного училища. С 1893 г. — помощник смотрителя того же училища. 13.12.1897 пострижен в монашество и 25.12.1897 рукоположен во иеромонаха. В 1898 г. назначен инспектором Минской духовной семинарии, в 1899 г. — ректором Тульской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 23.03.1903 хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. С 03.09.1907 — епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии. 20.02.1908 — епископ Смоленский и Дорогобужский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. С 1918 — архиепископ. В 1919 г., опасаясь преследований, бежал в Киев. В 1923 г. выехал в Польшу и примкнул к польским автокефалистам. В 1923—1939 гг. — архиепископ Виленский и Лидский, юрисдикции Польской автокефальной Церкви, с 1939 г. на покое. Скончался в Вильнюсе. — 142

Феоктистов Е. М. — чиновник Министерства народного образования. — 118

Феофан (Быстров), епископ см. Феофан (Быстров Василий Дмитриевич), архиепископ

Феофан (Быстров Василий Дмитриевич) (1872—06.02.1940) — архиепископ Полтавский и Переяславский. В 1896 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, оставлен при академии профессорским стипендиатом. В 1898 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1901 г. возведен в сан архимандрита и определен инспектором СПбДА. В 1905 г. удостоен степени магистра богословия и звания экстраординар-

ного профессора. 04.02.1909 назначен ректором СПбДА. 22.02.1909 хиротонисан во епископа Ямбургского, четвертого викария Петроградской епархии. С 19.11.1910 — епископ Таврический и Симферопольский. С 25.06.1912 — епископ Астраханский и Енотаевский. С 08.03.1913 — епископ Полтавский и Переяславский. В конце 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. эмигрировал за границу, поселился на Афоне, где и скончался. — 288

Филарет, митрополит см. Филарет (Дроздов Василий Михайлович), митрополит

Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (26.12.1783—19.11.1867) — свт., митрополит Московский и Коломенский, выдающийся церковный деятель, богослов, философ, историк, участник составления манифеста 1861 г. об отмене крепостного права. Родился в г. Коломне в семье диакона. Окончил Коломенскую и Троице-Сергиеву духовные семинарии, Московскую духовную академию. В 1808 г. пострижен в монашество. Инспектор и профессор Санкт-Петербургской духовной академии. В 1812 г. назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии с возведением в сан архимандрита. Приобрел популярность как проповедник. 05.08.1817 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 15.03.1819 — архиепископ Тверской и Кашинский. В 1819—1840 гг. — член Св. Синода. С 26.09.1820 архиепископ Ростовский и Ярославский. С 03.07.1821 — архиепископ Московский и Коломенский; с 22.08.1826 — митрополит. Способствовал ликвидации униатской церкви в Белоруссии и на Украине, непримиримо боролся с расколом. Способствовал усилению церковного влияния на народное образование. Трудился над переводом Библии на русский язык, составил Православный катехизис. Автор многих богословских трудов. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1994 г. — 22, 23, 289

Филиппов Т. И. — делопроизводитель при В. И. Шемякине. — 118

Филоненко Федор Димитриевич (1869 — после 1930) — протоиерей. Депутат IV Гос. Думы от Подольской губ., нац. По окончании Воронежской духовной семинарии служил в

сельском приходе Подольской губ., был надзирателем в Подольском духовном училище (Каменец-Подольск), законоучителем в коммерческих училищах. С 1917 г. — присутствующий член Св. Синода, созванного В. Н. Львовым, был одним из организаторов «Союза демократического духовенства и мирян», принадлежал к либеральному крылу столичного духовенства. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., член Собора по должности (как присутствующий в Св. Синоде) и по участию в Предсоборном Совете. В 1919—1924 гг. — настоятель церкви Божией Матери Милующей в Гавани в Петрограде. В 1923—1924 гг. находился под арестом. После освобождения из заключения служил в 1928—1930 гг. в храмах Ленинграда. — 272, 273, 346

Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — публицист, один из организаторов Религиозно-философских обществ, издатель журналов «Мир искусства», «Новый путь». Сотрудник многих либеральных периодических изданий. Ближайший друг и соратник Д. Мережковского и З. Гиппиус, пути с которыми в эмиграции разошлись. *См. библ.* — 32

Флавиан, митрополит см. Флавиан (Городецкий Николай Николаевич), митрополит

Флавиан (Городецкий Николай Николаевич) (26.07.1840—04.11.1915) — митрополит Киевский и Галицкий. Родился в дворянской семье. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, но на четвертом курсе отправился в Николо-Угрешский монастырь, где был принят в число послушников. 10.12.1863 перешел послушником в Симонов монастырь. 17.02.1866 пострижен в монашество. 09.04.1867 рукоположен во иеромонаха в Казанском Спасо-Преображенском монастыре. 06.06.1873 назначен членом Пекинской миссии, где в течение 10 лет проходил миссионерское служение. 02.12.1879 назначен начальником миссии с возведением в сан архимандрита. В 1884 г. возвратился в Россию. 02.02.1885 хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. С 29.06.1885 — епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии. С 14.12.1891 — епископ Холмский и

Варшавский. 15.05.1892 возведен в сан архиепископа. С 21.02.1898 — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С 10.11.1901 — архиепископ Харьковский и Ахтырский. С 01.02.1903 — митрополит Киевский и Галицкий. Член Св. Синода. — 7, 142, 236, 275

Фомичев Михаил Михайлович (1882—?) — рабочий, социал-демократ, меньшевик. Депутат II Гос. Думы от Таврической губ. В Думе входил в аграрную комиссию и комиссию по церковным делам. — 319

Фомкин Иван Алексеевич (1876—?) — крестьянин. Депутат III Гос. Думы. от Тамбовской губ., умер.-прав., нац. Окончил городское училище. Волостной старшина. Занимался торговлей и сельским хозяйством. Товарищ председателя тамбовского отделения «Союза русского народа». — 335

Фоневич — профессор. — 203

Форстер Вильям-Эдуард (1818—1886) — английский политический деятель, принимал деятельное участие в реформе английского народного образования. Способствовал принятию закона «Elementary Education Bill», который был назван его именем. Закон Форстера положил начало государственной школьной системе — обязательного обучения детей от 5 до 12 лет. — 113

фон Фрейман Рудольф Владимирович (? — 11.07.1934) — барон. Управляющий делами Его Императорского Величества канцелярии по принятию решений, окт. Сенатор (член судебного департамента Сената). После революции в эмиграции. — 55, 57

Фридман Нафталь Маркович (1863—?) — присяжный поверенный г. Поневежа. Депутат III и IV Гос. Дум от Ковенской губ., к.-д. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. — 322

Фриш Эдуард Васильевич (26.01.1852—31.03.1907) — дворянин, лютеранин, сенатор. Окончил Императорское училище правоведения. Член Гос. Совета, статс-секретарь, с 01.01.1883 — министр финансов. — 36

Харламов Василий Акимович (1875—13.03.1957) — преподаватель истории и географии в гимназиях. Депутат I, II, III и IV

Гос. Дум от области Войска Донского, к.-д., товарищ секретаря III Думы. Окончил Московскую духовную академию и исторический факультет Московского университета. Председатель общества содействия народному образованию. Занимался археологией и исследованием Дона. Член предпарламента. В начале 1920 г. входил в министерство при правительстве генерала А. И. Деникина. С 1920 г. в эмиграции. Читал лекции по русской истории в Пражском университете. После Второй мировой войны переехал в Аргентину. — 319, 324, 326, 330, 347, 350

Хомяков Алексей Степанович (01.05.1804—23.09.1860) — русский поэт, публицист, религиозный философ, один из идеологов славянофильства. — 29

Хомяков Николай Алексеевич (19.01.1850—1925) — крупный помещик, окт. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Смоленской губ., окт., был председателем III Думы до марта 1910 г. Сын известного поэта-славянофила. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1886—1896 гг. — смоленский губернский предводитель дворянства. В 1896—1902 гг. — директор департамента земледелия в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Уполномоченный Красного Креста в русско-японскую войну. В 1906 г. — член Гос. Совета. В 1918—1920 гг. возглавлял общество Красного Креста в Добровольческой армии. После 1920 г. в эмиграции. — 99, 290, 350

Хржановский Эдуард Викентьевич (1843—?) — католик, член Гос. Совета от землевладельцев Царства Польского в 1910—1912 гг., польское коло. — 223

Центнер Фома Францевич (1864—?) — землевладелец, управляющий имением. Депутат II Гос. Думы от Херсонской губ., окт. Имел низшее образование. — 319

Четвериковы — семья купцов-старообрядцев. — 26

Чернышев Лев — старообрядческий протоиерей. — 44

Чертков — генерал-губернатор Варшавы. — 189, 200

Чихачев Дмитрий Николаевич (14.05.1876—10.1918) — камер-юнкер Двора Его Величества. Депутат III и IV Гос. Дум от

Подольской губ., лидер фракции националистов. Окончил Александровский лицей с золотой медалью. С 1911 г. председатель Западно-русского общества, провозгласившего своей задачей защиту интересов православного населения Западного края и Царства Польского. В III Думе выступал в защиту сохранения церковно-приходской системы начального образования, за единство «религии и школы». Осенью 1917 г. принял участие в организации Добровольческой армии. Офицер казачьей части. Погиб в одном из первых боев. *См. библ.* — 158, 179, 191, 196, 198, 199, 214, 217, 222, 335, 342

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, историк, философ, почетный член Петербургской АН. В 1840—1850-х годах член московского кружка западников. В 1861—1868 гг. — профессор Московского университета. Основоположник «государственной школы» в российской историографии. Сторонник конституционной монархии. Труды по истории государственного права, политических учений. — 150

Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864—1926) — один из лидеров меньшевизма. Депутат III и IV Гос. Дум от Тифлисской губ., возглавлял меньшевистскую фракцию в IV Думе. В социал-демократическом движении с 1892 г. После II съезда РСДРП — меньшевик. В 1916—1918 гг. — центрист. Член Временного комитета Гос. Думы, оборонец. После Октябрьской революции председатель Учредительного собрания Грузии. В 1921 г., после установления советской власти в Грузии, эмигрировал в Париж, покончил жизнь самоубийством. — 238, 239

Шавельский Георгий Иванович (06.01.1871—02.10.1951) — протопресвитер военного и морского духовенства. В 1891 г. окончил Витебскую духовную семинарию и был назначен псаломщиком в сельскую церковь. В 1895 г. рукоположен во иерея, настоятель храма в селе Бедрица Витебской губ. В 1898 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Во время учебы служил и проповедовал в храмах столицы, был настоятелем храма при Академии Генерального штаба. В 1904—1906 гг. — главный священник Маньчжур-

ской армии, награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. С 1906 г. настоятель Суворовской церкви в Санкт-Петербурге, одновременно законоучитель в различных учебных заведениях. 1909 — член Епархиального миссионерского совета. 1910 — член Духовного правления военного протопресвитера. С 1911 г. — протопресвитер армии и флота. 1915—1917 — член Св. Синода. 01.03.1917 был арестован Временным правительством в числе царских сановников, вскоре освобожден. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. В августе 1918 г. после освобождения от должности протопресвитера военного и морского духовенства возвратился в свое имение, откуда пробрался в ставку Деникина и возглавил военное духовенство Добровольческой армии. В 1919 г. — организатор и участник Ставропольского Юго-Восточного русского церковного собора. В начале 1920 г. Врангелем был освобожден от управления военным духовенством и отправлен за границу для окормления русских беженцев, обосновался в Болгарии, где служил в русском храме Софии, преподавал в духовной семинарии, был профессором богословского факультета Софийского университета. 1921 — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора, но в заседаниях участия не принимал. 1926 — председатель Софийской академической группы. В 1927 г. перешел в юрисдикцию митрополита Софийского. Скончался в Софии. — 273

Шапиро Яков Нахимович (1865—?) — купец. Депутат II Гос. Думы от Курляндской губ., к.-д. Окончил Московский и Юрьевский университеты. Принимал деятельное участие в местной прессе по вопросам социальной политики. — 319

Шарапов Сергей Федорович (1855—1911) — публицист, издатель газет «Русское Дело», «Русский Труд» и ряда периодических сборников. — 243

Шатилов Иосиф Николаевич (1824—1889) — сельский хозяин и общественный деятель. В 1843 г. окончил Харьковский университет, стал заниматься сельским хозяйством. С 1864 г. — президент Московского общества сельского хозяйства, один из инициаторов создания Петровской земледельческой академии (ныне Тимирязевская). — 118

Шварц Александр Николаевич (1848—1915) — государственный деятель царской России, по образованию филолог. Несколько лет был преподавателем. В 1908—1910 гг. — министр народного просвещения. Провел ряд реформ в области средней и высшей школы. — 179

Шебеко Игнатий-Людовик Альбертович (21.10.1857 — ?) — католик, присяжный поверенный, член Гос. Совета от земледельцев Царства Польского, польское коло. Окончил Александровский лицей. Бывший товарищ прокурора. Совладелец и представитель торгового дома, вице-председатель Варшавско-Венской железной дороги. — 223

Шевцов Филипп Тимофеевич (1868—?) — крестьянин-хлебопашец. Депутат III Гос. Думы от Могилевской губ., нац. Окончил народное училище. — 344

Шеин В. П. см. Сергий (Шеин), архимандрит

Шемякин В. И. — делопроизводитель. — 118

Шепелев Иван Васильевич (1861—?) — помещик. Депутат II Гос. Думы от Калужской губ., окт. Получил среднее образование. Гласный уездного земского собрания. Служил земским начальником. Предводитель дворянства. — 55

Шереметьев Сергей Дмитриевич (14.11.1844—17.02.1918) — граф, егермейстер, историк и археолог, почетный член Академии Наук, начальник придворной певческой капеллы, член Гос. Совета, глава Общества древней письменности, основатель Общества ревнителей русского исторического просвещения. Председатель Археографической комиссии при Министерстве народного просвещения, товарищ председателя Русского Генеалогического Общества. Председатель Комитета попечительства о русской иконописи. — 290

Шечков Георгий Алексеевич (01.08.1856—05.07.1920) — помещик. Депутат III и IV Гос. Дум от Курской губ., прав. Окончил в 1881 г. юридический факультет Московского университета. Почетный мировой судья и земский гласный. Предводитель дворянства. Член «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела». Был арестован Петлюрой и 2 месяца отсидел в тюрьме. После освобождения скончался от сердечного приступа. — 96, 328, 330, 335

Шидловский Сергей Илиодорович (1861—16.01.1922) — действительный статский советник. Депутат III и IV Гос. Дум от Воронежской губ., товарищ председателя III Думы, председатель думской группы октябристов и представитель левых октябристов в прогрессивном блоке. В 1880 г. окончил Императорский Александровский лицей. После отбывания воинской повинности и заграничной поездки поселился в деревне. В 1900—1902 гг. — член совета Крестьянского поземельного банка. 1905—1906 — директор Департамента земледелия. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг. по избранию от Гос. Думы. После революции в эмиграции, скончался в Ревеле. — 355

Шипов Дмитрий Николаевич (14.05.1851—01.01.1920) — публицист, общественный и политический деятель, камергер. Член Гос. Совета, один из организаторов «Союза 17 октября», затем один из лидеров партии мирного обновления (с 1906 г.). Окончил Пажеский корпус, в 1872 г. — юридический факультет Петербургского университета. С 1877 г. земский гласный Волоколамского уезда, затем член Московского губернского земского собрания. В 1893—1904 гг. председатель Московской губернской земской управы. В ноябре 1904 г. — председатель «частного совещания земских деятелей», высказавшегося за введение в России законосовещательного представительства. В сентябре 1906 г. из-за разногласий с А. И. Гучковым вышел из партии октябристов и перешел в партию мирного обновления. С 1906 г. — член Государственного Совета от московского земства. В 1911 г. отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции председатель Национального тактического центра. В начале 1919 г. арестован по делу «Тактического центра». Скончался во время следствия в Бутырской тюрьме. Автор мемуаров «Воспоминания и думы о пережитом» (М., 1918). — 36

Шредер Петр Петрович (1858—?) — землевладелец. Депутат IV Гос. Думы от Таврической губ., прогр. Окончил реальное училище. Потомок голландцев, поселившихся в России за 125 лет до революции. Занимался сельским хозяйством.

Председатель правления общества содержания менонитского центрального училища. — 350

Штюрмер Борис Владимирович (15.07.1848—20.08.1917) — государственный деятель царской России, крупный помещик. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. 03.10.1872 определен на службу в Министерство юстиции. С 1894 по 1902 г. губернатор Новгородской и Ярославской губерний. С 1904 г. член Гос. Совета. В 1916 г. был назначен председателем Совета Министров, министром внутренних дел и министром иностранных дел. В ноябре 1916 г. после предъявления ему обвинений в германофильстве и подготовке заключения сепаратного мира между Россией и Германией вынужден был уйти в отставку. 28.02.1917 арестован Временным правительством и заключен в Петропавловскую крепость. Несколько раз допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Умер в заключении. — 276, 277

Щербатов Николай Борисович (22.01.1868—23.06.1943) — князь, крупный помещик. Окончил Пажеский корпус. С 1907 г. — предводитель дворянства Полтавской губ., с 1912 г. — член Гос. Совета. В 1915 г. — министр внутренних дел. После революции в эмиграции, член «Совета государственного объединения России». — 273

фон Энгельгардт Оттон Маврикиевич (1860—?) — барон, домовладелец. Депутат IV Гос. Думы от Лифляндской губ., окт. Получил высшее образование. Городской голова г. Феллина. Почетный мировой судья. — 349—351

Юзефович Борис Михайлович (1843—19.10.1911) — публицист, общественный и политический деятель, представитель правых монархических организаций Киева, председатель киевского отделения «Союза русского народа». — 78

Юзьвюк Владимир Порфирьевич (1868—?) — священник. Депутат IV Гос. Думы от Виленской губ., прав. В 1890 г. окончил Литовскую духовную семинарию и рукоположен во иерея к церкви с. Михаловщина, с 1913 г. — священник в

с. Гольшаны. Благочинный. По словам Боиовича, «очень популярный среди местного населения пастырь». — 45

Юрашкевич Андрей Данилович (1854—?) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Минской губ., прав. В 1879 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия. Служил в духовном училище. С 1905 г. — ректор Минской духовной семинарии и преподаватель Минского епархиального училища. Член минского церковно-исторического комитета, председатель Николаевского братства. Известный проповедник и публицист. — 156—158, 209, 320, 323, 330, 344

Юстиниан (482 или 483—565) — византийский император с 527 г. Завоевал Северную Африку, Сицилию, Италию, часть Испании. Провел кодификацию римского права, способствовал строительству храма св. Софии в Константинополе. — 96

Яблоновский Владиславав Юлианович (1867—?) — польский публицист и литератор. Депутат III Гос. Думы от Варшавы, польское коло. Высшее образование получил за границей. В 1894 г. был арестован в Варшаве и провел несколько месяцев в заключении, был сослан в Верхнеуральск, где пробыл до 1896 г. — 208

Якимов И. С. — староста церкви в Казани. — 232

Якубов Николай Евграфович (1837—?) — протоиерей. Депутат III Гос. Думы от Вологодской губ., прав. В 1862 г. окончил Московскую духовную академию, магистр богословия. В 1862—1877 гг. преподавал философию, психологию в Вологодской духовной семинарии. С 1884 г. — настоятель кафедрального собора Вологды. Член «Союза русского народа», товарищ председателя совета отдела «Союза». — 320, 322

Якубович Вячеслав Андреевич (1868—?) — протоиерей. Депутат II, III и IV Гос. Дум от Минской губ., прав., умер., нац. После окончания в 1890 г. Минской духовной семинарии рукоположен во иерея к церкви с. Старчицы Слуцкого уезда, с 1897 г. служил в городке Петрикове Мазырского уезда. Благочинный. Член Русского окраинного союза. — 320, 322, 323, 345

Яновский Николай Николаевич (1875—?) — землевладелец. Депутат III Гос. Думы от Калужской губ., окт. В 1897 г. окончил Императорское училище правоведения. Калужский уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья. Отказался от членства в Думе в июне 1913 г. — 335

Янышев Иван Леонтьевич (15.04.1826—13.06.1910) — протопресвитер придворного духовенства, известный богослов, духовный писатель, проповедник и церковный деятель. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. После окончания академии был настоятелем церквей при различных русских посольствах в Западной Европе, где немало сделал для ознакомления западных богословов с Русской Церковью. В 1855—1858 гг. профессор богословия и философии в Санкт-Петербургском университете. В 1866—1883 гг. — ректор Санкт-Петербургской духовной академии. С 1883 г. — духовник императорской семьи и заведующий придворным духовенством. В 1899 г. по представлению Казанской духовной академии утвержден Св. Синодом в степени доктора богословия. Автор книги «Православно-христианское учение о нравственности». — 239

Ярцев Николай Иванович (1856—?) — купец. Депутат I и IV Гос. Дум от Рязанской губ., мирн. об., окт. Городской голова. — 348

Ярыгин Тимофей Никитич (1867—?) — торговец. Депутат I Гос. Думы от Ставропольской губ., центр. Окончил одноклассное министерское училище. Служил приказчиком в торговом учреждении. Инициатор и председатель общества взаимного кредита. — 350

Яцкевич Виктор Иванович (18.12.1861 — 13.11.1924) — директор Канцелярии Св. Синода. Родился в Витебской губ. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия. С 1887 г. состоял на службе в Канцелярии обер-прокурора Св. Синода. С 1898 г. — старший столоначальник, с 1903 г. — вице-директор, с 1910 г. — директор Канцелярии. С 1912 г. — член Учебного комитета при Св. Синоде. Член статистического совета МВД, директор департамента православных вероисповеданий. В 1917 г. — участвовал в работе Гос. Совета. Член Священного Собора Российской Право-

славной Церкви 1917—1918 гг. В 1918—1921 гг. работал в Ленинградском отделении центроархива ВЦИК. С 1921 г. до дня смерти — ученый секретарь Государственной археографической комиссии, заведующий ученым архивом и канцелярией. В марте 1922 г. был арестован по делу митрополита Вениамина (Казанского), но вскоре освобожден. — 75

Ячевский — управляющий варшавской канцелярией. — 190

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 7

Глава I

Вероисповедание и национальность 13
Состояние законодательства об вероисповеданиях 16
Законодательство о старообрядчестве (краткая история) 20
Старообрядчество в первые годы XX столетия 25
Религиозные сдвиги в обществе. Выступление М. А. Стаховича 28
Религиозно-философское общество 32
Манифест 26 февраля 1903 года 33
Старообрядческое совещание 30 декабря 1904 года 38
Деятельность Комитета Министров по исполнению «Указа 12 декабря» 39
Манифест 17 апреля 1905 года 43
Законопроект 50-ти членов I Государственной Думы 46
Законопроекты Министерства внутренних дел 47
Комиссия II Государственной Думы и ее решения 49
Октябристская вероисповедная комиссия 54
Старообрядческая комиссия III Государственной Думы и ее решения 58
Полемика в III Государственной Думе по старообрядческому вопросу 61
Вероисповедная комиссия III Государственной Думы 68
Борьба вокруг деятельности вероисповедной комиссии 74
Миссионерский съезд в Киеве 77
Решения вероисповедной комиссии 81
Обсуждение вероисповедного вопроса в III Государственной Думе 84
П. В. Каменский, доклад комиссии 86
Инцидент в Государственной Думе с епископом Евлогием 98
Продолжение полемики 99
Окончательная редакция вероисповедного закона 105
Обсуждение в Государственном Совете 106
Церковно-государственная печать о крушении симфонии 107
Выступление Святейшего Синода против законопроекта о свободе совести 110

Глава II. Церковно-приходские школы и всеобщее образование

Церковные народные школы в европейских странах 113
Церковно-приходские школы в России до царствования Александра III 115
Обсуждение вопроса о церковно-приходских школах в конце 70-х, начале 80-х годов 117
Указ 1884 г. и стремительное развитие церковно-приходских школ 123
Вопрос о всеобщем начальном образовании в Государственной Думе 129
Обсуждение вопроса о кредитах на церковно-приходские школы в Государственной Думе и в печати 133
Борьба в комиссии по народному образованию 139
Активизация Святейшего Синода в борьбе за церковно-приходские школы 141
Вопрос о кредитах в Бюджетной комиссии 143
Проект о всеобщем начальном образовании 145
Доклад комиссии по народному образованию (Е. П. Ковалевский) 147
Доклад комиссии по делам Православной Церкви (В. Н. Львов) 149
Выступление священника А. Д. Юрашкевича 156
Позиции фракций националистов (Д. Н. Чихачева), к.-д. (П. Н. Милюков), октябристов (Д. А. Леонов) 158
Отстаивание церковных интересов еп. Евлогием 160
Продолжение полемики по принципиальным вопросам 166
Итоги обсуждения 175
Принятие Думой законопроекта о начальном образовании 177
Полемика за пределами Думы 178
Обсуждение в Государственном Совете и Согласительной Комиссии 179
Провал законопроекта о всеобщем образовании 182
Судьба церковно-приходских школ после февральской революции 184

Глава III. Законопроект о выделении Холмщины

Законопроект о выделении Холмщины. Отношение к нему правительства и общества 188
Рассмотрение законопроекта в Думской комиссии 193
Доклад Д. Н. Чихачева 196
Изложение Л. П. Дымшей позиции польских националистов 198
Выступление епископа Евлогия 202
Продолжение полемики на думской трибуне 206
Позиция прогрессистов: выступление Н. Н. Львова 211
Вторичные выступления епископа Евлогия и Д. Н. Чихачева 214

Второе чтение законопроекта в Государственной Думе 219
Третье чтение законопроекта 222
Решение Государственного Совета и утверждение закона о выделении Холмской губернии 223
Дальнейшая судьба Холмщины 225

Глава IV. Обсуждение финансовых вопросов Церкви в Думе

Обсуждение сметы Св. Синода на 1908 г. 228
Борьба Бюджетной комиссии за контроль над церковными средствами 234
Столкновения Синода с думскими либералами по бюджетным вопросам 237

Глава. V. Вопрос о реформе церковного прихода

Исторический обзор 242
Октябристы и славянофилы о реформе прихода. Положение священников в приходе 250
Материальное положение духовенства 254
Вопрос о реформе прихода и обеспечении духовенства в III Государственной Думе 257
Законодательные предположения членов IV Государственной Думы о реформе прихода 261
Святейший Синод и Совет Министров о реформе прихода 266
Обсуждение сметы Синода на 1914 год в Государственной Думе 268
Перестановки в церковном руководстве и реформа прихода 273
Последние попытки ускорить реформу прихода 276
Приходский вопрос на Поместном Соборе 1917—1918 гг. 279
Православный приход в гражданском законодательстве 284

Глава. VI. Дело епископа Гермогена

Исторический очерк 287
Обсуждение дела епископа Гермогена в Государственной Думе 294

Глава. VII. Дело «имябожников»

Исторический очерк 299
Вопрос об «имябожничестве» в Государственной Думе 303
Заключение 309
Приложение 315
Библиография 366
Биографический указатель имен 405

Лиц. ИД № 05619 от 16.08.2001 г.

Подписано в печать 05.11.2003. Формат 60x90 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Объем 35 п. л. Тираж 1500 экз. Заказ № 9151

Издательский Дом «Грааль»
141200, г. Пушкино, Московской обл., ул. Лесная, д. 5

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6